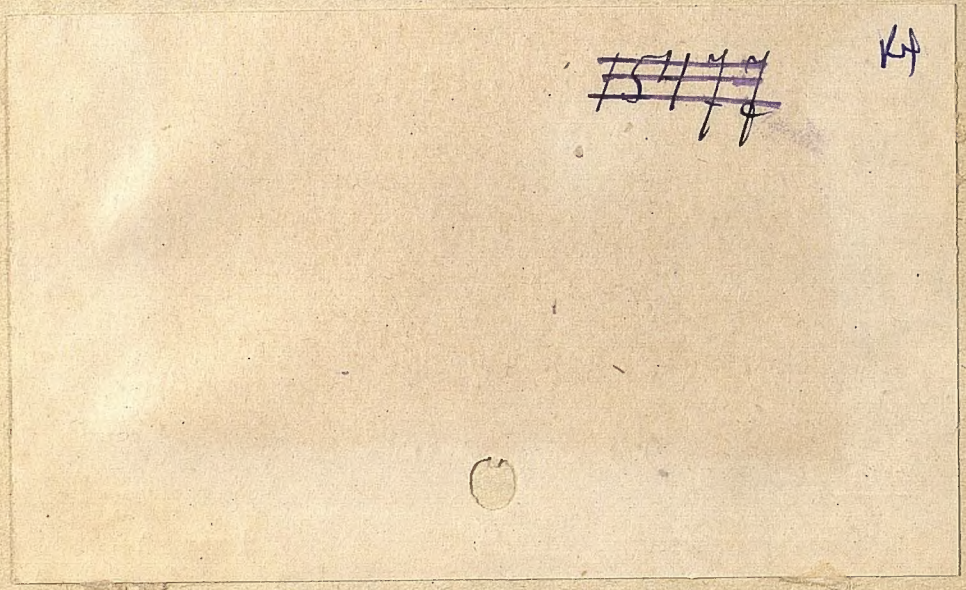
947
C 396



23 АВГ. 1931

ЧЕНИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ОСКОВСКАГО ДВОРЯНСКАГО
ИНСТИТУТА.

419 до 26/4 46
147 до 14/XII 46.

Ист. Р

П Часть

п 34 г.

НЕ ДАЕТСЯ НА ДОМ

Э. К.

ВЪ ПОМОЩЬ УЧАЩИМСЯ.

РОДНАЯ СТАРИНА.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И КАРТИНАХЪ,

съ рисунками въ текстѣ.

(съ XIV до XVI ст.)

СОСТАВИЛЪ

В. Д. Сиповскій.

49 р.

229284

ШЕСТОЕ ИЗДАНІЕ.

[Вып 2]

Московская Центральная
Публичная библиотека

947
С 396

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Д. Полубояринова.
1903.

Адресъ издателя: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 23 Февраля 1903 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ виду того, что мы избѣгали въ текстѣ всякихъ ссылокъ и подстрочныхъ примѣчаній, затрудняющихъ чтеніе, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ руководились мы при составленіи этого выпуска. Источниками служили: Полное собраніе русскихъ лѣтописей, Сказанія кн. Курбскаго, Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, Записки о Московіи Герберштейна, Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ: Московская лѣтопись Бера (Буссау), Записки Маржерета, дневникъ Маскевича и друг.; главнѣйшими пособіями—«Исторія Россіи» Соловьева и «Историческія монографіи» Костомарова. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращались мы къ Карамзину, особенно къ примѣчаніямъ его. По вопросамъ о государственномъ устройствѣ и законодательствѣ руководились мы преимущественно сочиненіями Бѣляева: «Лекціи по исторіи законодательства» и «Крестьяне на Руси». Другихъ монографій и отдѣльныхъ статей, какими приходилось намъ пользоваться по разнымъ частнымъ вопросамъ, не считаемъ нужнымъ перечислять здѣсь. Въ спорныхъ вопросахъ (напримѣръ, о личности перваго самозванца) придерживались мы взглядовъ Соловьева.

Нѣкоторые изъ очерковъ нашей книги написаны на основаніи указанныхъ пособій; но большая часть разсказовъ составлена по источникамъ, которые нерѣдко гораздо живѣе и картиннѣе представляютъ событія, чѣмъ научныя сочиненія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это нисколько не нарушало научной истины и было удобно въ педагогическомъ отношеніи, мы передавали почти дословно разсказъ источника, напримѣръ, «Паденіе Пскова» (Псковская лѣтопись); иногда составляли по нѣсколькимъ источникамъ, напримѣръ, «Покореніе Казани» (Царственная книга и Сказанія Курбскаго), или разсказывали своими словами содержаніе источника, приводя дословно только болѣе характерныя мѣста;—такъ изложены статьи: «Московія XVI ст. по разсказамъ иноземцевъ» (преимущественно по Герберштейну), статьи о Грозномъ (Лѣтописи и Сказанія Курбскаго), Домострой, статьи о смутномъ времени. Отдавая предпочтеніе фактамъ внутренней жизни предъ событіями внѣшними, мы старались по возможности подробнѣе познакомить читателей съ такими памятниками, какъ Домострой и Переписка Грознаго съ Курбскимъ, и отвели немало мѣста вопросамъ церковной исторіи, въ виду того, что въ допетровскую эпоху умственныя и нравственныя силы русскихъ людей почти исключительно сосредоточивались на церкви и религіи.

Считаемъ нужнымъ напомнить, что главною цѣлью нашей было не столько написать занимательные разсказы по русской исторіи для чтенія юношества, сколько дать полезное пособіе, которое облегчило бы знакомство съ отечественной исторіей. Двѣнадцатилѣтняя учительская практика въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ убѣдила насъ въ необходимости такой книги, которая, при общедоступномъ изложеніи, по возможности ярче и живѣе представляла бы событія, лица и внутреннюю жизнь нашихъ предковъ,—словомъ, всю родную старину, и которая могла бы послужить переходною ступенью отъ учебника и уроковъ учителя къ научнымъ сочиненіямъ по русской исторіи. Сообразно съ этой цѣлью мы не опускали ни одного вопроса, затронутаго учебниками, и старались даже не нарушать общепринятыхъ въ нихъ рубрикъ, располагали разсказы по княженіямъ.

Нашъ трудъ въ законченномъ его видѣ представитъ довольно полный альбомъ рисунковъ, изображающихъ бытовую сторону нашей исторіи. Всѣ рисунки, представляющіе эту сторону (изображенія зданій, одежды, оружія, монетъ), заимствованы нами изъ сочиненій, имѣющихъ научное значеніе. Нѣкоторые рисунки по нашему порученію сдѣланы художникомъ П. А. Антоновымъ (снимки въ уменьшенномъ видѣ съ рисунковъ Герберштейна, Олеарія и др.). Имъ же скомпанованы нѣкоторыя группы фигуръ для представленія различныхъ видовъ одежды и вооруженія (по Исторіи одежды и вооруженія русскаго войска и альбому Савваитова). Рисунковъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ задачѣ книги и служащихъ для украшенія ея, въ этомъ выпускѣ три: 1) Иванъ III и ханскіе послы (съ рисунка К. Маковскаго, въ «Нивѣ»), 2) Грозный и Сильвестръ (съ картины Плѣшанова) и 3) Грозный царь (по фотографіи со статуи Антокольскаго).

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Во второмъ изданіи, напечатанномъ нѣсколько компактнѣе перваго, сдѣланы небольшія измѣненія и дополненія въ текстѣ, но число политипажей значительно увеличено: къ прежнимъ 78 прибавлено 47 новыхъ.

КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Въ третьемъ изданіи значительно дополнены разсказы о Литвѣ, преимущественно на основаніи сочиненій гг. Антоновича и Кояловича, приложены для справокъ родословныя таблицы дома Рюрика, начиная съ Димитрія Донского, и дома Гедимина и прибавлено два большихъ политипажа на отдѣльныхъ листкахъ.

В. С.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Москва и Литва . . . . . 7—136

Княженіе Василія Димитріевича. Усиленіе Москвы. 7. —Нашествіе Тамерлана и Эдигея. 9.

Литва. Литовцы и вѣрованія ихъ. 12.—Литовцы и крестоносцы. 14. —Гедиминъ. 18.—Ольгердъ и Кейстутъ. 21.—Ягелло и Витовтъ. 24.

Княженіе Василія II (Темнаго). Усобицы между московскими князьями. 29.—Флорентійскій соборъ. 37. — Паденіе Константинополя. 41.

Княженіе Ивана III. Паденіе Новгорода. 44.—Софія Палеологъ. 56.—Конецъ татарскаго ига. 63.—Уничтоженіе удѣловъ. 69.—Борьба съ Литвою. 71.—Церковныя смуты. 76.—Внутреннія дѣла. 86.

Княженіе Василія III. Отношеніе государя къ боярамъ. 95. —Паденіе Пскова и другихъ удѣловъ. 96.—Войны съ Литвою и татарами. 102.—Церковныя дѣла. 107.—Семейныя дѣла и смерть великаго князя. 110.

Московія XV—XVI ст. по разсказамъ иноземцевъ. Страна. 112.—Пріемъ пословъ. (Встрѣча на границѣ. Пріемъ въ Москвѣ. Послы на государевомъ обѣдѣ. На охотѣ). 115.—Власть государя. 121.—Военное дѣло. 123.—Нравы и обычаи. 128.—Городъ Москва. 131.—Промышленность и торговля. 133.

II. Грозный царь . . . . . 137—239

Царствованіе Ивана IV. Правленіе Елены и бояръ. 137.—Дѣтство царя Ивана. 140.—Вѣнчаніе на царство Іоанна IV и первые годы его царствованія. 142.—Судъ и управленіе. 147.—Стоглавъ. 149.—Домострой. 152.—Покореніе Казани и Астрахани. 160.—Книгопечатаніе въ Москвѣ. 173.—Войны со Швеціей и Ливоніей. 175.—Удаленіе Сильвестра и Адашева. 179.—Измѣна Курбскаго и переписка его съ царемъ. 186.—Посланіе Курбскаго. 187.—Посланіе царя. 189.—Александровская слобода и опричники. 196.—Митрополитъ Филиппъ. 202.—Разгромъ Новгорода и московскія казни. 207.—Войны съ сосѣдями. 212.—Антоній Поссевинъ. 222.—Покореніе Сибири. 224.—Послѣдніе годы царствованія Грознаго. 231.

Стр.

III. Царь Ѳеодоръ и Борисъ Годуновъ. . . . . 240—288

Царствованіе Ѳеодора Ивановича. Боярскія смуты. 240.—Домашняя жизнь царя. 243. — Войны и сношенія съ сосѣдями. 245.—Учрежденіе патріаршества. 249.—Убіеніе царевича Димитрія. 251.—Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. 255.—Избраніе Бориса Годунова на престолъ. 261.

Царствованіе царя Бориса. 265 —Русскіе нравы и обычаи по разсказамъ иностранцевъ. 270.—Начало смутъ въ царствованіе Бориса. 277.—Лжедимитрій I. 282.

IV. Смутное время. . . . . 289—364

Царь Ѳеодоръ Борисовичъ. Измѣна Басманова и гибель Годунова. 289.

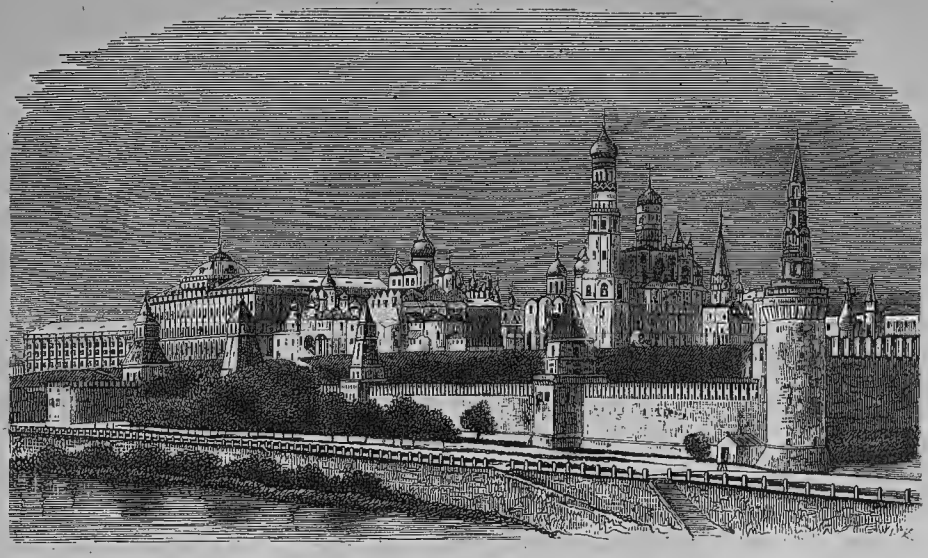
Царствованіе Лжедимитрія I. 293.—Смерть Лжедимитрія I. 300.

Полуцарь. 303.—Возстанія противъ Василія. 306.—Тушинскій воръ. 310.—Осада Троицкой лавры. 314.—Разореніе земли тушинцами. 318.—Скопинъ-Шуйскій. 320.—Сведеніе съ престола Василія Ивановича. 324.

Междуцарствіе. Поляки въ Москвѣ. 327.—Московскіе послы подъ Смоленскомъ. 330.—Патріархъ Гермогенъ. 331.—Народное движеніе противъ поляковъ. 335.—Страстная недѣля 1611 г. въ Москвѣ. 337.—Русское ополченіе подъ Москвою. 341.—Взятіе Смоленска поляками. 345.—Лихолѣтье. 348.—Мининъ и Пожарскій. 349.—Освобожденіе Москвы и избраніе царя. 356.

Родословныя таблицы.

Примѣчанія къ рисункамъ.



Московскій Кремль.

I.

Москва и Литва.

Княженіе Василія I (1389—1425).

Усиленіе Москвы.

Съ начала XIV вѣка Московская область все росла да росла. Какъ истые скопидомы, ничѣмъ не пренебрегая, ничего не упуская изъ виду, сколачиваютъ себѣ мало-по-малу достатокъ, такъ трудились и московскіе князья надъ собираніемъ Русской земли. Казалось, они думали только о себѣ, старались всякими способами захватить новые города и земли, привлечь населеніе и забрать одного за другимъ всѣхъ русскихъ князей въ свои руки. Быть можетъ, московскіе государи сначала и помышляли о своихъ лишь выгодахъ; но тѣмъ не менѣе въ ихъ рукахъ совершалось великое дѣло — собираніе русскихъ силъ въ одно цѣлое. Дѣло это стало всенароднымъ,—потому такъ и шло успѣшно. Въ Московской области лучше, чѣмъ гдѣ-либо на Руси, жилось мирному, промышленному люду, больше было тишины и порядку; въ московскихъ князьяхъ народъ привыкъ видѣть хорошихъ, домовитыхъ и расчетливыхъ хозяевъ, которые себя не забывали но и рабочихъ не тѣснили,—и потому всѣ, кому дорога была мирная, трудовая жизнь, кому ненавистны были вѣчные раздоры и усобицы, мелкихъ удѣльныхъ князей, навлекшіе столько бѣдъ на Русскую землю, — словомъ, всѣ болѣе здоровыя русскія силы тянули къ Москвѣ и охотно отдавались

подъ сильную руку ея князей. Надъ собираніемъ русскихъ силъ трудились не только князья: имъ помогали и бояре, и духовенство; но болѣе помогъ самъ народъ, сама земля Русская. И вотъ Москва, какъ сказочный богатырь, изъ этой земли и набралась силой могучею...

Къ концу XIV вѣка Москва такъ окрѣпла, что Димитрій Донской попытался стряхнуть съ русскихъ плечъ татарское иго. На Куликовомъ полѣ была проба соединенныхъ русскихъ силъ. Оказалось, что ужъ можно брать верхъ надъ Ордою; но совсѣмъ покончить съ нею было еще не въ мочь. Надо было еще подождать, еще понабраться силой.

Въ 1389 г. началъ княжить сынъ Донского—Василій Димитріевичъ. Годъ спустя послѣ того, какъ ханскій посолъ посадилъ его на великое княженіе, онъ уже ѣдетъ въ Орду, чтобы „примыслить“ новыя области. Приняли его въ Ордѣ такъ радушно и съ такою честью, какой еще никто изъ русскихъ и не видывалъ,—словно не данникъ, а пріятель и союзникъ пріѣхалъ къ хану. Дѣло въ томъ, что хану въ ту пору нуженъ былъ сильный и надежный союзникъ. Василію это было на руку; онъ уладилъ свои дѣла въ Ордѣ,—купилъ у хана ярлыкъ на Нижегородское княжество, несмотря на то, что тамъ былъ свой князь—Борисъ Константиновичъ.

Борисъ, когда провѣдалъ, какая напасть готовится ему, созвалъ своихъ бояръ, напоминалъ имъ о крестномъ цѣлованіи, умолялъ ихъ вѣрою и правдою постоять за него.

— „Не печалься, господинъ князь,—всѣ мы тебѣ вѣрны, готовы за тебя головы свои сложить и кровь пролить!“ утѣшалъ Бориса старшій изъ его бояръ—Василій Румянецъ,—утѣшалъ, а самъ уже велъ тайные переговоры съ Василіемъ Димитріевичемъ о выдачѣ ему своего князя: сильна была московская корысть, — тянула къ себѣ отовсюду служилыхъ людей и бояръ!

Возвращаясь изъ Орды, Василій отправилъ впередъ въ Нижній ханскаго посла со своими боярами. Борисъ хотѣлъ затворить передъ ними городскія ворота и не впускать ихъ въ городъ.

— „Господинъ князь, сталъ его уговаривать Румянецъ:—посолъ ханскій и московскіе бояре ѣдутъ сюда, чтобы скрѣпить съ тобою миръ и любовь, а ты ищешь вражды. Впусти ихъ въ городъ. Что они тебѣ сдѣлаютъ?—мы всѣ съ тобою.“

Въѣхали бояре московскіе въ городъ и тотчасъ приказали ударить въ колокола. Собрался народъ. Ему громогласно было объявлено, что съ этой поры Нижній принадлежитъ московскому великому князю.

Озадаченный Борисъ поспѣшно сзываетъ своихъ бояръ.

— „Господа мои и братья, милая дружина, умоляетъ онъ: вспомните крестное цѣлованіе ваше, не выдавайте меня врагамъ!“

Напрасны были мольбы...

— „Не надѣйся на насъ, — сказалъ измѣнникъ Румянецъ:—мы уже не твои и не съ тобою, а на тебя!“

Нашлось и кромѣ Румянца много доброхотовъ Москвы. Бориса схватили. Народъ тоже, какъ видно, не прочь былъ подчиниться великому

князю. Скоро онъ самъ прибылъ въ Нижній и посадилъ здѣсь своего намѣстника, а князя Бориса, жену его, дѣтей и сторонниковъ его велѣлъ разослать по разнымъ городамъ и держать подъ стражей.

Такъ примыслилъ себѣ Василій Димитріевичъ Нижній-Новгородъ; по тому же ярлыку пріобрѣлъ онъ Городецъ, Муромъ, Мещеру и Тарусу.

Дѣло не обошлось, впрочемъ, безъ борьбы: племянники Бориса и сыновья его добивались своей отчины, вербовали себѣ шайки бродячихъ татаръ и нападали на московскія владѣнія. Это была уже не война, а разбойничьи внезапные набѣги.

Хищники-татары безпощадно пустошили русскія земли, творили всюду страшныя звѣрства. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ о такомъ случаѣ въ 1411 г. татары и дружина Даніила Борисовича подкрались къ городу Владимиру въ ту пору, когда всѣ жители спали, — захватили городское стадо, взяли посады и сожгли ихъ, множество людей избили. Въ соборной церкви заперся священникъ; онъ собралъ сколько могъ драгоцѣнныхъ церковныхъ вещей, спряталъ все это въ церкви, скрылъ здѣсь и нѣсколькихъ человѣкъ, а самъ сталъ со слезами молиться предъ образомъ Богородицы. Татары прискакали къ церкви и стали кричать, чтобы ее отперли. Священникъ стоялъ неподвижно и молился... Татары разбили дверь, ворвались въ соборъ, содрали ризы съ иконъ, ограбили всю церковь, а священника стали пытать, добиваясь, гдѣ у него спрятаны казна и люди: ставили его на раскаленную сковороду, втыкали щепы подъ ногти, кожу сдирали,—священникъ не вымолвилъ ни слова! Тогда привязали его за ноги къ лошадиному хвосту, и несчастный погибъ мученической смертью. Весь городъ послѣ этого былъ пожженъ и разграбленъ; жителей толпами погнали въ плѣнъ. Всего награбленнаго татары взять не могли; чего не смогли унести, складывали въ кучи и жгли; деньги дѣлили между собою мѣрками. Колокола отъ пожару растопились. Городъ и окрестности наполнились трупами.

Отъ такихъ внезапныхъ разбойничьихъ набѣговъ татаръ обороняться было очень трудно, и долго еще Русская земля страдала отъ нихъ.

Попытался было Василій Димитріевичъ завладѣть Двинскими землями, принадлежавшими Новгороду, но это не удалось ему. Зато Псковъ онъ прибралъ къ рукамъ: псковитяне стали съ этой поры принимать къ себѣ князей по указанію великаго князя московскаго. Въ Тверской области въ это время начались смуты и усобицы между родичами, мелкими удѣльными князьями. Василій Димитріевичъ не преминулъ бы, конечно, воспользоваться этимъ и подчинить себѣ Тверь; но въ ту пору ему было не до того.

Нашествія Тамерлана и Эдигея.

Въ то время, когда Кипчацкая орда къ радости русскихъ слабѣла и разлагалась, страшная гроза чуть не обрушилась снова на Русскую землю. Въ Средней Азіи явился новый могучій завоеватель, подобный Чингисхану,

страшный своею силою и жестокостью. Это былъ Тимуръ, или Тамерланъ. Этотъ новый „владыка міра“, какъ называли его, сплотивъ въ одно цѣлое разрозненные орды татаръ, привелъ въ трепетъ всю Азію. Всѣ земли отъ Аральскаго моря до Персидскаго залива, отъ Кавказскихъ горъ до Пустынной Аравіи подпали скоро власти Тимура.

— „Друзья и сподвижники!—говорилъ онъ своимъ эмирамъ, собираясь напасть на Индію:—счастіе, благопріятствуя мнѣ, призываетъ насъ къ новымъ побѣдамъ. Мое имя привело въ ужасъ вселенную; движеніемъ перста потрясая землю. Царства Индіи для насъ открыты. Сокрушу все, что дерзнетъ мнѣ противиться!“

Образъ Владимирской Божіей Матери.

Страшная сила Тимуровой орды давила все, что встрѣчалось на пути. Могучій турецкій султанъ Баязетъ попробовалъ было сдержать завоевательное стремленіе этого „владыки міра“ и былъ раздавленъ его силою на Ангорскихъ поляхъ. На мѣстахъ побоищъ Тимуръ приказывалъ складывать горы изъ череповъ истребленныхъ имъ людей. Лучшаго памятника его страшнымъ дѣламъ и не выдумать!

Съ этимъ-то ужаснымъ „истребителемъ людей“, держащимъ, по его словамъ, судьбу въ своихъ рукахъ, отважился бороться ханъ Кипчацкой орды — Тохтамышъ и въ 1395 году на берегахъ Терека былъ разбитъ и долженъ былъ бѣжать. Тимуръ перешелъ Волгу и вступилъ въ наши юго-восточные предѣлы... Вѣсть объ этомъ поразила ужасомъ всю Русскую землю. Молва о несмѣтныхъ полчищахъ Тимура, о его свирѣпости и погромахъ широко и быстро разносилась въ народѣ и ужасала всѣхъ.

Великій князь однако не потерялся: онъ немедля велѣлъ собираться войску, и во главѣ многочисленной рати сталъ, на берегу Оки, на границѣ своихъ владѣній, готовый встрѣтить врага. Это ободрило народъ. Для того, чтобы поднять духъ испуганныхъ москвичей, великій князь приказалъ перенести изъ Владимира чудотворную икону Богоматери, привезенную туда Андреемъ Боголюбскимъ. Въ то самое время, когда митрополитъ, духовенство, намѣстникъ великаго князя въ Москвѣ, князь Владимиръ Андреевичъ Храбрый и толпа народа встрѣчали икону, Тимуръ, дошедъ до города Ельца и разоривъ его, двинулся со своимъ полчищемъ обратно въ Азію. Наступала уже осень съ ея непогодами, да притомъ Тимура не могли осо-

бенно привлекать бѣдные сѣверные края... Вздохнулъ свободно русскій народъ; спасеніе отъ страшнаго погрома онъ видѣлъ въ небесной помощи. Церковь наша установила праздникъ Срѣтенія Богоматери, 26-го августа. Съ этого времени образъ этотъ остался въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ.

Золотая Орда послѣ погрома казалась совсѣмъ неопасною великому князю. Онъ по совѣту молодыхъ бояръ сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Нѣсколько хановъ смѣнилось въ Ордѣ, а Василій и не думалъ ѣхать туда на поклонъ, даже и посольства не посылалъ. Когда требовали отъ него дани, онъ отговаривался тѣмъ, что земля его такъ оскудѣла людьми, что и дань не съ кого брать; а между тѣмъ она собиралась, но шла въ казну великокняжескую. Надъ послами ханскими и гостями ордынскими стали уже посмѣиваться въ Москвѣ.

Въ то время въ Ордѣ завѣдывалъ всѣми дѣлами князь Эдигей. Терпѣлъ онъ долго пренебреженіе Москвы, наконецъ рѣшился напомнить московскому князю о себѣ; но уже смѣлости напасть явно на Москву у татаръ не хватало. Эдигей далъ знать въ 1408 г. Василію, что ханъ со всею ордою хочетъ ударить на Литву, а самъ внезапно, къ ужасу москвичей, устремился съ огромными силами къ Москвѣ. Застигнутый врасплохъ Василій не успѣлъ изготовиться къ отпору. Онъ оставилъ своего дядю Владимира Андреевича Храбраго и братьевъ защищать столицу, а самъ удалился въ Кострому, надѣясь, что Москва, съ ея крѣпкими стѣнами и пушками, продержится долго, а тѣмъ временемъ ему удастся собрать войско. Владимиръ Андреевичъ сжегъ посады вокругъ Кремля, чтобы не дать прикрытія татарамъ, и изготовился къ бою. Татары въ концѣ ноября осадили Кремль; но приступы дѣлать опасались. Между тѣмъ татарскія шайки разсыпались по областямъ великокняжескимъ; начались обычные ужасы опустошенія: города и сёла татары выжигали, церкви и монастыри грабили, попавшихся въ плѣнъ убивали, или угоняли толпами въ неволю. Но Москвы взять не удалось Эдигею. Онъ окружилъ ее и думалъ заморить защитниковъ голодомъ. Къ счастію русскихъ, въ Ордѣ въ это время случилась бѣда: какой-то татарскій царевичъ напалъ на хана, и онъ звалъ къ себѣ Эдигея какъ можно скорѣе на помощь. Три недѣли уже Москва была въ осадѣ; хлѣбные запасы стали истощаться, и защитникамъ грозилъ голодъ, какъ вдругъ Эдигей предложилъ снять осаду, если ему дадутъ окупъ. Осажденные съ радостью уплатили три тысячи рублей, и татарскія полчища отступили отъ Москвы. Вся Русская земля послѣ набѣга Эдигея отъ Дона до Бѣлоозера была страшно разорена; цѣлыя области запустѣли. Кто избавился отъ смерти самъ,—тому пришлось оплакивать смерть близкихъ людей и гибель своего имущества.

Уходя изъ русскихъ владѣній, Эдигей отправилъ великому князю слѣдующее письмо:

„Великій ханъ послалъ меня къ тебѣ съ войскомъ, узнавъ, что дѣти Тохтамышевы (враги хана) нашли убѣжище въ твоей землѣ. Вѣдаемъ, что происходитъ въ областяхъ московскихъ: вы ругаетесь не только надъ куп-

цами нашими, не только всячески тѣсните ихъ, но и самихъ пословъ ханскихъ поднимаете на-смѣхъ. Такъ ли водилось прежде? Спроси у старцевъ. Русская земля была нашимъ вѣрнымъ улусомъ: держала страхъ, платила дань, чтила пословъ и гостей ордынскихъ. Ты не хочешь знать этого, и что же дѣлаешь? Когда Тимуръ (Кутлукъ) сѣлъ на царство, ты не видалъ его въ глаза, не прислалъ къ нему ни князя, ни боярина. Минуло царство Тимурово; Шадибекъ 8 лѣтъ властвовалъ; ты не былъ у него! Нынѣ царствуетъ Булатъ уже третій годъ; ты, старѣйшій князь въ русскомъ улусѣ, не являешься въ орду! Всѣ дѣла твои недобрыя. Были у васъ нравы и дѣла добрые, когда жилъ боярин Ѳеодоръ Кошка и напоминалъ тебѣ о ханскихъ благотвореніяхъ. Нынѣ недостойный его сынъ Иванъ—казначей и другъ тебѣ; что скажетъ, тому и вѣришь, а думы старцевъ земскихъ не слушаешь. Что же вышло?—разореніе твоему улусу. Хочешь ли княжить мирно? Призови въ совѣтъ старѣйшихъ добрыхъ бояръ, пришли къ намъ одного изъ нихъ съ древними оброками, какіе вы платили царю Чанибеку, чтобы не погибла вконецъ твоя держава. Все писанное тобою къ ханамъ о бѣдности русскаго народа—ложь: мы нынѣ сами видѣли твой улусъ и узнали, что ты собираешь въ немъ по рублю съ двухъ сохъ. Куда же идетъ серебро? Земля Русская осталась бы цѣла и невредима, когда бы ты исправно платилъ ханскую дань; а нынѣ бѣгаешь какъ рабъ! размысли и научись!“

Изъ укоровъ и жалобъ этого письма видно, какъ сильно уже измѣнились отношенія московскаго князя къ Ордѣ.

Много еще бѣды русскимъ могли причинить татары; но уже ясно было видно, что владычеству ихъ надъ окрѣпшей Русской землей приходитъ конецъ. Внезапныя нападенія ихъ начинали походить все больше и больше на разбойничьи набѣги, а дань княжеская обращалась въ подачку хищникамъ, чтобы откупиться отъ ихъ разорительныхъ набѣговъ.

Опаснѣе татаръ для Москвы становился западный сосѣдъ ея—Литва. Въ то время, какъ московскіе князья собираютъ разрозненную сѣверо-восточную Русь въ одно цѣлое, такое же стремленіе обнаруживаютъ литовскіе князья, захватывая юго-западныя русскія земли въ свои руки. Столкновеніе Москвы съ Литвой должно было произойти рано или поздно. Василію Димитріевичу уже пришлось три раза выводить свои войска противъ тестя своего литовскаго князя Витовта, но до войны дѣло не дошло.

Литва.

Литовцы и вѣрованія ихъ.

Небольшое литовское племя, какъ извѣстно, издавна занимало долину рѣки Нѣмана, распространяясь отсюда по Балтійскому поморію, на югъ до нижняго теченія Вислы, къ сѣверу далѣе Западной Двины. Въ X—XI вѣкахъ это племя распадалось на нѣсколько народцевъ: Летгола (латыши),

Жемгала, Корсь, Жмудь, Литва (это имя сдѣлалось потомъ общимъ для всего племени), Пруссы и Ятвяги.

Разселившись небольшими поселками въ бѣдной мѣстности среди дремучихъ лѣсовъ да топкихъ болотъ и мелкихъ озеръ, эти народцы мало сносились съ другими племенами и долго хранили свои старозавѣтные нравы и обычаи, сроднившись съ мрачными и заповѣдными своими рощами.

До XIII вѣка даже вовсе и не упоминается о городахъ литовскихъ.

Говоря о походѣ Болеслава III на Пруссовъ, 1110 года, одна хроника говоритъ: „Болеславъ вошелъ въ ихъ землю зимою, по льду замерзшихъ озеръ и болотъ, представлявшихъ единственный путь въ ихъ страну; но, переправившись черезъ озера и болота и достигнувъ населенной страны, онъ не могъ остановиться на одномъ мѣстѣ, не могъ занять ни замковъ, ни городовъ, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ, ибо страна защищена только естественнымъ мѣстоположеніемъ своимъ, составляя острова среди озеръ и болотъ".

Другой хроникеръ, говоря о походѣ на Ятвяговъ (1192), такъ отзывается о нихъ: „народъ жестокій и болѣе свирѣпый, чѣмъ дикіе звѣри; страна ихъ недоступна по причинѣ обширныхъ пущъ, непроходимыхъ лѣсныхъ дебрей и вязкихъ болотъ". Поляки, ворвавшись въ страну эту, „предавали пламени храмы, мызы, сёла, возвышавшіяся зданія и житницы, наполненныя хлѣбомъ. Городовъ же у нихъ нѣтъ; они, подобно дикимъ звѣрямъ, незнакомы съ городскими стѣнами".

До XIII в. не было у литовскаго племени и сколько-нибудь опредѣленнаго государственнаго строя. Упоминаются вожди, которые были, вѣроятно, не болѣе какъ старшинами отдѣльныхъ волостей. Волости эти не были связаны между собой общей государственной властью; каждая изъ нихъ и каждый вождь дѣйствовали по своей волѣ.

Общіе нравы, обычаи, языкъ и особенно вѣрованія,—вотъ что поддерживало племенную связь между разрозненными поселками народцевъ литовскаго племени.

Литовцы, какъ и славяне, вѣрили въ верховное божество, подобное славянскому Сварогу, богу неба, отцу боговъ. Оно, по понятію литовцевъ, жило на небѣ, въ великолѣпныхъ чертогахъ, откуда созерцало весь міръ и направляло его жизнь, но больше всего наслаждалось божественнымъ покоемъ. Особеннаго общественнаго богослуженія въ честь этого верховнаго бога у литовцевъ не было.

Кромѣ этого божества, литовцы признавали множество боговъ и богинь. Наиболѣе выдѣлялись изъ нихъ слѣдующіе: Перкунасъ (славянскій Перунъ), могучій громовержецъ. Поклусъ—богъ ада (пекла) и Атримпосъ—богъ воды.

Главное мѣсто богослуженія, такъ называемое Ромново (что значитъ мѣсто покоя и благочестія), устраивалось въ рощѣ у большого дерева. Подъ вѣтвями вѣкового дуба стоялъ здѣсь идолъ Перкуна, изображавшій мощнаго мужа съ кремнемъ въ рукѣ; съ одной стороны его ставили Поклуса въ видѣ

безобразнаго старца, держащаго черепа человѣческій и животныхъ, а съ другой—Атримпоса, представлявшаго юношу съ чашей воды, прикрытой снопомъ; въ чашѣ находилась змѣя. Змѣи (ужи) хранились также въ пнѣ священнаго дуба.

Предъ идоломъ Перкуна помѣщался алтарь, на которомъ пылалъ неугасаемый священный огонь—Зничь. По сторонамъ расположены были жилища жрецовъ. Все священное мѣсто окружалось стѣною; надъ воротами у главнаго входа въ Ромново высилась башня, гдѣ жилъ главный жрецъ. Меньшія священныя мѣста были по разнымъ областямъ, и тамъ, а равно и въ домахъ, чествовались меньшіе боги, которыхъ, по вѣрованію литовцевъ, было великое множество.

Литовцы вѣрили въ загробную жизнь, гдѣ надѣялись наслаждаться всевозможными благами и владѣть всѣмъ, что имъ было дорого на землѣ. При погребеніи умершихъ, съ ними сожигали все, что было у нихъ лучшаго,—утварь, дорогія украшенія, оружіе, коня, а нерѣдко и любимаго слугу...

Главный, верховный жрецъ назывался Криве-кривейто, т.-е. жрецъ жрецовъ. Онъ избирался изъ среды другихъ жрецовъ,—кривейтовъ. Рѣдко кому изъ простыхъ смертныхъ доводилось его видѣть. Жилъ онъ въ таинственномъ уединеніи въ упомянутой башнѣ, наблюдалъ за движеніемъ звѣздъ и другихъ небесныхъ свѣтилъ, опредѣлялъ времена года, считая по луннымъ мѣсяцамъ, старался прочесть на небѣ волю боговъ и выразить ее въ судебныхъ приговорахъ и при особенно торжественныхъ жертвоприношеніяхъ. Одѣяніемъ своимъ верховный жрецъ отличался отъ другихъ жрецовъ,—высокимъ остроконечнымъ колпакомъ и бѣлымъ поясомъ, опоясаннымъ семь разъ семь (т.-е. 49 разъ). Какъ верховный, такъ и всѣ второстепенные жрецы должны были вести безбрачную жизнь. Ниже кривейтовъ стояли вайделоты, самый многочисленный классъ жрецовъ. Они поучали народъ, возвѣщали ему волю Криве-кривейто. Они сказывали сильное вліяніе на народъ, могли возбудить его и направить на то или другое дѣло: войны, на которыя они поднимали народъ по волѣ верховнаго жреца, отличались необычайною жестокостью. Какъ среди литовскихъ божествъ были женскія, такъ и между жрецами были жрицы-вайделотки. Это были дѣвы, обязанныя отказаться навсегда отъ замужества: онѣ должны были поддерживать на алтарѣ неугасимый огонь, Зничь. Если же онъ погасалъ по недосмотру вайделотки, то виновная сожигалась, а огонь вновь добывался изъ кремня, который былъ въ рукѣ Перкуна.

Литовцы и крестоносцы.

Разрозненныя литовскія волости, связанныя между собою лишь племенною связью да властью могущественнаго Криве-кривейто, вѣроятно, долго еще не составили бы сильнаго государства, если бы историческія обстоятельства не помогли этому. Пока сосѣдями литовцевъ были славяне, т.-е.

русскіе и поляки, то столкновенія съ ними, взаимныя нападенія, не обращались въ постоянную истребительную войну: походы русскихъ и польскихъ князей на Литву ограничивались временнымъ разореніемъ пограничныхъ поселковъ да собираніемъ дани, а вторженія литовцевъ въ русскіе или польскіе предѣлы были мелкими набѣгами ради грабежа и добычи... Но съ начала XIII вѣка дѣло измѣнилось. На границахъ Литовской земли появился новый грозный сосѣдъ—нѣмцы.

Въ 1201 году, какъ извѣстно, нѣмцы стали твердой ногой при устьѣ Зап. Двины, основали тутъ городъ Ригу, и орденъ меченосцевъ началъ свою работу—завоеванія и порабощенія туземцевъ подъ видомъ просвѣщенія ихъ христіанствомъ; а лѣтъ тридцать спустя явилась новая община монашествующихъ рыцарей,—Тевтонскій орденъ. Одинъ изъ польскихъ князей, Конрадъ Мазовецкій, призвалъ ихъ на помощь противъ пруссовъ, доведенный до отчаянія частыми опустошительными набѣгами послѣднихъ. Тевтонскій орденъ получилъ свое окончательное утвержденіе въ 1192 г., во время послѣднихъ отчаянныхъ попытокъ христіанъ удержаться въ Палестинѣ. Рыцари этого Ордена носили черную тунику и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ. Они, кромѣ обычныхъ монашескихъ обязанностей, давали обѣтъ биться безпощадно съ врагами вѣры Христовой и ухаживать за больными; только нѣмцы благороднаго, дворянскаго происхожденія принимались въ эту общину. Хотя эти бойцы прославились своими подвигами на востокѣ, но они ясно видѣли, что имъ не удержаться тамъ, и потому предложеніе Конрада Мазовецкаго пришлось имъ по душѣ: предъ ними открывалось широкое поприще для подвиговъ, притомъ поближе къ родинѣ. Послы Конрада въ 1225 г. предложили магистру Ордена во владѣніе область Хелмскую, или Кульмскую, съ тѣмъ, чтобы онъ обязался за это защищать польскія владѣнія отъ язычниковъ-пруссовъ. Императоръ Фридрихъ II согласился предоставить тевтонамъ сверхъ того и всѣ земли, какія они отнимутъ отъ пруссовъ, но въ зависимости отъ него, императора. Въ 1230 году дѣло было окончательно слажено, и Орденъ съ магистромъ Германомъ Балкомъ во главѣ началъ свою дѣятельность.

Въ 1231 г. появились на Вислѣ впервые суда этихъ новыхъ воителей—крестоносцевъ. Они высадились на правомъ берегу, какъ разъ тамъ, гдѣ раскинулъ вѣтви священный дубъ пруссовъ, и воздвигли здѣсь крѣпость Торнъ. Напрасно язычники напрягали всѣ силы, чтобы изгнать дерзкаго нарушителя святыни,—крѣпость устояла. Шагъ за шагомъ подвигались нѣмцы въ землю пруссовъ; городки прусскихъ старшинъ падали одинъ за другимъ подъ мечами рыцарей, а взамѣнъ выростали грозные нѣмецкіе замки... Пробовали пруссы въ чистомъ полѣ отчаяннымъ боемъ (на берегахъ рѣки Сиргуны) сломить рыцарей. Напрасно! Воинское искусство было на сторонѣ послѣднихъ, и пруссы, превосходившіе тевтоновъ почти вдвое, были разбиты.

Рыцари, занимая страну, не только строили крѣпости, или замки, но привлекали разными льготами нѣмецкихъ колонистовъ; воины, приходившіе изъ разныхъ странъ помогать Ордену въ священной войнѣ, получали отъ него земельные участки, на которыхъ сооружали новые замки: туземцы

(пруссы), уцѣлѣвшіе отъ истребленія, или бѣжали въ Литву, или принуждались креститься и подчиниться власти новыхъ господъ. У нихъ отбирали дѣтей и посылали ихъ учиться въ Германію съ тѣмъ, чтобы потомъ, возвратившись на родину молодыми людьми, воспитанными въ духѣ христіанства, они помогали распространять его среди своихъ соплеменниковъ. Словомъ, нѣмцы дѣйствовали тутъ, какъ всегда, съ присущей имъ настойчивостью и послѣдовательностью. Какъ ни злобились пруссы, какъ отчаянно ни противились тевтонамъ, но, раздробленные, не имѣвшіе общаго вождя, не могли устоять... Зато далѣе на востокѣ Орденъ встрѣтилъ сильный отпоръ отъ Литвы, во главѣ которой теперь стоялъ князь, способный бороться, гдѣ можно—силою, гдѣ надо—хитростью, понимавшій, что для борьбы съ нѣмцами,—сильнымъ врагомъ всѣхъ литовскихъ племенъ, необходимо ихъ сплотить въ одно цѣлое. Это былъ Мендовгъ, по словамъ современниковъ, „хищный, какъ волкъ, и хитрый, какъ лисица“. Ему пришлось вести войну и на сѣверѣ съ Ливонскимъ орденомъ, отъ котораго онъ хотѣлъ оборонить жителей Курляндіи и подчинить ихъ своей власти, и на югѣ—съ Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ, да вдобавокъ надо было еще бороться съ родичами. Справиться со всѣми врагами внѣшними и внутренними было Мендовгу не подъ силу. Тогда онъ, чтобы склонить въ свою пользу ливонскаго магистра, выразилъ желаніе принять христіанство и дѣйствительно крестился. Обрадованный папа прислалъ въ 1252 г. королевскую корону Мендовгу, который выставлялъ себя покорнымъ сыномъ его, святѣйшаго отца, а предъ рыцарями ревностнымъ христіаниномъ, даже завѣщалъ Ордену всю свою Литву въ случаѣ бездѣтной смерти. Но все это было только ловкой игрой, чтобы провести враговъ: онъ оставался въ душѣ закоренѣлымъ суевѣрнымъ язычникомъ. „Крещеніе его было льстиво, говоритъ лѣтопись, втайнѣ онъ не переставалъ приносить жертвы своимъ прежнимъ богамъ, сожигалъ мертвецовъ; а если заяцъ перебѣжитъ дорогу, когда онъ выѣзжалъ въ поле, то уже ни за что не войдетъ въ лѣсъ, не посмѣетъ и вѣтки сломить тамъ“. Обманувши ливонцевъ своимъ притворствомъ, Мендовгъ собрался съ силами и съ большимъ полчищемъ литовцевъ вторгся въ 1259 году въ Курляндію и разгромилъ тамъ рыцарскія владѣнія. Отрядъ тевтонскихъ рыцарей прибылъ, чтобъ отразить литовцевъ, но былъ разбитъ на-голову. Блестящую побѣду эту литовцы торжественно отпраздновали по-своему—сожженіемъ плѣнныхъ рыцарей въ жертву своимъ богамъ...

Эта побѣда была знакомъ къ общему возстанію. Оно вспыхнуло повсюду въ 1260 г. въ заранѣе назначенный день. Горе было христіанамъ, неуспѣвшимъ укрыться въ замкахъ и лѣсахъ! ихъ безпощадно избивали, или забирали въ неволю, жилища ихъ обращали въ пепелъ. Мендовгъ теперь рѣшился дѣйствовать открыто: отрекся отъ христіанства и королевскаго титула, вторгся въ Пруссію и нещадно опустошилъ ее. Два раза рыцари, получивши подкрѣпленіе изъ Германіи, вступали въ кровавый бой съ возставшими, и оба раза потерпѣли рѣшительное пораженіе. Только незначительную часть Пруссіи удалось рыцарямъ удержать за собой, да и ту приходилось съ трудомъ отстаивать отъ безпрерывныхъ набѣговъ язычниковъ.

Казалось, дѣло тевтонскихъ рыцарей было окончательно проиграно; но вышло не такъ. Орденъ постоянно пополнялся новыми крестоносцами; отрядъ за отрядомъ являлись они съ юга и запада, особенно, когда усиливались военныя дѣйствія, и потому во время войны силы рыцарей не слабѣли, а росли; силы же язычниковъ значительно убывали. Притомъ, по смерти Мендовга, начались въ Литвѣ безпрерывныя смуты и усобицы; а рыцари попрежнему неуклонно и неутомимо добивались своей завѣтной цѣли—завоеванія Пруссіи, и въ 1253 году она была покорена послѣ полувѣковой упорной борьбы.

Покончивъ съ Пруссіей, тевтонскіе рыцари принялись снова за Литву. Конецъ XIII вѣка и первые годы XIV-го прошли въ опустошительныхъ набѣгахъ литовцевъ на владѣнія Ордена, и рыцарей на Литву. Послѣдніе сильно добивались того, чтобы утвердиться на берегу Нѣмана; но походы рыцарей и сухопутные, и рѣчные были для нихъ неудачны, а порой и гибельны.

Съ какимъ упорствомъ и отчаяніемъ боролись литовцы противъ нѣмецкаго владычества, ясно показываетъ такой случай. Въ 1336 году большія силы явились на помощь Ордену. Великій магистръ воспользовался этимъ, двинулся въ Литву и осадилъ Пунэ (Полангенъ), острожекъ, куда укрывались на время опасности литовцы, дѣлавшіе набѣги на владѣнія Ордена. На этотъ разъ около четырехъ тысячъ народу изъ окрестностей искало здѣсь спасенія. Скоро оказалось, что самая отчаянная оборона не спасетъ осажденныхъ. Нѣмцы были гораздо сильнѣе литовцевъ числомъ,—таранами разбили часть стѣны, которая во многихъ мѣстахъ грозила рухнуть отъ подкоповъ; множество изъ осажденныхъ было убито и погибло во время вылазокъ; почти всѣ способные къ бою литовцы были переранены. Вдобавокъ, нѣмцамъ удалось зажечь стѣну. Сдача крѣпости стала неизбѣжной. Но смерть литовцамъ была милѣе нѣмецкой неволи. Они сами перебили своихъ женъ и дѣтей, сложили ихъ трупы на огромный костеръ среди крѣпости, зажгли его, а затѣмъ стали убивать другъ друга. Начальникъ крѣпости Маргеръ умертвилъ собственноручно большую часть товарищей, поклявшись, что, по истребленіи ихъ, лишитъ и себя жизни; ему помогала въ этомъ дѣлѣ одна старуха, которая отрубила топоромъ головы сотнѣ воиновъ, а затѣмъ покончила и съ собою—въ виду ворвавшихся въ крѣпость враговъ. Маргеръ сдержалъ свою клятву; съ горстью отчаянныхъ храбрецовъ, не успѣвшихъ еще пасть отъ его руки, онъ бился до послѣдней крайности съ ненавистнымъ врагомъ, и когда всѣ товарищи его пали, кинулся въ подземелье, гдѣ скрылъ свою жену, убилъ ее, а затѣмъ и самого себя. Мертвымъ молчаніемъ встрѣтилъ городокъ своего торжествующаго врага, и груды тѣлъ литовскихъ бойцовъ, предпочитавшихъ смерть нѣмецкому плѣну, краснорѣчиво говорили, съ какой свирѣпой злобой смотрѣли суровые литовцы на своихъ закованныхъ въ желѣзо поработителей.

Постоянная и упорная борьба съ нѣмцами закалила еще сильнѣе и безъ того суровый нравъ литовцевъ, заставила ихъ болѣе сплотиться и развила въ нихъ воинственность. Подаваясь подъ напоромъ сильныхъ запад-

Московская Центральная Публичная библиотека

ныхъ и сѣверныхъ сосѣдей, рыцарскихъ орденовъ, литовцы направили свои силы на русскій востокъ. Западныя русскія области, обезсиленныя удѣльною рознью, а затѣмъ татарскимъ погромомъ, представляли для воинственныхъ литовцевъ легкую добычу,—тѣмъ болѣе, что многимъ русскимъ могло казаться легче подчиняться сосѣднему и родственному племени, чѣмъ сносить иго алчныхъ татаръ.

Въ XIII вѣкѣ упоминаются въ лѣтописяхъ нападенія литовскихъ вождей на сосѣднія русскія области (Полоцкъ, Туровъ, Пинскъ и др.) съ цѣлью овладѣть землею, а Мендовгъ уже утверждаетъ свою власть на Русской землѣ въ Новогродкѣ и стремится завладѣть другими сосѣдними удѣлами и основать обширное Литовско-Русское государство. Изъ лѣтописи видно, что уже въ половинѣ XIII в. къ Новогродскому княженію принадлежали города: Волковыскъ, Слонимъ, Здитовъ и Гродно (такъ называемая Черная Русь); что пинскіе князья признавали надъ собой верховную власть Мендовга. Еще раньше племянники его, при содѣйствіи его, утвердились въ Полоцкѣ, Витебскѣ и въ землѣ Смоленской.— Борьба Мендовга съ Даніиломъ, который, конечно, не могъ смотрѣть равнодушно на захваты русскихъ земель, кончилась для Литвы благополучно. Сынъ Мендовга Войшелгъ помирилъ отца съ Даніиломъ, выдалъ сестру свою замужъ за Шварна, сына Даніила; а другому его сыну Роману отдана была въ управленіе вся Черная Русь, но въ зависимости отъ Мендовга.

Въ 1263 году не стало Мендовга: составился заговоръ нѣсколькихъ князей, и онъ былъ убитъ. Безпощаднымъ мстителемъ явился Войшелгъ. Онъ еще при жизни отца постригся въ монахи; но теперь, пылая чувствомъ мести къ убійцамъ отца, онъ снялъ съ себя монашескія ризы и насытилъ свое чувство свирѣпой местью,—избилъ всѣхъ участниковъ заговора (одному изъ нихъ,—знаменитому Довмонту, удалось спастись во Псковѣ и послужить этому городу вѣрой и правдой). Расправившись съ врагами, Войшелгъ опять удалился въ монастырь, отдавъ Литву Шварну, послѣ котораго (1267) опять идутъ въ Литвѣ споры и раздоры около трехъ лѣтъ. Наконецъ, выбираютъ въ великіе князья Тройдена, а послѣ него княжитъ Витенъ. Обоимъ этимъ князьямъ приходится вести борьбу съ галицкимъ княземъ Львомъ за обладаніе Литвою.

Въ 1316 г. становится великимъ княземъ литовскимъ братъ Витена Гедиминъ, истинный основатель могущества Литвы.

Гедиминъ.

Гедиминъ былъ такимъ же собирателемъ Юго-западной Руси, какимъ былъ Иванъ Калита относительно Сѣверо-восточной. Сверхъ нѣсколькихъ русскихъ областей, подпавшихъ раньше подъ власть литовскаго князя, мы видимъ, что князья Минскіе, Туровскіе и Пинскіе сначала дѣлаются подручниками Гедимина, а потомъ удѣлы ихъ были просто присоединены къ Литвѣ. Независимо существовать мелкія русскія области, сосѣднія съ Лит-

вою, конечно, не могли: Кіевъ, Владимиръ-Волынскій, Полоцкъ уже не могли больше служить опорой, и потому естественно приходилось искать защиты у сильнаго литовскаго князя. Гедиминъ, какъ искусный и дальновидный политикъ, дѣйствовалъ очень умно: онъ выказывалъ постоянно большое расположеніе къ русскимъ, не оскорблялъ ихъ народнаго чувства, проявлялъ склонность къ православной вѣрѣ. Русскихъ князей, переходившихъ въ его подручники, онъ обыкновенно высоко чтилъ, предоставлялъ имъ управленіе ихъ прежними областями. Оставаясь язычникомъ, Гедиминъ былъ два раза женатъ на русскихъ и православныхъ женахъ. Своимъ дѣтямъ онъ не только охотно разрѣшалъ вступить въ браки съ христіанами, но даже позволялъ креститься. Благодаря этому, было заключено нѣсколько браковъ, весьма выгодныхъ для Литвы. Сына своего Ольгерда Гедиминъ женилъ на дочери Витебскаго князя, не имѣвшаго сыновей (послѣ его смерти въ 1320 г. Ольгерду достался Витебскій удѣлъ); другого сына Любарта женилъ на дочери послѣдняго Волынскаго князя, по смерти котораго Волынь досталась Любарту въ 1325 году. Затѣмъ одну свою дочь Гедиминъ выдалъ за вел. князя московскаго Симеона, другую за тверского князя, третью за сына польскаго короля, четвертую за мазовецкаго князя и въ лицѣ двухъ послѣднихъ зятей пріобрѣлъ себѣ надежныхъ союзниковъ въ борьбѣ противъ общаго врага—нѣмецкихъ крестоносцевъ. Литовскія и польскія ополченія нанесли нѣсколько очень чувствительныхъ ударовъ Тевтонскому ордену. Ливонскій орденъ въ это время враждовалъ съ городомъ Ригою и рижскимъ архіепископомъ. Уже предшественникъ Гедимина Витенъ вступилъ въ союзъ съ Ригою и поддерживалъ ее въ борьбѣ съ Орденомъ. Той же политики держался и Гедиминъ. Его вѣротерпимость и доброе отношеніе къ рижскому архіепископу, съ которымъ онъ велъ переписку чрезъ католическихъ монаховъ (въ это время въ Литовской столицѣ Вильнѣ было уже два католическихъ монастыря), подали поводъ думать, что онъ не прочь принять крещеніе. До свѣдѣнія папы было доведено, будто бы Гедиминъ даже изъявлялъ готовность креститься, въ подтвержденіе чего посылалось и его посланіе къ папѣ. Папа обрадовался и далъ приказъ Ливонскому ордену прекратить войну съ Литвою, а въ слѣдующемъ 1324 году явились папскіе легаты въ Ригу, и отсюда было отправлено посольство къ Гедимину, чтобы условиться насчетъ введенія христіанства въ Литвѣ. Гедиминъ очень удивился, потребовалъ, чтобы ему было прочтено его посланіе къ папѣ, которое по его порученію писалъ монахъ Бартольцъ, и заявилъ:

— „Я не приказывалъ этого писать.—Если же братъ Бартольдъ написалъ, то пусть отвѣтственность падетъ на его голову... Если когда-либо имѣлъ я намѣреніе креститься, то пусть меня самъ дьяволъ крститъ! Я, дѣйствительно, говорилъ, какъ написано въ грамотѣ, что буду почитать папу, какъ отца; но я это сказалъ потому, что онъ старше меня: всѣхъ стариковъ, и папу, и рижскаго архіепископа, и другихъ, я почитаю, какъ отцовъ; сверстниковъ своихъ люблю, какъ братьевъ, а кто моложе меня, тѣхъ готовъ я любить, какъ сыновей. Я говорилъ, дѣйствительно, что дозволю христіанамъ молиться по обычаю ихъ вѣры, русинамъ по ихъ обычаю и поля-

камъ по-своему: сами же мы будемъ молиться Богу по нашему обычаю. Вѣдь, мы почитаемъ одного Бога."

Эти слова показываютъ намъ и вѣротерпимость Гедимина, и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожность настоящаго политика; онъ рѣзко и рѣшительно отрекается отъ приписаннаго ему намѣренія креститься. Понятно, почему литовцы были еще вполнѣ преданы своей языческой вѣрѣ; жрецы имѣли большую силу въ народѣ, и прояви Гедиминъ склонность перемѣнить вѣру,— онъ, конечно, утратилъ бы и довѣріе, и преданность своихъ литовцевъ.

Гедиминъ заботился о заселеніи своей страны и водвореніи въ ней европейской промышленности; онъ призывалъ переселенцевъ съ Запада, давалъ имъ всякія льготы. По западной и сѣверной границамъ Литвы и Жмуди построены были крѣпкіе замки. Явилось немало новыхъ поселковъ въ странѣ, возникли два новые и значительные города: Троки и Вильна, основаніе которыхъ приписываютъ Гедимину. Въ этихъ двухъ городахъ онъ и жилъ попеременно; наконецъ, столицей великаго княжества Литовскаго стала Вильна. Здѣсь было главное святилище литовцевъ—Ромново, и понятно, что Гедиминъ, желавшій пользоваться содѣйствіемъ всесильнаго Кривекривейто, устроилъ себѣ столицу какъ бы нераздѣльно съ важнѣйшей литовской святыней; но вѣротерпимость Гедимина и тутъ ясно сказалась: при немъ былъ воздвигнутъ въ Вильнѣ православный храмъ св. Николая и водворились два католическіе монастыря: Францисканскій и Доминиканскій. Конечно, умный князь долженъ былъ ясно сознавать превосходство христіанства надъ язычествомъ; но принять христіанство отъ католиковъ значило вооружить противъ себя и язычниковъ-литовцевъ, и русскихъ подданныхъ, а обратиться къ православію—значило опять-таки отвратить отъ себя язычниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нажить крайнюю вражду отъ нѣмцевъ-католиковъ. Гедиминъ предпочелъ, оставаясь, повидимому, ревностнымъ язычникомъ-литвиномъ, въ то же время оказывать покровительство христіанамъ безъ различія вѣроисповѣданія, при чемъ католики, страстно желавшіе его обратить въ свою религію, все еще могли не терять надежды, что это со временемъ имъ удастся. Родственныя связи, конечно, должны были его склонять въ пользу православія, тѣмъ болѣе, что большинство его подданныхъ были русскіе.

Русскія земли, входившія въ составъ его владѣній, по крайней мѣрѣ, вдвое превосходили пространствомъ собственно литовскія; въ дружинѣ великаго князя было очень много русскихъ, да и новая столица Гедимина,— Вильна, является въ значительной степени русскимъ городомъ.

Все это давало Гедимину право называться великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ.

Этотъ великій собиратель Литовско-русскаго государства погибъ въ борьбѣ съ злѣйшими врагами Литвы—тевтонскими рыцарями. При осадѣ одного нѣмецкаго замка онъ былъ убитъ. Тѣло его было отвезено въ Вильну и здѣсь, подлѣ города, на громадномъ кострѣ было сожжено по древнелитовскому обычаю, въ торжественной одеждѣ и полномъ вооруженіи вмѣстѣ съ любимымъ слугою и конемъ, съ тремя плѣнниками-нѣмцами и съ частью военной добычи.

Ольгердъ и Кейстутъ.

Внезапно погибшій Гедиминъ не успѣлъ, вѣроятно, назначить себѣ преемника. При жизни онъ раздавалъ земли своимъ сыновьямъ на правахъ удѣльныхъ князей; осталось послѣ него семь сыновей, и неизвѣстно, почему младшій его сынъ Явнутъ является обладателемъ Вильны и нѣсколькихъ другихъ большихъ городовъ. Пользоваться правами великаго князя въ глазахъ своихъ старшихъ братьевъ онъ, безъ сомнѣнія, не могъ, и потому можно было опасаться распаденія Литовскаго княжества на нѣсколько мелкихъ удѣловъ и усобицъ ихъ между собой. Это было бы, конечно, очень кстати для враговъ Литвы: польскаго короля, который хотѣлъ завладѣть Волынью и особенно для двухъ нѣмецкихъ орденовъ.

Къ счастью для Литвы, неопредѣленное и смутное время длилось всего около пяти лѣтъ. Двое наиболѣе даровитые и предпріимчивые изъ сыновей Гедимина—Ольгердъ и Кейстутъ, сыновья одной матери и притомъ очень дружные между собой, спасли Литву отъ бѣды. Зимой 1345 г. получены были тревожныя вѣсти о приготовленіи тевтонскихъ рыцарей къ большому походу на Литву и о томъ, что къ нимъ на подмогу идутъ изъ Западной Европы сильные отряды рыцарей. Медлить нельзя было; разрозненная Литва могла легко пасть подъ ударами ихъ. Тогда Ольгердъ и Кейстутъ условились внезапнымъ нападеніемъ овладѣть Вильной. Это удалось. Въ назначенный день Кейстутъ изъ Трокъ быстро двинулся на Вильну и ночью на разсвѣтѣ завладѣлъ обоими замками, защищавшими городъ. Явнутъ былъ захваченъ въ плѣнъ. Скоро послѣ этого подошедшій къ городу Ольгердъ былъ торжественно возведенъ на великокняжескій престолъ (1345 г.). Явнуту дали небольшой удѣлъ. Остальные братья должны были подчиниться обстоятельствамъ. Совершивъ переворотъ, Ольгердъ и Кейстутъ успѣли собрать достаточныя силы для обороны отъ враговъ. Когда нѣмцы вторглись въ Литву, братья въ свою очередь напали на Ливонію и заставили непріятеля позаботиться о защитѣ своихъ собственныхъ владѣній. Походъ рыцарей, грозившій сначала большой опасностью, кончился ничѣмъ. Послѣ этого крестоносцы рѣдко затѣваютъ большія военныя предпріятія, а по большей части производятъ частые мелкіе наѣзды (такъ называемые у нѣмецкихъ лѣтописцевъ *рейзы*), т.-е. неожиданно врываются въ пограничныя земли, жгутъ сёла, избиваютъ жителей, а другихъ угоняютъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ захваченнымъ скотомъ... Подобные разбойничьи набѣги, ничѣмъ не отличавшіеся отъ набѣговъ мелкихъ татарскихъ шаекъ, отъ которыхъ страдала Восточная Русь, нерѣдко совершались отрядами рыцарей даже безъ вѣдома орденскаго начальства; при этомъ часто не обращалось вниманія на перемиріе... Въ своей борьбѣ съ нѣмцами литовцы слѣдовали ихъ примѣру, предпринимали тоже вторженія въ сосѣднія орденскія владѣнія.

Главнымъ героемъ этой непрестанной борьбы съ нѣмцами,—борьбы, длившейся болѣе тридцати лѣтъ, является Кейстутъ. Этотъ князь отличался открытымъ нравомъ и необычайной отвагой. Оставаясь ревностнымъ

язычникомъ и литвиномъ, онъ былъ очень любимъ народомъ. На его долю и достались пограничныя съ нѣмцами области, Жмудь и часть Литвы, которыя ему постоянно приходилось отстаивать съ мечомъ въ рукахъ отъ нѣмцевъ. Жизнь Кейстута была полна опасностей и военныхъ приключеній: два раза онъ попадалъ въ руки враговъ, но оба раза успѣвалъ ускользнуть изъ плѣна.

Другой братъ—Ольгердъ, на долю котораго достались восточныя части отцовскаго владѣнія, преимущественно русскія области, отличался свойствами, противоположными Кейстуту: это былъ умный, въ высшей степени осторжный и скрытный политикъ, и въ то же время необычайно дѣятельный. Всѣ его планы и намѣренія оставались до самаго своего исполненія никому неизвѣстными; когда онъ съ войскомъ шелъ въ походъ, никто изъ его сподвижниковъ, даже самыхъ близкихъ людей, не зналъ, куда и съ какой цѣлью направляются военныя силы... Въ противоположность брату своему, истому литвину, онъ, женатый на русской, усвоилъ себѣ русскія народныя черты, исповѣдывалъ втайнѣ православіе.

Въ то время, какъ Кейстутъ на западѣ и сѣверѣ стоялъ на стражѣ литовской земли и народности противъ нѣмцевъ, Ольгердъ работалъ на югѣ и востокѣ надъ собираніемъ русскихъ земель. Еще при жизни отца Ольгердъ владѣлъ частью Литвы и Витебскимъ удѣломъ, доставшимся ему по смерти его тестя; затѣмъ, послѣ смерти двоюроднаго брата, онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ цѣлую Полоцкую область; такимъ образомъ, въ его рукахъ соединилась бо́льшая часть называемой Кривской Руси.

При Гедиминѣ и Иванѣ Калитѣ, собиравшихъ русскія земли, владѣнія ихъ раздѣлялись цѣлой полосой независимыхъ областей Черниго-Сѣверскихъ, Смоленскихъ и Тверскихъ, и потому до столкновенія Москвы съ Литвою дѣло не дошло. Не то было при Ольгердѣ. Теперь соперничество должно было ясно обнаружиться. Прежде всего далъ поводъ къ нему Новгородъ Великій, искавшій у Литвы защиты отъ властолюбивыхъ притязаній московскихъ князей. Симеонъ Гордый заставляетъ новгородцевъ смириться (въ 1345 г.); но зато Ольгердъ идетъ подъ пустымъ предлогомъ на Новгородъ: здѣсь, конечно, снова усиливается литовская партія... Замышлялъ Ольгердъ подчинить себѣ и Смоленскую область: смоленскіе князья, очутившіеся между двухъ сильныхъ сосѣдей, стремившихся къ захватамъ, должны были искать союза то одной стороны, то другой. Юрій Даниловичъ отнимаетъ Можайскъ у Смоленскаго князя,—онъ ищетъ союза Литвы, и Гедиминъ его поддерживаетъ; оказываетъ ему помощь и Ольгердъ, является его защитникомъ отъ захватовъ Москвы; но услуги эти, конечно, не безкорыстныя: самъ онъ захватываетъ Ржеву на Волгѣ, смоленскій пригородъ на границѣ съ Тверской областью и Московскими владѣніями (1355 г.); тогда Смоленскій князь пытается освободиться отъ литовской опеки, ищетъ союза Москвы и т. д. Смоленскъ все-таки на время еще сохранилъ свою самобытность; но Чернигово-Сѣвѣрская область была поглощена Литвою. Во время татарскаго ига Чернигово-Сѣверская земля распалась на мелкіе удѣлы, постоянные споры и ожесточенныя усобицы и хищныя татар-

скія орды вконецъ обезсиливаютъ эту землю, и она становится легкой добычею Ольгерда,—онъ сначала завладѣваетъ, пользуясь смутами, болѣе сильной Брянской волостью, а затѣмъ и другими удѣлами (Черниговъ, Трубчевскъ, Новгородъ-Сѣверскій) и раздаетъ ихъ своимъ сыновьямъ.—Наконецъ, пользуясь неурядицами въ Золотой Ордѣ, неугомонный Ольгердъ присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ Кіевское княжество; затѣмъ ведетъ долгую и упорную борьбу съ Польшей за Галицко-Волынское княжество и добивается въ 1377 г. того, что Волынь отошла къ Литвѣ.

Теперь, съ присоединеніемъ этихъ русскихъ областей къ Литвѣ, она составляетъ лишь незначительную часть Литовско-русскаго княжества, и вѣрнѣе было бы его называть Западно-русскимъ государствомъ. Русскіе нравы, обычаи и языкъ все болѣе и болѣе распространяются въ самой Литвѣ; православіе тоже, хотя медленно, мало-по-малу, но все же усиливается среди литовцевъ. Уже въ семьѣ Гедимина были русскіе члены, а семейство Ольгерда почти все православное: и первая, и вторая его супруги (Марія Витебская и Юліанія Тверская) были православныя, имѣли при себѣ православныхъ священниковъ и воздвигали здѣсь церкви, дѣтей своихъ воспитывали въ православіи. Самъ Ольгердъ, говорятъ, былъ окрещенъ въ ранней молодости. Осторожный и скрытный, онъ старался изъ политическихъ расчетовъ утаить это отъ народа, особенно отъ вліятельныхъ жрецовъ; въ одномъ случаѣ уступилъ ихъ настояніямъ и выдалъ имъ духовныхъ лицъ, ревнителей православной вѣры, склонявшихъ язычниковъ къ принятію крещенія. Несмотря на угрозы и мученія, они остались вѣрны своему призванію и обратили еще нѣсколькихъ язычниковъ въ православіе; тогда разсвирѣпѣвшіе жрецы предали ихъ вмѣстѣ съ третьимъ ревнителемъ Христовой вѣры мученической смерти; но, кромѣ этого случая, не видно, чтобы въ Литвѣ воздвигались гоненія на православіе, и оно продолжало постепенно распространяться въ верхнихъ слояхъ литовскаго народа, т.-е. въ княжеской семьѣ и дружинѣ. На ряду съ русскимъ православіемъ, какъ извѣстно, водворилось въ Литвѣ и римское католичество; но оно подъ названіемъ „нѣмецкой вѣры“ было ненавистно народу, какъ и нѣмцы, пытавшіеся мечомъ и огнемъ заставить населеніе принять эту вѣру...

Женатый на Тверской княжнѣ Ольгердъ естественно втягивался въ борьбу Твери съ Москвою. Три раза приводилъ онъ свои полки къ Москвѣ; но здѣсь былъ достойный ему соперникъ—Димитрій Донской, который въ свою очередь по уходѣ Ольгерда опустошалъ Тверскую область и вымещалъ на ней убытки, понесенные Московской областью отъ Литвы. Митрополитъ Алексѣй, воодушевленный любовью къ родной землѣ, побуждалъ, какъ видно, и князя и бояръ на борьбу съ Литвою, и потому былъ ненавистенъ Ольгерду.

— „Донынѣ не бывало такого митрополита, каковъ сей: благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови,—жаловался Ольгердъ въ посланіи къ византійскому патріарху въ 1371 г.,—и ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ. А кто цѣловалъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нему, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бывало ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе?“...

Въ виду этого, Ольгердъ проситъ патріарха назначить особаго митрополита для русскихъ областей, подвластныхъ Литвѣ...

Ягелло и Витовтъ.

Въ 1377 г. скончался Ольгердъ, принявъ, говорятъ, предъ смертью, схиму. Послѣ него осталась огромная семья: двѣнадцать сыновей и пять дочерей и, сверхъ того, много племянниковъ и внуковъ. Преемникомъ великокняжескаго достоинства, помимо старшихъ братьевъ, сталъ Ягелло, или Ягайло, старшій сынъ Ольгерда отъ брака на княжнѣ Тверской. Начались смуты и кровопролитныя усобицы. Кейстутъ, провѣдавъ о тайныхъ сношеніяхъ Ягелла съ Тевтонскимъ орденомъ, непримиримымъ врагомъ Литвы, взялъ Вильну и завладѣлъ великокняжескимъ престоломъ, а племяннику далъ въ удѣлъ княжество Кревское и Витебское. Ягелло, конечно, не могъ удовольствоваться этимъ; ему удалось заманить дядю на свиданіе какъ бы для переговоровъ и захватить его. Престарѣлый герой Литвы былъ закованъ и посаженъ въ темницу, гдѣ по приказу вѣроломнаго Ягелла онъ былъ задавленъ (1382 г.) на радость нѣмцамъ. Въ народѣ былъ пущенъ слухъ, будто Кейстутъ самъ лишилъ себя жизни.

Сынъ Кейстута, Витовтъ, содержался подъ стражей въ замкѣ и, вѣроятно, испыталъ бы ту же участь, какъ и отецъ; но жена, посѣщавшая его въ заключеніи, помогла ему обмануть стражу и бѣжать въ одеждѣ служанки изъ замка. Витовтъ нашелъ поддержку у нѣмцевъ, злѣйшихъ враговъ отца,—теперь готовыхъ помогать сыну въ борьбѣ съ Ягелломъ, прежнимъ ихъ союзникомъ, усиленія котораго въ Литвѣ они боялись.

Военныя дѣйствія, начатыя Витовтомъ въ союзѣ съ нѣмцами, сначала были удачны... Ягелло, видя, что двоюродный его братъ—врагъ опасный,—тѣмъ болѣе, что сторону его приняла большая часть Литвы и Жмуди, завелъ съ нимъ тайные переговоры, обѣщалъ ему вернуть отцовскія владѣнія, если онъ отстанетъ отъ союза съ нѣмцами. Витовтъ согласился: ему самому былъ не по душѣ союзъ съ постоянными врагами литовской народности. Хотя Ягелло и не вполнѣ сдержалъ свое обѣщаніе, не далъ Витовту всего обѣщаннаго, но послѣдній не выразилъ ему неудовольствія и усердно началъ помогать ему въ борьбѣ съ Орденомъ.

Породнившись съ русскими князьями, литовскіе князья стали все больше и больше склоняться къ христіанству; многіе изъ потомковъ Гедимина уже были христіанами. Какъ сказано выше, Ольгердъ втайнѣ исповѣдывалъ православіе, сынъ его—Ягелло былъ воспитанъ своею русскою матерью въ православной вѣрѣ. Не только вѣра, но и русскіе нравы, и языкъ, какъ извѣстно, стали сильно распространяться въ Литвѣ. Если бы дѣло такъ шло и дальше, то смѣнилось бы два-три поколѣнія,—и литовское племя совершенно обрусѣло бы и слилось бы вполнѣ въ одинъ народъ съ русскими.—Уже на князей литовскихъ, православныхъ, говорившихъ по-русски, породнившихся

съ домомъ св. Владимира, начинали смотрѣть и въ другихъ русскихъ областяхъ, какъ на русскихъ князей. Новгородъ, Псковъ, Тверь и др. русскія земли, вступая въ союзъ съ литовскими князьями или признавая ихъ власть надъ собою, вовсе не думали, что они измѣняютъ русскому дѣлу и подчиняются иноземной силѣ. На борьбу литовскихъ князей съ московскими можно смотрѣть, какъ на споръ потомковъ Гедимина съ потомками Калиты за владычество надъ всей Русской землей. Тѣ или другіе взяли бы верхъ—все-таки обѣ части Русской земли, западная и восточная, соединились бы въ одно цѣлое; но случилось обстоятельство, которое надолго помѣшало этому соединенію: великій князь литовскій Ягелло, сынъ Ольгерда, вступилъ на польскій престолъ, и Литва на время соединяется съ Польшей.

Польское государство возникло почти въ то же время, какъ и русское. Поляки по своему славянскому происхожденію—родные братья русскимъ и по нравамъ, и по языку своему мало отличались отъ нихъ; но во второй половинѣ X вѣка поляки принимаютъ христіанство отъ западныхъ латинскихъ проповѣдниковъ, и съ XI вѣка мало-по-малу растетъ рознь. Латинское духовенство и глава его, римскій папа, не довольствовались церковной властью, какъ православное духовенство, а старались забрать въ свои руки и мірскія дѣла. Папы сильно враждовали съ византійскими патріархами, стоявшими во главѣ восточной православной церкви, и старались подчинить ее себѣ. Вражда къ православнымъ отъ католическаго духовенства переходитъ и къ мірянамъ.

Страдала Польша подобно Руси отъ удѣльныхъ усобицъ и смутъ; но, кромѣ того, здѣсь, по примѣру сосѣднихъ германскихъ странъ, образовалось сильное боярское сословіе. Польскіе магнаты (бояре), владѣя большими помѣстьями, хотѣли въ своихъ имѣніяхъ господствовать независимо и, наконецъ, присвоили себѣ право выбирать на польскій престолъ королей. Духовенство старалось забрать себѣ побольше власти въ руки; магнаты добивались того же; король не имѣлъ ни большой власти, ни такой силы, какъ литовскіе князья. Торговля и промышленность попали въ руки нѣмцевъ, поселившихся въ Польшѣ, а потомъ торговля перешла къ евреямъ: тѣ и другіе больше всего заботились о своихъ выгодахъ; до пользы народа и государства, чужого для нихъ, имъ не было дѣла. Понятно отсюда, почему въ Польшѣ все шло врозь. Въ то же время папа старался черезъ свое духовенство заправлять ея дѣлами, а германскій императоръ—подчинить ее своей власти.

Въ половинѣ XIV столѣтія, со смертію Казимира III, прекратился домъ Пястовъ, изъ которыхъ обыкновенно выбирались польскіе короли. Магнаты предложили престолъ племяннику Казимира, венгерскому королю Людовику, съ тѣмъ, чтобы онъ закономъ утвердилъ всѣ права, какими они пользовались по обычаю. Людовикъ согласился и вступилъ на польскій престолъ; но когда онъ увидѣлъ какой страшный раздоръ въ Польшѣ между сословіями, и какъ трудно управлять ею,—онъ вернулся въ Венгрію, при чемъ отнялъ отъ Польши Галицію и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Польскіе магнаты объявили своею королевою меньшую дочь Людовика, Ядвигу, и стали

подыскивать ей жениха. Самымъ выгоднымъ казался имъ Ягелло, литовскій князь, который охотно посватался за нее. Сватовство это пришлось по душѣ и правителямъ-вельможамъ, и духовенству: первые разсчитывали, что вслѣдствіе этого брака Польша, слившись съ Литвою, избавится отъ ея вражды и очень усилится, а духовенство надѣялось распространить въ Литвѣ власть римской церкви,—крестить язычниковъ литовцевъ и обратить въ католичество православныхъ. Не радовалась предложенію Ягелла только Ядвига: у нея былъ уже другой женихъ. Она долго противилась браку съ литовскимъ княземъ, какъ ни настаивали вельможи. Говорятъ, что только епископы убѣдили ее: они указали ей на то, что она, согласившись на этотъ бракъ, послужитъ великому дѣлу просвѣщенія литовцевъ христіанскимъ ученіемъ и спасетъ такимъ образомъ тысячи душъ, коснѣющихъ въ язычествѣ.

Въ 1386 году прибылъ Ягелло въ столицу Польши—Краковъ, крестился здѣсь по римскому обряду, вступилъ въ бракъ съ королевой и короновался. Предъ этимъ онъ далъ присягу соблюдать польскіе законы, ввести въ Литвѣ католическую вѣру и соединить Литовское княжество и Польшу въ одно государство.

Крещеніе литовцевъ совершилось легко: христіанъ между литовскими вельможами было уже немало; язычество сильно держалось только въ простомъ народѣ. Самъ король со своей супругой и духовенствомъ пріѣхалъ въ Вильну, огонь Перкуновъ велѣлъ погасить, священныхъ змѣй избить, заповѣдныя рощи, гдѣ совершались важнѣйшіе языческіе обряды, вырубить. Язычники сначала въ ужасѣ смотрѣли на истребленіе своей святыни и напрасно ждали, что вотъ-вотъ грянетъ Перкуновъ громъ и уничтожитъ губителя святыни... А между тѣмъ принимавшимъ крещеніе давали бѣлые хорошіе кафтаны и красивую обувь, а королева щедрою рукою раздавала деньги. Приманка была велика для бѣдныхъ литовцевъ: подарки соблазняли ихъ, и они скрѣпя сердце принимали къ себѣ латинскихъ священниковъ... До тѣхъ поръ мало-по-малу вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ распространялась среди литовцевъ православная христіанская вѣра и въ концѣ концовъ вся Литва обрусѣла бы и стала православною; теперь же, съ появленіемъ здѣсь католическаго духовенства, дѣло совершенно измѣнилось. Въ Литовско-русскомъ государствѣ являются двѣ христіанскія религіи: православная и католическая. Католическое властолюбивое духовенство очень враждебно относится къ православію, старается православныхъ обратить въ католичество, вытѣснить вовсе изъ Литвы православіе. Отъ духовенства вражда переходитъ и къ мірянамъ. Такимъ образомъ вносится въ Литовско-русское государство рознь.

Союзъ Литвы съ Польшею оказался тоже непрочнымъ. Всѣ православные смотрѣли съ негодованіемъ на преданность Ягелла полякамъ, а когда онъ потребовалъ было, по совѣту польскаго духовенства, чтобы и русскіе подданные его присоединились къ латинской церкви, то поднялся сильный ропотъ. Въ то же время многіе литовскіе вельможи были очень недовольны и тѣмъ, что ихъ сила и значеніе съ присоединеніемъ Литвы къ Польшѣ

утрачивались. Этимъ воспользовался двоюродный братъ Ягелла—Витовтъ (или Витольдъ). Ему помогли Тевтонскіе рыцари, которые постоянно враждовали съ Польшею. Ягелло сначала боролся съ Витовтомъ, но наконецъ долженъ былъ уступить. Витовтъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ въ Литвѣ, и она отдѣлилась отъ Польши (1392 г.). Съ этой поры польское правительство всѣми силами старается снова присоединить Литовско-русское княжество къ Польшѣ, и наконецъ добивается своего. Это надолго помѣшало соединенію обѣихъ частей Русской земли въ одно цѣлое. А католическое духовенство, водворившись въ литовско-русскихъ владѣніяхъ, продолжаетъ всѣми способами тѣснить православную вѣру. Много смуты и бѣды отъ этого возникло въ Юго-западной Руси!

Витовтъ, князь очень рѣшительный и вовсе неразборчивый въ средствахъ, задумалъ увеличить свое княжество, усилиться такъ, чтобы ни отъ кого не зависѣть; даже помышлялъ о королевской коронѣ. Онъ безпрестанно былъ въ походахъ: то отбивался отъ сильныхъ сосѣдей, то старался овладѣть новыми землями. Дочь Витовта, Софія, была замужемъ за Василіемъ Димитріевичемъ; но это не мѣшало Витовту стремиться къ захвату русскихъ областей.

Въ Смоленскѣ въ это время шли усобицы: старшій князь старался забрать въ свои руки мелкихъ удѣльныхъ князей. Витовтъ явился подъ Смоленскомъ и предложилъ всѣмъ князьямъ ѣхать къ нему, при чемъ давалъ охранныя грамоты, чтобы они не опасались ничего.

— „Слышалъ я, что между вами нѣтъ единства и большая вражда, послалъ онъ сказать имъ. Если будетъ между вами какой споръ, то вы сошлитесь на меня, какъ на третьяго; я васъ разсужу справедливо.“

Смоленскіе князья обрадовались третейскому суду сильнаго Витовта,— думали, что онъ разсудитъ ихъ справедливо. Съ большими дарами всѣ они отправились къ нему; онъ дары-то отъ нихъ взялъ, а ихъ всѣхъ велѣлъ схватить и отправить въ Литву, а въ Смоленскѣ посадилъ своихъ намѣстниковъ (1395 г.). Потомъ пришлось, правда, ему вести борьбу съ однимъ изъ смоленскихъ князей, оставшимся на свободѣ; но все же Смоленскъ достался Литвѣ очень легко.

Василій Димитріевичъ на этотъ разъ не помѣшалъ своему тестю поживиться на счетъ русскихъ областей; но Витовту Смоленска было еще мало: хотѣлось ему и въ Новгородѣ утвердиться, да и самую Москву прибрать къ рукамъ. Въ это время подъ его покровительство отдался Тохтамышъ, просилъ помочь ему снова воцариться въ Золотой Ордѣ, и за это обязывался помочь литовскому князю добыть Москву.

Витовтъ долго готовился къ борьбѣ съ татарами, собралъ громадное войско: тутъ были отряды литовскіе, русскіе, польскіе, было нѣсколько сотъ нѣмецкихъ рыцарей, были и татарскіе отряды Тохтамыша. До пятидесяти русскихъ и литовскихъ князей начальствовали надъ войскомъ, во главѣ котораго былъ самъ Витовтъ. Войско было бодро и хорошо вооружено. Все, казалось, предвѣщало блестящій успѣхъ. Выступая въ походъ, Витовтъ послалъ сказать хану Золотой Орды, Тимуръ-Кутлуку:

— „Богъ готовитъ мнѣ владычество надъ всѣми твоими землями. Будь моимъ данникомъ или будешь рабомъ!“

Юный Тимуръ готовъ былъ, какъ говорятъ лѣтописцы, подчиниться Витовту, признать его старѣйшимъ, и даже дань платить. Но, когда прибылъ въ татарскій станъ мурза Эдигей, старый опытный вождь, дѣло пошло иначе. Онъ съѣхался для переговоровъ съ Витовтомъ на берегу Ворсклы.

— „Царь нашъ,—сказалъ насмѣшливо Эдигей Витовту:—справедливо могъ признать тебя отцомъ: ты старше его лѣтами, но моложе меня. Покорись мнѣ, плати дань и на литовскихъ деньгахъ изображай печать мою!“

Насмѣшка эта привела въ ярость Витовта. Онъ далъ приказъ начинать сраженіе. Одинъ изъ воеводъ литовскихъ, видя громадныя полчища татаръ, совѣтовалъ лучше попытаться помириться на выгодныхъ условіяхъ, но болѣе юные и рьяные литовскіе воеводы смѣялись надъ этою осторожностью.—„Сокрушимъ невѣрныхъ!“ кричали они.

Полчища татаръ были многочисленнѣе литовскаго войска; Витовтъ надѣялся на свои пушки и пищали. Но въ тѣ времена не умѣли не только мѣтко стрѣлять изъ пушекъ, но и съ трудомъ поворачивали ихъ, медленно заряжали, да и орудія были еще плохія, такъ что отъ нихъ было больше грому, чѣмъ бѣды для непріятеля. Притомъ татары въ открытомъ полѣ нападали вразсыпную, небольшими отрядами: пушки имъ не могли нанести большого вреда. Сначала, впрочемъ, литовцы разстроили было полчища Эдигея; но когда татары зашли въ тылъ литовскому войску и внезапно и стремительно ударили на него, то литовскіе полки были смяты. Побоище длилось до самой поздней ночи. Татары безпощадно рѣзали, топтали, забирали толпами усталыхъ и оторопѣвшихъ непріятелей. Однихъ князей убитыхъ лѣтописецъ насчитывалъ до 20. Едва третья часть литовскаго войска спаслась. Татары гнались за бѣгущимъ Витовтомъ верстъ пятьсотъ до самаго Кіева, предавая все страшному разоренію (1399 г.). Но опустошеніемъ части Литовскаго княжества дѣло и кончилось: татары, видно, уже были не въ силахъ поработить всю Литву, обложить ее тяжелою данью, какъ нѣкогда поступилъ Батый съ нашимъ отечествомъ.

Одержи Витовтъ побѣду надъ татарами на Ворсклѣ, подобную Куликовской, онъ вошелъ бы въ такую силу, что и Москва не устояла бы противъ него. Удачнѣе шли его дѣла на западѣ: здѣсь онъ сообща съ польскимъ королемъ нанесъ страшное пораженіе Тевтонскимъ рыцарямъ (при Танненбергѣ, 1410 г.). Въ этой битвѣ участвовали полки всѣхъ западно-русскихъ княжествъ; особенно отличился смоленскій полкъ. Послѣ погрома на Ворсклѣ Витовтъ притихъ было, оставилъ въ покоѣ Новгородъ; но Смоленскъ, гдѣ пытался утвердиться прежній князь Юрій, Витовтъ удержалъ въ своихъ рукахъ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ, отдохнувъ отъ пораженія, онъ сталъ снова добиваться русскихъ земель, напалъ на Псковскую область; псковичи и новгородцы стали искать обороны въ Москвѣ. Когда увидѣлъ Василій Димитріевичъ, что тесть его не довольствуется Смоленскомъ, а добирается до другихъ русскихъ областей, то объявилъ ему войну. Три раза сходились

Василій и Витовтъ со своими войсками, готовые къ бою, но до битвы дѣло не доходило: оба князя были очень осторожны. Витовтъ, наконецъ, оставилъ въ покоѣ русскія области. Границею между литовскими и московскими владѣніями назначена рѣка Угра. Здѣсь въ послѣдній разъ въ княженіе Василія Димитріевича встрѣтились русскія и литовскія войска.

Княженіе Василія II (1425—1462).

Усобицы между московскими князьями.

Умеръ Василій Димитріевичъ въ 1425 году. Въ своемъ завѣщаніи онъ оставлялъ сына подъ опекою матери, благословлялъ его великимъ княженіемъ и отказывалъ ему все родительское наслѣдіе и свой собственный „примыслъ“ (Нижній-Новгородъ и Муромъ).

Никто изъ постороннихъ удѣльныхъ князей теперь и не думалъ оспаривать великокняжеской власти у малолѣтняго Василія, какъ нѣкогда оспаривали ее у маленькаго Димитрія Донского; но въ числѣ самыхъ близкихъ родичей нашелся соперникъ Василію: то былъ родной его дядя—Юрій Димитріевичъ, князь Звенигородскій. Онъ ссылался не только на старое право родового старшинства дяди надъ племянникомъ, но и на духовное завѣщаніе отца. По завѣщанію этому выходило, что по смерти Василія Димитріевича могъ наслѣдовать слѣдующій за нимъ братъ его, т.-е. Юрій Димитріевичъ. Завязался споръ. Стали готовиться съ той и съ другой стороны къ войнѣ; митрополитъ старался унять вражду; наконецъ, рѣшено было отдать спорное дѣло на рѣшеніе хана; но черезъ нѣсколько времени Юрій успокоился и такъ.

Тяжелое время было тогда на Руси. Свирѣпствовала страшная моровая язва, которая опустошала Русскую землю еще въ послѣдніе годы княженія Василія Димитріевича. Лѣтописецъ говоритъ, что въ это время являлись страшныя знаменія: отъ небывалой засухи (1430 г.) изсякли водьі; травы и лѣса выгорали; люди задыхались въ густыхъ облакахъ дыму и не могли видѣть другъ друга; звѣри, птицы и рыбы издыхали въ огромномъ количествѣ; повсюду свирѣпствовали голодъ и повальныя болѣзни. Витовтъ, пользуясь малолѣтствомъ своего внука, началъ тѣснить псковскія владѣнія и брать окупы со Пскова и Новгорода. Шайки татаръ дѣлали разбойничьи набѣги на русскія земли. Наконецъ, Юрій Димитріевичъ, который, казалось, уже успокоился, объявилъ войну Василію.

Василій Васильевичъ предложилъ дядѣ исполнить прежнее рѣшеніе—отдать дѣло на судъ хана. Дядя и племянникъ съ боярами своими отправились въ Орду. Ханъ Махметъ нарядилъ судъ, чтобы разобрать этотъ споръ. Юрій ссылался на старые родовые обычаи, на завѣщаніе Димитрія Донского; но одинъ изъ бояръ московскихъ, Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій, очень ловко повернулъ дѣло въ пользу своего юнаго князя.

— „Царь верховный! — обратился онъ къ Махмету: — умоляю тебя,

дозволь мнѣ, смиренному холопу, говорить за моего юнаго князя. Юрій ищетъ великаго княженія по древнимъ правамъ, а князь нашъ—по твоей милости: онъ знаетъ, что княжество это—твой улусъ, и ты можешь отдать его, кому захочешь. Ты далъ свой улусъ его отцу, Василію Димитріевичу, и тотъ, основываясь на твоей милости, передалъ его сыну своему. Шесть лѣтъ уже Василій Васильевичъ на престолѣ и ты не свергнулъ его; значитъ, онъ княжитъ по твоей же милости."

Эта льстивая рѣчь очень понравилась хану; притомъ ловкій боярин еще раньше успѣлъ заручиться содѣйствіемъ нѣсколькихъ мурзъ, ханскихъ сановниковъ, которые тоже хлопотали у хана за московскаго великаго князя. Дѣло рѣшено было въ пользу Василія Васильевича: ханъ далъ ярлыкъ на великое княженіе ему и даже велѣлъ было Юрію вести коня подъ нимъ, что означало, по азіатскимъ понятіямъ, полную покорность; но Василій уклонился отъ этого обряда: онъ не хотѣлъ унижать своего дядю. Съ Василіемъ въ Москву отправился ханскій посолъ и торжественно посадилъ его на великокняжескій престолъ.

Но споръ дяди съ племянникомъ этимъ не кончился; Юрій ждалъ только случая начать распрю.

Василій въ Ордѣ обѣщалъ Всеволожскому жениться на его дочери; а по пріѣздѣ въ Москву, по настоянію своей матери, обручился съ княжною Боровской. Всеволожскій былъ этимъ жестоко оскорбленъ, — отъѣхалъ отъ московскаго князя къ Юрію на службу и сталъ подбивать его къ войнѣ съ Василіемъ, которому прежде самъ такъ усердно служилъ. Поводъ къ войнѣ скоро нашелся.

На свадебномъ пиру у великаго князя въ числѣ гостей были оба сына Юрія: Василій Косой и Димитрій Шемяка. На первомъ былъ богатый поясъ, усыпанный драгоцѣнными камнями. Одинъ изъ старыхъ бояръ разсказалъ Софіи Витовтовнѣ исторію этого пояса: оказалось, что онъ былъ данъ Димитрію Донскому въ приданое за женою, но во время свадьбы былъ украденъ и подмѣненъ другимъ, затѣмъ переходилъ изъ рукъ въ руки и достался Василію Юрьевичу въ приданое за женою. Софія Витовтовна, недолго думая, тутъ же на пиру приказала силою снять съ Василія Косого поясъ, который долженъ былъ по наслѣдству достаться ея сыну. Василій Юрьевичъ съ братомъ своимъ поклялись жестоко отмстить за это оскорбленіе. Оно и послужило предлогомъ къ войнѣ.

Василій Васильевичъ не успѣлъ и приготовиться къ отпору, какъ Юрій съ большою ратью напалъ на московскія владѣнія. Небольшая и нестройная толпа людей, наскоро набранныхъ, съ которою Василій выступилъ противъ дяди, была разбита на Клязьмѣ, въ 20 верстахъ отъ Москвы. Василій думалъ было бѣгствомъ спастись, но былъ захваченъ въ плѣнъ. Юрій занялъ Москву и объявилъ себя великимъ княземъ. Избавиться отъ своего соперника насиліемъ онъ не рѣшился; напротивъ, по совѣту любимаго своего боярина Морозова, онъ помирился съ Василіемъ Васильевичемъ, отдалъ ему во владѣніе Коломну. Но скоро Юрію пришлось сильно пожалѣть объ этомъ. Только что Василій Васильевичъ водворился въ Коломнѣ,

какъ бояре московскіе и служилые люди стали толпами переходить къ нему; вся дорога отъ Москвы до Коломны обратилась словно въ улицу многолюднаго города; пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, — спѣшили къ тому, кого считали законнымъ своимъ государемъ. У бояръ московскихъ не могло быть большой охоты служить Юрію: у него были свои любимцы—бояре, которымъ пришлось бы уступить первое мѣсто. Увидѣлъ Юрій, какъ оплошалъ, послушавшись своего любимца Морозова, а Василій и Димитрій пришли въ ярость.

— „Ты злодѣй!—кричали они Морозову:—ты ввелъ отца нашего въ бѣду, ты намъ издавна крамольникъ и лиходѣй!“

Въ порывѣ ярости они убили Морозова и бѣжали отъ гнѣва отца. Понялъ оставленный всѣми Юрій, что ему не удержаться въ Москвѣ, и, скрѣпя сердце, возвратилъ ее Василію, обязался даже не принимать къ себѣ своихъ сыновей.

Но скоро онъ измѣнилъ договору; началась новая борьба. Василію Васильевичу опять не посчастливилось; онъ уже думалъ бѣжать въ Орду, но въ это время скоропостижно умеръ Юрій, а Москву занялъ Василій Косой, который ужъ ровно никакихъ правъ не имѣлъ на московскій престолъ, и не могъ долго удержаться на немъ; даже родные братья не поддержали его. Онъ попалъ въ плѣнъ къ великому князю и тотъ въ порывѣ вражды поступилъ съ нимъ безчеловѣчно,—велѣлъ его ослѣпить. На время усобица притихла.

Шемяка заключилъ съ вел. княземъ договоръ, въ которомъ изъявлялъ ему свою покорность, и вернулся въ свой удѣлъ; но въ сердцѣ онъ затаилъ глубокую вражду къ Василію Васильевичу и только выжидалъ удобнаго случая, чтобы начать борьбу съ нимъ.

Въ 1437 году ханъ Улу-Махметъ, изгнанный братомъ изъ Золотой Орды, искалъ убѣжища съ отрядомъ своимъ на русской границѣ и засѣлъ въ Бѣлевѣ; но Василій послалъ противъ него сильное войско. Ханъ просилъ у Василія мира, давалъ сына своего и нѣсколькихъ мурзъ въ заложники, обязывался стеречь Русскую землю и не требовать никакихъ выходовъ; но русскіе воеводы не шли на эти условія. Тогда Махметъ хитростью одолѣлъ русскихъ, прошелъ за Волгу и засѣлъ въ запустѣломъ городкѣ Казани. Здѣсь онъ поставилъ себѣ деревянный городъ на новомъ мѣстѣ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Казань наполнилась населеніемъ; сюда шли поселенцы изъ окрестныхъ мѣстъ: болгары, черемисы; шли даже изъ самой Золотой Орды, изъ Астрахани, изъ Азова и изъ другихъ мѣстъ. Такимъ образомъ Улу-Махметъ положилъ начало Казанскому царству по сосѣдству съ Москвою. Съ этихъ поръ начинаются набѣги казанскихъ татаръ на русскія земли.

Первый ихъ набѣгъ удалось отразить. Въ 1445 году опять шайки Махмета показались въ русскихъ предѣлахъ. Великій князь выступилъ противъ нихъ съ небольшимъ отрядомъ, но подлѣ Суздаля былъ разбитъ и захваченъ въ плѣнъ. Обрадовался Шемяка, сталъ упрашивать хана, чтобы онъ не отпускалъ плѣнника на княженіе; но Василію удалось освободиться

изъ плѣна: онъ обѣщалъ заплатить хану огромный выкупъ за себя. Пришлось для этого собирать большія подати съ народа. Поднялось неудовольствіе. Ропотъ усилился, когда Василій сталъ принимать къ себѣ на службу татарскихъ мурзъ, раздавать имъ русскія области въ управленіе. Стали ходить слухи, будто Василій Васильевичъ тайно условился съ ханомъ — занять Тверское княжество, а всю Московскую землю отдать ему. Димитрій Шемяка спѣшилъ воспользоваться этими слухами: не могъ онъ ждать себѣ добра отъ Василія Васильевича, знавшаго о сильной его враждѣ къ себѣ. Слухамъ о бѣдѣ, грозящей всей Русской землѣ, повѣрили Тверской князь Борисъ Александровичъ и князь Можайскій Иванъ Андреевичъ и стали сноситься съ Шемякой и нѣкоторыми недовольными московскими людьми. Рѣшено было свести Василія Васильевича съ московскаго престола.

Разъ, какъ великій князь отправился изъ Москвы на богомолье въ Троицкій монастырь, Шемяка вмѣстѣ съ княземъ Можайскимъ напалъ ночью врасплохъ на Москву. Заговорщики схватили жену и мать великаго князя, разграбили его казну, перехватали вѣрныхъ бояръ. Въ ту же ночь князь Можайскій съ отрядомъ своихъ и шемякиныхъ воиновъ поспѣшилъ къ Троицкому монастырю. Утромъ на другой день, во время обѣдни, великій князь получилъ вѣсть, что на него идутъ Шемяка и Можайскій. Онъ не повѣрилъ.

— „Можетъ ли быть,—говорилъ онъ:—чтобы братья пошли на меня, когда я съ ними въ крестномъ цѣлованіи?“

Однако на всякій случай послали развѣдчиковъ; но Можайскій повелъ дѣло очень ловко: приказалъ собрать множество саней, положить въ нихъ по два воина, покрыть рогожами, а за каждыми санями итти по одному человѣку. Развѣдчики Василія подумали, что это идетъ простой обозъ съ товаромъ. Подъѣхалъ этотъ обозъ къ нимъ поближе; тогда ратники выскочили изъ возовъ и перехватали оторопѣвшихъ людей Василія. Никто изъ нихъ не убѣжалъ, да и бѣжать было бы трудно: въ ту пору на дорогѣ лежалъ глубокій снѣгъ.

Увидалъ враговъ великій князь, когда они были очень ужъ близко. Бросился онъ въ конюшню, — тамъ не оказалось ни одной осѣдланной лошади. Всѣ люди его растерялись отъ страха и не знали, что дѣлать. Тогда Василій кинулся въ Троицкую церковь и сталъ молиться. Монастырскій дворъ наполнился ратниками. Раздавались крики: „Гдѣ великій князь?“

Василій, услышавъ изъ церкви голосъ князя Можайскаго, закричалъ:

— „Братья, пощадите меня! дозвольте мнѣ здѣсь остаться, смотрѣть на образъ Господень; здѣсь я постригусь, здѣсь я и умру!“

Затѣмъ онъ взялъ икону съ гроба св. Сергія, вышелъ съ нею изъ церкви къ князю Можайскому.

— „Братъ,— сказалъ онъ: — здѣсь, въ этой самой церкви, у гроба преподобнаго Сергія цѣловали мы животворящій крестъ и вотъ эту самую икону, клялись не мыслить другъ на друга никакого лиха, а теперь и не вѣдаю, что надо мною творится!“

Князь Можайскій успокаивалъ его, говорилъ, что они не замышляютъ

ему зла, а хотятъ только избавить Русскую землю отъ тяжкаго платежа татарамъ выкупа. Василій поставилъ на мѣсто икону, упалъ предъ гробомъ св. Сергія и сталъ громко молиться. Слезы его и рыданія тронули даже и враговъ; нѣкоторые изъ нихъ прослезились. Князю Можайскому трудно было смотрѣть на это: онъ наскоро перекрестился, вышелъ изъ церкви и сказалъ одному изъ шемякиныхъ бояръ: „Возьми его!“

— „Гдѣ же братъ, князь Иванъ?“ спросилъ Василій, помолившись.

— „Взятъ ты великимъ княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ!“ — отвѣтилъ бояринъ, схвативъ его грубо за плечи.

— „Да будетъ воля Божія!“ проговорилъ несчастный плѣнникъ.

Взятъ онъ былъ 13-го февраля 1446 г., привезенъ въ Москву, а 16-го февраля, по приказу Шемяки, его ослѣпили. При этомъ велѣно было ему сказать: „Зачѣмъ татаръ привелъ ты на Русскую землю и города съ волостями отдалъ имъ въ кормленіе? Зачѣмъ татаръ безъ мѣры любишь, а христіанъ безъ милости томишь? Зачѣмъ золото, серебро и всякое имѣніе отдаешь татарамъ? Зачѣмъ ослѣпилъ князя Василія Юрьевича?“

Такъ старался Шемяка оправдать свое злодѣйство, придать ему видъ наказанія за проступки.

Ослѣпленный князь съ женою былъ сосланъ въ Угличъ.

Затѣмъ захвачены были и всѣ дѣти Василія и отправлены также въ Угличъ, въ заточеніе. Шемяка, забравъ въ свои руки великокняжескую власть, занялъ Москву; но трудно ему было здѣсь усидѣть. Хотя были у него доброхоты изъ московскихъ бояръ, но все же сторонниковъ Василія было больше. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали изъ Москвы въ Литву; другіе составили заговоръ освободить Василія изъ Углича. Увидѣлъ Шемяка, что ему не княжить спокойно, пока ослѣпленный имъ князь будетъ въ заточеніи. Притомъ и митрополитъ Іона чуть не каждый день твердилъ ему:

— „Сдѣлалъ ты неправду! Выпусти Василія и дѣтей его, сними грѣхъ съ души своей! Что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпецъ да малыя дѣти?“

Шемяка рѣшился освободить Василія, помириться съ нимъ, дать ему волость. Онъ поѣхалъ въ Угличъ, взялъ съ собою епископовъ и игуменовъ. Пріѣхавъ туда, онъ каялся предъ Василіемъ, умолялъ его о прощеніи. Василій, въ свою очередь, казалось, искренне сознавалъ и свои неправды.

— „Заслуживалъ я и смертной казни,—кротко говорилъ онъ:—но ты, государь, явилъ милосердіе свое ко мнѣ, не погубилъ меня съ моими грѣхами и беззаконіями; далъ мнѣ время покаяться!“

При этомъ слезы обильно текли изъ слѣпыхъ глазъ Василія. Казалось, враги помирились, и всякая злоба и вражда улеглись въ ихъ сердцахъ. На радостяхъ Шемяка даже задалъ большой пиръ; Василій далъ ему клятвенныя грамоты не искать великаго княженія; а Шемяка щедро одарилъ Василія и далъ ему во владѣніе Вологду.

Шемяку въ Москвѣ не любили. Захвативъ неправдою власть, онъ постоянно опасался измѣны; своихъ бояръ и сторонниковъ щедро награждалъ и всячески мирволилъ имъ, а тѣхъ, которые не выказывали ему особенной преданности, тѣснилъ. Его доброхоты могли творить всякія неправды и на-

силія, а управы и защиты отъ нихъ на судѣ у него найти нельзя было; Несправедливость его вошла даже въ поговорку: всякій корыстный и неправедный судъ народъ сталъ звать „Шемякинымъ судомъ“.

Какъ только Василій получилъ свободу и водворился въ Вологдѣ, приверженцы его толпами бросились къ нему. Сначала онъ, казалось, затруднялся нарушить обѣщаніе; но игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря разрѣшилъ ему клятву: клятва, данная въ Угличѣ, по словамъ игумена, была незаконна, потому что дана въ неволѣ и страхѣ. Къ Василію спѣшили на помощь не только его московскіе доброхоты, но и тѣ, которые бѣжали въ Литву. Приходили они съ людьми своими, съ вооруженными отрядами. У Василія скоро собралась порядочная сила. Можно было попытаться добывать Москву. Шемяка съ княземъ Можайскимъ приготовились къ борьбѣ. Небольшой отрядъ Василія осторожно пробрался къ Москвѣ, ночью врасплохъ ворвался въ открытыя ворота и завладѣлъ Кремлемъ. Бояре Шемяки и Можайскаго были схвачены и закованы, а москвичи приведены къ присягѣ великому князю Василію Васильевичу. Когда Шемяка и Можайскій узнали объ этомъ, когда они увидѣли, какъ люди бѣгутъ отъ нихъ толпами, а рать Василія съ каждымъ днемъ все растетъ да растетъ, то поняли, что имъ остается только искать спасенія. Запросили они мира у Василія Васильевича, каялись въ своихъ проступкахъ, давали обѣты вѣрности, обязывались возвратить все захваченное въ Москвѣ: казну, драгоцѣнные кресты, иконы, древнія грамоты; просили только, чтобы Василій позволилъ имъ остаться въ ихъ наслѣдственныхъ удѣлахъ.

Василій помирился скоро съ княземъ Можайскимъ; наконецъ, по просьбѣ родичей заключилъ миръ и съ Шемякою, но взялъ съ него такъ-называемую „проклятую грамоту“. Она заключалась такими словами: „Если преступлю обѣты свои, да лишусь милости Божіей и молитвы св. угодниковъ земли нашей: митрополитовъ Петра и Алексія, Леонтія Ростовскаго, Сергія, Кирилла и другихъ; да не будетъ на мнѣ благословенія епископовъ русскихъ и пр.“.

Но и клятвы не помогли; Шемяка не унялся,—вездѣ заводилъ крамолу,—между удѣльными князьями, въ самой Москвѣ, въ Новгородѣ; старался всюду зажечь вражду къ Василію, винилъ его въ поблажкѣ татарамъ, а самъ въ то же время велъ тайные переговоры съ казанскимъ ханомъ; захваченныхъ въ Москвѣ грамотъ и ярлыковъ не возвращалъ,—словомъ, и не думалъ исполнять своихъ обѣщаній. Наконецъ, были перехвачены его грамоты, изъ которыхъ ясно было видно, что онъ старался поднять мятежъ въ Москвѣ противъ великаго князя. Тогда Василій Васильевичъ отдалъ дѣло на судъ духовенства.—Этотъ судъ во имя Бога, казалось, одинъ могъ обуздать Шемяку, не знавшаго человѣческой справедливости.

Ему было отправлено грозное посланіе отъ лица всего русскаго духовенства за подписью пяти владыкъ и двухъ архимандритовъ. Духовенство всегда стояло за единовластіе, всегда старалось противоборствовать усобицамъ и смутамъ; въ этомъ посланіи оно высказывалось въ пользу престолонаслѣдія отъ отца къ сыну.

„Ты вѣдаешь,—говорится въ грамотѣ,—сколько трудился твой отецъ, чтобы присвоить себѣ великое княженіе вопреки волѣ Божіей и законамъ человѣческимъ, лилъ русскую кровь, сѣлъ на престолѣ и долженъ былъ оставить его; уѣхалъ изъ Москвы только съ пятью слугами, и самъ звалъ Василія на престолъ, затѣмъ снова похитилъ его. И долго ли пожилъ? Едва достигъ желаемаго, и вотъ уже въ могилѣ, осужденный Богомъ и людьми! А братъ твой?—въ горлости и высокоуміи рѣзалъ онъ христіанъ, иноковъ, священниковъ, а благоденствуетъ ли нынѣ? Вспомни и собственныя дѣла свои. Когда безбожный царь Махметъ стоялъ у Москвы, ты не хотѣлъ помочь государю и былъ виною христіанской гибели. Сколько истреблено людей, сожжено храмовъ, поругано святыни? Ты, ты будешь отвѣтствовать Всевышнему! Напали варвары, великій князь много разъ посылалъ къ тебѣ, молилъ итти съ нимъ на врага,—но тщетно! Пали вѣрные воины въ крѣпкой битвѣ: имъ вѣчная память, а на тебѣ кровь ихъ! Господь избавилъ Василія отъ неволи: ослѣпленный властолюбіемъ и презирая святость крестныхъ обѣтовъ, ты, второй Каинъ и Святополкъ въ братоубійствѣ, разбоемъ схватилъ, злодѣйски истерзалъ его,—на добро ли себѣ и людямъ? Долго ли господствовалъ, и въ тишинѣ ли? Не безпрестанно ли волнуемый, мучимый страхомъ, спѣшилъ ты съ мѣста на мѣсто, томимый днемъ заботами, ночью сновидѣніями? Хотѣлъ большаго, но погубилъ свое меньшее. Великій князь снова на престолѣ и въ новой славѣ: даннаго Богомъ человѣкъ не отниметъ. Одно милосердіе Василія спасло тебя. Государь еще повѣрилъ клятвѣ твоей, и опять видитъ измѣну. Плѣняемый честію великокняжескаго имени, суетною, если она не Богомъ дарована, или, побуждаемый златолюбіемъ, ты дерзаешь быть вѣроломнымъ, не исполняя клятвенныхъ условій мира: именуешь себя великимъ княземъ, и требуешь войска отъ новгородцевъ, будто бы для изгнанія татаръ, призванныхъ Василіемъ и до сихъ поръ не отсылаемыхъ. Но ты виною сего: татары немедленно будутъ высланы изъ Русской земли, когда истинно докажешь свое миролюбіе государю. Онъ знаетъ всѣ твои приписки. По твоему совѣту казанскій царевичъ оковалъ цѣпями московскаго посла. Уже миновало шесть мѣсяцевъ за срокъ, а ты не возвратилъ ни святыхъ крестовъ, ни иконъ, ни сокровищъ великокняжескихъ. Итакъ мы, служители алтарей, по долгу своему молимъ тебя, господинъ князь Димитрій, очистить совѣсть, удовлетворить всѣмъ праведнымъ требованіямъ великаго князя, готоваго простить и жаловать тебя изъ уваженія къ нашему ходатайству, если обратишься къ раскаянію. Когда же въ безумной гордости посмѣешься надъ клятвами, то не мы, но самъ ты возложишь на себя тягость духовную: будешь чуждъ Богу, церкви, вѣрѣ и проклятъ навѣки со всѣми своими единомышленниками“.

Не помогло и это посланіе. Послѣ еще нѣсколькихъ попытокъ мирно уладить дѣло пришлось взяться за оружіе. Подъ городомъ Галичемъ Шемяка былъ разбитъ московскими полками послѣ упорной и продолжительной схватки (1450 г.). Галичъ сдался великому князю и онъ посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ. Шемяка едва могъ спастись бѣгствомъ. Бѣжалъ онъ въ Новгородъ. Не мало бѣдъ и хлопотъ Василію Васильевичу онъ надѣ-

лалъ бы еще; но въ 1453 году его не стало: онъ былъ отравленъ. Подьячій, который привезъ въ Москву вѣсть о смерти его, былъ пожалованъ въ дьяки.

Со смертію Шемяки кончились усобицы за великокняжескую власть. Борьба Василія Васильевича сначала съ дядею, а потомъ съ двоюродными братьями была единственною въ потомствѣ Калиты.

Этой усобицей только на время былъ задержанъ ростъ Москвы. Къ счастію, никто изъ сосѣдей не могъ воспользоваться ея бѣдою и погубить дѣло собирателей Русской земли. Прежніе соперники ихъ, князья рязанскій и тверской, были уже такъ слабы, что имъ и на мысль не приходило господство надъ Русской землей; имъ оставалось только выбирать, кому подчиниться: московскому или литовскому князю?

Литва, главный врагъ Москвы, въ это время была не опасна: послѣ смерти Витовта въ 1430 г. въ Литвѣ начались тоже смуты и долго шли кровавыя усобицы. Свидригелло, братъ Ягелла, велъ борьбу съ Сигизмундомъ, братомъ Витовта, за обладаніе Литвою. Кончилась эта усобица съ избраніемъ въ литовскіе князья второго сына Ягелла—Казимира. При немъ въ 1447 году Литва снова соединилась съ Польшею.

Исконный врагъ Русской земли, Кипчацкая Орда, во время смутъ въ Московскомъ княженіи совсѣмъ ослабѣла. Отъ нея отдѣлились два большія ханства: Казанское и Крымское. Улу-Махметъ, какъ сказано уже, положилъ начало Казанскому царству, а одинъ изъ потомковъ Тохтамыша, Азы-Гирей—Крымскому. Долго еще пришлось страдать Русской землѣ отъ внезапныхъ нападеній татарскихъ шаекъ; много еще разоренія, бѣды и горя причиняли они своими разбойничьими набѣгами; но все же о прежнемъ владычествѣ татаръ уже не могло быть и рѣчи.

На югѣ, по Украинѣ, гдѣ вѣчно грозила бѣда отъ набѣговъ татаръ, и приходилось постоянно отбиваться отъ нихъ, тревожная военная жизнь стала все больше и больше входить въ нравы жителей. Изъ ратныхъ людей, пограничной стражи и людей вольныхъ, которымъ по душѣ были степной просторъ и боевая жизнь, стало складываться мало-по-малу казачество.

Василій Темный, какъ прозвали его, княжилъ послѣ смерти своего врага Шемяки почти десять лѣтъ. Кромѣ владѣній послѣдняго, Василій примыслилъ и еще земли: онъ завладѣлъ удѣломъ кн. Можайскаго, другого противника своего, который бѣжалъ въ Литву; потомъ великій князь за какую-то вину велѣлъ заключить въ Москвѣ князя Серпуховскаго Василія Ярославича, брата своей жены, а владѣнія его присоединилъ къ Москвѣ. Оставался въ Московскомъ княжествѣ только одинъ удѣлъ—Верейскій. Но здѣшній князь Михаилъ Андреевичъ княжилъ такъ спокойно, такъ повиновался во всемъ великому князю, что и повода не было отнимать у него волость. Итакъ Василій Темный, князь слабый, вѣроломный, среди смутъ и несчастій все же продолжалъ дѣло московскихъ князей, „собирателей земли Русской“, удержалъ не только дѣдовскія и отцовскія владѣнія и примыслы, но и уничтожилъ почти всѣ удѣлы въ Московскомъ княжествѣ. Не могъ бы онъ, конечно, не только этого сдѣлать, но и усидѣть на престолѣ, если бы у него не

было надежныхъ пособниковъ. Сильное московское боярство и духовенство поддержали его. Собираніе Русской земли подъ одною властію и престолонаслѣдіе отъ отца къ сыну становились уже крѣпкимъ обычаемъ.

Не упускали изъ виду Василій и его совѣтники-бояре и другихъ русскихъ областей. Когда Литва ослабѣла отъ усобицъ, то рязанскій князь Иванъ Ѳеодоровичъ подчинился Москвѣ. Передъ смертью онъ отдалъ подъ опеку великому князю своего малютку-сына. Василій перевезъ его въ Москву, и, за малолѣтствомъ его, послалъ въ Рязань и другіе города Рязанскаго княжества своихъ намѣстниковъ.

Новгородъ Великій, пользуясь смутами въ Московскомъ княжествѣ, думалъ сдѣлаться совсѣмъ независимымъ. Вѣче стало безъ согласія великаго князя вступать въ договоры, выдавать грамоты, сноситься съ Литвою. Наконецъ, новгородцы принимали къ себѣ съ почетомъ и помогали врагу великаго князя—Шемякѣ. Въ 1456 году великій князь принялъ рѣшительныя мѣры, чтобы смирить Новгородъ. Лучшіе московскіе воеводы,—Стрига-Оболенскій и Ѳедоръ Басенокъ повели войска противъ Новгорода. Новгородская рать была разбита, и новгородцы принуждены были уплатить окупъ (8,500 р.), обязались снова платить черный боръ (подать) и не давать безъ согласія князя вѣчевыхъ грамотъ.—Въ половинѣ XIV вѣка Псковъ, бывшій прежде пригородомъ Новгорода, добился независимости отъ него, началъ называться его „младшимъ братомъ“. Псковитяне стали сходиться, подобно новгородцамъ, на вѣча, выбирать себѣ посадниковъ и пр., но не особенно ладили съ Новгородомъ, а между тѣмъ, Псковскую землю тѣснили ливонскіе нѣмцы, и нужна была сильная защита. Вотъ почему Псковъ искалъ покровительства Москвы и принималъ къ себѣ изъ рукъ великаго князя намѣстниковъ. Зависимость Пскова отъ Москвы становилась съ XV вѣка все сильнѣе и сильнѣе.

Итакъ, несмотря на внутреннія смуты и усобицы, значеніе Москвы не поколебалось. Власть московскаго великаго князя высилась и крѣпла на русскомъ сѣверо-востокѣ. Если и удержались еще нѣкоторые удѣльные князья, то съ условіемъ—повиноваться московскому великому князю, держать, какъ говорилось тогда, имя его „честно и грозно“.

Флорентійскій соборъ.

Въ первой половинѣ XV ст. и въ русской церкви были смуты и неурядицы. Начались онѣ еще при Димитріи Донскомъ и митрополитѣ Алексіи. Литовскій князь Ольгердъ не могъ потерпѣть, чтобы его православные подданные подчинялись московскому митрополиту, тогда какъ Литва была въ постоянной враждѣ съ Москвою, и наконецъ добился того, что для Юго-западной Руси, подвластной ему, константинопольскій патріархъ поставилъ отдѣльнаго отъ Москвы митрополита, Кипріана. Такъ православная русская церковь подѣлилась на двѣ митрополіи: кіевскую и московскую. Онѣ то соединялись, то вновь раздѣлялись. Митрополиты присылались изъ Византіи и родомъ были обыкновенно греки. Послѣднимъ московскимъ митрополитомъ изъ грековъ былъ Исидоръ.

Византія тогда доживала свои послѣдніе дни; почти всѣ владѣнія ея попали уже въ руки турокъ; только столица съ небольшой областью оставалась еще во власти императора. Дни Византіи были сочтены; одна только надежда поддерживала императора—надежда на Западную Европу. Было время (XI — XIII ст.), она высылала сотнями тысячъ своихъ воиновъ на борьбу съ Востокомъ. Шли ея отважные бойцы подъ знаменемъ креста биться не на жизнь, а на смерть съ безпощадными врагами христіанства—мусульманами, — биться за поруганную святыню, за угнетенныхъ христіанъ, за освобожденіе Св. земли. И не напрасно проливали свою кровь крестоносцы. Имъ удалось вырвать изъ рукъ мусульманъ Св. землю, но прошло время горячаго воодушевленія, охладѣли къ своему дѣлу народы Западной Европы!...

Турки мало-по-малу отняли у нихъ ту Святую землю, которую предки ихъ полили своею кровью и усѣяли своими костями.—Полудикая орда турокъ въ XIII вѣкѣ выдвинулась изъ Средней Азіи и стала тѣснить восточныя византійскія владѣнія. Слабые, изнѣженные византійцы не въ силахъ были бороться съ воинственными сосѣдями; одна за другой византійскія области попадали въ руки турокъ; сила ихъ становилась все грознѣе и грознѣе... Война съ иновѣрцами, грабежъ и истребленіе были не только любимымъ, но даже и священнымъ дѣломъ для турокъ: они были магометане, а Магометъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ силою водворять всюду магометанство и истреблять огнемъ и мечомъ всѣхъ иновѣрцевъ. Въ половинѣ XIV ст. турецкія знамена развѣвались уже на европейскомъ берегу, а въ 1361 году Андріанополь обратился въ столицу турецкаго султана Мурада I. Въ 1389 г., девять лѣтъ спустя послѣ знаменитой Куликовской битвы, гдѣ русскіе мечомъ добыли себѣ надежду на освобожденіе отъ татарскаго ига, происходило другое страшное побоище на Коссовомъ полѣ. Здѣсь южные славяне,—сербы и болгары, отчаянно бились съ закаленными въ бою полчищами Мурада за свою свободу; здѣсь они надолго похоронили ее!...

Турки завладѣли почти всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ. Очередь была за Константинополемъ... Но императору думалось, что еще не все потеряно, что можетъ еще явиться помощь. Откуда же было ждать ее, какъ не отъ христіанскаго Запада, который уже раньше испыталъ въ борьбѣ съ мусульманскимъ Востокомъ свои силы, и испыталъ съ успѣхомъ? Да и какъ было не разсчитывать императору на помощь Запада? Вѣдь, казалось бы, и для западныхъ государей неудобно было впустить въ Европу, въ близкое сосѣдство къ себѣ, сильную полудикую орду, для которой не было завѣта выше истребленія или порабощенія христіанъ. Но вотъ бѣда: четыре вѣка уже длилась вражда между восточной церковью и западной. Рознь и вражда явились больше всего потому, что римскій патріархъ, или папа,—владыка западной церкви, считая себя главнымъ намѣстникомъ Христа на землѣ, хотѣлъ, чтобы его признали всѣ христіане единымъ верховнымъ пастыремъ всей христіанской церкви, которому дана власть самимъ Богомъ „связывать и разрѣшать“. Велика была власть папъ,—могучіе государи Запада преклонялись предъ этими гордыми преемниками смиреннаго Христа; но не преклонились византійскіе патріархи, а за ними и другіе восточные патріархи... Съ XI вѣка (споры и несогласія

были уже и раньше) начался этотъ церковный расколъ, и зародилась вражда сначала между папою и восточными патріархами, потомъ перешла она къ прочему духовенству, наконецъ, и къ мірянамъ. Вотъ въ чемъ была помѣха для союза западно-европейскихъ государей съ Византіей. Понималъ императоръ, что помочь ему въ борьбѣ съ турками можетъ только покровительство Рима. Хотя папы въ это время уже не были такъ могучи, какъ прежде, но все же голосъ ихъ имѣлъ силу у западныхъ государей. Папою въ Римѣ былъ тогда Евгеній IV. Онъ обѣщалъ императору Іоанну поднять всю Европу на турокъ, но лишь въ томъ случаѣ, если восточная церковь соединится въ одно цѣлое съ западною, и предлагалъ собрать соборъ высшихъ духовныхъ лицъ западной и восточной церкви, чтобы общими силами разобрать и уладить всѣ несогласія греческой церкви съ римскою. Императоръ совѣтовался съ патріархами, какъ быть. Нѣкоторымъ вовсе не по душѣ былъ этотъ соборъ; но всѣ понимали, какую услугу можетъ оказать папа погибающей Византіи, и потому согласились.

Рѣшено было съѣхаться на соборъ въ Италіи. Сначала соборъ собрался въ городѣ Феррарѣ, но затѣмъ перешелъ во Флоренцію. Кромѣ императора и папы, на соборѣ были многіе митрополиты и епископы восточные и западные. Сюда отправился и московскій митрополитъ Исидоръ. Это былъ человѣкъ очень ученый и краснорѣчивый; онъ былъ родомъ грекъ и отъ всей души желалъ соединенія церквей: оно казалось ему единственнымъ способомъ спасти свое отечество. Но трудно было ждать чего-либо добраго отъ собора. Уже при открытіи его начались споры о мѣстѣ: императоръ хотѣлъ, подобно царю Константину на Никейскомъ соборѣ, занимать первое мѣсто, но папа не уступалъ, настаивая на томъ, что ему, какъ главѣ церкви, подобаетъ первенство. Наконецъ, рѣшили споръ на томъ, чтобы посрединѣ церкви, противъ алтаря, лежало Евангеліе; чтобы на правой сторонѣ папа занималъ первое мѣсто между католиками, а ниже его стоялъ тронъ для отсутствующаго германскаго императора; чтобы византійскій императоръ сидѣлъ на лѣвой сторонѣ также на тронѣ, но далѣе папы отъ алтаря. Затѣмъ, для преній со стороны западнаго и восточнаго духовенства, выбрали болѣе ученыхъ и краснорѣчивыхъ лицъ. Греки выбрали трехъ святителей: Марка Ефесскаго, митрополита русскаго Исидора и Виссаріона Никейскаго.

Главный споръ шелъ объ исхожденіи Св. Духа. Наши единовѣрцы греки держались ученія, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца, а римляне прибавляли: и Сына. При этомъ они ссылались на нѣкоторыя древнія рукописи, а греки утверждали, что онѣ подложныя. Пятнадцать разъ сходился соборъ для преній объ этомъ вопросѣ. Споры становились рѣзкими. Маркъ Ефесскій особенно горячо ратовалъ противъ латинской ереси. Императоръ и папа старались всѣми мѣрами сдержать раздоръ; говорятъ, были пущены въ дѣло даже угрозы и подкупы. Наконецъ, греки уступили,—согласились признавать ученіе западной церкви объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, а также и о томъ, что кромѣ ада и рая, есть еще чистилище, гдѣ очищаются души отъ грѣховъ для перехода въ рай. Признали также, что опрѣсноки и квасный хлѣбъ одинаково могутъ употребляться при священнодѣйствіи, а главное,

чего добивался папа, признали, что онъ—намѣстникъ Христа и глава всей христіанской церкви, и византійскій патріархъ долженъ подчиняться ему.

6-го іюля 1439 года папа въ главномъ Флорентійскомъ соборѣ необыкновенно торжественно служилъ обѣдню. При огромномъ стеченіи народа, папа благословлялъ императора, епископовъ, сановниковъ. Слезы радости блестѣли въ его глазахъ, когда по его приказу громогласно съ амвона читалась хартія (грамота) соединенія.

„Да возрадуются небо и земля!—говорилось въ ней,—рушилась преграда между восточною и западною церковію. Миръ возвратился на краеугольный камень Христа: два народа уже составляютъ единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихій свѣтъ согласія сіяетъ снова!...“

„Да ликуетъ мать наша, церковь, видя чадъ своихъ, послѣ долговременной разлуки, соединенныхъ снова любовью; да благодаритъ Всемогущаго, который осушилъ ея горькія слезы о нихъ!“ и пр.

Дальше идутъ упомянутыя статьи, принятыя восточною церковью послѣ преній на соборѣ.

Какъ было не радоваться папѣ?! Великое дѣло совершилось бы, если бъ возстановлено было единство христіанской церкви; но не шло на уступки западное духовенство; слишкомъ заботился о своей власти и земномъ величіи папа, и только скрѣпя сердце, не по убѣжденію, а по нуждѣ, подписывали хартію соединенія (уніи) императоръ и восточные епископы (а Маркъ Ефесскій даже отказался и подписывать ее),—вотъ почему все дѣло оказалось непрочнымъ, да и выгодъ оно никому не принесло. Въ Константинополѣ, когда узнали, на какихъ условіяхъ состоялось соединеніе церквей, поднялось сильное волненіе: народъ видѣлъ въ этомъ соединеніи измѣну православію, предательство...

Возвращался въ свою митрополію и русскій митрополитъ Исидоръ, сильно работавшій на соборѣ за унію. Еще съ дороги онъ разослалъ по русскимъ землямъ окружное посланіе объ уніи, призывая христіанъ, католиковъ и православныхъ посѣщать безразлично православные и католическіе храмы, пріобщаться одинаково въ тѣхъ и другихъ. Наконецъ, прибылъ онъ въ Москву. Духовенство и огромная толпа народа ждали его въ Успенскомъ соборѣ. Явился Исидоръ. Предъ нимъ несли латинскій крестъ. Всѣхъ удивилъ этотъ небывалый на Руси обычай. Началось торжественное богослуженіе. Еще больше всѣ поражены: митрополитъ поминаетъ вмѣсто вселенскихъ патріарховъ папу! По окончаніи службы дьяконъ громогласно читаетъ грамоту Флорентійскаго собора. Духовенство и міряне не знаютъ, какъ и быть: вводятся небывалыя новшества, ясно видно отступленіе отъ старины; но все это сдѣлано соборомъ, который именуется вселенскимъ, упоминается, что грамота подписана византійскимъ императоромъ, который всегда считался главной опорой православія; упоминаются подписи многихъ православныхъ епископовъ... Не знаютъ, что и подумать, что сказать. Но великій князь тутъ же, въ церкви, обозвалъ Исидора латинскимъ прелестникомъ и приказалъ посадить его подъ стражу. Созванъ былъ 1441 г. соборъ русскихъ епископовъ, чтобы разобрать это дѣло. Здѣсь Исидоръ былъ осужденъ, какъ отступникъ отъ православія. Ему,

впрочемъ, удалось бѣжать изъ-подъ стражи въ Римъ. Такъ неудачно кончилась попытка соединить восточную православную церковь съ римско-католической.

Послѣ свержения Исидора вел. князь послалъ въ Грецію пословъ съ просьбою о поставленіи новаго митрополита; но когда узналъ, что въ самомъ дѣлѣ императоръ и патріархъ приняли унію, то вернулъ свое посольство назадъ. Въ 1448 году Іона былъ поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ пастырей. Исидоръ былъ послѣднимъ митрополитомъ изъ грековъ. Послѣ него въ московскіе митрополиты избирались только русскіе.

Паденіе Константинополя.

Не помогла церковная унія и Византіи... Прошли тѣ времена, когда папы своимъ словомъ приводили въ движеніе народы и царей! Въ это время въ западной церкви были страшныя неурядицы: открывались всякія злоупотребленія духовенства; въ папы избирались лица слабыя, недостойныя этого высокаго сана. Соборы, которые собирались, чтобы положить конецъ безпорядкамъ, часто порождали только новую смуту. Мудрено ли, что и голосъ папы потерялъ прежнюю свою силу. Папа самъ разсчитывалъ усилить свое значеніе и власть соединеніемъ церквей. Но какую цѣну имѣла хартія соединенія, когда въ Византіи ни духовенство, ни народъ и слышать о ней не хотѣли, несмотря на всѣ старанія императора и нѣкоторыхъ епископовъ, сторонниковъ уніи? Правда, папѣ удалось побудить польскаго короля Владислава III къ борьбѣ съ турками. Отважный король, незадолго передъ тѣмъ одержавшій нѣсколько побѣдъ надъ турками, надѣясь на обѣщанную помощь итальянскаго флота, смѣло и быстро двинулся съ небольшимъ венгерско-польскимъ войскомъ на турокъ. Но помощь не явилась, и въ 1444 году, 9-го ноября, въ отчаянной битвѣ подъ Варной христіанское войско было разбито. Самъ король погибъ въ этой битвѣ.

Еще около десяти лѣтъ томилась Византія между жизнью и смертью. Турки все болѣе и болѣе тѣснили этотъ роскошный, но слабый городъ; даже въ окрестностяхъ Константинополя не стало житья отъ притѣсненій и насилій турокъ; на просьбы и жалобы императора султанъ не обращалъ никакого вниманія. Наконецъ, турки стали строить свои укрѣпленія по берегу Босфора, почти у самой столицы. Дольше терпѣть нельзя было, и императоръ Константинъ XI увидѣлъ, что ему остается только погибнуть съ честью на развалинахъ своего города. Въ душѣ его, конечно, еще не совсѣмъ угасла надежда, что не попуститъ Европа, чтобы Византія досталась туркамъ, и хоть въ послѣднюю минуту, но помощь явится.... Онъ послалъ просить ее у папы, а самъ поспѣшно сталъ готовиться къ оборонѣ. Положеніе города на высокомъ мѣстѣ, крѣпкія каменныя стѣны, грозныя башни, широкіе и глубокіе рвы,— все это подавало надежду на долгую и успѣшную оборону: неразъ уже Царьградъ отбивалъ сильныхъ враговъ отъ своихъ стѣнъ. Но расчетъ на помощь запада оказался плохъ. Папа Николай V сильно злобился на византійцевъ за то, что они противились соединенію церквей. Никто изъ запад-

ныхъ государей и не подумалъ спасать погибающую Византію; только Генуя и Венеція рѣшились ей помочь: эти города вели большую торговлю съ восточными странами и въ Черномъ морѣ, и для нихъ было очень невыгодно, чтобы Константинополь и проливы, соединяющіе Средиземное море съ Чернымъ, попали въ руки турокъ. Но скорой и большой помощи и отсюда нельзя было ждать. Пришлось Византіи своими силами бороться,—изъ городского населенія набирать защитниковъ. Но что это былъ за народъ?! Когда разнеслась по городу вѣсть о близкой опасности, многіе жители, особенно богатые, стали немедленно выселяться изъ Византіи: имущество и жизнь для нихъ были дороже родины. Составленъ былъ по приказу императора списокъ добровольцевъ, пожелавшихъ оборонять городъ. И пяти тысячъ не набралось ихъ, а населенія въ городѣ было до двухсотъ тысячъ!... Все это не предвѣщало ничего добраго... Къ этой горсти людей присоединилось еще около двухъ тысячъ иноземныхъ наемниковъ. Но воодушевленіе этой горсти героевъ было такъ велико, они принялись такъ усердно готовиться къ бою, и рѣшимость ихъ погибнуть подъ стѣнами города, но не сдать его, была такъ сильна,—что у многихъ воскресла надежда, что совершится чудо, и эти доблестные бойцы отобьютъ полчища враговъ.

6-го апрѣля 1453 года началась достопамятная осада Константинополя. До трехсотъ тысячъ закаленныхъ въ бою турокъ расположились вкругъ его стѣнъ. Около четырехсотъ кораблей должны были дѣйствовать съ моря. Еще полудикое, грубое турецкое племя во многомъ стояло ниже европейцевъ,—но только не въ военномъ дѣлѣ. У турокъ были и пушки, и стѣнобитныя машины (тараны), и метательныя: постоянно они вели войну, понятно, что должны были позаботиться о всѣхъ военныхъ принадлежностяхъ. На войну съ христіанами они смотрѣли, какъ на святое дѣло; по вѣрованіямъ ихъ, воины, павшіе въ битвѣ, занимали первое мѣсто въ раю, гдѣ наслаждались всѣми радостями, всѣми благами, какія только могло создать пылкое воображеніе. При этомъ они твердо вѣрили, что ни одинъ смертный не избѣжитъ своей судьбы. Понятно, какихъ воиновъ могла дать свѣжая и сильныя турецкая орда своему властителю-султану, по одному знаку котораго всякій турокъ шелъ на вѣрную смерть...

А въ Константинополѣ изнѣженный, малодушный народъ, какъ только началась осада и раздался грохотъ орудій, совсѣмъ упалъ духомъ. Поднялся мятежъ. Въ разъяренной толпѣ раздавались проклятія и папѣ, и императору: въ нападеніи турокъ видѣли Божью кару за желаніе соединить церкви. Монахи и отшельники суровыми предсказаніями и обличеніями еще больше увеличивали смуту. Въ ужасѣ растерянный народъ толпился въ храмахъ, плакалъ, молилъ Бога о пощадѣ, отъ страха переходилъ къ надеждѣ, отъ надежды къ отчаянію. То передавалось изъ устъ въ уста предсказаніе, что скоро свершится чудо,—явится ангелъ съ огненнымъ мечомъ и поразитъ всѣхъ враговъ, то какое-нибудь зловѣщее предзнаменованіе приводило въ страхъ и уныніе суевѣрную толпу.

Тяжело было положеніе императора! Ему приходилось не только защищать городъ, но ободрять малодушныхъ жителей, сдерживать волненіе, осте-

регаться измѣны. Зато сподвижники его, казалось, не знали устали,— днемъ съ оружіемъ въ рукахъ отражали непріятеля, ночью исправляли пробоины и проломы въ стѣнахъ. Когда же турки пытались приступомъ овладѣть стѣнами города, греки пускали въ нихъ стрѣлы, стрѣляли изъ пищалей, валили на нихъ камни, скатывали мельничные жернова, зажигали греческимъ огнемъ осадныя турецкія башни... Нѣсколько приступовъ было отбито. Но силы защитниковъ день ото дня убывали: подкрѣпленія не было!... Наступило 29-е мая. Магометъ велѣлъ своимъ войскамъ готовиться къ рѣшительному приступу. Отчаянно бились сподвижники Константина. Самъ онъ, въ страшной сумятицѣ битвы, при оглушающемъ грохотѣ выстрѣловъ, крикахъ нападающихъ, дикой музыкѣ турокъ, не терялъ бодрости, являлся впереди своихъ воиновъ. Рвы у стѣнъ города наполнялись убитыми. Турки шли по трупамъ, рвались въ городъ сквозь проломы въ стѣнахъ, наконецъ, сломили защитниковъ и ворвались...

— „Нѣтъ ли здѣсь, воскликнулъ въ отчаяніи Константинъ, христіанина, который лишилъ бы меня жизни, избавилъ бы меня отъ позорнаго плѣна или гибели отъ руки невѣрнаго?“

Никто не отозвался. Тогда онъ ринулся въ толпу враговъ, изрубилъ нѣсколькихъ изъ нихъ и самъ подъ ихъ ударами палъ на груду тѣлъ...

Ворвались турки, и началась звѣрская бойня беззащитнаго люда. Несчастный, обѣзумѣвшій отъ ужаса народъ метался по улицамъ, прятался въ церквахъ. Огромная толпа сбилась въ Софійскій соборъ. Ждали чудеснаго спасенія отъ ангела... Говорятъ, около сорока тысячъ жителей было истреблено турками. Кровь ручьями струилась по улицамъ... Тысячами уводили византійцевъ въ рабство.

Два дня позволилъ султанъ своимъ воинамъ грабить и опустошать городъ. Все, кромѣ стѣнъ храмовъ и зданій, было отдано въ добычу имъ. Въ эти два злосчастные дня было истреблено, разграблено или повреждено то, что создавали въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ наука, искусство и роскошь. Наконецъ, Магометъ II торжественно вступилъ въ свою новую столицу. Великолѣпный Софійскій соборъ обращенъ былъ, по волѣ султана, въ главную мечеть,—и на куполѣ храма, вмѣсто креста, заблисталъ магометанскій полумѣсяцъ!...

Константинополь имѣлъ важное значеніе для русскихъ: здѣсь великая княгиня Ольга, по преданію, приняла св. крещеніе; тутъ, въ Софійскомъ храмѣ, послы св. Владимира, пораженные величіемъ и блескомъ церковной службы, признали греческое богослуженіе выше всѣхъ другихъ; отсюда пришли въ Русскую землю и Христово ученіе, и церковное устройство, и книжная мудрость; отсюда же шло къ намъ долгое время и высшее духовенство.

Константинопольскій патріархъ въ глазахъ русскихъ былъ главнымъ представителемъ православной вѣры, императоръ—главнымъ защитникомъ ея, а роскошная тысячелѣтняя столица, съ ея чуднымъ мѣстоположеніемъ и поразительнымъ великолѣпіемъ, считалась не только главнымъ городомъ православнаго міра, но и лучшимъ городомъ въ мірѣ,—недаромъ звали его Царьградомъ. И вотъ эта столица православія, эта краса городовъ христіанскихъ, этотъ царственный городъ разоренъ, поруганъ, въ рукахъ мусульманъ,

заклятыхъ враговъ христіанъ; императоръ погибъ; патріархъ—плѣнникъ султана!

Понятно, какъ сильно отразилось это событіе на Руси. Москвѣ теперь было уже некстати считаться ниже порабощеннаго Царьграда, а государи московскіе стали мало-по-малу смотрѣть на себя, какъ на преемниковъ византійскихъ императоровъ, какъ на главныхъ хранителей православія и древняго благочестія.

Скорбно повѣствуетъ нашъ лѣтописецъ о паденіи Константинополя и такъ разсуждаетъ о причинахъ событія: „Какъ конь безъ узды, такъ царство безъ сильной и грозной власти. Вельможи (въ Царьградѣ) тѣснили народъ, богатѣли отъ слезъ и крови христіанской; не было правды на судахъ, а въ сердцахъ – мужества; воины щеголяли, красовались одеждой своей, да въ бою не крѣпко стояли. Господь казнилъ недостойныхъ, наслалъ на нихъ Магомета. И не осталось теперь ни единаго православнаго царства, кромѣ русскаго. Сбылось предсказаніе св. Меѳодія Патарскаго и Льва Мудраго, что измаильтяне овладѣютъ Византіей; сбудется, быть можетъ, и другое, что русскіе одолѣютъ измаильтянъ и на семи холмахъ ея воцарятся“...

Такъ смотрѣлъ простодушный лѣтописецъ на событіе; такъ, конечно, смотрѣли и такія же надежды питали на Руси и другіе книжные люди. Царьградъ былъ въ ихъ глазахъ дорогимъ и священнымъ городомъ, а турки являлись оскорбителями этой святыни, заклятыми врагами христіанства.

Княженіе Іоанна III (1462–1505).

Паденіе Новгорода.

Василій Темный еще при жизни своей объявилъ старшаго сына своего Ивана великимъ княземъ и своимъ наслѣдникомъ. Такимъ образомъ укрѣплялся новый порядокъ престолонаслѣдія,—отъ отца къ старшему сыну. Хотя Василій завѣщалъ волости и остальнымъ четыремъ своимъ сыновьямъ (Юрію, Андрею Большому, Борису и Андрею Меньшому), но старшій получилъ городовъ гораздо больше чѣмъ всѣ остальные братья вмѣстѣ, и являлся такимъ образомъ настоящимъ великимъ княземъ, государемъ, а братья сравнительно съ нимъ были только большими помѣщиками.

Въ 1462 г., 5-го марта, скончался Василій II, и сталъ княжить Иванъ III.

Это былъ настоящій потомокъ Калиты. Всѣми свойствами, какими отличались лучшіе московскіе князья-скопидомы, собиратели Русской земли, обладалъ онъ: холодный, скрытный, осторожный, расчетливый, онъ обдумывалъ каждый свой шагъ, каждое свое слово; принимался за дѣло только тогда, когда зналъ, что можно дѣйствовать навѣрняка, безъ промаха; во всякомъ дѣлѣ онъ, казалось, держался пословицы: „семь разъ смѣрь, а разъ отрѣжь“; но когда все было обдумано, взвѣшено да смѣрено, и дѣло было надежнымъ и выгоднымъ,—тогда вершилъ его смѣло, не глядя ужъ ни на что...

Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ видѣлъ вокругъ себя злобу, вѣроломство, обманъ и звѣрство; однимъ своимъ видомъ слѣпой отецъ могъ постоянно ему

напоминать о нихъ. Мудрено ли, что онъ съ юныхъ лѣтъ уже очерствѣлъ сердцемъ, затаился въ самомъ себѣ?... Смолоду же онъ могъ возненавидѣть и удѣльные порядки, принесшіе столько бѣдъ и горя его отцу. Уничтоженіе удѣловъ стало завѣтною задачею его княженія.

Новгородъ и Тверь были наиболѣе сильными изъ нихъ.

Богатъ былъ Новгородъ; бойко шла торговля его; на вѣчѣ новгородцы свободно могли толковать о своихъ нуждахъ и дѣлахъ; излюбленные выборные люди творили судъ и расправу. Казалось бы, тутъ ли не быть правдѣ и благополучію! На дѣлѣ выходило однако не то. Въ торговомъ городѣ немало было людей, которые сызмала привыкли ставить свою

Новгородскій кремль и Софійскій соборъ (въ теперешнемъ видѣ).

выгоду выше всего, вовсе не цѣнить благополучія другихъ. Много жило въ Новгородѣ богатыхъ людей, но гораздо болѣе было бѣдняковъ и лихихъ людей, способныхъ за деньги на все. Нерѣдко здѣсь богатые люди нанимали себѣ изъ нихъ крикуновъ-вѣчниковъ, готовыхъ на вѣчѣ за какое угодно дѣло кричать. Бывало, богатые люди наберутъ изъ лихихъ людей шайки головорѣзовъ и нападаютъ на своихъ соперниковъ и враговъ, творятъ всякія насилія, грабежи и убійства. Иногда цѣлыя улицы, цѣлыя части города (концы) враждовали между собою, отстаивая того или другого старшину. Побѣдитъ какая-нибудь сторона,—вожакъ ея становится посадникомъ или тысяцкимъ и мститъ, чѣмъ только можетъ, противникамъ, а своимъ доброхотамъ всячески потакаетъ и мирволитъ. Грубы и невѣжест-

венны были даже и лучшіе, т.-е. именитые люди тогда въ Новгородѣ: жили изо дня въ день, слѣдуя только своимъ грубымъ страстямъ и порывамъ,— не думали о томъ, что во всемъ нужны строгій порядокъ и законность; что неправды, насилія и всякія неурядицы рано или поздно обрушатся пагубою, если не на нихъ самихъ, то на ихъ дѣтей.

Сила и корысть брали верхъ надъ правдой,—вотъ въ чемъ была главная бѣда Новгорода!

„Не стало въ Новгородѣ, сокрушается лѣтописецъ—ни правды, ни суда. Въ городѣ, по селамъ и волостямъ—грабежъ, неумѣренные поборы съ народа, вопль, рыданія, проклятія на старѣйшихъ и на весь Новгородъ, и стали новгородцы предметомъ поруганія для сосѣдей".

Митрополитъ Іона пишетъ въ своемъ посланіи къ новгородскому владыкѣ: „Слышалъ я, нѣкое богоненавистное богомерзкое и злое дѣло сотворяется въ вашемъ православномъ христіанствѣ, не токмо отъ простыхъ людей, но и отъ знатныхъ, великихъ людей, отъ нашихъ духовныхъ дѣтей: за всякую большую и малую вещь зачинаются и гнѣвъ, и ярость, и свары, и прекословія, и многонародное сбираніе съ обѣихъ сторонъ. Мало этого, нанимаютъ на то злое и богоненавистное дѣло сбродней пьянчивыхъ и кровопролитныхъ человѣковъ и бои замышляютъ и кровопролитіе и души христіанскія губятъ".

Пока Русская земля дробилась на удѣлы, и князья постоянно враждовали между собой, Новгородъ могъ безъ труда удерживать свою независимость; но дѣло измѣнилось, когда сѣверовосточныя русскія области стали объединяться около Москвы, а югозападныя земли слились съ Литвою. Чѣмъ больше крѣпло Московское государство, тѣмъ сильнѣе сказывалась охота у московскихъ князей прибрать къ своимъ рукамъ Новгородъ. Поводовъ къ враждѣ было довольно: московскіе люди и новгородцы часто сталкивались и враждовали въ Двинской области, гдѣ у тѣхъ и у другихъ были владѣнія, притомъ черезполосныя. Московскимъ князьямъ давно уже хотѣлось оттянуть отъ Новгорода эту землю, богатую пушнымъ товаромъ. Кромѣ того, новгородская вольница—ушкуйники—часто разбойничали по рѣкамъ и вредили московской торговлѣ. Наконецъ, новгородцы не выполняли, какъ слѣдуетъ, своихъ договоровъ съ великимъ княземъ, не чтили его намѣстниковъ, не держали имени его честно и грозно. Новгородскіе вѣчевые порядки, при которыхъ воля великаго князя ставилась часто ни во что, были совсѣмъ не по душѣ сильнымъ московскимъ князьямъ, а властолюбіе ихъ, въ свою очередь, очень не нравилось новгородцамъ-вѣчникамъ.

Уже Василій Темный, какъ сказано раньше, заставилъ Новгородъ больше чтить великокняжескую власть; а Ивану III пришлось совсѣмъ покончить съ новгородской вольностью. Понимали новгородцы, что имъ грозитъ бѣда со стороны Москвы, а бороться съ нею имъ было не подъ силу. Гдѣ же было искать помощи? У сѣверныхъ русскихъ князей, подручниковъ московскаго вел. князя, нечего было и пытаться. Оставался литовскій князь. Онъ назывался также и русскимъ: въ его рукахъ были всѣ земли Югозападной Руси; къ нему обыкновенно обращались за помощью, или и вовсе

отъѣзжали князья сѣверо-восточной Руси, которымъ приходилось слишкомъ жутко отъ властныхъ московскихъ князей; къ нему же задумали обратиться и тѣ новгородцы, которымъ дорогъ былъ старый вѣчевой складъ и бытъ „Господина Великаго Новгорода". Литовскіе князья и раньше были очень непрочь оказать богатому Новгороду свое покровительство и даже предлагали его. Но прежде новгородцы не слишкомъ-то поддавались на эти предложенія: особенной нужды въ посторонней помощи тогда еще не было. Теперь не то. Сильная гроза надвигалась на Новгородъ со стороны Москвы. И вотъ нашлись въ Новгородѣ люди, большею честію именитые и богатые, сердцу которыхъ очень была дорога новгородская старина. Порѣшили они, что лучше поддаться Литвѣ, да сохранить свой старый, вѣчевой бытъ. Во главѣ этихъ людей стояли два сына умершаго посадника Исаака Борецкаго; мать ихъ—Марѳа, женщина весьма твердаго нрава, умная, властолюбивая, орудовала всѣмъ. Но сторонникамъ Литвы не легко было склонить новгородцевъ на свою сторону.

Великій князь литовскій, онъ же и король польскій, былъ католикъ; латинство господствовало въ Литвѣ и тѣснило православіе; поддаться Литвѣ въ глазахъ народа въ Новгородѣ значило измѣнить православію, отступить отъ древняго благочестія,—вотъ почему большинство новгородцевъ держалось Москвы; но все же богачи Борецкіе и ихъ сторонники имѣли большую силу во всѣхъ новгородскихъ дѣлахъ и тянули къ Литвѣ. Начали въ Новгородѣ утаивать великокняжескія пошлины и ни во что ставить московскихъ намѣстниковъ.

Иванъ Васильевичъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что творилось здѣсь. Новгородцы цѣловали крестъ великому князю Василію Темному и старшему его сыну-соправителю, и потому отпаденіе ихъ отъ Москвы было бы нарушеніемъ присяги, измѣною. Хорошо понималъ вел. князь, въ чемъ его сила въ Новгородѣ, и послалъ новгородскому владыкѣ напомнить, что кіевскій митрополитъ не твердъ въ православіи, и что онъ,—новгородскій владыка, долженъ свято блюсти вѣру, внушать своей паствѣ, чтобы она не поддавалась кіевскому митрополиту, и держаться крѣпко своего обѣта—подчиняться Іонѣ, митрополиту московскому, и всѣмъ его преемникамъ.

Великій князь послалъ безъ гнѣва, кротко напомнить и всему Великому Новгороду о его обязанностяхъ:

— „Люди новгородскіе, исправьтесь; не забывайте, что Новгородъ—отчина великаго князя. Не творите лиха, живите по старинѣ."

Но враги Москвы въ Новгородѣ не унимались, оскорбляли пословъ московскихъ, кричали на вѣчѣ:

— „Новгородъ не отчина великаго князя! Новгородъ самъ себѣ господинъ!"

И послѣ этого великій князь не показалъ гнѣва; снова послалъ напомнить:

— „Отчина моя, Великій Новгородъ, люди новгородскіе! Исправьтесь, держите имя мое честно и грозно, посылайте ко мнѣ бить челомъ, и я хочу жаловать свою отчину и держать по старинѣ."

Бояре дивились терпѣнію великаго князя, что онъ сноситъ такъ долго новгородскую дерзость.

— „Волны бьютъ о камни,—спокойно сказалъ имъ Иванъ,—и ничего камнямъ не сдѣлаютъ, а сами разбиваются въ пѣну и исчезаютъ. Такъ будетъ и съ новгородцами“.

Но сторонники Литвы дѣйствовали въ Новгородѣ все смѣлѣе и смѣлѣе. По просьбѣ ихъ прибылъ въ Новгородъ одинъ изъ литовскихъ князей, Михаилъ Олельковичъ. Это, впрочемъ, не было новостью: и раньше русскіе и литовскіе князья и именитые люди пріѣзжали, чтобы послужить Великому Новгороду, и получали въ управленіе города и области. Въ это же время скончался новгородскій владыка Іона, сторонникъ Москвы. Стали выбирать по старому обычаю, по жеребью, новаго владыку изъ трехъ лицъ, избранныхъ на вѣчѣ. Избранъ былъ Ѳеофилъ. Надо было ему ѣхать въ Москву—посвящаться у митрополита въ архіепископы. Послали просить у великаго князя для Ѳеофила соизволенія и опасной (охранной) грамоты для проѣзда. Полученъ былъ такой отвѣтъ:

— „Отчина моя, Великій Новгородъ, прислалъ ко мнѣ бить челомъ, и я его жалую, нареченному владыкѣ Ѳеофилу велю быть у себя и у митрополита для поставленія безъ всякихъ зацѣпокъ, по старому обычаю, какъ было при отцѣ моемъ, дѣдѣ и прадѣдахъ“.

Но въ это время съ этимъ милостивымъ отвѣтомъ пришла въ Новгородъ и вѣсть, что великій князь напоминалъ псковичамъ объ ихъ обязанности итти вмѣстѣ съ Москвою на Новгородъ—въ случаѣ его непокорности.

Эта вѣсть дала сторонникамъ Литвы предлогъ къ возстанію. На вѣчѣ они подняли крики.

— „Не хотимъ за великаго князя московскаго, не хотимъ зваться его отчиною! Мы люди вольные. Не хотимъ терпѣть обиды отъ Москвы! Хотимъ за короля Казимира! Московскій князь присылаетъ опасную грамоту владыкѣ, а въ то же время подымаетъ псковичей на насъ и самъ хочетъ итти!“

— „Хотимъ по старинѣ къ Москвѣ,—кричали въ отвѣтъ сторонники Москвы,—не хотимъ отдаться за короля и поставить у себя владыку отъ митрополита-латинца!“

Раздоры на вѣчѣ кончились, какъ это нерѣдко бывало, схваткой. На бѣду для московской стороны богатство было на сторонѣ литовскихъ приверженцевъ. Стали они нанимать худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ, которые не жалѣли ни горла, ни рукъ, когда надо было постоять за щедрыхъ плательщиковъ. Эти наемные крикуны принялись поднимать повсюду смуту и кричать: „Хотимъ за короля!“ На вѣчѣ своими криками они заглушали противную сторону, стали даже камни бросать въ доброхотовъ Москвы. Наконецъ, литовская сторона осилила. Снарядили посла къ королю съ челобитьемъ и поминками—заключить договоръ, по которому Новгородъ поступалъ подъ верховную власть короля; а онъ обязывался ни въ чемъ не нарушать новгородскихъ порядковъ, ни его бытовыхъ, ни церковныхъ обычаевъ и оборонять отъ Москвы.

Иванъ Васильевичъ, узнавъ обо всемъ этомъ, не измѣнилъ своему хладнокровію, отправилъ опять посла въ Новгородъ съ увѣщаніемъ, чтобы отчина его, новгородцы, отъ православія не отступали, лихую мысль изъ сердца выкинули, и ему по старинѣ челомъ били и пр.

Московскій митрополитъ послалъ въ Новгородъ и отъ себя увѣщательную грамоту. Напирая въ ней особенно на измѣну православію, онъ между прочимъ говоритъ: „и о томъ, дѣти, подумайте: царствующій градъ Константинополь до тѣхъ поръ непоколебимо стоялъ, пока соблюдалъ православіе; а когда оставилъ истину (т.-е. подчинился требованіямъ папы), то и впалъ въ руки поганыхъ. Сколько лѣтъ ваши прадѣды неотступно держались своей старины; а вы при концѣ послѣдняго времени, когда человѣку нужно душу свою спасать въ православіи, вы теперь, оставя старину, хотите за латинскаго господаря закладываться!“ Въ то время по расчетамъ книжниковъ ожидали скораго свѣтопреставленія; на это и указываетъ митрополитъ въ своемъ увѣщаніи.

Но всѣ эти убѣжденія великаго князя и митрополита не подѣйствовали на новгородцевъ.

— „Мы не отчина великаго князя,—кричали они на вѣчѣ.—Великій Новгородъ—вольная земля! Великій Новгородъ—самъ себѣ государь!“

Пословъ великокняжескихъ отослали съ безчестіемъ.

Но терпѣнію Ивана Васильевича, казалось, не было мѣры. Онъ еще разъ послалъ посла съ кроткимъ увѣщаніемъ. Успѣха, конечно, не было. Великій князь несомнѣнно и предвидѣлъ это, но хотѣлъ, видно, показать, что онъ очень долго сносилъ новгородскую дерзость, употреблялъ всѣ мѣры кроткаго напоминанія и увѣщанія, и за оружіе взялся только тогда, когда ужъ совсѣмъ не осталось другихъ способовъ уладить дѣло.

Новгородцы уже чуяли бѣду. Недобрыя знаменія пугали суевѣрный народъ. Ходила молва, что преподобный Зосима, соловецкій отшельникъ, на пиру у Марѳы Борецкой видѣлъ видѣніе: четыре боярина, главные противники Москвы, сидѣли предъ нимъ за столомъ, а головъ на нихъ не было... Буря сломила крестъ на св. Софіи. Въ Хутынскомъ монастырѣ колокола сами собой стали перезванивать. На иконѣ Богородицы въ другомъ монастырѣ изъ очей полились слезы. Говорили и о другихъ зловѣщихъ предзнаменованіяхъ...

Въ маѣ 1471 г., великій князь послалъ въ Новгородъ разметныя грамоты (объявленіе войны), въ Тверь просьбу о помощи, во Псковъ и Вятку приказъ итти ратью на новгородскія владѣнія. Иванъ Васильевичъ придалъ войнѣ священное значеніе: онъ шелъ въ Новгородъ прежде всего, чтобы спасти православіе, которому грозила бѣда, а затѣмъ уже, чтобы принудить новгородцевъ не отпадать отъ старины, не измѣнять присягѣ. Въ день отъѣзда изъ Москвы государь посѣтилъ одинъ за другимъ кремлевскіе соборы, усердно помолился предъ образомъ Владимирской Богородицы въ Успенскомъ соборѣ, въ Архангельскомъ соборѣ припадалъ къ гробамъ своихъ предковъ, начиная отъ Ивана Калиты до отца своего Василія. Всѣ эти князья вели борьбу съ Новгородомъ; Иванъ Васильевичъ теперь готовился довершить ихъ дѣло.

— „О прародители—мои,—взывалъ онъ,—помогите мнѣ молитвами вашими на отступниковъ православія державы вашей!...“

Онъ даже взялъ съ собою въ походъ одного дьяка-начетчика, который зналъ хорошо лѣтописи и могъ напомнить ему въ случаѣ надобности обо всѣхъ старыхъ договорахъ новгородцевъ съ князьями, обо всѣхъ измѣнахъ новгородскихъ. Раньше государь являлся какъ бы любящимъ отцомъ, который напоминаетъ и увѣщаваетъ; теперь же шелъ онъ на Новгородъ, какъ грозный судья, творить судъ и расправу надъ измѣнниками и клятвопреступниками. Немедля двинулъ онъ войска на западъ нѣсколькими отрядами. Воеводамъ было велѣно безъ милости пустошить Новгородскую землю и не давать пощады никому. На Двинскую область также была послана рать. Началась война со всѣми ужасами, какіе были тогда въ обычаѣ. На бѣду новгородцевъ лѣто въ тотъ годъ стояло жаркое; дождей не выпадало; болота, которыми изобиловала Новгородская земля, высохли, и московская рать могла безъ особой помѣхи совершать походъ. Воеводы московскіе нещадно разоряли все на пути, попадавшихся въ плѣнъ съ оружіемъ или убивали, или уродовали,—рѣзали имъ носы и губы, и отпускали этихъ несчастныхъ, чтобы они своимъ видомъ наводили ужасъ на всѣхъ измѣнниковъ.

Самъ великій князь двинулся съ главными силами въ концѣ іюня. Къ нему съ разныхъ сторонъ шли на помощь отряды. Новгороду же не было ниоткуда помощи. Казиміръ и не тронулся, а князь Михаилъ Олельковичъ уѣхалъ еще раньше изъ Новгорода. Пришлось ему своими силами обороняться. Псковъ, „меньшой братъ Новгорода“, тоже шелъ на него ратью по приказу князя. Новгородцы спѣшили собрать какъ можно больше войска. Но что это были за воины?! Погнали въ походъ силою плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ и чернорабочихъ; тутъ было много такихъ, что никогда раньше на лошадь не садились, отъ роду оружія въ руки не брали. Кто не хотѣлъ итти, тѣхъ грабили, били, бросали въ Волховъ; собрали такимъ образомъ тысячъ сорокъ войска, и степенный посадникъ Димитрій Борецкій повелъ его навстрѣчу псковской рати. Но это нестройное полчище встрѣтилъ на берегу рѣки Шелони московскій воевода Даніилъ Холмскій. У него было всего четыре тысячи воиновъ, но онъ смѣло ударилъ на новгородцевъ и разбилъ ихъ на-голову. Двѣнадцать тысячъ ихъ легло на полѣ, болѣе полуторы тысячи забрано въ плѣнъ; попались въ руки побѣдителя и посадникъ Борецкій, и другіе воеводы. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что сначала новгородцы одержали было верхъ надъ московской ратью и стали тѣснить ее; но конный отрядъ татаръ внезапно ударилъ на нихъ, и они въ ужасѣ обратили тылъ.

Иванъ Васильевичъ велѣлъ отрубить голову Димитрію Борецкому, сыну Марѳы, и еще тремъ боярамъ, а другихъ плѣнниковъ разослать по разнымъ городамъ и держать въ темницахъ. Народъ въ Новгородѣ заволновался. Сторонники Москвы стали дѣйствовать смѣлѣе; но все же противная сторона еще была сильнѣе; стали готовить городъ къ защитѣ, пожгли около него всѣ посады. Князь съ главными силами былъ уже недалеко. Хлѣбъ въ Новгородѣ сильно поднялся въ цѣнѣ, рожь исчезла на торгу.

Бѣдному люду трудно стало жить. Народъ завопилъ... Сторонники Москвы взяли въ вѣчѣ верхъ. Владыка съ послами былъ посланъ къ великому князю просить отъ имени Новгорода пощады.

Владыка былъ допущенъ въ шатеръ къ великому князю и умолялъ его не губить вконецъ своей отчины.

Братья великаго князя и бояре, щедро одаренные новгородскими послами, кланялись своему государю и тоже просили за Новгородъ. Незадолго предъ этимъ пришла изъ Москвы къ великому князю грамота отъ митрополита. Онъ также молилъ о пощадѣ виновныхъ. Просьба братьевъ, бояръ и митрополита, казалось, смягчила сердце грознаго судьи,—онъ смѣнилъ гнѣвъ на милость.

— „Отдаю нелюбіе свое,—сказалъ онъ,—унимаю мечъ и грозу въ землѣ новгородской и отпускаю полонъ безъ окупа.“

Заключенъ былъ договоръ. Новгородъ отрекался отъ всякаго союза съ литовскимъ княземъ, уступалъ Москвѣ часть Двинской земли (тамъ московская рать тоже одолѣла новгородцевъ), и обязался выплатить „копейное“ (военная контрибуція) пятнадцать съ половиною тысячъ. Все остальное оставалось въ Новгородѣ „по старинѣ“.

У Новгорода не отнимали ни вѣча, ни посадника; не нарушалась ни въ чемъ новгородская старина. Не въ нравѣ Ивана Васильевича было сразу кончать дѣло; мѣшкотна, но зато прочна была его работа въ его рукахъ. Покончи онъ сразу съ вольностью Новгорода,—оправдались бы слова враговъ Москвы, что онъ искалъ только случая погубить Новгородъ,—и вражда новгородцевъ къ Москвѣ окрѣпла бы, число приверженцевъ сильно поубавилось бы, а тамъ и вѣдайся съ постоянными заговорами да мятежами. Теперь же, не нарушивъ ни въ чемъ новгородской старины, но грозно наказавъ измѣнниковъ, онъ являлся въ глазахъ новгородцевъ только праведнымъ судьей. Число сторонниковъ его должно было увеличиться, ему оставалось понемногу, исподволь, приручать новгородцевъ, усыплять вражду къ себѣ, а затѣмъ, когда привыкнутъ держать его имя честно и грозно, тогда и совсѣмъ прибрать къ рукамъ.

Въ Новгородѣ было все-таки еще немало сильныхъ противниковъ Москвы. Одному изъ нихъ, Василію Ананьину, удалось попасть въ посадники. Онъ и его соумышленники питали, конечно, вражду къ сторонникамъ Москвы, винили ихъ въ измѣнѣ и подняли въ Новгородѣ снова смуту. Начались снова ссоры и драки. Дѣло дошло до того, что сторонники Литвы сдѣлали набѣгъ на улицы, гдѣ жили ихъ противники, избили нѣкоторыхъ изъ нихъ и ограбили ихъ имущество. Гдѣ было искать сторонникамъ Москвы суда и управы на обидчиковъ своихъ, какъ не въ Москвѣ? Великій князь былъ очень радъ, когда явились къ нему жалобщики...

Въ 1475 г. онъ отправился со своими боярами въ Новгородъ. На пути его встрѣчали новые жалобщики, просили у него суда и защиты. Ему устраивали торжественныя встрѣчи, подносили по обычаю разные подарки. Пріѣхавъ въ Новгородъ, великій князь началъ творить судъ, не нарушая стараго обычая,—въ присутствіи владыки и старыхъ посадниковъ.

Онъ внимательно выслушивалъ, подробно разспрашивалъ и отвѣтчиковъ, и истцовъ, порѣшилъ, что жалобы были справедливы и присудилъ виновныхъ уплатить пострадавшимъ за разореніе полторы тысячи рублей. Но этимъ дѣло не кончилось: главныхъ зачинщиковъ смуты,—Василія Ананьина, Ѳедора Борецкаго и др., онъ приказалъ сковать и отправить въ Москву. Не помогли никакія просьбы.

— „Что ни есть лиха въ нашей отчинѣ,—сказалъ онъ между прочимъ владыкѣ въ отвѣтъ на его просьбы, все отъ нихъ чинится. Какъ же мнѣ ихъ за то лихо миловать?!“

Простилъ Иванъ Васильевичъ только нѣсколькихъ менѣе виновныхъ. Принималъ онъ и другія жалобы на бояръ новгородскихъ, судилъ по справедливости, защищалъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, слабыхъ противъ сильныхъ.

Уладивши всѣ дѣла, великій князь нѣсколько времени пожилъ въ Новгородѣ. Богатые новгородцы по обычаю задавали ему роскошные пиры, подносили ему при этомъ богатые подарки: золотыя монеты,—по двадцати и по тридцати, сукна, рыбьи зубы (моржевые клыки), золотые ковши, кубки, мѣха, бочки заморскаго вина. Иванъ Васильевичъ былъ большой скопидомъ и любилъ собирать всякія цѣнныя вещи. Въ свою очередь и онъ отдаривалъ своихъ гостей. Бояре, бывшіе съ Иваномъ, также щедро были одарены. Затѣмъ Иванъ Васильевичъ простился дружелюбно съ новгородцами и отправился въ Москву.

Многимъ новгородцамъ судъ великаго князя полюбился. Стали они ѣздить къ нему въ Москву судиться. Это было уже прямымъ нарушеніемъ новгородской старины: новгородца, вольнаго человѣка, по старому обычаю, можно было судить только въ Новгородѣ; но обычай этотъ нарушалъ не великій князь,—сами новгородцы по своей волѣ ѣхали къ нему на судъ: знали, что онъ не мирволитъ богатымъ и знатнымъ людямъ, а дѣйствуетъ по правдѣ. Тѣ, которые пріѣзжали въ Москву искать управы, должны были давать присягу великому князю, какъ своему государю, „задавались за государя“, какъ тогда говорили. Такимъ образомъ, новгородцы сами мало-помалу отдавались въ полную власть великаго князя. Наконецъ, Иванъ Васильевичъ увидѣлъ, что настала пора закрѣпить такой порядокъ,—совсѣмъ покончить со старыми новгородскими порядками. Нуженъ былъ ему только предлогъ. За нимъ дѣло не стало.

Въ 1477 г., 27-го февраля, прибыли въ Москву два посла изъ Новгорода. Обращаясь къ великому князю, новгородцы обыкновенно называли его господиномъ, а эти послы называли его государемъ. Этимъ словомъ означался полный властитель. Было ли это случайной обмолвкой, или сдѣлано нарочно сторонниками Москвы—неизвѣстно; но Иванъ Васильевичъ ухватился за этотъ случай. Посланы были немедленно въ Новгородъ московскіе послы. Они явились на вѣче и сказали:

— „Великій князь приказалъ спросить новгородцевъ: какого хотятъ они государства? Хотятъ ли, чтобы въ Новгородѣ былъ одинъ государевъ судъ, чтобы тіуны государя сидѣли по всѣмъ улицамъ? Хотятъ ли очистить для великаго князя Ярославовъ дворъ?“

Эти вопросы озадачили новгородцевъ. Вѣче зашумѣло:

— „Никакого государства не хотимъ! раздавались крики,—хотимъ быть по старинѣ!“

Многимъ новгородцамъ старый вѣчевой порядокъ былъ еще очень дорогъ; поняли они, что ему приходитъ конецъ, и пришли въ ярость.

— „Какъ смѣли ходить въ Москву судиться! кричали они, какъ смѣли присягать великому князю, какъ государю?!“

Плохо пришлось нѣкоторымъ сторонникамъ Москвы, ѣздившимъ туда на судъ; одного побили камнями, другого изрубили топорами въ куски; нѣсколько человѣкъ было убито; но московскихъ пословъ не оскорбляли; продержали ихъ шесть недѣль. Наконецъ, новгородцы дали отвѣтъ, что не желаютъ ничего новаго, хотятъ, чтобы старина ихъ ни въ чемъ не была нарушена. Когда дошелъ этотъ отвѣтъ до Ивана Васильевича, онъ выразилъ негодованіе.

— „Я не хотѣлъ у нихъ государства, говорилъ онъ, сами прислали, а теперь отговариваются, выставляютъ меня лжецомъ!“

Объявленъ былъ походъ на Новгородъ. Осенью 1477 года московская рать, подѣлившись на отряды, опять вступила въ Новгородскую область. На пути къ Ивану Васильевичу являлись многіе новгородцы, били челомъ, чтобы онъ принялъ ихъ въ службу. Псковичамъ приказано было также итти на Новгородъ. Въ 30-ти верстахъ отъ него, явился къ великому князю Ѳеофилъ, новгородскій владыка, съ посадниками и сталъ бить челомъ и умолять:

— „Господинъ великій князь всея Руси, Иванъ Васильевичъ,—говорилъ онъ,—я, богомолецъ твой, и архимандриты, и игумены, и всѣ священники семи новгородскихъ соборовъ бьемъ тебѣ челомъ. Твой мечъ и огонь ходятъ по Новгородской землѣ, христіанская кровь льется. Смилуйся надъ отчиной твоей: уйми мечъ, угаси огонь!“

Умоляли великаго князя о томъ же люди всѣхъ сословій Новгорода, бывшіе съ владыкою въ посольствѣ, предлагали ему уплачивать дань, лишь бы только не рушилась вконецъ новгородская вольность. Все было напрасно: на этотъ разъ Иванъ Васильевичъ не шелъ ни на какія сдѣлки.

— „Захочетъ Великій Новгородъ бить челомъ, то онъ знаетъ, какъ ему бить челомъ“, твердилъ онъ.

Между тѣмъ московская рать со всѣхъ сторонъ охватила Новгородъ. Монастыри, сёла вокругъ города были захвачены. Изъ сёлъ народъ бѣжалъ въ Новгородъ. Скоро онъ переполнился народомъ. 3-го декабря городъ былъ замкнутъ со всѣхъ сторонъ. Начались волненія: одни хотѣли покориться великому князю, другіе—защищаться до послѣдней капли крови. Чрезъ два дня явились новгородскіе послы въ станъ къ великому князю съ повинной головой.

— „Хотимъ такого же государства въ Новгородѣ, сказалъ имъ великій, князь, какое въ Москвѣ.“

Послы просили князя отпустить ихъ въ городъ подумать: попробовали они еще разъ выговорить кое-какія льготы своему городу. Все было напрасно!

— „Сказано вамъ, твердилъ великій князь, что хотимъ государства въ Великомъ Новгородѣ такого же, какъ у насъ въ низовой землѣ, въ Москвѣ!“

Послы отвѣтили, что низовыхъ обычаевъ новгородцы не знаютъ,—не вѣдаютъ, какъ великій князь держитъ тамъ свое государство!

— „Государство наше таково,—отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ,—вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, а государство все держать намъ; волостями, сёлами намъ владѣть, вывода не бойтесь, а суду быть по старинѣ!“

Шесть дней думали новгородцы объ этомъ отвѣтѣ великаго князя. Наконецъ, владыка съ посадниками явились съ согласіемъ новгородцевъ. Послы думали, что по прежнему великій князь заключитъ съ Новгородомъ договоръ и скрѣпитъ его своимъ крестнымъ цѣлованіемъ. Они просили великаго князя объ этомъ.

— „Не бытъ моему цѣлованію!“ отвѣчалъ онъ.

Просили, чтобы бояре цѣловали крестъ, — послѣдовалъ отказъ. Просили, чтобы присягнулъ по крайней мѣрѣ будущій намѣстникъ, — отказано и въ этомъ. Просили, наконецъ, позволенія великаго князя вернуться въ городъ,—не позволилъ.

А между тѣмъ Новгороду день ото дня становилось тяжелѣе. Стѣны и укрѣпленія города были хороши и взять его силою было бы не легко. Вел. князь, не любившій дѣлать ничего на-авось, порѣшилъ истомить осажденныхъ голодомъ. Пути были всѣ перенятъ московскими отрядами: новгородцамъ ни входу, ни выходу не было; запасы у нихъ истощились; насталъ голодъ, затѣмъ начались повальныя болѣзни, моръ. Неурядица поднялась страшная.

— „Идемъ биться! Умремъ за св. Софію!“ кричали одни.

— „Остается намъ только покориться великому князю!“ кричали другіе.

Чернь возстала на бояръ, а бояре на чернь. Крики, вопли раздавались по улицамъ. Многіе умирали съ голоду. Ссоры, драки и убійства шли, по словамъ лѣтописца, безпрерывно. Наконецъ, новгородцамъ дольше терпѣть осаду стало не въ мочь. Въ 1478 году, 13-го января, владыка пришелъ со многими новгородскими боярами и купцами къ великому князю и принесъ присяжную запись. На ней была подпись самого владыки, печать его и печати всѣхъ пяти концовъ Новгорода. На этой записи и цѣловали крестъ новгородскіе послы. Своею присягою они теперь не договоръ съ великимъ княземъ скрѣпляли, какъ бывало въ прежнія времена, а отдавались ему въ полную власть, какъ своему повелителю и самовластному государю.

Иванъ Васильевичъ поставилъ въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ, велѣлъ схватить нѣсколькихъ лицъ, враждебныхъ Москвѣ, въ томъ числѣ Марѳу Борецкую съ внукомъ, и отвезти ихъ въ Москву. Имѣніе ихъ было отписано на великаго князя.

Послѣ присяги новгородцевъ москвичи явились на Ярославово дворище и сняли вѣчевой колоколъ. Сильно плакали новгородцы,—говоритъ лѣтописецъ,—но сказать не смѣли ничего. Иванъ Васильевичъ отправился

въ Москву, за нимъ повезли туда и вѣчевой колоколъ. Подняли его на колокольню на Кремлевской площади.

Но этимъ дѣло не кончилось. Трудно народу отвыкать отъ тѣхъ порядковъ и обычаевъ, съ которыми онъ сжился, тяжело ему мѣнять тотъ складъ жизни, какой былъ у отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Немало было въ Новгородѣ людей, которые дорожили еще новгородской стариной, а московскіе порядки были имъ совсѣмъ не по душѣ. И вотъ, когда Москвѣ стала грозить опасность отъ татаръ, съ которыми заодно была и Литва, заговорили въ Новгородѣ о возвращеніи къ старому вѣчевому строю, стали пересылаться съ литовскимъ княземъ. Иванъ Васильевичъ во-время провѣдалъ объ этомъ. Съ небольшимъ отрядомъ немедля отправился онъ къ Новгороду,—хотѣлъ застать новгородцевъ врасплохъ и распустилъ слухъ, будто идетъ на нѣмцевъ. Но новгородцы затворились въ городѣ, возстановили у себя вѣче и порѣшили не пускать великаго князя къ себѣ.

Когда подошли подкрѣпленія къ великому князю, онъ осадилъ Новгородъ и сталъ громить его пушками. Здѣсь поднялась снова большая смута. Многіе изъ приставшихъ раньше къ мятежу теперь толпами передавались великому князю. Скоро пришлось покориться силѣ. Послали осажденные просить у великаго князя опасной (охранной) грамоты своимъ посламъ, хотѣли вести съ нимъ переговоры... Но прошли для Новгорода времена переговоровъ съ великимъ княземъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на простыхъ мятежниковъ, и требовалъ, чтобы они отдались безъ всякихъ условій на милость ему, какъ самовластному государю.

— „Я самъ опасъ (охрана) невиннымъ! сказалъ онъ:—я вашъ государь: отворяйте ворота. Войду,—никого невиннаго не обижу!“

Наконецъ, ворота отворились. Владыка, посадникъ, тысяцкій (новгородцы возстановили было эти должности), старосты, бояре и множество народа вышли изъ города. Владыка и духовенство съ крестами выступили впередъ. Всѣ пали ницъ и съ плачемъ молили великаго князя о пощадѣ и прощеніи.

— „Я, государь вашъ, сказалъ Иванъ Васильевичъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего!“

Въ тотъ же день 50 человѣкъ главныхъ враговъ Москвы были схвачены и пытаны. Подъ пыткою многіе признались въ своей винѣ и назвали своихъ сообщниковъ. Оказалось, что и Ѳеофилъ, новгородскій владыка, двоилъ совѣстью. Великій князь велѣлъ его отправить въ заточеніе въ московскій Чудовъ монастырь. Сто главныхъ заговорщиковъ было казнено. Много семействъ боярскихъ и купеческихъ было выслано изъ Новгорода и водворено въ разныхъ московскихъ городахъ. Неразъ еще послѣ этого по доносамъ производилъ Иванъ Васильевичъ высылку изъ Новгорода подозрительныхъ и вліятельныхъ людей. Въ 1488 г., когда здѣсь былъ открытъ заговоръ противъ великокняжескаго намѣстника, по приказу Ивана Васильевича было выселено снова по разнымъ московскимъ городамъ болѣе семи тысячъ людей; а на мѣсто ихъ были водворены въ Новгородѣ поселенцы изъ Московской земли. Когда не стало въ Новгородѣ старинныхъ

родовъ, богатыхъ и сильныхъ людей, хранившихъ старыя преданія, не стало и вожаковъ, заводившихъ смуты противъ Москвы, — новгородцы начали легко осваиваться съ московскими порядками, а новые поселенцы изъ Московской области другихъ порядковъ и не знали. Въ это же время, вслѣдствіе столкновенія съ городомъ Ревелемъ, по приказу великаго князя, были отобраны товары у ганзейскихъ купцовъ, бывшихъ въ Россіи, а сами они заключены въ тюрьмы. Этимъ былъ нанесенъ сильный ударъ заграничной торговлѣ Новгорода,—она послѣ этого почти прекратилась.

Вятка, новгородская колонія, пыталась было сохранить свою независимость. Вятчане позволяли себѣ иногда не слушаться великаго князя, надѣялись на то, что Москва далеко и итти походомъ на нихъ нелегко. Но въ 1489 г. Иванъ Васильевичъ послалъ ни нихъ большое войско подъ начальствомъ Даніила Щени. Вятка покорилась, и главные виновники, подбивавшіе народъ къ неповиновенію, были выданы и повѣшены. Отсюда такъ же, какъ изъ Новгорода, болѣе опасные люди были высланы.

Только одинъ Псковъ сохранилъ еще на время свою старину: псковичи выказывали постоянную покорность великому князю, угождали ему, держали имя его честно и грозно.

Софія Палеологъ.

Иванъ Васильевичъ въ 1467 году овдовѣлъ. Два года спустя явилось въ Москву посольство изъ Рима. Кардиналъ Виссаріонъ, поборникъ Флорентійскаго единенія церквей, въ письмѣ предлагалъ Ивану Васильевичу руку Софіи, племянницы послѣдняго византійскаго императора, дочери его брата Ѳомы, князя Морейскаго, который послѣ паденія Константинополя нашелъ со своимъ семействомъ убѣжище въ Римѣ. Папа Павелъ II чрезъ своего кардинала задумалъ устроить бракъ Софіи съ вел. княземъ, чтобы завязать сношенія съ Москвою и попытаться утвердить свою власть надъ русскою церковью.

Это предложеніе порадовало самолюбиваго Ивана; но онъ по своему осторожному нраву не сразу далъ свое согласіе. Онъ совѣтовался и съ матерью, и съ митрополитомъ, и съ ближайшими боярами. Всѣ находили, какъ и самъ государь, этотъ бракъ желательнымъ. Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Римъ посломъ Ивана Фрязина, своего денежника (чеканившаго монету). Тотъ вернулся оттуда съ грамотами отъ папы и портретомъ Софіи, и снова былъ посланъ въ Римъ представлять жениха при обрученіи. Папа думалъ возстановить Флорентійское соединеніе и надѣялся найти въ русскомъ государѣ сильнаго союзника противъ турокъ. Фрязинъ, хотя и принялъ въ Москвѣ православіе, но особенно не дорожилъ имъ, и потому готовъ былъ обѣщать папѣ все, чего тому хотѣлось, лишь бы какъ-нибудь скорѣе уладить дѣло.

Лѣтомъ 1472 года Софія уже уѣхала въ Москву. Ее сопровождалъ кардиналъ Антоній; кромѣ того, съ нею было много грековъ. На пути

устраивались ей торжественныя встрѣчи. Когда она подъѣзжала ко Пскову, къ ней навстрѣчу вышли посадники и духовенство съ крестами и хоругвями. Софія пошла въ Троицкій соборъ, здѣсь усердно молилась и прикладывалась къ образамъ. Это понравилось народу; но римскій кардиналъ, бывшій съ нею, смущалъ православныхъ. Онъ былъ одѣтъ, говоритъ лѣтописецъ, не по нашему обычаю, — весь въ красное, на рукахъ были перчатки, которыхъ онъ никогда не снималъ и благословлялъ въ нихъ. Предъ нимъ несли серебряное литое распятіе на длинномъ древкѣ (латинскій крыжъ). Онъ не крестился и къ образамъ не прикладывался; приложился только къ иконѣ Богородицы, — и то по требованію царевны. Сильно не нравилось все это православнымъ. Изъ церкви Софія пошла на княжескій дворъ. Здѣсь посадники и бояре угощали ее и приближенныхъ ея разными яствами, медомъ и виномъ; наконецъ, поднесли ей подарки. Бояре и купцы дарили ее, кто чѣмъ могъ. Отъ всего Пскова поднесли ей въ даръ 50 рублей. Такъ же торжественно приняли ее и въ Новгородѣ.

Когда Софія подъѣзжала уже къ Москвѣ, великій князь совѣщался съ матерью, братьями и боярами, какъ быть: провѣдалъ онъ, что всюду, куда входила Софія, шелъ впереди папскій кардиналъ, а предъ нимъ несли латинскій крыжъ. Одни совѣтовали не запрещать этого, чтобы не обидѣть папу; а другіе говорили, что никогда еще не бывало на Руси, чтобы такая почесть воздавалась латинской вѣрѣ; попробовалъ было сдѣлать это Исидоръ, да за то и погибъ. Послалъ великій князь спросить у митрополита, какъ онъ думаетъ объ этомъ, и получилъ такой отвѣтъ:

— „Папскому послу не только входить въ городъ съ крестомъ, но даже и подъѣхать близко не подобаетъ. Буде ты почтить его, то онъ — въ одни ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами вонъ изъ города! Не только видѣть, но и слышать намъ о томъ неприлично. Кто чужую вѣру чтитъ, тотъ надъ своей ругается!“

Такая нетерпимость митрополита къ латинству уже впередъ показывала, что папскому послу не удастся ничего добиться. Великій князь послалъ боярина взять у него крестъ и спрятать въ сани. Сначала легатъ не хотѣлъ было уступить; особенно противился Иванъ Фрязинъ, которому хотѣлось, чтобы папскій посолъ былъ принятъ въ Москвѣ съ такою же честью, какъ принимали его, Фрязина, въ Римѣ; но бояринъ настоялъ и приказъ великаго князя былъ исполненъ.

12-го ноября 1472 года въѣхала Софія въ Москву. Въ тотъ же день совершено бракосочетаніе; а на другой день былъ принятъ папскій посолъ. Онъ поднесъ великому князю дары отъ папы.

Почти три мѣсяца пробыло римское посольство въ Москвѣ. Здѣсь его угощали, держали въ большой чести; великій князь щедро одарилъ кардинала. Попытался было тотъ заговорить о соединеніи церквей, но изъ этого ничего не вышло, какъ и слѣдовало ожидать. Великій князь отдалъ это церковное дѣло на рѣшеніе митрополита, а тотъ нашелъ какого-то книжника Никиту Поповича для состязанія съ легатомъ. Этотъ Никита, по словамъ лѣтописца, переспорилъ кардинала, такъ что тотъ не зналъ, что и

отвѣчать,—отговаривался только тѣмъ, что съ нимъ нѣтъ книгъ, нужныхъ для спора. Попытка папы соединить церкви кончилась и на этотъ разъ полною неудачей.

Бракъ московскаго государя съ греческой царевной имѣлъ важныя послѣдствія. Бывали и раньше случаи, что русскіе князья женились на греческихъ царевнахъ; но эти браки не имѣли такого значенія, какъ женитьба Ивана на Софіи. Византія была теперь порабощена турками. Византійскій императоръ раньше считался главнымъ защитникомъ всего восточнаго христіанства; теперь такимъ защитникомъ становился московскій государь: съ рукой Софіи онъ какъ-бы наслѣдуетъ и права Палеологовъ, даже усвоиваетъ гербъ Восточной Римской имперіи — двуглаваго орла; на печатяхъ, которыя привѣшивались къ грамотамъ, стали съ одной стороны изображать двуглаваго орла, а съ другой — прежній московскій гербъ, Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона.

Византійскіе порядки стали все сильнѣе и сильнѣе проникать въ Москву. Хотя послѣдніе византійскіе императоры вовсе не были могущественны, но держали себя въ глазахъ всѣхъ окружающихъ ихъ очень высоко. Доступъ къ нимъ былъ очень труденъ; множество разныхъ придворныхъ чиновъ наполняло великолѣпный дворецъ. Пышность дворцовыхъ обычаевъ, роскошная царская одежда, блистающая золотомъ и драгоцѣнными камнями, необычайно богатое убранство царскаго дворца,—все это въ глазахъ народа очень возвышало особу царя. Предъ нимъ все преклонялось, какъ предъ земнымъ божествомъ.

Не то было въ Москвѣ. Великій князь былъ уже могучимъ государемъ, а жилъ немного пошире и побогаче, чѣмъ бояре. Они обходились съ нимъ почтительно, но просто: нѣкоторые изъ нихъ были изъ удѣльныхъ князей и свое происхожденіе вели такъ же, какъ и великій князь, отъ Рюрика. Незатѣйливая жизнь государя и простое обращеніе съ нимъ бояръ не могли нравиться Софіи, знавшей о царскомъ величіи византійскихъ самодержцевъ и видѣвшей придворную жизнь папъ въ Римѣ. Отъ жены и особенно отъ людей, пріѣхавшихъ съ нею, Иванъ Васильевичъ могъ многое слышать о придворномъ обиходѣ византійскихъ царей. Ему, хотѣвшему быть настоящимъ самодержцемъ, многіе придворные византійскіе порядки должны были очень полюбиться. И вотъ мало-по-малу стали являться въ Москвѣ новые обычаи: Иванъ Васильевичъ сталъ держать себя величаво, въ сношеніяхъ съ иностранцами титуловался „царемъ“, пословъ сталъ принимать съ пышною торжественностью, установилъ обрядъ цѣлованія царской руки въ знакъ особенной милости. Затѣмъ являются придворные чины (ясельничій, конюшій, постельничій). Великій князь сталъ жаловать въ бояре за заслуги. Кромѣ сана боярина, въ это время является другой низшій чинъ—окольничаго. Бояре, бывшіе раньше совѣтниками, думцами княжими, съ которыми великій князь, по обычаю, совѣщался о всякомъ важномъ дѣлѣ, какъ съ товарищами, теперь обращаются въ покорныхъ слугъ его. Милость государя можетъ возвысить ихъ, гнѣвъ — уничтожить. Подъ конецъ своего княженія Иванъ Васильевичъ сталъ настоящимъ самодержцемъ. Не по душѣ

многимъ боярамъ были эти перемѣны; но никто не смѣлъ высказать этого: Иванъ Васильевичъ былъ очень суровъ и наказывалъ жестоко.

Со времени пріѣзда Софіи въ Москву завязываются сношенія съ Западомъ, особенно съ Италіей Москва того времени была очень неприглядна. Деревянныя небольшія постройки, поставленныя какъ попало, кривыя, немощеныя улицы, грязныя площади,—все это дѣлало Москву похожею на большую деревню, или, вѣрнѣе, на собраніе множества деревенскихъ усадебъ. Каждый бояринъ или зажиточный купецъ устраивалъ себѣ дворъ особнякомъ, огораживалъ тыномъ и внутри этой ограды ставилъ жилыя избы и разныя службы. Очень непривлекательна была Москва для Софіи послѣ великолѣпнаго Рима; неприглядна была она и для иностранцевъ, пріѣзжавшихъ съ Запада. Ивану Васильевичу, конечно, неразъ приходилось слышать разсказы о великолѣпіи и красотѣ большихъ европейскихъ городовъ,—разохотился и онъ къ большимъ каменнымъ постройкамъ.

Успенскій соборъ, построенный при Калитѣ, пришелъ уже въ такую ветхость, что грозилъ паденіемъ. Задумали построить новый и отовсюду сзывали русскихъ строителей. Заложили церковь съ торжественными обрядами, съ колокольнымъ звономъ; но, когда стали складывать стѣну и довели ее до сводовъ, она рухнула съ ужаснымъ трескомъ. Великій князь послалъ тогда во Псковъ нанять лучшихъ каменщиковъ, учившихся у нѣмцевъ, а своему послу, котораго отправлялъ въ Италію, поручилъ пріискать, чего бы это ни стоило, опытнаго зодчаго.

Одинъ изъ лучшихъ итальянскихъ строителей того времени, Аристотель Фіоравенти, согласился ѣхать въ Москву за десять рублей жалованья въ мѣсяцъ (деньги по тогдашней цѣнности порядочныя). Онъ въ четыре года соорудилъ великолѣпный по тогдашнему времени храмъ—Успенскій соборъ, освященный въ 1479 году. Это зданіе сохранилось до сихъ поръ въ Московскомъ Кремлѣ.

Затѣмъ стали строить и другія каменныя церкви: въ 1489 году былъ построенъ Благовѣщенскій соборъ, имѣвшій значеніе домовой церкви великаго князя; а незадолго до смерти Ивана Васильевича былъ вновь построенъ Архангельскій соборъ вмѣсто прежней обветшавшей церкви. Задумалъ великій князь построить себѣ и каменную палату для торжественныхъ собраній и пріемовъ иноземныхъ пословъ. Эта постройка, сооруженная итальянскими зодчими, извѣстная подъ названіемъ Грановитой палаты, сохранилась до нашего времени. Кремль былъ обведенъ вновь каменной стѣной и украшенъ красивыми воротами и башнями. Для себя Иванъ Васильевичъ приказалъ выстроить новый каменный дворецъ. Вслѣдъ за великимъ княземъ сталъ и митрополитъ сооружать себѣ кирпичныя палаты. Трое бояръ тоже построили себѣ такіе же дома въ Кремлѣ. Такимъ образомъ, Москва стала мало-помалу обстраиваться каменными зданіями; но эти постройки долго и послѣ этого не входили въ обычай. Русскіе были убѣждены, что жить въ деревянныхъ домахъ здоровѣе, чѣмъ въ каменныхъ. Самъ Иванъ Васильевичъ и его преемники были того же мнѣнія, и хотя строили каменные дворцы себѣ для торжественныхъ пріемовъ и пировъ, но жить предпочитали въ деревянныхъ.

Иванъ Васильевичъ старался вербовать на Западѣ разныхъ мастеровъ и знающихъ людей себѣ на службу. Отправляя къ императору посла, онъ ему наказывалъ: „Добывать мастеровъ: рудника, который умѣетъ находить руду золотую и серебряную, да другаго мастера, который умѣетъ золото и серебро отдѣлять отъ земли. Рядить этихъ мастеровъ, чтобы ѣхали къ великому князю внаемъ. Добывать также хитраго мастера, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другаго мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера хитраго, который бы умѣлъ большіе

Успенскій соборъ въ Москвѣ.

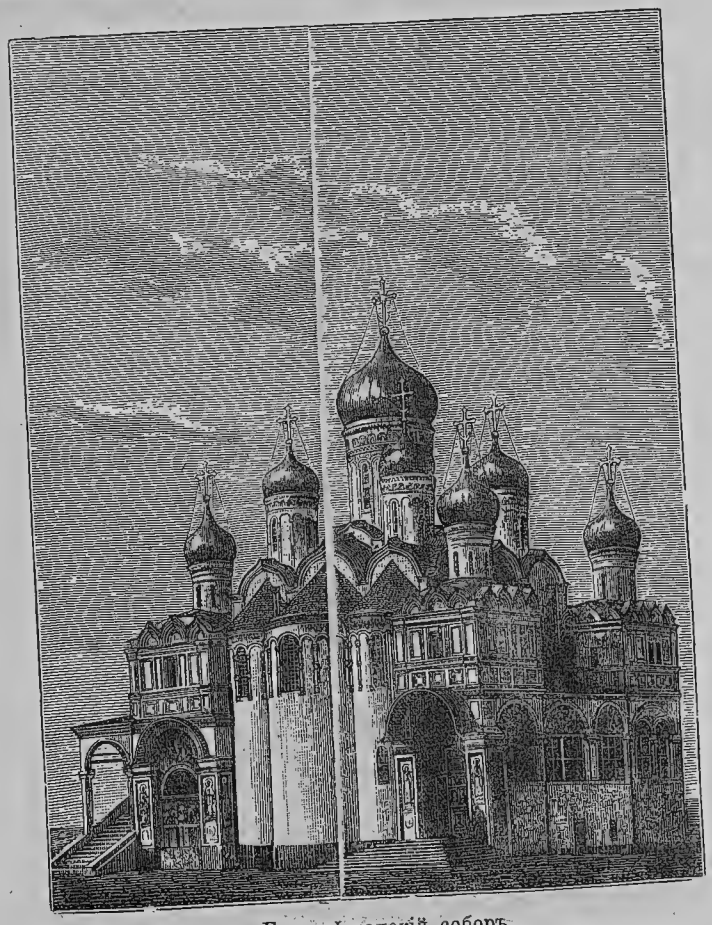
сосуды дѣлать и кубки, да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ“. Хотѣлось великому князю добыть и „лѣкаря добраго, который бы умѣлъ лѣчить внутреннія болѣзни и раны“. Великокняжескіе послы въ 1490 году привезли въ Москву лѣкаря, мастеровъ стѣнныхъ, палатныхъ, пушечныхъ, серебряныхъ и даже органнаго игреца.

Иноземные рудокопы нашли въ Печерскомъ краѣ серебряную и мѣдную руду; государь былъ очень доволенъ когда въ Москвѣ стали чеканить мелкую монету изъ русскаго серебра. При дворѣ нѣсколько иностранныхъ мастеровъ—грековъ, итальянцевъ и нѣмцевъ—работали надъ разными золотыми и серебряными издѣліями, до которыхъ Иванъ Васильевичъ былъ боль-

шой охотникъ. Для него были очень дороги такіе люди, какъ Аристотель Фіоравенти, который былъ не только хорошій зодчій, но умѣлъ лить пушки, колокола и чеканить монету.

Но положеніе этихъ „хитрыхъ мастеровъ“ и „добрыхъ лѣкарей“ въ Москвѣ было неособенно завидно.

Нравы здѣсь были очень грубы, и заѣзжіе иноземцы, вмѣсто наживы, которая влекла ихъ сюда, легко могли поплатиться головою. Лѣкарь Леонъ,



Благовѣщенскій соборъ.

родомъ нѣмецъ, взялся вылѣчить великокняжескаго сына Ивана, при чемъ ручался головой за успѣхъ; но больной умеръ, и великій князь, когда прошло сорокъ дней, велѣлъ отрубить голову лѣкарю. Еще раньше, другой врачъ, Антонъ, тоже нѣмецъ родомъ, лѣчилъ въ Москвѣ одного татарскаго князя, но тотъ умеръ. Вел. князь отдалъ лѣкаря въ руки родичей умершаго, и татары свели несчастнаго Антона на Москву-рѣку подъ мостъ и зарѣзали. Фіоравенти, видя печальную участь иноземцевъ въ Москвѣ, сталъ проситься на родину; великій князь сильно разгнѣвался на него за это, велѣлъ его схватить, отобрать имущество, а самого посадить въ заключеніе. Подобные

поступки, конечно, должны были сильно отбивать охоту у иностранцевъ наниматься на службу къ великому князю; но все же съ этого времени русскіе начинаютъ все болѣе и болѣе цѣнить знающихъ иноземныхъ мастеровъ и полезныя знанія. Съ той же поры начинаются сношенія Москвы съ западными дворами по разнымъ государственнымъ дѣламъ. Иванъ Васильевичъ сносился съ германскимъ императоромъ, съ королемъ венгерскимъ, съ Даніей, съ Венеціей и др.

Архангельскій соборъ.

Такимъ образомъ, завязались частыя сношенія Москвы съ Европой, а это повело мало-по-малу къ бо́льшему сближенію Россіи съ Западомъ,— вотъ что было особенно важнымъ слѣдствіемъ женитьбы Іоанна III на Софіи.

Конецъ татарскаго ига.

Зависимость Москвы отъ хана приходила къ концу. Золотая орда была уже совсѣмъ не то, что прежде: незадолго предъ тѣмъ отъ нея отпало два ханства—Казанское и Крымское. Хотя великій князь и давалъ большіе дары ордынскимъ посламъ, но давалъ, сколько хотѣлъ; стало быть этого нельзя назвать настоящей данью; однако ханъ все еще считалъ великаго князя московскаго своимъ данникомъ и требовалъ отъ него знаковъ покорности. Есть извѣстіе, что ордынскіе послы явились въ Москву съ ханскими грамотами и басмою (изображеніе хана); великій князь долженъ былъ преклоняться предъ басмою и, стоя на колѣняхъ, слушать чтеніе ханской грамоты. Иванъ Васильевичъ обыкновенно уклонялся отъ этого унизительнаго обряда,— сказывался больнымъ. Но разъ, когда ханъ Ахматъ особенно настойчиво потребовалъ дани, Иванъ Васильевичъ не вытерпѣлъ, изломалъ басму, разорвалъ грамоту, сталъ въ гнѣвѣ топтать ее ногами, а пословъ велѣлъ умертвить; только одного оставилъ въ живыхъ и сказалъ ему:

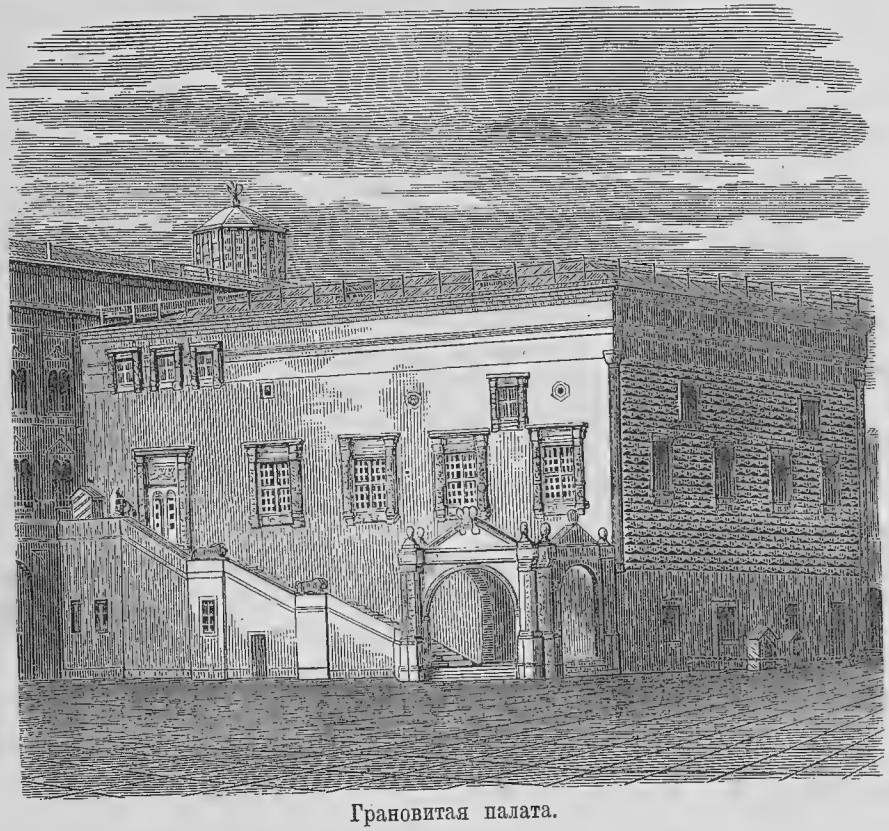
— „Иди, объяви хану, что, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ, съ нимъ будетъ то же, что случилось съ басмою!“

Трудно и повѣрить, чтобы ханъ могъ требовать отъ такого сильнаго государя, какъ Иванъ Васильевичъ, поклоненія предъ своей басмой. Поводовъ къ враждѣ и безъ того было довольно. Крайне разсчетливый, даже скупой, Иванъ Васильевичъ едва ли могъ ублажать хана особенно щедрыми дарами; гордая Софія Ѳоминишна, безъ сомнѣнія, желала, чтобы и помину не было о покорности татарамъ: она, добилась того что ханскимъ посламъ не позволили жить въ прежнемъ почетѣ въ Кремлѣ. Притомъ и литовскій великій князь подстрекалъ хана къ войнѣ съ Москвою. Еще въ 1472 г. Ахматъ напалъ было на московскія владѣнія; удалось ему сжечь одинъ только городъ, а затѣмъ онъ ушелъ назадъ. Но въ 1480 г., когда у Ивана Васильевича возникли сильныя распри съ братьями, ханъ условился съ Казимиромъ Литовскимъ общими силами ударить на Москву. Иванъ Васильевичъ во-время принялъ всѣ мѣры къ защитѣ: помирился съ братьями, пообѣщалъ имъ прибавку къ ихъ удѣламъ; послалъ большой отрядъ войска съ воеводой Ноздреватымъ и крымскимъ царевичемъ Нордоулатомъ на судахъ внизъ по Волгѣ, чтобы врасплохъ напасть на беззащитную столицу Ахмата—Сарай. Крымскій ханъ Менгли-Гирей, вѣрный союзникъ Ивана, обязался помогать ему. Со всѣхъ концовъ Московской земли стала собираться и русская рать. Сила собралась громадная. Въ числѣ воеводъ былъ знаменитый Даніилъ Холмскій; при войскѣ былъ и сынъ великаго князя Иванъ Ивановичъ... Главное начальство надъ всѣмъ ополченіемъ взялъ на себя великій князь. Дѣло видимо предстояло большое. Народъ былъ въ сильной тревогѣ. Стали ходить слухи о разныхъ дурныхъ примѣтахъ, о зловѣщихъ знаменіяхъ: въ той странѣ, куда шли татары, звѣзды падали на землю словно дождь; въ Москвѣ колокола сами собою звонили; въ одной церкви обрушился верхъ. Все это сильно пугало суевѣрный людъ. Москва стала

Великій князь Іоаннъ III отказывается платить дань хану.

готовиться къ защитѣ на случай осады. Софія Ѳоминишна выѣхала изъ Москвы въ болѣе безопасное мѣсто, на Бѣлоозеро; съ нею Иванъ Васильевичъ отправилъ и свою казну; но мать великаго князя, инокиня Марѳа, пожелала остаться въ столицѣ и раздѣлить съ населеніемъ грозившія ему опасности. За это ее очень хвалили въ народѣ,—видѣли въ ней настоящую русскую женщину.

Иванъ Васильевичъ отправился къ войску, которое уже стояло отрядами по Окѣ и Угрѣ. Нападеніе Ахмата съ громадной ордой напоминало нашествіе Мамая. Ждали всѣ битвы, подобной Куликовской. Духовенство ревностно побуждало воиновъ и благословляло ихъ на бой съ погаными, чтобы не допустить ихъ разорять Русскую землю. Но война была совсѣмъ не по душѣ



Грановитая палата.

осторожному и разсчетливому Ивану Васильевичу: побѣда зависитъ нерѣдко отъ простой случайности, отъ счастія, а онъ смѣло дѣйствовалъ только тамъ, гдѣ можно было разсчитывать навѣрняка. Велика была у него рать, но и ханская орда была не меньше. На бѣду нашлись еще и между совѣтниками великаго князя малодушные люди, „богатые сребролюбцы, ожирѣвшіе предатели“, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, которые усиливали его нерѣшительность: они напоминали ему о томъ, какъ Димитрію Донскому пришлось искать спасенія отъ Тохтамыша, Василію Димитріевичу—отъ Эдигея; напоминали ему о плѣнѣ его отца. И вотъ, въ то время, какъ въ Москвѣ все ждало съ нетерпѣніемъ отрадныхъ вѣстей изъ войска, неожиданно прі-

ѣзжаетъ сюда самъ Иванъ Васильевичъ, главный вождь,—приказываетъ сжечь вокругъ столицы посады, посылаетъ звать къ себѣ изъ войска и сына своего, и князя Холмскаго. Все это показывало, что онъ не надѣется устоять въ бою съ татарами, что опасается ихъ набѣга на Москву. Народъ пришелъ въ ужасъ. Поднялся ропотъ:

— „Князь покидаетъ войско, робѣетъ—говорили недовольные,—самъ разгнѣвалъ хана—не платилъ ему выхода (дани), а теперь выдаетъ насъ."

Въ кремлѣ встрѣтили великаго князя митрополитъ и ростовскій владыка Вассіанъ. Вассіанъ сильно корилъ великаго князя, назвалъ его даже бѣгуномъ и говорилъ ему:

— „Вся кровь христіанская падетъ на твою голову за то, что ты выдаешь христіанство, бѣжишь безъ бою съ татарами. Чего боишься смерти? Не безсмертный ты человѣкъ, а смертный; а безъ року смерти нѣтъ ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю. Дай мнѣ, старику, войско. Посмотришь, уклоню ли я лицо свое предъ татарами!"

Недовольство въ Москвѣ было такъ велико, что Иванъ Васильевичъ не остановился даже въ кремлѣ, а жилъ въ Красномъ сельцѣ подъ Москвою. Ни Холмскій, ни сынъ къ нему не ѣхали, несмотря на его приказы.

— „Умру здѣсь, а къ отцу не пойду", говорилъ молодой князь.

Убѣдился Иванъ Васильевичъ, что надо покориться общему желанію, и, сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія на случай осады Москвы, снова отправился къ войску. Благословляя великаго князя, митрополитъ ободрялъ его и между прочимъ сказалъ:

— „Мужайся и крѣпись, сынъ духовный, не какъ наемникъ, но какъ пастырь добрый, полагающій душу свою за овцы, постарайся избавить врученное тебѣ словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго нынѣ волка. Господь Богъ укрѣпитъ тебя, поможетъ тебѣ и всему твоему христолюбивому воинству."

Иванъ Васильевичъ прибылъ въ станъ; но все-таки природная его нерѣшительность и робкіе совѣтники опять взяли верхъ; онъ пытался покончить дѣло миромъ. Завязались переговоры. Отправленъ былъ посолъ къ хану съ дарами и челобитьемъ, чтобы онъ „пожаловалъ свой улусъ, не велѣлъ бы его воевать". Ханъ обрадовался: онъ побаивался и самъ вступать въ рѣшительный бой съ сильною московскою ратью, а литовская помощь не приходила.

— „Жалую Ивана,—приказалъ ханъ сказать въ отвѣтъ,—пусть онъ самъ пріѣдетъ бить челомъ, какъ дѣлали предки его."

Иванъ Васильевичъ, конечно, не поѣхалъ. Тогда ханъ умѣрилъ нѣсколько свои требованія и послалъ сказать:

— „Самъ не хочешь ѣхать, такъ сына или брата пришли!"

Это требованіе также не было исполнено. Подождавъ напрасно отвѣта, Ахматъ послалъ въ третій разъ сказать:

— „Если сына и брата не хочешь прислать, то пришли для переговоровъ Никифора Басенкова."

Этого боярина татары очень любили: онъ былъ уже разъ въ Ордѣ и щедро ихъ одаривалъ.

Неизвѣстно, какъ бы поступилъ Иванъ Васильевичъ; но въ то время пришло къ нему посланіе Вассіана,—оно прервало переговоры.

Въ своемъ длинномъ и краснорѣчивомъ посланіи Вассіанъ писалъ между прочимъ слѣдующее:

„Нынѣ слышимъ, что бусурманинъ Ахматъ уже приближается и губитъ христіанъ, а ты предъ нимъ смиряешься, о мирѣ молишь, а онъ гнѣвомъ пышетъ, твоего моленія не слушаетъ, вконецъ хочетъ разорить христіанство. Дошелъ до насъ слухъ, что прежніе лживые совѣтники совѣтуютъ тебѣ не противиться врагамъ, отступить и оставить словесное стадо Христовыхъ овецъ на расхищеніе волкамъ. Молюсь твоей державѣ, не слушай ихъ! Что совѣтуютъ тебѣ эти льстецы лжеименитые, которые думаютъ, будто они христіане? Совѣтуютъ бросить щиты и безъ борьбы съ окаянными сыроядцами предать христіанство, свое отечество, и подобно бѣглецамъ скитаться по чужимъ странамъ. Помысли, великомудрый государь, отъ какой славы въ какое безчестіе сведутъ они твое величество, когда погибнетъ народъ тьмами, а церкви Божіи будутъ разорены и поруганы. Кто каменно-сердечный не восплачется объ этой погибели? Убойся же и ты, пастырь! Не отъ твоихъ ли рукъ взыщетъ Богъ эту кровь? Не внимай, государь, людямъ, хотящимъ честь твою преложить въ безчестіе, хотящимъ, чтобы ты сталъ бѣглецомъ, назывался предателемъ христіанскимъ; выйди навстрѣчу безбожнымъ агарянамъ, поревнуй прародителямъ твоимъ, великимъ князьямъ, которые не только обороняли Русскую землю отъ поганыхъ, но и чужія страны покоряли,—говорю объ Игорѣ, Святославѣ, Владимирѣ Мономахѣ, который бился съ окаянными половцами за Русскую землю, и о многихъ другихъ, о которыхъ ты лучше моего знаешь. А достохвальный великій князь Димитрій, твой прародитель, какое мужество и храбрость показалъ надъ тѣми же окаянными сыроядцами? Самъ впереди бился, не щадилъ жизни своей для избавленія христіанъ, не побоялся множества татаръ, не сказалъ самъ себѣ: „У меня жена и дѣти и много богатства. Если и землю мою возьмутъ, то поселюсь въ другомъ мѣстѣ“. Но не колеблясь воспрянулъ на подвигъ, напередъ выѣхалъ и сталъ лицомъ къ лицу противъ окаяннаго воина Мамая, желая исхитить изъ устъ его словесное стадо Христовыхъ овецъ. Зато и Богъ послалъ ему на помощь ангеловъ и святыхъ мучениковъ; зато и до сихъ поръ Димитрій славится не только людьми, но и Богомъ. Такъ и ты поревнуй своему прародителю, и Богъ защититъ тебя; если же ты съ воинами до смерти постраждете за православную вѣру и святыя церкви, то блаженны будете въ вѣчномъ наслѣдіи... Но, быть можетъ, ты опять скажешь, что мы находимся подъ клятвою прародительской—не поднимать на хана рукъ, то знай, что клятву, данную поневолѣ, намъ велѣно разрѣшать, и мы прощаемъ, разрѣшаемъ, благословляемъ тебя итти на Ахмата, не какъ на царя, а какъ на разбойника, хищника, богоборца: лучше, обманувши его, спасти жизнь, чѣмъ, соблюдая клятву, погубить все, т.-е. пустить татаръ въ землю на разореніе и истребленіе всему христіанству, на запустѣніе и осквернені святыхъ церквей и уподобиться окаянному Ироду, который погибъ, не желая преступить клятвы. Какой про-

рокъ, какой апостолъ или святитель научилъ тебя, великаго христіанскаго царя, повиноваться этому безбожному, оскверненному, самозванному царю? Богъ не столько за грѣхи, сколько за недостатокъ упованія на Него, напустилъ на прародителей твоихъ и на всю землю нашу окаяннаго Батыя, который разбойнически завладѣлъ нашей землей, поработилъ насъ и воцарился надъ нами, не будучи царемъ и не отъ царскаго рода. Тогда мы прогнѣвали Бога, и Онъ разгнѣвался на насъ, какъ чадолюбивый отецъ, а теперь, государь, если ты надѣешься отъ всего сердца и прибѣгаешь подъ крѣпкую Его руку, то помилуетъ насъ милосердный Господь"...

Но какъ ни было убѣдительно и краснорѣчиво посланіе Вассіана, Иванъ Васильевичъ все-таки не рѣшился вступить въ бой съ татарами. Когда рѣка Угра, раздѣлявшая русскихъ отъ враговъ, стала, и татары легко могли перейти ее по льду, великій князь далъ приказъ своимъ полкамъ немедленно отступать. Ужасъ обуялъ тогда ратныхъ людей: они могли подумать, что татары уже перешли рѣку и окружаютъ ихъ. Отступленіе русскихъ было такъ поспѣшно, что походило на бѣгство. Но Ахматъ и не думалъ ихъ преслѣдовать; татарамъ было не до того: они были босы и ободраны, по словамъ современниковъ, а въ то время наступали морозы. Помощи отъ Литвы хану не было. Могли дойти до него и недобрыя вѣсти изъ орды. Отрядъ русскихъ воиновъ, подъ начальствомъ Ноздреватаго, въ это время напалъ на беззащитный Сарай и разграбилъ его. Такъ было дѣло или иначе, но ханъ съ ордой своей 11-го ноября поспѣшно пошелъ назадъ и, проходя по литовскимъ владѣніямъ, разорялъ и грабилъ ихъ, злобясь на Казимира за то, что во-время не помогъ ему.

Великій князь торжественно вернулся въ Москву. Всѣ радовались, что дѣло обошлось такъ легко.—„Не человѣкъ насъ оборонилъ, говорили въ народѣ, а Богъ и Пречистая Богородица."

1480 годъ считается послѣднимъ годомъ владычества татаръ надъ Русской землей.

Скоро въ Москву пришла радостная вѣсть, что Ахматъ погибъ въ борьбѣ съ враждебной ему ордой (6-го января 1481 года). А двадцать лѣтъ спустя Кипчацкое царство (Золотую орду) разгромилъ крымскій ханъ Менгли-Гирей, союзникъ Москвы.

Менгли-Гирей постоянно враждовалъ съ Золотой ордой, и потому дорожилъ союзомъ московскаго великаго князя, чтобы заодно дѣйствовать противъ общаго врага. Въ 1475 году турки покорили Крымъ и крымскій ханъ сталъ подручникомъ султана, который могъ смѣнить его, когда вздумается. А въ случаѣ такой бѣды, Иванъ Васильевичъ могъ дать у себя убѣжище своему старому союзнику. Стало быть, у Менгли-Гирея были причины дружить съ Москвою, и Крымская орда до поры до времени была неопасна для нея.

Скоро и Казань утратила свою независимость. Когда здѣсь начались усобицы, Иванъ Васильевичъ вмѣшался въ казанскія дѣла. Въ 1487 году русское войско осадило Казань, и казанцы должны были принять хана изъ рукъ Ивана Васильевича. Ханомъ былъ посаженъ Магметъ-Аминь, какъ

подручникъ великаго князя московскаго. Около этого же времени были покорены земли на сѣверо-востокѣ,—Пермская область и пріуральскія земли.

Уничтоженіе удѣловъ.

Чѣмъ удачнѣе шли внѣшнія дѣла, чѣмъ могучѣе становился Иванъ Васильевичъ, тѣмъ смѣлѣе стремился онъ упрочить и внутри государства свое единовластіе; ни на какія права удѣльныхъ князей онъ уже не смотрѣлъ. Еще въ 1463 г., вскорѣ послѣ смерти отца, Иванъ Васильевичъ завладѣлъ Ярославской областью. Она была раздѣлена между множествомъ мелкихъ князей (Курбскіе, Прозоровскіе, Львовы, Сицкіе, Шаховскіе и др.). Одинъ изъ нихъ считался великимъ княземъ всей Ярославской земли, именно Александръ Ѳедоровичъ; силы сопротивляться у него вовсе не было, и князья Ярославской земли обратились въ простыхъ вотчинниковъ,—бояръ московскихъ.

Неподалеку отъ Москвы былъ городъ Верея. Здѣсь княжилъ внукъ Димитрія Донского, престарѣлый Михаилъ Андреевичъ. Старикъ-князь старался во всемъ угождать великому князю, исполнялъ всѣ его требованія, никогда ни въ чемъ не перечилъ ему. Казалось, никакого повода не было къ уничтоженію Верейскаго уѣзда; но Иванъ Васильевичъ нашелъ предлогъ. Ему вздумалось подарить какое-то драгоцѣнное жемчужное украшеніе своей невѣсткѣ;—оказалось, что Софія Ѳоминишна подарила его безъ вѣдома мужа своей племянницѣ, которая вышла замужъ за Василія Михайловича, сына верейскаго князя. Иванъ Васильевичъ пришелъ въ ярость, послалъ забрать у него все приданое его жены, пригрозилъ, что посадитъ его вмѣстѣ съ женою въ тюрьму. Василій Михайловичъ бѣжалъ съ женою въ Литву. Это было признано измѣною. Иванъ Васильевичъ отобралъ было у Михаила Андреевича Верею за бѣгство сына его. Умилостивилъ старикъ великаго князя только тѣмъ, что отрекся отъ сына, обязался не сноситься съ нимъ, всякихъ посланцевъ его выдавать въ Москву и въ завѣщаніи всѣ свои владѣнія отказать великому князю. Скоро послѣ этого Михаилъ Андреевичъ умеръ, и Верея была присоединена къ Москвѣ.

Болѣе самостоятельнымъ княземъ, чѣмъ верейскій, былъ тверской князь Михаилъ Борисовичъ; но онъ долженъ былъ въ договорѣ смиренно называться „молодшимъ братомъ“ сына Ивана Васильевича, и обязывался не сноситься съ Литвою. Но недолго продержались и Тверь. Мелкіе князья, имѣвшіе владѣнія въ Тверской области, подручники тверского князя, стали одинъ за другимъ переходить къ Москвѣ, а за ними и многіе тверскіе бояре. Это и понятно. Тверскимъ боярамъ повсюду, гдѣ земли ихъ были смежны съ московскими владѣніями, терпѣть стало не въ мочь; московскіе землевладѣльцы причиняли тверскимъ всякія насилія и обиды, а управы и защиты нигдѣ нельзя было найти: у Ивана Васильевича всегда свой былъ правъ, а если московскаго помѣщика въ чемъ-либо обижали, то великій князь вступался за него, немедленно посылалъ къ тверскому князю съ угрозами требовать удовлетворенія.

Нашелся у Ивана Васильевича наконецъ предлогъ и совсѣмъ покон-

чить съ Тверью: перехватили тверского гонца съ грамотами въ Литву. Напрасно Михаилъ Борисовичъ пробовалъ оправдываться. Московское войско въ 1485 г. 8-го сентября подступило къ Твери, а 10-го тверскіе бояре покинули своего князя и стали являться къ Ивану Васильевичу съ просьбою принять ихъ къ себѣ на службу. Что оставалось дѣлать всѣми покинутому Михаилу Борисовичу? Онъ бѣжалъ въ Литву. 12-го сентября намѣстникъ его, съ родичами своими и другими боярами, съ земскими людьми и съ владыкою прибыли къ Ивану Васильевичу. Они били челомъ ему, молили его пощадить ихъ и принять подъ свою руку. Московскій государь торжественно, какъ побѣдитель, вступилъ въ Тверь; она была присоединена къ Москвѣ (1485 г.). Тверской князь искалъ въ Литвѣ помощи, но ничего не добился.

Съ родными своими братьями Иванъ Васильевичъ сначала ладилъ; но въ 1472 году, когда умеръ Юрій, слѣдующій за нимъ братъ, онъ удѣлъ умершаго присоединилъ цѣликомъ къ Москвѣ и не подумалъ подѣлиться наслѣдствомъ съ остальными братьями: тѣ обидѣлись, потребовали и себѣ земель. Впрочемъ, на этотъ разъ распря скоро кончилась: Иванъ Васильевичъ уступилъ братьямъ кой-какія волости. Нѣсколько лѣтъ спустя, возникъ снова разладъ. Бояре, подобно прежнимъ дружинникамъ, считали себя въ правѣ переходить свободно на службу отъ одного князя къ другому, и князь Оболенскій-Лыко, служившій у великаго князя, отъѣхалъ отъ него на службу къ брату его Борису Васильевичу, князю волоцкому. По приказу великаго князя Оболенскій былъ схваченъ, закованъ и привезенъ въ Москву. Это сильно оскорбило князя Бориса. Прежде князья даже договоры между собой заключали, чтобы боярамъ и вольнымъ людямъ никакой помѣхи не было служить тому князю, какому они захотятъ. Такіе договоры были даже особенно выгодны для богатыхъ московскихъ князей: къ нимъ охотно шли на службу изъ другихъ областей бояре и служилые люди. Теперь же выходило, что великій князь, принимая къ себѣ на службу бояръ, отъѣзжавшихъ изъ другихъ областей, считалъ измѣнникомъ боярина, пожелавшаго отойти отъ него на службу къ его брату. Оскорбленный Борисъ Волоцкой съ братомъ Андреемъ, княземъ углицкимъ, порѣшили защищать свои права. Собрали они сколько могли рати и двинулись къ литовскимъ границамъ, разсчитывая на помощь Казимира.

Не время было Ивану враждовать съ братьями; для него наступала тогда тяжелая пора: Ахматъ готовился ударить на Русскую землю со своей ордой. Литва собиралась тоже начать войну, а тутъ еще и братья задумали поднять усобицу. Скрѣпя сердце, Иванъ Васильевичъ поспѣшилъ помириться съ ними,—всѣ требованія ихъ исполнилъ.

Десять лѣтъ спустя, оба брата получили великокняжескій приказъ послать своихъ воеводъ съ воинскими отрядами на помощь крымскому хану Менгли-Гирею противъ сыновей Ахмата. Борисъ исполнилъ приказаніе великаго князя, но Андрей ослушался. По приглашенію вел. князя, немного времени спустя, онъ пріѣхалъ въ Москву. Иванъ Васильевичъ принялъ брата, казалось, ласково, бесѣдовалъ съ нимъ долго и дружески; на другой день пригласили его съ боярами къ великому князю на обѣдъ. Когда Андрей явился во дворецъ, бояръ его отвели въ столовую гридню, а самого попро-

сили въ комнату, которая называлась „западнею“. Сюда пришелъ великій князь, привѣтливо поздоровался съ братомъ, а затѣмъ вышелъ. Тогда вошелъ бояринъ князь Ряполовскій и со слезами на глазахъ сказалъ:

— „Государь князь, Андрей Васильевичъ, поиманъ ты еси Господомъ Богомъ и государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, твоимъ старшимъ братомъ.“

— „Воленъ Богъ да государь; Богъ насъ разсудитъ, а я неповиненъ!“ отвѣчалъ Андрей.

Его заковали въ оковы и посадили въ тюрьму (1491 г.). Удѣлъ его былъ присоединенъ къ Москвѣ. Сыновья его были тоже схвачены и заключены. Какъ отецъ, такъ и они уже не видали больше свободы,—въ темницѣ и умерли.

Другой братъ великаго князя—Борисъ Васильевичъ не имѣлъ такой печальной участи, но былъ постоянно въ страхѣ; во всемъ безпрекословно повиновался онъ великому князю, какъ любой изъ бояръ-помѣщиковъ, и повода лишать его волости не было.

Рязанская область тоже только по имени была княжествомъ: князь рязанскій, родной племянникъ великаго князя, былъ въ полной его власти.

Неуклонно шелъ Иванъ Васильевичъ по тому пути, который былъ намѣченъ еще первыми московскими князьями—уничтожалъ остатки удѣловъ, сколачивалъ всѣ разрозненныя части Русской земли въ одно цѣлое и крѣпкое государство. Самовластно распоряжался онъ съ близкими родичами своими; еще меньше стѣснялся съ мелкими князьями: одни изъ нихъ добровольно, другіе поневолѣ отказывались отъ самостоятельности, подчинялись московскому государю, обращались въ бояръ-вотчинниковъ; нѣкоторые, умирая, по духовному завѣщанію отказывали свой земли московскому государю. Такимъ образомъ завершалось великое дѣло собиранія Русской земли въ одно цѣлое, и Иванъ III заслуживаетъ еще больше, чѣмъ всѣ его предшественники, названіе „собирателя Русской земли“. Только Псковъ и часть Рязанской области до поры до времени считались отдѣльными владѣніями,—и то только потому, что воля великаго князя исполнялась здѣсь безпрекословно.

Борьба съ Литвою.

Собирая Русскую землю, могъ ли Иванъ Васильевичъ забыть, что западныя и юго-западныя русскія волости были въ рукахъ литовскихъ князей, постоянныхъ враговъ Москвы? Могъ ли онъ забыть, что Казимиръ литовскій поддерживалъ возстаніе въ Новгородѣ и подбивалъ Ахмата напасть на Москву? Лишь только миновала татарская гроза, Иванъ Васильевичъ задумалъ силою добывать отъ Литвы русскія земли. Дальновидный и осторожный, онъ сталъ готовиться исподволь къ борьбѣ, искалъ себѣ союзниковъ между сосѣдями Литвы; породнился съ молдавскимъ господаремъ Стефаномъ,—на его дочери женилъ своего сына; вступилъ въ дружбу съ

венгерскимъ королемъ; искалъ союза и съ германскимъ императоромъ; скрѣпилъ дружбу съ Менгли-Гиреемъ договорами; обѣщалъ помощь противъ кипчацкихъ хановъ ему только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ постоянно безпокоить своими набѣгами Казимира. Наконецъ, и въ самой Литвѣ Иванъ Васильевичъ нашелъ союзниковъ. Въ Западной Руси никогда не умирала мысль о родствѣ съ Восточной Русью: языкъ да одна и та же православная вѣра поддерживали связь между ними. Притомъ Иванъ Васильевичъ постоянно выставлялъ себя защитникомъ православія не только въ своихъ владѣніяхъ, но и въ литовскихъ. Когда рушилось ненавистное татарское иго надъ Москвою, и она окрѣпла въ могучее государство, многіе въ Западной Руси стали смотрѣть на Ивана Васильевича, о тонкомъ умѣ котораго и дальновидности шла повсюду слава, какъ на природнаго государя всей Русской земли. Мелкіе пограничные князья (по большей части потомки черниговскихъ), изъ которыхъ одни были въ подданствѣ у Литвы, а другіе служили Москвѣ, ссорились между собою, вели старыя родовыя усобицы. Нѣкоторые изъ этихъ князей, зависѣвшихъ отъ Литвы, недовольные литовскимъ правительствомъ, у котораго нельзя было часто найти ни суда, ни управы, переходили изъ литовскаго подданства въ московское. Такъ перешелъ на службу къ Ивану Васильевичу князь Бѣлевскій, затѣмъ князья Одоевскіе, Воротынскіе и др. Съ переходомъ этихъ князей и вотчины ихъ отдѣлялись отъ Литвы и попадали подъ вѣдѣніе Московскаго государства. Напрасно литовское правительство доказывало, что многія земли этихъ князей, какъ пожалованныя литовскими князьями за вѣрную службу предкамъ отъѣзжавшихъ князей, должны остаться въ рукахъ литовскаго правительства: Иванъ Васильевичъ ни на что не обращалъ вниманія. Мало того. Князья, новые подданные московскаго великаго князя, нападали на земли своихъ родичей, оставшихся въ подданствѣ у Казимира, захватывали ихъ волости и присоединяли къ своимъ. Эта мелкая пограничная война шла безпрерывно. Поводовъ къ большой войнѣ было всегда вдоволь. На границѣ литовскихъ и московскихъ владѣній съ той и съ другой стороны развелось много разбойничьихъ шаекъ,—купцамъ тутъ и проѣзду не было. Житье здѣсь было совсѣмъ плохое. Отъ московскихъ подданныхъ шли безконечныя жалобы на литовскихъ разбойниковъ, а литовскіе подданные жаловались на московскихъ. Казимиръ сильно злобился на Ивана за то, что онъ принималъ къ себѣ измѣнниковъ литовскихъ, щедро жаловалъ ихъ и вотчины ихъ присоединялъ къ Москвѣ; но до самой смерти Казимира войны съ Москвою не было.

Умеръ онъ въ 1492 г.; Польша и Литва раздѣлились между его сыновьями: Яну Альбрехту досталась Польша, Александру—Литва.

Иванъ Васильевичъ немедленно послалъ своихъ воеводъ на Литву; Менгли-Гирей долженъ былъ ударить на нее со своей ордой. Трудно было Литвѣ отбиваться отъ двухъ враговъ. Литовское правительство добивалось мира; предложено было Ивану Васильевичу выдать за литовскаго князя его дочь,—думали такимъ образомъ склонить его къ уступкамъ и вѣчному миру; но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ бракѣ и о мирѣ, пока

Литва не уступитъ ему всѣ завоеванныя имъ земли. Съ каждымъ днемъ эти завоеванія увеличивались: московская рать подвигалась впередъ, забирала одинъ литовскій городъ за другимъ; служилые князья не переставали переходить изъ литовскаго подданства въ московское,—пришлось поспѣшить исполнить требованія Ивана Васильевича.

Въ Москву явилось литовское посольство; старшій посолъ отъ имени Александра сказалъ Ивану Васильевичу на торжественномъ пріемѣ:

—„Далъ Богъ, что мы приняли съ тобою любовь, братство и докончаніе (договоръ), какъ отцы наши имѣли его; но мы хотимъ еще лучшихъ отношеній съ тобою. Если то Богу угодно, далъ бы ты за насъ свою дочь, чтобы мы были съ тобою въ вѣчной дружбѣ и родственной связи теперь и навѣки."

—„Слышали мы ваши рѣчи, отвѣчалъ великій князь, и съ Божьею помощью хотимъ такого сближенія съ вашимъ государемъ. Какъ Богъ захочетъ, такъ и дѣло будетъ."

Прежде свадьбы Иванъ Васильевичъ уладилъ государственныя дѣла. Городъ Вязьма, князья Одоевскіе, Воротынскіе, Новосильскіе и Бѣлевскіе отошли къ Москвѣ со своими вотчинами. Въ грамотѣ титулъ государя былъ такъ написанъ: „Божіею милостію, государь всея Руси и великій князь владимирскій, московскій, новгородскій, псковскій, тверскій, югорскій, пермскій, болгарскій и иныхъ". Иванъ Васильевичъ первый сталъ писать при сношеніяхъ съ Литвою въ своемъ титулѣ слова: всея Руси. Это очень не нравилось литовскому князю, подъ властію котораго было много русскихъ земель; но дѣлать было нечего,—пришлось уступить и заключить миръ на всей волѣ московскаго государя.

Въ 1495 году совершилось бракосочетаніе Александра и Елены, дочери Ивана Васильевича. Литовскій великій князь далъ тестю обѣщаніе не понуждать жены къ католичеству. Отпуская дочь въ Литву, Иванъ Васильевичъ строго-на-строго наказывалъ: „къ латинской божницѣ ей не ходити, а ходити ей къ своей церкви". Литовскій князь не добился бракомъ съ Еленой „вѣчной дружбы" тестя, но тотъ своихъ выгодъ не упустилъ. Началъ онъ съ того, что постоянно жаловался, будто бы дочь его въ Литвѣ нудятъ къ перемѣнѣ вѣры. Никакіе доводы, ни даже письма дочери не могли разувѣрить его въ этомъ. Затѣмъ онъ сталъ жаловаться на притѣсненія въ Литвѣ вообще православныхъ русскихъ.

„Дошелъ до насъ слухъ, писалъ онъ дочери, что мужъ твой нудитъ тебя и иныхъ людей отступить отъ закона греческаго. Ты въ этомъ мужа не слушай, до крови и до смерти въ этомъ дѣлѣ пострадай, къ римскому закону не приступай, чтобы отъ Бога душою не погибнуть, а отъ насъ и отъ всего православнаго христіанства не быть въ проклятіи, и сраму отъ иныхъ вѣръ православію не дѣлай. Отвѣть намъ обо всемъ этомъ, правда ли то, и мы тогда къ мужу твоему пошлемъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ противъ своего слова и обѣщанія."

Не дожидаясь отвѣта, Иванъ Васильевичъ началъ враждебныя дѣйствія противъ Литвы,—завелъ опять переговоры съ крымскимъ ханомъ о

нападеніи на нее. Въ это время князья—Василій Шемячичъ (внукъ Шемяки) и Семенъ Можайскій переходили отъ Литвы въ подданство Москвы. Они отдавали подъ верховную власть московскаго государя всѣ земли, пожалованныя имъ дѣдомъ и отцомъ (Стародубъ, Черниговъ, Любечъ, Новгородъ-Сѣверскъ и др.). Перешли на сторону Ивана и еще нѣсколько мелкихъ князей и бояръ (князья Масальскіе, бояре Мценскіе, Серпейскіе и др.). Причиною перехода выставлялись притѣсненія православія въ Литвѣ. (Католическому духовенству здѣсь позволялось обращать православныхъ въ католичество). Принимая этихъ отъѣздчиковъ къ себѣ на службу, великій князь московскій нарушалъ мирный договоръ съ Литвою. Но могъ ли отказаться онъ отъ такихъ крупныхъ „примысловъ“ къ Русской землѣ? Онъ больше не медлилъ и послалъ разметную грамоту (объявленіе войны) своему зятю. Вслѣдъ за грамотой была послана и большая военная сила.

Война шла очень удачно для Москвы. Московская большая рать подъ начальствомъ князя Даніила Щени встрѣтила литовское войско на рѣчкѣ Ведрошѣ, у Дорогобужа, 14-го іюля 1500 г., и нанесла литовцамъ рѣшительное пораженіе, благодаря ловко устроенной засадѣ. Самъ гетманъ—князь Острожскій и другіе литовскіе воеводы попались въ плѣнъ. Затѣмъ подъ Мстиславлемъ русскіе снова побѣдили литовцевъ. Два слишкомъ года еще продолжалась война. Въ нее вмѣшались ливонскіе рыцари. Магистръ ихъ Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ одержалъ, благодаря своимъ пушкамъ, двѣ побѣды надъ русскими, но все же большой пользы своимъ союзникамъ не принесъ; наконецъ, несмотря на все свое мужество, долженъ былъ отступить. Александръ запросилъ мира. Литовскіе послы прибыли въ Москву 4-го марта 1503 г. для заключенія мира. Они привезли, между прочимъ, письма отъ Елены къ отцу, матери и братьямъ.

Житье Елены было незавидно въ Литвѣ: она на могла удержать своего отца отъ войны съ мужемъ, между тѣмъ этого отъ нея требовали; ее даже подозрѣвали въ томъ, что она сносится съ отцомъ во вредъ Литвѣ.

Въ своемъ любопытномъ письмѣ къ отцу Елена писала между прочимъ:

„Дочь твоя челомъ бьетъ. Государь мой мужъ послалъ къ тебѣ великихъословъ о тѣхъ обидныхъ дѣлахъ, которыя отъ твоихъ людей, съ Божія попущенія, начались. Вся вселенная вопіетъ, и ни на кого, какъ только на меня, что будто я къ тебѣ, государю, пишу, приводя тебя на то дѣло, и говорятъ, какой отецъ бываетъ врагъ дѣтямъ своимъ. Господинъ государь-батюшка! Вспомни, что я служебница твоя, и ты отдалъ меня за такого же брата своего, какъ и ты самъ. Вѣдаешь и самъ, что ты далъ ему за мною, и что я ему потомъ принесла; однако, государь и мужъ мой, король и великій князь Александръ взялъ меня съ доброю волею и держалъ меня въ чести и жалованьи и въ той любви, какая прилична мужу къ своей подругѣ; и теперь держитъ въ той же мѣрѣ, нисколько не нарушая первой ласки и жалованья, позволяетъ мнѣ сохранять греческую вѣру, ходить по своимъ церквамъ, держать на своемъ дворѣ священниковъ, дьяконовъ и пѣвцовъ для совершенія литургіи и другой службы Божіей, какъ въ Литовской землѣ, такъ и въ Польшѣ, и въ Краковѣ, и по всѣмъ то-

родамъ. Мой государь мужъ не только въ этомъ, да и въ другихъ дѣлахъ, ни въ чемъ передъ тобою не отступилъ отъ своего договора и крестнаго цѣлованія... Король, его мать, братья, зятья, сёстры, паны-рада,—вся земля, — всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, кровная любовь, дружба и помощь на поганство; но теперь видятъ, что со мною пришло всевозможное зло: война, рать, осада, сожженіе городовъ и волостей; проливается христіанская кровь; жены остаются вдовами, дѣти сиротами, плѣнъ, плачъ, крикъ, вопль. Вотъ каково жалованье, какова любовь твоя ко мнѣ... Вся вселенная, государь, ни на что, а только на меня вопіетъ, что это кровопролитіе сталось отъ моего прихода въ Литву, будто я государю моему пишу и тебя на это привожу; если-бъ, говорятъ, она хотѣла, никогда того лиха не было бы! Мило отцу дитя; какой отецъ врагъ дѣтямъ своимъ? И сама разумѣю и вижу по міру, что всякій печалуется дѣтками своими, только одну меня по моимъ грѣхамъ Богъ забылъ. Слуги наши чрезъ силу свою, трудно повѣрить какую, казну даютъ за дочерьми своими, и не только даютъ, но потомъ каждый мѣсяцъ навѣщаютъ и посылаютъ, и дарятъ, и тѣшатъ, и не одни паны, всѣ простые люди дѣтокъ своихъ утѣшаютъ; только на одну меня Господь Богъ разгнѣвался, что пришло такое нежалованіе. Я, господинъ государь, служебница твоя, ничѣмъ тебѣ не согрубила, ничѣмъ передъ тобою не согрѣшила, и изъ слова своего не выступила. А если кто иное скажетъ,—пошли, господинъ, пословъ своихъ, кому вѣришь: пусть обо всемъ испытно довѣдаются и тебѣ скажутъ... За напрасную нелюбовь твою нельзя мнѣ и лица своего показать передъ родными государя моего мужа, и потому съ плачемъ тебѣ, государю моему, челомъ бью: смилуйся надъ убогою дѣвкою своею; не дай недругамъ моимъ радоваться о бѣдѣ моей и веселиться о плачѣ моемъ. Когда увидятъ твое жалованье ко мнѣ, то я всѣмъ буду и грозна, и честна, а не будетъ твоей ласки—самъ, государь отецъ, можешь разумѣть, что всѣ родные и подданные государя моего покинутъ меня... Служебница и дѣвка твоя, королева польская и великая княгиня литовская, Олена, со слезами тебѣ, государю отцу своему, низко челомъ бьетъ".

Почти то же писала Елена и матери своей и братьямъ. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ на письмо дочери такъ:

„Что ты, дочка, къ намъ писала, то тебѣ непригоже было писать... Намъ гораздо вѣдомо, что мужъ твой посылалъ къ тебѣ отступника греческаго закона, владыку смоленскаго и бискупа виленскаго и чернецовъ бернардиновъ, чтобы ты приступила къ римскому закону; да не къ тебѣ одной посылалъ, а ко всей Руси посылалъ, которая держитъ греческій законъ, чтобы приступали къ русскому закону. А ты бы, дочка, помнила Бога и наше родство, и нашъ наказъ и держала бы греческій законъ крѣпко, и къ римскому закону не приступала бы, и римской церкви, и папѣ не была бы послушна ни въ чемъ, и не ходила бы къ римской церкви, и не норовила бы никому душой, и мнѣ, и тебѣ, и всему роду нашему не чинила бы безчестія. Хотя бы тебѣ, дочка, пришлось за это и до крови пострадать,—пострадай!... Бей челомъ нашему зятю, а своему мужу, чтобы

тебѣ церковь греческаго закона поставилъ, да чтобы и пановъ, и паней далъ бы тебѣ греческаго закона, а пановъ и паней римскаго закона отъ тебя отвелъ. А если ты приступишь къ римскому закону волей или неволей, погибнетъ душа твоя отъ Бога и быть тебѣ отъ насъ въ неблагословеніи, и я тебя не благословляю, и мать тебя не благословитъ, а зятю своему мы того не спустимъ; будетъ у насъ съ нимъ непрерывная рать".

Венгерскій король и папа со своей стороны просили также Ивана Васильевича о примиреніи съ Литвою. Польскіе послы добивались того, чтобы заключить „вѣчный" миръ, и чтобы московскій великій князь отдалъ обратно Литвѣ завоеванныя земли. Иванъ Васильевичъ не согласился. Было заключено лишь перемиріе. За Москвою оставались земли князей, перешедшихъ къ Ивану Васильевичу; притомъ онъ открыто заявилъ, что будетъ добывать отъ Литвы древнія русскія земли, захваченныя ею.

— „Отчина королевская, говорилъ онъ,—земля Польская и Литовская, а Русская земля—наша отчина. Кіевъ, Смоленскъ и многіе другіе города—давнее наше достояніе. Мы ихъ будемъ добывать". — „Хотите вѣчнаго мира, сказалъ онъ въ заключеніе литовскимъ посламъ,—отдайте Смоленскъ и Кіевъ".

Перемиріе было заключено, по волѣ Ивана Васильевича, на шесть лѣтъ (съ 1503 по 1509 годъ).

Церковныя смуты.

Много смуты было на Руси и въ церковныхъ дѣлахъ въ это время. Русскій народъ былъ очень набоженъ. Иностранцевъ, заѣзжавшихъ въ русскія земли, всегда поражало обиліе церквей. Строились онѣ безпрестанно. Постигла какая-либо бѣда городъ съ его областью: бездождіе, голодъ, моръ,— жители спѣшили молитвою отвратить бѣду, ставили по обѣту „обѣтныя" церкви, воздвигали ихъ иногда въ одинъ день, даже въ одно утро, и въ тотъ же день освящали. Жители города или селенія сговаривались на сходѣ соорудить такую „обыденную" церковь, шли въ лѣсъ, рубили брёвна, свозили ихъ, а иногда изъ усердія на плечахъ сносили ихъ на мѣсто и всѣмъ міромъ строили церковь во имя дневного святого. Если бѣда не прекращалась, строили новую обыденную церковь другому святому и т. д. Во всѣхъ городахъ было такъ много церквей, что иногда нечѣмъ было ихъ содержать, недоставало на всѣ церкви причта, и приходилось отыскивать свободныхъ священниковъ, которыхъ и призывали по временамъ служить въ тѣхъ церквахъ. По главнымъ храмамъ часто называли и города. Такъ, Новгородъ назывался городомъ св. Софіи, Псковъ—Св. Троицы; Московская область звалась землею Богородицы (по Успенскому собору въ Москвѣ). Рѣка Угра на границѣ съ Литвою называлась поэтому поясомъ Богородицы и т. п. Сильно заботились предки наши также объ украшеніи храмовъ. Красивыя колокольни, „доброгласные и многошумные" колокола, богатые, блистающіе золотомъ и драгоцѣнными камнями оклады на иконахъ очень занимали благочестивыхъ русскихъ людей.

Сильна была вѣра въ чудотворную силу нѣкоторыхъ св. иконъ и мощей святыхъ угодниковъ. Въ разныхъ городахъ были свои мѣстныя святыни. Москва, собирая около себя всю Русскую землю, стала собирать къ себѣ, начиная съ перенесенія Владимирской иконы, и русскія мѣстныя святыни съ разныхъ концовъ и такимъ образомъ становилась дорогимъ священнымъ городомъ для всей Русской земли. Въ честь новоявленныхъ святыхъ и св. иконъ устанавливались новые праздники. Постоянно совершались молебствія и крестные ходы; предъ большими праздниками толпы богомольцевъ двигались по пути къ разнымъ монастырямъ, къ разнымъ мѣстамъ, гдѣ была какая-либо святыня. Изъ сѣверныхъ монастырей послѣ Троице-Сергіевской лавры обыкновенно высоко чтился Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (возникъ

Старинная деревянная церковь.

въ XIV ст.). Строго соблюдались посты, подолгу выстаивали благочестивые люди въ храмахъ на долгихъ праздничныхъ богослуженіяхъ, усердно произносили молитвы, свято соблюдали всякіе благочестивые обряды.

Набожны, богомольны были русскіе люди того времени, но многимъ ли изъ нихъ понятенъ былъ внутренній смыслъ ученія Христова? Многіе ли соблюдали главныя заповѣди Христовы? Жалобы современниковъ на насилія, лихоимство, алчность и разные пороки, въ которыхъ погрязли люди того времени, показываютъ, что нѣтъ. Далеко не всегда понимали они, въ чемъ заключается свѣтъ и правда христіанства, хоть и называли себя православными христіанами и гнушались всѣхъ неправославныхъ И винить ихъ за это нельзя было,—учить ихъ было некому.

Татарскій погромъ, народная нищета, поборы тяжелой дани два съ половиной вѣка не давали очнуться русскому народу. Съ благодатнаго юга орды татаръ оттѣснили русскую жизнь на бѣдный сѣверо-востокъ; сношенія съ Византіей затруднились, а латинскаго запада русскіе всегда чуждались; съ нимъ были сношенія только торговыя чрезъ Новгородъ.

Гдѣ нужда да бѣда, тамъ тѣсно и наукѣ. Послѣ принятія христіанства книжное дѣло пошло было на Руси бойко. Церковныя книги переписывались, переводились съ греческаго поучительныя сочиненія, составлялись сборники, житія святыхъ; не только духовныя лица заботились о книжномъ дѣлѣ, но и между князьями и боярами были „книголюбцы“, которые скупали рукописи, не жалѣя денегъ, нанимали писцовъ списывать книги, изучали греческій языкъ; пробовали сами писать сочиненія. Но настала тяжкая пора татарщины,—и просвѣщеніе начало глохнуть на Руси; глохло оно и тамъ, гдѣ безъ него никакъ ужъ обойтись нельзя было, — въ церкви. Въ XIV вѣкѣ школъ на Руси совсѣмъ не было. Кто хотѣлъ, могъ перенять грамоту кое-какъ отъ духовныхъ лицъ да церковныхъ причетниковъ. Эти „мастера“, какъ ихъ звали, сами были не сильны въ книжномъ дѣлѣ, — не многому могли научить своихъ учениковъ, и нерѣдко приходилось ставить въ священники почти безграмотныхъ людей. Новгородскій владыка Геннадій въ своемъ посланіи митрополиту горько жалуется на это.

— „Приводятъ ко мнѣ, пишетъ онъ, мужика въ попы ставить. Я велю ему читать Апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю ему дать Псалтырь, а онъ и по той едва бредетъ. Откажу я ему,—и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ... Бьетъ мнѣ челомъ, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ говоритъ иное. Я велю имъ учить азбуку, а они поучатся мало азбукѣ да просятся прочь и не хотятъ ее учить“.

Даже и высшія духовныя лица были часто люди некнижные,—своихъ поученій говорить не могли; понадобилось составить для нихъ сборникъ готовыхъ поученій на воскресные и праздничные дни. Но съ чужимъ знаніемъ и умѣніемъ далеко не уйдешь. У грековъ наряду съ хорошими книгами было немало дурныхъ сочиненій, гдѣ вкривь и вкось объяснялось священное писаніе, а нерѣдко вносились и завѣдомо ложныя толкованія. Эти книги справедливо осуждались ученымъ византійскимъ духовенствомъ, ихъ запрещали, называли ложными, отреченными книгами (апокрифы). Наше же духовенство по своему невѣжеству пользовалось и этими книгами и усвоивало различныя ложныя толкованія. Если и высшее, избранное духовенство, епископы,—и тѣ не сильны были просвѣщеніемъ, то нечего и говорить о низшемъ духовенствѣ, о священникахъ, которымъ и простая грамотность съ трудомъ давалась. Гдѣ было имъ толковать священное писаніе, учить мірянъ, когда сами они по большей части не разумѣли его. Такимъ приходилось даже запрещать поучать народъ, чтобы не сбивали его съ толку. Мудрено ли, что при такомъ упадкѣ духовнаго просвѣщенія и міряне не понимали истиннаго смысла ученія Христова,—соблюдали церковные обряды, строго дер-

жались постовъ, долго и усердно молились,—и думали, будто все, что требовалось отъ христіанина, ими сдѣлано. Даже молитвы и обряды въ полной чистотѣ сохраниться не могли; съ ними смѣшивались разные языческіе суевѣрія и обычаи.

Темна и мелка была мірская жизнь въ тѣ времена, а нравы были страшно грубы. Человѣку съ большимъ умомъ и чуткимъ сердцемъ часто невмочь становилось жить въ „міру“. Лучшіе люди того времени, подвижники, чуждались мірянъ, презирали мірскую жизнь, полную грѣха и соблазна, бѣжали отъ нея. Человѣческому уму не было тогда, гдѣ развернуться, не было для него настоящаго дѣла: никакихъ наукъ тогда и въ поминѣ не было; общественнаго дѣла, гдѣ приходится пораскинуть умомъ,

Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

потрудиться на общую пользу, тоже не было; притомъ тогда даже думнымъ боярамъ не позволялось „высокоумничать“. Человѣку оставалось заниматься только своими мелкими житейскими дѣлами,—умъ его мельчалъ, обращался въ хитрость, въ смѣтливость, въ житейскую ловкость, въ умѣнье обдѣлывать свои дѣлишки... Болѣе чуткіе люди, конечно, понимали, что такой мелкій умъ большой цѣны не имѣетъ. А въ дѣлахъ вѣры умъ человѣческій еще меньше цѣнится: здѣсь требовалось всѣмъ сердцемъ вѣрить тому, что дано высшимъ божественнымъ разумомъ. Что надо было истолковать, то истолковано апостолами и святыми отцами церкви. Объяснять что-либо по своему значило впадать въ ересь, въ суемудріе, въ гордость. Какъ своеволіе въ мірскихъ дѣлахъ считалось преступнымъ, такъ и своемысліе

въ дѣлахъ вѣры считалось грѣховнымъ. Такимъ образомъ умъ могъ считаться источникомъ грѣха.—Отсюда нетрудно было притти къ презрѣнію ума. Были на Руси особенные подвижники—„юродивые“,—они отрекались не только отъ всѣхъ благъ и радостей мірскихъ, но и отъ разума, этого высшаго человѣческаго дара. Юродивые старались уподобиться „дѣтямъ несмысленнымъ“, прикидывались безумными, творили всякія чудачества, чтобы вызвать насмѣшки, брань, даже побои. Чѣмъ больше удавалось имъ потерпѣть отъ легкомысленныхъ людей, тѣмъ больше достигалась цѣль ихъ подвижничества, „юродства ради Христа“. Часто между юродивыми были очень дальновидные, чуткіе люди. Нерѣдко они смѣло высказывали горькую правду сильнымъ людямъ; своимъ дѣтскимъ незлобіемъ, чистотою сердца и самоотверженіемъ они служили живымъ укоромъ своекорыстнымъ и жестокимъ людямъ. Но людей съ просвѣщеннымъ умомъ,—людей, могущихъ объяснять мірянамъ, какъ надо жить не только на пользу себѣ, но и другимъ, въ чемъ состоитъ истинное христіанское благочестіе, — такихъ людей на бѣду не было, а въ нихъ-то и была особенная нужда.

Всею душою хотѣлъ русскій человѣкъ чтить Бога, Богъ былъ въ его сердцѣ, но теменъ былъ его умъ, не понималъ, какъ надо чтить Бога, какъ угодить Ему; научить же уму-разуму было некому!

Когда нѣтъ истинныхъ наставниковъ, часто за дѣло берутся разные лжеучители. Еще въ концѣ XIV вѣка стало распространяться ложное ученіе (ересь) во Псковѣ и Новгородѣ. Былъ тогда обычай брать со вновь поставленныхъ священниковъ такъ называемую ставленную пошлину. На этотъ обычай многіе роптали: бѣднымъ, хотя бы и достойнымъ лицамъ, очень трудно было попасть въ священники. Одинъ дьяконъ по имени Никита и нѣкто Карпъ стригольникъ (одни объясняютъ, что онъ былъ разстрига-дьяконъ, другіе—что онъ былъ по ремеслу стригольникъ)—стали убѣждать народъ, что тѣ пастыри церкви, которые поставлены на мздѣ, незаконны. Далѣе они стали укорять все духовенство тѣмъ, что оно беретъ поборы съ живыхъ и мертвыхъ; что оно дурно живетъ; что всѣ священнодѣйствія и таинства, совершаемыя такими недостойными лицами, не имѣютъ никакой силы. Въ своихъ отрицаніяхъ еретики (лжеучители) шли все дальше и дальше: они начали учить, что отъ недостойныхъ священниковъ не надо принимать ни крещенія, ни отпущенія грѣховъ, ни причащенія и пр.; затѣмъ стали устранять всякое священнодѣйствіе; право учить вѣрѣ, по ихъ словамъ, должно принадлежать всѣмъ мірянамъ. Каяться, говорили еретики, можно безъ священника, припадая къ землѣ; таинство причащенія надо понимать въ духовномъ смыслѣ; другіе таинства и обряды совсѣмъ не нужны. Нѣкоторые изъ еретиковъ шли еще дальше, стали отвергать воскресніе мертвыхъ и т. д. Говорили эти лжеучители горячо и красно, притомъ жизнь вели строгую, посты соблюдали. Понятно, что они увлекли многихъ, и стала распространяться эта ересь даже среди людей грамотныхъ, которые и раньше задумывались надъ вопросами вѣры и видѣли церковное нестроеніе.

Изъ Пскова ересь перешла въ Новгородъ. Никита и Карпъ явились и сюда, но владыка новгородскій отлучилъ ихъ отъ церкви, а народъ

схватилъ ихъ и кинулъ въ Волховъ. (1375 г.). Однако, сторонники ихъ продолжали распространять ересь. Нѣсколько разъ патріархи византійскіе присылали посланія противъ нея. Во Псковѣ, наконецъ, многихъ еретиковъ посадили въ тюрьмы, другихъ казнили; но ересь все-таки держалась и распространялась втайнѣ; называлась она ересью стригольниковъ.

Въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. стала распространяться здѣсь новая ересь — ересь жидовствующихъ. Въ Новгородъ занесъ ее кіевскій ученый еврей Схарія. Онъ отрицалъ ученіе о Троицѣ, о божественности Іисуса Христа, Ветхій завѣтъ ставилъ выше Новаго, отвергалъ ученія отцовъ церкви, почитаніе св. мощей и иконъ, церковныя таинства, обряды, монашество. Ересь эта представляла смѣсь іудейства и христіанства. Въ Новгородѣ Схарія нашелъ много сторонниковъ: между ними были духовныя лица и самые образованные новгородцы. Главные еретики отличались благочестивою жизнью, большой ученостью; говорили они убѣдительно,—спорить съ ними было не подъ силу малообразованнымъ священникамъ, и лжеучители легко могли сбивать съ толку людей, вовлекать ихъ въ ересь, и она расходилась все шире и шире.

Въ 1480 г. былъ въ Новгородѣ великій князь. Тутъ ему понравились два священника—Діонисій и Алексѣй. Онъ взялъ ихъ съ собою въ Москву, назначилъ ихъ протопопами, одного—въ Архангельскій, а другого—въ Успенскій соборъ. Оба они были заражены ересью и стали тайно распространять ее въ Москвѣ. Тутъ нашлось много послѣдователей, даже между духовными лицами: къ ереси присталъ архимандритъ Симонова монастыря Зосима, любимый государевъ дьякъ Ѳедоръ Курицынъ и невѣстка князя Елена.

Еретики вели себя очень осторожно: предъ людьми твердыми въ православной вѣрѣ они старались казаться строгими ревнителями православія, но людей слабыхъ мало-по-малу опутывали и склоняли въ ересь. Особенно хлопотали они о томъ, чтобы на священническія мѣста проводить своихъ соумышленниковъ, и это имъ часто удавалось. Такимъ образомъ, ересь втайнѣ разливалась все шире и шире.

Первый открылъ ее новгородскій владыка Геннадій. Напалъ онъ на явный слѣдъ ея въ 1487 г. случайно: нѣкоторые еретики въ пьяномъ видѣ сами проговорились. Геннадій велѣлъ произвести розыски. Дознались, что еретики хулятъ Сына Божія, Богородицу, ругаются надъ святыми иконами. Добыты были и нѣкоторыя ихъ книги и тетради. Геннадій далъ знать о ереси въ Москву великому князю и митрополиту.

Митрополитъ Геронтій, человѣкъ слабый, не ладилъ съ Геннадіемъ и былъ не въ милости у великаго князя. Рѣшительныхъ мѣръ противъ ереси не принималось; у еретиковъ были сильные заступники при дворѣ.

Когда умеръ Геронтій, то по проискамъ еретиковъ князь пожелалъ, чтобы въ митрополиты былъ избранъ Зосима, симоновскій архимандритъ. Еретики торжествовали: новый митрополитъ, зараженный ересью, былъ для нихъ свой человѣкъ. Онъ сталъ донимать Геннадія разными придирками.

Но Геннадій, рѣшительный, настойчивый и строгій ревнитель право-

славія, не оставилъ начатаго дѣла: онъ писалъ посланія не только великому князю, митрополиту, но и другимъ архіереямъ,—убѣждалъ ихъ требовать немедленно собора, розыска еретиковъ и самаго строгаго суда надъ ними. Въ посланіи къ князю Геннадій указывалъ ему на примѣръ Фердинанда, испанскаго короля, который лютыми казнями и кострами искоренялъ ересь въ своихъ земляхъ. Своимъ товарищамъ-владыкамъ онъ совѣтовалъ ни подъ какимъ видомъ не допускать преній о вѣрѣ съ еретиками.

„Люди у насъ просты, писалъ онъ, не умѣютъ говорить,—лучше о вѣрѣ не плодить никакихъ рѣчей, а для того только соборъ учинить, чтобы еретиковъ казнить, жечь и вѣшать... Надобно ихъ пытать накрѣпко, чтобы дознаться, кого они прельстили, чтобы искоренить ихъ совсѣмъ и отрасли ихъ не оставить".

Въ XIII в. епископъ владимирскій Серапіонъ сильно возставалъ противъ людей, вздумавшихъ убивать волхвовъ, какъ еретиковъ; а теперь ревнитель православія требовалъ лютой казни еретикамъ; другого средства бороться съ ними не было; невѣжественнымъ духовнымъ лицамъ пускаться въ споры съ еретиками было даже опасно. Невѣжество такимъ образомъ ведо къ жестокости, противной христіанскому духу...

Благодаря посланіямъ Геннадія, дѣло получило такую огласку, что уже нельзя было его замять, какъ хотѣлось митрополиту. По настоянію архіереевъ онъ принужденъ былъ въ 1490 г. созвать соборъ. Здѣсь еретики были преданы проклятію... Нѣкоторые изъ нихъ, которыхъ нельзя было укрыть, сосланы были въ ссылку. Еретиковъ, бѣжавшихъ изъ Новгорода, отправили къ Геннадію.

Невиданное еще до тѣхъ поръ зрѣлище пришлось увидѣть новгородцамъ. По городу возили еретиковъ, посаженныхъ верхомъ на клячъ лицомъ къ хвосту; на еретикахъ была надѣта одежда на-выворотъ; на головахъ у нихъ были соломенные вѣнцы, остроконечные берестовые колпаки съ мочальными кистями и съ надписью: „се есть сатанино воинство". Нашлись такіе, что плевали еретикамъ въ глаза и кричали: „Вотъ враги Божіи, хулители Христа!"... Послѣ поруганія еретиковъ на головахъ у нихъ зажгли берестовые колпаки.

Но позоромъ и казнью ересь не была ослаблена. Наиболѣе сильные еретики уцѣлѣли. А тутъ еще случилось обстоятельство, которое на время придало новую силу ереси. Еще въ древнія христіанскія времена на востокѣ составилось суевѣрное убѣжденіе, будто бы міръ будетъ существовать только 7000 лѣтъ. Въ 1492 году какъ разъ истекала седьмая тысяча лѣтъ (отъ сотворенія міра до Р. Х. считалось 5508 лѣтъ). Наступалъ конецъ міра и страшный судъ... Ужасъ обуялъ суевѣрныхъ. Раньше и духовенство держалось мысли, что чрезъ 7000 лѣтъ отъ сотворенія наступитъ кончина міра. Но роковой 1492 годъ прошелъ, и еретики стали смѣяться надъ православными, ругались надъ ихъ книгами, надъ воскресеніемъ мертвыхъ, надъ страшнымъ судомъ.

Геннадій продолжалъ всѣми силами бороться съ ересью. Нашелся ему сильный помощникъ—Іосифъ Волоцкій. Съ юныхъ лѣтъ Иванъ Санинъ

(мірское имя Іосифа) полюбилъ строгую иноческую жизнь. Страшно сурова была жизнь въ Боровскомъ монастырѣ, гдѣ постригся юный подвижникъ, но онъ былъ изъ тѣхъ могучихъ духомъ людей, которыхъ не пугаютъ тяжкіе труды и лишенія, не останавливаютъ никакія препятствія. Какъ ни сурова была жизнь въ Боровскомъ монастырѣ, но Іосифу казалась она недостаточно строгой. Онъ основалъ свой собственный монастырь въ лѣсахъ Волоколамскихъ съ самымъ строгимъ уставомъ. Вотъ этотъ суровый подвижникъ съ несокрушимой волей выступилъ борцомъ противъ ереси, которая видимо крѣпла, находя опору въ митрополитѣ.

„Съ того времени, писалъ Іосифъ суздальскому епископу, какъ возсіяло въ землѣ нашей солнце православія, у насъ никогда не бывало такой ереси: въ домахъ, на дорогахъ, на рынкѣ—всѣ иноки и міряне съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ, опираются они не на ученіи пророковъ, апостоловъ и св. отцовъ, а на словахъ еретиковъ, отступниковъ христіанства; съ ними дружатся, учатся отъ нихъ жидовству, а отъ митрополита еретики не выходятъ изъ дому, даже спятъ у него“.

Іосифъ въ своихъ посланіяхъ къ русскимъ епископамъ, къ вел. князю, смѣло изобличалъ въ ереси самого митрополита, требовалъ, чтобы владыки, вѣрные православію, отказались отъ всякаго общенія съ Зосимою, не принимали бы отъ него благословенія. Наконецъ онъ добился своего: Зосима былъ отставленъ (1494 г.) отъ митрополіи „за пьянство и нерадѣніе о церкви“.

Іосифъ уговаривалъ вел. князя казнить еретиковъ; но тотъ долго медлилъ. Въ это время большую силу при дворѣ имѣла Елена, невѣстка вел. князя, зараженная ересью, да и самъ великій князь одно время склонялся къ ней: по крайней мѣрѣ онъ впослѣдствіи самъ каялся, что зналъ о ереси. Понятно, какъ трудно было ревнителямъ православія бороться съ нею. Притомъ не всѣ духовныя лица, подобно разгоряченному борьбой Геннадію и суровому Іосифу, стояли за лютыя казни.

Въ то время, какъ Іосифъ требовалъ, чтобы огнемъ безпощадно выжечь язвы ереси изъ русскаго народа, слышался голосъ другого великаго русскаго подвижника—кроткаго Нила Сорскаго и его послѣдователей, старцевъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Они напоминали о христіанской кротости, о христіанскомъ прощеніи.

Но Іосифъ настойчиво добивался у князя расправы съ еретиками. Наконецъ вел. князь послѣ долгихъ колебаній созвалъ соборъ (1504 г.), чтобы окончательно рѣшить дѣло о ереси. Іосифъ требовалъ, чтобы безъ пощады казнить главныхъ еретиковъ, не обращая вниманія на ихъ раскаяніе. Соборъ обвинилъ и предалъ проклятію нѣсколькихъ уличенныхъ лжеучителей. Великому князю неудобно было дольше отстаивать ихъ,—и 28-го декабря главные еретики были сожжены въ желѣзныхъ клѣткахъ. Въ Новгородѣ также сожгли нѣсколькихъ. Остальныхъ, менѣе виновныхъ,—однихъ заключили въ тюрьмы, а другихъ разослали по монастырямъ. Іосифу это было не по душѣ.

— „Этимъ ты, государь, говорилъ онъ вел. князю, творишь мірянамъ пользу, а инокамъ погибель.“

Ересь не была совершенно истреблена. Она еще существовала втайнѣ и лѣтъ черезъ 50 снова сказалась.

Борьба съ жидовствующими показала, какъ необходимо просвѣщеніе, подняла вопросъ и о церковномъ нестроеніи. Геннадій жалуется, какъ сказано выше, что приводятъ къ нему почти безграмотныхъ людей ставиться въ священники,—и прямо заявляетъ о необходимости училищъ.

„Челомъ бью государю, пишетъ онъ митрополиту, чтобы велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благочестіемъ, то дѣло исправится; а ты бы, господинъ отецъ нашъ, государямъ нашимъ, а своимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити; а мой совѣтъ учить въ училищахъ азбукѣ съ толкованіемъ, да псалтырь съ объясненіями, а потомъ могутъ читать всякія книги. А то мужики-невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ. Выучатъ прежде всего вечернѣ, за это мастеру (т.-е. учителю) надо принести каши да гривну денегъ; за заутреню такъ-же, даже больше того, за часы особо, да сверхъ того еще подарки, какъ рядился. А кто отойдетъ отъ такого мастера, то ничего не умѣетъ,—только по книгѣ бредетъ, а церковнаго устава совсѣмъ не знаетъ“.

Неизвѣстно, насколько эти совѣты принесли пользы дѣлу.

Понадобились и книги. Еретики ссылались на Библію, а полной Библіи не было на Руси; не было также ни одного вполнѣ исправнаго списка Псалтыри. Геннадій озаботился составить полный списокъ Библіи; недостающія книги ея были переведены съ латинскаго языка. Борьба съ ересью вызвала и новыя сочиненія. Іосифъ написалъ нѣсколько посланій. Они вошли частію въ замѣчательную его книгу „Просвѣтитель“. Здѣсь заключается исторія ереси жидовствующихъ, обличенія ея; тутъ же приводятся всѣ главныя основанія православнаго вѣроисповѣданія.

Борьба съ ересью заставила обратить вниманіе и на церковныя неустройства. Еретики постоянно корили православныхъ, что у нихъ священники ставятся на мздѣ. На соборѣ 1504 г. было постановленно отмѣнить пошлины при поставленіи на священнослужительскія мѣста, чтобы не вводить людей въ соблазнъ. Съ этихъ поръ строго стали смотрѣть, чтобы это постановленіе не нарушалось. Даже самъ Геннадій долженъ былъ отказаться отъ своего сана и поселиться въ монастырѣ, когда его враги, которыхъ у него было очень много, стали жаловаться, будто онъ попрежнему бралъ „мзду“ со священниковъ.

Поднятъ былъ на соборѣ и другой весьма важный вопросъ,—вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами. Монастыри,—эти „тихія пристанища“, куда удалялись люди, чтобы вдали отъ мірскихъ заботъ проводить жизнь въ покаяніи, слезахъ и молитвѣ, казались благочестивымъ и набожнымъ людямъ лучшимъ мѣстомъ для спасенія души, а монашеское житіе образцомъ праведной жизни. Оно представлялось имъ „лучше царской державы“; о немъ говорили: „свѣтъ инокамъ ангелы, свѣтъ же мірянамъ иноки“. И въ самомъ дѣлѣ, полвижники, подобные св. Ѳеодосію и

св. Сергію, были такимъ свѣтомъ для мірянъ: они своею жизнію напоминали, что, кромѣ мірскихъ заботъ, есть заботы высшія, духовныя, воочію показывали примѣры христіанскаго милосердія и кротости. Толпы богомольцевъ наполняли монастыри, прославленные подвигами святыхъ угодниковъ, несли сюда свои пожертвованія. Князья, бояре и богатые люди жертвовали часто земли, деревни, сёла и разныя угодья: кто дѣлалъ вкладъ, чтобы молились о здравіи и долголѣтіи его, вкладчика, и его родичей; кто жертвовалъ „на вѣчный поминъ души“. Особенно много дѣлалось вкладовъ и завѣщаній въ пользу монастырей во второй половинѣ XV ст., когда ожидалась скорая кончина міра.

Чѣмъ больше богатѣли монастыри, тѣмъ сильнѣе монахи втягивались въ мірскія дѣла: приходилось управлять имѣніями, собирать доходы, а иногда даже и тяжбы вести. Кстати ли было всѣмъ этимъ заниматься инокамъ, посвятившимъ свою жизнь Богу, отрекшимся отъ грѣшнаго міра и корыстей его? Не повреждалось ли этимъ монашество въ самомъ корнѣ своемъ? Этими вопросами еретики кололи глаза православнымъ. Этими вопросами смущались и сами благочестивые люди. На соборѣ возсталъ противъ права монастырей владѣть селами Нилъ Сорскій (изъ рода бояръ Майковыхъ, род. 1433, ум. 1508 г.).

Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ подвижниковъ. Постригся онъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ; затѣмъ ходилъ странствовать на Востокъ, по монастырямъ, побывалъ и въ аѳонскихъ обителяхъ. Особенно полюбилась ему строгая жизнь отшельниковъ, и онъ ревностно изучалъ сочиненія отцовъ-пустынниковъ. На Востокѣ было три вида иноческой жизни: общежитіе, скитское житіе и совершенное одиночество. Общежитіе, которое господствовало въ русскихъ монастыряхъ, было не по душѣ Нилу: оно требовало большого хозяйства, управленія, власти, и могло легко вести къ тѣмъ злоупотребленіямъ, какія сказывались въ то время въ русскихъ монастыряхъ. Совершенное одиночество тоже не нравилось Нилу. „Уединеніе, говорилъ онъ, требуетъ ангельскаго житія, а неискусныхъ убиваетъ“. Человѣкъ въ уединеніи дичаетъ, озлобляется, да и Христову заповѣдь о любви къ ближнему онъ не можетъ исполнять. Полюбился Нилу третій видъ иноческой жизни—скитъ. Скитъ—это двѣ-три особыя кельи; два-три инока составляютъ всю братію.

Въ 15 верстахъ отъ Кириллова монастыря, въ дремучемъ лѣсу, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, на рѣчкѣ Сорѣ, устроилъ онъ скитъ. Такъ возникла Сорская пустынь.

Чтеніе молитвъ и богослуженіе, по мнѣнію Нила, не ведутъ къ спасенію безъ „внутренняго дѣланія“. Настоящее подвижничество, по ученію его, есть борьба съ дурными помыслами, очищеніе души отъ нихъ. Вотъ эту борьбу и называетъ онъ „внутреннимъ, или умнымъ дѣланіемъ“. Побѣда надъ помыслами даетъ душѣ блаженное спокойствіе, приближаетъ ее къ блаженству. „Инокъ, по словамъ Нила, долженъ умереть для всякаго земного попеченія“. Церковь въ скитѣ отнюдь не должна была имѣть никакихъ богатствъ и украшеній. Серебро и золото изъ церкви строго изго-

нялось: „Лучше бѣднымъ помогать, чѣмъ церкви украшать“, говоритъ Нилъ. Только въ крайней нуждѣ, въ случаѣ немощи или болѣзни позволялось инокамъ, жившимъ въ скитѣ, принимать подаяніе, и то самое маленькое. Все необходимое для жизни иноки должны были добывать своими руками. „Если кто не хочетъ работать, пусть и не ѣстъ!“ говоритъ Нилъ. Понятно, что при такомъ взглядѣ на монастырскую жизнь, онъ долженъ былъ возстать противъ обычая монастырей — пріобрѣтать имѣнія. На соборѣ 1504 г. онъ предложилъ, „чтобы сёлъ у монастырей не было, и чтобы монахи кормились трудами рукъ своихъ“.

Многимъ не по душѣ были эти рѣчи Нила; но сильнѣе всѣхъ противниковъ былъ Іосифъ Волоцкій. Онъ доказывалъ, что имѣнія даютъ возможность монастырю приносить бѣднымъ людямъ большую пользу; что монастыри принимаютъ приношенія богатыхъ, чтобы помогать бѣднымъ (во время голода въ его монастырѣ кормилось постоянно 400—500 человѣкъ). Находилъ Іосифъ и другую пользу въ монастырскихъ имѣніяхъ.

— „Если у монастырей не будетъ сёлъ, говорилъ онъ, то какъ честному (знатному) и благородному человѣку постричься въ монахи; если же не будетъ честныхъ старцевъ въ монастыряхъ, то откуда взять на митрополію, или архіепископа, или епископа и на всякія честныя (почетныя) власти? А не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, то и вѣрѣ будетъ поколебаніе“.

Это было и справедливо. Монастыри въ то время были единственнымъ пріютомъ грамотности; здѣсь только и встрѣчались „книжные“ люди.

Мнѣніе Іосифа на соборѣ взяло верхъ, но у Нила тоже были сторонники, и вопросъ о томъ, подобаетъ ли монахамъ, отказавшимся отъ всѣхъ мірскихъ заботъ, владѣть селами, былъ скоро снова поднятъ.

Внутреннія дѣла.

Собирая русскія земли въ одно государство, приходилось подумать и о томъ, чтобы завести одни и тѣ же порядки управленія и судопроизводства.

Иванъ Васильевичъ не любилъ мѣнять старыхъ русскихъ обычаевъ и порядковъ, а старался лишь придать имъ больше правильности. Въ удѣльныя времена князья въ своихъ областяхъ, гдѣ могли, сами правили и слѣдили за всѣми дѣлами, а гдѣ не могли, тамъ ставили своихъ „мужей“, т.-е. дружинниковъ, бояръ и поручали имъ творить судъ и расправу. Эти княжьи намѣстники жалованья не брали, а „кормились“ разными поборами съ мѣстныхъ жителей и судебными пошлинами. Намѣстники и волостели сами себѣ подбирали помощниковъ, давали имъ разныя должности, и они кормились такимъ же образомъ, какъ ихъ начальники. Такой же порядокъ остался и при Иванѣ Васильевичѣ. Понятно, сколько насилій и зла могли творить корыстные и нечестные волостели. Могли они и сильно наживаться на счетъ жителей, получая отъ нихъ „кормъ“—деньгами и натурой по нѣсколько разъ въ годъ (обыкновенно предъ большими праздниками), соби-

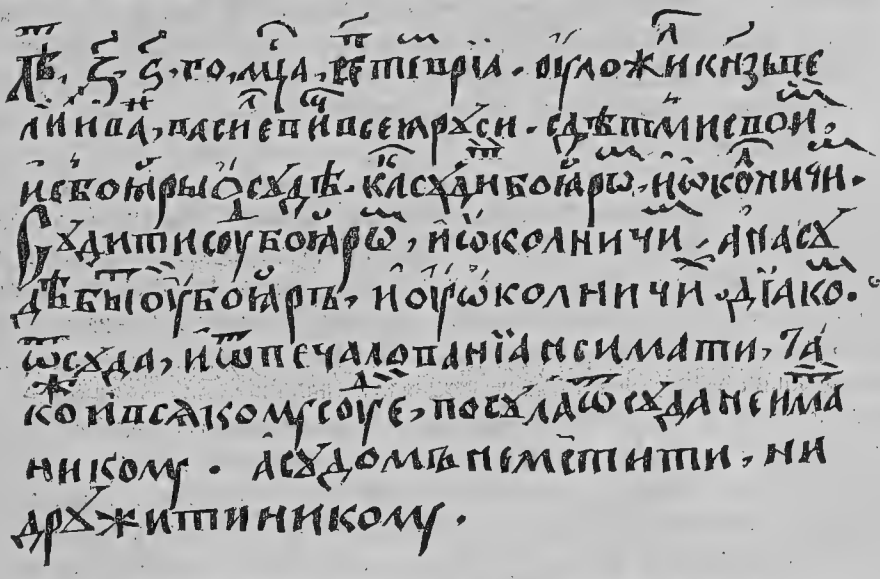
рая пошлины на судахъ съ истцовъ и отвѣтчиковъ. „Кормъ“ и различные поборы легко обращались въ „посулы“ или взятки. Въ небольшомъ удѣлѣ разные намѣстники и правители были все-таки на виду у князя; но въ обширномъ Московскомъ государствѣ великому князю мудрено было усмотрѣть за ними,—злоупотребленій могло твориться здѣсь гораздо больше.

Легче всего несправедливость сказывается при судопроизводствѣ. На судебное дѣло Иванъ Васильевичъ и обратилъ особенное вниманіе.

Онъ приказалъ дьяку Владиміру Гусеву составить сводъ судебныхъ законовъ изъ разныхъ судныхъ уставовъ и грамотъ прежнихъ князей.

Въ 1497 году Судебникъ былъ изданъ.

Въ Судебникѣ прежде всего указывается, кто долженъ судить: „Судить судъ боярамъ, окольничимъ, и быть при нихъ дьякамъ“. Наиболѣе трудныя и важныя дѣла, которыя „управить будетъ нельзя“, представлять



Образчикъ письма изъ Судебника великаго князя Ивана III.

великому князю. Тутъ же въ самомъ началѣ Судебника сказывается забота оградить людей отъ произвола и лихоимства судей: „посуловъ боярамъ и окольничимъ, и дьякамъ отъ суда и отъ печалованія (просьбъ) не имать, а судомъ не мстити, не дружити никому“. Далѣе точно указывается, какія слѣдуетъ брать судебныя пошлины. На судѣ должны были присутствовать великокняжескій чиновникъ (дворскій), мѣстный староста и выборные „лучшіе“ люди. Такимъ образомъ, Судебникъ старается оградить отъ обиды и неправды подсудимыхъ.

Самосудъ и самоуправство, какіе допускались въ Русской Правдѣ, въ Судебникѣ Ивана III уже не встрѣчаются. Правительство теперь вошло въ большую силу,—и потому брало въ свои руки и судъ, и расправу. Зато суровость и грубость нравовъ сказывается въ Судебникѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Русской Правдѣ. Въ Судебникѣ полагаются пытки, тѣлесныя нака-

занія, смертная казнь, чего нѣтъ въ Русской Правдѣ. Татарское владычество немало содѣйствовало грубости и жестокости нравовъ.

Пытать (т.-е. различными мученіями вынуждать обвиняемаго признаться въ своей винѣ) полагалось въ томъ случаѣ, если подсудимый возбуждалъ сильное подозрѣніе.

Вора, попавшагося на первой кражѣ, опредѣлено „бить кнутьемъ“. Эта казнь называлась „торговою“ (потому что происходила на торгу, т.-е. на площади). Смертная казнь назначена за „лихія дѣла“ (т.-е. уголовныя преступленія), разбой, душегубство, святотатство, зажигательство, двукратное воровство, ябедничество и пр.

Въ тяжбахъ, когда трудно было удовлетворить тяжущихся, позволялось имъ рѣшать дѣло „полемъ“. т.-е судебнымъ поединкомъ. Бойцы должны были въ доспѣхахъ биться,—обыкновенно палицами, въ присутствіи судей. Недѣльщики (судебные пристава) смотрѣли, чтобы бой шелъ правильно и не доходилъ до убійства. Побѣдитель считался выигравшимъ тяжбу. Въ иныхъ случаяхъ подсудимымъ (женщинѣ, увѣчному, больному, старику и пр.) позволялось выставлять вмѣсто себя наемныхъ бойцовъ.

Иванъ Васильевичъ старался установить больше порядка и въ сборѣ податей. Земля дѣлилась на участки (сохи). Гдѣ земля была хорошая, тамъ на соху шло ея 800 четвертей, а гдѣ похуже, тамъ 1000 и 1200 (четверть заключала въ себѣ теперешнихъ полторы десятины). Съ каждой сохи брались извѣстныя подати. Въ городахъ и посадахъ, гдѣ жители занимались разными промыслами, подать разсчитывалась по дворамъ; соразмѣрно доходамъ брались и подати. Для того, чтобы это точно соблюдалось, посылали особыхъ писцовъ, которые составляли росписи доходовъ жителей (писцовыя книги). Кромѣ податей, было много различныхъ пошлинъ: при проѣздѣ изъ города въ городъ купецъ долженъ былъ платить таможенныя пошлины, при куплѣ и продажѣ товара—за право заниматься разными промыслами, за судопроизводство, — за все приходилось уплачивать пошлины. Много ихъ установлено было еще въ то премя, когда дань шла въ Орду; теперь же сборы шли частію на содержаніе разныхъ намѣстниковъ и волостелей, частію въ казну великаго князя. Богатство его съ каждымъ годомъ росло.

Особенно важной мѣрой Ивана Васильевича было „испомѣщеніе“ боярскихъ дѣтей (обѣднѣвшіе потомки бояръ). Имъ раздавали земли, или помѣстья, въ пожизненное пользованіе, а они обязывались за это нести военную службу, по призыву великаго князя являться въ назначенное мѣсто „конно, людно и оружно“. И раньше былъ обычай надѣлять служилыхъ людей землею; но Иванъ Васильевичъ, завладѣвши новыми областями, раздавалъ помѣстья служилымъ людямъ, или, какъ говорилось тогда, „испомѣщалъ ихъ“, цѣлыми тысячами. Понятно, какую могучую силу пріобрѣталъ онъ въ служилыхъ людяхъ, отъ которыхъ всегда, когда хотѣлъ, могъ отобрать помѣстья, могъ за вѣрную службу ихъ наградить и новыми зем-

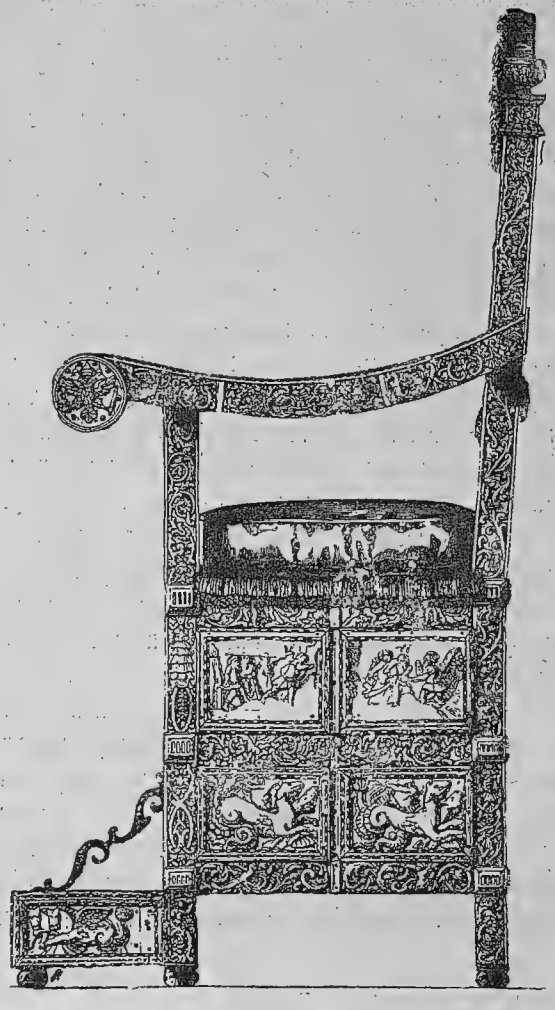
лями. Эти „помѣщики“ были вполнѣ въ его рукахъ: они должны были вѣрой и правдой служить государю, отъ гнѣва и милости котораго зависѣла вся ихъ участь.

Чѣмъ могучѣе и богаче становился государь, тѣмъ болѣе росло и значеніе его въ глазахъ бояръ. Въ былыя времена князь считался какъ бы старшимъ товарищемъ среди дружины: безъ совѣта съ нею онъ ничего не предпринималъ, добычею и данью съ нею дѣлился; онъ нуждался въ дружинѣ,—безъ нея онъ былъ безсиленъ; а между тѣмъ каждый дружинникъ былъ человѣкъ вольный, могъ уйти отъ князя, когда хотѣлъ и куда хотѣлъ. Понятно, что князь долженъ былъ жить въ ладу съ дружиной, задабривать ее. Теперь не то. Великому князю московскому заискивать въ боярахъ было нечего: онъ былъ богатъ и могучъ; по его слову служилые люди, испомѣщенные имъ, немедленно должны были поднять въ защиту его вооруженную силу въ сотни тысячъ людей, а земли и казны было въ его рукахъ столько, что онъ могъ наградить за вѣрную службу, какъ никто. Теперь уже бояре ищутъ службы у государя московскаго, какъ милости, покоряются его волѣ, преклоняются предъ нимъ, какъ предъ властелиномъ. Прежде, когда было нѣсколько удѣльныхъ князей, почти равныхъ по силѣ, боярамъ можно было по своему нраву выбирать, кому служить; а теперь все попало подъ сильную руку московскаго великаго князя. Приходится ему служить, и служить усердно —уйти отъ него на Руси уже некуда. Если ужъ очень тяжело становилось,—оставалось только въ Литву уйти; но она уже примкнула къ Польшѣ, и завелись тамъ польскіе порядки, православіе стало колебаться. На уходъ въ Литву начинаютъ смотрѣть теперь всѣ русскіе люди, какъ на измѣну. Все это побуждаетъ бояръ служить вѣрою и правдою московскому государю, искать его милости и жалованія. Не одни бояре, потомки прежнихъ дружинниковъ, но и мелкіе князья, потомки Рюрика и Гедимина, ищутъ государевой милости и службы: имъ самимъ уже не въ моготу было справляться съ разбойничьими шайками татаръ и разныхъ гулящихъ людей. Многіе изъ этихъ мелкихъ князей добровольно обращались въ бояръ московскаго князя: они какъ-бы отдавали великому князю свои княжества, т.-е. волости, а онъ имъ давалъ ихъ земли назадъ уже какъ вотчины. Князья-вотчинники должны были служить великому князю наравнѣ съ прочими боярами, а великій князь защищалъ этихъ князей, какъ своихъ людей.

Много набралось бояръ у Ивана Васильевича. Каждый изъ нихъ думалъ больше всего о своей выгодѣ и пользѣ близкихъ родичей своихъ, угождалъ всячески великому князю, старался стать какъ можно ближе къ нему, выше другихъ бояръ, а выше становился тотъ, кто былъ болѣе вѣрнымъ, надежнымъ его слугою.

Византійскіе придворные обычаи, роскошь, величіе и блескъ, водворившіеся съ пріѣздомъ Софіи, должны были еще больше возвысить великаго князя въ глазахъ всѣхъ окружающихъ. Полюбились и ему самому пышные обряды, торжественные пріемы иноземныхъ посольствъ, когда во всемъ блескѣ своего величія приходилось ему сидѣть на престолѣ въ богатомъ царскомъ

облаченіи. Установился обычай цѣловать руку государю, кланяться ему въ землю, „бить челомъ“; бояре въ просьбахъ и обращеніяхъ къ великому князю стали называть себя его рабами, холопами, и уменьшительными именами (Иванецъ, Ѳедорецъ, Васюкъ, вмѣсто Иванъ, Ѳедоръ и Василій). Многимъ боярамъ, помнившимъ старые обычаи, были не по душѣ всѣ эти „новины“; особенно не нравилось имъ то, что не придавалось ужъ прежняго значенія и боярской думѣ; но открыто высказывать своего неудовольствія никто не смѣлъ. Великій князь никому поблажки не давалъ и наказывалъ жестоко... Ослушаться въ чемъ-либо грознаго самодержца было страшно: по одному его знаку головы крамольныхъ бояръ лежали на плахѣ. Самые знатные сановники и даже духовныя лица, кромѣ смертной казни, могли подвергнуться и позорной торговой казни. Недаромъ звали Ивана Васильевича „Грознымъ“.

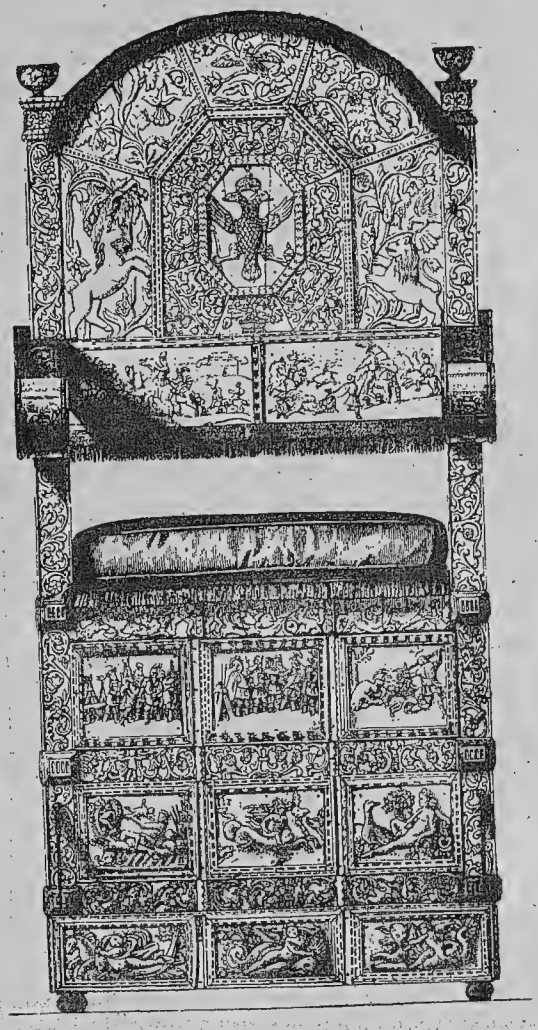


Тронъ великаго князя Ивана III (сбоку).

Высокій ростомъ, красивый, онъ имѣлъ повелительный видъ. Есть извѣстіе, что робкія женщины не выносили его гнѣвнаго взгляда, падали въ обморокъ, а сановники трепетали предъ нимъ. Случалось, что на пирахъ, во дворцѣ, они иногда просиживали за столомъ по нѣскольку часовъ, не смѣя шевельнуться или проронить слово въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ, утомленный бесѣдой, дремалъ. Сидѣли они въ глубокомъ молчаніи,—ждали, когда проснется повелитель и прикажетъ имъ снова веселить его и самимъ веселиться.

Именитые бояре недолюбливали Софію: она держала себя гордо; притомъ ее считали главной виновницей новыхъ порядковъ. Въ 1490 г. умеръ старшій сынъ великаго князя отъ перваго брака—Иванъ. Возникъ вопросъ, кому быть наслѣдникомъ: второму сыну государя — Василію, или внуку

Димитрію, сыну умершаго князя? Знатнымъ сановникамъ очень не хотѣлось, чтобы престолъ достался Василію, сыну Софіи. Покойный Иванъ Ивановичъ титуловался великимъ княземъ, былъ какъ бы равнымъ отцу, и потому сынъ его даже по старымъ родовымъ счетамъ имѣлъ право на старшинство. Зато Василій, со стороны матери, происходилъ отъ знаменитаго царскаго корня. Придворные раздѣлились: они стояли за Димитрія, другіе—за Василія. Противъ Софіи и ея сына дѣйствовали князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ и зять его Семенъ Ивановичъ Ряполовскій. Это были лица очень близкія къ государю, и всѣ важнѣйшія дѣла шли чрезъ ихъ руки. Они и вдова умершаго великаго князя—Елена пустили въ ходъ всѣ мѣры, чтобы склонить государя на сторону внука и охладить къ Софіи. Пущены были слухи, что Ивана Ивановича извела Софія. Государь видимо сталъ склоняться на сторону внука. Тогда сторонники Софіи и Василія, по большей части люди незнатные,—боярскія дѣти и дьяки, составили заговоръ въ пользу Василія. Заговоръ этотъ былъ открытъ въ декабрѣ 1497 г. Въ то же время до Ивана Васильевича дошло, что какія-то лихія бабы съ зельемъ приходили къ Софіи. Онъ пришелъ въ ярость,—жены и видѣть не хотѣлъ, а сына Василія велѣлъ держать подъ стражей. Главныхъ заговорщиковъ казнили мучительной смертью,—сперва отрубили руки и ноги, а потомъ головы. Бабъ, приходившихъ къ Софіи, утопили въ рѣкѣ; многихъ побросали въ тюрьмы.



Тронъ великаго князя Ивана III.

Желаніе бояръ исполнилось: 4 января 1498 г. Иванъ Васильевичъ короновалъ своего внука съ небывалымъ торжествомъ, какъ будто въ досаду Софіи. Въ Успенскомъ соборѣ среди церкви было устроено возвышенное мѣсто. Здѣсь

поставлено было три стула: великому князю, внуку его и митрополиту. На налоѣ лежала Мономахова шапка и барма. Митрополитъ съ пятью епископами и многими архимандритами отслужилъ молебенъ. Великій князь и митрополитъ заняли свои мѣста на возвышеніи. Князь Димитрій стоялъ предъ ними.

— „Отче митрополитъ,—громко сказалъ Иванъ Васильевичъ, издревле предки наши давали великое княженіе первымъ своимъ сыновьямъ, такъ и я перваго своего сына Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ. Волею Божіею онъ умеръ. Благословляю нынѣ старшаго сына его, внука моего Димитрія, при себѣ и послѣ себя великимъ княжествомъ владимирскимъ, московскимъ, новгородскимъ. И ты, отче, дай ему свое благословеніе."

Послѣ этихъ словъ митрополитъ пригласилъ Димитрія стать на предназначенное ему мѣсто, положилъ ему на преклоненную голову свою руку и громко молился, да сподобитъ Всевышній его Своею милостію, да живетъ въ сердцѣ его добродѣтель, вѣра чистая и правосудіе и т. д. Два архимандрита подали митрополиту сначала бармы, потомъ Мономахову шапку, тотъ передавалъ великому князю, а онъ уже возлагалъ ихъ на внука. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала эктенія, молитва Богородицѣ и многолѣтіе; послѣ чего духовенство поздравляло обоихъ великихъ князей.

— „Божіею милостію радуйся и здравствуй,—провозгласилъ митрополитъ,—радуйся православный Царь Иванъ, великій князь всея Руси, Самодержецъ, и съ внукомъ своимъ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ, всея Руси, на многія лѣта!"

Затѣмъ митрополитъ привѣтствовалъ Димитрія и произнесъ ему краткое поученіе, чтобы онъ въ сердцѣ имѣлъ страхъ Божій, любилъ правду, милость и судъ праведный и такъ далѣе. Подобное же наставленіе повторилъ внуку и князь. Этимъ обрядъ коронаціи и кончился.

Послѣ обѣдни Димитрій изъ церкви вышелъ въ бармахъ и вѣнцѣ. Въ дверяхъ его осыпали золотыми и серебряными деньгами. Это осыпаніе повторялось у входа въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборъ, куда ходилъ нововѣнчанный великій князь помолиться. Въ этотъ день былъ устроенъ у государя богатый пиръ.

Но недолго радовались бояре своему торжеству. И году не прошло, какъ страшная опала постигла главныхъ противниковъ Софіи и Василія,—князей Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ. Семену Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ. По просьбѣ духовенства Патрикѣевымъ была оказана пощада. Отца постригли въ монахи въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, старшаго сына въ Кирилло-Бѣлозерскомъ, а младшаго стали держать подъ стражей въ Москвѣ. Ясныхъ указаній, за что государева опала постигла этихъ сильныхъ бояръ, нѣтъ. При одномъ случаѣ только Иванъ Васильевичъ выразился о Ряполовскомъ, что онъ съ Патрикѣевымъ „высокоумничалъ". Бояре эти, видно, позволяли себѣ своими совѣтами и соображеніями налоѣдать великому князю. Несомнѣнно также, что открылись какія-нибудь ихъ козни противъ Софіи и Василія. Въ то же время опала постигла Елену и Димитрія; вѣроятно, участіе ея въ жидовской ереси тоже повредило ей. Софія и сынъ ея опять заняли прежнее свое положеніе.

Съ той поры началъ государь, по словамъ лѣтописцевъ, „нерадѣть о внукѣ“, а сына Василія объявилъ великимъ княземъ Новгорода и Пскова. Псковичи, не зная еще, что Димитрій съ матерью попали въ немилость, прислали просить государя и Димитрія, чтобы они держали свою отчину по старинѣ, не назначали бы отдѣльнаго князя во Псковъ, чтобы тотъ великій князь, который будетъ на Москвѣ, былъ бы и во Псковѣ.

Эта просьба разсердила Ивана Васильевича.

— „Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? сказалъ онъ въ гнѣвѣ; кому хочу, тому и дамъ княжество!“

Двоихъ изъ пословъ онъ велѣлъ даже посадить въ тюрьму. Въ 1502 г. было приказано Димитрія и Елену держать подъ стражей, на эктеніяхъ въ церкви не поминать ихъ и не величать Димитрія великимъ княземъ.

Отправляя пословъ въ Литву, Иванъ наказывалъ имъ такъ говорить, если дочь или кто иной спроситъ о Василіи:

— „Пожаловалъ государь нашъ сына своего, учинилъ государемъ: какъ самъ онъ государь на государствахъ своихъ, такъ и сынъ его съ нимъ на всѣхъ тѣхъ государствахъ государь“.

Посолъ, поѣхавшій въ Крымъ, долженъ былъ говорить о перемѣнахъ при московскомъ дворѣ такъ:

— „Внука своего государь нашъ было пожаловалъ, а онъ сталъ государю нашему грубить; но вѣдь жалуетъ всякій того, кто служитъ и норовитъ, а который грубитъ, того за что жаловать“.

Въ 1503 году скончалась Софія. Великій князь, чувствуя уже слабость здоровья, приготовилъ завѣщаніе. Василію между тѣмъ пришла пора жениться. Попытка женить его на дочери датскаго короля не удалась: тогда по совѣту одного придворнаго—грека, Иванъ Васильевичъ послѣдовалъ примѣру византійскихъ императоровъ. Ко двору велѣно было собрать на смотрины красивѣйшихъ дѣвицъ, дочерей бояръ и боярскихъ дѣтей. Собрано было ихъ полторы тысячи. Василій избралъ Соломонію, дочь дворянина Сабурова.

Этотъ способъ женитьбы вошелъ потомъ у русскихъ царей въ обычай. Мало въ немъ было хорошаго: при выборѣ невѣсты цѣнили здоровье да красоту: на нравъ и умъ не обращали большого вниманія. Притомъ женщина, случайно попавшая на престолъ, часто изъ незнатнаго состоянія, не могла держать себя, какъ слѣдуетъ настоящей царицѣ: въ мужѣ она видѣла своего владыку и милостивца, была для него не подругою, а рабою. Равною съ царемъ она никакъ себя не могла признать и сидѣть на престолѣ рядомъ съ нимъ ей казалось некстати; но вмѣстѣ съ тѣмъ ей, какъ царицѣ, не было ровни между окружающими. Одинокая въ блестящихъ царскихъ покояхъ, въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, она была словно заключенная; а царь, повелитель ея, былъ тоже одинокимъ на престолѣ. Нравы и порядки двора отзывались и на жизни бояръ, и у нихъ отдѣльность женщинъ отъ мужчинъ, даже затворничество еще больше усилилось.

Въ тотъ же годъ, какъ совершенъ былъ бракъ Василія, скончался Иванъ Васильевичъ 1505 г. 27-го октября 67 лѣтъ отъ роду.

По завѣщанію всѣ его пять сыновей: Василій, Юрій, Димитрій, Симеонъ и Андрей получали надѣлы; но старшему назначено 66 городовъ, самыхъ богатыхъ, а остальные четверо всѣ вмѣстѣ получили 30 городовъ; притомъ у нихъ отнято было право въ удѣлахъ судить уголовныя дѣла и чеканить монету.

Стало быть, младшіе братья ужъ никакъ не могли называться государями; они обязывались даже присягой держать великаго князя господиномъ „честно и грозно, безъ обиды“. Въ случаѣ смерти старшаго брата младшіе должны были подчиняться сыну умершаго, какъ своему господину. Такимъ образомъ устанавливался новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну. Еще при жизни своей Иванъ Васильевичъ приказалъ Василію заключить подобный договоръ съ Юріемъ, вторымъ сыномъ своимъ; притомъ въ завѣщаніи говорилось: „Если кто изъ сыновей моихъ умретъ и не оставитъ по себѣ ни сына, ни внука, то удѣлъ его весь идетъ сыну моему Василію, а меньшіе братья не вступаются въ этотъ удѣлъ“.

Портретъ великаго князя Ивана III (факсимиле старинной гравюры).

Все свое движимое имущество, или „казну“, какъ тогда говорилось (драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя вещи, мѣха, платья и проч.), Иванъ завѣщалъ Василію.

Княженіе Василія III (1505—1533).

Отношеніе государя къ боярамъ.

Иванъ Васильевичъ, этотъ великій собиратель Русской земли, почти довершилъ то дѣло, надъ которымъ раньше такъ упорно трудились московскіе князья. Московское государство выросло и окрѣпло уже настолько, что покончило съ татарскимъ владычествомъ, явилось могучимъ врагомъ Литвы, и потребовало отъ нея возврата русскихъ земель. Выросла и окрѣпла также и власть московскаго государя. Бьютъ челомъ ему, какъ вѣрные слуги, не только потомки прежнихъ дружинниковъ—„вольныхъ людей“, но и потомки Рюрика и Гедимина,—потомки своевольныхъ удѣльныхъ князей, въ былыя времена ни во что не ставившихъ великаго князя; бьютъ челомъ, ищутъ службы и милости его и татарскіе царевичи, потомки тѣхъ, предъ кѣмъ нѣкогда трепетали русскіе великіе князья. Теперь въ глазахъ всѣхъ московскій великій князь—государь-самодержецъ: онъ милостиво жалуетъ того, кто умѣетъ „служить и норовить“ ему, казнитъ безъ пощады того, кто вздумаетъ „своевольничать“ и „высокоумничать“.

Василій Ивановичъ во всемъ слѣдовалъ отцу; самодержавіе теперь еще болѣе усилилось: отецъ все-таки бывало совѣтовался съ боярами, допускалъ иногда и противорѣчіе, а сынъ уже не терпѣлъ противъ себя, какъ говорили тогда, „встрѣчи“ (т.-е. противорѣчія) и къ боярамъ былъ немилостивъ. Это и понятно. Бояре сильно недолюбливали его мать Софію за новые придворные порядки, радѣли въ пользу Димитрія Ивановича,—Василій видѣлъ въ нихъ своихъ враговъ. Довѣрялся онъ болѣе людямъ незнатнымъ,—дьякамъ, которыхъ привязывалъ къ себѣ разными милостями; онъ только для виду давалъ на обсужденіе боярской думы дѣла, а рѣшалъ ихъ по-своему, совѣтуясь съ дворецкимъ своимъ Шигоной Поджогинымъ да еще съ двумя-тремя довѣренными людьми изъ дьяковъ. Не угодить князю или въ чемъ-нибудь перечить ему было очень опасно: въ большой былъ силѣ и чести сначала князь Василій Холмскій, да сталъ „высокоумничать“ и попалъ за то въ тюрьму; другой бояринъ — Берсень осмѣлился жаловаться на то, что великій князь рѣшаетъ всѣ дѣла „запершись самъ-третей“, и поплатился за то головою; у третьяго дьяка, Ѳедора Жаренаго, за „неподобныя и лживыя слова“ отрѣзали языкъ. Митрополитъ Варлаамъ чѣмъ-то не угодилъ государю и былъ свергнуть. Словомъ, государева опала висѣла надъ головой каждаго сановника: волей-неволей приходилось вѣрно служить и норовить ему. Впрочемъ, Василій Ивановичъ не былъ жестокъ: смертныхъ казней при немъ было не особенно много; но онъ считалъ нужнымъ держать бояръ въ страхѣ. Съ именитыхъ бояръ онъ бралъ записи, что они не уйдутъ отъ него со службы; если же кто пытался бѣжать,—съ того онъ бралъ въ наказаніе большую денежную пеню, отдавалъ виновнаго на поруки другимъ боярамъ, которые должны были платить большія деньги въ случаѣ его бѣгства. Василій Ивановичъ къ своимъ братьямъ

относился ласково и милостиво, но при нихъ были люди, которые доносили ему о каждомъ ихъ шагѣ; но онъ не зналъ милости тамъ, гдѣ видѣлъ себѣ помѣху или опасность: племянникъ его и соперникъ, Димитрій Ивановичъ, содержался въ строгомъ заключеніи, и, по словамъ лѣтописца, умеръ „въ нуждѣ и тюрьмѣ“ въ 1509 г.

Подобно отцу, Василій Ивановичъ заботился о великолѣпіи двора и объ украшеніи Москвы красивыми постройками. Онъ увеличилъ число придворныхъ сановниковъ. Во время торжественныхъ пріемовъ возлѣ него стояли р ы н д ы (тѣлохранители), избранные изъ самыхъ красивыхъ знатныхъ юношей. Одѣтые въ бѣлое атласное платье, они очень нравились народу и иноземцамъ.—Подобно отцу, Василій старался привлекать къ себѣ на службу знающихъ иноземцевъ: лѣкарей, зодчихъ, литейщиковъ и пр. Въ нѣкоторыхъ городахъ (Нижнемъ-Новгородѣ, Коломнѣ, Тулѣ и въ др.) были построены каменныя крѣпости; въ Москвѣ сооружено нѣсколько новыхъ красивыхъ церквей. Архангельскій соборъ былъ окончательно достроенъ, а Успенскій—украшенъ, по словамъ лѣтописца, такою чудною живописью, что великій князь, святители и бояре, вошедши въ храмъ, воскликнули: „Мы видимъ небеса!“

Паденіе Пскова и другихъ удѣловъ.

Самымъ важнымъ дѣломъ Василія Ивановича было уничтоженіе послѣднихъ удѣловъ.

Очередь была за Псковомъ. Уже Иванъ Васильевичъ пріучилъ Псковъ къ повиновенію, забралъ его въ руки; но все же тамъ держались еще вѣчевые порядки. Василій Ивановичъ назначилъ туда намѣстникомъ князя Репню Оболенскаго. Новый намѣстникъ былъ совсѣмъ не по душѣ псковичамъ: не обращалъ онъ никакого вниманія на вѣче и обычаи псковскіе, притомъ, по словамъ лѣтописца, „лютъ былъ до людей“. Осенью 1509 года великій князь прибылъ въ Новгородъ. Псковичи послали къ нему своихъ бояръ и посадниковъ съ жалобой на намѣстника, что онъ и люди его обижаютъ народъ.

— „Хочу жаловать и оборонять свою отчину, какъ дѣлали отецъ и дѣды наши,—сказалъ имъ великій князь,—если придетъ много жалобъ на моего намѣстника,—я его обвиню.“

Посадники были отпущены. Жаловался великому князю также и намѣстникъ, что и псковичи не воздаютъ ему должной чести. Посланы были окольничій и дьякъ во Псковъ—выслушать порознь жалобы Оболенскаго и псковичей и попробовать помирить ихъ. Посланные ничего не могли подѣлать. Тогда Василій Ивановичъ приказалъ явиться къ себѣ въ Новгородъ намѣстнику и всѣмъ жалобщикамъ на него.

Псковичи обрадовались,—думали, что теперь найдутъ управу у великаго князя противъ „лютаго“ намѣстника. Чѣмъ больше будетъ на него жалобъ, тѣмъ лучше, думали они,—тѣмъ вѣрнѣе можно будетъ выиграть

дѣло. Посадники и бояре псковскіе, враги намѣстника, оповѣстили по всей псковской землѣ, чтобы собирались всѣ, кому есть за что жаловаться на намѣстника и его людей. Множество псковичей наѣхало въ Новгородъ. Съ каждымъ днемъ сюда прибывало ихъ все больше да больше. Были тутъ и такіе, которые ничего не имѣли противъ намѣстника, а надѣялись великокняжескимъ судомъ покончить разныя тяжебныя дѣла между собою.

— „Копитесь, копитесь, жалобные люди (т.-е. жалобщики) — говорили бояре великаго князя отъ его имени всѣмъ пріѣзжавшимъ псковичамъ,—вотъ придетъ Крещеніе Господне, тогда великій князь дастъ вамъ всѣмъ управу!“

Въ самый праздникъ Крещенія, послѣ водосвятія, было объявлено псковичамъ:

— „Посадники псковскіе, бояре и жалобщики! Государь велѣлъ вамъ всѣмъ собираться на владычній дворъ. Государь хочетъ дать вамъ всѣмъ управу!“

Псковичи собрались, какъ было приказано.

— „Всѣ ли сполна собрались?“ спросили великокняжескіе бояре, когда наполнился дворъ.

— „Всѣ сполна!“ отвѣчали псковичи.

Лучшихъ людей, т.-е. посадниковъ, бояръ и именитыхъ купцовъ, пригласили въ палату, а младшіе остались на дворѣ.

Тогда имъ было громогласно объявлено:

— „Поимани есте Богомъ и государемъ, великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руси“.

Дворъ заперли и переписали всѣхъ псковичей поимянно, а затѣмъ развели ихъ по разнымъ домамъ и приказали домохозяевамъ стеречь ихъ. Лучшимъ людямъ, собраннымъ въ палаты, бояре и дьяки отъ имени великаго князя объявили, что въ то время, какъ они, посадники и бояре псковскіе, жалуются на намѣстника, многіе псковичи жалуются на нихъ и ищутъ у великаго князя управы и защиты отъ ихъ насилій; а потому слѣдовало бы на нихъ наложить великую опалу и казнь, но государь желаетъ имъ оказать милость,—проститъ ихъ, если они исполнятъ волю государеву, а воля его: колоколъ вѣчевой снять, вѣчу во Псковѣ не быть, а судъ править государевымъ намѣстникамъ какъ во Псковѣ, такъ и во всѣхъ пригородахъ его. „Если же государева жалованья не признаете и волю его не исполните,—сказано было въ заключеніе,—то государь будетъ дѣлать свое дѣло, какъ ему поможетъ Богъ, а кровь христіанская взыщется на тѣхъ, кто воли государевой не исполняетъ“.

Какъ ни горько было на душѣ у псковичей, оставалось имъ только благодарить за эту милость,—могло быть и хуже.

— „На государево жалованье мы здѣсь челомъ бьемъ, но пусть государь и во Псковъ пошлетъ съ тѣми же рѣчами!“ отвѣчали великокняжескимъ боярамъ псковскіе посадники и именитые люди. Они цѣловали крестъ вѣрою и правдою служить Василію, дѣтямъ его и наслѣдникамъ до конца міра.

Скоро вѣсть обо всемъ этомъ достигла до Пскова. Одинъ псковскій купецъ ѣхалъ въ Новгородъ съ товаромъ. На пути онъ услышалъ „злую вѣсть“ о томъ, что случилось съ его земляками въ Новгородѣ, бросилъ товаръ на дорогѣ и поскакалъ обратно во Псковъ, чтобы оповѣстить своихъ земляковъ о бѣдѣ.

Страшная вѣсть: „Великій князь нашихъ переловилъ въ Новгородѣ!“ быстро разнеслась по городу. Напалъ страхъ и трепетъ на псковичей. Поднялась тревога. Отъ ужаса и тоски, по словамъ лѣтописца, у псковитянъ „горло пересохло и уста слѣпились“: много Псковъ видѣлъ бѣдъ и невзгодъ, но такой скорби еще не было! Ударили въ вѣчевой колоколъ. Собралось вѣче.

— „Запремте городъ, будемъ обороняться отъ государя!“ кричали нѣкоторые.

Но болѣе благоразумные удерживали слишкомъ рьяныхъ и непокорныхъ.

— „Вѣдь наши посадники и бояре, наши лучшіе люди въ рукахъ государя!“ говорили они; помянули и крестное цѣлованіе государю.

Въ это время пришло во Псковъ отъ лучшихъ людей, задержанныхъ въ Новгородѣ, увѣщаніе не противиться государевой волѣ, не доводить дѣла до крови. Благоразумные и умѣренные взяли верхъ на вѣчѣ и послали гонца съ челобитной великому князю, „чтобы онъ, государь, жаловалъ свою отчину старинную“. Заключалась челобитная такими словами: „а мы, сироты твои, прежде были и теперь неотступны отъ тебя, государя, и не противимся тебѣ. Богъ воленъ да ты въ своей отчинѣ и въ насъ, твоихъ людишкахъ“.

Объявить государеву волю Пскову во всей полнотѣ и точности поручено было дьяку Третьяку Далматову. 1510 года, 12-го января, прибылъ онъ во Псковъ. Зазвонили на вѣче. Дьякъ взошелъ на возвышенное мѣсто, съ котораго говорили на вѣчѣ, и провозгласилъ отъ имени князя:

— „Если отчина моя, Псковъ, хочетъ прожить по старинѣ, то должна исполнить двѣ мои воли: чтобы у васъ вѣча не было и колоколъ вѣчевой былъ бы снятъ; быть у васъ двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ намѣстникамъ не быть. Если же этихъ двухъ волей не исполните, то какъ государю Богъ на сердце положитъ: много у него силы готовой, и кровопролитіе взыщется на тѣхъ, кто государевой воли не сотворитъ. Государь нашъ хочетъ побывать на поклонъ къ Св. Троицѣ во Псковъ.“

Сказавши это, дьякъ въ ожиданіи сѣлъ на ступени.

Псковичи „ударили челомъ въ землю“ и долго не могли ничего сказать въ отвѣтъ ему отъ слезъ и сердечной печали. Всѣ проливали горькія слезы, развѣ только грудные младенцы не плакали, говоритъ псковскій лѣтописецъ. Собравшись съ духомъ, псковичи просили государева посла подождать отвѣта до завтра. Чего было ждать? Старому порядку пришелъ конецъ... Но какъ съ дорогимъ покойникомъ жаль бываетъ разстаться родичамъ, и не торопятся они его хоронить,—хочется хоть поплакать надъ нимъ, такъ и псковичи медлили съ отвѣтомъ, жалѣя разстаться со своей стариной. По словамъ лѣтописца, день прошелъ у нихъ въ плачѣ и рыданіяхъ,—бросались другъ къ другу на шею и обливались слезами.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня въ послѣдній разъ загудѣлъ вѣчевой колоколъ. Сошлись псковичи, явился и Далматовъ.

— „Въ лѣтописяхъ нашихъ, сказали ему псковичи, такъ написано:— съ прадѣдами, дѣдами и съ отцомъ великаго князя крестное цѣлованіе положено, что намъ, псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, кто бы онъ ни былъ на Москвѣ, ни отойти ни въ Литву, ни къ нѣмцамъ, а жить намъ по старинѣ въ добровольѣ. Отойдемъ въ Литву или къ нѣмцамъ, или отложимся отъ государя и станемъ жить сами по себѣ, то на

Старинная церковь во Псковѣ (Успенія Пресв. Богородицы).

насъ гнѣвъ Божій, голодъ, огонь, потопъ и нашествіе поганыхъ. А на государѣ великомъ князѣ, тотъ же обѣтъ, какъ и на насъ, если не станетъ насъ держать въ старинѣ. А теперь Богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ—городѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ, а мы прежней присягѣ своей не хотимъ измѣнять и на себя кровопролитіе принимать. А что государь хочетъ Св. Троицѣ помолиться, въ своей отчинѣ Псковѣ побывать, то мы рады всѣмъ сердцемъ своему государю, что не вконецъ погубилъ насъ.“

Дьякъ ничего не отвѣтилъ на эту рѣчь, велѣлъ спустить вѣчевой

колоколъ и въ ту же ночь повезъ его въ Новгородъ къ государю. Псковичи горько оплакивали свои старые порядки.

Скоро и самъ великій князь прибылъ во Псковъ съ вооруженнымъ отрядомъ. Здѣсь на торговой площади встрѣтило его духовенство. Великій князь сошелъ съ коня и пошелъ къ церкви Св. Троицы. Отслужили молебенъ, пропѣли многолѣтіе государю. Благословляя его, владыка сказалъ:

— „Богъ благословляетъ тебя, государь,—взялъ ты Псковъ безъ брани.“

При этихъ словахъ псковичи, бывшіе въ церкви, горько заплакали. Великій князь созвалъ къ себѣ „лучшихъ людей псковскихъ“. Бояре объявили имъ всѣмъ отъ имени государя, что онъ ихъ жалуетъ, не вступается въ ихъ имущество, но такъ какъ были ему жалобы на ихъ неправды и

Старинная Богоявленская церковь во Псковѣ.

обиды, то имъ жить во Псковѣ непригоже, и потому надо ѣхать немедля въ московскую землю со своими семьями. Простому народу было объявлено, что управлять имъ будутъ съ этой поры великокняжескіе намѣстники.

Около трехсотъ семействъ было немедленно выслано изъ Пскова въ Москву. Высланы были также и семейства тѣхъ псковичей, которыхъ раньше задержали въ Новгородѣ. Взамѣнъ ихъ во Псковъ было переселено столько же семействъ изъ московской земли.

Псковскій лѣтописецъ горько оплакиваетъ паденіе родного города:

„Отнята слава псковская, — говоритъ онъ,—и было плѣненіе не отъ иновѣрныхъ людей, но отъ своихъ единовѣрцевъ! И кто же не заплачетъ, кто не зарыдаетъ? О, славнѣйшій городъ Псковъ, великій изъ городовъ, чего ты сѣтуешь, о чемъ плачешь? И отвѣчаетъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о своемъ опу-

стошеніи! Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, съ крыльями, полными львиныхъ когтей, и взялъ у меня три кедра ливанскіе: красоту мою, богатство мое и дѣтей моихъ исхитилъ; по волѣ Божіей, за грѣхи наши, землю опустошилъ, городъ нашъ разорилъ, людей моихъ плѣнилъ, торжища мои раскопалъ, отцовъ и братьевъ нашихъ развелъ туда, гдѣ не бывали отцы и дѣды наши.

Многіе тогда, прибавляетъ лѣтописецъ, мужи и жены постриглись въ монастыряхъ, лишь бы не уходить изъ родного города.

Въ бѣдѣ, постигшей Псковъ, лѣтописецъ видитъ наказаніе за грѣхи, за „злые поклепы, лихія дѣла, за ссоры и неразумное кричанье на вѣчахъ, когда голова не вѣдала, что языкъ говорилъ; своего дома управить не умѣемъ, — замѣчаетъ онъ, — а городомъ владѣть хотимъ. Отъ самоволія и несогласія другъ съ другомъ и были на насъ всѣ эти бѣды".

Великій князь прислалъ во Псковъ своихъ намѣстниковъ и дьяковъ управлять и творить судъ. Тяжело было псковичамъ привыкать къ новымъ порядкамъ, къ „московской правдѣ". Немилостивы и несправедливы, видно, были эти первые московскіе правители во Псковѣ. „Правда ихъ и крестное цѣлованіе, — горько жалуется псковскій лѣтописецъ,—взлетѣла на небо, а кривда стала между нихъ ходить!"

Прежде во Псковѣ была торговля свободная; за право торговли съ купцовъ ничего не брали; теперь были введены пошлины. Удаленіе изъ Пскова многихъ богатыхъ купеческихъ семействъ и пошлины повредили сильно торговлѣ его.

Нѣсколько лѣтъ спустя Василій Ивановичъ завладѣлъ Рязанью. Онъ и раньше тутъ распоряжался, какъ въ своей землѣ, и здѣшній князь на дѣлѣ былъ только московскимъ намѣстникомъ. Молодому рязанскому князю Ивану Ивановичу хотѣлось полной независимости; завелъ онъ сношенія съ крымскимъ ханомъ,—думалъ съ его помощью отдѣлиться отъ Москвы. Объ этомъ во-время провѣдалъ Василій Ивановичъ. Онъ подкупилъ самыхъ близкихъ людей и совѣтниковъ рязанскаго князя, зазвалъ его къ себѣ въ Москву, посадилъ его подъ стражу, а его мать заключилъ въ монастырь. Рязанская область была присоединена къ Москвѣ (1517 г.). Рязанскому князю удалось, впрочемъ, убѣжать изъ Москвы въ Литву, но область его осталась за Москвою; а жителей такъ же, какъ раньше новгородцевъ, а потомъ псковичей, цѣлыми толпами выселяли по разнымъ городамъ московскимъ, чтобы не было никакихъ движеній въ пользу старыхъ порядковъ; управлять рязанскими городами стали московскіе намѣстники.

Въ Сѣверской землѣ въ это время княжилъ внукъ Димитрія Шемяки—Василій. Онъ вѣрно служилъ великому князю, отличался воинской доблестью, и Василій Ивановичъ оказывалъ ему свои милости, но не особенно долюбливалъ его за безпокойный, смѣлый нравъ, и зорко слѣдилъ за нимъ. На него донесли въ Москву, будто онъ завелъ сношенія съ Литвою. Онъ провѣдалъ о доносѣ и, зная свою правоту, самъ просилъ у великаго князя суда:

— „Повели, государь, мнѣ, холопу твоему, быть въ Москвѣ, — дай мнѣ оправдаться изустно; пусть навѣки умолкнетъ клеветникъ мой... Изслѣдуй дѣло. Если я виноватъ, то голова моя предъ Богомъ и тобой."

Онъ пріѣхалъ въ Москву и вполнѣ доказалъ свою правоту. Въ 1523 г. пришлось ему опять ѣхать въ Москву оправдываться отъ новыхъ обвиненій. На этотъ разъ дѣло кончилось иначе: великій князь принялъ его сначала ласково, но чрезъ нѣсколько дней велѣлъ заковать и засадить въ темницу, какъ будто уличеннаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою.

Троицкій игуменъ Порфирій сталъ было ходатайствовать за него, когда Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ монастырь на храмовой праздникъ.

— „Если ты прибылъ сюда,—сказалъ игуменъ,—въ храмъ Безначальной Троицы просить милости за грѣхи свои, то самъ будь милосердъ надъ тѣми, кого безъ вины гонишь!..."

За эту смѣлую рѣчь Василій Ивановичъ приказалъ выгнать Порфирія изъ монастыря, велѣлъ его даже заключить. Хотя потомъ и дана была ему свобода, но игуменство не было возвращено.

Митрополитъ Даніилъ поступилъ совсѣмъ не такъ: онъ раньше далъ Шемячичу слово, что ему не причинятъ вреда въ Москвѣ, а между тѣмъ одобрялъ поступокъ великаго князя! „Богъ, говорилъ онъ, избавилъ великаго князя отъ „запазушнаго" врага!"

Не только митрополитъ такъ смотрѣлъ, и въ народѣ были люди, которые понимали, сколько бѣды происходило отъ удѣловъ и сочувствовали уничтоженію ихъ. Говорятъ, когда Шемячичъ попалъ въ заключеніе, какой-то юродивый ходилъ по улицамъ съ метлою и кричалъ:

— „Пора очистить Московское государство отъ послѣдняго сора!" (т.-е. избавить отъ послѣдняго удѣльнаго князя).

Съ присоединеніемъ Сѣверскаго княжества (1523 г.) не стало больше удѣловъ въ Восточной Русской землѣ: всю ее забрали подъ свою сильную руку московскіе государи.

Теперь оставалось имъ добывать „свое достояніе" отъ Литвы.

Войны съ Литвою и татарами.

Литовскій князь Александръ, въ свою очередь, только и думалъ о томъ, какъ бы снова вернуть земли, захваченныя отъ Литвы Иваномъ Ш. Александръ и ливонскій магистръ, при вступленіи Василія Ивановича на престолъ, держали уже и войска наготовѣ, и со дня на день ждали, что вотъ-вотъ въ Москвѣ вспыхнетъ мятежъ и усобица,—думали, что Василію Ивановичу не устоять въ борьбѣ съ боярами, сторонниками Димитрія; но надежда обманула ихъ: въ Москвѣ все было тихо.

Въ 1506 году умеръ Александръ Литовскій; дѣтей отъ него не осталось. Тогда Василій Ивановичъ задумалъ воспользоваться случаемъ. Онъ послалъ просить сестру, чтобы она порадѣла въ его пользу, уговорила бы литовцевъ избрать его своимъ государемъ; но эта смѣлая попытка, которая

разомъ могла бы покончить вѣковые счеты Москвы съ Литвой, не удалась. Елена извѣстила брата, что великимъ княземъ литовскимъ, а также и королемъ польскимъ уже признанъ братъ Александра, Сигизмундъ.

Тотчасъ по избраніи его начались обычныя пререканія Литвы съ Москвою о разныхъ пограничныхъ „обидныхъ“ дѣлахъ. Литовскій князь даже потребовалъ у Василія Ивановича возврата земель, захваченныхъ его отцомъ. Эти пререканія кончились войной.

Близкимъ человѣкомъ покойному Александру былъ князь Михаилъ Глинскій. Это былъ человѣкъ очень образованный по тому времени, побывавшій за границей, знавшій хорошо военное дѣло и притомъ очень честолюбивый. Александръ былъ очень къ нему привязанъ и держалъ его въ большомъ почетѣ. Понятно, что враговъ и завистниковъ у Глинскаго было довольно. Умеръ Александръ, и положеніе любимца его сразу измѣнилось: новый государь невзлюбилъ честолюбиваго и слишкомъ самовластнаго вельможу; враги его подняли голову,—стали распускать слухи, будто онъ хочетъ сдѣлаться независимымъ кіевскимъ княземъ; одинъ изъ нихъ называлъ его даже громко измѣнникомъ.

Глинскій потребовалъ у короля суда, чтобы очистить себя отъ клеветы и наказать оскорбителя.

Сигизмундъ, несмотря на усиленныя просьбы Глинскаго, и на ходатайство своего брата, уклонялся отъ этого. Оскорбленный вельможа не вытерпѣлъ и сказалъ королю:

— „Ты заставляешь меня покуситься на такое дѣло, о которомъ мы оба послѣ горько будемъ жалѣть.“

Глинскій удалился въ свои владѣнія и завелъ тайныя сношенія съ великимъ княземъ московскимъ,—извѣщалъ его, что въ Литвѣ войска не въ сборѣ, а изъ другихъ странъ помощи ждать неоткуда, и совѣтовалъ Василію Ивановичу немедля начать войну съ Литвою, обѣщалъ самъ поднять возстаніе въ Юго-Западной Руси. Василій Ивановичъ радъ былъ содѣйствію Глинскаго и обѣщалъ немедленно послать войско на Литву.

Глинскій началъ съ того, что жестоко отомстилъ своимъ врагамъ. Собралъ онъ изъ своихъ людей большую рать, старался взволновать Русь и присоединился съ отрядомъ своимъ къ московскому войску, лишь только оно перешло литовскую границу (1507 г.). Плохо пришлось Сигизмунду: онъ не приготовился къ войнѣ, разсчитывать на успѣхъ не могъ и поспѣшилъ заключилъ миръ, при чемъ обязывался уступить Москвѣ въ „вѣчное“ владѣніе всѣ земли, отнятыя у Литвы Иваномъ III (раньше онъ требовалъ возврата ихъ). Вѣчный миръ, или „докончаніе“, какъ говорилось тогда, заключенъ былъ въ концѣ 1508 года.

Миръ этотъ былъ совсѣмъ не по душѣ Глинскому. Своей измѣной онъ лишилъ себя родины, богатыхъ владѣній, высокаго положенія. Ему ли, гордому, самовластному магнату, довольствоваться саномъ московскаго боярина, „покорнаго слуги“ великаго князя? Весь умъ, всѣ силы свои напрягалъ Глинскій, чтобы поднять снова войну, уговаривалъ Василія Ивановича, сносился съ иноземными дворами. Сигизмундъ, между тѣмъ, узнавъ объ этомъ,

потребовалъ у московскаго князя выдачи Глинскаго и казни его сообщниковъ. Василій Ивановичъ не обращалъ вниманія на требованія короля. На границѣ попрежнему шли ссоры и неурядицы. Въ 1512 году, къ радости Глинскаго, Василій Ивановичъ придрался къ тому, будто въ Литвѣ притѣсняютъ его сестру Елену. Нашелся и еще предлогъ: до вѣдома его дошло, что крымцы дѣлали набѣги на южныя области Московскаго государства по договору съ Сигизмундомъ. Этого было довольно великому князю, чтобы послать королю „складную“ грамоту (объявленіе войны) (1512 г.).

Василію Ивановичу очень хотѣлось взять Смоленскъ. Два раза онъ подступалъ къ этому городу; наконецъ, въ 1514 г. 30-го іюля городъ сдался.

По разсказамъ лѣтописца, многочисленная московская рать имѣла при себѣ „нарядъ“ (артиллерію) и воиновъ, вооруженныхъ „пищалями“. 29-го іюля русское войско приступило къ Смоленску. Опытный пушкарь-иноземецъ распоряжался „нарядомъ“. Мѣткими выстрѣлами ему удалось сбить на городской стѣнѣ пушку и нанести большой вредъ защитникамъ; особенно много народу побилъ онъ, стрѣляя мелкими ядрами (картечью). Увидѣли защитники Смоленска, что имъ на этотъ разъ не устоять, и, чтобы не погибнуть понапрасну, запросили мира. Смоленскій владыка вышелъ изъ города и челомъ билъ великому князю—просилъ его повременить до слѣдующаго дня, прекратить пальбу и дать смольнянамъ подумать о сдачѣ; но Василій Ивановичъ не далъ имъ сроку, приказалъ, напротивъ, бить по городу изо всѣхъ пушекъ.

Владыка въ слезахъ вернулся въ городъ, облачился въ ризы, взялъ крестъ и со всѣмъ причтомъ и съ намѣстникомъ города, Сологубомъ, вышелъ къ великому князю.

— „Государь великій князь, говорили смольняне,—много крови христіанской уже пролито; земля, твоя отчина, запустѣла; не погуби вконецъ города, но возьми его съ тихостью.“

Сильно радъ былъ Василій Ивановичъ взятію Смоленска. 1-го августа съ большимъ торжествомъ вступилъ онъ въ городъ и былъ встрѣченъ народомъ. Послѣ молебна и многолѣтія въ соборѣ, владыка сказалъ ему:

— „Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь Василій, великій князь, всея Руси самодержецъ, на своей отчинѣ, въ городѣ Смоленскѣ, на многія лѣта!“

Василій Ивановичъ велѣлъ предложить всѣмъ смольнянамъ, чтобы они, если хотятъ, служили бы ему, а если не хотятъ, то имъ воля—итти къ королю. Многіе остались на московской службѣ. Намѣстникомъ въ Смоленскъ назначенъ былъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій.

Глинскій страшно этимъ обидѣлся. Говорятъ, онъ тайными переговорами съ жителями Смоленска больше всего и побудилъ ихъ къ сдачѣ: разсчитывалъ онъ, что городъ будетъ отданъ ему,—притомъ не какъ простому намѣстнику, а какъ удѣльному князю,—но оказалось, что онъ остался ни съ чѣмъ. Самолюбіе его страшно страдало. Досада и огорченіе побудили его ко второй измѣнѣ: онъ завелъ сношенія съ Сигизмундомъ, обѣщалъ ему вѣрно служить, если тотъ ему проститъ и дастъ прежнія владѣнія. Король былъ очень радъ этому: онъ зналъ военныя способности

Глинскаго и опасался отъ него большихъ бѣдъ Литвѣ и Польшѣ. Но объ измѣнѣ Глинскаго провѣдали русскіе воеводы и успѣли во-время захватить его уже на пути въ Литву; при немъ найдены были королевскія грамоты, которыя служили явной уликой его измѣны. Великій князь приказалъ заковать его и отослать въ Москву въ заключеніе.

Недолго пришлось радоваться и Василію Ивановичу своей побѣдѣ: чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ взятія Смоленска русское войско потерпѣло страшное пораженіе подъ Оршей (8-го сентября 1514 года). Здѣсь князь Константинъ Острожскій, начальникъ литовскаго войска, отплатилъ москвичамъ за ведрошское пораженіе: до тридцати тысячъ человѣкъ изъ русской рати пало въ битвѣ подъ Оршей; погибло много воеводъ и бояръ; еще больше было взято въ плѣнъ. Это пораженіе могло имѣть плачевныя послѣдствія. Прежде городъ за городомъ спѣшилъ сдаваться московскому великому князю; теперь они торопились загладить свою вину предъ королемъ и такъ же немедленно славались ему. Дѣло Василія Ивановича казалось вконецъ проиграннымъ; даже въ Смоленскѣ, гдѣ остались только тѣ, кто по доброй волѣ своей согласился служить московскому великому князю, нашлись люди, которые задумали новой измѣной поправить свои дѣла. Владыка смоленскій Варсонофій съ нѣсколькими знатными смольнянами послали извѣстить Сигизмунда, что Смоленскъ ему легко сдастся.

Но были въ Смоленскѣ и люди, хотѣвшіе вѣрно служить Москвѣ: отъ нихъ московскій намѣстникъ, князь Шуйскій, узналъ о замышляемой измѣнѣ; онъ велѣлъ схватить всѣхъ злоумышленниковъ, въ томъ числѣ и Варсонофія...

Между тѣмъ Острожскій, разсчитывая, что сами смольняне помогутъ ему взять городъ, спѣшилъ къ Смоленску съ небольшимъ войскомъ. Надежда на измѣнниковъ не сбылась. Когда войско приблизилось къ Смоленску, то увидѣло страшное зрѣлище: на городской стѣнѣ было множество повѣшенныхъ,—одинъ висѣлъ въ богатой шубѣ, другой—съ серебрянымъ ковшомъ на шеѣ, третій—съ кубкомъ и т. д. Оказалось, что всѣ измѣнники, кромѣ владыки, были по приказу Шуйскаго повѣшены съ тѣми подарками, какіе далъ имъ Василій Ивановичъ за ихъ готовность вѣрно служить ему.

Война съ Литвою длилась еще лѣтъ семь безъ особеннаго успѣха для той и другой стороны. Москва искала союзниковъ, и по этому поводу завязались сношенія съ Германіей: неразъ императоръ Максиміліанъ присылалъ пословъ въ Москву; ѣздили и русскіе послы къ нему. Въ 1522 году наконецъ заключено было перемиріе, при чемъ Москва удерживала Смоленскъ до заключенія „вѣчнаго мира“.

Но вѣчнаго мира пришлось долго ждать!

Крымскіе татары уже не были съ Москвою въ той дружбѣ, какъ при Іоаннѣ III. Менгли-Гирей уже устарѣлъ и одряхлѣлъ,—всѣми дѣлами въ Крыму орудовали его сыновья да родичи. Это были хищники, готовые за щедрые подарки служить и измѣнять, кому угодно. Они даже нагло вы-

могали у пословъ эти подарки. Случалось, брали ихъ сразу и отъ москвитянъ, и отъ литовцевъ, а при удобномъ случаѣ опустошали земли и тѣхъ, и другихъ. Приходилось задаривать грабителей, чтобы откупиться хоть на время отъ ихъ разбойничьихъ набѣговъ.

Съ Казанью тоже шла постоянная вражда. Уже въ началѣ княженія Василія пришлось силою смирять здѣсь мятежъ и измѣну; но московское войско потерпѣло сначала неудачу. Василій Ивановичъ желалъ тутъ при-

Русское посольство у императора Максимиліана (по старинной гравюрѣ).

строить ханомъ своего подручника Шигъ-Алея; но онъ не полюбился казанцамъ, а водворился братъ Магметъ-Гирея, крымскаго хана. Въ то же время крымскій ханъ вторгся съ ордою своей въ московскія владѣнія и началось жестокое опустошеніе. Великій князь уѣхалъ изъ Москвы собирать войско. Ханъ, впрочемъ, не могъ долго оставаться подъ Москвою,— онъ ушелъ съ ордою своей и съ громаднымъ числомъ плѣнныхъ (1521 г.).

Есть извѣстіе, что ханъ принудилъ московскихъ воеводъ выдать ему грамоту, по которой они обязывались государевымъ именемъ платить ему

ежегодную дань. Но счастливый случай избавилъ Москву отъ этой бѣды: на обратномъ пути, Магметъ-Гирей захотѣлъ овладѣть городомъ Переяславлемъ Рязанскимъ; чтобы убѣдить здѣшняго воеводу, Хабара, сдаться, татары ему стали показывать московскую грамоту, а онъ, захвативъ ее, велѣлъ открыть по непріятелю пальбу изъ пушекъ, и множество татаръ было побито... Ханъ отступилъ отъ города, а позорная грамота осталась въ рукахъ Хабара. Его наградили за это саномъ боярина; имя его приказано было записать въ государственную лѣтопись.

Василію Ивановичу все-таки въ концѣ концовъ удалось добиться того, что Гиреи были изгнаны изъ Казани, а ханомъ посаженъ Еналей, братъ Шигъ-Алея.

Церковныя дѣла.

Въ княженіе Василія Ивановича споры о монастырскихъ вотчинахъ и казни еретиковъ продолжались. Іосифляне (сторонники Іосифа Волоцкаго) стояли за мнѣнія своего наставника, а противники ихъ—бѣлозерскіе старцы, послѣдователи Нила Сорскаго, въ своихъ сочиненіяхъ сильно нападали на Іосифа и его сторонниковъ. Спорили горячо,—дѣло доходило даже до колкостей. Суровый Іосифъ, требуя безпощадной казни еретиковъ, ссылается, напримѣръ, на апостола, по молитвѣ котораго Симона волхва постигла смерть. Бѣлозерскіе старцы въ своемъ посланіи въ отвѣтъ Іосифу насмѣшливо напоминаютъ о разницѣ между нимъ и апостолами, которые не требовали, чтобы люди казнили еретиковъ, а молитвою поражали ихъ, и прибавляютъ: „и ты, господине Іосифе, сотвори молитву, чтобы земля пожрала еретиковъ“... Думаютъ, что это посланіе написано ученикомъ Нила, Васіаномъ Косымъ (бывшій бояринъ, князь Патрикѣевъ). Онъ былъ самымъ сильнымъ противникомъ Іосифа и написалъ нѣсколько посланій, гдѣ рѣзко изобразилъ всѣ язвы и пороки въ монашествѣ, происходившіе потому, что монастыри были богаты, владѣли помѣстьями. Онъ сильно нападаетъ на роскошь въ монастыряхъ, на корыстолюбіе монаховъ, на тяжбы ихъ, попрошайство, угодничество сильнымъ и богатымъ, обремененіе своихъ крестьянъ тяжелыми оброками, лихоимство и пр.

Борьба іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ была во всемъ разгарѣ, когда является новый сильный борецъ противъ іосифлянъ—Максимъ Грекъ. Это былъ аѳонскій монахъ, весьма образованный, начитанный и умный человѣкъ. Онъ побывалъ и въ Парижѣ, и во Флоренціи, слушалъ знаменитыхъ ученыхъ богослововъ. Особенно сильно подѣйствовалъ на него Іеронимъ Саванарола, который въ то время увлекалъ народъ во Флоренціи своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ и безпощадно громилъ въ смѣлыхъ проповѣдяхъ роскошь и безнравственность, царившія тогда въ Италіи. Максимъ Грекъ пріѣхалъ въ Москву въ 1518 году. У великаго князя было огромное собраніе разныхъ греческихъ рукописей; надо было разобрать ихъ, привести въ порядокъ, а на Руси тогда нельзя было найти человѣка,

который смогъ бы это сдѣлать, — вотъ зачѣмъ понадобился ученый грекъ великому князю. Кромѣ того, надо было перевести нѣкоторыя сочиненія на русскій языкъ (Толковую Псалтырь, Толкованія дѣяній апостольскихъ, Бесѣды Златоуста и др.). Дѣла было очень много. Максимъ сначала и занялся тѣмъ, для чего его призвали, но мало-по-малу невольно втянулся въ церковныя дѣла и споры, которые тогда волновали всѣхъ мыслящихъ русскихъ людей. Къ нему, какъ къ ученому, обращались часто за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ и споровъ, да и самъ онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы сторониться отъ жизни. Приглядѣвшись къ русской жизни да освоившись съ русскимъ языкомъ, немедля принялъ онъ участіе въ разныхъ церковныхъ вопросахъ.

Написалъ Максимъ Грекъ очень много сочиненій: писалъ противъ магометанъ (отъ частыхъ сношеній съ татарами могли заходить къ русскимъ нѣкоторыя особенности магометанства),—противъ латинянъ, потому что въ это время папа снова пытался склонить русскихъ къ церковной уніи. Сильно обличаетъ онъ различныя суевѣрія, которыя въ то время господствовали на Руси (гаданіе по звѣздамъ, вѣрованія въ различныя примѣты, волшебство и т. д.). Какъ вѣрное средство освободиться отъ грубыхъ суевѣрій, затемняющихъ умъ человѣческій, мѣшающихъ разумной жизни, онъ указываетъ на просвѣщеніе, на сближеніе съ западными, болѣе образованными народами.

Максиму, какъ человѣку умному, и притомъ свѣжему, еще не успѣвшему сжиться съ русскими порядками, должно было, конечно, броситься въ глаза, что набожные русскіе люди, строго исполняя всѣ обряды, соблюдая всѣ посты, въ то же время жили совсѣмъ не по-христіански, творили спокойно всякія неправды и тяжкіе грѣхи. Плохая нравственность, прикрытая внѣшнею набожностью, возмущала Максима. Въ своихъ посланіяхъ онъ обличаетъ тѣхъ, которые не ѣли мяса по понедѣльникамъ, но готовы были цѣлый день пить вино, соблюдали всѣ посты, а терзали бѣдныхъ подручниковъ. Въ одномъ сочиненіи Максима Господь говоритъ людямъ, что они только гнѣвятъ Его, предлагая Ему доброгласное пѣніе, звонъ колоколовъ, драгоцѣнныя украшенія иконъ, а не милуя нищихъ и сиротъ, не отставая отъ неправды, лихвы и проч. „Вы книгу Моихъ словесъ (Евангеліе) и внутри, и извнѣ обильно украшаете сребромъ и златомъ, силу же писанныхъ въ ней Моихъ велѣній не пріемлете и не исполняете“.

Съ самаго же начала своей дѣятельности Максимъ сталъ на сторону бѣлозерскихъ старцевъ и Вассіана и постоянно, подобно имъ, утверждалъ, что инокъ долженъ быть „страненъ, незнаемъ, бездоменъ и безымяненъ“. Въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ сильно коритъ онъ монастыри за то, что они владѣютъ помѣстьями, а въ одномъ изъ своихъ трудовъ—„Повѣсти страшной о совершенномъ иноческомъ жительствѣ“ доходитъ даже до проклятій монахамъ-вотчинникамъ.

Эти рѣзкія обличенія и смѣлыя нападки, конечно, не прошли Максиму даромъ: у него явилось множество враговъ и притомъ—враговъ сильныхъ. Большая часть высшихъ духовныхъ лицъ были іосифляне. Самъ митрополитъ былъ послѣдователемъ Іосифа. Не только въ средѣ духовенства,

но и между сильными мірянами нашлось немало недруговъ смѣлому обличителю. Онъ въ своихъ сочиненіяхъ между прочимъ безпощадно обличалъ и мірскія власти, говорилъ, что такого неправосудія, какъ у православныхъ-русскихъ, нѣтъ даже у латинянъ-ляховъ. Эти рѣзкія выходки оскорбляли не только отдѣльныхъ лицъ, но и вообще русское чувство.

Невзлюбилъ Максима и самъ великій князь. Василій Ивановичъ не имѣлъ дѣтей; приходилось ему признать наслѣдникомъ брата своего Юрія Ивановича; но великій князь не дружно жилъ съ нимъ, считалъ его и слѣдующаго брата Андрея неспособными управлять государствомъ,—и очень хотѣлъ имѣть сына-наслѣдника; задумалъ даже развестись съ бездѣтной своей супругой и жениться на другой. Митрополитъ далъ церковное разрѣшеніе на разводъ; но Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ сильно осуждали намѣреніе государя. Онъ, конечно, не посмотрѣлъ на нихъ — женился на Еленѣ Глинской; но въ сердце его закралось недоброе чувство къ противникамъ его волѣ...

Послѣ этого враги Максима стали дѣйствовать смѣлѣе: его нѣсколько разъ привлекали къ слѣдственнымъ дѣламъ за сношенія съ крамольными боярами, за рѣчи, оскорбительныя для великаго князя и т. д. Наконецъ, велѣно было духовному собору судить Максима. Его обвиняли въ порчѣ книгъ. При переводѣ ихъ было сдѣлано нѣсколько ошибокъ: не владѣя сначала ни славянскимъ, ни русскимъ языкомъ, Максимъ переводилъ книги на латинскій языкъ, а съ латинскаго уже переводилъ русскій переводчикъ; при этомъ, понятно, могли легко вкрасться ошибки, которыхъ Максимъ и исправить не могъ. Хотя онъ не призналъ себя виновнымъ, но его все-таки сослали въ Волоколамскую обитель; однако онъ не унялся, продолжалъ писать обличительныя сочиненія и посланія; тогда раздраженные враги его въ 1531 году назначили новый соборный судъ, чтобы наказать неукротимаго обличителя.

Тутъ было пущено въ дѣло все, чтобы погубить Максима. Въ чемъ только не винили его! Между прочимъ обвиняли въ волшебствѣ, доносили, будто онъ хвалился, что все знаетъ, и что грѣховъ на немъ ни единаго нѣтъ; доносили, что онъ писалъ что-то на своихъ ладоняхъ водкою и, протягивая руки, волхвовалъ противъ великаго князя и другихъ лицъ. Всевозможныя придирки были пущены въ ходъ: бывшій у Максима писецъ доносилъ, что тотъ приказывалъ ему вычеркивать нѣкоторыя строки въ священныхъ книгахъ, которыя онъ переписывалъ, и что при этомъ „на него дрожь великая нападала“...

Несмотря на то, что Максимъ сознавалъ свою правоту, на этотъ разъ онъ упалъ духомъ, унижался, умолялъ своихъ судей о пощадѣ, падалъ предъ ними три раза на колѣни. Униженіе не помогло: его въ оковахъ отправили въ заточеніе, въ тверской Отрочь-монастырь. Несмотря на то, что Максимъ неразъ еще умолялъ, чтобы его отпустили на родину, все было напрасно,—онъ умеръ, не увидавъ ея болѣе.

Семейныя дѣла и смерть великаго князя.

Сильно скорбѣлъ Василій Ивановичъ, что у него не было дѣтей. Говорятъ, что разъ онъ даже заплакалъ, когда увидѣлъ на деревѣ птичье гнѣздо съ птенцами...

— „Кому царствовать послѣ меня въ Русской землѣ?—скорбно спрашивалъ онъ у своихъ ближнихъ,—братьямъ моимъ? Но они и со своими дѣлами управиться не могутъ!...“

По совѣту приближенныхъ, онъ развелся съ первой своей супругой, Соломоніей Сабуровой, которая была пострижена, какъ говорятъ, противъ ея желанія, и, какъ сказано выше, женился на племянницѣ извѣстнаго Михаила Глинскаго.

Новая супруга великаго князя не походила на тогдашнихъ русскихъ женщинъ: отецъ ея и особенно дядя, жившій въ Италіи и Германіи, были люди образованные, и она также усвоила иноземные понятія и обычаи. Василій Ивановичъ, женившись на ней, какъ будто сталъ склоняться къ сближенію съ Западной Европой. Въ угоду женѣ, онъ даже сбрилъ себѣ бороду. Это, по тогдашнимъ понятіямъ русскихъ, считалось не только дѣломъ непристойнымъ, но даже тяжкимъ грѣхомъ; православные считали бороду необходимою принадлежностью благочестиваго человѣка. На иконахъ, представлявшихъ страшный судъ, по правой сторонѣ Спасителя изображались праведники съ бородами, а на лѣвой басурманы и еретики, бритые,—съ одними только усами, „аки коты и псы“, съ омерзѣніемъ говорили набожные люди.

Несмотря на такой взглядъ, въ Москвѣ являлись тогда юные щеголи, которые старались уподобиться женщинамъ и даже выщипывали у себя волосы на лицѣ, рядились въ роскошныя одежды, нацѣпляли на свои кафтаны блестящія пуговицы, надѣвали ожерелья, множество перстней, натирались разными благовонными мазями, ходили особенной мелкой поступью. Сильно вооружались противъ этихъ щеголей благочестивые люди, да ничего подѣлать съ ними не могли. Женившись на Еленѣ Васильевнѣ Глинской, сталъ щеголять и Василій Ивановичъ...

Папа провѣдалъ, что великій князь отступаетъ отъ старыхъ московскихъ обычаевъ и пытался было склонить его къ уніи,—подавалъ Василію Ивановичу даже надежду получить послѣ бездѣтнаго Сигизмунда Литву, намекалъ и на то, что и Константинополь, „отчину московскаго государя“, можно будетъ прибрать къ рукамъ. Василій Ивановичъ изъявилъ желаніе быть въ союзѣ съ папою, но отъ переговоровъ о церковныхъ дѣлахъ уклонился.

Четыре года слишкомъ прошло послѣ женитьбы на Еленѣ, а дѣтей у Василія Ивановича все не было. Онъ со своей супругой ѣздилъ на богомолье по монастырямъ, раздавалъ милостыню; во всѣхъ церквахъ русскихъ молились о дарованіи государю наслѣдника.

Наконецъ, 25-го августа 1530 года, явился на свѣтъ наслѣдникъ и

нареченъ былъ при крещеніи Іоанномъ. Потомъ ходила молва, будто при появленіи его на свѣтъ по всей Русской землѣ прокатился страшный громъ, молнія сверкнула и земли содрогнулась...

Одинъ юродивый предрекъ Еленѣ, что у нея родится сынъ „Титъ-широкій умъ“.

Черезъ два года родился у великаго князя второй сынъ—Юрій.

Не долго пришлось Василію Ивановичу тѣшиться своимъ семейнымъ счастіемъ. Въ сентябрѣ 1533 года онъ отправился со своей семьей въ Троицкій монастырь, на праздникъ чудотворца Сергія; а отсюда поѣхалъ на охоту въ Волокъ-Ламскій и на пути занемогъ (на лѣвой ногѣ у него явился подкожный нарывъ). Василій Ивановичъ хотя чувствовалъ себя нехорошо, но перемогался. Прекрасная погода сманила его, и онъ, перемогая боль, отправился съ братомъ, и ловчими на псовую охоту; а послѣ этого слегъ въ постель. Два великокняжескіе иноземные врача стали лѣчить его, но болѣзнь усиливалась.

Онъ приказалъ себя везти въ Москву, при чемъ велѣлъ держать свою болѣзнь втайнѣ. Въ Москвѣ, расположившись во дворцѣ, онъ призвалъ довѣренныхъ бояръ и дьяковъ для составленія духовной грамоты. Когда это дѣло было кончено, больной сталъ думать съ митрополитомъ и своимъ духовникомъ о постриженіи. Еще на Волокѣ онъ говорилъ своему духовнику:

— „Смотрите, не положите меня въ бѣломъ платьѣ; хотя и выздоровлю—нужды нѣтъ, мысль моя и сердечное желаніе обращены къ иночеству!“

Затѣмъ великій князь пріобщился и соборовался. Болѣзнь все усиливалась; больной сильно страдалъ.

— „Братъ Николай! обратился онъ къ своему лѣкарю, ты видѣлъ великое мое жалованье къ себѣ; не можешь ли сдѣлать мазь или что иное, чтобъ облегчить болѣзнь мою?“

— „Видѣлъ я, государь,—отвѣчалъ врачъ,—твое великое жалованье; тѣло свое готовъ роздробить, лишь помочь бы тебѣ, но не вижу другого средства, кромѣ помощи Божіей.“

Принесли къ умирающему маленькаго Ивана. Василій Ивановичъ благословилъ сына.

— „Смотри, Аграфена,—сказалъ онъ нянѣ,—отъ сына моего Ивана не отступай ни пяди!“

Когда унесли ребенка, ввели великую княгиню; она горько рыдала. Умирающій сталъ ее утѣшать. Хотѣлъ онъ было поговорить съ женою, но она такъ билась и плакала, что онъ не могъ и слова выговорить. Ее увели.

Предъ самой смертью Василій Ивановичъ пожелалъ исполнить свое намѣреніе отречься отъ міра—постричься предъ смертью въ монахи.

— „Исповѣдалъ я тебѣ,—сказалъ онъ митрополиту, что хочу монашества. Сподоби меня облечься въ монашескій чинъ; постриги меня.“

Братъ великаго князя, Андрей Ивановичъ, и нѣкоторые бояре противились,—думали, что больной еще можетъ оправиться; но Василій Ивановичъ уже умиралъ, языкъ его уже нѣмѣлъ, онъ знаками просилъ постриженія,—бралъ простыню и цѣловалъ ее. Правая рука его уже не могла

подниматься; бояринъ, стоявшій подлѣ, поднималъ ее, и умирающій не переставалъ креститься, смотря на образъ Богородицы.

Митрополитъ велѣлъ принести монашеское одѣяніе, и помня слова великаго князя: „если не дадутъ меня постричь, то хоть на мертваго положите монашескую одежду,—это давнее мое желанье!“—сталъ наскоро совершать обрядъ постриженія. Василій Ивановичъ уже отходилъ. 3-го декабря 1533 г. въ полночь скончался великій князь Василій, въ монашествѣ Варлаамъ.

Утромъ на другой день большой кремлевскій колоколъ возвѣстилъ всей Москвѣ кончину великаго князя.

Въ Архангельскомъ соборѣ была приготовлена могила для Василія подлѣ отца. Монахи троицкіе и іосифовскіе вынесли изъ дворца на головахъ тѣло инока Варлаама съ пѣніемъ: „Святый Боже!“ На площади вопль народный заглушалъ звонъ колоколовъ. Великую княгиню Елену вынесли въ саняхъ на себѣ дѣти боярскія; подлѣ нея шли самые именитые бояре и дядя ея князь Михаилъ Глинскій.

Московія XV—XVI ст. по разсказамъ иноземцевъ.

Страна.

Со временъ Ивана III все чаще и чаще заѣзжаютъ въ русскіе края иноземцы. Одни изъ нихъ ѣхали сюда ради наживы, въ расчетѣ на хорошее жалованье, какое платили въ Москвѣ „хитрымъ“, т.-е. знающимъ, умѣлымъ иностраннымъ мастерамъ; другіе являлись съ торговыми цѣлями; третьи знакомились съ нашими краями проѣздомъ, пробираясь на Востокъ, въ богатыя закаспійскія страны.

Все чаще и чаще являются въ Московіи (такъ обыкновенно иноземцы называли Московское государство) и иностранныя посольства.

Наше отечество въ тѣ времена такъ же мало было извѣстно Западной Европѣ, какъ намъ, напр., Китай, и потому понятно, что болѣе образованные иноземцы, бывшіе въ русскихъ краяхъ, съ большимъ любопытствомъ приглядывались и къ странѣ, и къ быту жителей, старательно заносили въ свои записки все, что казалось имъ замѣчательнымъ, чтобы познакомить и своихъ соотечественниковъ съ невѣдомымъ краемъ. Въ разсказахъ этихъ иностранцевъ мы находимъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ нашихъ предковъ.

Нѣсколько извѣстій мы находимъ у итальянскихъ путешественниковъ—Барбаро и Кантарини, которые проѣзжали чрезъ русскія земли, — первый въ началѣ, а второй въ концѣ XV ст., и еще у нѣкоторыхъ писателей, которые, хотя сами и не были на Руси, но собирали свѣдѣнія о ней у русскихъ пословъ и у людей, побывавшихъ въ Московіи. Особенно любопытны записки барона Герберштейна, германскаго посла. Онъ два раза при Василіи Ивановичѣ побывалъ въ Московскомъ государствѣ; въ первый разъ

пробылъ около восьми мѣсяцевъ, во второй—около полугода. Знакомый съ двумя славянскими нарѣчіями, онъ скоро освоился съ русскимъ языкомъ и могъ говорить съ русскими безъ переводчика. Любознательнаго и просвѣщеннаго Герберштейна очень занимало не только то, что онъ видѣлъ въ Московскомъ государствѣ, но также исторія его.

Западнаго европейца Московія поражала прежде всего своимъ видомъ, своей природой. Тутъ не было того разнообразія, какъ въ западной, особенно въ гористой части Европы, гдѣ попадались на каждомъ шагу живописные виды, деревушки, красивые каменные города, грозные замки. Безконечная равнина, поросшая громадными, сплошными лѣсами, изрѣзанная множествомъ рѣкъ и рѣчонокъ, со множествомъ озеръ и болотъ,—вотъ что представлялось западному путешественнику въ нашемъ отечествѣ. Можно было цѣлый день проѣхать, не встрѣтивъ человѣческаго жилья. Попадавшіяся на пути деревушки были по большей части очень маленькія: три-четыре избы, столько же крестьянскихъ семей—вотъ и деревня. Чаще попадались только что зачинающіеся поселки,—изъ одного жилья, „починки“, какъ ихъ звали, или „займища“, т.-е. поселокъ, состоящій часто изъ одной крестьянской семьи, занявшей себѣ мѣсто подъ избу гдѣ-нибудь въ лѣсной просѣкѣ. Можно было нѣсколько дней проѣхать и не встрѣтить не только города, но сколько-нибудь порядочнаго села, т.-е. деревни съ церковью. Да и города русскіе тогда были совсѣмъ неказисты на взглядъ западнаго европейца: тѣ же деревянныя постройки, какъ и въ деревняхъ; земляная и бревенчатая ограда, составляющая собственно городъ,—все это было очень незатѣйливо; только церкви, которыми изобиловали наши города, нѣсколько скрашивали ихъ; но и церкви встрѣчались по большей части маленькія, деревянныя. Только въ болѣе значительныхъ городахъ были каменныя ограды, образующія кремли, или дѣтинцы. Въ кремлѣ обыкновенно были каменныя, болѣе изящныя церкви, соборы; въ кремлѣ же устраивались хоромы княжескаго намѣстника. Въ большихъ городахъ, гдѣ жили богатые бояре, и въ посадѣ, части города, расположенной подлѣ кремля, богатые посадскіе люди, купцы, строили иногда болѣе затѣйливыя и просторныя жилища.

Весною, когда таяли снѣга, разливались рѣки, всѣ низменныя мѣста заливались водой, на каждомъ шагу являлись болота, которыя не высыхали даже и въ жаркое лѣто, особенно въ лѣсныхъ трущобахъ, непроницаемыхъ для солнечнаго луча. Сухимъ путемъ ѣхать весною или лѣтомъ нельзя было. Если заставляла необходимость, то предпочитали ѣхать верхомъ; но и тутъ приходилось преодолѣвать огромныя трудности,—пробираться сквозь лѣсныя заросли, переправляться чрезъ болота, чрезъ рѣки переходить вбродъ или вплавь; только у большихъ городовъ были мосты или плоты для переправы. Не трудно было въ тѣ времена и заблудиться, пробираясь чрезъ лѣсныя дебри. Притомъ лѣса были полны хищнаго звѣря, а болота порождали тучи мошекъ и комаровъ. Понятно, что предпринимать дальнее путе-

шествіе при всѣхъ указанныхъ неудобствахъ значило рѣшаться на тяжелый подвигъ. Вотъ почему лѣтомъ старались обыкновенно проѣзжать по Московіи рѣчными путями. Только зимою, когда морозъ сковывалъ болота и рѣки, и земля устилалась мягкимъ снѣжнымъ ковромъ, можно было съ большимъ удобствомъ ѣздить въ разные концы Русской земли въ саняхъ съ провожатыми на лыжахъ, которые развѣдывали пути. Но зато въ зимнюю пору морозы бывали такіе лютые, что птицы замерзали на лету, люди и лошади купеческихъ обозовъ замерзали на пути. Иноземцамъ, не привыкшимъ у себя къ такому холоду, были такіе морозы невыносимы.

Понятно, что мало было охотниковъ разъѣзжать по Московіи и изучать ее; понятно, что и свѣдѣнія о ней не могли быть точными. Особенно мало знали о крайнемъ сѣверѣ, и довольствовались разными сказками: раз-

Русскія сани (по Герберштейну).

сказывали, напр., что на дальнемъ сѣверѣ живутъ люди, которые зимою умираютъ, или засыпаютъ, а весною оживаютъ; разсказывали о необыкновенныхъ сѣверныхъ жителяхъ, покрытыхъ шерстью, съ собачьими головами,— о людяхъ, которые не говорятъ а щебечутъ по-птичьи и пр. Нетрудно догадаться, какъ складывались подобныя сказки: неточные и случайные разсказы о нѣкоторыхъ обычаяхъ жителей крайняго сѣвера, напр. обычаѣ— прятаться отъ лютыхъ морозовъ на продолжительное время въ своихъ юртахъ, заносимыхъ снѣгомъ, носить одежду изъ звѣриной кожи мѣхомъ вверхъ, разсказы объ особенностяхъ языка и проч., порождали эти басни.

Западные послы ѣздили въ Москву обыкновенно двумя путями: одинъ, дальнѣйшій, но болѣе удобный, шелъ чрезъ Ливонію на Новгородъ, а отсюда въ Москву, другой, кратчайшій—чрезъ Смоленскъ.

Пріемъ пословъ.

Встрѣча на границѣ.—Пріемъ въ Москвѣ.—Послы на государевомъ обѣдѣ.—На охотѣ.

Иноземный посолъ, подъѣзжая къ границамъ Московскаго государства, долженъ былъ дать знать о себѣ въ ближайшій московскій городъ намѣстнику. Тотъ разузнавалъ, великій ли посолъ, или посланникъ, или просто гонецъ ѣдетъ, велика ли у него свита и пр. Эти справки наводились съ тѣмъ, чтобъ устроить подобающій пріемъ послу. Намѣстникъ высылалъ навстрѣчу ему какого-либо „большого человѣка“ изъ своихъ подчиненныхъ со свитой, который встрѣчалъ иноземнаго посла, стоя съ приближенными своими среди дороги, и ни на шагъ не сторонился, такъ что иностранцы должны были сворачивать съ пути и объѣзжать ихъ. Когда посолъ и высланный ему навстрѣчу русскій чиновникъ съѣзжались на дорогѣ, то происходило объясненіе. При этомъ требовалось, чтобы посолъ и русскій „большой человѣкъ“ сошли съ коней, или вышли изъ колымагъ; послѣдній зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не сойти съ коня прежде иноземнаго посла и чѣмъ не умалить чести своего государя, затѣмъ подходилъ къ послу съ открытой головой и оповѣщалъ его торжественно и многословно о себѣ, что онъ посланъ намѣстникомъ великаго государя проводить посла и спросить, по-добру ли, по-здорову ли онъ ѣхалъ; послѣ чего протягивалъ иноземцу руку и разспрашивалъ его о пути уже отъ себя. Наконецъ, посолъ продолжалъ путь, объѣхавши русскаго чиновника, а тотъ издали слѣдовалъ съ людьми своими за нимъ, и на пути вывѣдывалъ у его слугъ имена, званіе и санъ всѣхъ лицъ посольства, а также,—кто какой языкъ понимаетъ. Обо всемъ этомъ немедленно давалось знать въ Москву великому князю. Русскіе пристава, провожавшіе иноземное посольство, зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы никто изъ иноземцевъ не отставалъ отъ посла, не входилъ въ сношеніе съ населеніемъ. Всякіе припасы доставляли имъ эти же пристава. Подвигались впередъ очень медленно: пристава употребляли всякія уловки, чтобы замедлить путешествіе пословъ до полученія изъ Москвы указа, какъ дѣйствовать.

Герберштейну пришлось на пути въ 12 миль три раза ночевать, притомъ два раза на снѣгу подъ открытымъ небомъ. Въ большихъ городахъ намѣстники обыкновенно чествовали и угощали пословъ.

По московскому обычаю иноземное посольство, вступая въ русскіе предѣлы, избавлялось отъ всякихъ расходовъ: не только съѣстные припасы доставлялись послу и его свитѣ, но и самая перевозка производилась на счетъ государевой казны.

По главнымъ дорогамъ были устроены такъ называемые „ямы“ (станціи); „ямщики“ должны были выставлять извѣстное число лошадей и подводъ. На пути встрѣчали иностранныхъ гостей посланные изъ именитыхъ людей, которые и сопровождали посольство, заботясь обо всемъ нужномъ, а также и присматривая, чтобъ иноземцы не входили въ сношенія съ населеніемъ.

Близъ Москвы посольство, въ которомъ былъ Герберштейнъ, встрѣтилъ старикъ дьякъ, который объявилъ, что государь навстрѣчу иноземцамъ высылаетъ „великихъ“ людей. При этомъ дьякъ предупреждалъ, что при свиданіи съ государевыми людьми иностраннымъ посламъ слѣдуетъ сойти съ коней и стоя слушать государевы рѣчи; онъ очень суетился, спѣшилъ, видимо усталъ и весь былъ въ поту. Герберштейнъ, познакомившійся съ нимъ раньше, спросилъ его о причинѣ усталости.

— „Сигизмундъ (имя Герберштейна), отвѣчалъ старикъ, у нашего государя иначе служатъ, чѣмъ у твоего!“

Придворные, выѣхавшіе навстрѣчу послу, старались такъ устроить дѣло, чтобъ онъ первый обнажилъ голову, первый вылѣзъ изъ колымаги или сошелъ съ коня. Это значило заботиться о томъ, чтобы государевой чести ни въ чемъ порухи не было.

При самой встрѣчѣ одинъ изъ московскихъ сановниковъ сказалъ:

— „Великій государь Василій, Божіею милостью царь и государь всея Руси и пр. (говорился весь титулъ), узналъ, что прибыли вы, послы его брата Карла, избраннаго императора Римскаго и превысокаго короля, и его брата Фердинанда. Государь послалъ насъ, своихъ совѣтниковъ, спросить васъ, какъ здоровъ его братъ Карлъ, Римскій императоръ.“

Затѣмъ такое же обращеніе отъ имени государя съ перечисленіемъ его титуловъ сдѣлано было и къ главному послу, и къ его товарищамъ,—спрашивали каждаго, „по-добру ли, по-здорову“ онъ ѣхалъ. Послѣ этихъ привѣтствій, на которыя послы отвѣчали тѣмъ же порядкомъ, садились на коней.

Московскіе пристава старались скорѣе надѣть шапки, скорѣе вскочить на лошадей, чѣмъ иноземные послы, чтобы имъ не показалось, что русскіе считаютъ себя ниже ихъ, а своего государя ниже ихъ государя.

Затѣмъ совершался въѣздъ въ Москву. Обыкновенно огромныя толпы собирались смотрѣть на такую диковину, какъ иноземные послы. Говорятъ, что по приказу государя собирали людей даже изъ окрестныхъ селеній въ Москву для встрѣчи пословъ: толпы народа въ праздничномъ нарядѣ должны были внушать иноземцамъ высокое мнѣніе о силѣ и богатствѣ Московскаго государства. Случалось даже, что при въѣздѣ иноземнаго посольства запирали лавки, торговцевъ и покупателей гнали съ рынка на тѣ улицы, по которымъ оно проѣзжало.

Помѣщеніе посольству, въ которомъ былъ Герберштейнъ, отвели въ зданіи, почти совершенно пустомъ, даже безъ постелей. Съѣстные припасы доставлялъ дьякъ, нарочно для этого назначенный. Пристава въ своемъ обращеніи строго сообразовались съ саномъ и значеніемъ посла; также строго опредѣлялось, сколько слѣдуетъ выдать ему и его людямъ ежедневно хлѣба, мяса, соли, перцу, овса, сѣна и дровъ. Пристава старались всѣми силами помѣшать иноземнымъ гостямъ покупать что-либо самимъ и, немного спустя по пріѣздѣ ихъ, вывѣдывали у посольской дворни, что намѣренъ посолъ имъ подарить.

Отдохнувъ дня два, послы стали справляться, когда имъ будетъ на-

значенъ пріемъ у великаго князя. Послѣ долгихъ проволочекъ, наконецъ назначенъ былъ день пріема.

— „Приготовляйся, потому что ты будешь позванъ предъ лицо государя!“ торжественно объявилъ приставъ главному послу.

Нѣсколько времени спустя снова объявлено было посламъ:

— „Скоро придутъ за вами большіе люди, и потому вамъ слѣдуетъ собраться въ одинъ покой!“

При этомъ пристава убѣждали иноземныхъ пословъ, чтобы они оказали честь большимъ людямъ,—вышли бы къ нимъ навстрѣчу.

Затѣмъ, въ сопровожденіи многихъ бояръ, послы отправились во дворецъ. Опять по улицамъ, гдѣ проходили они, толпился народъ въ праздничномъ платьѣ, стояли рядами войска. Недоѣзжая до дворцоваго крыльца, послы должны были сойти съ коней и итти пѣшкомъ. Къ самому крыльцу могъ подъѣзжать на лошади только самъ князь.

Портретъ вел. кн. Василія III (факсимиле старинной гравюры).

На лѣстницѣ пословъ встрѣтили бояре, государевы совѣтники. Они вели иноземцевъ до верха лѣстницы; здѣсь передали ихъ высшимъ сановникамъ, а сами шли позади. При входѣ въ палаты встрѣтили пословъ первостепенные бояре и повели ихъ къ государю. Въ главныхъ палатахъ находились болѣе именитые сановники, ближайшіе къ государю люди. Бояре красовались въ самыхъ богатыхъ, блестящихъ одеждахъ своихъ. Все было необыкновенно торжественно. Наконецъ, послы подошли къ великому князю. Одинъ изъ первостепенныхъ сановниковъ поклонился ему и громко провозгласилъ:

— „Великій государь, графъ Леонардъ (главный посолъ) бьетъ тебѣ челомъ!“

Подобный же привѣтъ возвѣщенъ былъ и отъ другихъ лицъ, бывшихъ съ посломъ.

Государь сидѣлъ съ непокрытой головой на возвышенномъ и почетномъ мѣстѣ (на тронѣ), у стѣны, блиставшей позолотой и изображеніями святыхъ; справа на скамьѣ лежала шапка, а слѣва скипетръ; тутъ же стоялъ тазъ съ двумя рукомойниками. (Говорятъ, что князь, протягивая послу римской

вѣры руку, считаетъ, что даетъ ее человѣку нечистому, и, отпустивъ его, тотчасъ же моетъ ее).—Противъ князя, на низшемъ мѣстѣ, была приготовлена скамья для пословъ. Самъ князь послѣ того, какъ ему была отдана честь, пригласилъ ихъ знакомъ сѣсть на скамью.

— „Братъ нашъ Карлъ, избранный императоръ Римскій и превысокій король, здоровъ ли?“ спросилъ государь.

Тотъ же вопросъ былъ предложенъ о Фердинандѣ, братѣ императора.

Толмачъ, при посредствѣ котораго шла бесѣда, переводилъ эти слова посланнику. Въ то время, какъ произносилось имя Карла и брата его Фердинанда, великій князь вставалъ и потомъ садился снова, получивъ отвѣтъ: „здоровъ“. Затѣмъ государь уже обращался къ послу съ дружелюбнымъ вопросомъ:

— „По-добру ли, по-здорову ли ѣхалъ?“

На это посолъ долженъ былъ отвѣчать такъ:

— „Дай Богъ, государь, чтобы ты былъ здравъ на многія лѣта. Я же по милосердію Божію и по твоей милости здоровъ.“

Послѣ этого государь приказалъ посламъ снова садиться. Было обыкновеніе, чтобы послы тѣхъ государствъ, съ которыми были болѣе частыя сношенія (Литва, Ливонія, Швеція), подносили подарки. Бояре напоминали о подаркахъ и людямъ того посольства, въ которомъ участвовалъ Герберштейнъ, но тѣ отвѣчали, что у нихъ такого обычая нѣтъ.

Когда послы немного посидѣли, государь пригласилъ ихъ отобѣдать съ нимъ.

— „Откушай нашего хлѣба-соли вмѣстѣ съ нами“, сказалъ онъ каждому изъ нихъ.

Затѣмъ пристава отвели пословъ въ другой покой, гдѣ они излагали подробно свои порученія боярамъ и дьякамъ, которыхъ назначилъ самъ великій князь. Послѣ этого иноземцевъ повели въ столовую. Всѣ бояре при входѣ пословъ вставали, отдавая имъ честь. Послы въ свою очередь благодарили ихъ поклонами на всѣ стороны, затѣмъ заняли мѣсто, которое указалъ имъ рукою самъ государь.

Столы въ этомъ покоѣ были поставлены кругомъ поставца, который стоялъ посрединѣ, обремененный множествомъ золотой и серебряной посуды. За тѣмъ столомъ, гдѣ сидѣлъ государь, съ обѣихъ сторонъ оставалось небольшое свободное пространство; съ правой и лѣвой стороны были мѣста для братьевъ великаго князя. Далѣе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ мѣстъ, сидѣли старѣйшіе князья, бояре,—по степени знатности и милости, какою пользовались они у государя. Напротивъ великаго князя, за другимъ столомъ, сидѣли послы, а на небольшомъ отъ нихъ разстояніи—ихъ приближенные. На столахъ стояли маленькіе сосуды съ уксусомъ, перцемъ и солью.

Вошли въ столовую разносители кушаньевъ въ великолѣпныхъ одеждахъ и стали противъ великаго князя. Между тѣмъ онъ позвалъ одного изъ служителей и далъ ему два куска хлѣба и приказалъ передать посламъ. Служитель, взявъ съ собою толмача, поднесъ хлѣбъ по очереди посламъ и сказалъ:

— „Великій государь Василій, Божіею милостію царь и государь всея Руси и великій князь, дѣлаетъ тебѣ милость и посылаетъ тебѣ хлѣбъ со своего стола.“

Толмачъ громко переводилъ эти слова. Послы стоя слушали о милости государя. Встали и другіе, кромѣ братьевъ великаго князя, чтобы оказать честь иноземцамъ; а они благодарили государя поклономъ, потомъ кланялись на всѣ стороны и боярамъ.

Присылкою хлѣба кому-либо изъ сидящихъ за столомъ великій князь выражалъ свою милость, а присылкою соли со своего стола — любовь. Это была высшая честь, какую могъ оказать государь московскій на своемъ пиру.

Обѣдъ начался съ того, что подавали водку, которую всегда пили въ началѣ обѣда; потомъ принесли жареныхъ журавлей, которыхъ въ мясоѣдъ подаютъ какъ первое блюдо. Трехъ поставили предъ великимъ княземъ. Онъ рѣзалъ ихъ ножомъ, пробуя такимъ способомъ который лучше. Затѣмъ служители ихъ унесли, чтобы разрѣзать на части, и скоро возвратились и разложили куски по маленькимъ блюдамъ. Государь даетъ кусочекъ попробовать служителю, потомъ уже самъ ѣстъ. Иногда, если онъ хочетъ оказать почетъ боярину или послу, то посылаетъ ему блюдо, съ котораго самъ отвѣдалъ; при чемъ опять повторяется тотъ же обрядъ привѣтствія и поклоновъ, какъ и при посылкѣ хлѣба или соли.

Герберштейнъ жалуется, что „всякій не мало устанетъ, столько разъ отдавая честь князю, поднимаясь, стоя, благодаря и часто наклоняя голову на всѣ стороны“.

Русскіе ѣли журавлей, подливая уксусу и прибавляя соли и перцу. Уксусъ употреблялся вмѣсто соуса или подливки. Кромѣ того, на столъ ставилось кислое молоко, соленые огурцы, груши, приготовленныя такъ же, какъ огурцы. За журавлями слѣдовали другія кушанья. Подавали также различные напитки: малвазію, греческое вино и разные меды. Князь приказывалъ подавать себѣ свою чашу одинъ или два раза, при чемъ угощалъ и пословъ говоря:—„Пей, и выпивай, и ѣшь хорошенько, досыта, а потомъ отдыхай!“

Великокняжескій обѣдъ длился три или четыре часа, а иногда до ночи.

Послѣ обѣда у государя, сановники, провожавшіе пословъ во дворецъ, отводили ихъ обратно въ посольскій домъ, при чемъ утверждали, что имъ, боярамъ, приказано остаться тамъ и увеселять гостей. Приносились серебряныя чаши и много сосудовъ съ напитками, и бояре старались напоить пословъ до-пьяна. Бояре — большіе мастера заставлять пить, говоритъ Герберштейнъ, и когда истощены, кажется, уже всѣ поводы къ попойкѣ, они начинаютъ пить за здоровье императора, его брата, великаго князя, наконецъ, за здоровье важнѣйшихъ сановниковъ. Они считаютъ, что при этомъ неприлично отказываться отъ чаши. Пьютъ же слѣдующимъ образомъ: тотъ, кто начинаетъ, беретъ чашу, выступаетъ на средину комнаты, и, стоя съ открытой головой, излагаетъ въ веселой рѣчи свои пожеланія тому, за чье здоровье пьетъ; затѣмъ, опорожнивъ чашу, опрокидываетъ ее надъ своей головой, чтобы всѣ видѣли, что онъ выпилъ до дна и дѣйстви-

тельно желаетъ здоровья тому лицу, за кого пьетъ. Потомъ велитъ наполнить кубки и требуетъ, чтобы всѣ пили за того, чье имя онъ называетъ. Каждый такимъ образомъ долженъ выйти на середину комнаты и возвращаться на свое мѣсто лишь тогда, когда на виду у всѣхъ опорожнитъ свой кубокъ. Хорошимъ пріемомъ и радушнымъ угощеніемъ считается у русскихъ только то, когда гости напоены до-пьяна. Чтобы избавиться отъ чрезмѣрнаго питья, по совѣту Герберштейна, надо притвориться пьянымъ или спящимъ.

Желая оказать посламъ особенную милость, государь приглашалъ ихъ участвовать въ обычной тогдашней потѣхѣ—охотѣ.

Вотъ какъ описываетъ одну ихъ такихъ охотъ Герберштейнъ.

Близъ Москвы есть мѣсто, усѣянное кустарникомъ, весьма удобное для зайцевъ, гдѣ, словно въ звѣринцѣ, разводится ихъ великое множество; никто не смѣетъ ловить ихъ или рубить тамъ кустарникъ подъ страхомъ величайшаго наказанія. Кромѣ того, князь держитъ множество ихъ въ звѣриныхъ загонахъ и въ другихъ мѣстахъ. Каждый разъ, когда вздумается ему насладиться этой забавой, онъ приказываетъ привозить зайцевъ изъ разныхъ мѣстъ, ибо, по его мнѣнію, чѣмъ больше онъ затравитъ зайцевъ, тѣмъ больше ему и чести.

Когда явились по призыву великаго князя послы на охоту и исполнили всѣ обряды въ честь князя, началась охота. Государь сидѣлъ на богатоукрашенномъ конѣ, въ роскошной одеждѣ. На немъ была шапка, называемая колпакомъ, имѣвшая съ обѣихъ сторонъ, спереди и сзади, козырьки, изъ которыхъ торчали вверхъ, какъ перья, золотыя пластинки и качались взадъ и впередъ. Одежда на немъ была вышита золотомъ. На поясѣ висѣли два продолговатые ножа и такой же кинжалъ. Сзади, подъ поясомъ, у него былъ кистень (родъ нагайки, къ концу ремня которой прикрѣплялся металлическій шаръ). Съ правой стороны ѣхалъ бывшій казанскій царь Шигъ-Алей; съ лѣвой же два молодые князя, изъ которыхъ одинъ держалъ въ правой рукѣ сѣкиру (топоръ) съ рукоятью изъ слоновой кости, другой—булаву, или шестоперъ. У Шигъ-Алея были привязаны два колчана: въ одномъ у него были стрѣлы, въ другомъ—лукъ. Въ полѣ было болѣе трехсотъ всадниковъ. Длиннымъ рядомъ стояло около ста человѣкъ охотниковъ. Половина ихъ была одѣта въ одежды чернаго цвѣта, а другая—желтаго. Неподалеку отъ нихъ стояли всѣ другія охотники и наблюдали, чтобы зайцы не пробѣжали черезъ это мѣсто и не ушли бы совсѣмъ. Сначала никому не было позволено спустить собакъ, кромѣ царя, Шигъ-Алея и иноземныхъ гостей.

Князь крикнулъ, чтобъ начинали. Тогда дана была вѣсть всѣмъ охотникамъ. Всѣ они вскрикиваютъ въ одинъ голосъ и спускаютъ большихъ собакъ. Весело было слышать, говоритъ Герберштейнъ, громкій и разноголосый лай собакъ, а у великаго князя ихъ очень много и притомъ отличныхъ. Когда выбѣгаетъ заяцъ, спускаются три, четыре пять и болѣе собакъ, которыя отовсюду бросаются за нимъ, а когда онѣ схватятъ его, поднимается радостный крикъ, рукоплесканія, будто большой звѣрь пойманъ. Если зайцы слишкомъ долго не выбѣгаютъ, тогда выпускаютъ по приказу великаго князя

припасенныхъ заранѣе изъ мѣшковъ. Эти зайцы иногда, словно сонные, попадаютъ въ стаю собакъ, между которыми прыгаютъ, какъ ягнята въ стадѣ. Чья собака затравила больше зайцевъ, того считаютъ главнымъ побѣдителемъ. На этотъ разъ, когда послѣ охоты свалили зайцевъ въ одно мѣсто, насчитано ихъ было больше трехсотъ.

Князья и бояре любили тѣшиться, кромѣ псовыхъ, и птичьими охотами. Пріученные къ охотѣ соколы и кречеты съ-налету били лебедей, журавлей, дикихъ гусей и пр., и убитая птица падала къ ногамъ охотниковъ.

Охота, въ которой принималъ участіе Герберштейнъ, закончилась пиромъ. Неподалеку отъ Москвы было поставлено нѣсколько шатровъ: первый изъ нихъ, большой и просторный,—для великаго князя, другой—для Шигъ-Алея, третій—для пословъ, остальные—для другихъ особъ. Князь, вошедши въ свой шатеръ, перемѣнилъ одежду и немедленно позвалъ пословъ къ себѣ. Когда они вошли, онъ сидѣлъ въ креслѣ изъ слоновой кости. Справа у него былъ царь Шигъ-Алей; слѣва—младшіе князья, которымъ великій князь особенно благоволилъ.

Когда всѣ разсѣлись, то начали подавать сперва варенья изъ аниса, миндалю и пр., потомъ орѣхи, миндаль и пирожное изъ сахару; подавались также напитки, и государь оказывалъ свою милость, угощая иноземныхъ гостей.

У великаго князя была и иная потѣха, по словамъ Герберштейна. Откармливали медвѣдей въ обширномъ, нарочно для этого построенномъ домѣ. По приказу князя противъ нихъ выступали люди низшаго званія, съ деревянными вилами (рогатинами), и начинали для потѣхи великаго князя бой. Если разъяренные звѣри ранятъ ихъ, они бѣгутъ къ князю и кричатъ: „Государь, мы ранены!“ Великій князь говоритъ имъ: „ступайте, я окажу вамъ милость“ и приказываетъ лѣчить ихъ и надѣлить одеждами и хлѣбомъ.

Власть Государя.

Наблюдательному Герберштейну приходилось нерѣдко видѣть и слышать, какъ обращался великій князь съ боярами и другими близкими людьми, и какъ они относились къ нему. „Властью надъ своими подданными, говоритъ Герберштейнъ, московскій государь превосходитъ едва ли не всѣхъ самодержцевъ въ цѣломъ мірѣ“: и личность подданныхъ, и ихъ имущество совершенно во власти его. Всѣ должны безпрекословно исполнять его желанія. Богатые люди обязаны были служить безвозмездно при дворѣ его, въ посольствѣ или на войнѣ; только бѣднѣйшимъ изъ своихъ приближенныхъ онъ платилъ небольшое жалованье по своему усмотрѣнію. Знатнѣйшимъ, которые отправляютъ посольства или другія важныя должности по приказу государя, даются въ управленіе области или сёла и земли; при чемъ однако имъ приходится уплачивать ему ежегодную подать съ этихъ земель, такъ что въ пользу управляющихъ идутъ лишь судебныя пошлины и другіе доходы. Великій князь позволяетъ пользоваться такими владѣніями по боль-

ней части въ продолженіе полутора года; если же хочетъ оказать кому-либо особенную милость и расположеніе, то прибавляетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но по прошествіи этого времени всякое жалованье прекращается, и цѣлыя шесть лѣтъ такой человѣкъ долженъ служить даромъ.

При княжескомъ дворѣ, разсказываетъ Герберштейнъ, былъ дьякъ Василій Третьякъ Далматовъ. Онъ пользовался особенною милостью великаго князя. Но вотъ былъ онъ разъ назначенъ въ посольство въ Германію. Издержки предстояли немалыя. Сталъ Далматовъ жаловаться, что у него нѣтъ денегъ на дорогу и другіе расходы. За это, по приказу Василія Ивановича, онъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Бѣлоозеро въ заключеніе. Имѣнье его движимое и недвижимое было отобрано въ великокняжескую казну; братьямъ и наслѣдникамъ не досталось и четвертой части.

Велилій князь Василій Ивановичъ (по древн. рис. Герберштейна).

Если послы, отправленные къ иноземнымъ государямъ, привозятъ какіе—нибудь драгоцѣнные подарки, то князь отбираетъ ихъ въ свою казну, говоря, что дастъ боярамъ за то другую награду. Такъ, когда послы, ѣздившіе къ императору германскому, привезли съ собой золотыя ожерелья, цѣпи, испанскіе дукаты, серебряныя чаши и пр., то почти все болѣе цѣнное отобрено было въ государеву казну. „Когда я спрашивалъ у русскихъ пословъ, правда ли это, говоритъ Герберштейнъ, то одинъ изъ нихъ отрицалъ, боясь унизить своего князя въ глазахъ иноземца; другой же говорилъ, что князь приказалъ принести къ себѣ подарки, чтобы посмотрѣть ихъ. Но придворные не отвергали того, что болѣе цѣнныя вещи отбираются у бояръ великимъ княземъ.“

— „Такъ что же?—говорили они при этомъ,—государь вознаградитъ другою милостью.“

Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами и безпрепятственно, по своему желанію, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Изъ совѣтниковъ его никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-либо противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей. Они даже называютъ своего государя „Божьимъ ключникомъ“ и вѣрятъ, что онъ является исполнителемъ воли Божіей. Самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ-нибудь заключенномъ, обыкновенно отвѣчаетъ:

— „Будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ.“

Если кто-либо спрашиваетъ о неизвѣстномъ или сомнительномъ дѣлѣ, то обыкновенно говорятъ:

— „Про то вѣдаетъ Богъ да великій государь.“

Личность Василія Ивановича сильно занимала Герберштейна; къ своимъ запискамъ онъ приложилъ даже рисунокъ, изображающій великаго князя въ домашней одеждѣ.

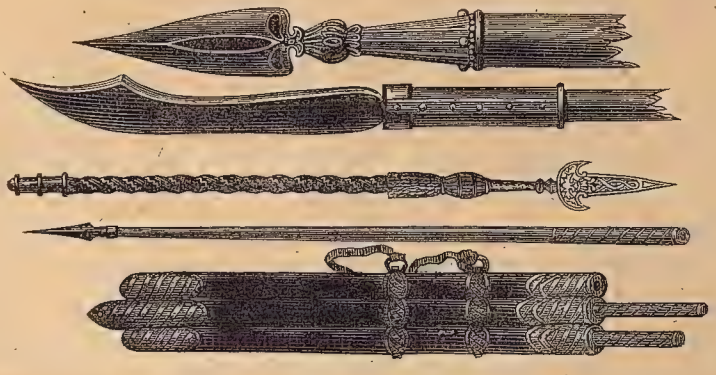
Военное дѣло.

Большая военная сила Московіи тоже обращала на себя вниманіе иноземцевъ. Московскіе послы съ гордостью заявляли иноземцамъ, что по первому требованію русскаго государя въ нѣсколько лней можетъ слетѣться, подобно пчеламъ, огромное войско въ двѣсти или триста тысячъ всадниковъ... Если это и преувеличено, то все же извѣстно, что московская рать обыкновенно бывала очень многочисленна. По словамъ Герберштейна, у Василія былъ уже и постоянный, но небольшой пѣшій отрядъ воиновъ, состоящій изъ 1500 наемныхъ литовцевъ и всякихъ иноземцевъ. Главныя же военныя силы состояли изъ конницы, которая являлась во всеоружіи лишь во время войны.

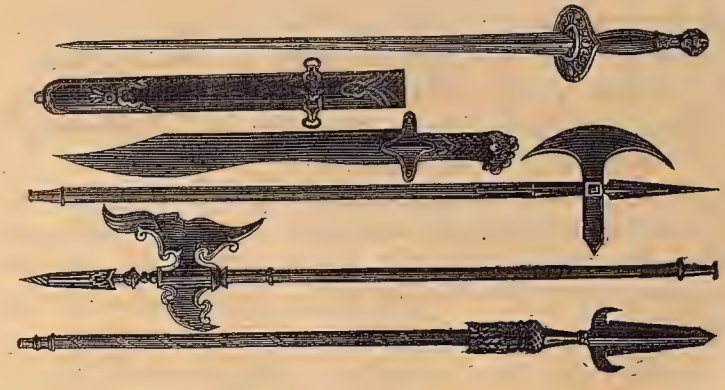
Черезъ годъ или черезъ два великій князь приказываетъ дѣлать наборъ и переписывать боярскихъ дѣтей, чтобы знать ихъ число, и сколько у каждаго изъ нихъ людей и лошадей. Военную службу отбываютъ всѣ тѣ, которые могутъ по своему состоянію. Рѣдко они наслаждаются покоемъ: почти постоянно идетъ война то съ литовцами, то со шведами, то съ татарами. Даже если и нѣтъ никакой войны, то все-таки ежегодно выставляется на южной окраинѣ около Дона и Оки тысячъ двадцать войска для охраны отъ набѣговъ и грабежей крымскихъ татаръ. Эти отряды обыкновенно каждый годъ смѣняются; но въ военное время всѣ, обязанные службою, должны служить тамъ, гдѣ великій князь укажетъ, и столько времени, сколько понадобится.

Русское войско въ тѣ времена было плохо устроено. Лошади у конницы были хотя крѣпкія и выносливыя, но по большей части мелкія, некованныя, и съ самой легкой уздой. Сѣдла устраивались такъ, что можно было безъ труда оборачиваться во всѣ стороны и пускать стрѣлы. Всад-

Два кистеня, сѣкиры, или топоры, и чеканъ.



Наконечники рогатины и совня.—Протазанъ.—Копье.—Дротики въ ножнахъ.



Кончаръ.—Тесакъ.—Алебарды (сѣкиры).—Протазанъ.

ники сидѣли на лошадяхъ, до того подогнувъ ноги, что ударомъ копья нетрудно было ихъ выбить изъ сѣдла. Немногіе употребляютъ шпоры, а большая часть—плетку, которая всегда виситъ на мизинцѣ правой руки, чтобы ее можно было употребить въ дѣло тотчасъ, какъ представится надобность.

Шапка мѣдяная. Колпакъ. Шишакъ. Мисюрка. Шапка бумажная.

Обыкновенное оружіе—лукъ, стрѣлы, топоръ и кистень. Саблю употребляютъ по большей части богатѣйшіе и благороднѣйшіе. Длинные кинжалы, висящіе на подобіе ножей, бываютъ нерѣдко такъ запрятаны въ ножны, что ихъ трудно вытащить; употребляли также копья и дротики, или небольшія пики. Поводъ у узды обыкновенно длинный, на концѣ разрѣзанный; его надѣваютъ на палецъ лѣвой руки, чтобы можно было свободно дѣйствовать лукомъ. Хотя въ одно и то же время всадникъ держитъ въ рукахъ узду, лукъ, саблю и плеть, однако довольно ловко управляется со всѣмъ этимъ.

Юшманъ. Панцырь. Куякъ.

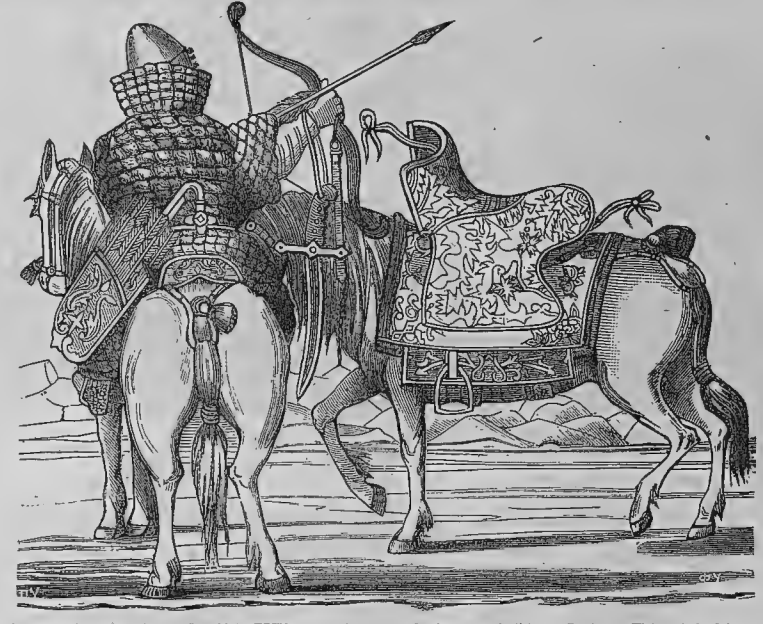
Знатные и богатые люди употребляютъ на войнѣ хорошее охранительное вооруженіе: разнаго рода латы, кольчуги, поручи и проч. Весьма немногіе имѣютъ шлемъ, заостренный сверху и съ украшенной верхушкой.

Тѣ, которые побѣднѣе, довольствуются часто одеждой, плотно подби-

той хлопчатой бумагой, или пенькой, такъ называемыми тегиляями и такими же колпаками. Въ толщѣ тѣхъ и другихъ вдѣлывались куски желѣза,

Простой русскій воинъ XVI ст., въ тегиляѣ (по рис. Герберштейна).

такъ что прорубить тегиляй было очень трудно. Вооруженіе русскихъ воиновъ недалеко ушло впередъ съ XIV столѣтія.



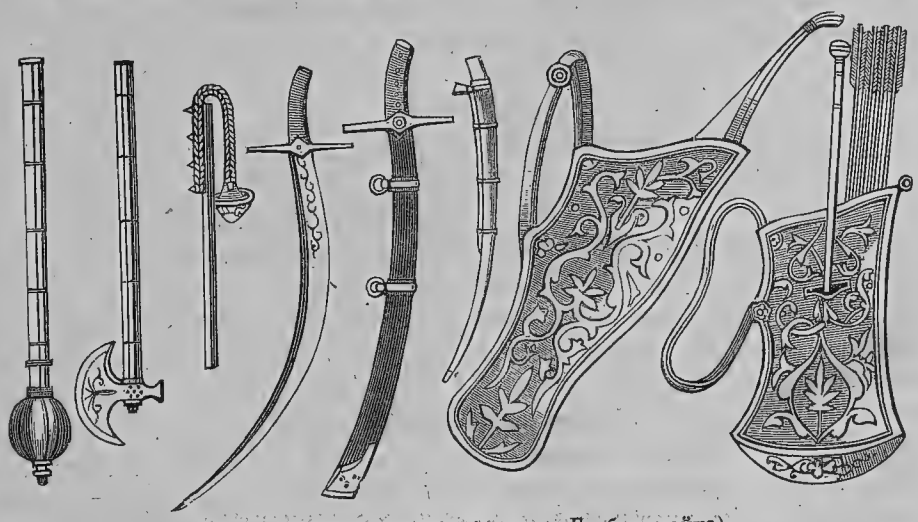
Русскій воинъ въ тегилѣ XVI ст. и конскій уборъ (по рис. Герберштейна).

Съ пушками и вообще съ огнестрѣльнымъ оружіемъ русскіе еще плохо справлялись. Частыя войны съ татарами, при чемъ надо было больше всего

разсчитывать на быстроту движенія, и приходилось проѣзжать большія пространства по степи, повели къ тому, что пѣшаго войска, за исключеніемъ упомянутаго небольшого отряда, не было. Быстрое, внезапное нападеніе на врага, преслѣдованіе его или бѣгство отъ него,—вотъ въ чемъ главнымъ образомъ, по понятіямъ русскихъ, состояла война. Понятно, что пѣхота и пушки при такомъ способѣ войны были бы лишь бременемъ.

При Василіи Ивановичѣ все же положено было начало пѣхотѣ, а также стали мало-по-малу пускать въ дѣло и пушки, особенно при осадѣ городовъ (осада Смоленска). Русскіе рѣдко брали города съ бою, приступомъ,—обыкновенно брали „изморомъ", т.-е. принуждали жителей сдаться долгой осадой, голодомъ. У Василія Ивановича были литейщики изъ нѣмцевъ и итальянцевъ: лили они пушки, ядра и пули.

„У разныхъ народовъ, говоритъ Герберштейнъ, большое различіе въ



Древнее русское оружіе (по рис. Герберштейна).

образѣ войны, какъ и въ другихъ дѣлахъ" и приводитъ такое сравненіе между русскимъ, татариномъ и туркомъ: „московитъ, какъ только ударится въ бѣгство, уже не помышляетъ о другомъ средствѣ къ спасенію, кромѣ бѣгства. Когда врагъ догонитъ его или схватитъ,—онъ уже не защищается и не проситъ пощады, а покорно предается своей судьбѣ. Татаринъ же, сброшенный съ лошади, оставшись безъ всякаго оружія, даже тяжко раненый, обыкновенно защищается до послѣдняго издыханія,—руками, ногами, зубами и чѣмъ только можетъ. Турокъ, лишившись всякой надежды на помощь и спасеніе, бросаетъ оружіе, умоляетъ о помилованіи, складываетъ руки, чтобъ его вязали, протягиваетъ ихъ побѣдителю, надѣясь сохранить жизнь своимъ плѣномъ".

Особенно удивляла иностранцевъ необыкновенная выносливость русскаго воина. Если есть у него, говоритъ Герберштейнъ, толченое просо въ мѣшечкѣ, длиною въ двѣ ладони, потомъ фунтовъ восемь или десять солянаго свинаго мяса и соль, смѣшанная, если онъ богатъ съ перцемъ, то

онъ вполнѣ доволенъ. Кромѣ того, всякій воинъ носитъ съ собою топоръ, трутъ, кастрюлю, и если приходитъ куда-нибудь, гдѣ нѣтъ никакихъ плодовъ,—ни чесноку, ни луку, ни дичины, то разводитъ огонь, наполняетъ горшокъ водою, въ которую кладетъ полную ложку проса, прибавляетъ соли и варитъ,—и господинъ, и холопы живутъ, довольствуясь этой пищей. Если господинъ слишкомъ голоденъ, то съѣдаетъ все, а холопы иногда постятся дня два-три. Если господинъ хочетъ отобѣдать получше, то къ этому прибавляетъ кусочекъ свинины. Это говорится о людяхъ посредственнаго состоянія. Вожди же войска и другіе начальники иногда приглашаютъ къ себѣ этихъ бѣдныхъ людей, которые, хорошо пообѣдавъ, иногда въ теченіе двухъ-трехъ дней воздерживаются отъ пищи. Когда у воиновъ есть овощи, лукъ, чеснокъ да хлѣбъ, то они легко могутъ обойтись безъ всего другого.

Въ сраженіяхъ они полагаются на многочисленность своихъ силъ болѣе, нежели на мужество воиновъ и на хорошее устройство войска, стараются обойти непріятеля и напасть на него съ тылу.

Нравы и обычаи.

Любопытны также нѣкоторыя, хотя и отрывочныя, свѣдѣнія у иноземныхъ писателей о нравахъ и обычаяхъ русскихъ XV—XVI ст. Болѣе извѣстій находимъ опять у Герберштейна.

Набожность нашихъ предковъ и соблюденіе ими внѣшнихъ обрядовъ бросались въ глаза иноземцамъ. Герберштейнъ сообщаетъ, что русскіе ревностно соблюдали всѣ посты; при чемъ въ великомъ посту нѣкоторые воздерживаются не только отъ рыбы, но употребляютъ пищу лишь въ воскресенье, вторникъ, четвергъ и субботу, а въ остальные дни вовсе не ѣдятъ или довольствуются кускомъ хлѣба и водой. На монаховъ же наложены посты еще болѣе строгіе: многіе дни они должны довольствоваться однимъ квасомъ.

Проповѣдниковъ, свидѣтельствуетъ Герберштейнъ, нѣтъ у русскихъ: они полагаютъ, что достаточно присутствовать при богослуженіи и слышать Евангеліе, посланія и поученія другихъ учителей (отцовъ церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста). Русскіе думаютъ этимъ избѣжать различныхъ толковъ и ересей, которые большею частью рождаются отъ проповѣдей. Въ воскресенье объявляютъ праздники будущей недѣли и читаютъ громогласно исповѣдь (исповѣданіе вѣры). Они считаютъ истиннымъ и обязательнымъ для всѣхъ то, во что вѣритъ или что думаетъ самъ князь. „Московиты, говоритъ тотъ же писатель, хвалятся, что они одни только—христіане, а насъ (католиковъ) они осуждаютъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ святыхъ установленій“. Русскіе монахи издавна стараются распространять Слово Божіе у идолопоклонниковъ, отправляются въ разныя страны, лежащія на сѣверѣ и востокѣ, куда достигаютъ съ великимъ трудомъ и опасностью. Они не ждутъ и не желаютъ никакой выгоды, напротивъ, иногда даже погибаютъ, запечатлѣвая ученіе Христово своею смертью, стараются единственно только

о томъ, чтобы сдѣлать угодное Богу, наставить на истинный путь души многихъ заблудшихся, привести ихъ ко Христу. Эта ревность къ вѣрѣ сказывалась и въ набожности русскихъ. Герберштейна поражаетъ „удивительное стеченіе племенъ и народовъ“ въ извѣстные дни у Троице-Сергіевскаго монастыря, куда часто ѣздитъ самъ князь, а народъ стекается ежегодно въ праздники и питается отъ щедротъ монастыря. Знатные люди чтятъ праздники тѣмъ, что прежде всего отправляются къ обѣднѣ; затѣмъ надѣваютъ пышную одежду и бражничаютъ... Простой же народъ,—слуги и рабы большею частію послѣ обѣдни работаютъ, говоря, что „праздновать и гулять—господское дѣло“. Только въ торжественные дни (праздники Рождества и Пасхи и нѣкоторые другіе) и черный людъ „гуляетъ“, предаваясь обыкновенно пьянству.

Парни и ребята любили тѣшиться въ праздничные дни кулачными боями. Бойцовъ сзываютъ свистомъ: они немедленно сходятся, и начинается рукопашный бой. Бойцы приходятъ въ большую ярость, бьютъ другъ друга кулаками и ногами безъ разбору въ лицо, шею, грудь, животъ, или стараются другъ друга повалить. Случается, что нѣкоторыхъ убиваютъ до смерти. Кто побьетъ большее число противниковъ, дольше остается на мѣстѣ и мужественнѣе выноситъ удары, того хвалятъ и считаютъ побѣдителемъ.

Грубость нравовъ сказывалась также въ пыткахъ и въ тѣлесныхъ наказаніяхъ,—сказывалась и въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ поселянамъ, господъ къ слугамъ. Поселяне, по свидѣтельству Герберштейна, работаютъ на своего господина (т.-е. землевладѣльца, на землѣ котораго они живутъ) шесть дней, седьмой же остается на ихъ собственную работу. Они имѣютъ участки полей и луговъ, которые даетъ имъ господинъ, и отъ которыхъ они кормятся; но положеніе ихъ крайне жалкое: ихъ называютъ „черными людишками“, могутъ часто безнаказанно обижать и грабить. Благородный, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, считаетъ для себя позоромъ и безславіемъ добывать хлѣбъ своими руками. Простолюдины-работники, нанимаясь въ работу, получаютъ за трудъ въ день полторы деньги; ремесленникъ получаетъ двѣ деньги. Несмотря на то, что это были вольнонаемные люди, наниматель считаетъ себя въ правѣ побоями принуждать ихъ усерднѣе работать. „Если ихъ не бить хорошенько, говоритъ Герберштейнъ, они не будутъ прилежно работать“. Кромѣ наемныхъ слугъ, у всѣхъ знатныхъ были холопы и рабы, большею частію купленные или изъ плѣнныхъ.

„Рабство до такой степени вошло въ обычай, говоритъ тотъ же писатель, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда господа, умирая, отпускаютъ на волю рабовъ, эти послѣдніе обыкновенно тотчасъ же сами продаются въ рабство другимъ господамъ. Если отецъ продаетъ въ рабство сына, какъ это въ обычаѣ, и сынъ какимъ-либо образомъ станетъ свободнымъ, то отецъ имѣетъ право во второй разъ продать его; только послѣ четвертой продажи отецъ теряетъ свои права надъ сыномъ. Казнить смертью, какъ рабовъ, такъ и свободныхъ, можетъ только одинъ князь“.

Положеніе женщины было тоже печально: въ простонародьѣ она была „вѣковѣчною работницей“ на свою семью, рабою мужа своего, да и въ

высшемъ кругу женщина была невольницею и въ семьѣ отца, и въ семьѣ мужа. Дѣвушка не могла по своей волѣ выйти замужъ: пріискивалъ жениха ей отецъ; также и женихъ женился не по своей волѣ; бракъ былъ сдѣлкою между отцомъ невѣсты и отцомъ жениха. Они сходятся вмѣстѣ и толкуютъ о томъ, что отецъ дастъ дочери въ приданое. Порѣшивъ дѣло о приданомъ, назначаютъ день свадьбы до окончательнаго скрѣпленія договора. Жениху не позволяютъ видѣться съ невѣстой. Если же онъ изъявляетъ настойчивое желаніе увидѣть ее, — родители обыкновенно говорятъ ему:

— „Узнай, какова она, отъ другихъ, которые знаютъ ее“.

Въ приданое даются лошади, одежды, утварь, скотъ, рабы и т. п. Приглашенные на свадьбу посылаютъ невѣстѣ также подарки. Женихъ тщательно замѣчаетъ ихъ, посылаетъ къ цѣновщикамъ для оцѣнки ихъ, и старается потомъ отблагодарить подарившихъ или деньгами, или подарками той же стоимости. Онъ это обязанъ сдѣлать и притомъ по вѣрной оцѣнкѣ: иначе подарившіе могутъ потребовать у него вознагражденія за свои подарки по своему усмотрѣнію вдвое и болѣе противъ настоящей ихъ цѣны.

Послѣ смерти первой жены позволяется вступить во второй бракъ, но смотрятъ на это уже неодобрительно; жениться на третьей женѣ не позволяютъ безъ важной причины; брать четвертую жену не допускаютъ никого и считаютъ это дѣло совсѣмъ не христіанскимъ. Разводъ считался тяжкимъ грѣхомъ. Супружеское счастіе и хорошая семейная жизнь были довольно рѣдкими явленіями. Это и понятно: —женились не по своему выбору и сердечному влеченію, а по приказу родителей и по расчету.

Жена знатнаго или благороднаго человѣка въ домѣ мужа была затворницей. Женщина, которая не живетъ, заключившись въ своемъ домѣ, не считается благонравною; но зато высоко чтятъ ту, которой не видятъ посторонніе и чужіе люди. Заключенныя дома женщины занимаются обыкновенно пряжей и разными рукодѣліями. Всѣ домашнія работы дѣлаются руками рабовъ и рабынь; у бѣдныхъ людей жены несутъ на себѣ всѣ труды по дому.

Весьма рѣдко пускаютъ женъ въ церковь да къ близкимъ знакомымъ, въ общество друзей; только старыя женщины пользовались большею свободой.

Праздничнымъ удовольствіемъ для женщинъ были качели, которыя устраивались въ садахъ у всѣхъ зажиточныхъ людей. Забавлялись женщины также пѣніемъ пѣсенъ, хороводами и пр.

Русскіе на своихъ женъ смотрѣли какъ на дѣтей или какъ на рабынь и старались держать ихъ въ страхѣ и повиновеніи. Суровое, грубое обращеніе мужа съ женою, даже побои до такой степени вошли въ обычай, что считались чуть ли не знакомъ любви мужа къ женѣ и заботливости его о семьѣ.

Герберштейнъ разсказываетъ такой случай:

„Въ Московіи жилъ одинъ нѣмецъ-кузнецъ, по имени Іорданъ, кото-

рый женился на русской. Поживши нѣсколько времени съ мужемъ, она однажды ласково спросила его:

— „Почему ты не любишь меня?“

— „Напротивъ того, я очень люблю тебя!“ отвѣчалъ тотъ.

— „Я еще не имѣю, сказала она, знаковъ твоей любви.“

Мужъ сталъ ее разспрашивать, какіе знаки любви разумѣетъ она. Жена ему отвѣчала:

— „Ты никогда меня не билъ!“

Немного спустя Іорданъ жестоко побилъ жену и признавался мнѣ, говоритъ Герберштейнъ, что послѣ этого она стала любить его гораздо больше, чѣмъ прежде. Кончилось тѣмъ, что онъ побоями изуродовалъ свою жену...“

Городъ Москва.

Почти всѣ иноземцы, писавшіе о Московіи, сообщаютъ и о столицѣ ея нѣкоторыя свѣдѣнія. Издали Москва съ ея садами и многочисленными церквами представлялась очень красивою, но вблизи оказывалась иною. Почти весь городъ состоялъ изъ невзрачныхъ деревянныхъ построекъ (домовъ насчитывали болѣе 40 тысячъ); улицы были неправильныя, грязныя, такъ что необходимы были мостки; только на нѣкоторыхъ улицахъ были бревенчатыя, очень неудобныя мостовыя. Почти при каждомъ домѣ былъ обширный садъ и дворъ. По окраинамъ города тянулись жилища кузнецовъ и другихъ ремесленниковъ, которымъ приходилось при своихъ работахъ употреблять огонь. Между домами, особенно находившимися ближе къ окраинамъ города, разстилались обширные поля и луга. Къ городу примыкало и нѣсколько монастырей. Все это сливалось какъ бы въ одинъ городъ, и потому Москва издали казалась очень обширною. Среди города на возвышенномъ берегу рѣки Москвы находится крѣпость (кремль). Она съ одной стороны омывалась рѣкою Москвой, а съ другой — Неглинной, которая, вытекая изъ болотъ, у крѣпости разливалась въ видѣ пруда, и отсюда наполнялись водою рвы крѣпости. По берегу Неглинной стояли многочисленныя мельницы. Крѣпость, построенная изъ кирпича, была очень велика: въ ней, кромѣ каменныхъ палатъ государя, были каменные (т.-е. кирпичные) дома братьевъ великаго князя, митрополита и др. знатныхъ лицъ. Улицы на ночь обыкновенно загораживались бревнами поперекъ, при чемъ ставилась стража, какъ только смеркалось и зажигались огни въ домахъ. Ночью никому не позволялось ходить послѣ урочнаго часу; а если кто попадался, то его за непослушаніе обыкновенно сажали въ тюрьму. Если же шелъ какой-нибудь именитый и важный сановникъ, то сторожа провожали его до дому. Разбои ночью происходили нерѣдко. Ставилась стража и съ той стороны, гдѣ Москва была вполнѣ открыта (съ другихъ сторонъ она была защищена рѣками Москвой и Яузой). На рѣкѣ Москвѣ было нѣсколько мостовъ. Зимой, на льду ея, купцы ставили свои лавки, и торговля въ самомъ городѣ тогда почти совсѣмъ прекращалась. Въ эту пору

сюда свозились на продажу хлѣбъ, сѣно, битая скотина (замороженныя туши), дрова и пр. Здѣсь же происходили конскія ристанія и другія потѣхи, съ которыхъ нерѣдко иные удальцы уходили искалѣченные.

Объ устройствѣ жилищъ и объ одеждѣ находимъ очень мало свѣдѣній у иностранныхъ писателей XV и XVI ст. Жилища, судя по другимъ источникамъ, были очень просты: крестьянская бревенчатая изба служила образцомъ. Рублей за 20, за 30, можно было тогда построить порядочное жилье. Конечно, кто былъ побогаче, тотъ и устраивался пошире: нѣсколько избъ соединяли вмѣстѣ и такимъ образомъ сооружали себѣ болѣе помѣстительное жилье. Покои числомъ 3 и не болѣе 4-хъ были небольшіе и низкіе; печи и лежанки занимали въ нихъ много мѣста. Сѣни у жилищъ были обыкновенно просторны; двери низки, такъ что входящій долженъ былъ довольно низко наклониться; окна были маленькія; въ простыхъ жильяхъ они обтягивались бычачьими пузырями; въ болѣе богатыхъ домахъ въ рѣшетчатыя оконныя рамы вставлялись кусочки слюды. Стекло цѣнилось тогда очень дорого, такъ какъ его привозили издалека, сначала изъ Цареграда, а потомъ стали его возить изъ другихъ странъ Европы.

Герберштейнъ въ шубѣ, подаренной ему великимъ княземъ (по рис. Герберштейна).

Что касается домашней утвари, то она также была очень проста: лавки, столы да поставцы для посуды—все это было очень незатѣйливо. Скатерти и ковры на лавкахъ у болѣе зажиточныхъ людей скрашивали жилье; но главною красою его были образа: въ каждомъ домѣ и въ каждомъ покоѣ, обыкновенно въ восточномъ углу, ставились иконы, часто въ дорогихъ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ. Уголъ, гдѣ стояли образа, считался самымъ почетнымъ (назывался краснымъ угломъ). Всякій входящій въ жилище прежде всего кланялся образамъ и крестился, а потомъ уже обращался съ поклономъ и къ хозяевамъ. Этотъ обычай держится и до сихъ поръ у нашихъ набожныхъ простолюдиновъ.

Что касается одежды, то сношенія съ Востокомъ повели къ тому, что среди зажиточныхъ людей стала все сильнѣе и сильнѣе распространяться азіатская роскошь: дорогія шелковыя узорчатыя и пестрыя ткани, длинныя златотканныя одежды стали входить въ обычай.

Въ сочиненіи Герберштейна находимъ любопытный рисунокъ, изображающій его самого въ русской шубѣ, пожалованной ему великимъ княземъ, въ русской мѣховой шапкѣ и въ сафьяновыхъ узорчатыхъ сапогахъ.

Промышленность и торговля.

На промышленность и торговлю Московіи иноземные писатели обращали большое вниманіе. Главными произведеніями страны считались—хлѣбъ, мѣха, лѣсъ, медъ и воскъ. Сосны въ московскихъ лѣсахъ поражали иноземцевъ своей невѣроятной величиной; дубы и клены, по ихъ отзывамъ, здѣсь лучше, чѣмъ въ Западной Европѣ. Пчелы роились въ лѣсахъ въ огромномъ количествѣ и клали медъ въ дуплахъ старыхъ деревъ безъ всякаго ухода и присмотра, такъ что промышляющимъ продажею меду стоило только отыскивать въ лѣсахъ въ дуплахъ старыхъ деревъ залежни меду и брать его. Одному иностранному писателю о Россіи разсказывали такой забавный случай:

Разъ крестьянинъ, нашедши въ лѣсу дупло съ медомъ, полѣзъ доставать его, но по неосторожности упалъ и увязъ въ меду по самое горло, и вылѣзть никакъ не могъ. Тутъ ему пришлось бы и пропасть. Два дня онъ питался медомъ, напрасно ожидая помощи. Къ счастію его, пришелъ медвѣдь, чтобы полакомиться медомъ, и сталъ спускаться задними ногами въ дупло. Крестьянинъ ухватился за медвѣдя и такъ заоралъ, что испуганный звѣрь выскочилъ изъ дупла, выволокъ съ собой мужика, а самъ съ перепугу скрылся...

Пушнаго звѣря въ русскихъ лѣсахъ тогда было множество: собольи мѣха, лисьи (особенно чернобурыхъ лисицъ), бобровые и куньи считались самыми цѣнными.

Бѣличьи мѣха и кошечьи (домашнихъ кошекъ) были самые дешевые. Кромѣ того, добывались мѣха горностаевые, рысьи, волчьи и песцовые. Въ лѣсахъ водились также лоси, медвѣди, большіе и черные волки, а въ западной части государства—туры.

Земля собственно Московскаго княжества была неплодородна; почва тутъ песчаная. Пни огромныхъ деревьевъ показывали, что вся страна эта недавно была еще покрыта почти сплошными лѣсами; но области Нижегородская и Владимирская очень плодоносны. Неистощенная тучная почва давала здѣсь въ тѣ времена обильныя жатвы: одна посѣянная мѣра хлѣба доставляла часто 20, иногда даже 30 мѣръ. Рязанская область превосходила плодородіемъ всѣ остальныя: лошади едва могли проходить чрезъ ея густыя нивы; древесные плоды здѣсь были гораздо лучше московскихъ. Сверхъ того, Рязанская область изобиловала медомъ, рыбою и всякаго рода дичью. Кромѣ хлѣбопашества, звѣроловства, рыболовства и пчеловодства, иноземные писатели указываютъ на добываніе соли въ Старой-Русѣ, близъ Переяславля-Залѣсскаго и Нижняго; желѣзо добывалось у Серпухова. Нѣкоторыя мѣстности промышляли своими издѣліями: такъ, Калуга славилась своей рѣзной деревянной посудой, которая шла въ продажу не только въ

Москву, но также въ Литву и въ другія сосѣднія страны. Но, вообще говоря, обрабатывающая промышленность въ Московіи не процвѣтала, и грубыя туземныя издѣлія служили только на потребу мѣстныхъ жителей, да кое-что отправлялось на Востокъ, а въ Западную Европу шли лишь такъ называемыя сырыя произведенія: лѣсъ, лучшій ленъ, конопля, воловьи кожи, пушный товаръ, въ Литву и Турцію вывозились кожи, мѣха и моржевые клыки (рыбій зубъ), изъ которыхъ обыкновенно выдѣлывались рукоятки для оружія. Къ татарамъ шли въ продажу и русскія издѣлія: сѣдла, узды, полотно, топоры и пр.

Привозимые товары были по большей части слѣдующіе: серебро въ слиткахъ, сукна, шелкъ, шелковыя ткани, парчи, драгоцѣнные камни, жемчугъ, вина, пряные коренья, перецъ, шафранъ и пр.

Для торговли въ большихъ размѣрахъ собирались въ опредѣленное время въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ и велась купля, продажа и обмѣнъ товаровъ, т.-е. происходили торги (ярмарки). Особенно славилась ярмарка въ Холопьемъ городкѣ, на рѣкѣ Мологѣ. При Василіи Ивановичѣ было положено начало знаменитой Макарьевской ярмаркѣ: въ 1524 году вел. князь, въ подрывъ Казани, съ которой онъ враждовалъ, запретилъ своимъ купцамъ ѣздить на торги, происходившіе близъ нея, а назначилъ мѣсто для нихъ въ Нижегородской области.

Въ большихъ городахъ были ряды лавокъ и складовъ разныхъ товаровъ, гостиные дворы, гдѣ шла постоянная оживленная торговля, напоминавшая ярмарки.

Сильно мѣшало торговлѣ неудобство путей сообщенія. Лѣтомъ приходилось довольствоваться рѣчными путями; но въ сильные лѣтніе жары многія рѣки такъ мелѣли, что становились несудоходны; надо было улучать время весною или осенью, когда отъ дождей вода въ рѣкахъ поднималась. Торговцы старались пользоваться и зимнимъ путемъ для перевозки товаровъ,— особенно въ тѣ мѣста, куда трудно было добраться рѣчными путями. Зимою привозились въ Москву въ огромномъ количествѣ свиныя и говяжьи туши, птица, дичь всякаго рода и рыба; все это въ замороженномъ видѣ хорошо сохранялось. Но и зимнія дороги были не безопасны: иногда, какъ было уже сказано, во время лютыхъ морозовъ, замерзали цѣлые обозы на пути. Торговое движеніе на югѣ тоже встрѣчало большія помѣхи: ѣздить по безводной и безлѣсной степи было не менѣе трудно и опасно, какъ по лѣсамъ и болотамъ сѣвера. Шайки бродячихъ татаръ промышляли въ степяхъ разбоемъ, и торговые караваны были для этихъ хищниковъ очень соблазнительной приманкой. Притомъ, путешествующимъ по степямъ приходилось переправляться чрезъ рѣки съ большимъ трудомъ и опасностью: они часто за неимѣніемъ лодокъ принуждены были сами дѣлать наскоро плоты, на которые грузили свои пожитки, затѣмъ сгоняли лошадей въ воду, привязывали эти плоты къ хвостамъ ихъ, и лошади, плывя чрезъ рѣку, тащили ихъ за собой. Бойко торговля шла на югѣ лишь по Волгѣ; но и тутъ она сильно терпѣла отъ разбоевъ.

Иноземцы жалуются на нечестность московскихъ купцовъ. Они при

продажѣ своихъ товаровъ запрашивали втрое, вчетверо противъ настоящей цѣны, божились и клялись, что товаръ имъ самимъ очень дорого стоитъ, старались всѣми силами провести, обмануть покупателя. Видно, тогда торговцы держались того безнравственнаго правила, которому въ наше время слѣдуютъ лишь нечестные мелкіе торгаши: „не обманешь, не продашь“. При покупкѣ товаровъ у иноземцевъ, московскіе купцы оцѣнивали товаръ

Серебряныя деньги временъ Димитрія Донскаго и Василія Темнаго.

Копейка Ивана III. Деньга Ивана III. Новгородскія деньги (новгородки). Псковская деньга. Полушка.

Копейки, деньги и пулы московскія временъ Ивана III и Василія III.

меньше, чѣмъ въ половину его настоящей стоимости, и такъ долго торговались, понемногу набавляя, что просто томили продавцевъ, доводили ихъ даже до отчаянія.

Отдача денегъ въ ростъ была въ большомъ ходу; при чемъ брали огромные барыши,—съ пяти рублей—одинъ рубль (т.-е. 20 процентовъ) хотя это и считалось тяжкимъ грѣхомъ.

Въ первой половинѣ XVI в. въ Московскомъ государствѣ ходили серебряныя деньги (монеты) четырехъ родовъ: московскія, новгородскія, тверскія и псковскія. Деньга (отъ татарскаго слова „тенга“) была обыкновенной ходячей монетой; она была неправильной, круглой или овальной формы съ разными изображеніями; на новѣйшихъ деньгахъ съ одной стороны изображался человѣкъ на конѣ, а съ другой была надпись. Двѣ деньги составляли копейку; 6 денегъ московскихъ составляли алтынъ, 20—гривну, 100—полтину, 200—рубль. Во время Герберштейна чеканились и полу-деньги; слѣдовательно, въ рублѣ ихъ было 400. Новгородская деньга считалась вдвое больше московской.

Кромѣ серебряной монеты, въ Московіи была мѣдная монета, которая называлась пулой. Шестьдесятъ пулъ составляли московскую деньгу.

Золотой монеты своей у русскихъ не было, а употреблялись венгерскіе червонцы, изъ которыхъ каждый стоилъ сто денегъ; слѣдовательно, два червонца стоили рубль. Впрочемъ, по словамъ Герберштейна, цѣнность венгерскаго червонца колебалась: когда иноземецъ, покупая что-либо, давалъ торговцу червонецъ, то цѣнность его уменьшалась; если же иноземецъ желалъ пріобрѣсти у русскаго купца золотые червонцы, то стоимость ихъ возрастала. Хотя считали рублями, но монеты въ рубль цѣною въ XVI вѣкѣ не было. Прежде, какъ только стали ввозить серебро въ Русскую землю, отливались безо всякаго изображенія и надписи продолговатые куски, которые рубились на части, которыя и назывались рублями. Изъ фунта серебра чеканилось денегъ на шесть рублей. Счетъ рублями вмѣсто прежняго счета гривнами начался съ половины XVI вѣка.

II.

Грозный царь.

Царствованіе Іоанна IV (1533—1584).

Правленіе Елены и бояръ.

Великое дѣло было закончено. Изъ мелкихъ, отдѣльныхъ клочковъ Русской земли сковано было большое, могучее Московское государство. Нелегко было совершить это дѣло московскимъ собирателямъ Русской земли: много творилось при этомъ неправды и насилія; но ихъ было еще больше во время удѣльныхъ смутъ и усобицъ. Зато теперь Московскому государству были не страшны ни Литва, ни Орда; да и жить народу стало спокойнѣе, чѣмъ въ удѣльное время.

Выросла до небывалой силы и высоты и власть московскаго государя-самодержца; но зато тяжелымъ бременемъ ложилось на него правленіе. Замолкли бурныя вѣча въ Новгородѣ и Псковѣ, сталъ народъ и тутъ отвыкать отъ прежнихъ порядковъ, разучивался самъ радѣть о своихъ нуждахъ и дѣлахъ, а въ другихъ мѣстахъ уже и раньше простолюдины называли себя „сиротами“ и „людишками“ и всѣ надежды свои и упованія полагали на государеву милость и защиту: сильно примятъ былъ народъ во время удѣльныхъ сумятицъ и татарскихъ погромовъ и поборовъ,—не о вольностяхъ и правахъ думалъ онъ, а о хлѣбѣ насущномъ да о защитѣ отъ насилій. Чѣмъ могучѣе становился самодержецъ, чѣмъ грознѣе онъ былъ для внѣшнихъ враговъ и бояръ, творившихъ насилія народу, тѣмъ простому люду жилось легче. „Гдѣ царь, тутъ и правда, и страхъ, и гроза“, сталъ говорить народъ; но сложилась у него и другая пословица: „Царь безъ слугъ, какъ безъ рукъ!“ Нужны были ему вѣрные слуги-помощники. Прежъ-

нихъ вольныхъ дружинниковъ, бояръ, безъ совѣта съ которыми не вершилось никакое дѣло, уже не было. Вмѣсто нихъ были бояре, которые больше старались „угодить“ и „норовить“ государю, чѣмъ говорить правду. Много было у него угодливыхъ прислужниковъ, но мало вѣрныхъ слугъ, совѣтниковъ и помощниковъ. Вотъ почему часто власть самодержца становилась для него самого тяжкимъ бременемъ. Большая бѣда грозила и всему государству, когда умиралъ государь и не оставлялъ послѣ себя совершеннолѣтняго наслѣдника, могущаго взять въ свои руки все бремя правленія. „Безъ царя земля—вдова“, говаривалъ народъ.

Понималъ это вполнѣ Василій Ивановичъ. Предъ смертью онъ говорилъ боярамъ:

— „Приказываю вамъ княгиню и дѣтей своихъ; послужите княгинѣ моей и сыну моему, великому князю Ивану, и поберегите государство русское и все христіанство (весь народъ) отъ всѣхъ его недруговъ: отъ б е с е р м е н с т в а и отъ л а т ы н с т в а и отъ своихъ с и л ь н ы х ъ л ю д е й...“

Сильно опасался умирающій самодержецъ, что послѣ смерти его начнутся усобицы; что малолѣтнему наслѣднику его не сдобровать,—и говорилъ своимъ братьямъ:

— „Вы бы, братья мои, князь Юрій и князь Андрей, крѣпко стояли бы въ своемъ словѣ, на чемъ крестъ цѣловали.“

Боярамъ напоминаетъ умирающій о своемъ происхожденіи,—напоминаетъ, что онъ и сынъ его—прирожденные государи. На случай крамолъ и усобицъ нуженъ человѣкъ надежный, умный, рѣшительный,—такой, выгоды котораго были бы связаны съ выгодами малолѣтняго государя. Такую опору Василій Ивановичъ видитъ въ дядѣ своей жены Михаилѣ Глинскомъ.

— „А ты бы, князь Михайло, говоритъ ему умирающій государь,—за моего сына, великаго князя Ивана, за мою великую княгиню Елену, и за моего сына, князя Юрія, кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ.“

Опека надъ ребенкомъ-государемъ и управленіе великимъ княжествомъ должны были попасть въ руки великой княгини Елены. Михаилъ Глинскій становился самымъ близкимъ и главнымъ совѣтникомъ ея.

Опасенія Василія оправдались: только что совершились похороны его, а Еленѣ доносили уже, что нѣкоторые бояре замышляютъ крамолу,—хотятъ посадить на престолъ Юрія Ивановича. По приказу великой княгини онъ былъ немедленно схваченъ и заключенъ.

Недолго и Глинскій господствовалъ при дворѣ. Кромѣ него, было еще одно лицо, близкое великой княгинѣ: это былъ любимецъ ея, князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій. Глинскій и Оболенскій никакъ не могли ужиться другъ съ другомъ. Еленѣ пришлось однимъ изъ нихъ пожертвовать,—и Глинскій, обвиненный въ честолюбивыхъ замыслахъ, былъ схваченъ и посаженъ въ ту же палату, гдѣ онъ сидѣлъ раньше. Въ заключеніи онъ и умеръ.

Господство Оболенскаго многимъ было совсѣмъ не по душѣ. Между боярами шло сильное волненіе. Нѣсколько ихъ бѣжало въ Литву. Другіе за то, что содѣйствовали имъ, попали въ заключеніе. И второй дядя маленькаго Ивана, Андрей Ивановичъ, князь Старицкій, попалъ въ бѣду. На него

доносили, что онъ собирается бѣжать въ Литву. Онъ, чуя грозу, думалъ было силою обороняться, но поддался увѣщаніямъ князя Оболенскаго и обѣщаніямъ, что ему никакого зла не причинятъ, пріѣхалъ въ Москву, чтобы оправдаться отъ обвиненій; здѣсь по приказу Елены онъ былъ заключенъ.

Московскимъ смутамъ радъ былъ польскій король Сигизмундъ,—думалъ, пользуясь неурядицами на Руси, вернуть снова земли, отнятыя у Литвы при Іоаннѣ III и Василіи III. Въ 1534 г. началась война; шла она съ перемѣннымъ счастіемъ; но никакой выгоды Польшѣ не принесла, — Смоленскъ остался за Москвой. Долго польскіе послы торговались съ русскими,—надѣялись хоть что-нибудь выгадать, но ничего не могли добиться; пришлось заключить перемиріе въ 1537 г. на прежнихъ условіяхъ. Въ Москвѣ рады были этому перемирію: въ это время приходилось подумать о Казани. Здѣсь шла постоянно внутренняя борьба: составился заговоръ и ханъ казанскій Еналей, подручникъ московскій, былъ убитъ. Ханомъ провозглашенъ Сафа-Гирей, крымскій царевичъ. Онъ началъ нападать на русскія владѣнія,—его поддерживалъ и крымскій ханъ.

Надо было улаживать эти дѣла; но въ апрѣлѣ 1538 г. неожиданно скончалась правительница. (Есть извѣстіе, что она была отравлена). Великому князю было всего 8 лѣтъ. Началось боярское правленіе.

Изъ московскихъ вельможъ въ это время сильнѣе другихъ были два боярскіе рода: князья Шуйскіе (потомки Рюрика) и князья Бѣльскіе (потомки Гедимина). Сначала власть попала въ руки Шуйскимъ; одинъ изъ нихъ, Василій Васильевичъ, отличившійся обороной Смоленска, особенно выдѣлялся своими качествами: это былъ человѣкъ способный, рѣшительный, но крайне жестокій. Онъ и сталъ во главѣ боярской думы.

Послѣ смерти Елены Телепневъ-Оболенскій растерялся, не зналъ, что и дѣлать, чуялъ бѣду надъ собой. Прошло семь дней, какъ не стало правительницы. Разъ, когда Оболенскій находился въ комнатѣ великаго князя со своей сестрой, бывшей мамкою Ивана, пришли воины и именемъ старшаго боярина и думы схватили Оболенскаго и его сестру. Маленькій Иванъ горько плакалъ и умолялъ, чтобы не трогали его мамки и брата ея. На его просьбы не обратили никакого вниманія; Оболенскаго и сестру его заключили въ темницу, гдѣ онъ скоро и умеръ; говорятъ, его заморили голодомъ...

Скоро послѣ того Василій Васильевичъ Шуйскій умеръ, и власть попала въ руки его брата Ивана. Онъ и родичи его распоряжались самовластно и нечестно, заключали въ темницы и казнили безъ суда, по своему усмотрѣнію, расхищали казну, сурово и даже дерзко обходились съ маленькимъ государемъ. Понятно, что враговъ у нихъ было много. Самъ митрополитъ помогъ взять верхъ надъ ними князю Ивану Бѣльскому, который и сталъ во главѣ правленія. При немъ стало легче; онъ старался, на сколько могъ загладить то зло, какое натворили Шуйскіе: многіе незаконные налоги уничтожилъ, безъ вины попавшихъ въ темницы выпустилъ. Въ это время грозила бѣда русскимъ владѣніямъ отъ хищныхъ крымскихъ татаръ; Бѣльскій успѣлъ во-время собрать войско и помѣшать нападенію. Къ сожалѣнію, власть его продолжалась недолго.

Иванъ Шуйскій, котораго добродушный Бѣльскій оставилъ на свободѣ, устроилъ тайный заговоръ противъ правителя. Собрали вооруженную шайку человѣкъ въ 300. Ночью со 2-го января на 3-е 1542 г. Иванъ Шуйскій тайно прибылъ въ Москву изъ Владимира, куда онъ былъ посланъ воеводою. Въ эту же ночь Бѣльскій былъ схваченъ на своемъ дворѣ и на другой день отвезенъ въ заточеніе на Бѣлоозеро; но этого было еще мало Шуйскому: нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Бѣльскаго умертвили въ тюрьмѣ. Главные совѣтники и сторонники его были тоже схвачены. (Одного изъ нихъ, князя Петра Щенятева, захватили въ покояхъ у великаго князя); въ числѣ ихъ пострадалъ и митрополитъ Іоасафъ. Его разбудили заговорщики камнями, которые стали швырять къ нему въ келью. Онъ кинулся во дворецъ, заговорщики — за нимъ, ворвались съ шумомъ даже въ спальню великаго князя... Митрополитъ уѣхалъ на Троицкое подворье. Злоумышленники настигли его здѣсь, и съ ругательствами кинулись на него... Только Троицкій игуменъ именемъ св. Сергія съ однимъ изъ бояръ удержали ихъ отъ убійства. Іоасафа послали въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Митрополитомъ въ Москвѣ былъ поставленъ новгородскій владыка Макарій.

Послѣ Ивана Шуйскаго властвовали его родичи. Главный изъ нихъ Андрей Михайловичъ правилъ такъ же самовластно, какъ и онъ, творилъ все, что хотѣлъ. Послѣ смерти Бѣльскаго у Шуйскихъ не было соперниковъ. Подроставшаго великаго князя они ни во что не ставили. Былъ у него любимецъ Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ. Шуйскимъ онъ казался опаснымъ, и они порѣшили отдѣлаться отъ него. 9-го сентября 1543 г. былъ совѣтъ въ столовой избѣ у государя. Шуйскіе и ихъ сторонники придрались за что-то къ Воронцову, кинулись на него, били по щекамъ, оборвали на немъ платье, хотѣли его убить; только мольбы великаго князя да митрополита спасли княжескаго любимца отъ смерти; но его все-таки сослали.

Дѣтство Іоанна IV.

Брань, побои, грубое насиліе, дикая расправа, убійство, — вотъ что совершалось предъ глазами ребенка—великаго князя. Восьми лѣтъ остался онъ безъ нѣжнаго материнскаго призора. Была у него любимая няня — Аграфена Оболенская; ея заботы и ласки могли бы хоть сколько-нибудь замѣнить материнскія; но ее вырываютъ изъ объятій ребенка, засылаютъ въ далекій монастырь. Привязался всей душой Иванъ къ молодому Воронцову, и вотъ этотъ Воронцовъ на его глазахъ схваченъ, оскорбленъ, избитъ, а затѣмъ сосланъ изъ Москвы. Ни слезы Ивана, ни мольбы его не дѣйствуютъ. Очевидно, вокругъ него люди чужіе, даже его враги: они всячески оскорбляютъ его. Чуткій, впечатлительный, онъ глубоко таилъ чувства мести и злобы, которыя рано, вѣроятно, зашевелились въ его сердцѣ. Дѣтскія потѣхи его были уже недобрыя, зловѣщія: любилъ онъ смотрѣть на мученія домашнихъ животныхъ, самъ мучилъ ихъ, кидалъ

съ высоты терема... Его не только не удерживали отъ этого, но потакали ему. Онъ пошелъ дальше. Пятнадцати лѣтъ отъ роду онъ съ ватагой своихъ сверстниковъ, верхомъ на конѣ, носился по улицамъ Москвы и потѣхи ради пускалъ своего коня на народъ, забавляясь ужасомъ разбѣгавшихся во всѣ стороны людей и стонами ушибленныхъ...

Льстецы придворные не сдерживали юношу и отъ этихъ возмутительныхъ потѣхъ, даже приговаривали:

— „Храбрый это будетъ царь и мужественный!“

Еще въ дѣтскіе годы Иванъ могъ задумываться надъ своимъ страннымъ положеніемъ: тѣ самые люди, которые во дворцѣ не обращали на него никакого вниманія, которые всячески оскорбляли его, — во время посольскихъ пріемовъ, при разныхъ торжествахъ, на глазахъ народа, величали его своимъ государемъ, низко преклонялись предъ нимъ, выказывая себя его покорными слугами. Онъ былъ государемъ,—онъ это зналъ; объ этомъ ему безпрестанно твердили; онъ это видѣлъ при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Все, что ни дѣлалось, дѣлалось его именемъ. И въ то же время у себя во дворцѣ онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ сиротою, котораго жизнь — въ рукахъ чужихъ людей, даже враговъ его. Предъ собою ребенокъ видѣлъ своихъ недруговъ, похитителей власти, но бороться съ ними не могъ. Безсильная злоба, жажда мести гнѣздились въ его сердцѣ; но выказать ихъ было ему страшно, и онъ таилъ ихъ,—таилъ до поры, до времени... Научившись читать, онъ съ жадностью накинулся на книги, прочелъ все, что могъ прочесть, изучилъ Священную исторію, церковную, прочелъ Римскую исторію, русскія лѣтописи, творенія Св. Отцовъ. Пытливый умъ его особенно занимали тѣ страницы, гдѣ говорилось о царяхъ, ихъ власти, о томъ, какъ государи относились къ вельможамъ. (Впослѣдствіи онъ умѣлъ кстати приводить эти мѣста). Добраго примѣра Иванъ въ дѣтствѣ вовсе не видѣлъ. Насилія могучихъ бояръ связывали въ его умѣ понятіе о власти съ понятіемъ о грубой, дикой расправѣ; своекорыстныя дѣйствія вельможъ заставляли и его думать только о самомъ себѣ, о своихъ только выгодахъ. Научиться уважать человѣческое достоинство и заботиться о другихъ ему было не у кого. Такое воспитаніе не обѣщало ничего хорошаго въ будущемъ. Бояре и не предчувствовали, какая гроза на нихъ собиралась въ сердцѣ Ивана.

Ему было 13 лѣтъ, когда онъ впервые рѣшился попытать свою силу на боярахъ, какъ пыталъ ее надъ безсловесными животными и надъ безпомощнымъ народомъ. 29-го декабря 1543 г. Иванъ вдругъ приказалъ за что-то схватить князя Андрея Шуйскаго, главу боярской думы, и отдалъ своимъ псарямъ для наказанія; псари замучили его, волоча въ темницу. Проба была сдѣлана. Молодой соколъ расправлялъ свои крылья... Совѣтники Шуйскаго были, по приказу Ивана, схвачены и разосланы изъ Москвы.

Бояре были ошеломлены. Такого рѣшительнаго нападенія со стороны тринадцатилѣтняго ребенка они не ждали. Понятно, что у него нашлись совѣтники, которые стали направлять его волю; это были его дядья: Юрій и Михаилъ Васильевичи Глинскіе. Они могли внушить ему увѣренность въ

его силѣ и рѣшимость дѣйствовать. Погубивши Шуйскаго, они теперь захватили правленіе въ свои руки. Опалы слѣдовали за опалами. Многіе бояре поплатились за свое властолюбіе, за неумѣніе угодить Глинскимъ: однихъ выслали въ ссылку, другихъ казнили, а одному отрѣзали языкъ за „невѣжливыя слова".

Съ годами у Ивана дикія наклонности все росли да росли. Никто его не сдерживалъ, никто не пріучалъ къ дѣлу; онъ съ толпою разгульныхъ удальцовъ то тѣшился охотой, попойками, буйствовалъ, то ѣздилъ на богомолье по далекимъ монастырямъ (въ Новгородъ, Тихвинъ, Псковъ и т. д.), и на пути творилъ всякія безчинства. Прихотливый нравъ его искалъ развлеченій, новыхъ ощущеній: то внезапно поражалъ онъ сановниковъ своей опалой, то такъ же неожиданно миловалъ ихъ. Онъ словно тѣшился, словно игралъ своею властью; ему любо было чувствовать свою силу и въ гнѣвѣ, и въ милости...

Вѣнчаніе на царство Іоанна IV и первые годы его царствованія.

Когда исполнилось великому князю 17 лѣтъ, онъ призвалъ къ себѣ митрополита и заявилъ ему, что хочетъ жениться, и притомъ на русской.

— „Если я возьму себѣ жену, сказалъ онъ, изъ чужой земли, и въ нравахъ мы не сойдемся, то между нами дурное житье будетъ, потому хочу жениться въ своемъ государствѣ, у кого Богъ дастъ, по твоему благословенію!"

По словамъ лѣтописца, митрополитъ и бояре даже заплакали отъ радости, видя, что государь такъ молодъ, а между тѣмъ такъ мудръ, что ни съ кѣмъ ни совѣтуется. Пожелалъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ торжественно вѣнчаться на царство и принять царскій титулъ. Вѣнчаніе было совершено въ Успенскомъ соборѣ подобно тому, какъ происходило вѣнчаніе Димитрія, внука Іоанна III. Юнаго самодержца, очевидно, тѣшила мысль уподобиться и по власти, и по титулу царямъ Давиду, Соломону, Константину и другимъ, о которыхъ онъ много читалъ.

Вскорѣ за вѣнчаніемъ на царство совершена была и царская свадьба. По всѣмъ областямъ къ князьямъ и боярамъ была разослана слѣдующая грамота:

— „Когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ изъ васъ будутъ дочери-дѣвицы, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей-дѣвицъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бы. Кто же изъ васъ дочь-дѣвицу утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу".

Были собраны дѣвицы со всего государства. Выборъ царя палъ на Анастасію, дочь умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. 3-го февраля была отпразднована царская свадьба.

Женитьба не измѣнила царя. Онъ продолжалъ вести разгульную, безпо-

рядочную жизнь. Глинскіе по прежнему заправляли всѣми дѣлами. Намѣстники ихъ творили всякія насилія и неправды. Управы на нихъ искать было негдѣ: юный царь не любилъ, чтобы его безпокоили просьбами или жалобами... Нѣкоторые, впрочемъ, пытались жаловаться ему. Явились къ нему 70 псковскихъ людей съ жалобой на своего намѣстника. Это не понравилось царю; онъ сталъ издѣваться надъ жалобщиками, велѣлъ имъ поджигать волосы и бороды...

Это происходило въ одномъ подмосковномъ сельцѣ, гдѣ былъ на ту пору царь. Въ это время пришла къ нему вѣсть, что въ Москвѣ съ одной колокольни сорвался большой колоколъ. Паденіе колокола считалось предвѣстіемъ большой бѣды, и царь поспѣшилъ въ Москву. Было и другое предзнаменованіе. Жилъ въ это время въ Москвѣ юродивый Василій Блаженный. Ходилъ онъ обнаженный, „какъ Адамъ первозданный“, и въ стужу, и въ лѣтній зной. Его чтилъ народъ, какъ угодника Божія. Въ полдень 20-го іюня прохожіе видѣли его у церкви Воздвиженья на Арбатѣ,—глядѣлъ онъ на церковь и горько плакалъ...

— „Это не къ добру, чуетъ онъ бѣду!“ говорили въ народѣ.

Всѣ были напуганы и въ страхѣ ждали невѣдомаго несчастія.

На другой день, 21-го іюня, въ этой самой церкви вспыхнулъ пожаръ. Въ то время была такая буря, что выворачивало съ корнемъ деревья, срывало крыши... Огонь вѣтромъ переносился съ кровли на кровлю. Скоро запылала большая часть Москвы. Буря занесла пламя и въ Кремль; загорѣлся верхъ соборной церкви, а потомъ занялись и царскія палаты; погорѣли оружничая палата съ оружіемъ, постельная палата съ казною. Митрополитъ Макарій, который молился въ это время въ соборѣ, чуть было не задохся отъ дыма, и едва спасся черезъ тайный, подземный ходъ.

Сгорѣли въ Кремлѣ монастыри и много дворцовыхъ зданій. Огонь добирался до пороховыхъ погребовъ въ кремлевскихъ стѣнахъ; ихъ разрывало съ ужаснымъ трескомъ. Нерѣдко бывали пожары въ Москвѣ; но такого еще не бывало!... Большая часть города обратилась въ пепелъ. Въ огнѣ погибло, говорятъ, около 1700 взрослыхъ людей и множество дѣтей. Царь съ семействомъ жилъ въ это время въ своемъ загородномъ домѣ, въ селѣ Воробьевѣ. Отсюда съ Воробьевыхъ горъ онъ могъ видѣть ужасный пожаръ.

Тысячи москвичей остались безъ крова и безъ хлѣба. Многіе не могли найти своихъ близкихъ, пропавшихъ безъ вѣсти. Особенно плохо пришлось, конечно, бѣдному, простому народу. Пошли ходить слухи, что лихіе люди напустили колдовствомъ бѣду на Москву — и начались волненія. Народъ особенно не любилъ Глинскихъ, которые всячески тѣснили его. Было много враговъ у нихъ и среди бояръ. Когда царь приказалъ произвести розыскъ, какіе чародѣи причинили бѣду, и бояре стали спрашивать народъ, кто зажигалъ Москву,—то въ толпѣ закричали:

— „Княгиня Анна Глинская волхвовала съ дѣтьми своими и людьми: вынимала человѣчьи сердца, клала въ воду, да тою водою по Москвѣ кропила: отъ этого Москва и выгорѣла!“

Одинъ изъ Глинскихъ, князь Юрій, былъ въ это время вмѣстѣ съ

боярами на площади; почуялъ онъ бѣду, когда услышалъ такія рѣчи въ народѣ, и поспѣшилъ укрыться въ Успенскій соборъ; но враги Глинскихъ натравили толпу на него. Разъяренная чернь ворвалась въ соборъ, убила Юрія, выволокла трупъ и кинула на томъ мѣстѣ, гдѣ казнили преступниковъ. Расходившаяся толпа бросилась затѣмъ на дворъ Глинскаго, разграбила все имущество, людей его перебила. Но этого было мало. На третій день послѣ убійства князя Юрія, чернь толпами повалила въ село Воробьево, къ царскому дворцу, и громкими криками требовала, чтобы царь выдалъ ей на расправу свою бабку, Анну Глинскую, и другого сына ея Михаила, которые будто бы спрятаны въ царскихъ покояхъ. Царь былъ пораженъ этимъ страшнымъ движеніемъ народа; однако не потерялъ рѣшимости,—велѣлъ разогнать мятежниковъ выстрѣлами; испуганная толпа разсѣялась. Но главные коноводы, которые направили ярость толпы на Глинскихъ, остались невредимы. Напуганный Михаилъ Глинскій уже и не думалъ о борьбѣ, онъ хотѣлъ было даже бѣжать въ Литву.

Царь былъ, конечно, сильно потрясенъ всѣми этими событіями: предъ нимъ стояла грозная толпа народа, въ которомъ была вся его сила и опора, которымъ по волѣ Божіей онъ былъ призванъ править, и эта толпа совершила дикую расправу съ его дядей; онъ, государь, своими ушами слышалъ грозные крики разъяренной черни, которая требовала отъ него,—отъ своего владыки, выдачи остальныхъ родичей! Было надъ чѣмъ задуматься!... Не кара ли это небесная за тяжкіе грѣхи?... Не внушеніе ли это свыше ему,—царю, забывшему о своемъ царствѣ? Такія потрясающія событія не проходятъ даромъ въ жизни человѣка... Иванъ словно очнулся. Совѣсть заговорила въ немъ.

Въ это время подлѣ юнаго царя является Сильвестръ, священникъ Благовѣщенскаго собора. Это былъ человѣкъ умный, благомыслящій, проникнутый суровымъ благочестіемъ, твердый нравомъ. Явился онъ къ царю, быть можетъ, въ такую минуту, когда тяжелое раздумье давило впечатлительную душу Ивана. Сильвестръ говорилъ ему о несчастномъ положеніи Московской земли, указывалъ, что причина бѣдствій—нерадѣніе и пороки царя; что кара Божія виситъ надъ нимъ; началъ строго уличать его Священнымъ писаніемъ и заклинать страшнымъ Божіимъ именемъ, разсказывалъ ему о чудесахъ и знаменіяхъ. Видно, краснорѣчиво говорилъ суровый обличитель: Иванъ самъ признавался потомъ, что рѣчь Сильвестра сильно подѣйствовала на него. (Есть мнѣніе, что не рѣчь, а посланіе Сильвестра произвело сильное впечатлѣніе на царя; но такъ было дѣло или иначе, сущность его отъ этого не измѣняется). Царь раскаялся, рѣшился исправиться и отдаться всей душой своимъ высокимъ обязанностямъ. Нуждался онъ въ твердой опорѣ и совѣтѣ,—и Сильвестръ сталъ главнымъ его совѣтникомъ.

Сдружился царь въ это время и съ Алексѣемъ Адашевымъ, случайно попавшимъ въ число молодыхъ людей, которыхъ набиралъ къ себѣ Иванъ для своихъ забавъ. Адашевъ былъ очень умный и высокочестный человѣкъ. Онъ и Сильвестръ мало-по-малу собираютъ вокругъ Ивана лучшихъ и спо-

Царь Иванъ IV и Сильвестръ.

собнѣйшихъ, людей того времени. Были въ числѣ ихъ знатные бояре: князья Воротынскій, Одоевскій, Курлятовъ, Андрей Курбскій, Серебряный, Горбатый-Шуйскій, Шереметевъ и другіе. Адашевъ и Сильвестръ возвышали и незнатныхъ людей, но честныхъ и способныхъ, и давали имъ важныя должности.

И вотъ эти лучшіе люди стали заправлять государствомъ. Иванъ Васильевичъ безъ совѣщанія съ этой „избранной радой“ (думой) ничего не дѣлалъ.

Задумалъ юный царь, вѣроятно, по внушенію своихъ добрыхъ совѣтниковъ, дѣло еще небывалое въ Москвѣ,—велѣлъ собрать къ себѣ со всей земли избранныхъ людей, для того, чтобы этотъ „земскій соборъ“ обсудилъ разныя дѣла.

Когда всѣ излюбленные люди собрались, царь въ одинъ воскресный день, послѣ обѣдни, вышелъ изъ Кремля съ духовенствомъ, боярами и дружиною на Лобное мѣсто. Отслужили здѣсь молебенъ. Тогда царь обратился къ митрополиту съ такою рѣчью:

— „Молю тебя, святый владыка, будь мой пособникъ и наставникъ. Знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Вѣдаешь самъ, что я послѣ отца моего остался четырехъ лѣтъ, а послѣ матери—восьми; родственники обо мнѣ не заботились; сильные бояре и вельможи не радѣли обо мнѣ, властвовали, какъ хотѣли, и сами себѣ саны и почести давали именемъ моимъ. Много корысти, хищеній и обидъ творили; я же по моей молодости и безпомощности, словно глухой, не слышалъ, какъ нѣмой, не имѣлъ слова обличенія противъ нихъ. О нечестивые лихоимцы и хищники, и судьи неправедные! Какой отвѣтъ теперь дадите намъ за то, что много изъ-за васъ пролито слезъ и крови? Я чистъ отъ сей крови; вы же ждите воздаянія за нее“...

Затѣмъ, поклонившись на всѣ стороны, царь обратился къ народу:

— „Люди Божіи, дарованные намъ Богомъ, молю васъ ради Бога и любви къ намъ!.. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства, лихоимства и сребролюбія. Молю васъ, отпустите другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ. Въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, на сколько можно, судья и оборона; буду неправду уничтожать и похищенное возвращать.“

Такъ каялся царь и такія обѣщанія давалъ народу.

Въ этотъ же день онъ пожаловалъ Адашева въ окольничьи и сказалъ ему при этомъ:

„Алексѣй! взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и взыскалъ тебя выше мѣры для помощи душѣ моей... Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и знатныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ. Не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на бо-

гатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ, но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь суда Божія. Избери судей праведныхъ отъ бояръ и вельможъ."

Съ этого времени стали заботиться о правосудіи и законности, и народу стало гораздо легче, чѣмъ прежде.

Судъ и управленіе.

Возстановить судъ и правду, умиротворить народъ, потерявшій терпѣніе отъ безсудія, неправды и всяческихъ насилій во время злосчатнаго правленія бояръ,—вотъ что стало первою заботою совѣтниковъ юнаго царя.

Должностныя лица, запятнавшія себя лихоимствомъ и насиліемъ, были лишены своихъ мѣстъ; ихъ замѣнили лучшіе люди, „судьи правдивые". Законы Іоанна III снова были пересмотрѣны и дополнены, и въ 1550 году явился новый болѣе подробный Судебникъ; притомъ были изданы „Уставныя грамоты", дополнявшія его.

Судъ былъ попрежнему намѣстничій, боярскій и царскій. Церковныя дѣла подлежали суду святительскому.

Уже Іоаннъ III строго запрещалъ судьямъ брать посулы и лихву съ подсудимыхъ и творить неправды и насилія. Но, видно, зло было все еще слишкомъ сильно и давало себя чувствовать: въ новомъ Судебникѣ уже постановлены строгія наказанія за неправый судъ и посулы. „Если окажется, говорится здѣсь, что бояринъ и дьякъ взяли посули и обвинили не по суду, то на нихъ доправить весь искъ и всѣ судебныя пошлины втрое и сверхъ того пеню, какую самъ государь назначитъ. Если дьякъ, взявши посулъ, запишетъ дѣло не такъ, какъ было на судѣ, то на немъ доправить половину противъ боярина, и сверхъ того посадить въ тюрьму. Если подьячій безъ судьи и безъ дьяка что-либо запишетъ не такъ, какъ нужно по суду, то подвергается за это торговой казни—битью кнутомъ."

Чтобы избавить народъ отъ насилій и неправдъ должностныхъ лицъ, рѣшено было дать городскимъ и сельскимъ общинамъ прежнее право выбирать изъ своей среды довѣренныхъ лицъ, „излюбленныхъ людей", земскихъ старостъ и цѣловальниковъ (присяжныхъ), которые должны были всегда присутствовать при судахъ намѣстниковъ и волостелей и блюсти справедливость. При нихъ обыкновенно былъ свой дьякъ, который записывалъ все производство дѣла, а они скрѣпляли списокъ своей печатью. Выборные люди не только были при судѣ, но участвовали и въ другихъ дѣлахъ общины. Опись имущества, раскладка податей, сборъ ихъ производились при участіи „излюбленныхъ" земскихъ людей. Хозяйственныя дѣла общинъ, наблюденіе за порядкомъ и тишиною (т.-е. полицейскій надзоръ), предупрежденіе преступленій, поимка воровъ и разбойниковъ,—все это лежало на обязанности „выборныхъ людей": земскихъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ.

Важныя судебныя дѣла (уголовныя) были въ рукахъ губныхъ ста-

ростъ. Ихъ избирали изъ дѣтей боярскихъ цѣлымъ уѣздомъ. Уѣздомъ назывался городъ съ волостями, а волость составляли нѣсколько земледѣльческихъ сёлъ съ ихъ землями. Въ городахъ и волостяхъ попрежнему были государевы намѣстники и волостели, которые по старинѣ „кормились“ на счетъ мѣстнаго населенія; но при выборныхъ людяхъ творить злоупотребленія имъ было трудно; они могли судить безъ земскихъ старостъ только служилыхъ государевыхъ людей. Городъ или волость могли даже и совсѣмъ не зависѣть отъ государевыхъ намѣстниковъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, стоило лишь вносить въ казну столько денегъ, сколько ихъ шло на содержаніе намѣстника и волостеля.

Такимъ образомъ юный царь и его совѣтники думали совершить великое дѣло: на ряду съ государственнымъ управленіемъ, создать еще земское самоуправленіе; при такомъ строѣ сами общины вѣдались бы со своими дѣлами, управлялись бы своими выборными властями подъ высшимъ наблюденіемъ государевыхъ чиновниковъ. Казалось, что при этомъ дѣло управленія должно было бы улучшиться: выборныя лица, земскіе люди лучше знали мѣстныя нужды, лучше могли соблюсти выгоды своей волости, чѣмъ заѣзжіе московскіе намѣстники, а правительство избавлялось отъ множества мелкихъ дѣлъ и безпрестанныхъ жалобъ на несправедливость чиновниковъ. Но бѣда была въ томъ, что во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ уже давно уничтожено было самоуправленіе, жители отвыкли совсѣмъ отъ него, такъ что имъ, привыкшимъ заботиться только о своихъ личныхъ дѣлахъ, было въ тягость хлопотать объ общихъ выгодахъ. Трудно при этомъ было и выбрать такихъ старостъ и цѣловальниковъ, которые радѣли бы объ общей пользѣ.

Установлено было строже, чѣмъ прежде, отбываніе воинской повинности. Кромѣ духовныхъ лицъ, всѣ прочіе дѣлились на два разряда: служилыхъ людей и неслужилыхъ. Къ послѣднимъ относились купцы, посадскіе (мѣщане) и волостные крестьяне. Служилые люди дѣлились на высшихъ и низшихъ; первые (бояре, окольничьи, дьяки и дѣти боярскія) занимали видныя мѣста и должности, владѣли землею и пр.; низшіе являлись простыми ратниками.

Теперь установлено было, чтобы каждый помѣщикъ приводилъ по требованію извѣстное число ратниковъ, смотря по количеству населенной земли въ его помѣстьѣ (обыкновенно съ 100 четвертей — одинъ конный воинъ); при этомъ опредѣлялось, какъ должны быть вооружены ратники.

Каждый прибывшій на службу помѣщикъ долженъ былъ явиться къ воеводѣ своего города на смотръ; воевода отмѣчалъ въ спискѣ, кто и какъ приходилъ на службу. Тѣхъ, которые являлись въ исправности „конны, людны и оружны“, записывали въ высшій разрядъ; имъ выдавались отъ царя награды,—прибавка помѣстій; у неисправныхъ уменьшали земли. „Нѣти“, т.-е. вовсе не явившіеся на службу, наказывались еще строже, если не было уважительныхъ причинъ неявки. Для завѣдыванія службою помѣщиковъ учрежденъ Разрядъ или Разрядный приказъ т.-е. присутственное мѣсто, гдѣ вели дѣло обыкновенно бояринъ и дьякъ съ подьячими, которымъ царь приказывалъ вѣдать то дѣло.—Каждый помѣщикъ, достигнувъ совершеннолѣтія,

являлся или къ воеводѣ своего города записаться въ служилый списокъ, или отправлялся въ Москву, въ Разрядный приказъ, при этомъ объявлялъ, съ чего онъ будетъ служить, т.-е. владѣетъ ли онъ вотчинами о помѣстьями или нуждается въ новомъ надѣлѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, ему давалось помѣстье, и онъ назывался—новикъ.

Именитые и богатые бояре, приводя на войну большіе отряды, назначались обыкновенно начальниками на главныя мѣста. Мало-по-малу вошло въ обычай считаться мѣстами: знатный по происхожденію находилъ для себя унизительнымъ подчиняться менѣе знатному. Какъ прежде удѣльные князья спорили объ удѣлахъ, ссылаясь на свое старшинство въ родѣ, такъ теперь спорили ихъ потомки—бояре о начальственныхъ мѣстахъ въ войскѣ. Этотъ обычай, конечно, нерѣдко сильно вредилъ дѣлу. Царь хотѣлъ уничтожить мѣстничество. По его указу только начальники полковъ могли „мѣстничаться“ между собой, остальные же, недослужившіеся еще до начальственныхъ должностей, должны были служить „безъ мѣстъ“. Мѣстничество начинало уже сказываться и въ другихъ случаяхъ,—въ управленіи городовъ, въ придворной жизни и причиняло много вреда и хлопотъ.

Стоглавъ.

Церковныя дѣла, въ которыхъ было много „нестроенія и смуты“, также обратили на себя вниманіе царя и „добрыхъ“ его совѣтниковъ. Въ 1551 году, 27-го февраля, по царскому приказу, въ Кремлевскій дворецъ собралось множество духовныхъ лицъ: митрополитъ, девять архіепископовъ, архимандриты, игумены и др.; тутъ же были и высшіе мірскіе сановники.

Царь обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

„Преосвященный Макарій, митрополитъ всея Руси, и архіепископы и епископы, и весь освященный соборъ... Попросивши у Бога помощи вмѣстѣ съ нами, поспособствуйте мнѣ, поразсудите и утвердите по правиламъ святыхъ отцовъ и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи въ нашемъ царствѣ творилось по Божьему велѣнію. О старыхъ обычаяхъ, которые послѣ отца моего поисшатались, о преданіяхъ и законахъ нарушенныхъ, о пренебреженныхъ заповѣдяхъ Божіихъ, о земскомъ устройствѣ, о заблужденіи душъ нашихъ,—обо всемъ этомъ подумайте, побесѣдуйте, и насъ извѣстите“...

Затѣмъ царь указалъ цѣлый рядъ вопросовъ, о которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало подумать собору. Эти указанія царя очень любопытны, такъ какъ по нимъ ясно можно представить положеніе русской церкви и народной нравственности въ половинѣ XVI ст.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ указаній.

„По церквамъ звонятъ, поютъ и совершаютъ службу не по уставу.—Священники „чинятъ продажу великую“ священными вещами (антиминсами).—Божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ и не исправляютъ.—Ученики учатся грамотѣ небрежно.—Въ монастыряхъ нѣкоторые

постригаются не для душевнаго спасенія, а ради покоя тѣлеснаго, бражничаютъ, не по-монашески живутъ.—Просвирни надъ просфорами наговариваютъ (волхвуютъ).—Въ церквахъ люди нерѣдко стоятъ непристойно: въ тафьяхъ и шапкахъ, съ палками, разговариваютъ громко, говорятъ иногда непристойныя въ церкви рѣчи, ссорятся, а попы и дьяконы поютъ безчинно, причетники часто пьяны. Случается, что попы и дьяконы служатъ въ церкви въ нетрезвомъ видѣ.—Христіане приносятъ на великъ день пасху, сыры, яйца, рыбу печеную, а въ иные дни колачи, пироги, блины, короваи и всякіе овощи,—все это вносится въ Москвѣ не только въ церковь, но даже въ алтарь.— Слабость и нерадѣніе у иныхъ православныхъ дошли до того, что люди въ тридцать лѣтъ и старше бреютъ головы и бороды себѣ, платье и одежду иновѣрныхъ земель носятъ, такъ что трудно и признать христіанина.—Иные крестное знаменіе не по существу кладутъ на себя, лживо клянутся именемъ Божіимъ, лаются безъ зазору (безъ стыда) всякими неподобными рѣчами; даже у иновѣрцевъ не творится такого безчинства. Какъ Богъ терпитъ наше безстрашіе?“

Изъ этихъ указаній видно, что древнее благочестіе, которымъ были сильны русскіе, начинало колебаться отъ грубости нравовъ; что даже духовныя лица невсегда соблюдали церковное благочестіе, и грубыя языческія суевѣрія (волхвованіе на просфорахъ) начали закрадываться въ церковную жизнь. Наконецъ, изъ словъ царя видно, что въ самой общественной жизни было много грубости и безчинства, противнаго христіанскому духу.

Соборъ, обсудивъ предложенные царемъ вопросы, порѣшилъ принять мѣры противъ указанныхъ золъ и недостатковъ. Рѣшено было, чтобы священники изъ среды своей избирали протоіереевъ въ церковные старосты—пастырей „искусныхъ, добрыхъ и житіемъ непорочныхъ“. Старосты съ ихъ помощниками, десятскими, должны были наблюдать, чтобы въ церквахъ все (звонъ, богослуженіе и всякія требы) совершалось благочинно, и чтобы всѣ священники творили свое дѣло благообразно, какъ слѣдуетъ по уставу. Избранные старосты должны являться для испытанія и поученія къ митрополиту. Въ соборныхъ храмахъ должны храниться божественныя правила, съ которыми они обязаны постоянно справляться.

Если найдутъ священныя книги въ какой-либо церкви неисправныя, съ ошибками, то пусть протопопы и старѣйшіе священники соборнѣ (сообща) исправятъ ихъ, руководясь хорошимъ переводомъ, и писцамъ, списывающимъ книги, пусть велятъ списывать съ добрыхъ переводовъ и повѣрять. Иконы писать иконописцамъ постановлено только съ древнихъ образовъ, какъ греческіе живописцы писали, а „отъ своего замышленія“ ничего не измѣнять.

Обученіе дѣтей грамотѣ возложено на обязанность священниковъ. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ въ домахъ благочестивыхъ и искусныхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ постановлено учредить училища, куда бы посылать всѣмъ православнымъ христіанамъ своихъ дѣтей для ученія грамотѣ, церковному чтенію и письму. Наставники должны были внушать ученикамъ страхъ Божій и наблюдать за ихъ нравственностью.

О жизни священниковъ постановлено, что они должны показывать примѣръ всякихъ добродѣтелей, благочестія, трезвости. На пирахъ и во всякихъ

мірскихъ сборищахъ священникамъ должно духовно бесѣдовать и божественнымъ писаніемъ поучать на всякія добродѣтели; а праздныхъ словъ, кощунства и смѣхотворенія отнюдь бы и сами не дѣлали, и дѣтямъ своимъ духовнымъ запрещали... Для того, чтобы сдерживать народъ отъ бозчинства, рѣшено по торгамъ кликать, чтобы православные христіане отъ мала до велика не клялись ложно именемъ Божіимъ, непристойными словами не бранились, бороды не брили, усовъ не подстригали, такъ какъ обычай дѣлать это не христіанскій, но латинскій и еретическій.

Постановилъ соборъ также настоятелямъ и игуменамъ строго наблюдать, чтобы „церковный чинъ (порядокъ) и монастырское строеніе“ ни въ чемъ не нарушались бы. Все должно сообразоваться съ божественнымъ уставомъ, съ правилами св. отцовъ и апостоловъ. Иноки должны остерегаться всякаго грѣха и предосудительнаго дѣла, остерегаться хмельного, не должны держать по кельямъ ни водки, ни пива, ни меду, а пить квасъ и другіе нехмельные напитки; фряжскія (иноземныя) вина не запрещаются, такъ какъ нигдѣ не писано, что нельзя ихъ пить. Гдѣ есть въ монастырѣ эти вина, то иноки „пусть пьютъ во славу Божію, а не ради пьянства“. Пища у игуменовъ должна быть общая съ братіею.

Кромѣ этихъ вопросовъ, на соборѣ обращено было вниманіе на другія безчинства и суевѣрія. Заявлено было, что на свадьбахъ играютъ скоморохи, и когда въ церкви вѣнчаться ѣдутъ, священникъ съ крестомъ ѣдетъ, а предъ нимъ скоморохи съ играми бѣсовскими рыщутъ. Эти скоморохи, собравшись большими ватагами, ходятъ по деревнямъ, творятъ всякія насилія, грабятъ имущество крестьянъ, даже разбоемъ занимаются по дорогамъ. Дѣти боярскія и люди боярскіе и всякіе бражники (гуляки) зернью играютъ, пьянствуютъ, ни службы не служатъ, ни промышляютъ, и много зла творятъ, иногда даже грабятъ и разбойничаютъ. По селамъ и деревнямъ ходятъ лживые пророки и пророчицы, мужики и бабы; иногда обнаженныя, распустивъ волосы, трясутся и убиваются и говорятъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія, заповѣдаютъ въ среду и пятницу ручного дѣла не дѣлать, женщинамъ не прясть, не мыть и пр. Вооружается соборъ и противъ языческихъ гаданій и суевѣрій, перечисляетъ суевѣрныя гадательныя книги (Рафли, Шестокрылъ, Вороногрій и др.), нападаетъ на языческія игрища наканунѣ Иванова дня, Рождества, Крещенія и пр.

Но при всемъ добромъ желаніи духовныхъ лицъ, собравшихся на соборѣ, они были не въ силахъ устранить указанныя безчинства и суевѣрія. Да и что могъ сдѣлать соборъ? Постановлялъ онъ, напр., заводить училища въ домахъ священниковъ, а между тѣмъ тутъ же на соборѣ объяснилось, почему приходится ставить въ попы и дьяконы лицъ, которыя „грамотѣ мало умѣютъ“: не поставить ихъ—святыя церкви будутъ безъ богослуженія, православные будутъ умирать безъ покаянія; а когда святители этихъ ставленниковъ спрашиваютъ, почему они мало умѣютъ грамотѣ, они отвѣчаютъ: „мы-де учимся у своихъ отцовъ, или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учиться негдѣ“. Кому же было учить, когда не только ученыхъ священниковъ, но даже знавшихъ порядочно грамоту было очень мало? Кому было править неисправныя церковныя книги, находить „добрые“ переводы, съ которыхъ дѣлать списки? Малограмотные

священники, при всемъ ихъ добромъ желаніи, могли скорѣе портить, чѣмъ исправлять книги. Откуда было выбирать такихъ церковныхъ старостъ, которые дѣйствительно могли бы блюсти во всей чистотѣ Христово ученіе и православіе, наставлять другихъ священниковъ, когда, по справедливому выраженію Максима Грека, тогдашніе русскіе грамотники „по чернилу только бродили, силы же писаннаго не разумѣли“? Сильный упадокъ просвѣщенія—даже и въ средѣ духовенства—вотъ самая главная причина тѣхъ неурядицъ, которыя занимали духовенство на соборѣ. Но оно видѣло главную причину, подобно царю, только въ томъ, что „прежніе обычаи поисшатались и прежніе законы порушены“, и думало строгими предписаніями и запрещеніями помочь бѣдѣ. Не понимали тогда и лучшіе люди, что духъ вѣры и благочестія подавлялся невѣжествомъ и мертвою обрядностью. Сами святители обряду и внѣшности придавали слишкомъ большое значеніе: на ряду съ тяжкими грѣхами ставятъ они иноземную одежду и бритье бороды!... Да если бы и признано было на соборѣ, что главное зло, съ которымъ надо бороться,—это—общее и крайнее невѣжество, то и тогда они не въ силахъ были бы скоро помочь бѣдѣ: невѣжество—болѣзнь, отъ которой общество исцѣляется только вѣками.

Домострой.

Изъ постановленій Стоглаваго собора видно плачевное состояіе церкви и народной нравственности. Другое произведеніе, составленное около этого же времени, показываетъ, какую жизнь лучшіе люди того времени считали образцовою. Извѣстный Сильвестръ въ поученіи своему сыну собралъ въ одну книгу, подъ названіемъ „Домострой“, правила и наставленія, которымъ предлагаетъ слѣдовать всякому желающему жить праведной жизнью. Правила эти онъ заимствовалъ изъ разныхъ книгъ, поучительныхъ сочиненій отцовъ церкви, прибавилъ и свои замѣчанія и наставленія сыну. „Домострой“ долгое время былъ въ большомъ почетѣ у нашихъ предковъ: тутъ заключались всѣ тѣ мысли, до какихъ только могли додуматься лучшіе русскіе люди XVI-го вѣка; тутъ указывалось до мельчайшихъ подробностей, какъ долженъ человѣкъ поступать по отношенію къ Богу, къ царю, къ людямъ, къ домочадцамъ, какъ долженъ вести свое хозяйство. Самъ Сильвестръ высоко цѣнилъ правила „Домостроя“; въ первой главѣ онъ говоритъ сыну и женѣ его, между прочимъ: „Даю писаніе на память и вразумленіе вамъ и чадамъ вашимъ. Если наказанія (наставленія) нашего не послушаете и не станете слѣдовать ему, и будете творить не такъ, какъ писано, то дадите за себя отвѣтъ въ день страшнаго суда, а я вашему грѣху не причастенъ“.

Указавъ, во что долженъ вѣрить всякій христіанинъ (въ Св. Троицу, Пречистую Богородицу, воскресеніе мертвыхъ и пр.), Сильвестръ тутъ же на ряду съ этими основами христіанской вѣры даетъ наставленія, какъ прикладываться къ образамъ, какъ ѣсть просфору, какъ христосоваться и пр.

„Прикладываться ко кресту или къ образу слѣдуетъ помолившись, перекрестяся, духъ въ себѣ удержавъ, а губами не плюскать... А просфору и все

освященное вкушать бережно съ вѣрою и со страхомъ, крохи на полъ не уронити, а зубами не откусывать, какъ прочіе хлѣбы, а уламывая кусочками класть въ ротъ, а ѣсть зубами... Если съ кѣмъ о Христѣ цѣлованіе сотворить, такъ же—духъ въ себѣ удержавъ, поцѣловаться, а губами не плюскать"...

Видно, предки наши нуждались въ указаніяхъ, какъ обращаться со святыней, если Сильвестръ доходитъ въ своихъ наставленіяхъ до такихъ подробностей. Совѣтуетъ онъ также почаще обращаться за указаніями къ отцу духовному:

„Подобаетъ чтить и повиноваться ему во всемъ и каяться предъ нимъ со слезами, и исповѣдать ему свои грѣхи и заповѣди его хранить и епитиміи исправлять. А призывать его къ себѣ въ домъ часто и къ нему приходить и извѣщаться ему всегда по совѣсти, и наставленіе его съ любовью принимать и слушаться его во всемъ и чтить его, бить челомъ ему низко, совѣтоваться съ нимъ часто о житейскихъ дѣлахъ, какъ учить и любить мужу жену свою, и чадъ, и рабъ, и т. д."

Кто не живетъ благочестиво, того, по вѣрованію предковъ нашихъ, постигало Божье наказаніе, между прочимъ, разныя несчастія и болѣзни. „Домострой" совѣтуетъ врачеваться отъ болѣзни молитвою и милостынею:

„Если Богъ пошлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, то врачеваться Божіею милостью, да слезами и молитвою, и постомъ, и милостынею къ нищимъ да истиннымъ покаяніемъ... Если кого чѣмъ обидѣлъ,—отдать вдвое и впредь не обидѣть, да отцовъ духовныхъ, священниковъ и монаховъ просить помолиться, и молебны пѣть, и воду святить честнымъ животворящимъ крестомъ, и масломъ святиться, да по святымъ мѣстамъ обѣщаться"...

Такъ обыкновенно и поступали наши предки, но иногда прибѣгали совсѣмъ къ другимъ средствамъ, которыя сильно порицаются въ „Домостроѣ":

„Видя Божіе наказаніе на себѣ и болѣзни тяжкія за премногіе грѣхи наши и оставя Бога, создавшаго насъ, и милости, и прощенія грѣховъ не требуя отъ Него, призываемъ къ себѣ чародѣевъ и кудесниковъ да волхвовъ, да зелейниковъ съ кореньями. Отъ нихъ чаемъ себѣ помощи временныя и готовимъ себя дьяволу вовѣки мучиться. О безумные! Не разсуждаемъ о своихъ грѣхахъ, за что Богъ насъ наказываетъ, не каемся, въ нихъ, не оставляемъ всякихъ неподобныхъ дѣлъ, но желаемъ тлѣннаго и временнаго"...

Къ числу грѣховъ, за которые постигаетъ людей Божье наказаніе, относятся въ „Домостроѣ", между прочимъ, и слѣдующіе: пѣсни бѣсовскія (языческія), плясаніе, скаканіе, гудѣніе (музыка), трубы, бубны, сопѣли (родъ флейты).

Понятно, почему вооружается противъ этого Сильвестръ: народныя игрища и пѣсни заключали въ себѣ много языческаго, да притомъ, по грубости нравовъ, ко всякому празднеству и веселію примѣшивалось много непристойнаго.

Возстаетъ „Домострой" и противъ травли звѣрей, противъ псовыхъ и птичьихъ охотъ, противъ гаданій и волхвованій, которыя были въ тѣ времена въ большомъ ходу.

Даже смѣхъ—и тотъ подвергался осужденію суроваго наставника: въ тѣ времена истинно благочестивою жизнью считалась жизнь иноческая, и

все, что признавалось грѣховнымъ въ монастырѣ, осуждалось и въ мірской жизни. Уподобить свое домашнее житье монастырскому, на сколько можно болѣе—составляло верхъ желанія благочестивыхъ людей. Въ зажиточныхъ домахъ отдѣльная „храмина“, уставленная образами, служила главнымъ мѣстомъ, куда собиралась семья и домочадцы для молитвы, а у богатыхъ бояръ были даже свои домовыя церкви.

Вотъ что говорится въ „Домостроѣ“ о томъ, какъ украсить свой домъ святыми образами:

„Въ дому своемъ всякому христіанину во всякой храминѣ святые и честные образа ставить на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно мѣсто со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильниками, на которыхъ зажигаются свѣчи передъ образами; послѣ молитвы и пѣнія погашаются и завѣсой закрываются отъ нечистоты и пыли. Всегда чистымъ крылышкомъ или мягкою губкою вытирать ихъ... На славословіи Божіи и на святомъ пѣніи, и на молитвѣ свѣчи зажигать и кадить благовоннымъ ладаномъ... Предъ иконами въ „храминѣ“, совѣтуетъ „Домострой“, ежедневно мужу съ женою, съ дѣтьми и домочадцами, кто грамотѣ умѣетъ, отпѣть вечерню, повечерницу, полунощницу, а утромъ—заутреню и часы, а въ праздничные дни и молебенъ. Но домашней молитвой нельзя ограничиться; „Домострой“ совѣтуетъ какъ можно чаще ходить въ церковь и приносить съ собою по возможности свѣчи, ладанъ, просфоры и прочія вещи, нужныя для богослуженія. Подробно говорится и о томъ, какъ надо стоять въ церкви: „Въ церкви стоять со страхомъ и съ молчаніемъ молиться... при богослуженіи ни съ кѣмъ не бесѣдовать, со вниманіемъ слушать божественное пѣніе и чтеніе, не озираться, ни на стѣну не преклоняться, ни къ столпу; ни съ посохомъ не стоять, ни съ ноги на ногу не переступать“.

Далѣе подробно указывается, о комъ и о чемъ слѣдуетъ молиться, какъ творить крестное знаменіе, какъ складывать при этомъ персты, при чемъ молящійся долженъ имѣть „моленіе въ устахъ, въ сердцѣ умиленіе и сокрушеніе о грѣхахъ, изъ очей испускать слезы, а изъ души воздыханіе“.

„Домострой“ указываетъ и на важнѣйшія христіанскія обязанности: милосердіе и милостыню.

„Больныхъ и заключенныхъ посѣщай, милостыню по мѣрѣ возможности раздавай; всякаго скорбнаго, и нищаго, и нуждающаго не презри, а введи въ домъ свой, напой, накорми, согрѣй, одѣнь. Молитвами ихъ очистишь душу свою отъ грѣховъ и Бога умилостивишь. Родителей своихъ умершихъ поминай“...

Изъ всѣхъ указанныхъ наставленій мы видимъ, какъ высоко цѣнились набожность и благочестіе, и какъ много вниманія въ то же время обращалось на внѣшнюю сторону.

Къ высшимъ, священнымъ обязанностямъ человѣка относится и уваженіе къ царской власти.

„Царя бойся, говоритъ „Домострой“,—и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли, отнюдь не криви передъ нимъ душою, но покорно всегда истину отвѣчай ему, такъ научишься и Небеснаго Царя бояться... Также и князьямъ покоряйся и должную честь воздавай имъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: всѣ власти отъ Бога; кто власти противится, тотъ Божію повелѣнію

противится. А царю и князю, и всякому вельможѣ не тщися служить ложью, клеветою и лукавствомъ. Погубитъ Богъ всѣхъ говорящихъ ложь. Старѣйшимъ тебя честь воздавай; среднихъ какъ братью почитай, маломощныхъ и скорбныхъ съ любовью привѣтствуй, юнѣйшихъ какъ дѣтей люби и всякому созданію Божію не лихъ будь. Славы земной ни въ чемъ не желай, вѣчныхъ благъ проси у Бога, всякую скорбь и притѣсненіе терпи, за обиды не мсти, зла за зло не воздавай"...

Умѣнье всѣмъ угодить, со всѣми ужиться, высоко цѣнится Сильвестромъ: „со всѣми должно вести себя, говорится въ „Домостроѣ", такъ, чтобы не только не возбудить ни въ комъ вражды къ себѣ, не нажить себѣ какихъ-либо непріятностей, но заслужить у всѣхъ расположеніе и доброе мнѣніе о себѣ". Ради этого „Домострой" позволяетъ даже кривить душой. „Если людямъ твоимъ, говорится здѣсь, случится съ кѣмъ-либо поссориться, то ты брани своихъ, хотя бы они были и правы,— этимъ и ссору прекратишь и вражды не будетъ". За столомъ въ гостяхъ „Домострой" предписываетъ хвалить всѣ кушанья, хотя бы они были дурны: „не подобаетъ говорить: гнило или кисло, или прѣсно, или солоно, или горько, но слѣдуетъ всякое кушанье хвалить и съ благодарностью вкушать". Особенно совѣтуется гостепріимство и хлѣбосольство: ласково принять гостя, хорошо угостить его — считалось самою священною обязанностью. Во время пировъ „Домострой" совѣтуетъ особенно бережно обращаться съ гостями: надо было не только всячески ублажать ихъ и угощать, но и заботиться, чтобы они вслѣдствіе обильнаго угощенія не потерпѣли бы какого ущерба. Для этого „Домострой" совѣтуетъ всякому хозяину, устраивающему пиръ, назначать на это время особаго б е р е ж н а г о человѣка (который не долженъ былъ пить); онъ обязанъ былъ оберегать пьянаго гостя, чтобы тотъ не потерпѣлъ бы чего, не избился, не побранился съ кѣмъ-либо изъ другихъ гостей, не подрался и проч. Нравы нашихъ предковъ были тогда еще очень грубы, и потому пиршества для невоздержнаго человѣка часто кончались печально. Предостерегая отъ пьянства, „Домострой" говоритъ: „если упьешься допьяна и тутъ же уснешь, гдѣ пилъ, и не доглядитъ за тобой хозяинъ, у котораго на пиру не одинъ ты, а много гостей, то можешь платье на себѣ изгрязнить, шапку изорвать, и деньги изъ мошны у тебя вынутъ,—и хозяину, у котораго ты пилъ, кручина немалая, а тебѣ еще большая, а отъ людей срамота,—и скажутъ тебѣ: „Видишь ли, каковъ срамъ и ущербъ твоему имѣнію отъ большого пьянства"... „Если же ты поѣдешь съ пира, а на дворѣ уснешь, то и того хуже: возьмутъ у тебя все, что имѣешь, платье снимутъ съ тебя, и рубахи даже не оставятъ на тебѣ"...

Указываетъ „Домострой" и на правила приличія: гость не долженъ самъ садиться безъ приглашенія хозяина на почетное мѣсто, а, напротивъ, долженъ скромно сѣсть на послѣднемъ мѣстѣ и только тогда пересѣсть на лучшее, когда хозяинъ попроситъ. „За обѣдомъ—не кашлять, не плевать, не сморкаться, а если ужъ понадобится, то, отошедъ въ сторону, вычистить носъ или откашляться вѣжливо, а придется плюнуть, то сдѣлать это, отворотясь отъ людей, да ногой потереть"...

Въ семьѣ, по „Домострою“, все должно было вполнѣ подчиняться главѣ дома, хозяину. Жена, дѣти и слуги должны были „все творить по его приказанію“. Только съ разрѣшенія мужа жена могла ходить въ церковь, въ гости; во всемъ она должна была спрашивать его совѣта не только по хозяйству, но даже—о чемъ говорить съ гостями.

Чувство страха считалось главнымъ средствомъ водворить семейное благочиніе, и потому наказанія были въ большомъ ходу.

„Если жена или сынъ, или дочь не слушаетъ приказаній и наставленій, и не боится, то мужъ или отецъ долженъ учить ихъ уму-разуму и плетію постегать, по винѣ смотря, и не передъ людьми; а поучивъ, примолвить и пожаловать, и никакъ не гнѣваться другъ на друга. А про всякую вину по уху и по лицу не бить, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть... Кто съ сердца, или съ кручины такъ бьетъ, многія притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку, и ногу вывихнетъ, и главоболіе и зубная болѣзнь... а плетію съ наказаніемъ бить—и разумно, и больно, и страшно, и здорово... А только если великая вина—за ослушаніе и небреженіе, то плетію вѣжливенько бить, за руки держа, по винѣ смотря, да побивъ и примолвить, а гнѣвъ никакъ бы не былъ“...

Изъ этихъ словъ видно, какъ были въ обычаѣ грубая расправа, побои, и Сильвестръ, выхваляя плетку при наказаніи, имѣетъ въ виду устранить по крайней мѣрѣ вредныя послѣдствія побоевъ чѣмъ попало.

Въ каждомъ зажиточномъ домѣ въ Москвѣ было множество слугъ, и домашнее хозяйство было большое и сложное; хозяйкѣ тогда было чѣмъ заняться дома. „Домострой“ представляетъ намъ образецъ „порядливой хозяйки“, которая обязана служить для всѣхъ слугъ примѣромъ трудолюбія и усердія. Она не должна была допускать, чтобы ее будили слуги: напротивъ, она должна будить ихъ. Проснувшись съ разсвѣтомъ, хозяйка обязана дать всѣмъ людямъ работу и указать порядокъ на весь день; при чемъ не только смотрѣть за другими, но и сама знать, какъ всякое дѣло дѣлается, какъ указать другимъ. Она не должна была и сама сидѣть, сложа руки. „Мужъ ли придетъ, гостья ли обычная,—всегда бы надъ рукодѣліемъ сидѣла“ и съ гостями бесѣдовать ей слѣдовало „о рукодѣльѣ и домашнемъ строеніи, какъ порядокъ вести и какое рукодѣльице сдѣлать, и кто что укажетъ, на томъ низко челомъ бить“.

Бережливость и скопидомство считаются необходимыми свойствами хорошей хозяйки: „Придется дѣлать, говоритъ „Домострой“, рубахи или женскія платья, то все самой (хозяйкѣ) кроить или дать при себѣ кроить, и всякіе остатки и обрѣзки,—все было бы прибрано,—мелкое въ мѣшечкахъ, а остатки сверчены и связаны, и все было бы припрятано. Понадобится починить старое платье,—и есть куски, и не надо отыскивать матеріи на рынкѣ; а если придется по рынку искать, то устанешь, подбираючи; приберешь, то втрое заплатишь, а то и совсѣмъ не приберешь“.

Въ другомъ мѣстѣ „Домостроя“ говорится: „всякое платье верхнее и нижнее должно быть вымыто, а ветхое зашито и заплатано,—тогда и людямъ пригоже посмотрѣть, и себѣ мило и прибыльно, и сиротинѣ можно дать во спасеніе души“.

Такая же бережливость и предусмотрительность предписывается хозяйкѣ и въ другихъ хозяйственныхъ расходахъ: она должна знать, какъ муку сѣять, какъ квашню поставить, какъ тѣсто мѣсить, какъ печь хлѣбы, пироги, колачи и пр. и сколько выйдетъ чего изъ четверти, изъ осьмины и сколько высѣвокъ, должна знать „мѣру и счетъ во всемъ и беречь все: когда хлѣбы печь, тогда и платье мыть,—дровамъ неубыточно“ и пр.

Весь сложный хозяйственный обиходъ богатаго дома до мельчайшихъ подробностей указанъ Сильвестромъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ „Домостроя“ въ концѣ прибавлена даже очень обстоятельная роспись, какія кушанья въ какіе дни должно подавать. Трудны были тогда обязанности хозяйки дома, жены; зато великая похвала той, которая управится съ ними. „Если Богъ даруетъ кому жену добрую,—дороже она камня многоцѣннаго... Жена добрая, трудолюбивая и молчаливая—вѣнецъ мужу своему. Блаженъ мужъ такой жены и пр.“.

Кромѣ хозяйства, на обязанности женъ должно было бы лежать и воспитаніе дѣтей; но въ тѣ времена на него смотрѣли очень ужъ просто.

Мать вскармливала своихъ дѣтей. Затѣмъ старались внушить имъ страхъ Божій и духъ благочестія. Дочекъ мать пріучала къ разнымъ рукодѣліямъ и хозяйству. Мальчиковъ въ зажиточныхъ семьяхъ учили грамотѣ, разнымъ „промысламъ“ и „вѣжеству“, умѣнію обходиться съ людьми.

Страхъ наказанія считался главнымъ средствомъ при воспитаніи.

„Казни сына своего, говоритъ „Домострой“ отъ юности его, и онъ успокоитъ тебя на старость твою... И не ослабѣй, бія младенца. Если его жезломъ бьешь, то не умретъ, но здравѣе будетъ: бія его по тѣлу, ты душу его избавляешь отъ смерти. Если дочь имѣешь, положи и на нее свою грозу“...

Образецъ благовоспитаннаго юноши взятъ въ „Домостроѣ“ изъ поученія Василія Великаго. „Юноша долженъ имѣть душевную чистоту, походку скромную, голосъ умильный, рѣчь пристойную, при старѣйшихъ долженъ молчать, мудрѣйшихъ слушать; къ равнымъ себѣ и меньшимъ любовь имѣть нелицемѣрную, мало говорить, но много разумѣть, не избыточествовать бесѣдою, не дерзку быть на смѣхъ, стыдливостью украшаться, долу зрѣніе имѣть, горѣ же душу и пр.“.

Какъ только сынъ достигалъ совершеннолѣтія, родители старались женить его. Еще болѣе хлопотали, чтобъ выдать замужъ дочерей. Предусмотрительный Сильвестръ даетъ такой совѣтъ:

У кого родится дочь, тому слѣдуетъ съ первыхъ же дней ея жизни думать о приданомъ,—отчислять въ ея пользу часть всякаго прибытка, откладывать на долю дочери—полотна, разныя матеріи, дорогія украшенія, утварь и пр. Такъ понемногу незамѣтно, безъ особенныхъ лишеній, „себѣ не въ досаду“, и составится приданое. „Растутъ дочери и страху Божію и вѣжеству учатся, и пряданое прибываетъ; какъ замужъ сговорятъ—все и готово... А умретъ дочь по волѣ Божіей,—приданое пойдетъ на поминъ ея души“.

За слугами „Домострой“ совѣтуетъ зорко слѣдить и не довѣрять имъ, чтобъ не крали, не обманывали, но вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ заботиться о нихъ, хорошо кормить и одѣвать ихъ. Чрезъ слугъ нерѣдко возникали ссоры, и потому „Домострой“ особенно настойчиво совѣтуетъ преду-

преждать сплетни слугъ. „Слугамъ своимъ заповѣдуй о людяхъ не переговаривать, и если слуги были гдѣ и видѣли что недоброе,—того не сказывали бы дома и что дома дѣлается, того у чужихъ людей не разсказывали бы... Если придется посылать кула-нибудь сына или слугу—сказать что-либо или сдѣлать, то вороти его и выспроси, и только, когда онъ повторитъ все передъ тобою, какъ ты ему сказывалъ, тогда пошли".

Слуга, пришедъ къ дому, куда посланъ, у воротъ долженъ легонько постучать, а когда пойдетъ по двору, и станутъ его спрашивать, съ какимъ дѣломъ идетъ, то слуга не долженъ былъ говорить или могъ отвѣтить любопытному: „Не къ тебѣ посланъ, а къ кому посланъ, съ тѣмъ мнѣ и говорить".

„У сѣней слуга долженъ ноги отереть, носъ высморкать и молитву Іисусову сотворить: если аминя не отдадутъ, то въ другой разъ сотворить молитву и въ третій... Какъ впустятъ, святымъ иконамъ поклониться дважды, а третій поклонъ хозяину отдать и править то дѣло, съ какимъ посланъ"...

„Умный слуга, если гдѣ и услышитъ что-либо враждебное своему господину, скажетъ обратное, гдѣ клянутъ и лаютъ,—а онъ похвалу и благодареніе повѣдаетъ. Отъ такихъ умныхъ и вѣжливыхъ и благоразумныхъ слугъ промежъ добрыхъ людей любовь сводится, и такихъ умныхъ слугъ берегутъ и жалуютъ, какъ дѣтей своихъ, и совѣтуются съ ними обо всемъ".

Миръ и доброе согласіе между людьми, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, цѣнятся „Домостроемъ" такъ высоко, что позволяется ради добрыхъ отношеній поступиться даже правдой.

Въ заключеніе Сильвестръ уже отъ себя даетъ наставленіе сыну своему Анфиму; здѣсь вкратцѣ повторено то, что говорилось раньше въ „Домостроѣ". Подобно Владимиру Мономаху и Сильвестръ въ своемъ поученіи не только даетъ указаніе, какъ благочестиво жить, но и ссылается на свой примѣръ:

„Видѣлъ ты, чадо мое, говоритъ Сильвестръ сыну, какъ мы жили въ благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца, въ церковномъ прилежаніи, всегда со страхомъ пользуясь божественнымъ писаніемъ. Видѣлъ ты, какъ Божіею милостію отъ всѣхъ я былъ почитаемъ и всѣми любимъ, и всякому, въ чемъ надо было, уноровилъ (угодилъ): и трудомъ, и услугою, и покорностью, а не гордынею, не прекословіемъ; не осуждалъ никого, не пересмѣивалъ, не укорялъ, не бранился ни съ кѣмъ, а случалась отъ кого обида, и мы Бога ради терпѣли и на себя вину брали, и потому враги становились друзьями... Если случалось согрѣшить предъ Богомъ или предъ людьми, то скоро о грѣхѣ томъ плакался предъ Богомъ и у отца духовнаго каялся... Не пропускалъ никогда отъ юности своей и до сего времени церковной службы, развѣ только по болѣзни пропускалъ. Ни нищаго, ни странника, ни калѣки, ни больного никогда не презиралъ; изъ темницъ, изъ плѣна, изъ рабства выкупалъ и голодныхъ по силѣ кормилъ.—Своихъ рабовъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ имуществомъ, и всѣ эти рабочіе наши теперь свободны, хорошо живутъ, какъ самъ видишь, молятъ Бога за насъ и доброхотствуютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ,—пусть Богъ того проститъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ.—Видѣлъ ты, чадо мое, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ мужескаго полу и женскаго вскормилъ я и вспоилъ до совершеннаго

возраста и въ Новгородѣ, и въ Москвѣ,—научилъ по способностямъ: многихъ—грамотѣ и писать, и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ серебряному мастерству и другимъ всякимъ рукодѣліямъ (ремесламъ). А твоя мать многихъ дѣвицъ убогихъ воспитала, обучила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу и, надѣливъ приданымъ, замужъ повыдала; а мужской полъ пожениили на дочеряхъ добрыхъ людей. Всѣ они по Божіей милости своими домами живутъ; многіе въ священническомъ санѣ и въ дьяконскомъ, другіе въ дьякахъ и въ подьячихъ и въ разныхъ чинахъ, по своимъ природнымъ способностямъ, „кто чего дородился“ и въ чемъ кому Богъ благословилъ быть; иные занимаются разными ремеслами и промыслами, многіе торгуютъ и пр.“.

Благочестивъ и уменъ былъ составитель „Домостроя“. Много собралъ онъ полезныхъ правилъ и добрыхъ совѣтовъ въ своей книгѣ, какъ Богу угодить, царю служить, съ людьми уживаться и свой домъ строить, т.-е. хозяйство вести. Не одного внѣшняго благочестія и обрядности требуетъ „Домострой“, но и выполненія высшихъ христіанскихъ обязанностей,—любви къ ближнему, помощи убогимъ и сиротамъ и пр. Самъ Сильвестръ, какъ видно изъ его наставленія сыну, не только на словахъ, но и на дѣлѣ старался исполнять христіанскія обязанности: многихъ сиротъ и бѣдныхъ пріютилъ у себя, воспиталъ и пристроилъ, и рабовъ своихъ на волю отпустилъ...

Но нѣтъ въ „Домостроѣ“ ни вѣры въ умъ, ни вѣры въ нравственное достоинство человѣка. Всякій шагъ, всякое движеніе пытается Сильвестръ предусмотрѣть и дать подробное правило и мелочныя указанія, какъ поступать въ разныхъ житейскихъ дѣлахъ. Казалось, человѣку оставалось только слѣдовать во всемъ этимъ указаніямъ, и жизнь его должна была течь спокойно, невозмутимо и благочестиво,—своимъ умомъ жить человѣку не полагалось. Какое же побужденіе должно было заставлять его итти по указанному пути?—Страхъ наказанія Божія долженъ былъ побуждать его жить благочестиво, страхъ наказанія господствовалъ и въ семьѣ; на немъ были основаны и повиновеніе жены мужу и дѣтей отцу. Наказаніе съ одной стороны, награда—съ другой, т.-е. чувство страха или чувство корысти—вотъ что должно было направлять, по взгляду даже лучшихъ людей того времени, волю человѣка на путь истины и добра. Но, вѣдь, чтобы итти по этому пути, нужно безбоязненно, смѣло служить истинѣ, нужно безкорыстно любить добро, творить его, не разсчитывая ни на какія награды; примѣръ такого отношенія къ истинѣ и добру и показалъ людямъ Іисусъ Христосъ.

Но этого не понимали даже и лучшіе русскіе люди XVI вѣка.

Образцомъ праведной жизни считалась жизнь монастырская. Подобіе ея хотѣлъ, видимо, составитель „Домостроя“ водворить и среди мірянъ.

„Домострой“ съ его подробными правилами, которыми опредѣленъ каждый шагъ въ жизни, начиная съ обязанностей къ Богу и церкви и кончая мелочными замѣчаніями о хозяйственномъ обиходѣ, напоминаетъ строгій монастырскій уставъ, отъ котораго не допускаются никакія отступленія. Даже веселье, смѣхъ, игры. пѣніе и др. мірскія потѣхи и удовольствія, грѣховныя на взглядъ

монаха. „Домостроемъ“ запрещаются. Но въ то же время допускаются отступленія отъ правды для того, чтобы угодить другимъ, ужиться со всѣми въ добромъ согласіи; а излишняя угодливость и уживчивость легко вели къ тому, что человѣкъ мирился со всякимъ зломъ въ жизни, сживался съ нимъ, и на дѣлѣ выходило, что человѣкъ былъ благочестивымъ лишь по внѣшности.

Нравственная и разумная жизнь можетъ процвѣтать только въ томъ обществѣ, гдѣ господствуетъ чистое нравственное чувство, влекущее само собою человѣка къ добру и отвращающее отъ зла, и свѣтлый умъ, способный различать, что хорошо и что дурно, способный указывать и средства для борьбы со зломъ. Къ несчастію, вѣковое рабство въ тяжкую пору татарщины сильно повредило нравственному чувству русскаго человѣка,—пріучило его унижаться, лукавить и обманывать. Нищета, вѣковое отчужденіе отъ болѣе образованнаго запада, упадокъ образованія даже среди духовенства—все это мѣшало русскому уму развернуться во всей его силѣ. Понятно, почему члены Стоглаваго собора не могли ничего другого придумать, какъ возстановлять „старину“, а Сильвестръ — собрать всевозможныя старыя правила праведнаго житія. Понятно, почему ни то, ни другое помочь горю не могло.

Покореніе Казани и Астрахани.

Казань во время малолѣтства Ивана Васильевича, по словамъ современника, „допекала Руси хуже Батыева разоренія“: казанцы безпрестанно нападали на русскія земли, разоряли ихъ, жгли, грабили и убивали людей; жестокости творили страшныя: у плѣнниковъ отрѣзывали носы и уши, обрубали руки и ноги, вѣшали за рёбра на желѣзныхъ крюкахъ; русскихъ плѣнниковъ продавали восточнымъ купцамъ цѣлыми толпами словно скотъ. Послѣ смерти Сафы-Гирея, заклятаго врага Москвы, казанцы признали ханомъ малолѣтняго сына его подъ опекой матери.

Два раза уже юный царь московскій ходилъ подъ Казань; походы были неудачны; но во второй походъ была построена верстахъ въ сорока отъ нея крѣпость Свіяжскъ, откуда русскій сторожевой отрядъ всегда могъ наблюдать за казанцами. Окрестныя племена—черемисы, чуваши стали переходить въ русское подданство. Въ Казани были люди, которые понимали, что ей не подъ силу борьба съ Москвою, и лучше добровольно ей подчиниться; они добились, наконецъ, того, что ханомъ у нихъ сталъ снова подручникъ московскаго царя—Шигъ-Алей, но онъ недолго усидѣлъ здѣсь. Казанцы налѣялись, что крѣпость Свіяжскъ будетъ очищена, и чтобы ублажить московскаго царя, выпустили до 60-ти тысячъ плѣнныхъ. Но русскіе и не думали покидать Свіяжска: надежды казанцевъ, что Шигъ-Алей устроитъ это дѣло,—не оправдались; враговъ у него и прежде было немало; теперь же вражда усилилась; составился даже заговоръ противъ него... Онъ во-время провѣдалъ объ этомъ, зазвалъ къ себѣ на пиръ заговорщиковъ и велѣлъ ихъ здѣсь перебить. 70 человѣкъ было убито, но нѣкоторымъ удалось спастись. Кровавая расправа Шигъ-Алея безъ всякаго суда и разбора еще пуще разожгла ненависть къ нему; оставаться ему въ Казани

становилось опасно. Чтобы какъ-нибудь сбыть съ рукъ ненавистнаго хана, казанцы,—сторонники Москвы, изъявили готовность совсѣмъ подчиниться московскому царю и просили его вывести отъ нихъ Шигъ-Алея и прислать своего намѣстника. Намѣстникомъ посланъ былъ къ нимъ князь Семенъ Микулинскій; но противники Москвы успѣли взволновать въ Казани народъ, распуская слухи, будто русскіе хотятъ перебить ихъ всѣхъ: казанцы не впустили Микулинскаго въ городъ, а призвали къ себѣ одного изъ ногайскихъ хановъ — Едигера.

Тогда царь рѣшился покончить съ Казанью. Начались большіе военные сборы. Въ половинѣ іюня царь простился съ женою, принялъ благословеніе у митрополита и отправился въ Коломну, гдѣ должна была собраться рать. На пути пришла къ нему тревожная вѣсть, что Крымская орда идетъ на русскую украину. Крымцы попытались взять Тулу, но когда встрѣтили здѣсь сильный отпоръ, и провѣдали, что неподалеку собрана большая военная сила, то поспѣшили уйти. Русскимъ воеводамъ, посланнымъ на выручку Тулы, все-таки удалось истребить большой отрядъ татаръ, не успѣвшій во-время отступить.

Все русское войско, собранное для казанскаго похода, было раздѣлено на двѣ части: одна съ царемъ во главѣ двинулась на Казань чрезъ Владиміръ, а другая пошла южнѣе на Рязань, ближе къ степямъ, чтобы ногаи или другіе степняки внезапнымъ нападеніемъ не помѣшали походу. За рѣкою Сурою обѣ части русскаго войска должны были соединиться.

Въ началѣ іюля царь выступилъ въ походъ. Всюду на пути онъ посѣщалъ церкви, монастыри, принималъ благословеніе отъ духовенства; во Владимирѣ долго и усердно молился предъ гробницей своего прародителя — Св. Александра Невскаго.

20-го августа русское войско расположилось на лугу, въ 6 верстахъ отъ Казани, на равнинѣ, которая широко раскидывалась межъ Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными мечетями и дворцомъ. Два дня русскіе выгружали съ судовъ пушки и снаряды. Тутъ къ царю явился перебѣжчикъ изъ Казани и заявилъ, что ханъ Едигеръ, мурзы и муллы (мусульманскіе священники) возбудили такую вражду и ярость въ народѣ къ христіанамъ, что никто изъ казанцевъ и не помышляетъ о мирѣ: что съѣстныхъ и военныхъ запасовъ много; что, кромѣ 30 слишкомъ тысячъ отборныхъ воиновъ въ городѣ, большое число наѣздниковъ подъ начальствомъ отважнаго Япанчи отряжено занять засѣку (наскоро сооруженную крѣпость) близъ города, на Арскомъ полѣ, чтобы оттуда безпрестанно нападать на осаждающихъ. Казань была хорошо укрѣплена: высокая крѣпкая стѣна съ боевыми башнями окружала городъ; ее составляли два ряда огромныхъ и крѣпкихъ дубовыхъ столбовъ, между которыми была насыпана и плотно убита земля со щебнемъ; стѣна была окружена широкимъ и очень глубокимъ рвомъ. Все предвѣщало очень упорную защиту. Царь совѣтовался съ боярами, какъ повести осаду. Для устройства прикрытія отъ выстрѣловъ изъ города приказано было каждому воину приготовить по бревну, каждому десятку воиновъ—по туру. (Туры—большія и высокія корзины, плетеныя изъ прутьевъ; наполненныя землею и поставленныя рядомъ, онѣ представляли хорошую защиту отъ стрѣлъ и пуль). Затѣмъ были указаны мѣста для разныхъ полковъ и частей рати; одному отряду велѣно было

стать на Арскомъ полѣ и охранять войско онъ нападеній Япанчи; всѣмъ строго было запрещено самовольно, безъ государева приказа, вступать въ бой.

23-го августа утромъ отряды русской рати должны были занять свои мѣста. На восходѣ солнца выѣхалъ царь. Ударили въ бубны, затрубили въ трубы, полки построились. Распущены были знамена. На царскомъ знамени былъ образъ Іисуса Христа, а сверху — крестъ, бывшій у Димитрія Донского на Куликовомъ полѣ. Царь и воеводы сошли съ коней. Отслуженъ былъ молебенъ. Послѣ того государь призвалъ къ себѣ всѣхъ воеводъ, бояръ и воиновъ своего полка и держалъ рѣчь, ободрялъ ихъ, напоминалъ, что они идутъ бороться за единородную братію, за православныхъ христіанъ, которые много лѣтъ томятся въ плѣну у казанцевъ и претерпѣваютъ тяжкія мученія, напоминалъ Христовы слова, что нѣтъ выше подвига, какъ душу свою полагать за ближнихъ своихъ...

Русскія войска обступили Казань. Рать была огромная, — доходила до 150 тысячъ человѣкъ; главную ея силу составляли стрѣльцы. Это было постоянное пѣшее войско, учрежденное впервые царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Стрѣльцы вооружены были ружьями и бердышами, или сѣкирами. При войскѣ было полтораста пушекъ.

Казанцы всѣми силами старались помѣшать русскимъ близко подойти къ городу и укрѣпиться, — открыли жестокую стрѣльбу со стѣнъ и башенъ. Съ перваго же дня осады начались частыя и внезапныя вылазки; подъ городскими стѣнами часто загорались кровавыя сѣчи. Но русская рать дѣлала свое дѣло молодецки; воеводы были хорошіе, и никогда прежде не соблюдался такъ строго ратный порядокъ, какъ теперь. Несмотря на всевозможныя помѣхи, русскимъ удалось со всѣхъ сторонъ окружить городъ, поставить туры и тыны для защиты отъ огня: ни въѣзда въ городъ, ни выѣзда не было. Подъ прикрытіемъ туровъ были поставлены пушки, и русскіе принялись громить городъ; но вылазки изъ города не прекращались; особенно вредили русскимъ наѣздники, которые, подъ предводительствомъ Япанчи, часто налетали на нихъ изъ лѣсной засѣки. Курбскій, знаменитый участникъ казанской осады, говоритъ, что эти нападенія дѣлались по условному знаку: казанцы выносили большое мусульманское знамя на высокую башню или на стѣну и махали имъ. Тогда татарскіе наѣздники и налетали изъ лѣсу на русскихъ. Въ то же время отворялись городскія ворота; тысячи храбрецовъ выбѣгали изъ города, отчаянно кидались на русскія укрѣпленія и начиналась лютая сѣча. Эти безпрестанныя и неожиданныя нападенія страшно томили русскихъ: ни отдыху имъ не было, ни времени даже поѣсть спокойно. Ежедневно почти три недѣли длилось это томительное состояніе. Русское войско терпѣло огромный уронъ. Наконецъ, царь на совѣтѣ съ воеводами порѣшилъ отрядить большую силу, чтобы покончить съ Япанчею. Воеводою надъ этимъ отрядомъ былъ назначенъ князь Горбатый-Шуйскій. Онъ искусно повелъ дѣло: велѣлъ напасть на татаръ, укрѣпившихся на Арскомъ полѣ, завязать битву, а потомъ отступить до самыхъ русскихъ укрѣпленій. Татары подумали, что русскіе бѣгутъ, погнались за ними, да зарвались слишкомъ далеко, такъ что русскія войска охватили ихъ со всѣхъ сторонъ и стремительно ударили на нихъ. Хоть и ловкіе

наѣздники были татары, хоть и сыпались ихъ мѣткія стрѣлы на русскихъ подобно частому дождю, но русскіе сломили враговъ; татары пустились въ бѣгство. Верстъ десять гнала ихъ русская конница; весь путь покрылся убитыми и ранеными басурманами; до тысячи человѣкъ захвачено было въ плѣнъ.

Царь, по словамъ Курбскаго, приказалъ предъ русскими укрѣпленіями выставить плѣнныхъ татаръ, привязать ихъ къ кольямъ, чтобы эти узники умоляли своихъ единовѣрцевъ сдаться царю. Русскіе также ѣздили около города и обѣщали отъ имени царя жизнь и свободу всѣмъ плѣнникамъ и осажденнымъ, если они добровольно сдадутся. Выслушали молча казанцы это

Стрѣльцы XVI столѣтія.

предложеніе, и тотчасъ же стали стрѣлять со стѣнъ не столько въ русскихъ, сколько въ своихъ.

— „Лучше вамъ, кричали при этомъ стрѣлявшіе, погибнуть отъ нашихъ рукъ, чѣмъ отъ рукъ нечестивыхъ гяуровъ!“

Упорство казанцевъ привело царя въ ярость: онъ велѣлъ всѣхъ плѣнныхъ перебить передъ городомъ.

Хотя русскіе воеводы предвидѣли долгую осаду, но все-таки изыскивали всякіе способы ускорить взятіе города. Сильно занимала ихъ мысль, откуда казанцы берутъ воду,—рѣка Казанка, при которой стоялъ городъ, была уже въ рукахъ русскихъ. Наконецъ, провѣдали отъ перебѣжчиковъ,

что на берегу рѣки, близъ городскихъ воротъ, есть тайникъ (подземный ключъ) и ходятъ казанцы къ нему за водой подземнымъ ходомъ.

Тогда царь поручилъ иностранцу „розмыслу“ (инженеру), который былъ у него на службѣ, сдѣлать подкопъ подъ тайникъ. Ученики этого розмысла подъ присмотромъ князя Серебрянаго повели мину. Десять дней рылись они. Наконецъ, царю донесли, что надъ работниками слышны голоса и шаги татаръ. Велѣно было вкатить въ подкопъ нѣсколько бочекъ пороху.

Когда все было уже готово, царь выѣхалъ посмотрѣть. Послѣдовалъ взрывъ. Тайникъ взорванъ былъ съ людьми, которые шли за водой. Стѣна городская въ одномъ мѣстѣ осѣла и обрушилась. Много народу было побито въ городѣ камнями и бревнами, падавшими съ высоты. Казанцы обмерли отъ ужаса. Русскіе отряды стремительно кинулись въ проломъ. Многіе особенно рьяные удальцы ворвались въ городъ съ громкимъ крикомъ, „какъ львы рыкали, по словамъ лѣтописи, свирѣпо безбожныхъ татаръ убивали и множество ихъ полонили“. Но казанцы очнулись отъ страха и отразили русскихъ. Царь на этотъ разъ удержалъ войско отъ новаго приступа.

Унынiе распространилось въ городѣ. Многіе думали, что дольше защищаться нельзя; но болѣе упорные взяли верхъ, стали копать землю въ разныхъ мѣстахъ и дорылись до новаго ключа. Вода была здѣсь смрадная и вредная; иные болѣли отъ нея, пухли, другіе воздерживались, на сколько могли, отъ питья, терпѣли жажду, но молчали и сражались...

Между тѣмъ русскіе соорудили деревянную башню въ шесть саженъ вышиною, ночью тайкомъ пододвинули ее къ городской стѣнѣ, къ главнымъ Царскимъ воротамъ и поставили на башнѣ 10 большихъ и до пятидесяти малыхъ пушекъ. Отрядъ самыхъ искусныхъ стрѣлковъ занялъ ее. Съ утра слѣдующаго дня стали съ башни обстрѣливать городъ. Стрѣльцы стояли на башнѣ выше городской стѣны и могли мѣтко бить изъ пищалей людей на улицахъ и дворахъ; казанцы рыли себѣ ямы, землянки, прятались въ нихъ отъ русскихъ выстрѣловъ, но сдаваться и не думали, хотя царь имъ снова дѣлалъ мирныя предложенія.

Пять недѣль почти стояли уже русскіе подъ Казанью; укрѣпленія свои они такъ близко придвинули къ городу, что въ иныхъ мѣстахъ только городской ровъ отдѣлялъ ихъ отъ стѣнъ. Десятки тысячъ бойцовъ съ той и другой стороны пали въ лютыхъ схваткахъ. Близилась осень съ ея дождями и непогодами, а конца осадѣ не предвидѣлось...

Въ тѣ времена даже и болѣе образованные люди вѣрили въ силу волшебства, или чародѣйства. Князь Курбскій говоритъ, что на городскія стѣны, при восходѣ солнца, выходили какіе-то старцы и бабы и въ виду русскаго войска творили разные чары: „вопили сатанинскія слова, махали своими одеждами на русское войско и неблагочинно вертѣлись“, — и тогда вдругъ подымался сильный вѣтеръ, собирались тучи, хотя раньше небо было совершенно ясно, лилъ дождь ливмя, и земля на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли русскіе, обращалась въ болото.—Царю посовѣтовали привезти изъ Москвы крестъ съ частицею чудотворящаго древа. Когда былъ привезенъ этотъ крестъ и стали совершать молебствія и крестные ходы, то сила „поганскихъ чаръ“, по словамъ Курбскаго, прекратилась.

По свидѣтельству лѣтописи, были и для православныхъ добрыя знаменія,—набожные люди видѣли вѣщіе сны: одинъ видѣлъ, какъ святые апостолы благословляли Казань, гдѣ должно было водвориться православіе; другому Св. Николай Чудотворецъ повелѣлъ возвѣстить царю, что Казань будетъ взята. Замѣченъ былъ нѣкоторыми какой-то чудный свѣтъ надъ городомъ, поднимавшійся столпами... Всѣ эти знаменія предвѣщали успѣхъ.

Семь недѣль уже прошло отъ начала осады. Царь рѣшился взорвать стѣну порохомъ и взять городъ съ бою. Было сдѣлано по его приказу три подкопа. 30-го сентября одинъ былъ взорванъ. Взрывъ развороталъ часть стѣны; множество людей, земли, камней и бревенъ взлетѣло на воздухъ. Казанцы были ошеломлены; русскіе воспользовались этимъ, бросились на городъ чрезъ ровъ, заваливши его турами; закипѣла страшная битва.

Казанцы бились отчаянно, думали, что пришелъ ихъ послѣдній часъ. Грохотъ пушекъ, лязгъ и трескъ оружія, крики воиновъ раздавались въ густой тучѣ дыма, висѣвшей надъ городомъ. Несмотря на отчаянное упорство татаръ, русскіе были уже на стѣнахъ; многіе рѣзались съ татарами на улицахъ. Князь Воротынскій, отрядъ котораго былъ въ дѣлѣ, далъ знать царю, что русскіе уже въ городѣ, и просилъ помощи. Царь не былъ еще увѣренъ въ успѣхѣ приступа и приказалъ отступить; все же русскіе заняли одну городскую башню, и казанцы не могли, несмотря на всѣ усилія, выбить ихъ отсюда; на мѣстѣ разрушенныхъ частей стѣны поставили новые срубы, засыпавъ ихъ землею, и приготовились опять къ оборонѣ.

Къ 1-му октября главные подкопы были готовы, и войску приказано было готовиться къ рѣшительному бою. Воины исповѣдывались и пріобщались Св. Таинъ; а тѣ, которые были подъ стѣнами города, старались подъ градомъ пуль и камней завалить ровъ землей и бревнами, чтобы проложить путь къ стѣнамъ.

Попытался еще разъ царь уладить дѣло мирно, безъ кровопролитія, послалъ казанцамъ сказать, что онъ пощадитъ ихъ, и никакого зла имъ не причинитъ, если они смирятся, будутъ бить ему челомъ.

— „Не бьемъ челомъ, отвѣчали въ одинъ голосъ осажденные, — на стѣнѣ—Русь, въ башнѣ—Русь: мы другую стѣну поставимъ, или погибнемъ всѣ, или отсидимся!“

Кровавой битвы нельзя было миновать. Рѣшено было взорвать подкопы и всѣми силами ударить на городъ на слѣдующее утро къ тремъ часамъ утра.

Въ ночь съ субботы на воскресенье шли приготовленія. Изъ города видѣли необычное движеніе въ русскомъ станѣ,—поняли въ чемъ дѣло, и готовились тоже къ послѣднему смертному бою...

Занялась заря. Небо было ясное, чистое. Казанцы, готовые къ бою, стояли на стѣнахъ, русскіе—въ своихъ укрѣпленіяхъ. Ни съ той, ни съ другой стороны не стрѣляли. Время отъ времени только звучали то тамъ, то сямъ трубы и бубны, и снова наступала полная тишина. То была тишина томительная, зловѣщая, словно затишье предъ грозой...

Царь передъ разсвѣтомъ бесѣдовалъ наединѣ со своимъ духовникомъ, затѣмъ сталъ вооружаться, надѣвать свой юшманъ, какъ вдругъ ему почудился колокольный звонъ изъ Казани.

— „Слышу, сказалъ царь своимъ приближеннымъ, звонъ какъ будто Симонова монастыря!“

Это было принято за доброе предзнаменованіе. Царь пошелъ къ заутренѣ въ свою походную церковь, устроенную въ шатрѣ.

Князь Воротынскій увѣдомилъ царя, что розмыслъ уже все приготовилъ, 48 бочекъ зелія (пороху) подъ городъ подведено и мѣшкать до третьяго часа нельзя, потому что изъ города замѣтили приготовленія... Царь послалъ возвѣстить по всѣмъ полкамъ, чтобъ всѣ изготовились къ бою, отпустилъ отъ себя всѣхъ воеводъ по ихъ мѣстамъ, а своему полку велѣлъ ждать себя въ урочномъ мѣстѣ, самъ же хотѣлъ прослушать обѣдню.

Дьяконъ оканчивалъ чтеніе Евангелія, и лишь только возгласилъ слова: „и будетъ едино стадо и единъ пастырь“, какъ грянулъ взрывъ словно громъ, земля дрогнула... Царь выступилъ немного изъ церковныхъ дверей и увидѣлъ страшное зрѣлище: дымъ и земля, взорванная порохомъ, затмили воздухъ; брёвна камни и множество людей летѣло въ вышину. Царь вернулся въ церковь, чтобы дослушать службу. Только что дьяконъ произнесъ слова молитвы за царя: „о еже Господу Богу нашему наипаче поспѣшити и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“, какъ разразился второй взрывъ, еще сильнѣе, чѣмъ первый. Ужасно было видѣть множество истерзанныхъ труповъ и искалѣченныхъ людей, летящихъ въ воздухѣ на страшной высотѣ!..

Съ крикомъ: „Съ нами Богъ!“ русское войско со всѣхъ сторонъ кинулось на городъ. Татары призывали на помощь Магомета и съ яростью схватывались съ русскими. Жестокая сѣча кипѣла въ городскихъ воротахъ, въ проломахъ и на стѣнахъ.

Одинъ изъ царскихъ приближенныхъ вошелъ въ церковь и сказалъ государю:

— „Государь, время тебѣ ѣхать,—ужъ полки ждутъ тебя!“

— „Если до конца пѣнія дождемся, отвѣчалъ ему царь, то получимъ отъ Христа совершенную милость.“

Явился второй вѣстникъ.

— „Великое время, сказалъ онъ, царю ѣхать, чтобъ укрѣпились воины въ бою, увидѣвъ его!“

Царь глубоко вздохнулъ, и слезы полились изъ глазъ его.

— „Не остави меня, Господи мой, молился онъ, и не отступи отъ меня!“

Затѣмъ онъ приложился къ образу чудотворца Сергія, выпилъ святой воды, вкусилъ просфоры, принялъ благословеніе и сказалъ духовенству:

— „Простите меня и благословите пострадать за вѣру Христову, молите Бога безпрестанно, помогайте намъ молитвою!“

Сказавъ это, царь сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку.

Русскія знамена уже развѣвались на городскихъ стѣнахъ. Русскіе ворвались въ городъ съ разныхъ сторонъ. Особенно лютый бой пришлось выдержать отряду Курбскаго, который приступалъ къ городу со стороны рѣчки Казанки. Здѣсь пришлось войску взбираться на гору, гдѣ стояла высокая городская башня. Татары подпустили русскихъ близко къ стѣнѣ и затѣмъ дали страшный залпъ изъ ружей; посыпались на русскихъ и стрѣлы подобно

частому дождю; полетѣли тучами камни, побивая рать словно градъ ниву. Когда же русскіе подошли съ неимовѣрнымъ трудомъ къ самой стѣнѣ, казанцы окачивали ихъ сверху кипящимъ варомъ, валили на нихъ съ большой высоты огромные камни и грузныя брёвна. Много погибло тутъ русскихъ удальцовъ. Несмотря на отчаянное упорство татаръ, русскіе приставили все-таки лѣстницы и взбирались на стѣну; иные лѣзли въ окна башни, въ проломы. Татары, выбитые изъ башни, сбитые со стѣны, обратили тылъ.

Лишь только русскіе ворвались въ городъ, говоритъ Курбскій, какъ многіе изъ нихъ, падкіе до корысти, бросились грабить дома. Да и было на что позариться! Многіе дома и лавки полны были золота, серебра, дорогихъ мѣховъ и камней самоцвѣтныхъ... Иные воины, которые лежали на полѣ, притворившись тяжело ранеными или убитыми, вскакивали, бѣжали въ городъ и принимались усердно за грабежъ. Набѣжали въ городъ даже кашевары и обозные люди и принялись за работу... Татары замѣтили это, и, видя, что противъ нихъ стоитъ не особенно много русскихъ воиновъ, поналегли на нихъ всею силою и стали ихъ тѣснить,—тѣ начали отступать. Тогда страхъ обуялъ русскихъ грабителей. Ударились они въ бѣгство: иные изъ нихъ не попадали въ ворота, бросались съ захваченнымъ добромъ чрезъ стѣны, другіе кидали и добычу, бѣжали и кричали впопыхахъ: „Сѣкутъ, сѣкутъ!“

Самъ царь, увидѣвъ бѣгущія толпы своихъ людей, сначала было упалъ духомъ; но, узнавъ, въ чемъ дѣло, ободрился, послалъ половину своего полка (10 тысячъ человѣкъ) на помогу бившимся въ городѣ, а тѣхъ, что кидались на грабежъ, велѣлъ безпощадно убивать. Свѣжее войско, вступившее въ городъ, помогло сломить отчаянную оборону.

Въ самомъ городѣ долго еще кипѣла яростная свалка. Въ страшной тѣснотѣ трудно было управляться копьями и саблями,—враги схватывались руками и рѣзались ножами, попирая ногами мертвыхъ и раненыхъ. Иные воины лѣзли на кровли домовъ и оттуда разили враговъ. Князь Воротынскій просилъ помощи. Царь послалъ пѣшихъ воиновъ,—конным невозможно было бы и пробраться въ тѣснотѣ.

Едигеръ заперся въ своемъ дворцѣ и сильно отбивался отъ русскихъ; наконецъ, увидѣлъ, что тутъ не спастись ему, ринулся со своимъ отрядомъ къ воротамъ, думая прорваться сквозь ряды русскихъ изъ города; но путь ему заградилъ отрядъ Курбскаго, а сзади напирало главное русское войско.

Татары по трупамъ своихъ взобрались на башню и закричали русскимъ, что хотятъ вступить съ ними въ переговоры.

— „Отдаемъ вамъ царя своего живымъ, кричали они, ведите его къ своему государю; а мы выйдемъ въ поле испить съ вами послѣднюю чашу въ бою!“

Выдавши русскимъ своего царя съ нѣсколькими вельможами, татары кинулись къ берегу Казанки, перешли черезъ рѣку и думали спастись, но два брата Курбскихъ съ нѣсколькими удальцами догнали ихъ и врубились въ толпу. Хотя татары и смяли напавшихъ, но подоспѣли новыя русскія силы и казанцамъ было нанесено окончательное пораженіе; немногимъ удалось спастись.

Всѣ вооруженные люди въ Казани по приказу царя были избиты безъ милосердія; забирали въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей.

Царь велѣлъ служить благодарственный молебенъ подъ своимъ знаменемъ; самъ своими руками водрузилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя во время взятія Казани, и приказалъ тутъ построить церковь во имя Нерукотвореннаго образа.

Двоюродный братъ царя—князь Владимиръ Андреевичъ, Шигъ-Алей и всѣ воеводы принесли свои поздравленія государю; они сказали:

— „Радуйся, православный царь, Божіею благодатію побѣдившій супостатовъ! Будь здравъ на многія лѣта на Казанскомъ царствѣ, дарованномъ тебѣ Богомъ. Ты воистину по Богѣ нашъ заступникъ отъ безбожныхъ агарянъ. Тобою бѣдные христіане нынѣ освобождаются навѣки и нечестивое мѣсто благодатію освѣщается, и впредь у Бога милости просимъ, да покоритъ подъ ноги твои всѣхъ супостатовъ твоихъ!“

Царь, по словамъ лѣтописи, отвѣтилъ имъ такъ:

— „Богъ это совершилъ твоимъ, князь Владимиръ Андреевичъ, попеченіемъ, всего нашего воинства стараніемъ и молитвою всенародною. Да будетъ воля Господня!“

Одна улица въ городѣ, ведшая къ царскому дворцу, была, по приказу царя, очищена отъ труповъ. Это стоило немалаго труда: груды тѣлъ лежали на улицахъ, горы ихъ были у стѣнъ; рвы были наполнены ими, поле усѣяно. Все свидѣтельствовало о страшной лютости боя.

Царь, окруженный своими воеводами, въѣхалъ въ Казань. Нѣсколько тысячъ православныхъ, томившихся въ казанской неволѣ и теперь освобожденыхъ, кланялись царю въ землю и кричали:

— „Избавитель ты нашъ! Ты спасъ насъ изъ ада! Ты ради насъ несчастныхъ не щадилъ своей головы!“

Всѣ православные были въ большой радости. Да и какъ было имъ не радоваться? „На томъ мѣстѣ, говоритъ лѣтописецъ, гдѣ прежде водворялись нечестивые цари и много лѣтъ проливалась кровь бѣдствующихъ христіанъ, теперь возсіяло праведное солнце, животворящій крестъ, образъ владыки нашего Христа и Пречистой его Матери и великихъ Чудотворцевъ!“

Царь приказалъ тушить пожаръ, пылавшій еще въ нѣкоторыхъ частяхъ города, и очистить улицы отъ труповъ. На свою долю царь взялъ только знамена, пушки городскія да Едигера, съ которымъ обошелся весьма милостиво; всѣ же богатства Казани и всѣхъ плѣнныхъ, женъ и дѣтей отдалъ въ добычу своему войску. Намѣстникомъ въ Казань назначенъ былъ князь Александръ Борисовичъ Горбатый.

Съ великимъ торжествомъ вернулся государь въ Москву. Здѣсь были устроены ему торжественныя встрѣчи.

Многіе казанскіе князья крестились и вошли въ число московскихъ бояръ; Едигеръ тоже принялъ крещеніе и нареченъ былъ Симеономъ.

Въ память покоренія Казани былъ тогда заложенъ въ Москвѣ, на Красной площади у Кремля, храмъ Покрова Богородицы. Теперь этотъ храмъ обыкновенно называютъ церковью Василія Блаженнаго, такъ какъ здѣсь покоятся св. мощи этого юродиваго. Зданіе это представляетъ очень любопытный памятникъ своеобразнаго и затѣйливаго зодчества. Строитель храма

Іоаннъ IV водворяетъ христіанство въ Казани.

несомнѣнно былъ человѣкъ весьма талантливый; имя его, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Въ народѣ сложилось даже баснословное преданіе, будто царь, восхищенный красотой зданія, велѣлъ выколоть глаза зодчему, чтобы онъ не могъ нигдѣ въ чужомъ краю выстроить ничего подобнаго.

Покореніе Казани было великимъ событіемъ въ глазахъ всѣхъ русскихъ:

Церковь Покрова (или Василія Блаженнаго).

въ немъ видѣли побѣду христіанства надъ басурманствомъ,—побѣду надъ исконными врагами, разорявшими Русскую землю, уводившими въ тяжкую неволю толпами христіанъ. Побѣда эта стоила гораздо больше усилій, чѣмъ взятіе Новгорода или Смоленска; по силѣ и упорству борьба съ Казанью напоминала даже Куликовскую битву. Притомъ и слѣдствія этого завоеванія были чрезвычайно важны: теперь Волга,—самый важный путь для

торговли съ Востокомъ,—попала въ руки русскихъ;—главнаго торговаго соперника на этомъ пути и врага, мѣшавшаго не только торговлѣ, но и мелкимъ промысламъ, не стало, и русское населеніе начинаетъ мало-по-малу заселять богатыя приволжскія земли.

Упорство татаръ, страшная лютость боя и ужасное дѣйствіе пороха сильно врѣзались въ память участниковъ боя и въ память народа, среди котораго, конечно, распространились разсказы очевидцевъ Казанскаго взятія. Вспоминаетъ и до сихъ поръ нашъ народъ въ своихъ пѣсняхъ,

Какъ царь государь
Подъ Казань подступалъ,
Какъ подъ рѣчку, подъ Казанку,
Подкопъ подкопалъ,
Сорокъ бочекъ закопалъ,
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ,
Чернымъ порохомъ,
А на бочки становили
Воску ярова свѣчи.

Показалось царю, говорится въ пѣснѣ, что долго тѣ свѣчи не догораютъ; началъ онъ ужъ и гнѣваться и казнью грозить пушкарямъ и зажигальщикамъ, да одинъ изъ нихъ былъ посмѣлѣе, сталъ говорить царю, что втиши (подъ землею) свѣчи тише горятъ, но

Не успѣлъ пушкарь
Слово вымолвить,
Какъ и взорвало стѣну
Бѣлокаменную,
Поломало всѣ башенки
Узорчатыя.

Въ другой пѣснѣ народъ представляетъ по-своему и ужасъ побоища:

Казань-то городъ во крови стоитъ,
Казанка-то рѣчка кровью протекла,
Мелкіе ручьи горючими слезами;
По лугамъ—лугамъ да все волосы,
По горамъ—горамъ да все головы,
Да все головы разноличныя...

Пять лѣтъ пришлось еще русскимъ воевать въ Казанской области, чтобы окончательно покорить обитавшія здѣсь полудикія племена: мордву, черемису, вотяковъ, чувашей и башкирцевъ.—Мѣшали русскимъ утвердиться въ Приволожьѣ и орды ногайскихъ татаръ; ихъ подбивалъ къ борьбѣ съ русскими турецкій султанъ: трудно было мусульманамъ примириться съ мыслью, что богатый край уходитъ изъ ихъ рукъ и многіе магометане становятся данниками христіанъ. Къ счастью для Москвы, ногаи не могли дѣйствовать дружно: постоянные распри и раздоры шли между ихъ князьями; иные изъ нихъ искали даже сами защиты Москвы и боролись противъ своихъ же единовѣрцевъ.

Одинъ изъ этихъ хановъ искалъ помощи московскаго царя противъ

астраханскаго хана Ямгурчея, съ которымъ были у царя и безъ того свои счеты: въ Астрахани оскорбили и ограбили русскаго посла; притомъ Ямгурчей дружилъ съ крымскимъ ханомъ, врагомъ Москвы. Въ 1554 году русская рать въ тридцать тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ князя Пронскаго спустилась по Волгѣ подъ Астрахань. Ханъ бѣжалъ,—даже и не пытался обороняться, и городъ занятъ былъ совсѣмъ безъ боя. Сначала посаженъ былъ здѣсь ханомъ подручникъ московскаго царя—Дербышъ, обязанный платить дань; но когда онъ сталъ кривить душой, тайно сноситься съ Крымомъ, то былъ изгнанъ въ 1556 году, и Астрахань окончательно присоединена къ Москвѣ. Теперь вся Волга съ ея устьемъ была въ рукахъ русскихъ.

Портретъ царя Ивана IV (факсимиле старинной гравюры).

Крымскій ханъ не сумѣлъ помѣшать русскимъ утвердиться ни въ Казани, ни въ Астрахани, но сильно злобился и старался всячески вредить русскимъ, — искалъ всякаго удобнаго случая внезапно напасть на русскія окраины.

Сильно страдалъ народъ отъ этихъ разбойничьихъ наѣздовъ. Татары свирѣпствовали, какъ и встарь: сёла и города выжигали, жителей однихъ избивали, другихъ цѣлыми толпами угоняли къ себѣ въ неволю. Русскіе ставили, какъ и прежде, по всей южной окраинѣ острожки, устраивали засѣки въ лѣсахъ противъ пути, рыли рвы, заваливали дороги срубленнымъ лѣсомъ, даже въ рѣкахъ по дну вколачивали острые колья по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ можно было перейти вбродъ. Царь приказалъ усилить сторожевые отряды по южной границѣ. Но что особенно важно,—съ этого времени и русскіе стали донимать крымцевъ внезапными наѣздами на ихъ земли. Легкіе отряды удальцовъ спускались по Дону или по Днѣпру и громили улусы въ самомъ Крыму. Иногда эти наѣзды были очень

удачны: такъ въ 1559 году Данилъ Адашевъ съ небольшой легкой ратью пробрался въ самый Крымъ и надѣлалъ крымцамъ большого переполоху, разгромилъ нѣсколько улусовъ и вывелъ изъ плѣна много русскаго люда.

Въ это время на Дону и на Днѣпрѣ складывалось уже сильное казачество, съ которымъ все труднѣе и труднѣе было справляться крымцамъ. Легкіе казацкіе отряды нерѣдко спускались на челнахъ по рѣкамъ, нежданно-негаданно являлись въ Крыму и хозяйничали тамъ такъ же, какъ татары на Руси.

Книгопечатаніе въ Москвѣ.

„Старые обычаи поисшатались“—вотъ на что указывали на Стоглавомъ соборѣ, какъ на главную причину всѣхъ церковныхъ неурядицъ. Возстановить старые порядки и сохранять ихъ во всей ихъ чистотѣ стало главною задачей духовенства. Изъ писателей того времени развѣ только одинъ Максимъ Грекъ вполнѣ ясно понималъ, что этого мало, и русскимъ необходимо болѣе всего просвѣщеніе, пробужденіе живой мысли... Другіе же самые видные писатели искали спасенія только въ соблюденіи „святой старины“.

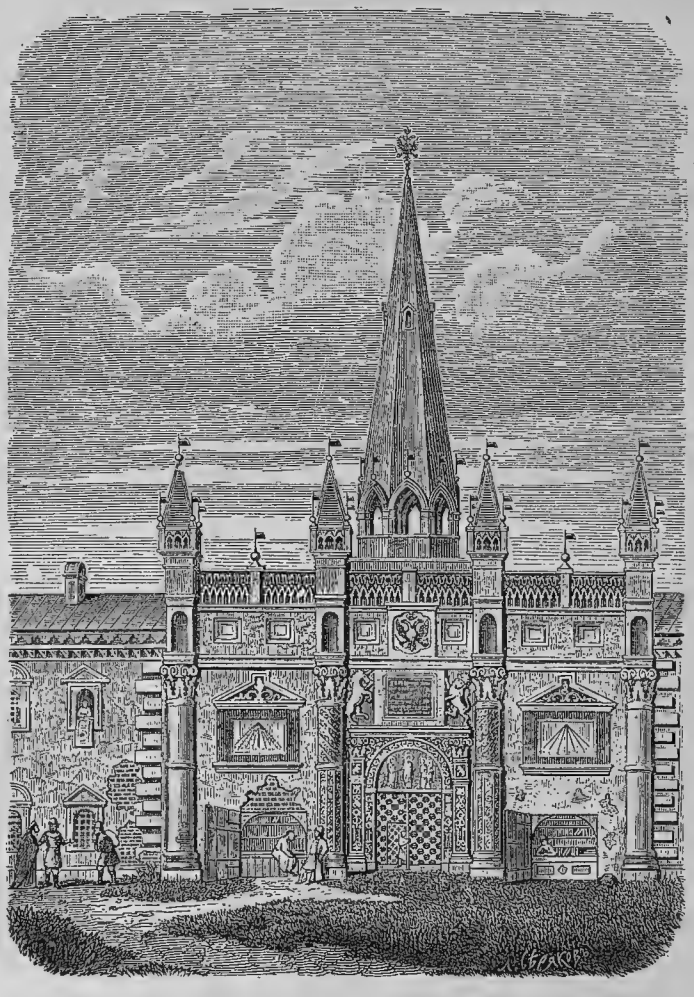
Весьма важнымъ памятникомъ этого времени надо считать „Четьи Минеи“ митрополита Макарія. Въ этомъ огромномъ трудѣ (12 большихъ книгъ) собраны были житія святыхъ, слова и поученія на ихъ праздники, ихъ творенія всякаго рода, цѣлыя книги Св. Писанія и толкованія на нихъ. Двѣнадцать лѣтъ подъ руководствомъ Макарія трудились переписчики надъ этимъ сборникомъ. Другой трудъ тоже очень важный—это „Кормчая книга“ — сборникъ церковныхъ законовъ, постановленій и правилъ русскихъ князей и святителей. Наконецъ, Макарію приписываютъ и составленіе сборника свѣдѣній по русской исторіи подъ названіемъ „Степенной книги“. Всѣ эти труды представляли опору для сохраненія старины, давали духовное оружіе для борьбы съ разными „новшествами“ и „мнѣніями“, которыхъ боялись пуще огня; о нихъ даже говорили: „всѣмъ страстямъ мать—мнѣніе; мнѣніе—второе паденіе“, — боялись тѣмъ болѣе, что въ ту пору на Западѣ „новшества“ и „мнѣнія“ „Люторской ереси“ расшатали старый строй церкви.

Но какъ ни заботились о томъ, чтобы никакія „мнѣнія“ не проникли въ Русскую землю, все-таки въ это время (1553 г.) проявилась здѣсь ересь Матвѣя Башкина и Ѳеодосія Косого. Башкинъ наслушался „западныхъ умствованій“ и самъ сталъ по своему разуму объяснять священное писаніе и говорить „недоумѣнныя рѣчи“ и нашелъ себѣ послѣдователей въ Москвѣ. Ересь однако была открыта, созванъ былъ соборъ для суда надъ еретиками. Оказалось, что они, подобно жидовствующимъ, отвергали божество Сына и равенство Его съ Богомъ Отцомъ, таинство причащенія и покаянія, почитаніе иконъ, святыхъ и пр. Ѳеодосій Косой, монахъ Кириллова монастыря, зашелъ въ ереси еще дальше. Башкина и его сторонниковъ разослали по монастырскимъ тюрьмамъ. Ѳеодосію однако удалось бѣжать въ Литву, гдѣ онъ продолжалъ распространять свою ересь. Особенно сильно писалъ противъ еретиковъ Зиновій Отенскій (Отень-монастырь недалеко отъ Новгорода).

Борьба съ ересью, желаніе сохранить незыблемо старину, заставляли

болѣе всего подумать о томъ, какъ бы церковныя, богослужебныя книги охранить отъ порчи: книги на Руси тогда были попрежнему рукописныя. Обыкновенно при монастыряхъ и при епископахъ были „доброписцы“, которые занимались перепискою книгъ изъ усердія и любви къ дѣлу. Кромѣ того, были въ городахъ писцы, которые промышляли перепискою какъ богослужебныхъ, такъ и всякихъ „четьихъ книгъ“, которыя продавались обыкновенно на торжищахъ.

Когда по взятіи Казани стали строить въ новозавоеванной землѣ новыя



Печатный дворъ въ Москвѣ.

церкви, то потребовалось много богослужебныхъ книгъ, и царь приказалъ скупать ихъ, — оказалось, что изъ огромнаго числа купленныхъ рукописныхъ книгъ очень немногія были годными; въ другихъ же было такъ много пропусковъ, ошибокъ, описокъ, искаженій, ненамѣренныхъ и намѣренныхъ, что исправить ихъ не было возможности. Это обстоятельство, по мнѣнію нѣкоторыхъ, навело царя на мысль завести въ Москвѣ книгопечатаніе. Уже сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ типографскій станокъ началъ работать въ Западной

Европѣ, а въ Москвѣ о печатаніи книгъ и помину не было до 1553 года. Когда царь сказалъ митрополиту Макарію о своемъ намѣреніи, оно пришлось тому очень по душѣ.

— „Эта мысль, сказалъ онъ, внушена самимъ Богомъ, это — даръ свыше исходящій!“

Тогда царь велѣлъ строить особый домъ для помѣщенія типографіи и пріискивать мастеровъ. Постройка дома, или „Печатнаго двора“, какъ называли его, длилась десять лѣтъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1563 г. началось, а 1-го марта 1564 года кончено печатаніе первой напечатанной въ Москвѣ книги „Дѣянія апостольскія“.

Главнымъ мастеромъ въ первой русской типографіи былъ русскій человѣкъ—дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ, а главнымъ сотрудникомъ его—Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ. Иванъ Ѳедоровъ, какъ видно, хорошо изучилъ свое дѣло, быть можетъ, въ Италіи: онъ не только умѣлъ самъ набирать и печатать книги, но и отливать очень искусно литеры. Эти же мастера въ слѣдующемъ году напечатали еще Часовникъ, а затѣмъ должны были бѣжать изъ Москвы: ихъ обвинили въ ереси и порчѣ книгъ. Говорятъ, что недруги русскихъ первопечатниковъ подожгли даже и Печатный дворъ. Самъ Иванъ Ѳедоровъ разсказывалъ, что бѣжать изъ Москвы его заставило „презѣльное озлобленіе отъ многихъ начальникъ и учителей, которые на васъ, зависти ради, многія ереси умышляли, хотѣли благое дѣло во зло превратить, и Божіе дѣло вконецъ погубить“.

Первые русскіе печатники бѣжали въ Литву и здѣсь продолжали заниматься своимъ дѣломъ; однако и послѣ ихъ бѣгства печатное дѣло въ Москвѣ снова было возстановлено, но велось въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ, что не могло вытѣснить изъ употребленія рукописныхъ книгъ, писанныхъ малограмотными писцами.

Войны со Швеціей и Ливоніей.

Близкіе къ царю люди по взятіи Казани совѣтовали ему совсѣмъ покончить и съ Крымомъ; завоевать его казалось дѣломъ не труднымъ; но царь не послушался этого совѣта: между Крымомъ и московскими владѣніями были огромныя незаселенныя степи, гдѣ кочевали разбойничьи татарскія шайки; много военныхъ силъ надо было, чтобы удержать Крымъ въ рукахъ; притомъ пришлось бы вести войну и съ турками, такъ какъ крымскій ханъ былъ подручникомъ султана.

Другія думы въ ту пору занимали царя.

Сильно уже сказывалась надобность сблизиться съ Западомъ. Послѣ взятія Новгорода и Пскова торговля съ иноземцами здѣсь сильно упала, а между тѣмъ на Руси промышленность, особенно обрабатывающая, была очень слаба,—многіе иноземные товары нужны были въ Москвѣ; нужны были и знающіе иностранцы, „хитрые мастера“, которые умѣли хорошія пушки и пищали лить и хитрыя дѣла съ порохомъ дѣлать. Кто знаетъ, сколько бы русской крови напрасно пролилось подъ Казанью, если бы не было у царя иноземныхъ розмысловъ?

Начинали понимать лучшіе люди въ Москвѣ настоящую цѣну знанія и мастерства. За ними-то и тянулись къ Западу.

Еще въ 1547 году поручено было отъ имени царя нѣмцу Шлитте навербовать за границей въ русскую службу „хитрыхъ мастеровъ". Онъ порядилъ 123 человѣка, знающихъ разныя искусства и ремесла. Между ними были зодчіе, литейщики, слесаря, рудокопы и пр. Они уже готовились изъ Любека отправиться моремъ въ Московію; но объ этомъ провѣдали ливонцы и стали всячески хлопотать у городского начальства Любека, чтобъ этихъ мастеровъ не пускали въ Московію. По проискамъ ливонцевъ Шлитте былъ посаженъ въ тюрьму, и все дѣло разстроилось.

Страшна становилась Московія своимъ западнымъ сосѣдямъ, и сильно опасались они, чтобы европейскія знанія и искусства, особенно же военное, не усилили ея еще болѣе,—вотъ почему ливонцы всѣми мѣрами старались помѣшать русскимъ сблизиться съ Западной Европой.

Но все-таки, несмотря на всѣ помѣхи и происки сосѣдей-враговъ, у русскихъ мало-по-малу завязывались сношенія съ Западомъ; нуждались русскіе въ европейскихъ товарахъ, но нуждались и западно-европейскіе промышленники и торговцы въ новыхъ рынкахъ для сбыта своихъ произведеній, въ новыхъ путяхъ для торговли. Въ Англіи въ это время составилась компанія (общество) съ тѣмъ, чтобы изыскать болѣе удобные и короткіе пути въ богатую Индію и Китай чрезъ Сѣверныя страны Европы. Общество снарядило три корабля съ цѣлью попытаться по Сѣверному океану проплыть въ Тихій океанъ. Два корабля были затерты льдами у Мурманскаго берега; всѣ люди, въ томъ числѣ и начальникъ предпріятія Вилогби, замерзли; но третій корабль зашелъ въ Бѣлое море, присталъ 24-го августа 1553 г. при устьѣ Сѣверной Двины, близъ Холмогоръ. Капитанъ корабля Ченслеръ завелъ сношенія съ холмогорскимъ начальствомъ; затѣмъ отправился въ Москву, гдѣ царь принялъ его весьма милостиво, обласкалъ и далъ ему дружелюбную грамоту къ англійскому королю съ приглашеніемъ начать переговоры о торговлѣ. Въ 1555 году Ченслеръ вторично пріѣхалъ въ Москву, уже какъ королевскій посолъ, и выхлопоталъ льготную грамоту: англичанамъ дано было въ торговлѣ важное преимущество (привилегія),—они получили право торговать безданно, безпошлинно и въ Москвѣ, и въ другихъ русскихъ городахъ. Съ этого времени начались съ Англіей дружественныя сношенія, а немного времени спустя и съ голландцами.

Но сношенія съ Европой чрезъ Бѣлое море были неудобны: большую часть года оно для торговли было закрыто льдами Сѣвернаго океана, да и путь отъ Бѣлаго моря до Москвы по сѣверному малонаселенному краю былъ и длиненъ, и труденъ. Берега Балтійскаго моря для сношеній съ Западомъ были гораздо удобнѣе; здѣсь-то и задумалъ царь утвердиться. Но два врага зорко стерегли отъ русскихъ эти завѣтные берега: то были шведы и ливонцы.

Со шведами неразъ уже возникали пограничныя ссоры. Въ 1554 году они привели къ войнѣ. Она шла безъ особеннаго успѣха для той и другой стороны: напрасно шведы пытались взять русскую крѣпость Орѣшекъ; не могли и русскіе осилить Выборга, но зато окрестныя мѣста около него страшно опустошали. Наконецъ, шведскій король запросилъ мира.

Королевская грамота начиналась очень смиренно:

„Мы, Густавъ, Божіею милостію Свейскій, Готскій и Вендскій король, челомъ бью государю Ивану Васильевичу о твоей милости".

Напротивъ того, изъ отвѣтной грамоты Московскаго царя видно, что она свысока смотритъ на шведскаго короля:

„Мы для королевскаго челобитья, говорится въ ней,—разлитіе крови христіанской велимъ унять. Если король свои гордостныя мысли оставитъ и за свое клятвопреступленіе и за всѣ свои неправды станетъ намъ бить челомъ покорно, то мы челобитье его примемъ".

Миръ со шведами былъ заключенъ. Шведскимъ купцамъ дано было право ѣздить чрезъ русскія земли въ Индію и Китай; зато русскіе могли чрезъ Швецію ѣздить въ западные европейскіе города.

Порѣшилъ Иванъ Васильевичъ свести счеты и съ Ливоніей. Не забылъ онъ ливонскихъ происковъ по дѣлу Шлитте; но былъ и другой предлогъ къ войнѣ. Лѣтъ пятьдесятъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ливонія не платила Москвѣ условленной раньше дани. Московскіе государи, занятые другими болѣе важными дѣлами, оставляли Ливонію въ покоѣ, не выправляли этой дани. Въ 1554 году Иванъ Васильевичъ потребовалъ уплаты ея за всѣ пятьдесятъ лѣтъ.

Московскіе бояре говорили ливонскимъ посламъ:

— „Ливонская земля—извѣчная отчина великихъ князей, и ливонцы должны платить дань."

Ливонія въ это время находилась въ жалкомъ состояніи. Цвѣтущая пора Ордена Меченосцевъ миновала. Рыцари уже не были прежними грозными бойцами: они обратились въ богатыхъ помѣщиковъ, бароновъ, жившихъ въ свое удовольствіе, въ нѣгѣ и въ роскоши на счетъ порабощеннаго народа. Простой народъ—латыши и финны ненавидѣли своихъ владыкъ-нѣмцевъ. Бароны враждовали съ духовенствомъ, не ладили и между собой. Торговые города стремились къ полной независимости. Все шло врозь въ Ливоніи, и потому она была легкой добычей.

Въ Москвѣ хорошо это понимали; царь рѣшилъ добывать Ливонію. Не осмѣлились литовцы отказаться отъ уплаты дани; епископъ Дерптскій обязался въ три года уплатить ее, но исполнить обязательства не смогъ. Уже при заключеніи этого договора на сеймѣ русскій посолъ грозилъ:

— „Не будете платить дани государю моему,—самъ соберетъ!"

Срочные три года прошли, а дань не была выплачена.

Въ 1557 году явились въ Москву ливонскіе послы безъ денегъ съ просьбой, чтобъ дань была съ нихъ сложена.

Отъ имени царя было имъ объявлено, что договоръ ими нарушенъ и если дань не уплачивается, то государь будетъ ее, „положа упованіе на Бога, самъ искать на магистрѣ и всей Ливонской землѣ". Пословъ онъ не пустилъ къ себѣ и на глаза.

Испуганные ливонцы снарядили новое посольство къ царю просить хоть объ уменьшеніи дани. Переговоры опять не привели ни къ чему: послы пріѣхали съ пустыми руками. Одинъ изъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ разсказы-

ваетъ, будто ливонскихъ пословъ предъ ихъ отъѣздомъ въ насмѣшку пригласили къ царскому столу и подали имъ пустыя блюда.

Большое войско, состоящее болѣе, чѣмъ на половину, изъ татаръ, по приказу царя, вторглось въ началѣ 1558 года въ Ливонію. Началось страшное разореніе на пространствѣ 200 верстъ; побивали нещадно не только вооруженные отряды, но и жителей нѣмецкаго происхожденія.

Послѣ этого нашествія начальники русской рати: Шигъ-Алей, бояре и воеводы послали Ливонскому магистру грамоту, въ которой говорилось:

„За ваше неисправленіе и клятвопреступленіе государь послалъ на васъ войну, кровь пролилась отъ васъ. Если хотите исправиться и кровь унять, то присылайте къ государю съ челобитьемъ, а мы всѣ станемъ за васъ просить".

На Ливонскомъ сеймѣ рѣшено было искать, во что бы ни стало, мира съ царемъ. Кое-какъ съ большимъ трудомъ собрали деньги для уплаты дани. Положеніе Ливоніи было плачевное: не было ни средствъ, ни войска, ни того единодушія, какое необходимо для стойкаго отпора сильному врагу. Царь согласился на переговоры и приказалъ было прекратить войну. Но жители города Нарвы, несмотря на остановку съ русской стороны военныхъ дѣйствій, продолжали обстрѣливать сосѣднюю русскую крѣпость—Иванъ-городъ, и потому война продолжалась.

Посламъ ливонскимъ, прибывшимъ въ Москву, бояре заявили:

— „Если вашъ магистръ и всѣ рыцари и бискупы (епископы) хотятъ отворотить гнѣвъ государя и его силу ратную отъ своей земли, пусть сдѣлаютъ такъ, какъ сдѣлали царь казанскій и астраханскій, пусть сами явятся къ царю и ударятъ челомъ всею Ливонскою землею, а потомъ поступятъ такъ, какъ будетъ угодно царю."

Требовалась, значитъ, отъ ливонцевъ полная покорность, а они разсчитывали было, уплативъ дань, остаться по-старому въ независимости отъ Москвы. Хотя потомъ въ переговорахъ были сдѣланы нѣкоторыя уступки въ пользу Ливоніи, но все же миръ не могъ состояться.

Война со всѣми ея ужасами продолжалась. Нѣкоторые города сдавались безъ отпора, другіе взяты были осадой или съ бою. Ливонія гибла подъ ударами русскихъ. Обороняться ей было не въ мочь. Напрасно лучшіе изъ ливонцевъ призывали своихъ соотечественниковъ къ пожертвованію имуществомъ, говорили о необходимости единодушія, указывали на то, что на чужую помощь разсчитывать нечего, что чужой защитникъ Ливоніи будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея поработителемъ. Напрасно раздавались горячія рѣчи. Проповѣдывалось это „глухимъ", по словамъ современника.

Бросились ливонцы за помощью во всѣ стороны: обратились къ германскому императору, но безуспѣшно; имъ отвѣчали, что „ему невозможно все христіанство на всѣхъ мѣстахъ даже отъ однихъ турокъ оборонять". Данія, Швеція и Польша обѣщали на просьбу ливонцевъ помочь своимъ посредничествомъ; но это ни къ чему не привело.

— „Ливонія—земля царская,—отвѣчали въ Москвѣ польскому послу, когда тотъ заикнулся было о Ливоніи,—царь наказываетъ своихъ строптивыхъ подданныхъ."

— „Захочетъ магистръ государева жалованья, — отвѣчалъ царь на просьбу магистра унять войну, — то онъ самъ билъ бы челомъ, а по его челобитью смотря, и государь его пожалуетъ!“

А уже Нарва, Нейгаузъ, Дерптъ и другіе города, всего до двадцати, были взяты русскими. Спасенія ливонцамъ не было!...

Тогда рѣшено было отдаться подъ власть польскаго короля: ливонское дворянство разсчитывало, что ему будетъ легче подъ зависимостью магнатской Польши, чѣмъ Москвы. Магистръ Кеттлеръ получилъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію, — земли къ западу отъ Двины. Островъ Эзель попалъ подъ власть Даніи, а Ревель — Швеціи. Польскій король обязался по договору 1561 года защищать Ливонію отъ Москвы.

Войны съ Польшей царю нельзя было миновать. Въ эту пору начинаются въ Москвѣ новые порядки.

Удаленіе Сильвестра и Адашева.

То время, когда Сильвестръ и Адашевъ были близки къ Ивану Васильевичу, считается лучшею порою его царствованія.

Современники не находятъ словъ для похвалы царю: „къ вельможамъ, къ народу былъ онъ, говоритъ лѣтописецъ, ласковъ, всѣхъ награждалъ по достоинству, къ бѣднымъ былъ щедръ и милостивъ; заботы его были всецѣло отданы народному благу. Иноземцы, знавшіе его или слыхавшіе о немъ отъ очевидцевъ, не меньше хвалятъ его. Царь Іоаннъ, пишутъ они, затмилъ своихъ предковъ и могуществомъ, и добродѣтелью. Много у него внѣшнихъ враговъ; но всѣ они ужасаются русскаго имени. Къ подданнымъ онъ снисходителенъ, привѣтливъ, любитъ разговаривать съ ними, часто даетъ имъ обѣды во дворцѣ, и несмотря на то, умѣетъ быть повелительнымъ, — скажетъ боярину: „иди!“ — и тотъ бѣжитъ; изъявитъ свою досаду вельможѣ, — и тотъ въ отчаяніи, и т. д. Словомъ нѣтъ народа въ Европѣ болѣе русскихъ преданнаго своему государю, котораго они равно и страшатся, и любятъ“.

Таковъ былъ, по словамъ современниковъ, юный самодержецъ въ ту пору, когда подлѣ него были такіе люди, какъ Сильвестръ и Адашевъ. Государь имъ вполнѣ довѣрялъ: Сильвестра величалъ отцомъ своимъ, Адашева считалъ ближайшимъ другомъ. Когда приходилось избирать какого-нибудь духовнаго сановника, царь посылалъ Сильвестра побесѣдовать съ нимъ, извѣдать его умъ и нравъ; такое же значеніе имѣлъ Адашевъ въ дѣлахъ гражданскихъ и военныхъ. Много хорошихъ людей такимъ образомъ получили власть и силу.

Юному царю, начавшему царствовать въ тяжелую пору, послѣ боярскаго самоуправства, послѣ страшнаго московскаго пожара и народнаго мятежа, нужны были такіе честные и разумные совѣтники, какъ Сильвестръ и Адашевъ. Но вотъ народъ поуспокоился, управленіе улучшилось, казанскій походъ кончился очень счастливо, царь возмужалъ, сталъ увѣреннѣе въ самомъ себѣ; теперь онъ началъ выказывать желаніе жить больше своимъ умомъ: такъ, послѣ взятія Казани задумалъ онъ завоевать Ливонію, а Сильвестръ настоятельно

совѣтовалъ ему покорить Крымъ, но Иванъ Васильевичъ не послушался и началъ ливонскую войну. Умный и твердый нравомъ Сильвестръ былъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ, чтобы другіе во всемъ ихъ слушались; наставительная рѣчь его и охота во все входить, даже въ мелочи, начинала уже, видимо, тяготить возмужавшаго и самолюбиваго царя, — тѣмъ болѣе, что прямодушный наставникъ не умѣлъ хитрить, управлять волею царя ловко, незамѣтно для него. Но все-таки глубокое уваженіе и любовь къ Сильвестру и Адашеву еще крѣпко связывали царя съ ними.

Вскорѣ послѣ взятія Казани дѣло измѣнилось... Царь сильно занемогъ. Опасались скорой его кончины. По совѣту, вѣроятно, братьевъ жены онъ пожелалъ распорядиться престолонаслѣдіемъ. Въ своемъ завѣщаніи онъ назначилъ наслѣдникомъ сына своего Димитрія, недавно родившагося. Это значило, что власть до совершеннолѣтія его должна попасть въ руки Захарьиныхъ. Когда князь Воротынскій отъ имени царя началъ приводить къ присягѣ его двоюроднаго брата, Владимира Андреевича Старицкаго, и бояръ, то князь Владимиръ отказался присягать ребенку; многіе бояре тоже стали противиться этому, говоря, что они не хотятъ повиноваться Захарьинымъ: боярское правленіе было еще у всѣхъ свѣжо въ памяти. Споръ, шумныя рѣчи бояръ, даже брань услышалъ царь изъ своей опочивальни и обратился къ нимъ съ такими словами:

— „Если вы Димитрію, сыну моему, не цѣлуете креста, стало быть у васъ есть другой государь; а вѣдь вы неразъ цѣловали мнѣ крестъ, что мимо меня государей вамъ не искать. Теперь я велю вамъ служить сыну моему Димитрію, а не Захарьинымъ, а вы души свои забыли, намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите, въ чемъ намъ крестъ цѣловали, того не помните. Кто не хочетъ служить государю-младенцу, тотъ и большому не захочетъ служить, и если мы вамъ не надобны, то это на вашихъ душахъ!“

Въ отвѣтъ на это окольничій Ѳедоръ Адашевъ, отецъ царскаго любимца, высказался откровеннѣе другихъ:

— „Тебѣ, государю, и твоему сыну, царевичу Димитрію, крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ, Данилѣ съ братьею, намъ не служить: твой сынъ еще въ пеленкахъ и властвовать надъ нами будутъ Захарьины, а отъ бояръ въ твое малолѣтство мы видывали многія бѣды.“

Нѣкоторые присягнули, а другіе стояли на томъ, что лучше служить князю Владимиру Андреевичу, чѣмъ попасть въ руки къ Захарьинымъ.

Царь лично потребовалъ у князя Владимира, чтобы онъ присягнулъ; но тотъ противился.

— „Знаешь самъ, сказалъ ему царь, что станется на душѣ твоей, если креста не хочешь цѣловать!“

Затѣмъ царь обратился къ боярамъ, давшимъ присягу, и сказалъ:

— „Бояре, я боленъ, мнѣ ужъ не до того; а вы, на чемъ мнѣ и сыну моему Димитрію крестъ цѣловали, по тому и дѣлайте!“

Эти бояре стали настоятельно требовать у сторонниковъ Владимира Андреевича, чтобы они не выходили изъ царской воли и присягнули Димитрію. Снова поднялись споры, шумъ и брань... Владимира Андреевича нѣкоторые корили за то, что онъ и его мать въ это время раздавали деньги своимъ служилымъ

людямъ, какъ бы задабривая ихъ... Его даже стали бояться,—не хотѣли пускать къ больному государю. Сильвестръ, молчавшій до тѣхъ поръ, вступился за князя.

— „Зачѣмъ вы не пускаете князя Владимира къ государю? сказалъ онъ боярамъ, —онъ добра хочетъ государю.“

Бояре отвѣчали, что они поступаютъ по присягѣ царю и сыну его и заботятся о томъ, „какъ бы государству ихъ было крѣпче“.

Съ этихъ поръ началась рознь и вражда у присягнувшихъ бояръ съ Сильвестромъ и его сторонниками.

На другой день царь призвалъ бояръ и снова требовалъ отъ нихъ присяги, говорилъ, что по тяжкой болѣзни онъ самъ не можетъ приводить къ присягѣ и поручилъ это дѣло боярамъ—князьямъ Мстиславскому и Воротынскому. При этомъ царь сказалъ присягнувшимъ боярамъ:

— „Вы дали мнѣ и сыну моему душу на томъ, что будете намъ служить; а другіе бояре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣть; такъ если по волѣ Божіей умру, то вы, пожалуйста, не забудьте, на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали: не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ... А вы, Захарьины, думаете, что бояре васъ пощадятъ?—вы у нихъ будете первые мертвецы, такъ вы бы за сына моего и за его мать умерли, а жены моей на поруганіе не дали.“

Изъ этихъ словъ видно, какія тяжкія и мрачныя мысли о судьбѣ семьи обуревали душу больного царя, и какъ онъ смотрѣлъ на бояръ, не хотѣвшихъ присягать его сыну. Они испугались словъ царя, увидѣли, что онъ смотритъ на нихъ, какъ на измѣнниковъ, готовыхъ даже погубить его семью, и стали давать присягу... Нѣкоторые присягали только изъ страха, боясь, что имъ плохо придется отъ царя, въ случаѣ его выздоровленія. Не обошлось и тутъ безъ пререканій и жесткихъ словъ между боярами. Князя Владимира Андреевича, по свидѣтельству одного лѣтописца, бояре насильно заставили присягнуть,— объявили ему, что иначе не выпустятъ его изъ дворца.

Царь выздоровѣлъ. Понятно, какія чувства долженъ былъ питать онъ къ боярамъ, которые такъ долго и упорно противились его волѣ; у него, конечно, была причина сильно страшиться за участь своей семьи въ случаѣ, если бы царемъ сталъ Владимиръ Андреевичъ, который могъ живо помнить расправу съ отцомъ своимъ и дядею. И вотъ между непокорными боярами, стоявшими за Владимира, царь видитъ людей, самыхъ близкихъ къ Сильвестру и Адашеву. Отецъ Адашева прямо высказываетъ нежеланіе служить царскимъ родичамъ; самъ Сильвестръ заступается за Владимира Андреевича, а Алексѣй Адашевъ хотя и присягаетъ, но голоса его, убѣждающаго повиноваться царской волѣ, не слышно среди боярскихъ споровъ...

Конечно, царю особенно тяжко было видѣть, что тѣ люди, которыхъ онъ глубоко уважалъ, съ которыми дѣлилъ свою душу, склонялись на сторону враговъ его только потому, какъ онъ думалъ, что не ладили съ братьями царицы. Онъ не думалъ, что Сильвестръ и Адашевъ, оставаясь вполнѣ преданными ему, могли думать и о благѣ всего народа, могли искренно бояться боярскаго правленія, отъ котораго только что успѣла отдохнуть Русская земля.

Недовѣріе даже къ близкимъ людямъ, подозрительность, опасливость,

которыя улеглись было на душѣ Ивана Васильевича, снова заговорили въ немъ, но пока еще онъ не трогалъ ни Сильвестра, ни Адашева, ни близкихъ къ нему людей.

Царь далъ обѣтъ по выздоровленіи поѣхать на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, и въ началѣ весны отправился въ путь. Вопреки совѣту Максима Грека, къ которому заѣхалъ онъ въ Троицкій монастырь, онъ продолжалъ путь съ женой и малюткой-сыномъ.

На пути царь заѣхалъ въ Пѣсношскій монастырь, гдѣ жилъ въ заточеніи Вассіанъ Топорковъ, бывшій коломенскій епископъ и любимецъ Василія Ивановича. Попалъ въ заточеніе онъ во время боярскаго управленія. Курбскій разсказываетъ, будто Иванъ Васильевичъ, бесѣдуя съ Вассіаномъ, спросилъ у него:

— „Какъ долженъ я царствовать, чтобы вельможъ своихъ держать въ послушаніи?“

А Вассіанъ въ отвѣтъ царю прошепталъ:

— „Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя: если такъ станешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ, и все будетъ въ твоихъ рукахъ; если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то будешь поневолѣ слушаться ихъ.“

— „И самъ отецъ мой, если бы живъ былъ, не далъ бы мнѣ такого полезнаго совѣта!“ сказалъ царь и поцѣловалъ руку хитрому старцу, умѣвшему угадать, что придется особенно по сердцу ему.

Курбскій говоритъ, будто бы отъ этого злостнаго совѣта и началась бѣда; но и раньше уже, какъ сказано, царь сталъ враждебно смотрѣть на бояръ.

Поѣздка царя на богомолье кончилась несчастіемъ: маленькій сынъ его скончался.

Хотя Сильвестръ и Адашевъ все еще были близки къ государю, но холодность его къ нимъ замѣтно возрастала. Опека этихъ людей, превосходство которыхъ надъ собою онъ чувствовалъ, тяготила его; притомъ были, конечно, и люди, которые возбуждали его противъ Сильвестра и Адашева, наговаривали на нихъ. Такъ дѣло шло до весны 1560 года.

Прежніе любимцы и ближайшіе совѣтники царя скоро и сами почувствовали неловкость своего положенія... Адашевъ отправился воеводою въ Ливонію, гдѣ шла тогда война, а Сильвестръ удалился въ Кирилловъ монастырь.

Въ этомъ же 1560 году на царя обрушилось новое несчастіе: любимая супруга его царица Анастасія скончалась. Онъ былъ въ большомъ горѣ. Этимъ печальнымъ случаемъ воспользовались недруги Сильвестра и Адашева, чтобы доконать ихъ,—пустили въ ходъ молву, что Анастасія изведена ихъ чарами...

Хоть и нелѣпы были эти розсказни, но нашлись люди, готовые вѣрить имъ,—тѣмъ болѣе, что покойная царица была не въ ладахъ съ Сильвестромъ и Адашевымъ. Слушалъ эти розсказни и самъ царь. Узнавъ о клеветѣ, изгнанники писали къ царю, умоляли его, чтобы наряженъ былъ судъ; чтобы дали имъ очную ставку съ клеветниками; но послѣдніе, конечно, пуще всего боялись встрѣтиться лицомъ къ лицу съ обвиненными, которые несомнѣнно доказали бы всю нелѣпость гнусной клеветы.

Стали тогда враги Сильвестра и Адашева выговаривать царю, что этихъ изгнанниковъ опасно ему и на глаза себѣ пускать; что они однимъ взоромъ своимъ могутъ снова заворожить его, поработить по прежнему его царскую волю своей. Пугали царя и тѣмъ, что народъ и войско очень расположены къ Сильвестру и Адашеву и можетъ подняться изъ-за нихъ мятежъ.

Ненавистники прежнихъ царскихъ любимцевъ старались подѣйствовать на царя и страхомъ, и лестью; говорили ему между прочимъ о нихъ:

— „Они тебя держали до сихъ поръ какъ въ оковахъ. По ихъ приказу ты пилъ и ѣлъ; ни въ чемъ они не давали тебѣ воли, ни въ большомъ, ни въ маломъ, не давали тебѣ ни людей твоихъ миловать, ни царствомъ твоимъ владѣть. Если бы не они при тебѣ были и не держали тебя какъ въ уздѣ, то ты владѣлъ бы теперь почти всею вселенною. Теперь, когда ты отогналъ ихъ отъ себя, то пришелъ въ свой разумъ, открылись твои очи, смотришь свободно на свое царство и самъ одинъ управляешь имъ“.

Подобныя рѣчи, конечно, приходились по душѣ самолюбивому Ивану Васильевичу.

Судъ надъ Сильвестромъ и Адашевымъ былъ произведенъ заочно, несмотря на заявленіе митрополита и еще нѣсколькихъ благомыслящихъ людей, что надо призвать и выслушать подсудимыхъ; изъ заочно и безъ явныхъ уликъ признали виновными. Сильвестръ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, а Адашева заключили въ Дерптѣ, гдѣ онъ мѣсяца черезъ два и умеръ отъ горячки. Враги его распустили молву, будто онъ не могъ вынести, что измѣна его открыта, и отравился ядомъ.

Недруги Сильвестра и Адашева торжествовали.

Иные люди стали теперь подлѣ царя; иные и порядки начались. Хотѣлъ царь быть настоящимъ самодержцемъ, но на бѣду былъ рабомъ своихъ страстей. Пока были предъ его глазами люди высокаго ума, ревнителя добра и правды, и онъ проникался добромъ и правдою, уважалъ своихъ умныхъ совѣтниковъ, свои помыслы направлялъ ко благу народа... Суровый Сильвестръ умѣлъ въ душу царя вселить чувство страха Божія, умѣлъ дѣйствовать на его пугливую совѣсть; любящая и любимая его супруга Анастасія своею любовью и кротостью смиряла буйные порывы его. Но вотъ не стало подлѣ него ни жены, ни Сильвестра ни другихъ добрыхъ совѣтниковъ. Хотя царь уважалъ и любилъ ихъ, но безъ нихъ сначала ему стало какъ будто легче, словно тяжелая обуза свалилась съ плечъ его: слишкомъ самолюбивымъ людямъ обидно видѣть подлѣ себя лицъ, превосходящихъ ихъ умомъ или нравственнымъ достоинствомъ; превосходство другихъ словно ихъ давитъ. А Иванъ Васильевичъ былъ страшно самолюбивъ. Новые совѣтники его вовсе не походили на прежнихъ: это были люди своекорыстные, думавшіе только о себѣ, ничтожные по уму, мелкіе по чувствамъ, низкіе льстецы. Уважать подобныхъ людей царь не могъ, быть можетъ, въ душѣ даже презиралъ ихъ; но они сдѣлались необходимы для него: они умѣли ловко потакать страстямъ и склонностямъ его, умѣли пріятно щекотать его самолюбіе и успокаивать тревоги его совѣсти.

Прихотливый, непостоянный нравъ Ивана требовалъ перемѣны ощущеній, разгула, удалыхъ потѣхъ... При жизни жены и при Сильвестрѣ, кото-

рый, надо полагать, и въ царскомъ домѣ старался водворить „праведную“ и „порядливую“ жизнь по правиламъ „Домостроя“, не было простору царю; теперь же нравъ его развернулся во всей своей силѣ... Въ разгулѣ и попойкахъ онъ хотѣлъ забыть и утрату любимой жены, и „унизительный плѣнъ у лихихъ чаровниковъ—Сильвестра и Адашева“, какъ старались увѣрить царя новые его совѣтники.

„Начинаются, говоритъ Курбскій, частые пиры и попойки, чаши великія наполняются „зѣло пьянымъ“ питьемъ. Первую чашу пьютъ за здравіе царя, потомъ за здравіе всѣхъ пирующихъ съ нимъ, и пока не упьются допьяна или до неистовства, до тѣхъ поръ приносятъ все новыя и новыя чаши. А кто не хочетъ больше пить, тѣхъ всячески принуждаютъ, смѣются надъ ними, издѣваются, на голову выливаютъ имъ вино или кричатъ:

— „Вотъ, государь, такой-то (называютъ имя) не хочетъ веселиться на твоемъ пиру, тебя и насъ осуждаетъ, смѣется надъ нами, какъ надъ пьяницами! Это твои недоброхоты, государь: они несогласны съ тобой, не слушаютъ тебя! Сильвестровъ и Алексѣевъ духъ еще не вышелъ изъ нихъ!“

Такимъ образомъ на этихъ попойкахъ отставать отъ другихъ въ питьѣ и веселье становилось не только неудобно, но даже и опасно.

Новые любимцы царя выдумывали ежедневно разныя потѣхи и игрища, чтобы веселить его. Шумные пиры, попойки, скоморошество, разгулъ,—вотъ это, занимало теперь его. Лучшіе люди, конечно, скорбѣли, глядя на все, что жалѣли о прежнихъ царскихъ совѣтникахъ. Эти люди съ печальными лицами, съ горькимъ упрекомъ во взорахъ, безъ сомнѣнія, становились ненавистны и царскимъ любимцамъ, и самому царю...

— „Вотъ твои недоброхоты, шептали ему наушники, указывая на этихъ людей,—они распускаютъ вредные для тебя слухи, сѣютъ вражду къ тебѣ“

Злоба въ сердцѣ царя росла съ каждымъ днемъ: онъ не хотѣлъ и мысли допустить, чтобы кто-либо, кромѣ его самого, осмѣливался бы осуждать его поступки... Наконецъ, начались опалы и казни. Прежде всего пострадали люди, близкіе къ Адашеву: ихъ лишали имѣній, ссылали по отдаленнымъ мѣстамъ. Данилъ Адашевъ (братъ Алексѣя), обвиненный въ томъ, что будто бы думалъ чарами извести царя, былъ казненъ съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ своимъ. Казнено было и еще нѣсколько родичей Адашева.

Князь Димитрій Овчининъ-Оболенскій оскорбилъ царскаго любимца Ѳедора Басманова, тотъ пожаловался царю. По царскому приказу князь былъ позванъ на обѣдъ. Государь ласково угощалъ его за столомъ, велѣлъ налить ему большую чашу меду. Овчининъ, уже пьяный, не могъ допить чашу.

— „Такъ ли ты мнѣ, государю своему, добра желаешь?—сказалъ тогда царь.—Если ты не захотѣлъ здѣсь выпить за здоровье мое, то иди въ мой погребъ, тамъ всякіе есть напитки, тамъ и выпьешь за мое здоровье!“

Пьяный бояринъ, думая, что царь любезно съ нимъ шутитъ, пошелъ въ сопровожденіи царскихъ людей въ погребъ. Тамъ, говорятъ, его по приказанію царя и задавили.

Въ эту же пору пострадалъ и другой знатный бояринъ—князь Михаилъ Рѣпнинъ. Довелось ему быть на царскомъ пирѣ. Вино лилось рѣкой...

Поднялось шумное веселье. Опьянѣвшіе гости, а съ ними и царь, стали плясать вмѣстѣ со скоморохами, надѣвъ личины (маски).

Не вынесъ этого зрѣлища благочестивый и знатный бояринъ и заплакалъ.

— „Не достойно тебѣ, о царь христіанскій,—сказалъ онъ,— творить подобное!“

Царь же сталъ нудить и Рѣпнина принять участіе въ общемъ весельѣ.

— „Веселись и играй съ ними!“—сказалъ ему царь, и сталъ надѣвать на него маску.

— „Не будетъ того, чтобъ я, думный бояринъ, сотворилъ такое безуміе и безчинство!“ съ негодованіемъ воскликнулъ Рѣпнинъ, бросилъ маску на полъ и потопталъ ее.

Въ ярости царь прогналъ его отъ себя, а чрезъ нѣсколько дней Рѣпнинъ, по его приказу, былъ убитъ, какъ говоритъ Курбскій, въ церкви, такъ что кровь его обагрила церковный помостъ.

Одинъ за другимъ лучшіе бояре подвергались опаламъ и казнямъ: князя Курлятева, друга Адашева, сначала насильно постригли въ монахи со всѣмъ семействомъ, а потомъ убили; князя Михаила Воротынскаго съ женой и дѣтьми сослали на Бѣлоозеро; пострадали и бояре Шереметевы и др.

Москва опѣпенѣла въ ужасѣ... Кровь лилась; темницы наполнялись заключенными, монастыри—ссыльными. Каждому боярину, недовольному новыми порядками, приходилось трепетать за свою жизнь. Съ каждой новой жертвой царскаго гнѣва росло число недовольныхъ. Хотя казнь и ссылка обыкновенно постигали не только лицъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе или гнѣвъ царя, но и родичей ихъ,—все-таки оставались же въ Москвѣ лица, близкія къ пострадавшимъ или знакомыя, да и совсѣмъ посторонніе люди не могли не возмущаться несправедливостью и жестокостью, которыя при новыхъ совѣтникахъ царя стали господствовать... Только наушникамъ и доносчикамъ, готовымъ, ради своей выгоды, лгать и клеветать на кого угодно, жилось въ эту пору хорошо. Печальный видъ какого-либо боярина, смѣлое и правдивое слово, укоръ кому-либо изъ новыхъ царскихъ любимцевъ,—все это давало поводъ къ доносамъ и навѣтамъ, все это доводилось до-вѣдома подозрительнаго Ивана Васильевича и вело къ опаламъ и казнямъ.

Злоба въ душѣ царя росла; ненависть къ боярамъ, таившаяся въ его сердцѣ еще съ дѣтства, разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Ему казалось, что кругомъ него страшная крамола и измѣна; постоянные навѣты и доносы еще больше поддерживали эту мысль. То страхъ, то злоба овладѣвали сердцемъ его. Умъ его туманился: онъ свирѣпѣлъ все больше и больше. Въ это время шла у него борьба съ Литвою, и мысль, что бояре могутъ измѣнить ему, передаться на сторону враговъ, волновала его. Онъ бралъ съ бояръ „поручныя записи“,—обязательства служить вѣрно и ему, и его дѣтямъ, не искать другого государя, не отъѣзжать въ Литву и иныя государства. Мало того, что сами бояре давали клятвенныя обѣщанія не измѣнять, царь заставлялъ и другихъ за нихъ ручаться съ обязательствомъ уплатить въ казну большія деньги въ случаѣ ихъ измѣны. Случаи измѣны и ухода бояръ въ Литву уже сказывались... Князь Вишневецкій, старшина днѣпровскихъ казаковъ, явился было

на службу въ Москву, чтобы громить Крымъ, но увидѣлъ, что это дѣло не сладится, и ушелъ на службу къ Литовскому князю.

Иванъ Васильевичъ досадовалъ, но не хотѣлъ показать этого и велѣлъ гонцу говорить въ Литвѣ, если его спросятъ о Вишневецкомъ: „Притекъ онъ къ нашему государю, какъ собака, и утекъ, какъ собака, и государю нашему, и землѣ нашей отъ этого нѣтъ никакого убытка". Въ это же время бѣжали въ Литву бояре Черкасскіе.

Но ни одна измѣна не поразила такъ сильно Ивана Васильевича, какъ измѣна князя Курбскаго.

Измѣна Курбскаго и переписка его съ царемъ.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій особенно прославился при взятіи Казани. Еще раньше онъ выказалъ свою отвагу, отражая татаръ отъ русской южной украины; несмотря на раны, онъ неутомимо бился подъ Казанью и немало помогъ взятію ея и истребленію татарскаго войска. Царь высоко цѣнилъ воинскую доблесть Курбскаго. Когда въ Ливонской войнѣ дѣла русскихъ приняли было худой оборотъ и русскія войска пріуныли, царь призвалъ его и сказалъ:

— „Принужденъ я или самъ итти супротивъ Лифлянтовъ, или тебя, любимаго моего, послать, „да охрабрится" снова мое войско. Иди и съ Божіей помощью послужи мнѣ вѣрно."

Не напрасно царь надѣялся на мужество и военное искусство Курбскаго: онъ въ два мѣсяца одержалъ восемь побѣдъ надъ рыцарями и разгромилъ Ливонію. До 1563 года онъ безупречно и доблестно служилъ царю и отечеству, но въ этомъ году дѣло измѣнилось. Въ одномъ случаѣ царскому любимцу не посчастливилось: подъ Невлемъ онъ проигралъ битву, хотя у него было гораздо больше войска, чѣмъ у непріятеля. Неудача эта разсердила царя, и онъ обмолвился гнѣвнымъ словомъ... Друзья Курбскаго извѣстили его объ этомъ. Зналъ онъ и раньше о перемѣнѣ въ царѣ, о лютыхъ казняхъ, о ненависти царя къ боярамъ и глубоко скорбѣлъ. Одинъ за другимъ гибли въ Москвѣ отъ царскаго гнѣва люди, близкіе Курбскому, бояре именитые, оказавшіе большія услуги царю; и вотъ—очередь за нимъ. Ему ли на тридцать пятомъ году жизни, полному силъ и надеждъ, уже знаменитому побѣдами, образованнѣйшему изъ русскихъ бояръ, погибнуть безславной смертью на плахѣ? Ему ли, потомку Владимира Мономаха, не вѣдающему за собой никакого проступка, пострадать отъ гнѣва царя, окруженнаго презрѣнными наушниками, готовыми чернить всѣхъ честныхъ людей? Подобные вопросы легко могли явиться у Курбскаго. Могло припомниться ему и старое право не только именитыхъ князей, но даже и простыхъ дружинниковъ переходить по своему желанію на службу отъ одного русскаго князя къ другому. А польскій король, онъ же и великій князь литовскій и русскій (по юго-западнымъ русскимъ областямъ), уже разсылалъ московскимъ боярамъ зазывные листы, обѣщая имъ королевскую ласку и привольное житье въ своемъ государствѣ. Нѣкоторые уже и перешли на службу въ Литву.

Мысль о позорной казни послѣ скольких заслугъ возмущала Курбскаго, а жить, видно, ему еще очень хотѣлось.

— „Чего хочешь ты, спросилъ онъ свою жену, мертвымъ ли видѣть меня предъ собой, или съ живымъ навѣки разстаться?“

— „Не только видѣть тебя мертвымъ, но и слушать о смерти твоей не желаю!“ отвѣтила жена.

Обливаясь горькими слезами, простился Курбскій съ женою и сыномъ Тайкомъ, ночью перелѣзъ онъ черезъ городскую стѣну (города Дерпта, гдѣ онъ былъ въ то время воеводою). Здѣсь въ полѣ ждалъ его вѣрный слуга Василій Шибановъ съ конями, и Курбскій, вдвоемъ со своимъ холопомъ, ускакалъ въ городъ Вольмаръ, занятый въ то время литовцами. Сильно обрадовались враги Москвы измѣнѣ знаменитаго русскаго воеводы.

Но едва ли радовался онъ самъ... Бѣжалъ онъ отъ позорной смерти, но позоръ измѣны слѣдовалъ за нимъ по пятамъ! Стыдъ, горе и ненависть къ тому, кто побудилъ его опозорить себя измѣною, давили его. Страстно захотѣлось ему излить свои чувства, сказать царю ту горькую правду, которой никто не осмѣлился бы сказать ему въ лицо, сорвать свое сердце...

И вотъ Курбскій пишетъ письмо къ Ивану Васильевичу, полное горькихъ укоровъ. Вѣрный холопъ Курбскаго, Василій Шибановъ, готовый служить даже прихотямъ своего любимаго господина, повезъ письмо въ Москву, подалъ его на Красномъ крыльцѣ самому царю и сказалъ:

— „Отъ господина моего, твоего изгнанника, князя Курбскаго!“

Царь въ припадкѣ страшнаго гнѣва, по словамъ преданія, ударилъ своимъ остроконечнымъ посохомъ въ ногу Шибанова и пробилъ ее. Кровь заструилась изъ раны у него, но онъ даже не измѣнился въ лицѣ и стоялъ недвижно, а царь налегъ на свой посохъ и приказалъ читать письмо.

Посланіе Курбскаго.

„Царю, отъ Бога препрославленному, пресвѣтлому прежде въ православіи, а теперь за наши грѣхи ставшему противникомъ этому. Да разумѣетъ разумѣющій,—да разумѣетъ тотъ, у кого совѣсть прокаженная, какой даже не найти и среди безбожныхъ народовъ!“

Такъ начинается письмо Курбскаго.

— „За что, о царь,—спрашивалъ онъ далѣе,— сильныхъ во Израили ты побилъ и воеводъ, данныхъ тебѣ Богомъ, разнымъ казнямъ предалъ и побѣдоносную и святую кровь ихъ пролилъ, мученическою ихъ кровью церковные пороги обагрилъ?“

„За что на доброхотовъ твоихъ, душу свою за тебя полагающихъ, умыслилъ ты неслыханныя мученія и гоненія, ложно обвиняя ихъ въ измѣнахъ и чародѣйствахъ?... Чѣмъ провинились они предъ тобою, о царь? Чѣмъ прогнѣвали тебя? Не они ли пречудныя царства разорили и своимъ мужествомъ и храбростью покорили тебѣ тѣхъ, у которыхъ прежде наши предки были въ рабствѣ? Не ихъ ли разумомъ достались тебѣ претвердые города германскіе (ливонскіе)? Это ли намъ бѣднымъ воздаяніе твое, что ты губишь насъ пѣлыми родами? Ужъ не безсмертнымъ ли себя, царь, считаешь? Ужъ не прельщенъ ли

ты небывалой ересью, не думаешь ли, что тебѣ не придется и предстать предъ неподкупнымъ Судіею, Іисусомъ Христомъ?... Онъ, Христосъ мой, сидящій на престолѣ херувимскомъ, будетъ Судіею между тобою и мною!"

„Какого только зла я не потерпѣлъ?! За благія дѣла мои ты воздалъ мнѣ зломъ, за любовь мою—ненавистью! Кровь моя, какъ вода, пролитая за тебя, вопіетъ на тебя къ Господу моему! Богъ свидѣтель, прилежно я размышлялъ, искалъ въ умѣ своемъ и не нашелъ своей вины и не знаю, чѣмъ согрѣшилъ я предъ тобою. Ходилъ я предъ войскомъ твоимъ и не причинилъ тебѣ никакого безчестія, только славныя побѣды, съ помощью ангела Господня, одерживалъ во славу тебѣ... И такъ не одинъ годъ и не два, но много лѣтъ трудился я въ потѣ лица, съ терпѣньемъ трудился вдали отъ отечества, мало видѣлъ и моихъ родителей, и жену мою. Въ далекихъ городахъ противъ враговъ моихъ боролся, многія нужды терпѣлъ и болѣзни... Много разъ былъ раненъ въ битвахъ, и тѣло мое уже все сокрушено язвами. Но для тебя, царь, все это ничего не значитъ, и ты „нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче разженыя печи, являешь къ намъ".

„Хотѣлъ было я разсказать по порядку всѣ мои ратныя дѣла, которыя совершалъ на славу твою, съ помощью Христа; но не разсказалъ потому, что Богъ лучше знаетъ, нежели человѣкъ. Богъ за все мздовоздатель... Да будетъ вѣдомо тебѣ, царю,—уже не увидишь ты въ этомъ мірѣ лица моего. Но не думаю, что я буду молчать! до смерти моей буду непрестанно вопіять со слезами на тебя безначальной Троицѣ... Не думай, царь, что избіенные тобой неповинно, заточенные и изгнанные безъ правды, уже погибли окончательно, не хвались этимъ какъ побѣдой. Избіенные тобой у престола Господня стоятъ, отмщенія на тебѣ просятъ; заключенные же и изгнанные тобой безъ правды на землѣ вопіютъ на тебя къ Богу и день и ночь!..."

„Письмо это, говоритъ въ заключеніе Курбскій, слезами измоченное, умирая, идя къ Богу моему, Іисусу Христу, на судъ съ тобою, велю вложить съ собою въ гробъ".

Понятно, какъ это посланіе должно было подѣйствовать на царя. Одинъ изъ лучшихъ воеводъ его, одинъ изъ надежныхъ бояръ измѣняетъ ему, переходитъ къ врагамъ, дерзко коритъ его, своего царя, говоритъ, что у него „прокаженная совѣсть"! Измѣна Курбскаго и письмо его, конечно, разожгли еще пуще злобу царя, еще больше усилили его недовѣріе къ боярамъ. Кому же и вѣрить изъ нихъ, если Курбскій измѣнилъ ему и выказалъ столько вражды?!...

Царь приказалъ пытать Шибанова, чтобы вывѣдать отъ него всѣ подробности побѣга Курбскаго, узнать его доброхотовъ и единомышленниковъ въ Москвѣ. Шибановъ подвергся страшнымъ пыткамъ; но въ мученіяхъ хвалилъ своего господина и не открылъ ничего. Такая твердость и вѣрность слуги своему господину изумили всѣхъ...

Гнѣвъ и злоба, закипѣвшіе въ душѣ царя отъ укоровъ измѣнника, требовали исхода; но жертва ускользнула изъ рукъ,—оставалось только одно—донять измѣнника словомъ, и царь излилъ свои чувства и мысли въ огромномъ

посланіи Курбскому. Много сказалось здѣсь и ѣдкихъ словъ, и горькой правды, и обидной напраслины... Сильно, видно, говорило сердце у царя, когда онъ писалъ свое посланіе: нѣтъ здѣсь той связности и обдуманности, какая бываетъ у того, кто пишетъ спокойно,—иныя мысли какъ будто недосказаны, другія повторяются, мѣстами рѣчь запутанная; но изъ посланія царя видны и умъ его, и начитанность; видны и взгляды его на самодержавіе, на царскія обязанности, на бояръ... Вотъ почему письмо это драгоцѣнно для исторіи.

Посланіе царя.

Посланіе начинается очень длиннымъ вступленіемъ: „Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть Отецъ и Сынъ и Святой духъ, ниже начала имать, ниже конца, о немъ же живемъ и движемся есмы, имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду“... Далѣе во вступленіи говорится: „Побѣдоносная хоругвь и крестъ честный даны первому въ благочестіи царю Константину Великому и его преемникамъ, всѣмъ православнымъ царямъ и блюстителямъ православія... Божія слова всю вселенную, какъ орлы, облетѣли... Искра благочестія дошла и до Русскаго царства: самодержавство Божіимъ изволеніемъ получило начало отъ великаго князя Владимира, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго князя Владимира Мономаха, который отъ грековъ „высокодостойнѣйшую честь“ принялъ, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, побѣдившаго безбожныхъ нѣмцевъ, и достохвальнаго великаго государя Димитрія, который одержалъ за Дономъ великую побѣду надъ безбожными агарянами. Дошло самодержавство до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великаго государя Ивана, до блаженной памяти отца нашего, великаго государя Василія, старыхъ прародительскихъ земель обрѣтателя, дошло и до насъ смиренныхъ скипетродержаніе Русскаго царствія. Мы же хвалимъ за премногую милость къ намъ Бога, не попустившаго доселѣ рукѣ нашей обагриться единоплеменною кровью, потому что мы ни у кого не отнимали царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей, и родителей своихъ благословеніемъ какъ родились въ царскомъ достоинствѣ, такъ и выросли, и возпарились,—свое взяли, не чужое отняли“...

Послѣ этихъ словъ, которыми Иванъ Васильевичъ, очевидно, хотѣлъ показать всю законность, всю силу и величіе своей власти, онъ обращается къ Курбскому:

„Нашъ христіанскій смиренный отвѣтъ бывшему прежде истиннаго христіанскаго самодержавства и нашего государства боярину и совѣтнику и воеводѣ, а нынѣ же клятвопреступнику и губителю христіанства, и врагамъ его служителю, князю Андрею Михайловичу Курбскому“...

„Зачѣмъ, князь, думая соблюсти благочестіе, ты душу свою отвергъ? Что дашь взамѣнъ ея въ день страшнаго суда? Если и весь міръ пріобрѣтешь, все же, наконецъ, смерть постигнетъ тебя! Зачѣмъ ради тѣла погубилъ ты душу свою? Убоялся ты смерти по ложному слову своихъ друзей, а всѣ они, какъ бѣсы, преступившіе крестное цѣлованіе, всюду намъ сѣти разставляли, надзирая за нашими словами и движеньями, думая, что мы должны быть (безгрѣшны) какъ безплотные, и потому сплетали на насъ поношенія и укоризны... Отъ

этихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнились вы ярости на меня, какъ смертоноснаго змѣинаго яда, и душу свою погубили и на разореніе церкви стали... Или думаешь, окаянный, что убережешься отъ этого? Никакъ! Если придется тебѣ заодно съ ними (литовцами) воевать, то долженъ будешь ты и церкви (православныя) разорять, и иконы попирать, и христіанъ губить. Гдѣ руками своими не дерзнешь творить этого, то мыслью своею смертоносною (совѣтомъ) много злобы сотворишь. Подумай же, какъ, при вражескомъ нашествіи, конскими копытами будутъ растерзаны и растоптаны нѣжные члены младенцевъ... И вотъ твое „злобѣсное умышленіе“ уподобится Иродову неистовству въ избіеніи младенцевъ“...

„Ты, ради тѣла, душу погубилъ... Разумѣй же, бѣднякъ, съ какой высоты и въ какую пропасть низвергся ты!... Это ли твое благочестіе, что погубилъ ты душу свою ради своего самолюбія? Разумные люди и тамъ (въ Литвѣ) поймутъ, что ты, желая славы мимолетной и богатства, это сдѣлалъ, а не отъ смерти бѣжалъ. Если ты праведенъ и благочестивъ, какъ говоришь, почему же убоялся неповинной смерти,—вѣдь это не смерть, а пріобрѣтеніе? Придется же во всякомъ случаѣ умереть! Презрѣлъ ты и слова апостола Павла: „Всякая душа владыкамъ властвующимъ да повинуется: нѣтъ такого владычества, которое не отъ Бога учинено,—и потому противящійся власти Божію повелѣнію противится“. Смотри же и пойми: кто противится власти, тотъ Богу противится. А кто Богу противится, тотъ зовется отступникомъ, а это—горчайшее согрѣшеніе. Сказано это апостоломъ о всякой власти, которая даже добыта кровью и войною. Припомни же сказанное выше, что мы не насиліемъ пріобрѣли царство... Презрѣлъ ты также слова апостола Павла, сказанныя въ другомъ мѣстѣ: „Рабы, слушайтесь своихъ господъ, не только предъ очами ихъ повинуясь, какъ человѣкоугодники, но какъ Богу, и не только благимъ (господамъ), но и строптивымъ, не только за гнѣвъ, но и за совѣсть“. Это воля Божія, творя благое, пострадать!

„Почему же не захотѣлъ ты отъ меня, строптиваго владыки, страдать и вѣнецъ жизни (нетлѣнный мученическій вѣнецъ) наслѣдовать? Ради временной славы, сребролюбія и сладостей міра сего, ты все свое душевное благочестіе съ христіанскою вѣрою и закономъ попралъ!

„Какъ не устыдился ты раба своего Васьки Шибанова! Онъ благочестіе свое соблюлъ. Предъ царемъ и предъ народомъ, при смертныхъ вратахъ стоя, онъ не измѣнилъ крестному цѣлованію, но, восхваляя тебя, готовъ былъ всякую смерть принять за тебя... А ты изъ-за одного гнѣвнаго слова моего не только свою душу, но и души всѣхъ прародителей погубилъ, потому что Богъ дѣду нашему поручилъ ихъ въ работу; и они, давъ свои души (т.-е. присягнувъ), до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служить дѣда нашего дѣтямъ и внучатамъ. И это все ты забылъ, „собацкимъ измѣннымъ обычаемъ“ преступилъ крестное цѣлованіе, соединился съ врагами христіанъ, да къ тому же еще „скудоумными словами“ нелѣпости говоришь противъ насъ, словно камни на небо бросая...

„Писаніе твое я хорошо уразумѣлъ (вразумлено внятельно)... Оно кажется снаружи наполненнымъ меда и сота, но ядъ аспида ты скрылъ подъ устами

своими... Отъ слѣпотствующей злобы твоей ты не можешь истины и видѣть... Развѣ это „совѣсть прокаженная“—свое царство держать въ своей рукѣ, и власти своимъ рабамъ не давать? Развѣ тотъ „супротивникъ разуму“, кто не хочетъ быть во власти своихъ рабовъ? И въ томъ ли „православіе пресвѣтлое“, чтобы рабы владѣли и повелѣвали?

„Если и есть на мнѣ малое согрѣшеніе, то отъ вашего же соблазна и измѣны. Я—человѣкъ: нѣтъ человѣка безъ грѣха, безгрѣшенъ только единъ Богъ. Я не считаю себя, какъ ты, выше человѣка, равнымъ ангеламъ. А о безбожныхъ государяхъ что и говорить! Они своими царствами не владѣютъ: какъ велятъ имъ ихъ рабы, такъ они и властвуютъ; а россійскіе самодержцы изначала сами владѣютъ, а не бояре и вельможи. И ты этого не могъ въ своей злобѣ разсудить; по твоему благочестіе—самодержавству быть подъ владычествомъ попа и подъ вашей властью, а это по твоему разуму—нечестіе, что мы сами захотѣли имѣть власть, данную намъ отъ Бога, и не пожелали быть подъ властію попа...

„Потому ли я противникомъ вашимъ явился, что не далъ вамъ погубить себя?... А ты самъ поступилъ и противъ разума, и противъ клятвы изъ-за ложнаго страха смерти!... Чего самъ не творишь, то намъ совѣтуешь... Какъ начали вы поношенія и укоризны намъ, такъ и нынѣ не перестаете, звѣриной яростью распалясь, совершаете вы свою измѣну. Эта ли ваша доброхотная, прямая служба—поносить и укорять?!...

„Что же, собака, и пишешь, и соболѣзнуешь, совершивъ такую злобу?“

Затѣмъ въ письмѣ приводятся примѣры изъ священной исторіи и изъ исторіи Греціи, показывающіе, что подданнымъ слѣдуетъ покоряться власти, а властителямъ слѣдуетъ быть въ иныхъ случаяхъ и очень строгими, по словамъ апостола: „иныхъ милуйте, иныхъ же страхомъ спасайте“. Злодѣевъ нельзя называть мучениками, не разбирая, за что кто пострадаетъ... Злодѣевъ щадить не слѣдуетъ... пишетъ царь,—Константинъ Великій убилъ сына своего для блага царства, князь Ѳедоръ Ростиславичъ, прародитель твой, много крови пролилъ въ Смоленскѣ на Пасху, а все же причтенъ къ лику святыхъ. Давидъ оказался угоднымъ Богу, хотя и приказалъ избить въ Іерусалимѣ своихъ враговъ и ненавистниковъ“...

„И во всякое время, говорится далѣе въ письмѣ,—царямъ слѣдуетъ быть осмотрительными: иногда кротчайшими, иногда же ярыми; добрымъ людямъ оказывать милость и кротость, злымъ ярость и мученіе. Не могущій такъ поступать не царь. Хочешь не бояться власти?—благотвори. Если же злое творишь,—бойся: не напрасно царь носитъ мечъ, а на месть злодѣямъ и въ защиту добродѣямъ“.

„Ты же уподобился Іудѣ предателю! Какъ онъ на Владыку всѣхъ „возбѣсился“ и на смерть предалъ Его, такъ и ты, пребывая съ нами и хлѣбъ нашъ вкушая, собиралъ злобу на насъ въ своемъ сердцѣ!... Почему ты являешься учителемъ моимъ? Кто тебя поставилъ судьей или начальникомъ надъ нами?... Отъ кого ты посланъ проповѣдывать? Кто рукополагалъ тебя?...

„Нигдѣ ты не найдешь того, чтобы не разрушилось царство, обладаемое попами. Они въ Греціи царство погубили и туркамъ подчинились! Эту погибель и намъ совѣтуешь? Пусть она на твою голову падетъ.

„Развѣ это хорошо, попу и прегордымъ лукавымъ рабамъ владѣть, а царю только царскимъ почетомъ пользоваться, а властью быть ничѣмъ не лучше раба? Какъ же онъ и самодержцемъ будетъ называться, если не самъ все устрояетъ?“

Далѣе Иванъ Васильевичъ приводитъ примѣры изъ ветхозавѣтной исторіи для подтвержденія своихъ мнѣній.

„Когда Богъ избавилъ израильтянъ отъ рабства египетскаго, то вспомни, кого поставилъ властвовать, священника или многихъ правителей? Одного Моисея поставилъ властителемъ, а священствовать велѣлъ Аарону, а въ мірскія дѣла не вмѣшиваться. Когда же Ааронъ сталъ вмѣшиваться, тогда отпали люди даже отъ Бога... Когда Илій жрецъ взялъ на себя и священство, и царство, то и самъ, и сыновья его погибли злою смертью и весь Израиль побѣжденъ былъ до дней царя Давида!“

Затѣмъ въ письмѣ приводятся примѣры изъ исторіи Рима, Византіи, Италіи, въ доказательство того, что и могучія царства гибли отъ раздѣленія власти и подчиненія царей вельможамъ. „Иное дѣло, говорится далѣе, душу свою спасать (быть инокомъ), иное—заботиться о душѣ и тѣлѣ многихъ; иное дѣло—святительская власть, иное—царское правленіе. Въ монашествѣ можно быть подобно агнцу смиренному, или птицѣ, которая не сѣетъ, не жнетъ и въ житницы не собираетъ; царское же правленіе требуетъ страха и запрещенія, и обузданія... Горе, говоритъ пророкъ, дому тому, которымъ многіе обладаютъ“. „Видишь, обращается Иванъ Васильевичъ къ Курбскому, что владѣніе многихъ подобно женскому безумію!“

Далѣе царь коритъ Курбскаго за то, что онъ называетъ измѣнниковъ доброхотными. „А что ты писалъ, „за что я сильныхъ во Израили побилъ и воеводъ, данныхъ намъ отъ Бога, погубилъ разными смертями“ — такъ это ты писалъ ложно, лгалъ, какъ отецъ твой дьяволъ научилъ“...

„Кто сильнѣйшій во Израили, не знаю; земля правится Божіимъ милосердіемъ, Пречистой Богородицы милостію, всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и наконецъ нами, государями, а не судьями и воеводами. Если я и казнилъ разными смертями воеводъ своихъ, такъ ихъ у насъ множество и кромѣ васъ измѣнниковъ. Своихъ холоповъ вольны мы жаловать, вольны и казнить... Въ иныхъ земляхъ самъ увидишь, сколько зла творится злымъ: тамъ не по здѣшнему! Это вы своимъ злобѣснымъ обычаемъ утвердили, чтобъ измѣнниковъ любить: въ иныхъ земляхъ ихъ казнятъ, тѣмъ и власть утверждается. А мукъ, гоненія и смертей различныхъ ни-на кого я не умышлялъ, а что упомянулъ ты объ измѣнахъ и чародѣйствѣ, такъ собакъ такихъ всюду казнятъ!“...

Послѣ этого въ письмѣ подробно припоминаетъ Иванъ Васильевичъ о тѣхъ обидахъ, какія онъ терпѣлъ отъ бояръ въ дѣтствѣ, о тѣхъ смутахъ и беззаконіяхъ, какія творили они послѣ смерти матери его. Глубоко запали въ память Ивана Васильевича разные даже мелочные случаи, поразившіе его въ дѣтствѣ.

Припоминаетъ онъ о самоуправствѣ и насиліяхъ бояръ надъ близкими ему людьми; затѣмъ говоритъ: „насъ же съ единороднымъ братомъ, святопочившимъ Юріемъ, держали какъ постороннихъ и убогихъ дѣтей. Какихъ только лишеній не вынесъ я въ одеждѣ и пищѣ?!“

„Вспомню хоть это одно: играю я въ дѣтствѣ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись и положивъ ногу на постель нашего отца... Кто можетъ вынести такую гордыню? Трудно исчислить, сколько страданій вынесъ я въ дѣтствѣ! много разъ поздно ѣлъ не по своей винѣ... Что сказать о казнѣ (имуществѣ) родительской? Все лукаво расхитили, будто дѣтямъ боярскимъ на жалованье, и дѣда нашего безчисленную казну и отца себѣ захватили... Наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и имена родителей своихъ на нихъ вырѣзали, будто это ихъ родительское добро... А о казнѣ дядей нашихъ что и говорить?—Все себѣ расхитили!“...

Припомнивъ московскій пожаръ и народный мятежъ, царь говоритъ о томъ, какъ „собака“ Алексѣй (Адашевъ) и попъ Сильвестръ, который „восхитился (увлекся) властью, какъ Илій жрецъ“, сблизились съ нимъ; какъ Сильвестръ съ Алексѣемъ сдружился и стали они между собою тайно отъ насъ, говоритъ царь, совѣтоваться о дѣлахъ, считая насъ неразумными... Припоминаетъ царь, какъ эти совѣтники на всѣ мѣста поставили своихъ угодниковъ. „Все они по своему хотѣнію творили. Что бы мы ни посовѣтовали, хотя и благое,—все это имъ казалось непотребнымъ; они же хотя бы и что дурное совѣтовали,—все считалось благимъ... Даже въ домашней жизни, съ горечью прибавляетъ царь, все творилось по ихъ хотѣнію, я же былъ не въ своей волѣ, словно младенецъ! Развѣ это противно разуму, что я въ зрѣломъ возрастѣ не захотѣлъ быть младенцемъ?“

Дальше царь въ своемъ письмѣ коритъ бояръ, что они не оберегали его, какъ слѣдуетъ, во время казанскаго похода, что во время его болѣзни не хотѣли по его требованію присягать его сыну, хотѣли воцарить Владимира, питали вражду къ царицѣ Анастасіи. „Таково ихъ доброхотство къ намъ!“... восклицаетъ царь.

„Ты ихъ, тлѣнныхъ людей, называешь предстателями у Бога... Ты еллинамъ (язычникамъ) уподобляешься, осмѣливаясь тлѣнныхъ людей называть предстателями... Мы же, христіане, знаемъ христіанскую Пречистую Владычицу Богородицу; затѣмъ предстатели—всѣ небесныя силы, архангелы и ангелы; затѣмъ молитвенники наши пророки, апостолы, святые мученики... Вотъ предстатели христіанскіе! И намъ, царямъ, носящимъ порфиру, неприлично называться предстателями. Ты же не стыдишься тлѣнныхъ людей, притомъ измѣнниковъ, называть предстателями!... А что писалъ ты, будто тѣ „предстатели прегордыя царства разорили и проч.“, то это разумно сказать только о Казанскомъ царствѣ, а около Астрахани и близко вашей милости не было... Въ томъ ли состоитъ храбрость, чтобы службу считать опалою? Когда вы ходили въ походъ на Казань безъ понужденія, охотно? Вы всегда ходили, какъ на бѣдное хожденіе... Когда истощились запасы подъ Казанью, вы, постоявъ три дня, уже хотѣли вернуться, если бы я не удержалъ васъ... Если бы при взятіи города я не удержалъ васъ, сколько бы вы погубили православнаго воинства, начавши бой не во-время? А потомъ, когда милостію Божіею городъ былъ взятъ, вмѣсто того, чтобы порядокъ водворять, вы кинулись грабить! Это значитъ прегордыя царства разорять, какъ ты безумно и надменно хвалишься!“... Затѣмъ царь коритъ бояръ за то, что

и во время Ливонской войны они плохо дѣлали свое дѣло, какъ рабы, съ понужденіемъ, а не по собственной волѣ...

Исчисливъ всѣ недостатки бояръ, дѣйствительные и мнимые, Иванъ Васильевичъ говоритъ: „А за такія ваши заслуги, какъ сказано выше, вы достойны были многихъ опалъ и казней; но мы еще милостиво васъ наказывали... Если бы я по твоему достоинству поступилъ,—ты къ нашему недругу не уѣхалъ бы!“...

„Кровь твоя, говоришь ты, пролитая иноплеменниками за насъ, вопіетъ на насъ къ Богу“. Это смѣха достойно! Не нами, а другими пролитая, на другихъ и вопіетъ. Если и пролилъ ты кровь въ борьбѣ съ супостатами, такъ сдѣлалъ ты это для отечества. Не сдѣлай ты этого, ты не былъ бы христіанинъ, а варваръ. Во сколько разъ больше наша кровь вопіетъ на васъ къ Богу, нами самими пролитая не ранами, не каплями, но многимъ потомъ и многимъ трудомъ, какимъ вы отягощали меня сверхъ силы! И отъ вашей злобы вмѣсто крови много слезъ нашихъ излилось, еще больше воздыханій и стенаній сердечныхъ; отъ того получилъ я и боль въ поясницѣ!“...

Затѣмъ царь презрительно отзывается о заслугахъ Курбскаго, коритъ его за неудачу подъ городомъ Невлемъ, и потомъ прибавляетъ: „Военныя твои дѣла намъ хорошо вѣдомы... Не считай меня неразумнымъ или младенцемъ по уму. Не думайте также меня „дѣтскими страшилами“ напугать, какъ прежде дѣлали съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексѣемъ...

„Лица твоего, пишешь, уже не увидѣть намъ до дня страшнаго суда Божія“... Да кто и захочетъ такое ѳіопское лицо видѣть?!“...

„Убіенные, говоришь, предстоятъ у престола Божія“, и это помышленіе твое суемудренно; по словамъ апостола: „Бога никто же нигдѣ же видѣ“. Вы, измѣнники, если и вопіете безъ правды, ничего не получите... Я же ничѣмъ не хвалюсь въ гордости: дѣлаю свое царское дѣло и выше себя ничего не творю... Подвластнымъ людямъ благимъ воздаю благое, злымъ—злое... Не по желанію казню ихъ, а по нуждѣ...

„А что свое писаніе съ собою въ гробъ хочешь положить, этимъ ты послѣднее свое христіанство отвергъ отъ себя! Господь велѣлъ не противиться злу, ты же даже обычное, что и невѣжды понимаютъ, прощеніе предъ кончиною отвергъ, и потому ты недостоинъ и отпѣванія“...

Эти выдержки изъ огромнаго посланія царя Ивана ясно показываютъ, что съ Курбскимъ онъ никакъ не могъ сойтись въ понятіяхъ. Онъ крѣпко держался той мысли, что для блага государства необходимо, чтобы государь былъ настоящій самодержецъ, не стѣснялся бы ничьими совѣтами, и чтобы бояре были только вѣрными слугами, исполнителями его воли, служили бы ему такъ же вѣрно, какъ, напр., Шибановъ—Курбскому. А Курбскій, выставляя на видъ свое высокое происхожденіе отъ св. Ѳедора Ростиславича, князя Смоленскаго и Ярославскаго, все хорошее въ началѣ царствованія Ивана Васильевича вмѣняетъ въ заслугу только боярамъ и стоитъ на томъ, что бояре должны быть совѣтниками и сотрудниками царя, а не слугами, безпрекословно исполняющими

его волю. „Царь хотя и почтенъ царскимъ саномъ, говоритъ Курбскій въ своей Исторіи, но можетъ и не получить отъ Бога нѣкоторыхъ дарованій, и потому долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ (бояръ), но и простыхъ людей, ибо даръ духа дается не по богатству внѣшнему и не по силѣ царства, но по правости душевной".

Укоры въ жестокости были нисколько не убѣдительны для царя. Казнить лиходѣевъ и измѣнниковъ онъ считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ. Убѣдить же царя въ невинности казненныхъ бояръ Курбскій, конечно, менѣе всего былъ въ состояніи: напротивъ того, измѣна его самого и рѣзкое письмо еще больше утверждали царя въ той мысли, что на бояръ, даже и самыхъ близкихъ, полагаться ему нельзя. Въ немъ крѣпла все больше и больше мысль, что его личное благо и благо всей земли требуютъ, чтобы боярская крамола была истреблена съ корнемъ.

Царь Іоаннъ Грозный.

Посланіе царя полно вѣскихъ укоровъ, ѣдкихъ и злыхъ насмѣшекъ... Сильно задѣли они за живое Курбскаго. Да и могъ ли онъ успокоить свою совѣсть?! Его измѣна, отъ какихъ бы причинъ она ни вышла, все же оставалась измѣной; присяга была имъ нарушена; отъ родной земли онъ отрекся, перешелъ на сторону враговъ ея...

На длинное посланіе царя Курбскій отвѣтилъ короткимъ письмомъ, изъ котораго видно, какъ укоры царя и насмѣшки доняли его. Онъ называетъ царское письмо „широковѣщательнымъ и многошумящимъ", говоритъ, что оно полно „неукротимаго гнѣва и ядовитыхъ словъ"; что такъ писать не только великому царю, но и простому воину непристойно; что въ письмѣ царя „нахватано изъ священнаго писанія со многою яростью и лютостью не строками и стихами, какъ въ обычаѣ у людей ученыхъ, а цѣлыми книгами, посланіями, и тутъ же говорится и о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ и иныя бабьи басни". Такъ писать, по словамъ Курбскаго, совсѣмъ непристойно въ страну, гдѣ есть люди ученые, искусные въ книжномъ дѣлѣ. „Да и пристойно ли, говорится дальше въ письмѣ,—мнѣ, человѣку смирившемуся, оскорбленному, безъ правды,

изгнанному, хотя бы и многогрѣшному, прежде суда Божія такъ грозить?... И вмѣсто утѣшенія такъ кусательно грызть меня неповиннаго, бывшаго отъ юности твоимъ вѣрнымъ слугою! Не думаю, чтобы это было Богу угодно... И чего же ты отъ насъ еще хочешь? Не только своихъ единоплеменныхъ князей изъ потомства великаго Владимира ты поморилъ и отнялъ отъ нихъ имущества движимыя и недвижимыя, чего не успѣлъ отнять твой дѣдъ и отецъ, но и послѣднія рубахи свои, могу сказать, по евангельскому слову, мы отдали твоему прегордому и царскому величеству... Хотѣлъ было я на каждое твое слово возразить, о царь, и могъ бы это сдѣлать, но удержалъ руку мою съ тростію, возлагая все на Божій судъ,—разсудилъ лучше здѣсь молчать, а говорить тамъ, предъ престоломъ Христа, Господа моего, вмѣстѣ со всѣми избіенными и гонимыми тобой. Да притомъ непристойно людямъ рыцарскимъ (благороднымъ) браниться какъ рабамъ; очень стыдно и христіанамъ извергать изъ устъ слова нечистыя и кусательныя!...“

Но на этомъ переписка царя съ Курбскимъ еще не кончилась. Нѣсколько лѣтъ спустя они снова обмѣнялись письмами, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Александровская слобода и опричники.

Большое зло своему отечеству, и особенно боярамъ, причинилъ Курбскій своей измѣной и письмами. Въ лицѣ его словно все русское боярство кидало царю дерзкій вызовъ. По словамъ Курбскаго, одного изъ самыхъ видныхъ бояръ и по сану, и по уму, и по царской милости, выходило, что все хорошее творилось и творится боярами и царскими совѣтниками, а царь безъ бояръ—ничто! И это пришлось выслушать царю, мечтавшему быть настоящимъ властелиномъ, самодержцемъ, отъ бывшаго своего любимца, отъ боярина, которому онъ довѣрялъ вполнѣ. Самолюбіе Ивана Васильевича было страшно оскорблено. Это ясно видно изъ его отвѣтнаго письма: онъ въ свою очередь считаетъ заслуги бояръ ничтожными, указываетъ подробно на ихъ измѣны, и у него вырываются такія зловѣщія слова: „Вы (бояре) достойны были многихъ опалъ и казней; но мы еще милостиво васъ наказываемъ!... Если бы я по твоему достоинству, обращается царь къ Курбскому, поступилъ съ тобой, ты къ нашему недругу не уѣхалъ бы“.

Письмо Курбскаго страшно раздражило царя, вызвало у него новый сильный порывъ злобы. Мысль, что бояре,—злѣйшіе враги его и лиходѣи, ищутъ его гибели, давила его. Онъ зналъ, что между боярами есть доброхоты Курбскаго; но какъ найти ихъ? какъ уберечься отъ нихъ? Чувство страха за свою жизнь охватило его...

Рано утромъ, 3-го декабря 1564 года, Москва была сильно встревожена. На Кремлевской площади появилось множество саней. Изъ царскаго дворца выносили и укладывали на нихъ царское имущество: иконы, кресты, драгоцѣнные сосуды, золото, серебро, одежды и пр. Уже раньше носились слухи, что царь куда-то намѣренъ ѣхать; но эти сборы ясно показывали, что онъ думаетъ не о временной поѣздкѣ, а перебирается со всѣмъ своимъ имуществомъ,—куда же

именно и надолго ли —этого никто не зналъ. Въ Успенскомъ соборѣ шла торжественная служба. Обѣдню служилъ по приказу царя самъ митрополитъ. Въ церкви ждали государя духовенство, бояре и сановники. Царь пришелъ; долго и усердно молился, принялъ благословеніе отъ митрополита, милостиво простился съ бывшими въ церкви, далъ свою руку цѣловать боярамъ, сановникамъ и купцамъ. Затѣмъ онъ сѣлъ въ сани съ царицей (второй супругой своей, Маріей Темрюковною), съ дѣтьми и нѣсколькими своими новыми любимцами и уѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское, гдѣ пробылъ двѣ недѣли, переждалъ распутицу и поѣхалъ дальше; наконецъ, остановился въ Александровской слободѣ (теперь городъ Александровъ, Владимирской губерніи).

Митрополитъ, бояре и народъ въ Москвѣ,—всѣ были въ большой тревогѣ... Никто не зналъ, что значитъ этотъ внезапный отъѣздъ государя. Прежде, когда онъ уѣзжалъ изъ столицы, всѣмъ было извѣстно, куда и на какой срокъ онъ ѣхалъ и кому чѣмъ распоряжаться во врямя его отсутствія. Теперь же все оставалось въ полной неизвѣстности. Таинственный отъѣздъ царя изъ Москвы не предвѣщалъ ничего добраго. Это чувствовалось всѣми.

Наконецъ, послѣ долгаго томительнаго ожиданія, были присланы въ Москву 3-го января двѣ грамоты отъ царя: одна—митрополиту, другая—купцамъ и всему московскому народу.

Митрополиту царь объявлялъ свой гнѣвъ на все духовенство, бояръ, служилыхъ и приказныхъ людей, припоминалъ, сколько зла причинили бояре государству въ его малолѣтство, обвинялъ ихъ за то, что они не заботятся ни о государѣ, ни о государствѣ, убѣгаютъ отъ службы, тѣснятъ народъ; сильно сѣтовалъ царь и на то, что духовныя лица, архіепископы и епископы, заступаются за виновныхъ, мѣшаютъ ему казнить ихъ, и потому, говорилось въ грамотѣ, „Царь и Государь и Великій князь отъ великой жалости сердца, не желая ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, покинулъ свое государство и поѣхалъ, чтобы поселиться тамъ, гдѣ ему, государю, Богъ укажетъ“.

Въ другой грамотѣ, которая была громогласно прочтена народу, царь успокоивалъ московскихъ людей, купцовъ и простолюдиновъ, чтобы они ничего не опасались, что онъ къ нимъ милостивъ и на нихъ нѣтъ у него ни гнѣва, ни опалы.

Все въ Москвѣ пришло въ ужасъ и смятеніе. Въ это время шла война съ Литвой, крымскіе татары грозили съ юга, и въ такую-то трудную пору являлось въ государствѣ полное бозначаліе!

— „Государь насъ покинулъ, мы погибаемъ! кричалъ народъ,—кто спасетъ насъ теперь отъ нашествія враговъ? мы останемся, какъ овцы безъ пастыря!“

Духовныя лица, бояре, приказные люди,—всѣ стали упрашивать, умолять митрополита, чтобы онъ умилостивилъ, упросилъ государя не покидать царства.

— „Пусть государь не оставляетъ государства; пусть казнитъ своихъ лиходѣевъ. Въ животѣ и смерти воленъ Богъ и государь!“ слышалось со всѣхъ сторонъ.

— „Мы всѣ своими головами,—прибавляли бояре и служилые люди,—идемъ за тобою, святителемъ, бить челомъ государю и плакаться.“

— „Пусть царь только укажетъ намъ своихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ, мы сами ихъ истребимъ!“ кричали купцы и народъ.

Митрополитъ немедленно хотѣлъ было ѣхать къ царю, но на общемъ совѣтѣ порѣшили, чтобы онъ остался блюсти столицу: здѣсь уже начинались безпорядки отъ безначалія. Духовенство и бояре отправились въ Александровскую слободу бить челомъ царю, умолять его отъ всей Москвы вернуться на царство. Царь принялъ посланныхъ и выслушалъ ихъ. Они, восхваляя его всячески, умоляли ради святыхъ иконъ и христіанской вѣры, которыя могутъ быть поруганы врагами-еретиками, взять снова власть въ свои руки.

— „А если тебя, государь, смущаетъ измѣна и пороки въ нашей землѣ, прибавили они, то да будетъ воля твоя—казнить и миловать виновныхъ и исправлять все мудрыми твоими законами!“

Въ отвѣтъ имъ царь исчислилъ снова въ длинной рѣчи неправды, крамолы и измѣны бояръ, но, ради мольбы архіепископовъ и епископовъ, соглашался опять взять свои государства, но на особыхъ условіяхъ, о которыхъ обѣщалъ ихъ извѣстить. Казалось, сердце грознаго владыки смягчилось смиреніемъ и мольбою подвластныхъ. Онъ удержалъ нѣкоторыхъ бояръ при себѣ, другихъ сановниковъ и должностныхъ лицъ отпустилъ въ Москву, чтобы тамъ до его пріѣзда дѣла шли своимъ чередомъ.

Почти мѣсяцъ опять прошелъ въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ, 2-го февраля царь торжественно въѣхалъ въ Москву. На другой день созваны были духовенство, бояре и знатнѣйшіе сановники.

Наружность царя поразила всѣхъ: его трудно было узнать,—такъ измѣнился онъ за послѣднее время. Высокій ростомъ, стройный, широкоплечій, онъ раньше имѣлъ величественную и красивую осанку; сѣрые, хотя небольшіе, но живые и проницательные, глаза его были полны огня; носъ у него былъ римскій (съ горбиной), прекрасные волосы, длинные усы и густая окладистая борода,— все это дѣлало его наружность довольно красивою. Но теперь онъ страшно похудѣлъ и опустился; черты лица его исказились свирѣпостью; глаза его, казалось, погасли, тревога и злоба видѣлась во взорахъ его; волосы на головѣ и бородѣ почти всѣ выпали. Видно, страшную душевную тревогу пережилъ онъ за послѣднее время. Въ опасную игру онъ игралъ! А что, если бояре и сами управятся въ Москвѣ? А что, если народъ не станетъ за меня, и никто не явится просить меня вернуться на царство? Эти страшные вопросы должны были сильно волновать крайне мнительнаго и властолюбиваго царя; страхъ и злоба,— два самыя ѣдкія, гибельныя для здоровья чувства, поперемѣнно обуревали его душу... Но страшная игра выиграна! Царь торжествовалъ. Духовенство, народъ и бояре, эти исконные, заклятые его враги, признали, что безъ него все царство погибнетъ; что безъ него всѣ они словно стадо безъ пастуха. Все преклонилось предъ нимъ, своимъ всесильнымъ владыкой, который воленъ въ жизни и смерти своихъ подданныхъ. Самолюбіе его, слишкомъ чуткое, раздраженное письмомъ Курбскаго, должно было успокоиться. Теперь онъ во всеоружіи своей власти могъ расправиться со своими внутренними врагами...

Предъ собраніемъ духовныхъ лицъ и важнѣйшихъ сановниковъ онъ много разсуждалъ о значеніи верховной власти для государства, о неизбѣжности для блага его строгихъ рѣшительныхъ мѣръ; затѣмъ заявилъ о необходимости для себя особаго отряда тѣлохранителей,—опричниковъ. Все государство, по мысли

царя, дѣлилось на двѣ части: опричнину и земщину. Многіе города, волости и часть Москвы отходили подъ непосредственное вѣдѣніе самого государя, въ опричнину; на доходы съ этихъ городовъ долженъ былъ содержаться царскій дворъ и опричники; а всѣ остальные города и земли составляли земщину. Всякія земскія дѣла и все управленіе государствомъ царь приказалъ вѣдать старѣйшимъ боярамъ, которые назывались земскими; только въ случаѣ военныхъ извѣстій и важныхъ дѣлъ внутреннихъ должны были они являться къ государю. Самъ же онъ хотѣлъ всецѣло заняться искорененіемъ крамолы и измѣны въ землѣ своей. — Въ Москвѣ онъ приказалъ строить себѣ новый дворецъ за Неглинною (между Арбатомъ и Никитской улицей) и оградить его высокой стѣною, словно крѣпость.

Окруживъ себя сильной и вѣрной стражей, царь принялся за искорененіе крамолы. И снова полилась боярская кровь...

Начались казни мнимыхъ соумышленниковъ Курбскаго, которые будто бы съ нимъ заодно замышляли погубить царя, покойную супругу его и дѣтей. На этотъ разъ первою жертвою былъ знаменитый участникъ казанскаго похода, князь Александръ Борисовичъ Горбатый-Шуйскій. Царь приказалъ казнить съ нимъ и его сына, еще семнадцатилѣтняго юношу. Твердо и спокойно, держась за руки, шли они на казнь. Сынъ, не желая видѣть смерти своего отца, склонилъ было первый голову на плаху; но отецъ отвелъ его и сказалъ:

— „О единородный сынъ мой, да не узрятъ очи мои отсѣченія твоей головы!“

Казнь совершилась прежде надъ отцомъ. Тогда юноша поднялъ отрубленную голову своего отца и громко молился, благодаря Бога за то, что онъ сподобился умереть съ отцомъ неповинно. Затѣмъ онъ приложился къ головѣ отца и склонилъ свою на плаху. Такъ разсказываетъ Курбскій объ этой казни.

Еще нѣсколько бояръ было казнено въ тотъ же день; двухъ бояръ, по приказу царя, постригли въ монахи. У многихъ дворянъ и боярскихъ дѣтей отняты были имѣнія, другихъ сослали изъ Москвы. За вѣрность нѣкоторыхъ, не подвергшихся никакой опалѣ, но казавшихся царю почему-либо сомнительными, должны были ручаться ихъ родичи и друзья, обязываясь въ случаѣ измѣны вносить за нихъ огромныя деньги.

Послѣ этой расправы царь принялся устраивать свою дружину. Ему помогали въ этомъ дѣлѣ новые ближайшіе его совѣтники: Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ, князь Аѳанасій Вяземскій и другіе любимцы. Къ нимъ приводили сильныхъ молодыхъ людей незнатнаго происхожденія, изъ служилаго сословія. Царь главнымъ образомъ развѣдывалъ, кто они и съ кѣмъ въ родствѣ. Въ дружину вербовались юноши безродные, не имѣвшіе никакихъ связей съ именитыми боярами, притомъ удалые, готовые на все; они должны были давать присягу служить одному только царю вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не водить дружбы съ земскими людьми, не знать даже ни отца, ни матери, вѣдать только одного царя. За это государь надѣлялъ ихъ щедро помѣстьями и имуществомъ, такъ что они изъ безродныхъ бѣдняковъ обращались въ зажиточныхъ помѣщиковъ. Земли и имущества давались опричникамъ въ тѣхъ городахъ и волостяхъ, которые по распоряженію царя отходили въ оприч-

нину. Прежніе же помѣщики и владѣльцы (числомъ до 12,000) должны были выселиться отсюда въ помѣстья, отведенныя имъ въ земскихъ волостяхъ.

Навербовалъ себѣ царь въ свое „опричное“ войско сначала 1,000 молодыхъ людей, но скоро это число возросло до 6,000 человѣкъ. Верхомъ на лихихъ, борзыхъ коняхъ, эти молодые удальцы въ блестящемъ вооруженіи казались очень красивы; но скоро они стали всѣмъ земскимъ людямъ и страшны, и ненавистны! Ужасную службу должны были они служить царю. По приказу его, они привязывали къ сѣдламъ собачьи головы и мётлы: это было знакомъ того, что они должны, какъ псы, грызть царскихъ лиходѣевъ и выметать крамолу изъ Русской земли...

И для царя, и для царства дѣло необходимое искоренять всякое зло, находить лиходѣевъ и отнимать у нихъ всякую возможность творить лихо, необходимо крамолу выметать изъ своей земли. Такъ, навѣрно, думалъ царь, вербуя себѣ опричниковъ, такъ, конечно, думали и многіе новобранцы — опричники. Но бѣда въ томъ, что вся ихъ служба только въ томъ и была, чтобы находить крамольниковъ и измѣнниковъ: кто изъ опричниковъ ихъ не находилъ, тотъ, стало быть, плохо свое дѣло дѣлалъ; кто часто доносилъ, того хвалили за усердіе и щедро награждали. Стали опричники усердствовать, чтобы не даромъ жалованье отъ царя получать; не напрасно его милостью пользоваться, старались во что бы ни стало найти крамолу.—Чуть кто покажется имъ подозрительнымъ, на того и доносятъ. Многіе опричники корысти ради пускались и на обманы, облыгали нелюбимыхъ царемъ людей, винили ихъ въ небывалыхъ винахъ, придумывали сами улики; а царь вѣрилъ своимъ опричникамъ больше, чѣмъ кому-либо,—по ихъ обвиненіямъ, безъ настоящаго суда, казнилъ обвиненныхъ, да еще часть имущества казненныхъ давалъ въ награду доносчикамъ. Ложный доносъ и клевета такимъ образомъ оказывались не только дѣломъ безопаснымъ, но и очень выгоднымъ: оправдаться оклеветанному безъ праваго суда было очень трудно, а обвинителя царь хвалилъ за усердіе и награждалъ... Въ этомъ и было главное зло. Вотъ почему „опричники“, или „кромѣшники“ (отъ словъ: опричь и кромѣ), какъ звали ихъ въ народѣ, стали скоро всѣмъ и страшны, и ненавистны.

Царь не остался въ Москвѣ, а водворился въ Александровской слободѣ. Тутъ были устроены большія царскія палаты. Онѣ были обведены рвомъ и валомъ, такъ что представляли настоящую крѣпость. Никто безъ вѣдома царя не смѣлъ ни въѣхать туда, ни выѣхать. Подлѣ царскаго двора была слобода, гдѣ на отдѣльныхъ улицахъ жили опричники, купцы и пр. Въ трехъ верстахъ отъ царскаго двора стояла воинская стража. Кругомъ слободы на большомъ пространствѣ тянулись дремучіе лѣса.

Царь, видимо, рѣшился вконецъ сломить боярство. Дѣдъ и отецъ царя покончили съ удѣлами, собрали всю Русскую землю подъ властію Москвы, но зато въ Москву собрались и потомки удѣльныхъ князей, стали боярами у московскихъ государей. Иванъ III и Василій III любили больше пользоваться услугами людей незнатныхъ, выслужившихся, дьяковъ, и хоть пріучили и знатныхъ бояръ княжеской крови преклоняться предъ собою, но не очень-то довѣрялись имъ и явно не долюбливали ихъ. Зато въ малолѣтство царя Ивана

именитые бояре подняли было голову, стали хозяйничать въ государствѣ, но хозяйничали на свою бѣду дурно, своекорыстно; народъ возненавидѣлъ боярское правленіе; завели бояре между собой, какъ ихъ предки, удѣльные князья, споры и распри изъ-за власти, изъ-за мѣстъ. Царь приходилъ въ возрастъ, а бояре попрежнему своевольничали; хотѣли править его именемъ, тщеславились своимъ знатнымъ происхожденіемъ, своими заслугами, ни во что не ставили государя, да притомъ и ненадежны были, готовы были ему измѣнять ради своихъ выгодъ. Понималъ также царь, что ему, окруженному такими боярами, не утвердить такого самодержавства, какого ему хотѣлось. Онъ рѣшился сломить боярство. Къ этому побуждали его и личная ненависть, и политическій расчетъ: онъ хотѣлъ довершить дѣло своихъ предковъ, поднять власть государя на самую большую высоту, чтобы не напрасно говорилось въ народѣ: „единъ Богъ на небѣ, единъ царь на землѣ“. Недаромъ Иванъ Васильевичъ короновался царемъ; недаромъ любилъ онъ прописывать въ грамотахъ длиннѣйшій и пышный титулъ свой; недаромъ онъ старательно вычитывалъ изъ священныхъ книгъ и лѣтописей все, касалось самодержавной власти, и даже производилъ свой родъ отъ римскаго императора Августа.

Непомѣрное властолюбіе, страхъ за свою жизнь и ненависть къ боярамъ,—вотъ что побудило царя завести опричнину, удалиться изъ Москвы, засѣсть въ укрѣпленномъ дворцѣ въ Александровской слободѣ съ надежными слугами, приняться за выполненіе страшнаго своего замысла—истребить не только крамолу, но и все, что могло хоть сколько-нибудь мѣшать самодержавію,—особенно же знатныхъ бояръ, дерзавшихъ возноситься своимъ происхожденіемъ, искавшихъ власти...

Александровская слобода скоро обратилась какъ-бы въ становище охотниковъ, откуда отряды ихъ время отъ времени выѣзжали на ловлю лиходѣевъ и измѣнниковъ. Сюда безпрестанно привозили добычу, и предъ глазами царя производились страшныя пытки. Въ ужасныхъ мукахъ иные изъ несчастныхъ винились въ небывалыхъ проступкахъ, взводимыхъ на нихъ опричниками, и тутъ же совершались надъ неповинными ни въ чемъ безпощадныя, мучительныя казни... Кровавыя зрѣлища пытокъ и казней губительно дѣйствуютъ и на мучителей: человѣческое чувство у нихъ тупѣетъ, они дичаютъ, кровь и мученія начинаютъ имъ даже нравиться... Жестокость и страсть къ кровавымъ зрѣлищамъ, очевидно, росли и въ царѣ, и въ приближенныхъ его; умъ его туманился; но совѣсть, видимо, по временамъ мучила его; онъ часто и долго молился, любилъ церковную службу.

Странная затѣя между прочимъ пришла ему въ голову: задумалъ онъ обратить свой дворецъ въ монастырь, выбралъ изъ опричниковъ 300 самыхъ лихихъ, назвалъ ихъ иноками, себя игуменомъ, князя Вяземскаго келаремъ, Малюту понамаремъ. Поверхъ своихъ блестящихъ кафтановъ они надѣвали черныя монашескія рясы, на головы скуфейки, или тафьи. Рано утромъ, въ четвертомъ часу, царь ходилъ съ царевичами и Малютою на колокольню и благовѣстилъ. Опричники-иноки подъ страхомъ наказанія спѣшили къ заутренѣ. Служба длилась до 6 или 7 часовъ. Царь въ церкви самъ пѣлъ, читалъ, молился и такъ усердно билъ поклоны, что на лбу его оставались часто синяки. Въ 8 часовъ

начиналась обѣдня; въ 10 ч. садились за братскую трапезу, за которой братія пила, ѣла досыта: всякаго явства, вина и меду было вдоволь. Во время трапезы царь стоя читалъ вслухъ изъ поучительныхъ книгъ или Библіи,—обѣдалъ самъ онъ позже. Во время обѣда любилъ бесѣдовать со своими приближенными о вѣрѣ и выказывалъ при этомъ очень большую начитанность и память. Послѣ обѣда дремалъ или отправлялся въ темницу смотрѣть на пытки; казалось, онѣ забавляли его; нерѣдко онъ возвращался съ пытокъ веселымъ, разговорчивымъ,—шутилъ. Въ 8 часовъ шли къ вечернѣ, затѣмъ въ десятомъ часу царь удалялся въ свою спальню; здѣсь три слѣпца-сказочника по очереди разсказывали ему сказки, пока онъ не засыпалъ. Вскорѣ послѣ полуночи онъ просыпался и начиналъ день молитвою...

Случалось, что въ церкви царю дѣлались доклады, и онъ тутъ же во время богослуженія отдавалъ приказы,—иногда насчетъ пытокъ и казней. Бывали случаи, что, по приказу его, иноки-опричники, даже не сбросивъ съ себя монашескихъ мантій, вскакивали на коней и съ дикими криками неслись грабить дворъ какого-нибудь опальнаго боярина и чинить надъ нимъ кровавую расправу.

Свою жизнь царь разнообразилъ время отъ времени объѣздами, посѣщалъ монастыри, осматривалъ крѣпости, тѣшился охотами; особенно любилъ онъ медвѣжью травлю. Когда являлось въ Москву какое-нибудь важное иноземное посольство, онъ пріѣзжалъ сюда, и торжественно, во всемъ величіи своей власти, принималъ пословъ въ Кремлевской палатѣ.

Митрополитъ Филиппъ.

Когда все въ трепетѣ и въ ужасѣ притихло предъ страшной царской грозой; когда бояре даже у себя дома не осмѣливались выразить вслухъ свой страхъ и скорбь, опасаясь слугъ, часто доносившихъ и клеветавшихъ на своихъ господъ; когда все трепетало предъ опричниками, жадно стерегущими свою добычу,—тогда неожиданно раздался на Руси смѣлый голосъ, осуждавшій непомѣрную жестокость царя. Безпредѣльна была власть государя: онъ былъ воленъ въ жизни и смерти каждаго подданнаго своего; правда и судъ были въ его рукахъ; но и надъ нимъ была высшая Божія правда. Во имя этой-то правды и заговорилъ митрополитъ Филиппъ.

Послѣ митрополитовъ Макарія и Аѳанасія, которые очень смиренно держали себя предъ царемъ и только изрѣдка осмѣливались „печаловаться“ объ опальныхъ, т.-е. просить царя о милосердіи къ нимъ, по волѣ царя въ митрополиты былъ избранъ Филиппъ.

Онъ происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода Колычевыхъ. Въ малолѣтство Ивана Васильевича его взяли ко двору, но былъ онъ здѣсь недолго, и тридцати лѣтъ удалился въ Соловецкую обитель (на Бѣломъ морѣ) и тамъ постригся. Лѣтъ чрезъ десять возвели его въ санъ игумена. Филиппъ сдѣлалъ для обители очень много и своими средствами, и распорядительностью; монастырь при немъ достигъ цвѣтущаго состоянія; онъ соорудилъ двѣ каменныя

церкви, кельи, больницы, осушилъ болота, устроилъ каналы, дороги и проч. Молва о дѣятельномъ игуменѣ самаго отдаленнаго сѣвернаго монастыря широко распространялась между православнымъ людомъ. По дѣламъ монастыря Филиппъ посѣтилъ Москву въ лучшую пору царствованія Ивана Васильевича, и понравился ему.

Когда царь вспомнилъ о Филиппѣ и предложилъ его въ митрополиты, то всѣ духовные и бояре сказали, что трудно было бы и найти болѣе достойнаго пастыря церкви, чѣмъ онъ.

По царскому приказу онъ прибылъ въ Москву. Царь принялъ его очень милостиво, съ большой честію пригласилъ къ своему столу, но когда предложилъ ему принять санъ митрополита, онъ отказался и смиренно просилъ отпустить его въ Соловки. Царь настаивалъ. Тогда Филиппъ смѣло сказалъ:

— „Я повинуюсь твоей волѣ, но отмѣни опричнину: иначе быть мнѣ митрополитомъ невозможно!“

Государь разгнѣвался. Казалось, дѣло не сладится; но епископы умоляли съ одной стороны царя не гнѣваться, а съ другой Филиппа согласиться. Филиппъ уступилъ усиленнымъ просьбамъ и даже согласился дать письменное обѣщаніе не вмѣшиваться ни въ опричнину, ни въ обиходъ царской домашней жизни. Вѣрно, онъ надѣялся, что и при этихъ уступкахъ ему удастся много принести пользы родной землѣ. 25-го іюля 1566 г. торжественно въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя, совершилось поставленіе Филиппа въ митрополиты.

На нѣкоторое время наступила тишина; царь, казалось, воздерживался отъ жестокости; но это было лишь временнымъ роздыхомъ... Опричники, посылаемые царемъ въ Москву развѣдывать и наблюдать, нѣтъ ли измѣны, доносили ему, что ихъ всѣ избѣгаютъ словно язвы, что всюду даже на улицахъ умолкаетъ разговоръ, лишь только завидятъ опричника. Опричниковъ, разумѣется, всѣ и боялись, и ненавидѣли, какъ доносчиковъ, готовыхъ лгать и клеветать, и какъ палачей, обагренныхъ кровью сотенъ невинныхъ жертвъ. Не трудно это было бы понять и царю, но ему чудились всюду крамолы и измѣны, и въ этомъ случаѣ ему казалось, что въ Москвѣ готовится большой заговоръ... Въ это время князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому и Челяднину были присланы отъ польскаго короля и литовскаго гетмана призывныя грамоты съ приглашеніемъ перейти на сторону короля. Бояре предъявили эти грамоты царю и отвѣчали королю бранью и насмѣшками. Очень вѣроятно, что самъ царь указалъ, какъ имъ отвѣтить. (Быть можетъ, и самыя призывныя грамоты были придуманы по его приказу, чтобы испытать вѣрность бояръ). По этому поводу начались новые розыски. Первымъ тремъ боярамъ удалось на этотъ разъ счастливо отдѣлаться, но старикъ Челяднинъ пострадалъ. Царь особенно недолюбливалъ его, и на него было взведено между прочимъ нелѣпое обвиненіе, будто онъ хотѣлъ свергнуть царя съ престола и самъ сдѣлаться царемъ. Есть извѣстіе, будто царь призвалъ Челяднина, и въ присутствіи всего двора облачилъ его въ царскую одежду и посадилъ на тронъ; затѣмъ, снявъ шапку, низко и почтительно поклонился ему и торжественно произнесъ:

— „Здравъ буди, великій царь земли Русской! Теперь ты принялъ отъ

меня честь, какой искалъ! Но я имѣю власть сдѣлать тебя царемъ, могу и низвергнуть тебя съ престола!"—и съ этими словами вонзилъ ножъ въ сердце несчастнаго старика.

Опричники умертвили и жену его. Затѣмъ казнили и мнимыхъ соумышленниковъ Челяднина, князей: Куракина, Ряполовскаго, трехъ Ростовскихъ; знаменитаго полководца, князя Петра Щенятева, который думалъ спастись въ монастырѣ, отрекшись отъ міра, замучили, по словамъ Курбскаго; князя Ивана Турунтая-Пронскаго,—старика, служившаго еще отцу царя, участника всѣхъ походовъ, утопили. Много знатныхъ людей, родичей ихъ и лицъ близкихъ имъ, погибло въ это время въ Москвѣ. На иныхъ нападали опричники совершенно внезапно, когда тѣ шли, не вѣдая за собой никакой вины, въ церковь или въ должность. Опричники съ длинными ножами и сѣкирами рыскали по городу, отыскивая свои жертвы, и убивали ежедневно десятки людей на виду у всѣхъ. На улицахъ и площадяхъ валялись трупы убитыхъ: никто не осмѣливался не только хоронить погибшихъ, но даже выражать сожалѣніе о нихъ. Жители боялись даже выходить изъ домовъ своихъ.

Не могъ снести этихъ ужасовъ митрополитъ Филиппъ. Онъ далъ царю обѣтъ не вмѣшиваться въ опричнину, но считалъ себя въ правѣ давать царю пастырскіе совѣты, ходатайствовать, чтобъ не лилась безъ суда неповинная кровь... Святитель отправился къ царю и велъ съ нимъ тайную бесѣду. Въ чемъ она состояла,—неизвѣстно; но убѣжденія Филиппа, очевидно, не подѣйствовали на царя. Угодники его изъ духовныхъ лицъ стали ему наговаривать и клеветать на митрополита, котораго царь и такъ уже подозрѣвалъ въ доброхотствѣ боярамъ.

Кровь лилась попрежнему. Тогда святитель заговорилъ всенародно. Въ соборной церкви 22-го марта 1568 г. онъ обратился къ царю съ такою рѣчью:

— „О державный царь! Ты облеченъ самымъ высокимъ саномъ отъ Бога и долженъ чтить Его болѣе всего. Тебѣ данъ скипетръ власти земной, чтобы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону. Правда—самое драгоцѣнное сокровище для того, кто стяжалъ ее. По естеству ты подобенъ всякому человѣку, а по власти подобенъ Богу; какъ смертный не превозносись, а какъ образъ Божій не увлекайся гнѣвомъ. По справедливости властелиномъ можетъ назваться лишь тотъ, кто самъ собой владѣетъ, а не рабствуетъ позорнымъ страстямъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари такъ волновали свою державу; при предкахъ твоихъ не бывало ничего подобнаго тому, что ты творишь; у самихъ язычниковъ не случалось ничего такого!"

Это смѣлое обличеніе привело царя въ ярость.

— „Что тебѣ, чернецу, за дѣло до нашихъ царскихъ рѣшеній!—воскликнулъ онъ въ гнѣвѣ,—развѣ тебѣ неизвѣстно, что меня мои же хотятъ поглотить?!"

— „Я, точно, чернецъ,—отвѣчалъ твердо и спокойно Филиппъ,—но по благости Св. Духа, по избранію св. собора и твоему изволенію, я—пастырь Христовой церкви и вмѣстѣ съ тобою обязанъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства."

— „Одно тебѣ говорю, отче: молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашей волѣ!" возразилъ государь, едва сдерживая гнѣвъ.

— „Благочестивый царь, молчаніе наше умножаетъ грѣхъ души твоей и можетъ причинить ей гибель“, сказалъ въ отвѣтъ святитель.

Царь въ негодованіи снова напомнилъ, что на него возстали люди и ищутъ ему зла, а Филиппъ совѣтовалъ ему прогнать отъ себя людей, говорящихъ ему неправду, и приблизить совѣтниковъ добрыхъ, а не льстивыхъ. Царь въ припадкѣ сильнаго гнѣва сталъ грозить пастырю церкви.

— „Филиппъ, не прекословь державѣ нашей, кричалъ онъ, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи съ себя свой санъ!“

— „Ни просьбъ, ни мзды, ни ходатаевъ не употреблялъ я, чтобы получить этотъ санъ. Зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?“ смиренно отвѣтилъ митрополитъ.

Въ большомъ гнѣвѣ на митрополита царь вышелъ изъ церкви. Чрезъ нѣсколько времени онъ явился въ Успенскій соборъ. Самъ государь и опричники, сопровождавшіе его, были въ черныхъ монашескихъ мантіяхъ съ высокими шлыками на головахъ.

Государь приблизился къ митрополичьему мѣсту, гдѣ стоялъ Филиппъ, и просилъ у него благословенія. Святитель смотрѣлъ на образъ Спасителя и молчалъ...

— „Святый владыка!—сказали бояре,—благочестивый государь предъ тобою и просить твоего благословенія.“

Тогда святитель взглянулъ на него и съ укоризной произнесъ:

— „Царь благій! кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ, измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда Божія: на другихъ законъ ты налагаешь, а самъ нарушаешь его. У татаръ, у язычниковъ есть правда,— въ одной Россіи нѣтъ ея; во всемъ мірѣ можно встрѣтить милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ!... Здѣсь, въ храмѣ, мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра; а тамъ, за алтаремъ, льется безвинно кровь христіанская. Ты самъ просишь прощенія въ грѣхахъ своихъ предъ Богомъ; прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою!“

Царь пришелъ въ страшную ярость.

— „Нашу ли волю, Филиппъ, думаешь измѣнить?“ кричалъ онъ въ гнѣвѣ.

Митрополитъ пробовалъ возразить, что онъ скорбитъ не только о тѣхъ, чья мученическая кровь напрасно льется, но и о самомъ царѣ, и его душевномъ спасеніи; но царь ничего не слушалъ, въ сильномъ гнѣвѣ махалъ рукой, грозилъ митрополиту изгнаніемъ и разными муками.

— „Ты противишься, Филиппъ, нашей державѣ; посмотримъ же на твою твердость!“ говорилъ онъ въ ярости.

— „Я—пришелецъ на землѣ, отвѣчалъ святитель, какъ и отцы мои, и за истину благочестія готовъ претерпѣть и лишеніе сана, и всякія муки.“

Тутъ же въ соборѣ нѣкоторые изъ враговъ Филиппа, въ томъ числѣ и Пименъ, архіепископъ Новгородскій, желая въ угоду царю унизить всенародно святителя, взвели на него небывалые проступки; но Филиппъ спокойно изобличилъ своихъ обвинителей въ гнусной клеветѣ. Враги его потерпѣли на этотъ разъ полную неудачу.

Царь приказалъ схватить всѣхъ приближенныхъ митрополита; ихъ заклю-

чили подъ стражу, подвергли пыткамъ, стараясь вывѣдать отъ нихъ что-либо предосудительное для митрополита, но ничего не допытались. А злымъ царскимъ совѣтникамъ и опричникамъ надо было погубить святителя, чтобы спасти себя; они боялись, чтобы слово его какъ-нибудь не дошло до сердца царя.

Въ это время начались въ Москвѣ новыя дикія безчинства опричниковъ. Страдали тутъ и люди, на которыхъ даже и тѣни подозрѣнія въ какой-нибудь винѣ противъ царя не могло падать; не только ихъ, но и женъ, и дочерей ихъ опричники страшно оскорбляли. Казалось, они хотѣли испытать, способенъ ли еще запуганный людъ возмущаться чѣмъ-либо и роптать...

Послѣднее всенародное объясненіе царя съ митрополитомъ произошло 28-го іюля. Шла митрополичья служба въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Тутъ былъ государь со своими опричниками. Во время крестнаго хода по монастырской стѣнѣ, когда митрополитъ у св. воротъ становился читать Евангеліе, онъ увидѣлъ, обратившись къ народу, что одинъ опричникъ стоитъ въ тафьѣ.

— „Чтеніе слова Божія — сказалъ митрополитъ царю, слѣдуетъ слушать христіанамъ съ непокровенной головой, а эти откуда взяли агарянскій обычай предстоять здѣсь съ покрытыми главами?“

— „Кто такой?“ спросилъ царь и сталъ въ толпѣ искать глазами виновнаго. Но опричникъ уже успѣлъ снять тафью.

Тогда государя его приближенные увѣрили, что митрополитъ говоритъ неправду по злобѣ на опричниковъ, издѣваясь надъ царской властью. Царь вышелъ изъ себя отъ гнѣва, сталъ всенародно бранить святителя лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ.

Послѣ этого случая царь порѣшилъ во что бы то ни стало низложить Филиппа; но въ Москвѣ всѣ высоко чтили его, знали его святую жизнь,— и врагамъ святителя, чтобы хоть сколько-нибудь придать законный видъ его низложенію, пришлось прибѣгнуть къ клеветѣ. Въ Москвѣ говорили только о добродѣтеляхъ его,—и потому послано было нѣсколько лицъ въ Соловки разслѣдовать тамошнюю жизнь бывшаго игумена. Ласки, угрозы, подкупы,— все было пущено въ ходъ, чтобы найти лжесвидѣтелей. Хотя и съ большимъ трудомъ, но удалось, наконецъ, навербовать нѣсколько иноковъ, въ томъ числѣ даже и игумена Паисія, готовыхъ клеветать на Филиппа. Ихъ привезли въ Москву. Немедленно для суда надъ митрополитомъ открытъ былъ соборъ, на которомъ присутствовалъ самъ государь. Призванъ былъ обвиняемый. Выслушаны обвиненія, но Филиппъ и не думалъ оправдываться; онъ только обратился къ Паисію и кротко замѣтилъ:

— „Чадо, что сѣешь, то и пожнешь!“

Затѣмъ, обратившись къ царю и всему собору, сказалъ, что не страшится смерти; что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія. Тутъ же онъ положилъ свой пастырскій жезлъ и началъ слагать съ себя знаки своего сана: бѣлый клобукъ, мантію... Это смиреніе и величественное спокойствіе святителя раздражили царя; онъ приказалъ Филиппу остановиться, исполнять свои святительскія обязанности и ждать судебнаго приговора.

8-го ноября 1568 г., когда Филиппъ совершалъ богослуженіе въ соборѣ и стоялъ въ полномъ облаченіи предъ алтаремъ, вдругъ вошелъ въ церковь Алексѣй Басмановъ, царскій любимецъ, съ опричниками. По его приказу прочтенъ былъ соборный приговоръ о низложеніи митрополита. На глазахъ народа, пораженнаго ужасомъ, совершилось неслыханное дѣло: опричники кинулись на митрополита, сорвали съ него святительское облаченіе, набросили на него ветхую, изодранную монашескую одежду и съ позоромъ метлами выгнали его изъ церкви. Народъ со слезами бѣжалъ слѣдомъ за нимъ, когда его везли, посадивъ на дровни.—„Молитесь!“ говорилъ онъ народу... Лицо его было свѣтло, и онъ ласково благословлялъ людей.

Филиппа отвезли сначала въ Богоявленскій монастырь въ заключеніе; здѣсь цѣлую недѣлю просидѣлъ онъ въ смрадной темницѣ, въ оковахъ, томимый голодомъ. Царь хотѣлъ было осудить его на сожженіе, такъ какъ клеветники обвиняли его между прочимъ въ чародѣйствѣ; но по ходатайству духовныхъ лицъ согласился оставить ему жизнь. Между тѣмъ царь безпощадно истреблялъ родъ бояръ Колычевыхъ. Говорятъ, будто онъ прислалъ Филиппу отсѣченную голову одного изъ любимыхъ его родичей, и велѣлъ сказать: „Вотъ твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!“ Святитель поклонился до земли предъ головою, благословилъ ее, съ любовью облобызалъ и отдалъ принесшему. Наконецъ, по приказу царя, Филиппъ былъ удаленъ изъ Москвы и сосланъ въ заточеніе въ Тверской Отрочь-монастырь. Скоро здѣсь онъ и умеръ мученическою смертію.

Когда царь съ опричниками ѣхалъ въ Новгородъ творить кровавую расправу, Малюта Скуратовъ по пути заѣхалъ къ Филиппу въ монастырь просить благословенія.

— „Я благословляю только добрыхъ и на доброе!“ отвѣтилъ святитель.

Тогда Малюта задушилъ его подушкой, а затѣмъ пустилъ молву, что онъ задохся отъ сильнаго жара въ кельѣ.

Впослѣдствіи Филиппъ былъ причтенъ къ лику святыхъ. Мощи св. мученика нынѣ покоятся въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ.

Разгромъ Новгорода и московскія казни.

Уже погибли почти всѣ лица, которыя во время болѣзни царя склонялись на сторону его двоюроднаго брата, князя Владимира Андреевича; но самъ Владиміръ еще оставался живъ. До какой степени ему недовѣрялъ царь послѣ болѣзни своей, видно изъ того, что нѣсколько разъ бралъ съ него записи (письменныя обязательства) вѣрно служить и ему, царю, и сыну его. Князь Владиміръ долженъ былъ при этомъ обѣщать, что пойдетъ войной даже на своего родного брата, если прикажетъ царевичъ; донесетъ ему даже на свою мать, если та умыслитъ ему какое зло, и пр.

Царь перемѣнилъ у Владимира всѣхъ бояръ и слугъ, изъ одной волости перевелъ его въ другую, наконецъ, и совсѣмъ покончилъ съ нимъ. По одному извѣстію, князь замышлялъ перейти въ подданство Сигизмунду. Такъ ли это

было дѣйствительно, или это была клевета,—трудно судить; но въ началѣ 1569 года Владиміръ Андреевичъ погибъ. По однимъ извѣстіямъ, онъ былъ осужденъ въ присутствіи царя выпить отраву, по другимъ, ему была отрублена голова. Съ нимъ вмѣстѣ казнены были его жена, дѣти, и даже служанокъ, выразившихъ сочувствіе своимъ господамъ, разстрѣляли.

Ненасытная злоба кипѣла въ сердцѣ Іоанна; никакія жертвы, казалось, не могли утолить ее: очевидно, страшная душевная болѣзнь обуревала его. Вѣчный страхъ измѣны помрачалъ умъ его, дѣлалъ его злобнымъ, жестокимъ. Страшась самъ всего, онъ хотѣлъ страшить всѣхъ... Мало того, что онъ безпощадно истреблялъ боярскіе роды, онъ хотѣлъ быть страшенъ и простому люду. Несомнѣнно, что опричники своими доносами и клеветами разжигали все пуще и пуще больную душу Іоанна.

Лѣтомъ 1569 года явился къ царю какой-то бродяга съ доносомъ, что новгородцы хотятъ предаться польскому королю. Доносчикъ заявилъ, что написана даже грамота къ королю и хранится въ Софійскомъ соборѣ, за образомъ Богоматери. Царь отправилъ въ Новгородъ довѣренное лицо вмѣстѣ съ доносчикомъ, и грамота дѣйствительно нашлась въ указанномъ мѣстѣ. Говорятъ, что доносчикъ изъ мести новгородцамъ, чѣмъ-то обидѣвшимъ его, самъ сочинилъ грамоту и очень искусно подписался подъ руку архіепископа и нѣкоторыхъ вліятельныхъ новгородцевъ.

Царь повѣрилъ доносу. Новгородцы и псковичи, среди которыхъ еще жили преданія о старыхъ вольностяхъ, могли казаться ему подозрительными. Весьма вѣроятно, что въ Новгородѣ, вдали отъ Москвы, смѣлѣе, чѣмъ гдѣ-либо, поговаривали о безчинствахъ опричнины, и слухи объ этомъ могли доходить до царя. Онъ еще раньше доноса выселилъ изъ Новгорода и Пскова нѣсколько сотъ семей; теперь же, имѣя благовидный поводъ, рѣшился этимъ городамъ дать надолго острастку.

Въ декабрѣ 1569 года онъ предпринялъ походъ на сѣверъ. Не только опричники были съ царемъ, но онъ велъ съ собою будто на настоящую войну и отрядъ войска. Разгромъ начался съ границъ бывшихъ тверскихъ владѣній, отъ города Клина до Новгорода. Опричники врывались въ города, грабили, били, кого попало, даже убивали людей невѣдомо за что. Особенно сильно пострадала Тверь.

2-го января 1570 года прибылъ въ Новгородъ передовой отрядъ царской дружины и занялъ всѣ пути изъ города, чтобы ни одинъ человѣкъ не ушелъ отсюда. Во всѣхъ подгородныхъ монастыряхъ начальники этого отряда запечатали казну, захватили игуменовъ и иноковъ, числомъ болѣе 500; взяты были подъ стражу и священники новгородскихъ церквей; знатнѣйшихъ жителей, купцовъ, приказныхъ людей также забрали подъ стражу, а имущество ихъ опечатали.

6-го января вечеромъ прибылъ царь со всѣмъ дворомъ, съ 1500 стрѣльцовъ, и остановился на Торговой сторонѣ, на Городищѣ. На слѣдующій день отдано было первое приказаніе: захваченныхъ игуменовъ и монаховъ бить палками до смерти и трупы развозить по монастырямъ для погребенія. На третій день по пріѣздѣ, въ воскресенье, государь отправился въ кремль, къ

св. Софіи, къ обѣднѣ. На Волховскомъ мосту, по стародавнему обычаю, владыка Пименъ со всѣмъ соборомъ, съ крестами и иконами вышелъ встрѣчать государя. Владыка хотѣлъ осѣнить его крестомъ, но Іоаннъ не подошелъ ко кресту, а началъ гнѣвно говорить владыкѣ:

— „Ты не пастырь и не учитель, — но волкъ, хищникъ, грабитель, измѣнникъ, нашей царской багряницѣ и вѣнцу досадитель!“...

Сказавши это, онъ приказалъ владыкѣ служить обѣдню въ Софійскомъ соборѣ. По окончаніи службы государь съ ближайшими своими опричниками изъ церкви пошелъ къ владыкѣ въ столовую палату. Здѣсь для высокаго гостя былъ приготовленъ обѣдъ. Но едва царь отвѣдалъ пищи, какъ вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ. Это было условнымъ знакомъ нападенія. Владыку схватили. Опричники кинулись грабить дворъ и казну его; хватали его слугъ и отдавали подъ стражу, а потомъ по царскому приказу ходили по всѣмъ монастырямъ и церквамъ и забирали церковную казну и утварь.

Затѣмъ царь съ сыномъ своимъ отправился снова на Торговую сторону, въ Городище, и здѣсь открылъ судъ: сюда приводили новгородцевъ, взятыхъ подъ стражу; ихъ подвергали пыткамъ, жгли при помощи какого-то состава на медленномъ огнѣ. Обвиненныхъ, привязавши къ санямъ, волокли къ Волхову. Здѣсь большое пространство рѣки было очищено отъ льда. Осужденныхъ съ Волховскаго моста съ высоты бросали въ воду, связанныхъ по рукамъ и ногамъ. Кидали также женщинъ и дѣтей; младенцевъ привязывали къ ихъ матерямъ. По рѣкѣ ѣздили въ челнахъ опричники и баграми, рогатинами и топорами добивали тѣхъ, которые всплывали.

Эта ужасная расправа длилась, „грѣхъ нашихъ ради“, говоритъ лѣтописецъ, пять недѣль безъ перерыва. Казненныхъ и замученныхъ до смерти было болѣе полуторы тысячи. Послѣ того опричники рыскали по городу и его окрестностямъ, грабили лавки, дворы, разоряли дома, истребляли домашніе запасы, убивали скотъ... Верстъ на двѣсти кругомъ Новгорода были опустошены сёла и деревни.

Наконецъ, 13-го февраля, царь приказалъ созвать уцѣлѣвшихъ новгородцевъ съ каждой улицы по одному. Явились они предъ нимъ, трепеща отъ страха, блѣдные какъ мертвецы: они ожидали смерти. Но царь взглянулъ на нихъ милостиво, и обратился къ нимъ съ ласковой рѣчью.

— „Молите человѣколюбиваго Бога, сказалъ онъ, о нашемъ благочестивомъ державствѣ, о дѣтяхъ нашихъ молите, чтобы Господь даровалъ намъ побѣду на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Пусть взыщется вся кровь эта на измѣнникахъ, владыкѣ Пименѣ и его совѣтникахъ; вы же объ этомъ теперь не скорбите и живите въ Новгородѣ благодарно!“

Пименъ, клеветавшій раньше на Филиппа, лишенъ былъ сана, преданъ поруганію и сосланъ въ заточеніе.

Памятенъ остался новгородцамъ этотъ грозный судъ... Два года спустя послѣ погрома, во время обѣдни, въ одной церкви вдругъ разнеслась почему-то молва, что царь съ опричниками пріѣхалъ въ городъ. Толпа въ ужасѣ кинулась во всѣ стороны. Мужчины, женщины и дѣти съ плачемъ бѣжали, сами не зная куда. Страхъ отъ бѣгущихъ сообщился и другимъ; купцы отъ

испуга покидали даже свои лавки, товары и бѣжали... Не скоро и очнулись отъ страха. Такой переполохъ произвелъ слухъ о пріѣздѣ грознаго владыки.

Изъ Новгорода царь отправился во Псковъ. Псковичи въ ужасѣ ждали участи новгородцевъ, исповѣдывались, причащались... Но псковскій воевода кн. Юрій Токмаковъ оказался очень находчивымъ: онъ распорядился, чтобы устроена была царю особенная, небывалая встрѣча. Іоаннъ подъѣхалъ ко Пскову ночью и остановился переночевать въ одномъ подгородномъ монастырѣ. На зарѣ царь услышалъ звонъ во всѣхъ псковскихъ церквахъ: то благовѣстили къ заутренѣ; псковичи готовились въ послѣдній разъ предъ смертью помолиться Богу. Это, говорятъ, тронуло государя и расположило къ жалости.

Когда же онъ вступилъ въ городъ, то его взорамъ представилось неожиданное зрѣлище. Жители стояли по улицамъ, каждый предъ своимъ домомъ, съ женами своими и дѣтьми, держа въ рукахъ хлѣбъ и соль. Завидѣвъ царя, всѣ падали на колѣни и съ полной покорностью привѣтствовали его. Эта встрѣча умилила его. Онъ запретилъ опричникамъ убивать или мучить жителей, позволилъ только пограбить ихъ.

Царь недолго пробылъ во Псковѣ. Разсказываютъ между прочимъ, что онъ посѣтилъ блаженнаго Николу Салоса (Салосъ по-гречески значитъ: юродивый). Никола сталъ потчевать царя сырымъ мясомъ, а тогда былъ великій постъ.

— „Я—христіанинъ, сказалъ царь, и не ѣмъ говядины въ постъ“

— „Хуже ты дѣлаешь, мясо человѣческое ты ѣшь?“ возразилъ юродивый.

Этимъ укоромъ и нѣкоторыми дурными предвѣщаніями юродивый, говорятъ, такъ напугалъ суевѣрнаго Іоанна, что онъ поспѣшилъ уѣхать изъ Пскова.

По возвращеніи его въ Москву, начались и здѣсь розыски участниковъ новгородской измѣны. На многихъ бояръ и даже близкихъ царю людей было донесено, будто они сносились съ Пименомъ и злоумышляли на государя.

25-го іюля, на большой Московской площади, въ Китай-городѣ, поставлено было 18 висѣлицъ, разложены были разныя орудія пытки, зажженъ громадный костеръ, надъ которымъ повѣсили огромный чанъ съ водою. Готовилось страшное зрѣлище. Жители Москвы въ ужасѣ спѣшили укрыться; торговцы бѣжали, покидая свои открытыя лавки. Боялись всѣ, что надъ Москвою разразится такая же гроза царской немилости, какъ надъ Новгородомъ. Площадь опустѣла. Только толпа опричниковъ стояла здѣсь въ ожиданіи жертвъ. Среди тишины словно вымершаго города раздался звукъ бубновъ: то въѣзжалъ царь. Онъ былъ верхомъ на конѣ; съ нимъ рядомъ ѣхалъ его любимый старшій сынъ Иванъ Ивановичъ; слѣдомъ за ними—приближенные сановники, отряды опричниковъ; позади нихъ вели осужденныхъ, около трехсотъ человѣкъ, уже измученныхъ пытками, истерзанныхъ, походившихъ на мертвецовъ.

Царь осмотрѣлся и остался очень недоволенъ, что площадь пуста, что нѣтъ народа. Онъ приказалъ опричникамъ сгонять людей. Жители, конечно, не смѣли ослушаться, выходили испуганные изъ ямъ, изъ погребовъ, куда попрятались со страху. Когда площадь наполнилась народомъ, царь громко сказалъ:

— „Народъ, увидишь муки и гибель; но караю измѣнниковъ. Отвѣчай, правъ ли судъ мой?“

— „Да здравствуетъ на многія лѣта государь великій! да погибнутъ измѣнники!“ закричалъ въ отвѣтъ народъ.

Царь приказалъ отдѣлить изъ толпы осужденныхъ сто восемьдесятъ человѣкъ менѣе виновныхъ и даровалъ имъ жизнь.

Затѣмъ начались и продолжались четыре часа подъ рядъ ужасныя, изысканно-мучительныя казни...

Не станемъ описывать этихъ ужасовъ, глубоко возмущающихъ человѣческое чувство. Хотя о нихъ подробно разсказываютъ въ своихъ запискахъ иноземцы, свидѣтельствуетъ Курбскій, говорятъ и наши лѣтописи,—но всему вѣрить нельзя: все, что слишкомъ поражаетъ чувство человѣка, обыкновенно потомъ въ разсказахъ преувеличивается,—даже невольно; а иноземцы, сначала служившіе грозному царю, потомъ измѣнившіе, конечно, очень склонны были преувеличивать ужасъ жестокихъ казней его. То же надо сказать и о русскихъ измѣнникахъ. Но если даже откинуть все баснословное въ разсказахъ о лютыхъ казняхъ и мученіяхъ, то все-таки много еще останется несомнѣннаго и ужаснаго...

Упоминается въ современныхъ запискахъ о страшныхъ орудіяхъ мученія: сковородахъ, печахъ, клещахъ; говорится о томъ, что вбивали иглы подъ ногти, рѣзали по суставамъ, перетирали веревками и пр.

Надо припомнить, что въ то время и въ Западной Европѣ обильно лилась человѣческая кровь. Это была пора какого-то умственнаго и нравственнаго помраченія. Набожность и звѣрство шли рука объ руку. Въ Испаніи дымились сотни костровъ, на которыхъ приносились человѣческія жертвы,—жгли еретиковъ во имя Христовой вѣры. Во Франціи въ одну ночь десятки тысячъ ихъ были избиты во имя той же вѣры, а въ Римѣ папа, считавшійся намѣстникомъ Христа на землѣ, праздновалъ эти злодѣйства, какъ побѣды Христовой вѣры надъ ересью, и служилъ благодарственные молебны!...

Жестокость Ивана Васильевича дошла до высшей мѣры послѣ новгородскихъ казней. Его опричники, часто окровавленные, съ дикими криками: „гойда! гойда!“ носились на своихъ лихихъ коняхъ по Москвѣ, приводя всѣхъ въ ужасъ. Даже потѣхи грознаго царя были порою ужасны. Случалось, что онъ приказывалъ выпускать медвѣдей на толпу народа ни въ чемъ неповиннаго, и тѣшился воплями испуганныхъ и убѣгающихъ людей, стонами пострадавшихъ. Искалѣченныхъ, впрочемъ, онъ всегда щедро награждалъ.

Любилъ царь тѣшится съ веселыми людьми, скоморохами. У него было много и шутовъ. Но ихъ участь также бывала иногда очень горькая! Разсказываютъ, что одинъ шутъ, князь Гвоздевъ, пошутилъ какъ-то неудачно во время царскаго обѣда. Царь вылилъ на него мису горячихъ щей. Несчастный завопилъ и хотѣлъ бѣжать. Это совсѣмъ не понравилось царю, и онъ ударилъ шута ножомъ. Тотъ упалъ, обливаясь кровью. Царь опомнился, велѣлъ поскорѣе позвать своего врача Арнольфа и сказалъ ему:

— „Исцѣли слугу моего добраго,—я пошутилъ съ нимъ неосторожно.“

— „Такъ неосторожно, отвѣчалъ лѣкарь, взглянувъ на рану, что развѣ только Богъ и твое царское величество можетъ воскресить его.“

Тогда царь, махнувъ рукой, проговорилъ: „Ну его, пса!“—и продолжалъ пировать.

Случалось, если вѣрить разсказамъ иностранцевъ, что и смертная казнь обращалась въ злую потѣху. Надъ жертвой издѣвались.

Разсказываютъ, напримѣръ, такой случай. Одинъ изъ воеводъ, Никита Казариновъ, ожидая опалы и смерти, уѣхалъ изъ Москвы и постригся въ одномъ изъ монастырей. Царь послалъ за нимъ, съ злобной усмѣшкой сказалъ, что схимники—ангелы, и потому должны летѣть на небо, и велѣлъ его взорвать на бочкѣ пороха.

Жестокіе нравы были въ ту пору, и какъ ни ужасны были мученія и казни, но люди того времени такъ не возмущались ими, какъ возмутились бы теперь. Въ довершеніе бѣдствій въ 1570 году свирѣпствовали ужасный голодъ и моръ. Холода, а потомъ засухи сгубили жатву. Цѣны на хлѣбъ поднялись неслыханныя. Бѣдняки толпами скитались по улицамъ Москвы, прося подаянія. Люди, прежде достаточные, разорились, обнищали вконецъ. На улицахъ, на дорогахъ лежали трупы умершихъ отъ голоду... Отъ изнуренія, отъ дурной пищи и отъ голоду начались повальныя болѣзни. До 1572 года продолжались бѣдствія. Въ это время обрушилось на Москву новое несчастіе—страшное нашествіе крымскихъ татаръ.

Войны съ сосѣдями.

Ливонія подъ ударами русскихъ, какъ сказано, уже распалась на части. Польша, которой досталась большая часть ея владѣній, должна была по договору 1561 года защищать ее.

Ливонія съ ея крѣпостями, замками и особенно съ ея прекрасными приморскими гаванями была какъ для Польши, такъ и для Москвы очень заманчивой добычей; но нелегко давалась она въ руки Ивану Васильевичу! Ему приходилось столкнуться не только съ Польшей, но и со Швеціей, захватившей Ревель, и съ Даніей, присвоившей островъ Эзель. Болѣе опаснымъ соперникомъ была Польша. Попытался было Иванъ Васильевичъ уладить здѣсь дѣло мирнымъ путемъ, даже для этого думалъ было жениться на одной изъ сестеръ польскаго короля Сигизмунда-Августа. Тутъ у царя были и другіе расчеты: женившись на сестрѣ бездѣтнаго короля, послѣдняго изъ Ягеллоновъ, со смертью его царь получалъ нѣкоторыя права на Литву. Дѣло это однако не сладилось: переговоры прервались, и загорѣлась война, такъ какъ царь и не думалъ выпускать изъ рукъ Ливоніи.

Война началась, какъ всегда, опустошительными набѣгами. Но въ началѣ 1563 года самъ царь съ огромной ратью и нарядомъ (пушками) двинулся въ Литву къ Полоцку, и осадилъ его, а чрезъ двѣ недѣли, 15-го февраля, городъ, стѣны котораго были сильно разбиты и сожжены, сдался. Имѣніе воеводъ, пановъ и купцовъ отобрано въ царскую казну; множество

жидовъ, которыхъ не терпѣлъ царь, потоплено въ Двинѣ; но наемные воины короля, болѣе 500 человѣкъ, были щедро одарены шубами и дана была имъ воля ѣхать къ королю, или поступить на службу къ царю, или вернуться къ себѣ на родину. Очевидно, Іоаннъ очень заботился о томъ, чтобы въ чужихъ краяхъ шла добрая молва о немъ, и чтобы иноземцы охотно шли въ царскую службу. Послѣ взятія Полоцка царь вернулся въ Москву такъ же торжественно, какъ изъ-подъ Казани.

Польскій король завелъ переговоры о мирѣ, но царь на уступку Полоцка и Ливоніи не согласился, и потому переговоры не привели ни къ чему. Война продолжалась. На этотъ разъ московское войско потерпѣло неудачу. Недалеко отъ Орши, на рѣкѣ Улѣ, оно было разбито литовскимъ гетманомъ; но особенныхъ выгодъ для себя изъ этой побѣды враги не извлекли. Измѣна Курбскаго тоже не принесла имъ большой пользы. Полоцка обратно взять они не могли. Война продолжалась, но шла довольно вяло съ перемѣннымъ счастіемъ.

Начались опять переговоры. Король просилъ перемирія и уступалъ царю всѣ города и земли, занятые московскими войсками. Иванъ Васильевичъ призадумался: съ одной стороны, уступка Полоцка и значительной части Ливоніи (Юрьевской области) послѣ пораженія подъ Оршей казалась ему выгодной; съ другой стороны, приходилось отказаться отъ морскихъ береговъ (не занятыхъ еще русскими войсками), а вѣдь ради морскихъ гаваней и война загорѣлась. Досадно и больно было царю и подумать, что Рига и другіе богатые города и хорошія гавани достанутся Польшѣ даромъ.

Онъ колебался,—соглашаться ли на перемиріе, или нѣтъ. Тогда пришло ему на умъ собрать большой соборъ для совѣщанія объ этомъ вопросѣ. Раньше государи наши совѣтовались о важнѣйшихъ дѣлахъ съ вельможами въ боярской думѣ, куда приглашалось иногда и знатнѣйшее духовенство. Но мы знаемъ уже, какъ царь относился къ боярамъ, и потому понятно, что онъ предпочелъ соборъ изъ разныхъ сословій. По его приказу лѣтомъ 1566 года собралось болѣе трехсотъ лицъ: тутъ были духовныя лица, бояре, дворяне, помѣщики изъ западныхъ областей, смежныхъ съ Литвою, дьяки, знатнѣйшіе московскіе купцы и смольняне. Къ этому собору царь обратился съ вопросомъ,—мириться ли ему съ королемъ на предложенныхъ условіяхъ, или нѣтъ. Соборъ, гдѣ подавались голоса по сословіямъ, пришелъ къ заключенію, что надо добывать всю Ливонію. Это рѣшеніе подкрѣпило царя, и онъ снова сталъ готовиться къ упорной войнѣ. Переговоры еще длились; но дѣло уладиться не могло. Царь требовалъ, между прочимъ, выдачи измѣнника Курбскаго. Но война явно уже тяготила и короля, и царя. Самолюбіе Ивана Васильевича было польщено: литовскіе послы стали называть его царемъ (прежде не хотѣли признать этого титула). Болѣе миролюбиво заговорили и московскіе посланцы. Надо сказать, что имъ давались отъ царя очень обстоятельные наказы, о чемъ говорить, какъ отвѣчать на разные вопросы, какъ держать себя. Выдачи Курбскаго на этотъ разъ уже не требовалось; но въ наказѣ посланцу находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: „станетъ говорить князь Андрей Курбскій, или иной который государевъ измѣнникъ, то отвѣчать: съ измѣнникомъ что говорить? Вы своей измѣной сколько ни лукавствуете бѣсовскимъ обычаемъ, а Богъ государю свыше подаетъ на враговъ

побѣду и вашу измѣну разрушаетъ! Больше того не говорить ничего и прочь отойти. А съ простымъ измѣнникомъ и того не говорить, а, выругавъ его, плюнуть въ глаза, да и пойти прочь".

Только въ 1570 году удалось, наконецъ, заключить перемиріе на три года. Царь все больше и больше убѣждался, что очень трудно ему добиться желанной цѣли — вполнѣ завладѣть завѣтными берегами Балтійскаго моря. По совѣту приближеннымъ иностранцевъ онъ предложилъ датскому принцу Магнусу, владѣтелю острова Эзеля, Ливонію съ титуломъ короля, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ въ зависимости отъ Москвы, и чтобы московской торговлѣ и сношеніямъ съ Западомъ никакой помѣхи въ ливонскихъ гаваняхъ не дѣлалось. Магнусъ согласился, прибылъ въ Москву въ 1570 г. и былъ объявленъ женихомъ царской племянницы, дочери казненнаго Владимира Андреевича.

Занятый войной на западѣ, царь старался всѣми силами ладить съ Крымомъ. Польскій король давно уже подбивалъ хана Девлетъ-Гирея къ нападенію на русскую украину, а царь въ свою очередь старался всячески его задобрить, писалъ ему дружелюбныя письма, величалъ „своимъ братомъ", посылалъ ему „поминки", т.-е. подарки, между прочимъ дорогія одежды со своего плеча, драгоцѣнные сосуды, при чемъ писалъ: „Въ которомъ платьѣ мы тебѣ, брату своему, дали клятву (въ дружбѣ), и мы то платье съ плечъ своихъ тебѣ, брату своему, послали, и ты-бъ, братъ нашъ, то платье и носилъ на здоровье; а изъ которой чары мы пили, и мы ту чару съ черпалкою послали къ тебѣ же, и ты-бъ изъ нея пилъ на здоровье". Но ничто не помогло. Принимая щедрые подарки отъ царя, ханъ, ссылаясь на нихъ, только выторговывалъ себѣ еще больше подачекъ отъ короля. Притомъ турецкій султанъ вознамѣрился во что бы ни стало отнять у Москвы Астрахань и Казань, и приказалъ своему подручнику, крымскому хану, выступить въ походъ на Астрахань (1569 г). Турецкій отрядъ (въ 17,000 ч.) и крымская орда (50,000 г.) двинулись къ Волгѣ; но походъ этотъ совсѣмъ не удался. Турецкое войско не хотѣло оставаться на зимовку подъ Астраханью и терпѣть во всемъ недостатки, волновалось, а когда дошла до турокъ вѣсть, что въ Астрахань пришла сильная русская рать, то и вовсе вышло изъ повиновенія и безъ всякаго бою обратилось въ бѣгство...

Въ то время, когда въ Москвѣ свѣжи еще были въ памяти народа лютыя казни послѣ Новгородскаго погрома; когда голодъ и моровое повѣтріе уже свирѣпствовали во всей силѣ,—внезапно новая бѣда обрушилась на Русскую землю.

Девлетъ-Гирей и послѣ неудачнаго турецко-татарскаго похода попрежнему продолжалъ требовать у царя уступки Астрахани и Казани. Очевидно, это было только предлогомъ къ нападенію. Все лѣто 1570 года прошло въ тревожныхъ ожиданіяхъ набѣга крымцевъ: русскіе развѣдчики видѣли въ степяхъ огромныя облака пыли, слѣды многочисленной конницы, но появлялись татары всюду лишь мелкими шайками. Царь и его воеводы уже было и успокоились, думая, что татары не затѣваютъ большого дѣла.

Наступила весна 1571 года. Въ южныхъ русскихъ предѣлахъ вдругъ показались татары. Ханъ собралъ всѣ подчиненныя ему мелкія орды, болѣе ста тысячъ человѣкъ, и нежданно вторгся въ южную украину. Никакія казачьи станицы и украинскія крѣпости сдержать напора такой орды не могли. Нашлись

русскіе измѣнники, которые сказали Девлетъ-Гирею, что голодъ, моровая язва и лютыя казни такъ опустошили Русскую землю, что царь не въ состояніи вывести въ поле большой рати. Измѣнники ручались головой, что они проведутъ татаръ къ самой Москвѣ такъ, что на всемъ пути не будетъ встрѣчи съ русскимъ войскомъ.

Наскоро собранная русская рать выступила на Оку навстрѣчу татарамъ. Царь съ опричниками прибылъ въ Серпуховъ. Но ханъ по указанію измѣнниковъ тайно отъ русскихъ воеводъ переправился чрезъ Оку и шелъ уже на Москву. Царь со своими опричниками, отрѣзанный отъ главнаго войска, долженъ былъ искать спасенія и поспѣшно отступилъ сначала въ Александровскую слободу, а оттуда въ Ростовъ. Русская рать спѣшила на выручку столицы, успѣла днемъ раньше татаръ стать подъ Москвой и расположилась въ предмѣстіяхъ города вмѣсто того, чтобы встрѣтить непріятеля въ открытомъ полѣ. Это было пагубной ошибкой.

24-го мая, въ праздникъ Вознесенія, ханъ подступилъ къ Москвѣ. Утро было ясное и тихое. Ханъ приказалъ зажечь предмѣстья. Русское войско готовилось уже бодро къ смертному бою, какъ вдругъ вспыхнулъ пожаръ сразу во многихъ мѣстахъ. Запылали деревянные домишки сначала по окраинамъ предмѣстья. Быстро съ кровли на кровлю перебѣгалъ огонь по скученнымъ деревяннымъ постройкамъ и съ трескомъ пожиралъ сухое дерево. Тучи дыму заклубились надъ Москвой. Поднялся вихрь, и скоро море огня разлилось по всему городу!...

Нечего было и думать гасить сплошной пожаръ. Забыли и о татарахъ. Жители Москвы, толпы людей, бѣжавшихъ отъ татаръ сюда изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, воины,—всѣ смѣшались, толпились по улицамъ, всѣ съ воплями ужаса искали спасенія и гибли тысячами... Очевидцы говорятъ, что на иныхъ улицахъ и особенно у воротъ, самыхъ отдаленныхъ отъ непріятеля, сбились огромныя толпы народа; другъ у друга перебивали дорогу, шли по головамъ стѣснившейся толпы, верхніе давили нижнихъ, задніе—переднихъ. Въ нѣсколько часовъ вся Москва выгорѣла до тла. Уцѣлѣлъ только Кремль, благодаря своимъ высокимъ каменнымъ стѣнамъ. Нѣсколько сотъ тысячъ жителей погибло во время этого ужаснаго пожара Москвы, подобнаго которому по страшнымъ послѣдствіямъ не бывало ни прежде, ни послѣ... Тѣла запрудили рѣку Москву такъ, что потомъ пришлось нарочно поставить людей—спускать трупы внизъ по рѣкѣ. „Кто видѣлъ это ужасное зрѣлище, пишетъ одинъ иностранецъ-очевидецъ, тотъ вспоминаетъ о немъ всегда съ новымъ трепетомъ и молитъ Бога, чтобы не видѣть ничего подобнаго вторично“. Этотъ пожаръ поразилъ страхомъ даже и самихъ татаръ. Среди почти сплошного огня имъ было не до грабежа. Ханъ приказалъ своей ордѣ отойти къ Коломенскому селу; осаждать Кремль онъ не сталъ, а, захвативъ огромное число плѣнныхъ, говорятъ, болѣе ста тысячъ, двинулся обратно, разоряя и грабя все на пути.

Царю прислалъ онъ надменную грамоту.

„Жгу и пустошу все, писалъ онъ, за Казань и Астрахань, а всего свѣта богатства примѣняю къ праху... Я пришелъ на тебя, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы, но ты не сталъ противъ насъ, а еще хвалишься, что ты

Московскій государь!... Захочешь съ нами въ дружбѣ быть, такъ отдай намъ юртъ Астрахань и Казань... Хоть всесвѣтное богатство захочешь дать намъ вмѣсто нихъ, ненадобно!... А государства твоего дороги я видѣлъ и опозналъ".

Какъ ни тяжело было гордому царю, но на этотъ разъ пришлось смириться. Въ отвѣтной грамотѣ онъ даже соглашался уступить хану Астрахань, „только теперь, прибавлялъ онъ, этому дѣлу скоро статься нельзя: для него должны быть у насъ твои послы, а гонцами такого великаго дѣла сдѣлать невозможно; до тѣхъ бы поръ ты пожаловалъ, далъ срокъ и земли нашей не воевалъ".

Но ханъ слишкомъ понадѣялся на свой успѣхъ, не довольствовался обѣщанной уступкой Астрахани, требовалъ и Казани. Лѣтомъ 1572 г. онъ снова поднялся со всей своей ордой на Москву,—переправился чрезъ Оку съ такими же силами, какъ и въ первый разъ. Но на берегу Лопасни настигъ его воевода князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій съ большимъ русскимъ войскомъ и въ нѣсколькихъ жаркихъ схваткахъ разбилъ татаръ. Ханъ бѣжалъ.

Теперь Иванъ Васильевилъ заговорилъ съ нимъ инымъ языкомъ. Объ уступкѣ Астрахани, конечно, ужъ и рѣчи быть не могло. Помирившись съ ханомъ и посылая ему по обычаю подарки, на этотъ разъ самые ничтожные, царь подсмѣивается надъ похвальбой ханской грамоты: „поминки тебѣ послалъ я легкіе, пишетъ онъ хану,—добрыхъ поминковъ не послалъ: ты вѣдь писалъ, что тебѣ деньги не надобны, что богатство для тебя равно праху!"

Въ это время въ Польшѣ произошло важное событіе. Король Сигизмундъ-Августъ умеръ, а съ нимъ угасъ и родъ Ягеллоновъ. Въ 1569 году, когда Литва неразрывно соединилась съ Польшей, установлено было право избирать королей на сеймахъ. Теперь, когда прекратился королевскій домъ, нѣкоторые изъ польскихъ и литовскихъ пановъ задумали было избрать въ короли второго сына московскаго царя—Ѳеодора. Но царь колебался, медлилъ, а въ это время посолъ французскаго короля ловко орудовалъ въ пользу Генриха, брата своего государя, при чемъ не жалѣлъ ни золота, ни обѣщаній. На сеймѣ былъ избранъ Генрихъ. Впрочемъ, онъ скоро уѣхалъ изъ Польши, такъ какъ со смертью его брата очистился для него французскій престолъ. Снова пришлось литовскимъ и польскимъ сановникамъ выбирать себѣ короля.

Въ эту пору завязались сношенія Германіи съ Москвою. Императоръ Максиміліанъ, желая посадить на польскій престолъ своего сына, просилъ Ивана Васильевича помочь этому дѣлу, и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ у царя за Ливонію. Царь, принимая германскихъ пословъ во всемъ величіи своемъ, поразилъ ихъ своимъ блескомъ, роскошью и богатствомъ, а русскіе послы, пріѣхавшіе отъ царя къ императору съ грамотой и подарками, удивили его и всѣхъ придворныхъ своеобразной пестротой своихъ богатыхъ одеждъ. (Сохранилось любопытное современное изображеніе этого посольства).

Однако никакой пользы изъ переговоровъ этихъ не извлекла ни Германія, ни Москва: польскій престолъ не достался ни германскому принцу, ни русскому царевичу, — избранъ былъ въ 1575 г. трансильванскій воевода—Стефанъ Баторій.

Между тѣмъ царь немедленно началъ войну въ Прибалтійскомъ краѣ, лишь только кончилось перемиріе. Завязалась война и со Швеціей; однако, не-

смотря на всѣ усилія Магнуса и русскихъ, имъ не удалось завладѣть Ревелемъ, который былъ въ рукахъ шведовъ. Зато походъ самого царя лѣтомъ 1577 года былъ очень удаченъ: городъ за городомъ сдавались ему и его воеводамъ. Занявъ городъ Вольмаръ, царь вспомнилъ, что здѣсь было писано Курбскимъ его письмо, не утерпѣлъ, и самъ снова написалъ язвительное посланіе бывшему своему воеводѣ.

Оно начинается съ прописанія всего царскаго титула, въ который уже включены слова: „обладатель земли Лифляндской". „Если беззаконій моихъ,— смиренно пишетъ царь, и больше песку морского, то все же надѣюсь на милосердіе Бога: Онъ можетъ пучиною милости своей потопить беззаконія мои". За-

Русское посольство къ германскому императору. (По старин. рис.).

тѣмъ царь упоминаетъ о побѣдахъ, дарованныхъ ему Богомъ, надъ нѣмцами, Литвою и татарами, снова вспоминаетъ объ измѣнахъ бояръ, которые не слушались его, „сами государились, какъ хотѣли", и въ концѣ письма ѣдко подсмѣивается надъ Курбскимъ. „Вы говорили, пишетъ царь, нѣтъ (кромѣ васъ) людей на Руси! некому стоять! вотъ теперь васъ и нѣтъ... Кто же беретъ крѣпкіе города германскіе?—Сила животворящаго креста города беретъ... А что писалъ ты, что мы тебя въ лальніе города будто въ опалѣ посылали, то писалъ ты это себѣ въ досаду. Мы нынѣ Божіею волею и дальше твоихъ дальнихъ городовъ прошли и ногами нашихъ коней переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣшіе ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили... Можно ли теперь говорить, что не вездѣ ноги коня нашего были? И въ городъ Вольмаръ, гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, и туда на покой тебѣ

Богъ насъ принесъ. Ты думалъ, что здѣсь укрылся, а мы и тутъ по волѣ Божіей догнали. Пришлось тебѣ и подальше поѣхать!“

Но торжество царя продолжалось недолго; лишь только онъ отбылъ изъ Ливоніи, какъ и поляки, и шведы стали одолѣвать русскихъ. Сильное пораженіе русскихъ было нанесено близъ Вендена. Король Магнусъ, уже женатый на царской племянницѣ, передался полякамъ.

Переговоры, начатые Стефаномъ Баторіемъ, не привели ни къ чему. Царь относился къ нему свысока, даже не хотѣлъ по обычаю называть его въ грамотахъ „братомъ“, а звалъ „сосѣдомъ“, потому что Стефанъ сталъ королемъ не по происхожденію своему и не по волѣ Божіей, а по „много-

Русское посольство къ императору.

мятежному человѣческому хотѣнію“ (по избранію сейма). Ливонію царь попрежнему называлъ „своей вотчиной“ и уступокъ никакихъ не дѣлалъ.

Стефанъ Баторій, вступая на престолъ, между прочимъ обѣщалъ вернуть Литвѣ земли, отнятыя у нея Москвою. У него была испытанная, закаленная въ бояхъ пѣхота, венгерская и нѣмецкая, хорошо вооруженная, было много хорошихъ пушекъ, и потому онъ разсчитывалъ на вѣрный успѣхъ въ борьбѣ съ нестройными и плохо вооруженными полчищами русскихъ. Притомъ онъ самъ былъ очень искуснымъ вождемъ.

Царь думалъ, что война будетъ ведена въ Ливоніи, и послалъ туда большое войско; но Баторій направилъ ударъ въ другую сторону, и лѣтомъ 1579 г. осадилъ Полоцкъ. Полоцкъ защищался очень упорно болѣе трехъ недѣль. Жители усердно помогали воинамъ, бросались тушить пожары, когда

они вспыхивали отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; женщины и старики спускались на веревкахъ и подъ ядрами доставали воду изъ Двины; но несмотря на все упорство защиты, городъ былъ, наконецъ, взятъ. Затѣмъ послѣ страшной рѣзни Баторій занялъ крѣпость Соколъ.

1580 годъ былъ еще несчастнѣе для русскихъ. Баторій бралъ городъ за городомъ (Велижъ, Усвятъ, Великіе Луки), а съ другой стороны шведскій полководецъ Делагарди одерживалъ верхъ надъ русскими въ Эстоніи.

Царь смирился, понизилъ свою рѣчь въ переговорахъ съ королемъ, сталъ говорить миролюбивѣе. Посламъ къ королю было наказано вести себя покорно—если король не встанетъ, не отвѣтитъ на поклонъ царя, не спроситъ о

Русское посольство къ императору.

его здоровьѣ, то все это оставить безъ вниманія, даже снести брань и всякія обиды, а самимъ не задирать и невѣжливыхъ словъ королю не говорить".

Послы предложили королю отъ имени царя Ливонію, за исключеніемъ четырехъ городовъ; но король требовалъ всей Ливоніи, сверхъ того еще уступки Себежа и уплаты 400 тысячъ золотыхъ венгерскихъ за военныя издержки.

Царь былъ сильно раздосадованъ этими новыми требованіями короля, написалъ ему укорительное письмо. „Мы ищемъ того, какъ бы кровь христіанскую унять, а ты, говорилось въ письмѣ, ищешь того, какъ бы воевать".

Попытки помириться на иныхъ условіяхъ тоже не состоялись.

Баторій выступилъ въ новый походъ, а къ царю послалъ дерзкое посланіе, гдѣ называлъ его фараономъ московскимъ, волкомъ и пр. „Для чего ты къ намъ не прибылъ съ войсками своими? спрашиваетъ между прочимъ Бато-

рій—для чего своихъ подданныхъ не оборонилъ? и бѣдная курица предъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты, орелъ двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!..“—„Если не хочешь крови христіанской проливать,—прибавлялъ Баторій,—такъ уговоримся о мѣстѣ и о часѣ, сядемъ на коней, и сразимся между собой“.

26-го августа польскіе войска взяли крѣпость Островъ и подошли ко Пскову. Здѣсь и кончились успѣхи Баторія. Псковъ славился какъ лучшая русская крѣпость; стѣны тутъ недавно были возобновлены; на нихъ поставлено много хорошихъ пушекъ; въ городъ введено сильное войско, во главѣ котораго стояли опытные воеводы, особенно доблестный князь Иванъ Петровичъ Шуйскій.

Русское посольство къ императору.

О достопамятной оборонѣ Пскова сохранилось подробное сказаніе (повѣсть о псковской осадѣ).

Баторій велѣлъ укрѣпиться подъ стѣнами города, рыть борозды (траншеи), ставить туры для прикрытія людей и пушекъ. Защитники Пскова тоже не теряли времени, принялись строить внутреннія укрѣпленія... 7-го сентября на разсвѣтѣ непріятель открылъ сильную пальбу; изъ двадцати большихъ орудій громилъ городскую стѣну, стараясь сдѣлать въ ней проломы для приступа. На другой день стѣна въ нѣсколькихъ мѣстахъ была сбита. Путь въ городъ былъ открытъ, и воеводы Баторія, сидѣвшіе въ это время за обѣдомъ, хвалились, что ужинать будутъ во Псковѣ.

Распустивъ знамена, при звукахъ трубъ, пошли поляки, венгры и нѣмцы на приступъ. Въ городѣ по звону осаднаго колокола не только воины спѣшили

къ своимъ мѣстамъ, но и всѣ жители, могущіе держать оружіе въ рукахъ, бѣжали на помощь своимъ и стали съ воинами въ самомъ опасномъ мѣстѣ, между развалинами каменной стѣны и новою деревянной, еще недостроенной. Но, несмотря на ужасный огонь, открытый по непріятелю, онъ упорно шелъ впередъ, по трупамъ своихъ достигъ крѣпости, сломилъ отчаянное сопротивленіе и ворвался... Уже на двухъ башняхъ (Покровской и Свиной) развѣвались королевскія знамена. Русскіе изнемогали и все больше и больше подавались подъ напоромъ враговъ. Шуйскій, облитый кровью, сошелъ со своего раненаго коня и удерживалъ отступающихъ... Въ это самое время духовенство вынесло изъ храма образъ Богоматери и мощи св. Всеволода-Гавріила, и шло въ самый пылъ битвы. Бойцы при видѣ своей мѣстной святыни ободрились. Вдругъ съ ужаснымъ громомъ и трескомъ взлетѣла на воздухъ Свиная башня. Воеводамъ удалось взорвать ее. Ровъ наполнился истерзанными тѣлами враговъ, овладѣвшихъ башней. Непріятель оторопѣлъ. Русскіе дружно ударили на враговъ и смяли ихъ. Подоспѣли къ мѣсту боя свѣжіе отряды воиновъ изъ болѣе отдаленныхъ частей города; враги не выдержали новаго напора и побѣжали... Дольше всѣхъ защищались венгры, засѣвшіе въ Покровской башнѣ; наконецъ, и ихъ осилили. Жители помогали воинамъ, приносили воду, убирали раненыхъ, веревками тащили легкія пушки, брошенныя непріятелемъ у стѣнъ. Уже поздно ночью вернулись побѣдители въ городъ съ огромнымъ числомъ плѣнныхъ. Это достопамятное дѣло происходило 8-го сентября.

Пытался всячески Баторій взять Псковъ: велѣлъ дѣлать подкопы, стрѣлять день и ночь въ крѣпость, пускать каленыя ядра, чтобы произвести пожаръ; написалъ увѣщаніе русскимъ воеводамъ, обѣщая имъ и городу всякія льготы, если сдадутся, и неминуемую гибель въ случаѣ упорства. Такъ какъ осажденные не хотѣли имѣть никакихъ сношеній съ непріятелемъ, то письмо короля съ этимъ увѣщаніемъ было пущено въ городъ со стрѣлою.

Такимъ же способомъ псковскіе воеводы прислали королю свой отвѣтъ.

— „За богатства всего міра не измѣнимъ своему крестному цѣлованію. Если Богъ за насъ, никто не осилитъ насъ! Мы готовы умереть, но не предадимъ Пскова... Готовься на брань, а чья будетъ побѣда—Богъ покажетъ!“

Не удались Баторію и подкопы: осажденные вели противъ нихъ свои мины и рѣзались съ непріятелемъ подъ землею. Напрасны были и новые приступы. Когда враги подходили къ стѣнѣ, прикрывались большими щитами отъ пуль, и старались ломами пробить каменную стѣну, русскіе на нихъ лили горящую смолу, шестами съ крючьями оттаскивали ихъ отъ стѣны.

Войско Баторія, несмотря на то, что числомъ вдвое превосходило осажденныхъ, совсѣмъ упало духомъ и отчаялось осилить городъ, даже подгороднаго Печерскаго монастыря не удалось ему взять.

Хотя доблестная оборона Пскова нѣсколько и ободрила царя, но все-таки онъ сильно желалъ мира. Шведскій полководецъ Делагарди отнималъ у русскихъ городъ за городомъ, взялъ Гапсаль, Нарву, отнялъ и старые русскіе города: Яму (Ямбургъ) и Копорье.

Тяжела становилась царю война съ двумя сосѣдями: онъ рѣшился помириться хоть съ Польшей, послалъ посольство въ Римъ къ папѣ, просилъ его

помочь миру и выражалъ желаніе сблизиться съ нимъ и императоромъ на случай войны съ турками.

Папа съ радостію согласился быть посредникомъ: въ Римѣ все еще не теряли надежды прибрать къ рукамъ русскую православную церковь. Въ Москву былъ отправленъ папскій легатъ (посолъ) Антоній Поссевинъ. Это былъ очень умный и ловкій человѣкъ. Приняли его въ Москвѣ съ большимъ почетомъ; но когда онъ началъ было говорить о дѣлахъ вѣры, то царь уклончиво заявилъ, что прежде всего надо уладить миръ.

При посредствѣ Поссевина, переговоры начались въ деревнѣ Киверова гора, у Запольскаго яма. Русскіе послы такъ упорно отстаивали выгоды своего государя, что нѣсколько разъ Поссевинъ выходилъ изъ себя: онъ начиналъ уже браниться, и даже до того дошло, что одного посла схватилъ за воротъ... Съ большимъ трудомъ было наконецъ заключено перемиріе въ январѣ 1582 года на десять лѣтъ. Іоаннъ уступалъ Баторію всѣ свои завоеванія въ Ливоніи и Полоцкъ.

Война со шведами продолжалась еще съ годъ. Наконецъ, въ маѣ 1583 года было заключено трехлѣтнее перемиріе на рѣкѣ Плисѣ. Швеція удерживала не только всю Эстонію, но и русскіе города: Яму и Копорье.

Такъ печально кончились важные замыслы царя овладѣть Балтійскимъ побережьемъ и войти въ болѣе близкія сношенія съ Западомъ. Велики были силы Москвы; но западное военное искусство еще брало верхъ надъ ними.

Въ это время приходилось царю обратить военную силу на востокъ, на приволжскій край: тамъ поднялась луговая черемиса.

Антоній Поссевинъ.

По заключеніи перемирія Поссевинъ снова явился въ Москву и сталъ добиваться бесѣды съ царемъ о вѣрѣ, о соединеніи церквей. Несмотря на то, что государь всячески уклонялся отъ этого разговора, легатъ неотвязно добивался своего. Наконецъ, его допустили къ царю, и въ присутствіи бояръ произошло любопытное преніе царя съ папскимъ посломъ.

Поссевинъ держалъ рѣчь, старался убѣдить царя, что между римской и греческой вѣрой нѣтъ существеннаго различія, ссылался на флорентійскій соборъ (сочиненіе объ этомъ соборѣ онъ раньше поднесъ царю), указывалъ на то, что соединеніе съ Римомъ увеличитъ могущество царя, сдружитъ его съ государями Запада и станетъ онъ настоящимъ восточнымъ императоромъ.

Царь на это уклончиво сказалъ:

— „Въ нашей православной вѣрѣ я родился и съ Божіей помощью достигъ 51 года; слѣдовательно, мнѣ не время уже перемѣнять исповѣданіе или желать обширнѣйшаго государства; я помышляю только о жизни будущей“... Въ заключеніе снова заявилъ, что онъ не хочетъ разсуждать о церковныхъ вопросахъ, чтобы не сказать чего лишняго и непріятнаго.

Настойчивый Поссевинъ увѣрялъ, что можно говорить объ этихъ вопросахъ хладнокровно и настаивалъ на продолженіи переговоровъ.

Эта неотвязность видимо начинала раздражать царя.

— „Не хочу говорить съ тобой о великихъ догматахъ вѣры, началъ онъ, тебѣ было бы это непріятно, а вотъ дѣло малое: вижу, что ты бреешь бороду, а брить и стричь бороды не велѣно не только духовнымъ но и мірскимъ людямъ; ты же въ римской церкви попъ, а бороду стрижешь. Откуда ты это взялъ, изъ какого ученія?“

Этотъ совсѣмъ нежданный вопросъ озадачилъ Поссевина: онъ смущенно проговорилъ, что у него борода не растетъ.

Но царь, начавъ говорить, не могъ уже сдержать своей рѣчи.

— „Сказывали мнѣ, продолжалъ онъ, что папу носятъ на престолѣ и цѣлуютъ его сапогъ, на которомъ вышитъ крестъ съ изображеніемъ распятія Христова. Ежели это правда, то хорошо ли это? Вотъ первая причина несогласія нашей вѣры съ вашей... Мы поклоняемся честному кресту по преданію святыхъ апостоловъ и св. отцовъ церкви и ниже пояса у насъ креста не носятъ и образовъ не ставятъ.“

Затѣмъ царь, ссылаясь на мѣста св. писанія, распространился о необходимости для пастырей церкви смиренія, и сказалъ между прочимъ:

— „Папа не христосъ; престолъ, на которомъ его носятъ, не облако, да и тѣ, которые его носятъ, не ангелы!“

Поссевинъ отвѣчалъ, что папамъ воздаютъ честь, какъ намѣстникамъ Христа; при чемъ напомнилъ, что вѣдь преклоняются же предъ государями, и прибавилъ:

— „Вотъ ты тоже государь великій въ своемъ государствѣ! Какъ же намъ не величать тебя и не припадать къ ногамъ твоимъ?“

Съ этими словами Поссевинъ поклонился въ ноги царю. Но эта уловка не имѣла успѣха.

— „Святителямъ, ученикамъ апостольскимъ, сказалъ царь,—слѣдуетъ подавать собою примѣръ смиренія, а не возноситься гордостью превыше царей земныхъ. Царямъ подобаетъ честь царская, а святителямъ, папамъ и патріархамъ—честь святительская. Тѣ папы, которые слѣдовали заповѣдямъ Христовымъ, апостольскому преданію и постановленіямъ семи вселенскихъ соборовъ, были дѣйствительно сопрестольниками апостоловъ; а папа, который идетъ наперекоръ ученію Христову, тотъ папа, говорю, не пастырь, а волкъ.“

— „Если ужъ папа волкъ, рѣзко сказалъ обиженный Поссевинъ, то что же тутъ мнѣ и говорить! Зачѣмъ же посылалъ ты просить его помощи? зачѣмъ называлъ его, какъ и предшественники твои, пастыремъ церкви?“

Раздраженный царь въ гнѣвѣ вскочилъ съ своего мѣста, и, приступая къ Поссевину съ палкой своей, закричалъ:

— „Видно, у мужиковъ ты учился, что осмѣливаешься со мной говорить по-мужицки!“

Поссевинъ струсилъ и сталъ извиняться... Царь въ свою очередь одумался и поспѣшилъ загладить свою горячность.

— „Говорилъ я тебѣ давеча, сказалъ онъ уже мягко Поссевину, что разговоръ о вѣрѣ не кончится безъ непріятности; впрочемъ, я не вашего папу, прибавилъ онъ, называю волкомъ, а того папу, который не захочетъ слѣдовать

ученію Христову и преданію апостольскому. Однако, оставимъ этотъ разговоръ!"

Думалъ Поссевинъ добиться хотя того, чтобы католикамъ позволено было имѣть свою церковь въ Москвѣ; но это тоже не удалось. Ему отвѣтили такъ:

— „Имъ (католикамъ) вольно пріѣзжать въ наше государство и попамъ ихъ съ ними; только бы они ученія своего между русскими людьми не плодили и костеловъ не ставили: пусть каждый остается въ своей вѣрѣ. Въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ; мы ни у кого воли не отнимаемъ, — живутъ всѣ по своей волѣ, какъ кто хочетъ, а церквей иновѣрныхъ до сихъ поръ въ нашемъ государствѣ не ставливали."

Сухо было принято также предложеніе Поссевина отпустить нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ людей въ Римъ для ученія.

— „Теперь въ скорости годныхъ для этого людей собрать нельзя, а какъ Богъ дастъ наши приказные такихъ людей наберутъ, то мы, посулилъ царь, ихъ пришлемъ къ папѣ."

Очень недовѣрчиво смотрѣли православные русскіе на католическое духовенство и справедливо опасались властолюбивыхъ замысловъ папъ. Попытка Рима подчинить своей власти восточную православную церковь и на этотъ разъ не удалась. Впрочемъ, царь видимо хотѣлъ поддержать добрыя отношенія съ папой и въ грамотѣ писалъ ему:

„Мы грамоту твою радостно приняли и любительно выслушали, посла твоего Антонія съ великой любовью приняли; мы хотимъ быть въ братствѣ съ тобою, цесаремъ и съ другими христіанскими государями, чтобы христіанство было освобождено изъ рукъ мусульманскихъ и пребывало въ покоѣ"...

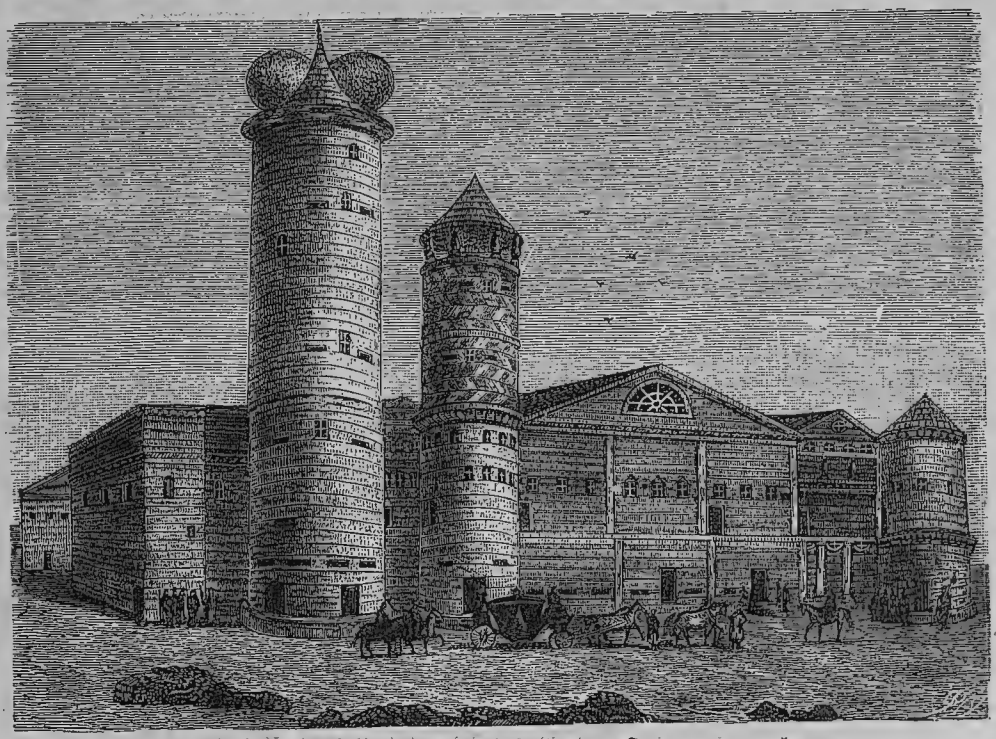
Покореніе Сибири.

Въ то время, какъ неудачи на западѣ сильно огорчали царя, нежданно его порадовало завоеваніе огромной области на востокѣ.

Еще въ 1558 году царь подарилъ богатому промышленнику Григорію Строганову большія незаселенныя земли по обѣ стороны рѣки Камы до Чусовой на протяженіи 146 верстъ. Григорій Строгановъ съ братомъ Яковомъ, по примѣру отца, нажившаго громадное состояніе въ Сольвычегодскѣ солянымъ промысломъ, задумалъ завести соляныя варницы въ большомъ размѣрѣ въ новомъ краю, заселить его, завести хлѣбопашество и торговлю. Заселеніе пустопорожныхъ мѣстъ, заведеніе новыхъ промысловъ было, конечно, очень выгодно для всего государства, и потому царь не только охотно уступалъ земли предпріимчивымъ промышленникамъ, но давалъ имъ и большія льготы.

Строгановымъ дано было право призывать въ свои земли свободныхъ людей, творить судъ надъ поселенцами, которые на двадцать лѣтъ избавлялись отъ всякихъ податей и повинностей; потомъ дано право строить укрѣпленія и держать вооруженные отряды для обороны отъ нападеній сосѣднихъ народцевъ (остяковъ, черемисы, ногаевъ и др.). Наконецъ позволено было Строгановымъ набирать себѣ охочихъ людей, казаковъ, и ходить войной противъ враждебныхъ

инородцевъ. Скоро Строгановымъ пришлось столкнуться и съ племенами, жившими по сосѣдству, за Уральскими горами. Здѣсь на берегахъ рѣкъ— Тобола, Иртыша и Туры находилось татарское царство; главный городъ назывался Искеръ, или Сибирь, на рѣкѣ Тоболѣ; по имени этого города и все царство называлось Сибирскимъ. Раньше сибирскіе ханы искали покровительства московскаго царя, одно время платили ему даже ясакъ (дань) мѣхами, но послѣдній ханъ Кучумъ выказалъ вражду къ Москвѣ, билъ и бралъ въ плѣнъ остяковъ, платившихъ ей дань; а царевичъ сибирскій Махметъ-Кулъ ходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую провѣдывать пути къ Строгановскимъ городкамъ, при чемъ побилъ здѣсь много московскихъ данниковъ, женъ и



Старинныя хоромы Строгановыхъ въ Сольвычегодскѣ.

дѣтей ихъ забралъ въ плѣнъ. Строгановы увѣдомили объ этомъ царя и челомъ ему били позволить имъ укрѣпиться за Ураломъ, держать для обороны и тамъ огненный нарядъ (артиллерію), и на свой счетъ набирать добровольцевъ для борьбы съ врагами. Царь позволилъ. Это было въ 1574 году. Григорія и Якова Строгановыхъ уже не было въ живыхъ Дѣло продолжали ихъ младшій братъ Семенъ и дѣти: Максимъ, сынъ Якова, и Никита, сынъ Григорія.

Навербовать дружину удальцовъ въ то время было не трудно.

По южнымъ и восточнымъ степнымъ окраинамъ Московскаго государства, какъ было сказано, являются еще съ XV вѣка вольные, гуляющіе люди, охочіе до войны,—казаки. Одни изъ нихъ жили по станицамъ, несли государеву службу, обороняли границы отъ нападеній разбойничьихъ татарскихъ шаекъ, а другіе, въ полномъ смыслѣ вольныя „степныя птицы“, уходили изъ-подъ вся-

каго надзора, „гуляли“ въ степномъ раздольѣ, нападали, на свой страхъ, на татаръ, грабили ихъ, охотились въ степи, рыбачили по рѣкамъ, разбивали купеческіе караваны татарскіе, да и русскимъ купцамъ порою спуску не давали... Шайки такихъ казаковъ гуляли и по Дону, и по Волгѣ. На жалобы ногайскаго хана, что казаки, несмотря на то, что онъ въ мирѣ съ Москвой, грабятъ татарскихъ купцовъ на Дону, царь отвѣчалъ:

„Эти разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, отъ насъ бѣгаютъ. Мы и прежде посылали не одинъ разъ, чтобы ихъ переловить, но люди наши добыть ихъ не могутъ“.

Изловить въ широкихъ степяхъ шайки этихъ „воровскихъ“ казаковъ, какъ ихъ звали, дѣйствительно, было очень мудрено.

Ватагу такой казацкой вольницы, болѣе 500 человѣкъ, привелъ на службу Строгановымъ Атаманъ Василій Тимоѳеевъ, по прозвищу Ермакъ. Это былъ удалецъ богатырской силы, притомъ очень ловкій, смѣтливый... Главными помощниками его были Иванъ Кольцо, за свои разбои осужденный на смерть, но не пойманный, Никита Панъ и Василій Мещерякъ,—все это были молодцы, прошедшіе, какъ говорится, огонь и воду, не знавшіе страха. Походили на нихъ и остальные товарищи Ермака. Такихъ-то людей, готовыхъ на все, и надо было Строгановымъ. Они хотѣли не только оборонить свои владѣнія отъ набѣговъ сибирскаго царя, но дать ему острастку, чтобы надолго отвадить отъ нападеній. Для этого рѣшено было напасть на Кучума въ его собственныхъ владѣніяхъ. Это предпріятіе, сулившее и добычу хорошую, и славу воинскую, пришлось очень по душѣ Ермаку и его молодцамъ. Строгановы снабдили ихъ всѣмъ нужнымъ: съѣстными припасами, ружьями даже небольшими пушками.

Къ отряду Ермака присоединилось еще нѣсколько десятковъ удальцовъ-охотниковъ, такъ что всего въ отрядѣ насчитывали 840 человѣкъ. Забравъ съ собою вожатыхъ, знавшихъ хорошо рѣчные пути, и толмачей, Ермакъ 1-го сентября 1582 года отправился съ удалой дружиной искать счастья.

По навѣтамъ одного воеводы, недоброхота Строгановыхъ, царь приказалъ имъ вернуть Ермака и не задирать сибирскаго „Салтана“; но царская грамота пришла поздно: казаки были уже далеко.

Сначала плыли они на стругахъ и челнахъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой; затѣмъ повернули въ рѣку Серебрянку. Труденъ былъ этотъ путь,—въ иныхъ мѣстахъ по мелководью приходилось плыть на плотахъ. Изъ Серебрянки перевезлись волокомъ чрезъ проходы въ Уральскомъ хребтѣ въ рѣку Жаровлю, впадающую въ Тагилъ, отсюда спустились въ рѣку Туру. До сихъ поръ казаки никакой помѣхи не встрѣчали; рѣдко даже и людей по берегамъ видѣли: земля здѣсь была дикая, почти совсѣмъ безлюдная. По рѣкѣ Турѣ пошло люднѣе. Здѣсь впервые встрѣтили городокъ (теперь городъ Туринскъ), гдѣ властвовалъ князекъ Епанча. Тутъ пришлось уже въ дѣло пустить оружіе, потому что съ берега стали по казакамъ стрѣлять изъ луковъ. Они дали залпъ изъ ружей. Нѣсколько татаръ упало; остальные въ ужасѣ ударились въ бѣгство: никогда еще они не видали огнестрѣльнаго оружія. Городокъ Епанчи былъ разоренъ казаками. Скоро пришлось имъ и другую толпу татаръ разогнать пальбой. Захваченныхъ въ плѣнъ настращали выстрѣлами, показывали имъ, какъ пули про-

бивають ихъ доспѣхи, и добыли отъ нихъ свѣдѣнія о Кучумѣ и силахъ его. Нѣкоторыхъ изъ плѣнниковъ Ермакъ нарочно отпускалъ на волю, чтобъ они разносили всюду страхъ своими разсказами о чудесномъ свойствѣ русскаго оружія.

— „Сильны русскіе воины, — говорили они, по свидѣтельству лѣтописи—когда стрѣльнутъ изъ своихъ луковъ, тогда огонь изъ нихъ пышетъ, дымъ великій исходитъ и какъ будто громъ грянетъ. Стрѣлъ не видно, а ранятъ и на-смерть бьютъ. Ущититься отъ нихъ никакими доспѣхами нельзя; куяки, панцыри и кольчуги наши,—все пробиваютъ насквозь!“

На ружье, конечно, болѣе всего и надѣялась горсть храбрецовъ, задумавши ни болѣе, ни менѣе какъ завоевать цѣлое царство и покорить десятки тысячъ людей.

Казаки плыли внизъ по Тоболу и неразъ приходилось имъ разгонять выстрѣлами толпы туземцевъ. Кучумъ хотя и былъ напуганъ и разсказами бѣглецовъ о большихъ силахъ врага, и разными зловѣщими предсказаніями, но сдаваться безъ боя не намѣренъ былъ. Собралъ онъ все свое войско. Самъ расположился станомъ на берегу Иртыша, близъ устья Тобола (неподалеку отъ нынѣшняго города Тобольска) на горѣ Чувашево, устроилъ здѣсь новую засѣку на всякій случай, а царевича Махметъ-Кула отрядилъ съ большимъ войскомъ впередъ, навстрѣчу казакамъ. Онъ встрѣтилъ ихъ на берегу Тобола, при урочищѣ Бабасанъ, завязалъ битву, но не могъ осилить ихъ. Они плыли впередъ; на пути взяли еще городокъ; нашли тутъ богатую добычу, забрали съ собою и отправились дальше. При впаденіи Тобола въ Иртышъ татары снова настигли казаковъ и осыпали ихъ стрѣлами. Казаки отбили и это нападеніе, но у нихъ было уже нѣсколько убитыхъ и почти всѣ были переранены стрѣлами. Дѣло становилось горячимъ. Татары, вѣрно, разглядѣли, что враговъ не слишкомъ-то много и всѣми силами налегли на нихъ. Но казаки были уже недалеко отъ столицы; скоро должна была рѣшиться участь ихъ похода. Надо было выбить Кучума изъ его засѣки и овладѣть столицей. Призадумались было казаки: силы у Кучума было гораздо больше,—на каждаго русскаго, пожалуй, по двадцати татаръ приходилось. Собрались казаки въ кругъ и стали толковать, какъ быть: впередъ ли итти, или назадъ вернуться. Одни стали говорить, что надо вернуться; другіе и самъ Ермакъ иначе разсуждали.

— „Братцы,—говорили они,—куда намъ бѣжать? Осень уже; въ рѣкахъ ледъ смерзается... Не примемъ худой славы, укоризны на себя не положимъ, будемъ надѣяться на Бога: Онъ и безпомощнымъ помощникъ! Вспомнимъ, братцы, обѣщаніе, какое мы дали честнымъ людямъ (Строгановымъ). Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Коли Богъ намъ поможетъ, то и по смерти память наша не оскудѣетъ въ этихъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ!“

Согласились съ этимъ всѣ, порѣшили—оставаться и до смерти биться.

На разсвѣтѣ, 23-го октября, казаки двинулись на засѣку. Пушки и ружья сослужили теперь имъ свою службу. Татары изъ-за своей ограды пускали тучи стрѣлъ, но мало вреда причиняли русскимъ удальцамъ; наконецъ сами проломали свою засѣку въ трехъ мѣстахъ и ударили на казаковъ. Начался страшный рукопашный бой. Тутъ ужъ ружья не помогали: приходилось рубиться мечами или схватываться прямо руками. Оказалось, что казаки и здѣсь себя показали бога-

тырями: несмотря на то, что враги были въ двадцать разъ многочисленнѣе, казаки сломили ихъ. Махметъ-Кулъ былъ раненъ, татары смѣшались, многіе упали духомъ; иные подвластные Кучуму князьки, видя, что враги одолѣваютъ, оставили бой. Кучумъ бѣжалъ сначала въ свою столицу Сибирь, захватилъ здѣсь свои пожитки и бѣжалъ дальше.

26-го октября казаки заняли покинутую жителями Сибирь. Пріуныли было побѣдители въ пустомъ городѣ. Ихъ сильно ужъ поубавилось: въ послѣднемъ только сраженіи пало ихъ 107 человѣкъ; было немало раненыхъ и больныхъ. Итти дальше имъ стало уже не въ мочь, а между тѣмъ запасы у нихъ кончились и наступала лютая зима. Голодъ и смерть грозили имъ...

Но чрезъ нѣсколько дней остяки, вогуличи, татары со своими князьками стали приходить къ Ермаку, бить ему челомъ,—приносили ему дары и разные припасы; онъ же приводилъ ихъ къ присяги государю, обнадеживалъ ихъ его милостію, обходился ласково и отпускалъ безъ всякой обиды въ ихъ юрты. Казакамъ строго было запрещено обижать покорившихся туземцевъ.

Зиму провели казаки спокойно; только Махметъ-Кулъ напалъ было на нихъ, Ермакъ разбилъ его, и онъ нѣсколько времени не безпокоилъ казаковъ; но съ наступленіемъ весны думалъ было врасплохъ напасть на нихъ, да самъ попалъ впросакъ: казаки подстерегли враговъ, напали на нихъ сонныхъ ночью и захватили въ плѣнъ Махметъ-Кула. Ермакъ обошелся съ нимъ очень привѣтливо. Плѣнъ этого храбраго и ретиваго татарскаго витязя былъ ударомъ для Кучума. Въ это же время на него шелъ войной его личный врагъ, одинъ татарскій князь; наконецъ, свой воевода измѣнилъ ему. Дѣла Кучума были совсѣмъ плохи.

Лѣто 1582 года казаки провели въ походахъ, покоряя татарскіе городки и улусы по рѣкамъ Иртышу и Оби. Между тѣмъ Ермакъ далъ знать Строгановымъ, что онъ „салтана Кучума одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Махмета-Кула полонилъ“. Строгановы спѣшили обрадовать этою вѣстью царя. Скоро явилось въ Москву и особое посольство отъ Ермака—Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами—бить челомъ государю царствомъ Сибирскимъ и поднести ему въ даръ драгоцѣнныя произведенія завоеваннаго края—мѣха: соболи, бобровые и лисьи.

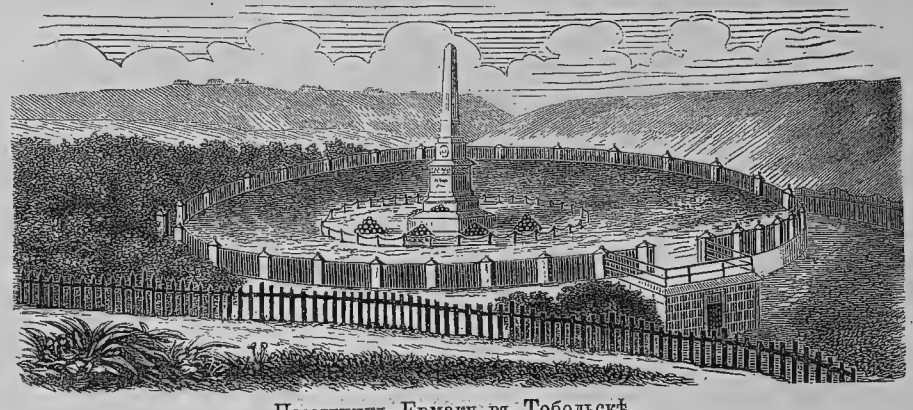
Давно уже, говорятъ современники, не бывало такой радости въ Москвѣ. Молва, что не оскудѣла милость Божія къ Россіи, что Богъ послалъ ей новое обширное царство, быстро разносилась въ народѣ и радовала всѣхъ, привыкшихъ слышать за послѣдніе годы только о неудачахъ и бѣдствіяхъ.

Грозный царь принялъ Ивана Кольцо милостиво, не только простилъ его съ товарищами за прежнія ихъ преступленія, но щедро наградилъ, а Ермаку, говорятъ, послалъ въ подарокъ шубу съ плеча своего, серебряный ковшъ и два панцыря; но что важнѣе всего,—отправилъ въ Сибирь воеводу, князя Болховскаго, съ значительнымъ отрядомъ войска. Очень ужъ немного удальцовъ оставалось подъ рукою Ермака, и трудно ему было бы удержать свое завоеваніе безъ помоги. Махметъ-Кулъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ поступилъ на службу царю; но Кучумъ все-таки успѣлъ оправиться и войти въ силу. Русскимъ воинамъ плохо пришлось въ Сибири: они терпѣли часто недостатки въ жизнен-

Посольство Ермака къ царю Іоанну IV.

ныхъ припасахъ; распространились между ними болѣзни; случалось, что татарскіе князьки, притворившись сначала вѣрными данниками и союзниками, губили потомъ отряды казаковъ, довѣрившихся имъ. Такъ погибъ Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами. Воевода, присланный царемъ, умеръ отъ болѣзни.

Скоро затѣмъ погибъ и самъ Ермакъ. Провѣдалъ онъ, что Кучумъ собирается перехватить на пути бухарскій караванъ, шедшій въ Сибирь. Захвативъ съ собою 50 своихъ удальцовъ, Ермакъ поспѣшилъ навстрѣчу бухарскимъ купцамъ, чтобы охранять ихъ отъ хищниковъ на пути по Иртышу. Цѣлый день казаки поджидали караванъ, при впаденіи рѣки Вагая въ Иртышъ; но ни купцы, ни хищники не показывались... Ночь была бурная. Дождь лилъ ливмя. Вѣтеръ бушевалъ на рѣкѣ. Истомленные казаки расположились отдохнуть на берегу, и скоро заснули какъ убитые. Оплошалъ на этотъ разъ Ермакъ,—не поставилъ сторожей, не думалъ, видно, чтобы враги напали въ такую ночь. А непріятель былъ очень близокъ: съ другой стороны рѣки подстерегалъ казаковъ!... Кучумовы лазутчики нашли въ рѣкѣ бродъ, пробрались къ русскимъ,



Памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ.

и затѣмъ принесли своимъ радостную вѣсть, что казаки спятъ мертвецкимъ сномъ, въ доказательство чего представили три похищенныя у нихъ пищали и пороховницы. По указанію лазутчиковъ татары перебрели тайкомъ чрезъ рѣку, напали на спящихъ казаковъ и перерѣзали ихъ всѣхъ, кромѣ двухъ. Одинъ спасся и принесъ въ Сибирь ужасную вѣсть объ избіеніи отряда, а другой—самъ Ермакъ, услышавъ стоны, вскочилъ, успѣлъ своей саблей отбить убійцъ, кинувшихся на него, бросился съ берега въ Иртышъ, думая спастись вплавь, но утонулъ отъ тяжести своихъ желѣзныхъ доспѣховъ (5-го августа 1584 г.). Чрезъ нѣсколько дней тѣло Ермака теченіемъ рѣки прибило къ берегу, гдѣ и нашли его татары, и по богатымъ доспѣхамъ съ мѣдной оправой, съ золотымъ орломъ на груди, узнали въ утопленникѣ покорителя Сибири. Понятно, какъ обрадовался этому Кучумъ, какъ торжествовали гибель Ермака всѣ враги его! А въ Сибири вѣсть о смерти вождя привела русскихъ въ такое отчаяніе, что они уже не пытались и бороться съ Кучумомъ, покинули Сибирь, чтобы вернуться къ себѣ на родину. Это случилось уже по смерти Грознаго.

Но дѣло Ермака не погибло. Путь въ Сибирь былъ указанъ, и начало

русскому владычеству здѣсь положено. Послѣ смерти Грознаго и гибели Ермака, русскіе отряды одинъ за другимъ шли по пути, который онъ указалъ, за Каменный поясъ (Уралъ); туземные полудикіе народцы одни за другими подпадали подъ власть русскаго царя, несли ему свой ясакъ (подать); заводились въ новомъ краю русскіе поселки, строились города, и мало-по-малу весь сѣверъ Азіи съ его неисчерпаемыми богатствами достался Россіи.

Не ошибся Ермакъ, когда говорилъ своимъ сподвижникамъ: „не оскудѣетъ память наша въ этихъ странахъ“. Память объ удальцахъ, положившихъ начало русскому владычеству въ Сибири, живетъ донынѣ и здѣсь, и на ихъ родинѣ. Въ своихъ пѣсняхъ нашъ народъ и до сихъ поръ вспоминаетъ объ удаломъ казацкомъ атаманѣ, который искупилъ свои вины передъ царемъ покореніемъ Сибири. Въ одной пѣснѣ говорится о Ермакѣ, какъ онъ, одолѣвъ Кучума, послалъ сказать царю:

«Ой ты гой еси, надежа-православный царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
Какъ и я-то гулялъ по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому (Каспійскому).
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли...
А теперича, надежа-православный царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головушкой царство Сибирское!»

Сохранились въ Сибири и мѣстныя преданія о Ермакѣ; а въ 1839 году въ городѣ Тобольскѣ, неподалеку отъ мѣста, гдѣ находился древній Искеръ, или Сибирь, поставленъ памятникъ, чтобы увѣковѣчить память удалого покорителя этого края.

Послѣдніе годы царствованія Грознаго.

Тяжелой порой для Русской земли были послѣдніе годы царствованія Грознаго. Покореніе Сибири было единственнымъ радостнымъ событіемъ. Неудачи на западѣ сильно раздражали царя, попрежнему шли розыски дѣйствительныхъ и мнимыхъ измѣнниковъ, совершались пытки и лютыя казни... Хотя ненавистная всѣмъ опричнина была отмѣнена еще въ 1572 году, но отмѣнена лишь по имени: царя все-таки окружали люди, которые пользовались его подозрительностью и другими слабостями для своекорыстныхъ цѣлей. Прежнихъ любимцевъ царя уже не было подлѣ него: князь Аѳанасій Вяземскій и Алексѣй Басмановъ, погубивши множество людей, сами были казнены во время московскихъ казней, такъ какъ царь и этихъ страшныхъ совѣтниковъ своихъ заподозрилъ въ крамолѣ. Малюта Скуратовъ былъ убитъ при осадѣ Полоцка. Но на бѣду Россіи и властелина ея, новые его приближенные находили болѣе удобнымъ для себя потакать слабостямъ и страстямъ его, чѣмъ стоять за правду.

Изъ Полоцка, послѣ взятія его Баторіемъ, Курбскій прислалъ царю два письма въ отвѣтъ на его второе посланіе. Всячески старается Курбскій

оправдать свою измѣну и снова коритъ царя за то, что онъ вмѣсто прежнихъ добрыхъ совѣтниковъ приблизилъ къ себѣ дурныхъ людей. „Когда прельстили тебя, говорится въ письмѣ, презлые и предукавые человѣкоугодники (которые смертоноснѣе всякой язвы въ государствѣ,—въ этомъ согласны всѣ мудрые), ласкатели, губящіе и тебя, и отечество свое, чего только Богъ не попустилъ на Русскую землю?!—И голодъ, и моровое повѣтріе, и варварскій мечъ, и сожженіе Москвы, и опустошеніе всей Русской земли, и, что горше всего,—бѣгство царя отъ врага!... Ты, какъ говорятъ здѣсь, хоронясь отъ татаръ по лѣсамъ, едва не погибъ отъ голоду съ кромѣшниками твоими!.. А когда жилъ ты богоугодно, тотъ же измаилитскій песъ (крымскій ханъ) предъ нами, наименьшими твоими слугами, бѣгалъ въ дикомъ полѣ и мѣста себѣ найти не могъ. Вмѣсто теперешнихъ тяжкихъ даней твоихъ хану мы прежде платили ему дань нашими саблями по басурманскимъ головамъ!“

Съ презрѣніемъ отзывается Курбскій о царскихъ воеводахъ, воевавшихъ въ Ливоніи, называетъ ихъ „окаянными воеводишками“, коритъ царя за то, что онъ не могъ оборонить Полоцка, отдалъ его врагу со всѣмъ народомъ, и въ заключеніе говоритъ, что пора уже царю опомниться, укротиться и войти въ чувства...

Въ другомъ письмѣ Курбскій глубоко скорбитъ о пагубной перемѣнѣ въ царѣ и о бѣдствіяхъ отечества.

„Если пророки плакали и рыдали, говорится въ письмѣ, о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной... то какъ намъ не заплакать о церкви твоей тѣлесной? Въ ней нѣкогда пребывалъ Святой Духъ; покаяніемъ была она очищена, чистыми слезами омыта; отъ нея молитвы, какъ благоуханіе оміама, восходили къ престолу Господню; въ ней на твердомъ основаніи православной вѣры созидались благочестивыя дѣла; въ ней, въ этой тѣлесной церкви, душа царская, какъ чистая голубица, сребристыми крыльями блистала“... „Такова была прежде твоя церковь тѣлесная!... тогда варварскіе народы не только съ городами, но съ цѣлыми царствами покорялись тебѣ и предъ твоими христіанскими полками ходилъ архангелъ-хранитель... Тогда это было, когда при тебѣ были избранные мужи“...

„Когда же церковь твою тѣлесную осквернили (гнусные ласкатели) разными грѣхами и злодѣйствами, которыми всегубитель нашъ дьяволъ губитъ людей, то онъ приблизилъ къ тебѣ вмѣсто крѣпкихъ вождей и воеводъ—богомерзкихъ Бѣльскихъ съ товарищами, вмѣсто храбраго воинства—кромѣшниковъ, или опричниковъ кровоядныхъ..., вмѣсто боговдохновенныхъ книгъ и молитвъ—скомороховъ съ разными дудами и бѣсовскими пѣснями, вмѣсто блаженнаго пресвитера (Сильвестра), который примирилъ тебя съ Богомъ чистымъ покаяніемъ,—чаровниковъ и волхвовъ“...

„Вспомни, говоритъ Курбскій въ заключеніе, первые дни свои, когда ты блаженно царствовалъ... Не губи себя и дома твоего... Очнись и воспрянь!“

Царь уже не отвѣчалъ на эти письма. Много горькой и страшной правды было въ нихъ. Не могъ не признать этого и самъ царь. По временамъ укоры совѣсти терзали его; сознаніе озаряло его больную душу, и онъ становился тогда страшенъ самому себѣ. Безпорядочная жизнь, полная тревогъ и разгула, прежде-

временно состарила Іоанна: сорока лѣтъ съ небольшимъ онъ смотрѣлъ уже старикомъ. Въ 1572 году, томимый предчувствіемъ смерти или гибели отъ враговъ, онъ написалъ завѣщаніе своимъ сыновьямъ. Здѣсь находимъ, между прочимъ, такія строки:

„Умъ мой покрылся струпьями, тѣло изнемогло, тѣлесные и духовные струпья умножились, и нѣтъ врача, который исцѣлилъ бы меня... Хотя я еще и живъ, но Богу своими скаредными дѣлами я смраднѣе мертвеца... Всѣхъ людей отъ Адама и до сего дня я превзошелъ беззаконіями,—потому я всѣми и ненавидимъ“...

Послѣ вступленія, Іоаннъ даетъ наставленіе сыновьямъ, какъ жить. Прежде всего совѣтуетъ научиться, какъ вѣровать и какъ Богу угодить и твердо держаться православной вѣры, хотя бы пришлось за это пострадать до смерти Затѣмъ, по словамъ завѣщанія, надо научиться, какъ людей держать и жаловать, какъ отъ нихъ беречься, какъ ихъ привязывать къ себѣ; надо также освоиться со всякимъ дѣломъ, священническимъ, иноческимъ, ратнымъ, судейскимъ, со всякимъ житейскимъ обиходомъ, разузнавать, какіе порядки ведутся здѣсь, какіе въ иныхъ государствахъ, какъ кто живетъ, и какъ кому пригоже быть. „Если все это будете знать, говоритъ Іоаннъ, то не вамъ будутъ люди указывать, а вы людямъ“... Особенно любопытны въ завѣщаніи слѣдующіе совѣты сыновьямъ: „людей, которые вамъ прямо служатъ, вы бы жаловали, любили и берегли... а которые лихи, и вы бы на тѣхъ опалы клали не вскорѣ а по разсужденію, не яростію“, а далѣе приводятся слѣдующія слова: „подобаетъ царю три сія вещи имѣти: яко Богу не гнѣватися и яко смертну не возноситися и долготерпѣливу быти къ согрѣшающимъ“.

Изъ этого замѣчательнаго завѣщанія ясно видно, какъ по временамъ мучили Іоанна угрызенія совѣсти, и какъ ясно могъ онъ сознавать высокія царскія обязанности; но дурныя страсти заглушали умъ его; онъ болѣе слѣдовалъ своему сердцу, испорченному съ дѣтства, чѣмъ уму... Воли подчинить свои чувства разуму у него не хватало. Это и было главнымъ его несчастіемъ. Угрызенія совѣсти и раскаяніе, повидимому, казались ему иногда малодушіемъ, и тогда свирѣпость его проявлялась въ новой силѣ. По временамъ онъ падалъ духомъ; всякія бѣды и невзгоды такъ удручали его, что онъ думалъ покинуть престолъ и постричься въ монахи. Въ своемъ посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь онъ, между прочимъ, говорилъ: „и мнится мнѣ, окаянному, что я уже наполовину чернецъ, и хотя еще не отсталъ отъ всякаго мірского мятежа, но уже ношу на себѣ благословеніе рукоположенія ангельскаго образа“, и затѣмъ сѣтуетъ, что монастырскіе нравы сильно измѣняются къ худшему и высказываетъ такія мысли о строгости иноческаго житія, что ясно видно, какъ онъ сильно задумывался надъ этимъ вопросомъ. Разъ даже явилась у него странная затѣя: онъ нарекъ „великимъ княземъ всея Руси“ крещенаго татарскаго царя Симеона Бекбулатовича (1574 г.) и вручилъ ему управленіе всей землиной, а самъ наравнѣ съ подданными, называя себя лишь московскимъ княземъ, писалъ челобитныя Симеону въ такомъ, напр., видѣ;

„Государю, великому князю Симеону Бекбулатовичу, Иванецъ Васильевъ со своими дѣтишками съ Иванцемъ да съ Ѳедорцемъ челомъ бьютъ. Государь, смилуйся, пожалуй“... и т. д.

Словно хотѣлось Іоанну испробовать, сможетъ ли онъ снизойти со своей царственной высоты на степень подданнаго... (Впрочемъ, затѣя эта продолжалась недолго: черезъ два года Іоаннъ сослалъ „великаго князя всея Руси“ въ Тверь). Порою страхъ опасности такъ обуревалъ его, что онъ боялся быть даже при своемъ войскѣ, опасаясь, чтобы свои же воеводы не измѣнили, не выдали его врагамъ (измѣнники, приведшіе крымскаго хана на Москву, были памятны ему). Онъ даже велъ тайные переговоры съ англійскимъ дворомъ, прося убѣжища въ Англіи въ случаѣ большой опасности ему и семьѣ его. Все это показываетъ, какъ полна тревогъ была его жизнь.

Въ семейной жизни онъ тоже не былъ счастливъ. По смерти первой, нѣжно любимой имъ супруги, онъ послѣ неудавшейся попытки жениться на сестрѣ польскаго короля женился на дочери черкесскаго князя Темрюка, нареченной при крещеніи Маріей. Послѣ ея смерти (1569 г.) царь вступилъ въ третій бракъ; выборъ его палъ на Марѳу Собакину, дочь новгородскаго купца. Чрезъ нѣсколько дней послѣ брака она умерла. Царь былъ сильно огорченъ и говорилъ, что лихіе люди извели ее, и, вопреки церковному уставу, женился въ четвертый разъ на Аннѣ Колтовской. Онъ призывалъ высшихъ духовныхъ лицъ на соборъ и просилъ не вмѣнить ему въ грѣхъ это нарушеніе церковнаго устава, при чемъ утверждалъ, что прежнія его супруги всѣ три были отравлены... Въ этомъ онъ былъ, какъ видно, вполнѣ убѣжденъ. Соборъ поступилъ по желанію царя. Чрезъ годъ онъ велѣлъ постричь свою четвертую супругу въ монахини, а самъ еще два раза вступалъ въ бракъ уже безъ разрѣшенія церкви (съ Анной Васильчиковой и Василисой Мелентьевой). Наконецъ въ 1580 году онъ обвѣнчался въ послѣдній разъ съ Маріею Ѳедоровной Нагою.

Въ ноябрѣ 1581 года въ Александровской слободѣ случилось страшное событіе. Царевичъ Иванъ Ивановичъ сталъ укорять отца, по однимъ извѣстіямъ, за унизительные переговоры съ Баторіемъ, а по другимъ, за обиду своей жены. Іоаннъ, скорый на гнѣвъ, не стерпѣлъ грубости сына и въ запальчивости ударилъ его со всего размаху своимъ костылемъ по головѣ. Царевичъ упалъ, обливаясь кровью... Царь опомнился, завопилъ въ отчаяніи, рвалъ на себѣ волосы, рыдалъ, звалъ лѣкарей... Чрезъ нѣсколько дней царевичъ скончался. Царь былъ убитъ горемъ, говорилъ, что онъ не хочетъ больше царствовать, приказывалъ боярамъ изъ среды своей выбрать царя, такъ какъ второго своего сына, Ѳеодора, считалъ неспособнымъ царствовать. Бояре умоляли Ивана Васильевича не оставлять царства хотя до конца войны... Долго онъ былъ въ ужасномъ душевномъ состояніи, не могъ спать по ночамъ: угрызенія совѣсти и кровавые призраки терзали его, и онъ метался какъ въ горячкѣ. Сталъ онъ дѣлать по монастырямъ большіе вклады, посылалъ щедрые дары на Востокъ по святымъ мѣстамъ и обителямъ, чтобы всюду поминали и молились за упокой души его сына. Припомнились ему въ эту пору и тысячи людей, погибшихъ подобно царевичу отъ неразумнаго гнѣва его. Онъ усиливался припомнить замученныхъ имъ или казненныхъ по именамъ, вписывалъ ихъ въ синодики (поминальныя записи) и посылалъ по монастырямъ молиться за упокой ихъ душъ.

Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ сохранилось два такихъ синодика, какъ несомнѣнное свидѣтельство многочисленныхъ казней Іоанна Грознаго и угрызеній его совѣсти. Многихъ погибшихъ называетъ онъ по именамъ, но еще больше упоминаетъ безыменныхъ. „Помяни, Господи,—читаемъ, напр., въ синодикѣ,—княгиню иноку Евдокію, иноку Марію, иноку Александру (при этихъ

Грозный царь (со статуи М. Антокольскаго).

именахъ замѣтка: потоплены въ Шекснѣ рѣкѣ повелѣніемъ царя Ивана)... Помяни, Господи, души рабовъ своихъ тысячу пятьсотъ пяти человѣкъ“ (новгородцевъ). При нѣкоторыхъ именахъ помѣчено: „съ женою“, „съ дѣтьми“ и т. п. Общій итогъ всѣмъ погибшимъ означенъ въ синодикѣ въ 3470 душъ.

Но ни мученія совѣсти, ни ясное сознаніе своихъ проступковъ не могли

измѣнить нрава Грознаго. Послѣ заключенія унизительнаго мира съ Польшей, онъ предалъ мучительнымъ казнямъ ратныхъ людей, которые легко сдавались непріятелямъ во время войны, а ливонскихъ плѣнниковъ, которыхъ у него было множество, травилъ медвѣдями.

Послѣднюю супругу свою, Марію Нагую, царь скоро невзлюбилъ почему-то, думалъ съ нею уже развестись и сталъ сватать чрезъ своихъ пословъ родственницу англійской королевы. Это было въ концѣ 1583 года. Но съ начала слѣдующаго года царь сталъ чувствовать себя все хуже и хуже. Хотя ему было всего 53 года, но онъ казался уже совсѣмъ дряхлымъ старикомъ, а тутъ къ общей слабости прибавилась еще страшная болѣзнь; у него стали гнить внутренности и пухнуть тѣло. Когда началась его болѣзнь, на небѣ явилась комета. Онъ вышелъ на Красное крыльцо, долго смотрѣлъ на нее, и вдругъ измѣнился въ лицѣ.

— „Это—знаменіе моей смерти!“ сказалъ онъ окружающимъ.

Иноземные врачи истощали всѣ свои усилія, чтобы вылѣчить больного. Волхвы, которыхъ по приказу суевѣрнаго царя свезли въ Москву съ разныхъ концовъ Русской земли, должны были гадать, выздоровѣетъ ли царь. Онъ то падалъ духомъ, каялся, молился, раздавалъ щедрую милостыню, освобождалъ заключенныхъ, то прежніе страстные порывы вдругъ снова наполняли его душу... Но болѣзнь видимо усиливалась. Онъ уже едва могъ ходить. Въ мартѣ были разосланы по монастырямъ грамоты настоятелямъ отъ имени царя, въ которыхъ говорилось, между прочимъ: „...князь великій Иванъ Васильевичъ челомъ бьетъ, молясь преподобію вашему, чтобы вы пожаловали, о моемъ окаянствѣ соборно и по кельямъ молили, чтобы Господь Богъ и Пречистая Богородица, вашихъ ради пречистыхъ молитвъ, моему окаянству отпущеніе грѣховъ даровали, отъ настоящія смертныя болѣзни свободили и здравіе дали; и въ чемъ мы передъ вами виноваты, въ томъ бы вы насъ пожаловали—простили, а вы въ чемъ предъ нами виноваты, и васъ Богъ во всемъ проститъ“.

Иванъ Васильевичъ, когда чувствовалъ себя лучше, приказывалъ носить себя въ креслахъ въ палату, гдѣ хранились его сокровища, золотыя украшенія, драгоцѣнные камни и пр. Онъ видимо гордился своимъ богатствомъ и показывалъ еще за нѣсколько дней до своей смерти англійскому послу свои алмазы, яхонты и другіе самоцвѣтные камни и подробно разсказывалъ о разныхъ таинственныхъ и чудодѣйственныхъ ихъ свойствахъ, въ которыя вѣрили тогда суевѣрные люди...

17-го марта, послѣ теплаго купанья, онъ почувствовалъ себя гораздо лучше и на другой день, говорятъ, далъ было приказъ казнить волхвовъ и гадателей, которые будто бы пророчили ему бѣду именно 18-го марта. Въ этотъ день, послѣ купанья, онъ опять чувствовалъ себя хорошо и расположился было, сидя на кровати, сыграть съ Бѣльскимъ въ шахматы и уже разставлялъ ихъ, какъ вдругъ упалъ на постель безъ дыханія... Поднялась страшная суматоха. Звали врачей. Кинулись за духовенствомъ. Врачи терли бездыханное тѣло разными снадобьями, старались возбудить въ немъ жизнь. Но все было напрасно! Митрополитъ поспѣшно читалъ надъ нимъ молитвы постриженія, нарекая его въ монашествѣ Іоною.

Ударили въ колоколъ на исходъ души, и узнала Москва, что грознаго царя не стало.

Царствованіе Ивана Грознаго весьма важно по событіямъ внѣшнимъ и внутреннимъ.

Полное торжество на востокѣ надъ исконнымъ врагомъ Русской земли—татарами, завоеваніе всего Поволжья и покореніе Сибири могли бы составить славу любого царствованія. Попытки пробить чрезъ Ливонію болѣе удобный путь для сношенія съ Западомъ—попытки упорныя, хотя и неудавшіяся, свидѣтельствуютъ о большомъ умѣ Ивана IV. Онъ видимо желалъ сблизиться съ болѣе просвѣщенными странами, завелъ дѣятельныя сношенія и торговлю съ Англіей, велъ переговоры съ папой и съ императоромъ, которые уже начинали смотрѣть на московскаго царя какъ на естественнаго союзника въ борьбѣ съ турками, тогда еще страшными для Европы.

Неменѣе важны были и внутреннія событія. Никогда прежде не сознавались такъ ясно, какъ въ царствованіе Ивана Васильевича, недостатки въ управленіи, въ судопроизводствѣ, въ церковныхъ дѣлахъ, въ нравахъ и обычаяхъ; никогда раньше не прилагалось и столько заботъ, какъ при Грозномъ, чтобы помочь бѣдѣ, исправить недостатки. Призывъ земскихъ выборныхъ на совѣтъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ, земское самоуправленіе, новый болѣе полный судебникъ, стоглавый соборъ ясно свидѣтельствуютъ объ этихъ заботахъ. Но успѣху ихъ мѣшали застарѣлое невѣжество и нравственная загрубѣлость русскихъ. У нихъ не было еще тогда ни умственной, ни нравственной силы для обновленія; они знали только свои порядки, и могли только крѣпко держаться за свою „святую старину“, дурно понятую и мало примѣнимую къ новымъ условіямъ жизни... Вотъ почему заботы объ улучшеніи государственнаго строя и общественной жизни не принесли большой пользы.

Но самымъ важнымъ внутреннимъ событіемъ была страшная кровавая борьба самодержавія съ боярствомъ.

Плотной толпой обступили царскій тронъ знатные бояре, потомки удѣльныхъ князей, и заслонили было царя отъ народа. Никогда еще бояре не достигали въ Москвѣ такой силы, какъ въ малолѣтство царя Ивана. Съ возрастомъ у него все больше и больше зрѣла мысль, что дѣлу его предковъ, великихъ собирателей Русской земли, грозитъ бѣда, что самодержавіе, которое такъ старательно ростили они, будетъ заглушено потомками князей, удѣлы которыхъ поглощены были Москвою.

Борьба самодержавія съ боярствомъ становилась неизбѣжной.

Русскіе бояре не понимали своихъ общихъ выгодъ, не дѣйствовали заодно, безпрерывно враждовали между собой, готовы были губить другъ друга ради своихъ личныхъ цѣлей, своими насиліями и неправдами озлобили противъ себя народъ, притомъ неразъ измѣняли своей присягѣ. Это все облегчало и узаконяло борьбу съ ними. Ихъ грубый произволъ и личныя обиды царю во время его малолѣтства породили глубокую ненависть и чувство мести въ его душѣ, и потому борьба должна была стать жестокой, безпощадной.

Припомнимъ страшную грубость нравовъ того времени,—ту кулачную

расправу, какая совершалась боярами на глазахъ царя-ребенка и притомъ надъ людьми, близкими ему; припомнимъ, что порывистая, бурная природа Ивана Васильевича, несмотря на его большой умъ, не знала удержу ни въ чемъ, а сердце его было испорчено еще съ молоду,—припомнимъ все это,— и мы поймемъ, почему страницы царствованія Грознаго въ нашей исторіи самыя ужасныя, самыя кровавыя...

Боярство было имъ раздавлено. Особенно сильно пострадали болѣе знатные боярскіе роды; а уцѣлѣвшіе бояре смирились до послѣдней степени: въ своихъ челобитныхъ царю они уже раньше называли себя уменьшительными именами (наприм., холопъ твой Иванецъ, Ѳедорецъ и пр.), а теперь стали называться уничижительными именами (Ванька, Ѳедька) Постоянный страхъ унижаетъ людей, портитъ нравы ихъ, дѣлаетъ ихъ малодушными, скрытными, льстивыми, лукавыми. Сильно измельчали духомъ люди, стоявшіе вокругъ грознаго царя подъ конецъ царствованія его; о людяхъ, вѣрныхъ царю и отечеству, о людяхъ, смѣло говорящихъ истину, не слышно стало.

На грудахъ тѣлъ казненныхъ бояръ, на потокахъ крови, часто безвинно пролитой, грозный царь, окруженный опричниками, сталъ страшенъ не только боярамъ, но и всему народу, а подъ конецъ и самому себѣ.

Личность Грознаго сохранилась въ народной памяти. Въ народныхъ пѣсняхъ онъ является въ грозномъ величіи завоевателя татарскихъ царствъ и судьи, карающаго измѣну. Въ одной пѣснѣ говорится:

Какъ зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и грозный царь,
Что грозный царь—Иванъ, сударь, Васильевичъ.
Когда ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань;
Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею,
Выводилъ измѣну изъ Пскова,
Изо Пскова и изъ Новгорода.

„Въ жизни и смерти людей воленъ Богъ да царь“, говорилъ уже тогда народъ. Власть царя отъ Бога,—Богу одному онъ долженъ и отвѣтъ давать за свои дѣянія. Такъ смотрѣлъ на свою власть царь, такъ смотрѣлъ не нее и народъ. Лютыя казни въ глазахъ народа были такою же Божіею карою за грѣхи, какъ голодъ, моръ, пожары и тому подобныя бѣдствія. Но все же въ пѣсняхъ вспоминается, что лютыя казни грознаго царя не всегда были справедливы:

Онъ грозенъ, батюшка, и милостивъ.
Онъ за правду жалуетъ, за неправду вѣшаетъ.
Ужъ настали злые годы на московскій народъ,
Какъ и сталъ православный царь грознѣй прежняго:
Онъ за правды, за неправды дѣлалъ казни лютыя.

Говорится въ пѣсняхъ и о смерти царя, между прочимъ, слѣдующее:

На святой Руси—въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ—въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было у Великаго,
У Михаила у Архангела,
У собора у Успенскаго,
Ударяли въ большой колоколъ,
Въ соборѣ-то въ Успенскомъ,
Тутъ стоялъ новъ-кипарисовъ гробъ,
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь Иванъ Грозный Васильевичъ.
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
На ногахъ его вострый, грозный мечъ.
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозенъ мечъ взглянетъ, всякъ ужаснется.

III.

Царь Θеодоръ и Борисъ Годуновъ.

Царствованіе Θеодора Ивановича (1584—1598).

Боярскія смуты.

Послѣ смерти Ивана Васильевича начинаются боярскія смуты. Наслѣдовать престолъ пришлось второму сыну Грознаго, Θеодору. Онъ вовсе не походилъ ни на своего отца, ни на старшаго брата,—былъ слабаго здоровья, малаго росту, дряблый тѣломъ, съ блѣднымъ, пухлымъ лицомъ, съ котораго почти никогда не сходила простодушная улыбка. Ходилъ онъ тихими, неровными шагами; нравомъ былъ чрезвычайно добродушенъ, привѣтливъ, кротокъ, но недалекъ умомъ. По склонностямъ своимъ онъ былъ болѣе инокъ, чѣмъ царь: бесѣды съ богомольцами-странниками и монахами занимали его гораздо болѣе, чѣмъ рѣчи думныхъ бояръ; богослуженіе и церковные обряды были ему милѣе государственныхъ дѣлъ, а церковный благовѣстъ слаще всякой музыки... Что царскій тронъ былъ не по немъ,—это вполнѣ сознавалъ Иванъ Васильевичъ и сильно скорбѣлъ о старшемъ своемъ сынѣ, который больше походилъ на отца, чѣмъ Θеодоръ.

Хотя Θеодору было тогда 27 лѣтъ, но у него не было ни силъ, ни охоты править государствомъ, и потому вопросъ о томъ, какой боярскій родъ станетъ у престола, являлся очень важнымъ. Въ это время два княжескіе рода выдвигались на первое мѣсто: князья Мстиславскіе, потомки Гедимина, и князья Шуйскіе изъ дома Рюрика. Представители перваго рода не отличались особенными способностями; во главѣ рода Шуйскихъ стоялъ знаменитый князь Иванъ

Петровичъ, доблестный защитникъ Пскова, поднявшій славу своего рода, сильно пострадавшаго отъ опалъ Грознаго. На ряду съ этими знаменитыми княжескими родами стояли два старые боярскіе рода, породнившіеся съ царскимъ домомъ: Романовы-Юрьевы и Годуновы. Бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, родной дядя государя, былъ представителемъ перваго рода, а боярин Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, царскій шуринъ,—представителемъ второго. Царь Ѳеодоръ былъ женатъ на его сестрѣ Иринѣ.

Уже въ ночь послѣ смерти царя Ивана сторонники Ѳеодора распорядились отправить маленькаго Димитрія, его мать и родственниковъ, бояръ Нагихъ, въ Угличъ, который былъ данъ въ удѣлъ Димитрію отцомъ. Скоро послѣ этого поднялся мятежъ: въ народѣ разнесся слухъ, что бояринъ Богданъ Бѣльскій, сторонникъ Нагихъ, отравилъ покойнаго царя и хочетъ извести Ѳеодора. Толпы народа ломились въ Кремль и требовали выдачи царскаго лиходѣя. Бѣльскаго спасли только тѣмъ, что тотчасъ же выслали изъ Москвы.

Сначала главнымъ лицомъ при царѣ и правителемъ былъ Никита Романовичъ, но недолго: онъ скоро заболѣлъ и умеръ. Тогда мѣсто его занялъ царскій шуринъ. Борисъ Годуновъ былъ человѣкъ очень умный, честолюбивый, ловкій, изворотливый, притомъ чрезвычайно осторожный: задавшись какой-либо цѣлью, онъ шелъ къ ней потихоньку, какъ бы крадучись. Онъ былъ въ числѣ опричниковъ, женился на дочери Малюты Скуратова, но держался такъ осторожно, что не запятналъ себя кровью и въ то же время сумѣлъ вкрасться въ довѣріе и милость царя,—уже одно это показываетъ гибкій умъ Бориса. Говорятъ, что Годуновъ бросился было защищать царевича Ивана отъ ударовъ разгнѣваннаго царя и былъ сильно побитъ; зато потомъ, когда царь раскаялся въ своемъ преступленіи, Борисъ вошелъ въ большую честь.

Красивый собою, умный и краснорѣчивый, царскій шуринъ, понятно, долженъ былъ имѣть важное значеніе при слабомъ Ѳеодорѣ.

31-го мая происходило вѣнчаніе Ѳеодора на царство. Торжество это совершилось чрезвычайно пышно. Цѣлую недѣлю продолжались пиры, веселія, народныя празднества, потѣхи и забавы. Щедро посыпались царскія милости на митрополита, духовенство, бояръ и народъ: уменьшены налоги, освобождены заключенные, отпущены военноплѣнные; нѣсколько заслуженныхъ сановниковъ возведено въ боярское достоинство; Ивану Петровичу Шуйскому пожалованы всѣ доходы съ города Пскова, доблестная защита котораго была всѣмъ памятна; словомъ, никогда еще Москва не видала столько царскихъ милостей, какъ при вѣнчаніи на царство добродушнаго Ѳеодора Ивановича. Но никто не былъ осыпанъ такими щедротами, какъ Борисъ Годуновъ: онъ получилъ не только высокій санъ конюшаго, но и титулъ ближняго великаго боярина, намѣстника двухъ царствъ, Казанскаго и Астраханскаго; ему даны были громадныя помѣстья, всѣ луга на берегу Москвы-рѣки, сборы съ цѣлыхъ областей, доходы съ нѣкоторыхъ промысловъ сверхъ денежнаго жалованья. Годуновъ и такъ былъ не бѣденъ; но эти новыя, щедрыя пожалованія сдѣлали его богатѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи; ежегодные доходы его, говорятъ, достигали до ста тысячъ рублей; онъ могъ на свой счетъ снарядить изъ своихъ крестьянъ стотысячную рать. Никто изъ самыхъ даже знатныхъ бояръ не могъ равняться

богатствомъ съ нимъ; царь одинъ былъ богаче его. Понятно, что завистниковъ у Годунова было немало; не только богатство, но и высшая власть въ государствѣ попадали въ его руки, а происхожденіемъ своимъ онъ стоялъ ниже многихъ бояръ. (Свой родъ велъ онъ отъ татарскаго мурзы Чета, который въ XIV в. поселился на Руси и принялъ крещеніе. Внукъ его, Иванъ, получилъ прозвище Годунъ, отъ котораго и стали всѣ потомки зваться Годуновыми). Хотя въ боярской думѣ Годуновъ не занималъ перваго мѣста,—онъ садился обыкновенно четвертымъ,—но скоро всѣ поняли, что онъ—главное лицо въ государствѣ и высшая власть въ его рукахъ. Все дѣлалось по его желанію. Царь во всемъ слушался его; въ иныхъ случаяхъ, когда надо было, Борисъ дѣйствовалъ на царя чрезъ свою сестру Ирину, которую Ѳеодоръ боготворилъ.

Нѣкоторымъ изъ знатныхъ бояръ невыносимо было, что Годуновъ, человѣкъ не особенно знатный, незаслуженный, татарскаго происхожденія, притомъ еще юный, тридцати-двухъ-лѣтній, орудуетъ всѣми дѣлами въ государствѣ. Противъ него составился заговоръ. Князья Шуйскіе, Воротынскіе, Голицыны и др. порѣшили извести его, уговорили князя Мстиславскаго, съ которымъ онъ былъ близокъ, зазвать его къ себѣ на пиръ, и тутъ думали его убить. Заговоръ этотъ былъ открытъ. Князь Иванъ Мстиславскій схваченъ и постриженъ въ монахи, многихъ разослали по разнымъ городамъ, нѣкоторыхъ заключили въ темницы. Казней не было. Шуйскіе вывернулись изъ бѣды,—ихъ не тронули. Годуновъ сильно злобился на нихъ; но зная, какъ ихъ любятъ въ Москвѣ, особенно торговый людъ, онъ попытался даже сблизиться съ ними. Митрополитъ хотѣлъ быть примирителемъ, призвалъ къ себѣ Годунова и Шуйскихъ и умолялъ ихъ оставить вражду. Враги примирились; но не надолго. Когда Иванъ Петровичъ Шуйскій, вышедши отъ митрополита, объявилъ своимъ сторонникамъ, толпою стоявшимъ у Грановитой палаты и ждавшимъ его, что они, Шуйскіе, помирились съ Борисомъ Ѳеодоровичемъ, то изъ толпы выступили два купца и сказали:

— „Помирились вы головами нашими: и вамъ пропасть отъ Бориса, и намъ!“

Въ ту же ночь оба эти купца пропали безъ вѣсти: были схвачены и сосланы невѣдомо куда. Это, конечно, возбудило у Шуйскихъ снова вражду къ Годунову. Повели на этотъ разъ дѣло болѣе тонко: составили челобитную государю, въ которой просили его развестись съ бездѣтной Ириной и вступить въ новый бракъ, такъ какъ для блага государства нуженъ наслѣдникъ царю. Уговорили и митрополита Діонисія подписаться и умолять царя о новомъ бракѣ. Челобитную подписали, кромѣ бояръ, именитые московскіе купцы. Годунову грозила опасность. Какъ ни любилъ Ѳеодоръ Ирину, но могъ уважить и просьбу москвичей, а особенно митрополита. Но Годуновъ во-время узналъ о враждебномъ замыслѣ и постарался всѣми силами уговорить Діонисія отстать отъ этой затѣи: онъ выставилъ ему на видъ, что дѣти еще могутъ быть у Ирины, а если ихъ не будетъ, то законный наслѣдникъ уже есть—братъ царя, Димитрій Углицкій. Діонисій согласился не начинать этого дѣла, и замыселъ Шуйскихъ такимъ образомъ разстроился.

Послѣ этого случая Годуновъ убѣдился, что для него опасно оставлять

Шуйскихъ въ Москвѣ: они могли еще новое что-нибудь предпринять противъ него. По словамъ лѣтописи, по наущенію Бориса подкупленные слуги Шуйскихъ донесли на своихъ господъ, что они задумали измѣну. Этого доноса было достаточно Годунову. Шуйскихъ перехватали; людей ихъ пытали, добывались отъ нихъ новыхъ уликъ противъ господъ, но ничего не добились. Несмотря на это, Иванъ Петровичъ Шуйскій былъ отправленъ въ Бѣлоозеро, и тамъ, говорятъ, по приказу Годунова, удавленъ. Такая же участь постигла другого Шуйскаго. Пострадали и многіе сторонники ихъ: одни были казнены, другіе заключены въ тюрьмы, третьихъ заслали въ далекіе города...

Діонисій, видя эту жестокую расправу Годунова со своими недругами, задумалъ-было, по старому обычаю святителей, печаловаться у царя за опальныхъ бояръ и жаловаться на насилія и неправды Годунова; но послѣдствія были плачевны для митрополита. Годуновъ увѣрилъ Ѳеодора, что Діонисій не пастырь, а волкъ въ овечьей кожѣ. Діонисій былъ свергнутъ и заточенъ въ монастырь, а въ митрополиты возведенъ Іовъ, ростовскій архіепископъ, человѣкъ вполнѣ преданный Годунову.

Теперь у Годунова не было соперниковъ и сильныхъ враговъ; никто не стоялъ ему поперекъ дороги, и онъ сталъ всемогущимъ правителемъ.

Домашняя жизнь царя.

Ѳеодоръ Ивановичъ совсѣмъ не вмѣшивался въ дѣла правленія и всецѣло отдавался своимъ склонностямъ. Мы имѣемъ весьма любопытныя и обстоятельныя свѣдѣнія о его домашней жизни. Вставалъ онъ рано, около четырехъ часовъ утра. Къ нему являлся тогда его духовный отецъ, придворный священникъ,—съ крестомъ, благословлялъ его, прикасаясь концомъ креста къ его лбу и ланитамъ. Царь цѣловалъ крестъ. Затѣмъ вносилась въ покой икона съ изображеніемъ того святого, который праздновался въ тотъ день. Икону эту ставили къ прочимъ образамъ, которыми была уставлена вся комната. Предъ образами, богато украшенными жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, теплились лампады и горѣли восковыя свѣчи. Царь молился съ четверть часа. Затѣмъ священникъ вносилъ серебряную чашу со святой водой и кропилъ ею сперва образа, потомъ царя. Святую воду ежедневно приносили свѣжую; ее присылали царю игумены ближнихъ и дальнихъ монастырей отъ имени того святого, въ честь котораго построенъ монастырь.

Послѣ утренней молитвы царь посылалъ къ царицѣ спросить, хорошо ли она почивала, въ добромъ ли она здоровьѣ, а немного времени спустя, самъ шелъ здороваться съ нею, и оба шли въ свою домовую церковь къ заутренѣ, которая длилась около часу. Вернувшись изъ церкви, царь садился въ большомъ покоѣ, куда приходили къ нему на поклонъ бояре, которые были въ милости при дворѣ. Здѣсь царь и бояре, если имѣли что сказать, бесѣдовали между собой. Такъ бывало всякій день, если только здоровье царя или какіе-либо случаи не мѣшали этому.

Около девяти часовъ утра царь шелъ въ другую церковь (въ одинъ изъ кремлевскихъ соборовъ), къ обѣднѣ, продолжавшейся около двухъ ча-

совъ; послѣ нея царь бесѣдовалъ нѣсколько времени съ боярами и разными сановниками, затѣмъ возвращался домой и отдыхалъ до обѣда.

За обѣдомъ (обыкновенно въ полдень) проводилъ царь немало времени. Каждое кушанье, отпуская на государевъ столъ, долженъ былъ сперва отвѣдать поваръ въ присутствіи главнаго дворецкаго; потомъ дворяне-слуги (называемые жильцами) несли блюдо къ столу; впереди шелъ дворецкій. У царскаго стола кушанье принималъ крайчій, давалъ отвѣдать его сперва особому для того чиновнику, а потомъ ставилъ блюдо предъ государемъ. Число кушаній, подаваемыхъ обыкновенно за царскимъ столомъ, бывало около семидесяти; въ праздники или при угощеніи пословъ блюдъ подавалось гораздо больше. Сперва приносились разныя печенья, потомъ жареныя и, наконецъ, похлебки. Въ царской столовой, за особымъ столомъ, ежедневно обѣдали нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ придворныхъ сановниковъ и царскій духовникъ. Въ сторонѣ стоялъ еще столъ съ прекрасною и богатою посудой и большимъ мѣднымъ чаномъ со льдомъ и снѣгомъ; здѣсь стояли кубки съ напитками, которые подавались за столомъ. Чашу, изъ которой пилъ самъ царь, въ продолженіе всего обѣда держалъ особый чиновникъ и подносилъ ее по требованію царя, каждый разъ привѣтствуя его низкимъ поклономъ. Кушанье, поданное на столъ, раскладывали на нѣсколько блюдъ и царь, въ знакъ своего благоволенія, посылалъ ихъ своимъ сановникамъ.

Послѣ обѣда царь ложился отдыхать и почивалъ обыкновенно три часа или два,—меньше въ томъ случаѣ, когда ходилъ въ баню, или отправлялся смотрѣть на кулачный бой, любимую народную потѣху. Спать послѣ обѣда было въ обычаѣ у всѣхъ русскихъ. Послѣ отдыха царь шелъ къ вечернѣ, послѣ которой проводилъ обыкновенно нѣсколько времени съ царицею и тѣшился шутами, карлами и карлицами, которые всячески дурачились, кувыркались, пѣли пѣсни. Это было самой любимой забавой Ѳеодора. Несмотря на свою доброту, онъ иногда тѣшился и другой потѣхой, которая на ряду съ кулачными боями свидѣтельствовала о грубости тогдашнихъ нравовъ,—смотрѣлъ на бой съ медвѣдями.

Бой происходилъ слѣдующимъ образомъ. Въ кругъ, обнесенный стѣною, ставили человѣка, который долженъ былъ бороться съ медвѣдемъ,—бѣжать и скрыться было некуда. Медвѣдей ловили нарочно для этой потѣхи, и самыхъ крупныхъ и лютыхъ держали въ желѣзныхъ клѣткахъ для боя. Когда выпускали медвѣля, онъ, ставъ на заднія лапы, съ ревомъ и съ разинутой пастью, шелъ прямо на своего противника. Спасеніе послѣдняго зависѣло отъ ловкости его. Если ему удавалось всадить въ грудь медвѣдя между двумя передними лапами рогатину и упереть другой конецъ ея у своихъ ногъ, то побѣда надъ звѣремъ была одержана. Чаще всего такъ и случалось, потому что на бой съ медвѣдемъ рѣшались выходить лишь опытные и лихіе охотники. Но бывали и несчастные случаи, когда охотникъ давалъ промахъ; тогда лютый звѣрь на глазахъ зрителей раздиралъ несчастнаго своими когтями и зубами. Искуснаго бойца, одолѣвшаго звѣря, вели къ царскому погребу, гдѣ вдоволь поили въ честь государя. Такія потѣхи бывали только по праздникамъ.

Иногда царь проводилъ время, разсматривая издѣлія своихъ мастеровъ золотыхъ дѣлъ, портныхъ, золотошвеекъ и пр. Царскія одежды и украшенія,

особенно торжественныя, отличались, какъ извѣстно, необыкновенною роскошью и великолѣпіемъ.

Когда послѣ ужина наступало время спать, священникъ читалъ нѣсколько молитвъ, и царь молился передъ сномъ, какъ и утромъ, около четверти часа.

Главные придворные сановники были слѣдующіе: конюшій, дворецкій, казначей, постельничій и нѣкоторые другіе. Названія этихъ должностей показываютъ ихъ значеніе. Кромѣ этихъ высшихъ придворныхъ сановниковъ, при особѣ царя находилось для услугъ двѣсти человѣкъ дворянъ, такъ называемыхъ жильцовъ. Двѣ тысячи стрѣльцовъ составляли отрядъ царскихъ тѣлохранителей; онъ дѣлился на части, которыя поочередно стояли на стражѣ на царскомъ дворѣ.

Въ ночное время при царской спальнѣ находился постельничій съ однимъ или двумя лицами, особенно близкими къ царю. Въ смежной комнатѣ помѣщалось еще шесть человѣкъ изъ придворныхъ, извѣстныхъ своею вѣрностью. Въ третьемъ покоѣ спали жильцы, которые должны были смѣняться каждую ночь по сорока человѣкъ.

Порядки домашней жизни царя Ѳеодора были, конечно, тѣ же, какъ и прежнихъ государей; отличалась она лишь еще бо́льшимъ проявленіемъ набожности, да не было тѣхъ шумныхъ удовольствій, которымъ любилъ порою предаваться Грозный.

Войны и сношенія съ сосѣдями.

Царствованіе Ѳеодора Ивановича было довольно мирнымъ: ни царь, ни правитель войны не любили, но избѣгнуть ея все же не могли.

Годуновъ при его тонкомъ, изворотливомъ умѣ, осторожномъ, но твердомъ нравѣ, былъ настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, но на бѣду слишкомъ ужъ былъ остороженъ, и потому хорошо задуманное дѣло иногда ему не удавалось, если для довершенія его нужна была смѣлость и быстрая рѣшимость.

Въ 1586 году умеръ Стефанъ Баторій, непримиримый и опасный врагъ Москвы. Въ числѣ лицъ, легко могущихъ попасть послѣ него на польскій престолъ, былъ Сигизмундъ, сынъ шведскаго короля Іоанна, а по матери родной племянникъ Сигизмунда-Августа, польскаго короля изъ дома Ягелла. Съ избраніемъ Сигизмунда на польскій престолъ, Польша и Швеція, два постоянные врага Москвы, могли соединиться подъ одной властью. Годуновъ понималъ, какъ это опасно для Москвы, и началъ сильно хлопотать, чтобы этого не случилось: онъ отправилъ въ Польшу пословъ, которымъ было наказано постараться объ избраніи въ короли — царя Ѳеодора, а если это не удастся, то порадѣть въ пользу эрцгерцога австрійскаго Максимиліана, брата германскаго императора. Литовцы очень хотѣли царя Ѳеодора. Слабость его и неспособность къ управленію не могли считаться помѣхой къ избранію: король въ Польшѣ былъ только для виду, а всѣми дѣлами орудовали вельможи и паны на сеймахъ. Сначала дѣло пошло было успѣшно для Ѳеодора; но Годуновъ медлилъ, не воспользовался удобнымъ временемъ: послы его были очень щедры на обѣщанія, но денегъ имъ не было дано, чтобы ублаготворить

сторонниковъ Ѳеодора и привлечь къ нему новыхъ доброхотовъ. Тянулись переговоры о вѣрѣ: поляки не хотѣли имѣть королемъ некатолика, а Ѳеодоръ, конечно не могъ перемѣнить своей вѣры. Дѣло не сладилось. Русскимъ посламъ безъ денегъ не удалось поддержать и Максимиліана; одержали верхъ сторонники Сигизмунда. Онъ былъ избранъ и вступилъ на престолъ (1587). Русскимъ удалось только добиться заключенія перемирія на пятнадцать лѣтъ.

Со Швеціей по окончаніи перемирія началась война въ 1590 г. Борисъ двинулъ на враговъ огромную рать. Самъ царь былъ при войскѣ для воодушевленія его. Война была удачна для русскихъ: Ямы, Ивань-городъ и Копорье, отнятые у нихъ при Грозномъ, были возвращены. Поляки не помогли шведамъ. По смерти шведскаго короля Іоанна въ 1592 г. король польскій Сигизмундъ сталъ и шведскимъ королемъ, но не надолго. Онъ былъ ревностный католикъ и сильно враждовалъ противъ лютеранства, а шведы были лютеране, и потому они его сильно невзлюбили. Этимъ задумалъ воспользоваться дядя Сигизмунда, Карлъ, правитель Швеціи, и завладѣть шведскимъ престоломъ. Имъ обоимъ было тогда не до войны, и въ 1595 году былъ заключенъ вѣчный миръ Россіи со Швеціей. Ямы, Ивань-городъ, Копорье и Корела достались русскимъ.

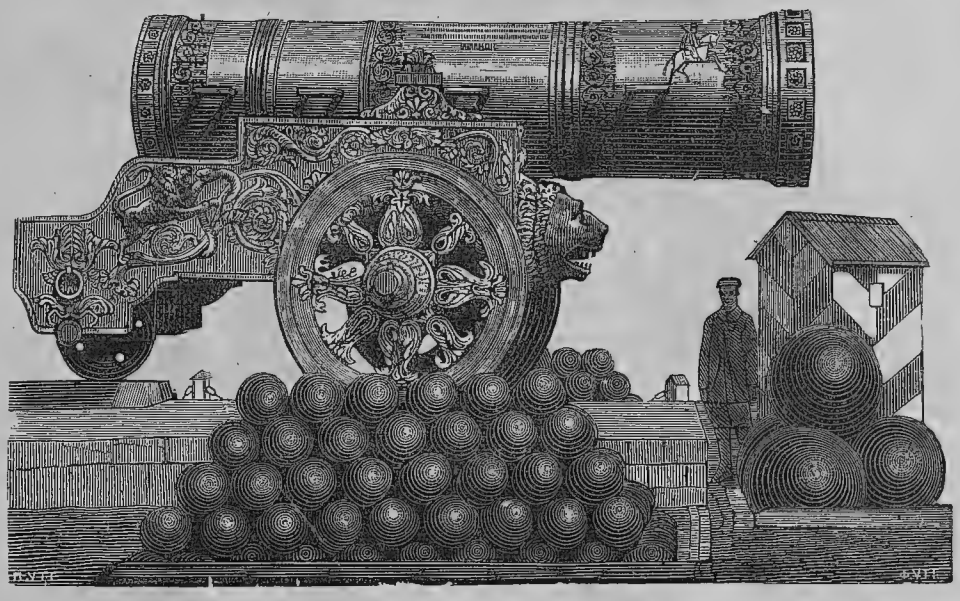
Крымскіе татары держали въ постоянной тревогѣ нашу южную украину. Ханъ Казы-Гирей лукаво заговаривалъ съ московскимъ правительствомъ о союзѣ противъ Литвы, требовалъ щедрыхъ подарковъ, и въ то же время шайки татаръ нипадали на русскія сёла и деревни, грабили ихъ и жгли. Это было дѣломъ обычнымъ. Но 26-го іюня 1591 г. прискакали въ Москву гонцы съ вѣстью, что степь покрылась тучами ханской силы, что не менѣе полутораста тысячъ татаръ быстро идетъ къ Тулѣ. Крымцы такъ внезапно очутились на Окѣ, что русскимъ оставалось думать только о защитѣ столицы. На бѣду главныя военныя силы наши находились на сѣверѣ, такъ какъ со дня на день ждали разрыва со Швеціей. Годуновъ однако не упалъ духомъ, приказалъ всѣмъ воеводамъ степныхъ крѣпостей съ ихъ отрядами спѣшить къ Серпухову. Такимъ образомъ собралась значительная рать; начальство надъ нею было вручено князю Мстиславскому. Москва приготовилась къ осадѣ. Быстро были построены деревянныя стѣны вокругъ предмѣстья за Москвой-рѣкой, чтобы татары не могли снова сжечь столицу, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Пригородные монастыри были обращены въ настоящія крѣпости. Русское войско у самаго города въ полѣ укрѣпилось и ждало врага. Добродушный царь побывалъ въ войскѣ, милостиво ободрялъ воеводъ. Годуновъ въ блестящихъ доспѣхахъ объѣзжалъ рать. Его привѣтствовали какъ главнаго вождя, но онъ предоставилъ высшее начальство надъ войскомъ князю Мстиславскому, а самъ занялъ второе мѣсто.

4-го іюля подошли татары къ Москвѣ. Ханъ, обозрѣвъ съ Поклонной горы мѣстность, приказалъ ударить на русскихъ. Татарская конница спустилась съ высотъ и напала на передовой русскій отрядъ. Загремѣли пушки съ кремлевскихъ стѣнъ, со стѣнъ монастырей, изъ укрѣпленнаго стана. Ядра и пули изъ ручныхъ пищалей осыпали татаръ, которые поэтому принуждены были нападать вразсыпную. Сломить русскихъ имъ было очень трудно.

На стѣнахъ городскихъ, башняхъ, колокольняхъ громоздился народъ, со

страхомъ и любопытствомъ слѣдившій за боемъ. Въ церквахъ молились. Молился усердно и благочестивый царь.

Сраженіе было нерѣшительно. Главныя силы той и другой стороны еще не вступали въ бой; но поле битвы было покрыто трупами, и татарскихъ тѣлъ было гораздо больше, чѣмъ русскихъ: пушки и ручныя пищали выручили русскихъ изъ бѣды. Годуновъ обращалъ большое вниманіе на военное дѣло: въ Москвѣ въ это время иностранные и русскіе мастера отливали пушки, иногда даже огромныхъ размѣровъ (Царь-пушка). Стрѣльцы обучались стрѣльбѣ изъ ручныхъ пищалей. Въ русскомъ войскѣ были отряды иностранныхъ опытныхъ мушкетеровъ. Хотя тогдашнія пушки и ружья были еще очень несовершенны, но все же вреда наносили гораздо больше, чѣмъ та-



Царь-пушка.

тарскія стрѣлы, а своимъ громомъ пугали лошадей, и татарская конница не могла дѣйствовать какъ слѣдуетъ.

Годуновъ не жалѣлъ пороху, и всю ночь гремѣла пальба. Татары стали спрашивать у русскихъ плѣнниковъ что это значитъ, а тѣ догадались сказать, что въ Москвѣ пальбой выражаютъ радость, такъ какъ прибыли, вѣроятно, свѣжія войска, давно ожидаемыя изъ Новгорода. Ханъ разсчитывалъ было взять Москву врасплохъ; но, встрѣтивъ сильный отпоръ и боясь, чтобы и въ самомъ дѣлѣ къ русскимъ не подоспѣли главныя ихъ боевыя силы, велѣлъ поспѣшно отступить въ ту же ночь. Съ разсвѣтомъ въ Москвѣ разнеслась радостная вѣсть, что ханъ бѣжалъ. При звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ и радостныхъ крикахъ народа конные полки кинулись въ погоню за татарами. Русскіе захватили большую добычу, перебили и забрали въ плѣнъ множество враговъ

Щедро были награждены воеводы и почетными наградами (золотыми медалями), и другими царскими милостями; а Годуновъ, кромѣ разныхъ доро-

гихъ подарковъ, получилъ самый почетный титулъ „Слуги“, который давался очень рѣдко и то за особыя услуги.

На слѣдующій годъ татары снова сдѣлали набѣгъ на рязанскія, каширскія и тульскія земли и увели на этотъ разъ огромное число плѣнныхъ. Хотя Годуновъ для укрѣпленія южной степной украины устроилъ цѣлый рядъ новыхъ укрѣпленій, засѣкъ и крѣпостей (Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки и др.), но оборонить длинную степную границу, было все-таки очень трудно.

Завелъ было Годуновъ переговоры съ Турціей, просилъ султана обуздать татаръ; но турецкое правительство отнеслось къ русскимъ высокомѣрно, тре-

Воины-нѣмцы.

Мушкетеръ. Копейщикъ.

бовало, чтобы Москва отдала султану Астрахань и Казань, удалила съ Дону казаковъ, сильно безпокоившихъ и турокъ, и татаръ, и отступилась отъ кахетинскаго царя. Кахетинскій, или Иверскій князь Александръ незадолго предъ тѣмъ обратился въ Москву съ мольбой къ царю—взять Кахетію подъ свою высокую руку и спасти отъ притѣсненій нечестивыхъ враговъ. Кахетія, которую тѣснили въ то время, съ одной стороны, турки, съ другой—персы, была принята въ московское подданство. Понятно, что турецкій султанъ злобился за это на Москву, и потому переговоры кончились ничѣмъ.

Пришлось позаботиться о союзникахъ на случай войны съ турками; нѣ-

сколько лѣтъ съ этою цѣлью велись сношенія съ германскимъ императоромъ, велись переговоры о томъ же и съ персидскимъ шахомъ, но всѣ попытки найти надежныхъ союзниковъ для борьбы съ Турціей оказались безплодными.

Дѣятельныя сношенія съ Англіей не прерывались; англійская королева, видимо, очень дорожила дружбой Москвы, величала Годунова своимъ „кровнымъ, любительнымъ пріятелемъ“. Для Англіи была очень выгодна безпошлинная торговля съ Россіей. Въ свою очередь Годуновъ старался усилить торговыя сношенія съ Западной Европой; на Бѣломъ морѣ, по его приказу, была заложена Архангельская пристань.

На востокѣ дѣла русскихъ шли удачно. Послѣ гибели Ермака, казалось, погибнетъ и его дѣло, и полудикія татарскія орды снова будутъ владѣть богатымъ Сибирскимъ краемъ; но Годуновъ понималъ, какъ важно обладаніе этой страной для торговли, и посылалъ въ Сибирь отрядъ за отрядомъ; владычество русскихъ здѣсь мало-по-малу упрочивалось и постройкой городовъ (Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ, Тюмень и др.).

Учрежденіе патріаршества.

Палъ Царь-градъ,—съ нимъ пало и значеніе царь-градскаго, или византійскаго патріарха: онъ сталъ какъ бы плѣнникомъ турецкаго султана. Турки смотрѣли на христіанъ съ презрѣніемъ, всячески ихъ тѣснили, грабили,—и нѣкогда богатыя христіанскія области на Востокѣ запустѣли. Восточные патріархи, въ томъ числѣ и византійскій, стали искать въ Москвѣ покровительства и денежной помощи. Съ Востока безпрестанно являлись сюда духовныя лица, приносили царю отъ патріарховъ въ даръ частицы мощей и разныя священныя вещи и умоляли о денежной помощи. Въ посланіяхъ царю ярко выставлялись бѣдствія и нищета христіанской церкви на Востокѣ; русскаго царя величали „вторымъ Константиномъ, самодержцемъ всего христіанскаго міра, христіанскимъ солнцемъ, освѣщающимъ всю вселенную и проч.“. Москву стали называть третьимъ Римомъ. Съ большимъ почтеніемъ, а иногда и подобострастіемъ, обращались патріархи въ своихъ письмахъ и къ московскимъ митрополитамъ, прося у нихъ денежной помощи. Съ половины XV вѣка русская церковь была уже вполнѣ независима отъ византійскаго патріарха. Московскій митрополитъ и по власти, и по средствамъ стоялъ несравненно выше его, и потому русскому первосвятителю титуловаться ниже его было некстати. Уже при вѣнчаніи Іоанна IV на царство по тому чину, по какому цезари римскіе вѣнчались папами и патріархами, чувствовалась неловкость, что обрядъ этотъ совершаетъ митрополитъ, а не патріархъ.

Въ 1586 г., лѣтомъ, въ Москву прибылъ антіохійскій патріархъ Іоакимъ за милостынею. Въ первый разъ еще Москва видѣла патріарха въ своихъ стѣнахъ. Встрѣча была устроена чрезвычайно торжественно съ соблюденіемъ всѣхъ должныхъ обрядовъ. Царь Ѳеодоръ, какъ извѣстно, очень любилъ пышные обряды. Всѣ эти торжества вызвали оживленные толки въ Москвѣ и среди близкихъ къ царю лицъ о значеніи патріаршества, о необходимости

учредить его въ Россіи. Притомъ и католики корили русскую церковь, что она подчиняется рабу султана. Мысль объ учрежденіи патріаршества пришлась, конечно, по душѣ набожному царю. Онъ созвалъ высшее духовенство и бояръ на совѣтъ и между прочимъ сказалъ имъ:

— „По волѣ Божіей на Востокѣ патріархи по имени только называются святителями, и власти почти вовсе лишены. Наша же страна, какъ видите, въ многорасширеніе приходитъ, и потому хочу, если Богу угодно и писанія божественныя не противорѣчатъ этому, да устроится „превысочайшій“ престолъ патріаршескій въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Думаю, это будетъ не во вредъ благочестію, но послужитъ къ преуспѣянію вѣры Христовой.“

Митрополитъ и бояре одобрили это намѣреніе, но совѣтовали опросить объ этомъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ, потому что такое великое дѣло должно было устроиться по рѣшенію всей восточной церкви, чтобы латины и еретики не могли говорить, что патріаршій престолъ въ Москвѣ устроенъ лишь по царской волѣ. Антіохійскій патріархъ, осыпанный царскими милостями, уѣзжая изъ Москвы, обѣщалъ, что предложитъ на соборѣ восточныхъ святителей учредить патріаршество въ Россіи.

Это дѣло было уже въ полномъ ходу, уже царь былъ извѣщенъ, что восточные патріархи сочувствуютъ задуманному дѣлу, какъ совершенно неожиданно пришла вѣсть къ царю, что въ Москву ѣдетъ византійскій патріархъ Іеремія.

Встрѣтили его еще съ большею честію, чѣмъ антіохійскаго.

Іеремія такъ описывалъ плачевное положеніе своей церкви:

— „Я пріѣхалъ въ Царь-градъ; вижу—Божія церковь (храмъ св. Софіи) разорена и строятъ въ ней мезгить (мечеть); все достояніе разграблено, кельи обвалились. Султанъ сталъ присылать ко мнѣ, чтобы устроить патріаршую церковь и кельи въ другомъ мѣстѣ Царь-града; а мнѣ строить нечѣмъ, вся казна расхищена; и я челомъ билъ султану, чтобы позволилъ мнѣ итти въ христіанскія государства для сбора милостыни на церковное строеніе“.

Изъ бесѣды съ патріархомъ обнаружилось, что онъ пріѣхалъ въ Москву только за милостынею, за сборомъ пожертвованій для обновленія своей патріархіи; а насчетъ учрежденія русскаго патріаршества онъ не привезъ никакихъ рѣшеній. Тогда царю или его совѣтникамъ пришло на мысль предложить Іереміи стать русскимъ патріархомъ: византійскій патріархъ считался старшимъ, и переходъ его изъ Константинополя въ Москву долженъ былъ возвысить ее въ глазахъ всѣхъ восточныхъ христіанъ. Затрудненіе было лишь въ томъ, что царь очень любилъ митрополита Іова и не хотѣлъ съ нимъ разстаться, и потому Іереміи было предложено, если онъ останется въ Россіи, жить не въ Москвѣ, гдѣ предполагалось оставить митрополита Іова, а во Владимирѣ.

— „Будетъ на то воля великаго государя, отвѣчалъ Іеремія, чтобы мнѣ быть въ его государствѣ, — я не отказываюсь; только быть мнѣ во Владимирѣ нельзя: патріархи живутъ всегда при государѣ.

Царь на совѣщаніи объ этомъ отвѣтѣ высказалъ между прочимъ слѣдующее:

— „Статочное ли дѣло намъ нашего святаго, преподобнаго отца нашего и богомольца Іова митрополита отъ Пречистой Богородицы и отъ великихъ чудотворцевъ удалить, а сдѣлать греческаго закона патріарха, а онъ здѣш-

няго обычая и русскаго языка не знаетъ и ни о какихъ дѣлахъ духовныхъ намъ говорить съ нимъ безъ толмача нельзя."

Послѣ довольно долгихъ переговоровъ Годунова съ Іереміей, тотъ согласился поставить въ патріархи кого-либо изъ русскихъ архипастырей. Царь пожелалъ, конечно, Іова.

Съ большой пышностію былъ совершенъ 26-го января 1589 года обрядъ поставленія его въ патріархи. Вмѣстѣ съ тѣмъ четыре владыки: Новгородскій, Казанскій, Ростовскій и Крутицкій (въ Москвѣ) возведены были въ санъ митрополита; а шесть епископовъ получили званіе архіепископовъ.

Іеремія, богато одаренный, отправился въ Константинополь съ царской грамотой къ султану.

— „Ты бы, братъ нашъ Муратъ,—говорилось въ ней,—патріарха Іеремію держалъ въ своей области и беречь велѣлъ пашамъ своимъ такъ же, какъ ваши прародители патріарховъ держали въ береженьѣ, по старинѣ, во всѣмъ; ты бы это сдѣлалъ для насъ".

Чрезъ два года привезена была въ Москву грамота на учрежденіе патріаршества, утвержденная соборомъ восточныхъ патріарховъ.

Хотя и прежде московскій митрополитъ на дѣлѣ былъ главою русской церкви и не зависѣлъ отъ византійскаго патріарха, но теперь самостоятельность русской церкви признавалась всенародно всѣми православными святителями; а санъ патріарха въ глазахъ всѣхъ православныхъ высоко поднималъ главу русской церкви.

Учрежденіемъ патріаршества былъ доволенъ благочестивый царь; довольны были всѣ повышенныя духовныя лица; доволенъ былъ и Борисъ Годуновъ: его благожелатель Іовъ теперь получалъ больше силы и значенія, могъ ему оказать при случаѣ больше поддержки; а это было нужно дальновидному честолюбцу.

Убіеніе царевича Димитрія.

Никогда еще не бывало въ Московскомъ государствѣ, чтобы царскій родичъ, хотя бы и именитый бояринъ, достигалъ такой высокой чести и такого могущества, какъ Годуновъ; онъ былъ настоящимъ властителемъ государства; Ѳеодоръ Ивановичъ былъ царемъ только по имени.

Являлись ли въ Москву иноземные послы, рѣшалось ли какое-нибудь важное дѣло, надо ли было бить челомъ о великой царской милости,—обращались не къ царю, а къ Борису. Когда онъ выѣзжалъ, народъ падалъ предъ нимъ ницъ. Челобитчики, когда Борисъ обѣщалъ имъ доложить царю объ ихъ просьбахъ, случалось, говорили ему:

— „Ты самъ, нашъ государь-милостивецъ Борисъ Ѳеодоровичъ, только слово свое скажи—и будетъ!"

Эта дерзкая лесть не только проходила даромъ, но даже нравилась честолюбивому Борису. Мудрено ли, что у него, стоящаго на небывалой еще высотѣ, закружилась голова, и власть очень ужъ полюбилась ему?... Его жена, дочь злодѣя Малюты, была не менѣе его честолюбива.

Годунова превозносили и свои, и чужіе. Неутомимой дѣятельности его всѣ изумлялись: онъ велъ безпрерывные переговоры съ иноземными правительствами, искалъ союзниковъ, улучшалъ военное дѣло, строилъ крѣпости, основывалъ новые города, заселялъ пустыни, улучшилъ судъ и расправу. Одни хвалили его за скорое рѣшеніе судебнаго дѣла; другіе—за оправданіе бѣдняка въ тяжбѣ съ богачомъ, простолюдина съ именитымъ бояриномъ; третьи славили его за постройку безъ тяготы для жителей городскихъ стѣнъ, гостиныхъ дворовъ... Всюду разносились о немъ самые благопріятные слухи. И русскіе послы, и иноземные, побывавшіе въ Москвѣ, величали его начальнымъ человѣкомъ въ Россіи, и говорили что никогда еще такого мудраго правленія въ ней не бывало. Даже коронованныя особы искали дружбы Годунова.

Большой славы и силы правителю изъ простыхъ смертныхъ нельзя достигнуть; но мысль, что все это величіе крайне непрочно, что со смертью больного и бездѣтнаго царя оно рухнетъ, должна была удручать Годунова. Въ Угличѣ подрасталъ царевичъ Димитрій. Умри сегодня Ѳеодоръ, а завтра прощай не только власть Годунова, но и свобода, а пожалуй, и самая жизнь... Нагіе, царскіе родичи и злѣйшіе враги его, не преминутъ раздавить ненавистнаго имъ временщика...

Страшились Нагихъ не менѣе, чѣмъ Годуновъ и всѣ его сторонники; да и бояре, не любившіе его, но подавшіе голосъ въ думѣ за удаленіе Димитрія съ матерью его и родичами въ Угличъ, должны были опасаться будущаго, понимали, что имъ всѣмъ не сдоброватъ, когда власть попадетъ въ руки Нагихъ.

Молодой царевичъ жилъ съ матерью въ Угличѣ, въ небольшомъ мрачномъ дворцѣ. Ему было уже около девяти лѣтъ. Мать и дядья его съ нетерпѣніемъ ожидали его совершеннолѣтія; носились слухи, что они призывали даже гадальщицъ, чтобы узнать, долго ли жить Ѳеодору. Разсказывали также, что царевичъ склоненъ подобно отцу къ жестокости; любитъ смотрѣть, какъ убиваютъ домашнихъ животныхъ; говорили, будто бы, играя разъ со сверстниками, онъ слѣпилъ изъ снѣгу нѣсколько человѣческихъ подобій, назвалъ ихъ именами главныхъ царскихъ бояръ и сталъ палкой отбивать имъ головы, руки, говоря, что такъ будетъ рубить бояръ, когда вырастетъ.

Конечно, всѣ эти розсказни могли быть выдуманы досужими людьми, вѣрнѣе всего, доброхотами Годунова и врагами Нагихъ.

Въ Угличъ для надзора за земскими дѣлами, а болѣе всего для наблюденія надъ Нагими, Годуновъ послалъ вполнѣ преданныхъ ему людей: дьяка Михайлу Битяговскаго съ сыномъ Даниломъ и племянникомъ Качаловымъ.

15-го мая 1591 года въ полдень произошло въ Угличѣ потрясающее событіе. Въ соборной церкви ударили въ набатъ. Народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ, думая, что на пожаръ. На дворцовомъ дворѣ увидѣли тѣло царевича съ перерѣзаннымъ горломъ; надъ убитымъ вопила въ отчаяніи мать и кричала, что убійцы подосланы были Борисомъ, называла Битяговскихъ—отца и сына, Качалова и Волохова. Разсвирѣпѣвшій народъ убилъ ихъ всѣхъ по указанію Нагихъ, умертвилъ и еще нѣсколькихъ человѣкъ, заподозрѣнныхъ въ согласіи со злодѣями.

По разсказу лѣтописей, преступленіе совершилось слѣдующимъ образомъ:

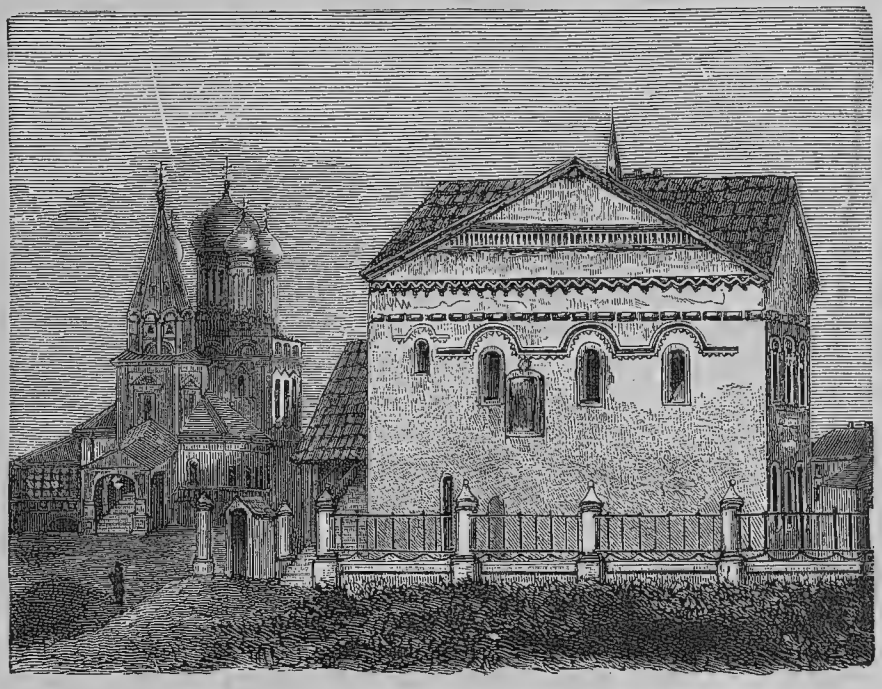
Царица вообще зорко смотрѣла за сыномъ, не отпускала его отъ себя, осо-

бенно стала беречь его отъ подозрительныхъ для нея Битяговскихъ съ ихъ товарищами; но 15-го мая она замѣшкалась почему-то въ хоромахъ, и мамка Волохова, участница заговора, повела царевича гулять на дворъ; за ней пошла кормилица. На крыльцѣ убійцы уже поджидали свою жертву. Сынъ мамки, Осипъ Волоховъ, подошелъ къ царевичу.

— „Это у тебя, государь, новое ожерельице?“ спросилъ онъ, взявши его за руку.

— „Нѣтъ, старое!“ отвѣчалъ ребенокъ и поднялъ голову, чтобъ дать лучше разсмотрѣть ожерелье.

Въ рукахъ убійцы сверкнулъ ножъ, но ударъ оказался невѣренъ, поранена была лишь шея, а гортань осталась цѣла. Злодѣй пустился бѣжать.



Домъ, гдѣ жилъ царевичъ Димитрій въ Угличѣ.

Царевичъ упалъ. Кормилица прикрыла его собою и стала кричать. Данила Битяговскій и Качаловъ нѣсколькими ударами ошеломили ее, оттащили отъ нея ребенка и дорѣзали его. Тутъ выбѣжала мать и начала вопить въ изступленіи. На дворѣ никого не было; но соборный понамарь видѣлъ съ колокольни все это и ударилъ въ колоколъ. Народъ сбѣжался, какъ сказано, и произвелъ свою кровавую расправу. Всѣхъ убитыхъ и растерзанныхъ народомъ было 12 человѣкъ.

Тѣло Димитрія было положено въ гробъ и вынесено въ соборную церковь. Къ царю немедленно былъ посланъ гонецъ съ ужаснымъ извѣстіемъ. Гонца сначала привели къ Годунову; тотъ велѣлъ взять у него грамоту, написалъ другую, гдѣ говорилось, что Димитрій самъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни.

Ѳеодоръ Ивановичъ долго и неутѣшно плакалъ по братѣ. Наряжено было слѣдствіе по этому дѣлу. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій Клешнинъ и крутицкій митрополитъ Геласій должны были въ Угличѣ на мѣстѣ разслѣдовать все, какъ было, и донести царю. Послѣдніе двое были сторонники Годунова, а Шуйскій былъ его врагомъ. Очевидно, Годуновъ разсчитывалъ, что осторожный Шуйскій не осмѣлится въ чемъ-либо обвинить его, а между тѣмъ у всѣхъ недоброхотовъ правителя назначеніе Шуйскаго зажимало рты: никто не могъ сказать, что слѣдствіе велось только друзьями Годунова.

Слѣдствіе ведено было крайне недобросовѣстно, оно направлено было, казалось, къ тому, чтобы скрыть преступленіе: внимательнаго осмотра тѣла не было сдѣлано; показаній съ людей, убившихъ Битяговскаго и его соумышленниковъ, снято не было; царицу тоже не спрашивали. Больше всего значенія было придано показаніямъ нѣсколькихъ сомнительныхъ лицъ, утверждавшихъ, будто царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни.

Слѣдственное дѣло было дано на обсужденіе патріарха и духовенства. Патріархъ призналъ слѣдствіе вѣрнымъ и рѣшено было на томъ, что царевичу Димитрію смерть учинилась Божіимъ судомъ, а Михайло Нагой государевыхъ приказныхъ людей: Битяговскихъ, Качалова и др. велѣлъ побить напрасно...

Годуновъ сослалъ всѣхъ Нагихъ въ отдаленные города въ заключеніе; царица Марія была насильно пострижена подъ именемъ Марѳы и заключена въ монастырь. Угличане подверглись опалѣ. Обвиненныхъ въ убійствѣ Битяговскаго и товарищей его предали смертной казни. Нѣкоторымъ за „неподобныя рѣчи“ отрѣзали языки; множество народу было сослано въ Сибирь; имъ населили вновь основанный городъ Пелымъ. Сложилось въ народѣ преданіе, что Годуновъ изъ Углича сослалъ въ Сибирь даже и тотъ колоколъ, въ который били въ набатъ въ часъ смерти царевича.

Нагіе пострадали; но всенародная молва произнесла свой приговоръ надъ Годуновымъ. Убѣжденіе, что онъ сгубилъ царевича, окрѣпло въ народѣ,—и тотъ самый народъ, который не озлобился на Грознаго за его лютыя безчисленныя казни, никогда уже не могъ, несмотря на всѣ благодѣянія и милости, простить честолюбцу гибели послѣдней отрасли царскаго дома мученической смерти невиннаго ребенка.

Виновенъ ли Годуновъ въ убійствѣ Димитрія, какъ гласила народная молва, или нѣтъ,—это дѣло темное. Ходили слухи, будто убійцы, терзаемые народомъ, передъ смертью повинились, что они подосланы Годуновымъ; но едва ли онъ, при его умѣ и осторожности, могъ рѣшиться на такое грубое и опасное преступленіе. Вѣрнѣе предположить, что доброхоты Годунова, понимая, какая бѣда грозитъ и ему, и имъ, при воцареніи Димитрія, сами додумались до преступленія.

Смертію царевича положеніе Годунова упрочивалось. Едва ли уже тогда онъ мечталъ о царскомъ тронѣ: для него важно было ужъ и то, что онъ избавился отъ страшныхъ для него Нагихъ. Теперь, со смертію бездѣтнаго царя, онъ могъ надѣяться, что власть перейдетъ къ царицѣ, а онъ при ней останется попрежнему всемогущимъ правителемъ.

Вскорѣ послѣ смерти царевича, въ Москвѣ вспыхнулъ сильный пожаръ, испепелившій значительную часть города. Годуновъ сталъ немедля раздавать пособія погорѣльцамъ, цѣлыя улицы отстраивалъ на свой счетъ. Небывалая щедрость однако не привлекла къ нему народа; ходили даже недобрые слухи, будто Годуновъ тайно приказалъ своимъ людямъ поджечь Москву, чтобы отвлечь вниманіе москвичей отъ убійства царевича и выказать себя народнымъ благодѣтелемъ.

Въ 1592 году у царя Ѳеодора родилась дочь Ѳеодосія. Велика была радость царя и царицы; радовался, или по крайней мѣрѣ показывалъ видъ радости, и Годуновъ. Именемъ царя онъ освобождалъ узниковъ, раздавалъ щедрую милостыню; но народъ не вѣрилъ искренности его, и когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, ребенокъ скончался, въ народѣ пошли ходить нелѣпые толки, что Годуновъ извелъ маленькую царевну.

Онъ, очевидно, становился жертвой безпощадной людской молвы.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

Самымъ важнымъ дѣломъ Годунова въ царствованіе Ѳеодора было прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Оно привело къ очень печальнымъ послѣдствіямъ.

Огромная Русская земля съ ея полями, лугами, лѣсами, рѣками и озерами была открыта въ древности, при началѣ государства, для всѣхъ: селись, гдѣ любо, и промышляй, чѣмъ хочешь. Селились особнякомъ, однимъ дворомъ, селились и обществомъ, селомъ или городомъ. Сельчане и горожане встарину не различались межъ собой,—одинаково занимались земледѣліемъ и другими промыслами. Земли было вдоволь. Если она оскудѣвала гдѣ-либо, то поселенцы приглядывали себѣ другое удобное мѣсто и выселялись туда. При огромныхъ пространствахъ гулящей, свободной земли прочной осѣдлости не было. Каждый по мѣрѣ силъ и способностей могъ занять себѣ участокъ, воздѣлать его и обратить въ свою собственность; владѣніе землею долго называлось *посильемъ*. По старинному выраженію, все то пространство земли становилось собственностью человѣка, „куда его топоръ, коса и соха ходили“.

Кто могъ, самъ очищалъ землю для себя, обращалъ ее въ пашню, обзаводился хозяйствомъ и становился полнымъ владѣльцемъ своего участка, имѣлъ право передать его по наслѣдству, какъ вотчину, продать, подарить. Тѣ, кому не подъ силу было самимъ справиться, обзавестись своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, сообща съ другими, т.-е. общиной, приспособлялись къ землѣ. Каждый членъ общины пользовался отдѣльнымъ участкомъ земли, но настоящимъ владѣльцемъ ея считалась только вся община.

Такимъ образомъ издавна явились на Руси земли владѣльческія—*вотчинныя* и *общинныя*, кромѣ *дикихъ*, гулящихъ, т.-е. никѣмъ не занятыхъ земель.

Для того, чтобы обработать дикую, непочатую почву и обратить ее въ собственность, нужно много и силы, и охоты, да и средства необходимы, земледѣльческія орудія, лошадь... Понятно, что многимъ не подъ силу было это, и

они приставали или къ общинамъ, или шли къ богатымъ владѣльцамъ, получали отъ нихъ участки земли и средства для обработки ихъ и воздѣлывали землю на извѣстныхъ условіяхъ, напр., за половину сбора съ полей (исполовники), а не то, шли въ закупы, въ наймиты, въ батраки, т.-е. становились вольнонаемными рабочими. Иные по несчастію, за неоплатные долги, попадали въ кабалу, становились холопами, предпочитали спокойное и сытое житье подневольнаго слуги, раба, тревожной жизни свободнаго бѣдняка. Такимъ образомъ, само собою населеніе стало распадаться на 1) зажиточныхъ людей, лучшихъ мужей (вотчинниковъ, домовладѣльцевъ), 2) меньшихъ или черныхъ людей, крестьянъ, мужиковъ (жившихъ на вотчинной или на общинной землѣ) и 3) холоповъ, кабальныхъ людей.

Князья, бояре, духовенство, монастыри, купцы, крестьяне,—могли дѣлаться поземельными владѣльцами. Крестьяне, хотя и назывались черными людьми, но были вполнѣ свободны, могли жить, гдѣ хотѣли; могли обращаться въ купцовъ, въ духовныхъ лицъ и пр.

Всѣ должны были такъ или иначе служить государству: дружинники и бояре служили лично, составляли дружину или дворъ князя, ходили на войну, управляли волостями и пр.; купцы платили большія пошлины; съ крестьянъ собиралась дань, сначала небольшая, на содержаніе княжей дружины. Иногда князья давали своимъ дружинникамъ вмѣсто жалованья свои заселенныя земли въ помѣстіе, т.-е. не въ полное владѣніе, а въ пользованіе: помѣщики-дружинники собирали дань съ помѣстья своего въ свою пользу.

Въ удѣльное время, при постоянныхъ переходахъ князей съ ихъ дружинами изъ удѣла въ удѣлъ, раздача помѣстій производилась, вѣроятно, не въ большихъ размѣрахъ; да и земля мало цѣны имѣла въ глазахъ бродячей дружины; но съ того времени, какъ сѣверные князья прочнѣе водворяются въ своихъ удѣлахъ, населенная земля и помѣстья получаютъ больше цѣны. Князья хлопочутъ о томъ, чтобы населить свои земли, усилить крестьянство. Увеличивается населеніе на сѣверѣ, усиливаются и разные промыслы, и владѣть землею близъ городовъ, на рѣкахъ, на торговыхъ путяхъ становится дѣломъ выгоднымъ. Но собравшееся и окрѣпшее Московское государство вступаетъ въ постоянную и упорную борьбу съ западными и восточными сосѣдями. Для войны нужны деньги, нужны люди. Крестьянскія подати и разныя повинности, и безъ того тяжелыя съ татарскихъ временъ, становятся еще тяжелѣе. Мелкихъ помѣстій раздается служилымъ людямъ все больше и больше. Число служилыхъ людей быстро растетъ. Завоеваніе обширныхъ новгородскихъ и псковскихъ земель дало возможность Ивану III и Василію III цѣлыми тысячами испомѣщать, т.-е. надѣлять помѣстьями служилыхъ людей (боярскихъ дѣтей), при чемъ они обязывались по первому же призыву являться въ назначенное мѣсто „конны, людны и оружны“. Но исправно нести свои обязанности служилые люди могутъ только въ томъ случаѣ, если ихъ помѣстья даютъ имъ средства, если доходы съ помѣстій достаточны; а это зависѣло отъ того, довольно ли было крестьянъ на ихъ землѣ.

Трудно было крестьянину XVI вѣка „тянуть тягло“, т.-е. платить разныя подати и отбывать повинности. Онъ не только уплачивалъ дань, но

долженъ былъ еще со всякаго промысла уплачивать извѣстную долю, давать кормы намѣстникамъ и волостелямъ и другимъ начальнымъ людямъ. Сверхъ того, крестьяне должны были поставлять лошадей государевымъ гонцамъ (ямъ), поставлять подводы и выполнять много другихъ мелкихъ повинностей.

Раскладка податей и повинностей производилась слѣдующимъ образомъ. Земля дѣлилась на участки, или сохи. Сохи заключали въ себѣ отъ 1,200 четвертей до 400 (по теперешнему счету отъ 1,800 до 600 десятинъ); слѣдовательно, сохи были неодинаковы по величинѣ: сохи дворцовыя, вотчинныя и монастырскія были больше, чѣмъ помѣстныя и общинныя. Съ малыхъ сохъ взималось столько же податей, сколько съ большихъ; а на большомъ пространствѣ было обыкновенно больше и крестьянъ; стало быть „тянуть тягло“ крестьянину на большой сохѣ было легче, чѣмъ на малой. (Наприм., въ кормъ намѣстнику полагалось съ каждой сохи полоть мяса, десять хлѣбовъ, бочка овса и возъ сѣна. Съ большой сохи это все должны были доставить, положимъ, 300 крестьянъ, а съ малой 150; очевидно, послѣднимъ эта повинность была вдвое тяжелѣе; то же должно сказать и относительно прочихъ платежей и повинностей).

Время отъ времени составлялись писцовыя книги, въ которыя заносилось, сколько за вотчинникомъ, помѣщикомъ, или за общиной числится доходной земли, и сообразно этому опредѣлялось, сколько сборовъ съ нея должно итти въ казну, и сколько вооруженныхъ людей въ случаѣ войны долженъ выставить владѣлецъ.

Но черные люди или крестьяне свободно могли переходить съ однихъ мѣстъ на другія. Понятно, что выгоднѣе всего было имъ селиться на большихъ сохахъ вотчинныхъ земель, или монастырскихъ, а рабочія руки всюду были нужны, и потому крестьянъ вездѣ охотно принимали. Бывали случаи, что землевладѣльцы у своихъ сосѣдей даже силою захватывали крестьянъ и сажали ихъ на своихъ земляхъ. Чѣмъ тяжелѣе становились повинности, тѣмъ болѣе усиливалось движеніе крестьянъ съ общинныхъ земель и съ мелкопомѣстныхъ. Сильные пожары, истреблявшіе крестьянскія хозяйства, набѣги татаръ, моровыя повѣтрія, убавлявшія число рабочихъ,—тоже заставляли крестьянъ разбѣгаться. Цѣлыя области иногда пустѣли: нерѣдко встрѣчались покинутыя деревни... Убыль людей въ какомъ-либо участкѣ при сборѣ податей не бралась въ расчетъ до составленія новыхъ писцовыхъ книгъ, а всѣ подати и повинности, лежавшія на участкѣ, не въ моготу было поднять на себя крестьянамъ, оставшимся въ немъ въ небольшомъ числѣ,—они тоже разбѣгались. Многіе переходили въ холопы, другіе шли въ батраки, третьи уходили въ степи и становились казаками.

Всю силу свою государство брало изъ земли: она давала главныя денежныя средства правительству, она кормила и сотни тысячъ служилыхъ людей, составлявшихъ главную его силу; а нѣтъ крестьянъ на землѣ,—она теряетъ всякую цѣну: убавляются доходы государства, служилые люди—помѣщики не могутъ править службу, какъ слѣдуетъ, при сборѣ войска являются съ плохимъ оружіемъ, не приводятъ съ собою должнаго числа воиновъ, даже и вовсе не являются, приходится отмѣчать ихъ въ „нѣтяхъ“.

Правительству приходилось ради своей же пользы позаботиться о томъ, чтобы облегчить и улучшить участь черныхъ людей. Царь Иванъ и его совѣт-

ники старались видимо поддержать общинное устройство крестьянъ; въ общинѣ, гдѣ другъ друга поддерживаютъ, одинъ другого выручаетъ, всѣмъ легче живется. Заботился царь и о томъ, чтобы приказные люди не обижали крестьянъ, позволялъ имъ самимъ управляться, выбирать себѣ общиной старостъ, цѣловальниковъ и другихъ излюбленныхъ людей, которые вершили бы дѣла „безпосульно и безволокитно“ (т.-е. безъ взятокъ и безъ замедленія).

Но подати и повинности не сбавлялись; войны тяжелыя и обременительныя продолжались, и крестьянамъ становилось все труднѣе тянуть тягло.

Переходы крестьянъ изъ мелкопомѣстныхъ и общинныхъ земель въ земли болѣе льготныя, боярскія и монастырскія, продолжались. Къ концу XVI вѣка крестьянъ, поземельныхъ собственниковъ, уже не было. Не подъ силу было имъ тянуть тягло на своей землѣ, да и обидъ отъ приказныхъ людей и отъ сборщиковъ податей приходилось терпѣть немало; а на боярской землѣ жилось крестьянину за бояриномъ какъ за каменной стѣной. Вотъ почему вольные крестьяне шли въ закупы къ богатымъ владѣльцамъ, а не то просто въ батраки и холопы, а тѣ, которымъ воля была дорога, уходили въ степныя украины въ казаки. Съ присоединеніемъ къ московскимъ владѣніямъ Поволжья и Сибири открылись новыя обширныя страны для выселенія. Правительству пришлось позаботиться о томъ, чтобы не уходила рабочая сила изъ-подъ тягла; уменьшалась эта сила въ государствѣ, падали и доходы его, слабѣло и войско. Служилые люди, мелкіе помѣщики, безпрестанно бьютъ челомъ, что богатые землевладѣльцы переманиваютъ крестьянъ у нихъ, и этимъ разоряютъ ихъ вконецъ; что службу государеву править имъ не въ мочь; жалуются и на то, что имъ „тощета“ и отъ того, что крестьяне уходятъ отъ нихъ на монастырскія льготныя земли.

Правительство, испомѣщая служилыхъ людей, давая имъ вмѣсто жалованья—земли, должно было озаботиться, чтобы дать имъ и постояннаго работника: иначе имъ не вмочь было править свою службу. Вотъ главная причина прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ.

Въ Литовской Руси гораздо раньше старались уничтожить переманку крестьянъ бо́льшими льготами отъ одного землевладѣльца къ другому. Здѣсь запрещено было подъ страхомъ наказанія сманивать крестьянъ новыми льготами. Московское правительство думало то же сдѣлать нѣчто подобное. Еще при Грозномъ было постановлено, чтобы монастыри не пріобрѣтали безъ особаго разрѣшенія земли; отмѣнены такъ называемыя „тарханныя грамоты“, которыми давались монастырскимъ землямъ очень важныя льготы, сильно привлекавшія крестьянъ. Но скоро тарханы были возобновлены. Годуновъ искалъ опоры духовенства, и потому ему не было расчета обижать монастыри; а между тѣмъ необходимо было подумать о выгодахъ служилыхъ людей.

Уже раньше постепенно ограничивалась свобода крестьянскихъ выходовъ. Опредѣлено было, что крестьяне могутъ переходить отъ одного помѣщика къ другому около осенняго Юрьева дня, когда уже были всѣ сельскія работы покончены, и счеты между помѣщикомъ и крестьяниномъ сведены. Наконецъ, около 1592 года былъ изданъ отъ имени царя указъ, по которому отъ крестьянъ отнималось право выхода; они обязывались оставаться на той землѣ, гдѣ засталъ

ихъ указъ. И раньше тяжело жилось крестьянину, но все же онъ зналъ, что наступитъ желанный Юрьевъ день, и можно будетъ поискать новаго мѣста, уйти отъ господина, съ которымъ тяжело живется. Теперь же этотъ желанный день отъ крестьянина отнимался, и уходъ его съ мѣста становился уже преступленіемъ. Крестьяне не дѣлались холопами или рабами помѣщика; они прикрѣплялись только къ землѣ, но волю все же теряли и попадали болѣе, чѣмъ прежде, подъ власть помѣщиковъ.

Кромѣ тяглыхъ крестьянъ были въ каждомъ селѣ нетяглые люди, т.-е. не приписанные къ тяглу по писцовымъ книгамъ. Это были взрослые сыновья при отцахъ, братья при братьяхъ, племянники при дядьяхъ и проч.; называли ихъ обыкновенно захребетниками и подсусѣдниками. Они были людьми вполнѣ свободными, вольными работниками. Чрезъ пять лѣтъ, въ 1598 г., вышелъ

Русскіе крестьяне XVI—XVII ст. (по рис. Олеарія).

указъ, по которому вольные слуги, прослужившіе у господина полгода, становились его холопами. Такимъ путемъ хотѣло правительство и этихъ вольныхъ людей прикрѣпить, но уже не къ землѣ, а къ господину, которому и отдавались они въ полную власть.

Этими мѣрами Годуновъ разсчитывалъ упрочить доходы государства и военныя силы его. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и закабаленіе вольныхъ людей были очень выгодны для служилыхъ, мелкопомѣстныхъ людей, такъ какъ отъ нихъ обыкновенно и уходили рабочія силы къ богатымъ владѣльцамъ, которые теперь лишались возможности сманивать людей. Но главная военная сила государства составлялась изъ сотенъ тысячъ служилыхъ боярскихъ дѣтей, а не изъ сотенъ богатыхъ и знатныхъ бояръ, и Годуновъ выгоды послѣднихъ смѣло приносилъ въ жертву первымъ. Онъ не предвидѣлъ, конечно, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ приведутъ эти мѣры. Ему лично

онѣ были выгодны, такъ какъ онъ пріобрѣталъ теперь новую опору въ служилыхъ людяхъ, составлявшихъ главную военную силу въ государствѣ.

Но уже самому Годунову пришлось увидѣть и вредныя слѣдствія прикрѣпленія крестьянъ. Законное право уходить съ мѣста у нихъ было отнято, они стали дѣлать это незаконно. Побѣги крестьянъ и розыски бѣглыхъ страшно тяготили и помѣщиковъ, и правительство. Судамъ, тяжбамъ, сыскамъ и насиліямъ не было счету... Число нищихъ и бродягъ изъ бѣглыхъ крестьянъ все росло и росло. Разбои и воровство усилились. Чѣмъ больше крестьянъ было въ бѣгахъ, тѣмъ труднѣе было тянуть тягло оставшимся.

Тяжело жилось русскому простолюдину и раньше, а послѣ закрѣпощенія стало еще тяжелѣе. „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ до сихъ поръ еще говоритъ нашъ теперь уже свободный простолюдинъ, когда надъ нимъ

Русскія крестьянки XVI—XVII ст. (по рис. Олеарія).

стрясется какая-либо нежданная бѣда: сильно, видно, врѣзалась въ народную память отмѣна Юрьева дня.

Неприглядна была и съ внѣшней стороны жизнь крестьянина: по большей части тѣсная курная избенка служила ему жилищемъ. Одѣвался простой народъ въ ту пору почти также, какъ и теперь: тѣ же были тулупъ, зипунъ (сермяга) и мѣховая шапка въ холодную пору, а лѣтомъ одна рубаха. Кожаная обувь была у болѣе зажиточныхъ; бѣдняки носили лапти. Простолюдины, жившіе при городахъ (посадскіе), обыкновенно бывали зажиточнѣе; они и жили попросторнѣе и одежду шили понаряднѣе, не изъ такихъ грубыхъ тканей, какъ бѣдняки.

Избраніе Бориса Годунова на престолъ.

Великая печаль, по словамъ лѣтописи, была въ Москвѣ 6-го января 1598 года: „послѣдній цвѣтъ Русской земли отходилъ отъ очей всѣхъ“,— умиралъ царь Ѳеодоръ.

Патріархъ и бояре были при немъ.

— „Кому сіе царство и насъ сирыхъ приказываешь и свою царицу?“ спросилъ у царя патріархъ.

— „Въ семъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ, нашъ Создатель, какъ Ему угодно, такъ и будетъ, а съ царицею моею Богъ воленъ, какъ ей жить, и о томъ у насъ уложено“, отвѣчалъ умирающій.

Въ часъ утра 7-го января его не стало.

Одно лицо теперь оставалось на престолѣ,—вдова покойнаго государя, Ирина. Ей спѣшили присягнуть думные бояре, чтобы избѣжать междуцарствія.

Утромъ, когда разнесся по городу слухъ о кончинѣ царя, москвичи сильно горевали, горько оплакивали его. Добродушнаго и набожнаго царя, по словамъ лѣтописи, народъ высоко чтилъ и любилъ.

Въ 9-й день по кончинѣ Ѳеодора Ирина изъявила желаніе постричься. Напрасно челомъ били ей и умоляли ее святители, бояре и народъ не оставлять царства: она была непреклонна, не вняла народнымъ мольбамъ и постриглась подъ именемъ Александры. За сестрой удалился въ Новодѣвичій монастырь и Борисъ. Теперь во главѣ государства остался патріархъ. Ему принадлежалъ и первый голосъ при избраніи государя на осиротѣлый престолъ.

Когда узнали объ отреченіи Ирины, духовенство и бояре не знали, что дѣлать. Государственный дьякъ Василій Щелкаловъ вышелъ къ народу, наполнявшему Кремль, и требовалъ присяги на имя боярской думы.

— „Не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу!“ кричалъ народъ въ отвѣтъ.

Когда же дьякъ сказалъ народу, что уже нѣтъ царицы Ирины, а есть инока Александра, то въ народѣ раздались крики:

— „Да здравствуетъ Борисъ Ѳеодоровичъ!“

Среди московской черни было немало доброхотовъ щедраго Годунова.

Всѣмъ соборомъ пошли въ Новодѣвичій монастырь. Патріархъ отъ имени народа молилъ инокиню Александру благословить брата на царство, а Бориса—принять скипетръ.

— „Мнѣ и на умъ никогда не приходило, отвѣчалъ Годуновъ, о царствѣ, какъ мнѣ и помыслять о такой высотѣ?!“

Повидимому, самая мысль о престолѣ пугала Годунова, и онъ, казалось, рѣшительно отказывается отъ него, но при этомъ все-таки прибавлялъ: „а если работа моя гдѣ пригодится, то съ боярами радѣть и промышлять я радъ не только попрежнему, но и свыше“.

Эти слова показывали, что онъ не боится власти и царскихъ трудовъ, къ которымъ привыкъ,—а страшитъ его лишь высота царскаго сана...

Между тѣмъ государствомъ управлялъ патріархъ съ боярской думой;

указы писались отъ имени „царицы Александры“. Патріархъ неоднократно упрашивалъ Годунова и наединѣ вступить на престолъ. Уже начинались отъ безначалія неурядицы. Въ народѣ разносилась страшная вѣсть о томъ, будто крымскій ханъ собирается нагрянуть на Москву.

Патріархъ созвалъ въ столицу соборъ изъ выборныхъ людей; всего собралось 464 человѣка: тутъ были духовныя лица, бояре, служилые люди, купцы и горожане. Большею частію выбраны были, по старанію друзей Годунова, его доброхоты. 17-го февраля открылся соборъ. Патріархъ, разсказавъ о постриженіи царицы и объ отказѣ Бориса, предложилъ собору рѣшить вопросъ: „кому на великомъ преславномъ государствѣ государемъ быть?“ Но, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— „А у меня, Іова патріарха, и у митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и у архимандритовъ, и у игуменовъ, и у всего священнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ, и у служилыхъ всякихъ людей, и у гостей (купцовъ), и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, которые были на Москвѣ,—мысль и совѣтъ единодушный, что намъ мимо Бориса Ѳеодоровича иного государя никого не искати и не хотѣти.“

Послѣ этихъ словъ собору оставалось только безпрекословно согласиться съ патріархомъ.

20-го февраля, послѣ молебствія о томъ, чтобы Господь даровалъ православному христіанству царя Бориса Ѳеодоровича, патріархъ снова съ духовенствомъ, боярами и народомъ отправился въ монастырь и опять слезно просили Годунова принять царскую власть.

Отъ Годунова послѣдовалъ снова рѣшительный отказъ. Всѣ были въ недоумѣніи и скорби великой.

По совѣту патріарха рѣшено было, совершивъ торжественныя молебствія Пречистой Богородицѣ въ Успенскомъ соборѣ, а также по всѣмъ церквамъ и монастырямъ, итти въ Новодѣвичій монастырь всенародно съ иконами и крестами. А съ духовенствомъ патріархъ тайно приговорилъ, въ случаѣ новаго отказа со стороны Годунова, отлучить его отъ церкви, а самимъ снять съ себя святительскіе саны, одѣться въ простыя монашескія рясы и запретить по всѣмъ церквамъ службы.

21-го февраля крестный ходъ съ чудотворными образами Пречистой Богородицы Владимирской, Богородицы Донской и другими святыми иконами двинулся къ Новодѣвичьей обители. Когда процессія подходила къ монастырю, навстрѣчу ей была вынесена чудотворная икона Смоленской Богоматери. Слѣдомъ вышелъ и Борисъ Ѳеодоровичъ. Дошедши до образа Владимирской Богородицы, онъ воскликнулъ:

— „О милосердная царице, мати Христа Бога нашего! почто толикій подвигъ сотворила еси?... Пречистая Богородица, помолися обо мнѣ и помилуй мя!“

При этомъ онъ палъ на землю и долго орошалъ ее слезами. Затѣмъ, проливая слезы, обратился къ патріарху и спросилъ, зачѣмъ онъ воздвигъ святыя иконы. Святитель благословилъ Бориса Ѳеодоровича крестомъ и сквозь слезы сказалъ ему:

— „Богородица съ Предвѣчнымъ младенцемъ возлюбила тебя... Устыдись пришествія Ея, покорись волѣ Божіей и ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Господня!..“

Годуновъ молчалъ и плакалъ.

Отслужена была обѣдня. Прямо изъ церкви въ полномъ облаченіи патріархъ и все духовенство съ крестами и образами пошли въ келью къ царицѣ, били ей челомъ, долго молили ее со слезами. Народъ толпился на дворѣ. Нѣкоторые изъ доброхотовъ Годунова стояли у оконъ кельи и подавали народу знаки руками, когда кричать, а иные пристава слишкомъ ужъ усердствовали въ пользу Годунова и „пхали людей въ шею“, заставляя ихъ плакать и вопить.

Царица долго была въ недоумѣніи, какъ поступить. Наконецъ, обратилась къ Борису и сама стала увѣщавать его.

— „Это Божье дѣло,—говорила она, а не человѣческое: какъ будетъ воля Божія, такъ и сотвори!“

Тогда Борисъ съ видомъ глубой скорби и со слезами воскликнулъ:

— „Господи Боже, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ! Если Тебѣ то угодно, да будетъ святая воля Твоя!“

Іовъ, святители и бояре пали на землю и со слезами радости благодарили Бога; а когда было объявлено народу о согласіи Бориса Ѳеодоровича, то долго не умолкали радостные крики...

„Богоизбранный“ царь, какъ величалъ Бориса патріархъ, побывалъ во всѣхъ кремлевскихъ соборахъ, кланялся святынѣ; затѣмъ провелъ весь постъ и всю Пасху въ монастырѣ съ сестрою.

Первымъ дѣломъ царя было дать приказъ собираться ратнымъ силамъ въ Серпуховѣ для отпора крымскому хану (слухи о его намѣреніи вторгнуться въ русскія владѣнія росли и волновали народъ). Самъ Борисъ уѣхалъ къ войску. Большая рать была собрана подъ Серпуховымъ. Щедрость новаго царя была безгранична: воеводъ и знатныхъ людей дарили дорогими парчами, бархатами и шелковыми тканями, воиновъ—деньгами. Въ теченіе шести недѣль войску давались великолѣпные пиры подъ шатрами на серебряной посудѣ; никогда еще такой благодати воинамъ не приходилось видать. Убѣдились они тутъ воочію, что служить Борису выгодно. Вскорѣ явились отъ хана послы съ дарами царю; ханъ желалъ быть съ нимъ въ мирѣ и дружбѣ.

Такъ Борису Ѳеодоровичу и не довелось показать свою военную доблесть, но богатство и щедрость свою онъ показалъ и сердца служилыхъ людей себѣ покорилъ. Радовались они, „чаяли и впредь себѣ отъ царя такого жалованья“.

Когда Борисъ Ѳеодоровичъ возвращался въ Москву, его торжественно встрѣчалъ патріархъ съ духовенствомъ и народомъ. Въ своей привѣтственной рѣчи Іовъ сказалъ Борису:

— „Подвигъ великій сотворилъ ты: освободилъ христіанскій родъ отъ плѣненія... Услышавъ о скоромъ твоемъ ополченіи, недругъ крымскій устрашился и прислалъ къ тебѣ челомъ бить...“

Такимъ образомъ Борисъ являлся въ глазахъ народа избавителемъ Русской земли отъ татарскаго погрома. Торжественное вѣнчаніе на царство

Борисъ отложилъ до 1-го сентября, — дня сладкихъ надеждъ и добрыхъ желаній (въ тѣ времена новый годъ начинался съ 1-го сентября).

Вѣнчаніе на царство было совершено патріархомъ въ Успенскомъ соборѣ очень пышно. По окончаніи обряда, царь громогласно при всемъ народѣ, наполнявшемъ соборъ, воскликнулъ, обратившись къ патріарху:

— „Отче, великій патріархъ, Богъ свидѣтель тому, что никто въ моемъ царствѣ не будетъ нищъ и бѣденъ!“ Затѣмъ, взявшись за воротъ своей рубахи, прибавилъ: „и сію послѣднюю раздѣлю со всѣми!“

Велика, видно, была радость царя Бориса, если давалъ онъ такія обѣщанія!... Три дня продолжались народныя празднества и придворные пиры. Награды безъ конца сыпались на царскихъ приближенныхъ. Щедротамъ царя, казалось, не было ни мѣры, ни конца...

Твердо, крѣпко сѣлъ на престолъ этотъ „богоизбранный“ царь. Сослужили ему свою службу и патріархъ, и духовенство, и служилые люди, облагодѣтельствованные имъ. Все дѣло было обдѣлано очень ловко. Не принялъ Борисъ царскаго вѣнца отъ патріарха и бояръ, а выждалъ рѣшенія земскаго собора, на которомъ устами своихъ излюбленныхъ людей весь русскій народъ избралъ его, своего правителя, на царство. Но и тутъ онъ не хотѣлъ брать царскаго вѣнца, долго и упорно отказывался и если взялъ, наконецъ, то лишь по Божьему изволенію, по настоянію патріарха, по мольбамъ духовенства, выборныхъ людей и московскаго народа. Словно противъ воли принималъ на себя Борисъ бремя царской власти, но еще до вѣнчанія на царство сослужилъ великую царскую службу своему отечеству,—спасъ его отъ вражьей силы; еще до вѣнчанія показалъ онъ служилымъ людямъ, что и службы отъ нихъ требовать и жаловать по-царски за эту службу сумѣетъ, что если не по крови, то по нраву, по широкой размашистой щедрости ему мѣсто на русскомъ царскомъ престолѣ. Борису въ эту пору было сорокъ семь лѣтъ, но онъ еще былъ полонъ жизни и силъ. Высокій ростомъ, плотный, плечистый, круглолицый, съ черными волосами и бородой,—онъ имѣлъ внушительный видъ и царскую осанку; рѣчь его была очень мягка, порою даже льстива; но глаза внушали страхъ и повиновеніе.

И умомъ, и наружнымъ видомъ, и тороватостью—всѣмъ взялъ Борисъ, и, казалось бы, лучшаго царя и не надо было; но въ народѣ упорно держалась молва, что онъ сгубилъ послѣднюю отрасль царскаго дома, добиваясь престола. Крѣпко сѣлъ онъ теперь на этотъ престолъ,—окрѣпла и злая молва... Цареубійцу видѣлъ народъ въ Борисѣ, и никакими щедротами не могъ онъ купить народной любви. Невыносима была и многимъ знатнымъ боярамъ мысль, что Годуновъ, человѣкъ незнатный родомъ, да вдобавокъ потомокъ мурзы Чета, природнаго татарина,—царь, а имъ, потомкамъ Рюрика и Гедимина, приходится преклоняться предъ нимъ. Князья Шуйскіе, Бѣльскіе, Голицыны могли считать себя по своей родовитости болѣе достойными, чѣмъ Годуновъ, занять престолъ; но болѣе всего на него имѣлъ правъ въ глазахъ народа Ѳедоръ Никитичъ Романовъ. Народъ особенно любилъ Романовыхъ: они не запятнали себя никакимъ дурнымъ дѣломъ, въ опричнинѣ никакого участія не принимали, а добродѣтельная Анастасія, которую считали ангеломъ-хранителемъ царя, направлявшимъ его на все доброе, была памятна народу. При вступленіи Бориса на престолъ

во главѣ рода Романовыхъ стоялъ Ѳедоръ Никитичъ, племянникъ царицы Анастасіи и двоюродный братъ царя Ѳеодора. Не было въ Москвѣ въ то время другого такого красавца и щеголя, какъ Ѳедоръ Никитичъ! Имъ любовались всѣ, когда онъ ѣхалъ на конѣ... Красота его и щеголеватость вошли даже въ поговорку. Когда хотѣли похвалить молодцоватую наружность или изящество одежды какого-нибудь щеголя, то говорили ему: „Ты совершенно Ѳедоръ Никитичъ!“

Но не одной красотой привлекалъ къ себѣ Ѳедоръ Никитичъ: онъ былъ очень уменъ отъ природы, со всѣми привѣтливъ и любезенъ, любознателенъ, и, что представляло тогда большую рѣдкость, былъ начитанъ и зналъ даже немного по-латынѣ. Народная любовь къ Романову была, конечно, извѣстна Борису, а также и непріязнь многихъ къ себѣ, и ему, достигшему желанной царской высоты, все-таки было кого бояться, было кому завидовать...

Царствованіе царя Бориса (1598—1604).

Сильно хлопоталъ Борисъ въ первые два года своего царствованія о томъ, чтобы привязать къ себѣ народъ, закрѣпить его любовь за собой и родомъ своимъ. При вступленіи своемъ на престолъ онъ освободилъ сельскій людъ на одинъ годъ отъ всякихъ податей; торговымъ людямъ далъ право два года торговать безданно-безпошлинно; служилымъ людямъ было выдано сразу двойное жалованье за годъ. Разнымъ краямъ даны были льготы. Громадное состояніе Бориса давало ему возможность изумлять всѣхъ своею тороватостью. Зналъ онъ, какъ русскій народъ чтитъ нищелюбіе, и щедро помогалъ нищимъ и калѣкамъ; ни одинъ бѣднякъ, подавшій ему челобитную, не уходилъ отъ него съ пустыми руками. Вдовъ, сиротъ и нищихъ онъ кормилъ, одѣвалъ, одѣлялъ деньгами. Крестьяне были нѣсколько облегчены: опредѣлено, сколько они должны платить землевладѣльцамъ и сколько работать на него. Борисъ даже позволилъ крестьянамъ временно переходить, но только отъ мелкихъ помѣщиковъ къ мелкимъ же, а не къ богатымъ. Старался онъ противодѣйствовать пьянству, которое было сильно распространено въ народѣ, приказывалъ закрывать кабаки. Ни одинъ царь еще, казалось, не заботился такъ о благоденствіи народа, какъ Борисъ.

Въ первый годъ своего царствованія онъ былъ обрадованъ извѣстіемъ изъ Сибири. Воевода Воейковъ на рѣкѣ Оби разбилъ окончательно Кучума, который послѣ пораженія бѣжалъ и скоро погибъ. Сибирскій край былъ окончательно закрѣпленъ за Россіей постройкой новыхъ городовъ и открытъ для мирной промышленности.

Много заботился Борисъ о томъ, чтобы охранить южныя окраины государства отъ набѣговъ крымцевъ. По приказу царя здѣсь построенъ былъ цѣлый рядъ новыхъ крѣпостей, засѣкъ. Сами татары догадывались, что Борисъ хочетъ какъ-бы задушить ихъ, выдвигая свои укрѣпленія все дальше и дальше на югъ и востокъ. Зорко сторожили русскіе по границамъ своихъ степныхъ недруговъ, чтобы во-время дать вѣсть о движеніи ихъ. Объ этихъ сторожахъ находимъ любопытныя извѣстія у одного иностранца, бывшаго въ русской службѣ (Маржерета). Стража была разставлена повсюду, гдѣ могли бы пройти орды

татаръ. По степи росли одинокіе дубы. При такихъ дубахъ на разстояніи 8, 10 и болѣе верстъ становились сторожа,—по два ратника у каждаго дерева: одинъ сторожилъ, сидя на верхушкѣ дуба, другой подлѣ дерева кормилъ осѣдланныхъ коней. Лишь только сидѣвшій на деревѣ замѣчалъ въ степной дали облака пыли, поднимаемыя обыкновенно татарской конницей, немедленно одинъ изъ двухъ стражей скакалъ во весь опоръ на быстромъ конѣ къ другому дереву, еще издали знаками и криками указывалъ сторожу, съ какой стороны грозитъ опасность; тогда отъ этого дерева такимъ же способомъ давалась вѣсть къ слѣдующему и доходила до ближайшихъ крѣпостей и, наконецъ, до Москвы. Вторые сторожа, оставшіеся при деревьяхъ, выждавъ нѣсколько времени и приглядѣвшись внимательнѣе къ тому, что творилось въ степи, садились на коней и передавали уже болѣе опредѣленныя вѣсти тѣмъ же способомъ, какъ ихъ товарищи. Такимъ образомъ, при помощи этого живого телеграфа старались предупредить опасность, принять военныя мѣры, собрать ратную силу, чтобы во-время встрѣтить врага. Каждую весну русскіе выжигали въ степи траву, чтобы татары не могли найти корма для своихъ лошадей.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, все труднѣе и труднѣе становилось крымцамъ дѣлать внезапные, разбойничьи набѣги, и ханъ, бывшій въ то время не въ ладахъ съ турецкимъ султаномъ, присмирѣлъ, даже заискивалъ у Бориса. Ханскіе послы, ѣздившіе къ нему въ Серпуховъ и видѣвшіе огромныя ратныя силы царя во всемъ ихъ блескѣ, своими разсказами, конечно, тоже содѣйствовали миролюбію хана.

Но за Кавказомъ наши дѣла были плохи. Кахетинскій князь Александръ хотя и признавалъ себя слугою Бориса, но въ то же время заискивалъ милости у персидскаго шаха, а сынъ Александра принялъ магометанство, перешелъ на сторону Персіи и даже убилъ своего отца. Рано еще было русскимъ думать о Закавказьѣ, съ которымъ и сношенія поддерживать было тогда еще трудно, и русскій отрядъ (около 7000 человѣкъ) погибъ безъ пользы для дѣла въ борьбѣ съ турками и туземными горными племенами.

На Западѣ Борисъ хотѣлъ добиться того же, о чемъ мечталъ Грозный—стать твердой ногой на Балтійскомъ побережьѣ. Русская вывозная торговля сильно упала съ потерей Нарвы. Балтійскіе берега были необходимы для Россіи, и царь это вполнѣ сознавалъ и не спускалъ глазъ съ Ливоніи. Въ это время шли раздоры между польскимъ королемъ Сигизмундомъ и его дядей Карломъ, отнявшимъ у него Швецію. Будь на мѣстѣ Бориса государь смѣлый, рѣшительный, Ливонія не миновала бы его рукъ; стоило лишь вступить въ тѣсный союзъ съ Карломъ, искавшимъ русской помощи, и общими силами ударить на Польшу. Но Борисъ не любилъ рѣшительныхъ дѣйствій, неохотникъ былъ до войны, разсчитывалъ больше выгадать хитростью да изворотливостью,—думалъ отъ Швеціи добыть Нарву, а отъ Польши Ливонію или часть ея, угрожая шведскому королю союзомъ съ Польшей, а польскому—союзомъ со Швеціей. Не надѣясь завладѣть самъ желаннымъ краемъ, онъ думалъ по примѣру Ивана Грознаго посадить тамъ своего подручника. Съ этою цѣлію Борисъ вызвалъ въ Москву племянника шведскаго короля, принца Густава, думая сдѣлать его королемъ Ливоніи и выдать за него свою дочь Ксенію; но всѣ эти замыслы кон-

чились ничѣмъ, удалось только съ Польшей заключить перемиріе на 20 лѣтъ. Ливоніи Борисъ не добылъ и съ Густавомъ, который не захотѣлъ принять православія, разошелся, давъ ему въ удѣлъ разоренный Угличъ.

Сильно хотѣлось Борису породниться съ какимъ-нибудь королевскимъ домомъ. Когда не уладилось дѣло съ Густавомъ, царь сталъ пріискивать другого жениха своей дочери между иностранными принцами. Жениха нашли въ Даніи: братъ короля, принцъ Іоаннъ, согласился ѣхать въ Москву, породниться съ царемъ и сдѣлаться удѣльнымъ княземъ.

Съ великимъ торжествомъ приняли юнаго принца въ Москвѣ.

На торжественномъ обѣдѣ въ Грановитой палатѣ царь сидѣлъ на раззолоченномъ тронѣ, за серебрянымъ столомъ, подъ висящею надъ нимъ короною. Съ одной стороны его сидѣлъ царевичъ Ѳеодоръ, съ другой — принцъ Іоаннъ, какъ членъ царской семьи. За богатымъ угощеніемъ послѣдовали дорогіе подарки: Борисъ и Ѳеодоръ сняли съ себя алмазныя цѣпи и возложили на шею принца, царедворцы поднесли ему два золотые ковша, украшенные яхонтами, нѣсколько серебряныхъ сосудовъ и драгоцѣнныхъ тканей и мѣховъ. Красивый и привѣтливый принцъ скоро сталъ общимъ любимцемъ. Онъ, несмотря на свою юность, велъ себя очень благоразумно, выказывалъ желаніе учиться русскому языку и принять православіе. Лучшаго жениха трудно было бы и желать для Ксеніи, которая слыла тоже и красавицей, и разумницей.

Любопытно современное описаніе ея красоты: „Царевна Ксенія, говоритъ современникъ, „зѣльною красотой лѣпа“, бѣла, „млечною бѣлостію обліяна“, и лицомъ румяна; очи у нея большія, блестящія, особенно красивыя, когда сверкаютъ въ нихъ слезы жалости; брови союзные (сросшіеся); тѣломъ она изобильна (полна), ростомъ не высока и не низка; черные волосы ея „аки трубы“ лежатъ по плечамъ“. Но не красотой только привлекала къ себѣ Ксенія; по свидѣтельству того же современника, она была чуднаго разума, въ книжномъ дѣлѣ искусна и любила пѣніе, особенно духовное.

Но браку Ксеніи съ Іоанномъ не суждено было состояться. Принцъ внезапно заболѣлъ жестокой горячкой. Царскіе врачи употребляли всѣ усилія спасти его. Государь обѣщалъ имъ неслыханныя еще награды и милости... Но чрезъ нѣсколько дней, къ ужасному горю его, датскій принцъ скончался.

Несмотря на семейныя неудачи и горести, Борисъ дѣятельно занимался правительственными дѣлами, сносился съ Западомъ, съ Англіей, Германіей, Италіей, сильно хлопоталъ о томъ, чтобы добыть въ русскую службу разныхъ опытныхъ мастеровъ. Никогда прежде не было столько иностранцевъ на службѣ московской, какъ при Борисѣ. Никогда они и не были въ такой чести и милости, какъ при немъ. Онъ понималъ цѣну знанія и просвѣщенія, задумалъ было даже вызвать изъ-за границы ученыхъ людей, основать школы, гдѣ бы иностранцы учили русскихъ не только разнымъ наукамъ, а также и языкамъ иностраннымъ; но духовныя лица возстали противъ этого. Они говорили, что русская земля, несмотря на свою обширность, едина по вѣрѣ, нравамъ и языку; если же настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ, и прежнее согласіе исчезнетъ. Какъ ни странно было это мнѣніе, осторожный царь, не желая итти прямо наперекоръ духовенству, отказался отъ своего намѣренія, но задумалъ

другимъ путемъ понемногу освоить русскихъ съ западнымъ просвѣщеніемъ. Раньше былъ обычай посылать русскихъ молодыхъ людей въ Константинополь учиться греческому языку; теперь же Борисъ послалъ по нѣскольку человѣкъ въ Англію, Францію и Германію. Но какъ будто въ оправданіе словъ духовенства, предостерегавшаго русскихъ людей отъ западнаго соблазна, посланные за границу молодые люди такъ обжились тамъ, такъ имъ полюбились тамошніе порядки, что только одинъ вернулся въ отечество, остальные же промѣняли родину на чужбину.

Какъ царь Борисъ любилъ и жаловалъ иноземцевъ,—видно, напримѣръ, изъ разсказа о пріемѣ ливонцевъ, искавшихъ спасенія въ Россіи отъ преслѣдованій поляковъ, занявшихъ Ливонію.

Когда ливонцы по приказу царя прибыли въ Москву, имъ отвели отличное помѣщеніе въ боярскихъ домахъ, неподалеку отъ дворца, въ изобиліи снабдили всѣмъ нужнымъ для хозяйства: дровами, рыбою, мясомъ, масломъ, виномъ, пивомъ, медомъ, хлѣбомъ и пр. Сверхъ того, при каждомъ домѣ былъ приставъ для разныхъ покупокъ.

Назначенъ былъ день представленія ливонцевъ царю. Многіе изъ нихъ стали было отказываться отъ этой чести, извиняясь тѣмъ, что не смѣютъ предстать предъ его величество въ бѣдной своей одеждѣ; но царь велѣлъ имъ сказать, что онъ ихъ хочетъ видѣть, а не платье, и что ихъ надѣлятъ всѣмъ нужнымъ. Они явились во дворецъ. Царь сидѣлъ съ сыномъ въ пріемной палатѣ. Его окружали князья и бояре въ роскошныхъ парчевыхъ одеждахъ, украшенные золотыми цѣпями и дорогими каменьями. Потолокъ, стѣны и полъ были обиты дорогими турецкими коврами. Нѣмцевъ подводили къ государю по старшинству лѣтъ, сначала старыхъ, а подъ конецъ молодыхъ. Царь сказалъ имъ чрезъ переводчика:

— „Поздравляю васъ, чужеземцы, съ прибытіемъ въ мое государство; радуюсь благополучію вашего путешествія. Меня трогаетъ несчастіе, которое принудило васъ покинуть родину и имущество. Вы получите втрое больше того, что потеряли въ своемъ отечествѣ. Васъ, дворяне, я сдѣлаю князьями; васъ, граждане,—боярами. Одарю васъ землею, слугами, работниками; одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами; буду для васъ не царемъ и господиномъ, а истиннымъ отцомъ; вы будете не подданные, а дѣти мои; никто, кромѣ меня, не станетъ судить и рядить вашихъ споровъ; дарую вамъ свободу въ обрядахъ богослуженія; присягните только передъ Богомъ по вѣрѣ вашей не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему, не уходить тайно къ туркамъ, татарамъ, персамъ, шведамъ, полякамъ, не скрывать, если узнаете какой-либо противъ меня замыселъ, не посягать на мою жизнь ни ядомъ, ни чародѣйствомъ; тогда получите такую награду, что о ней будетъ говорить вся Римская имперія!“

Одинъ изъ ливонцевъ произнесъ въ отвѣтъ царю отъ имени всѣхъ нѣмцевъ краткую рѣчь, въ которой благодарилъ его и клялся, что всѣ они будутъ до гроба вѣрны отцу своему, государю Всероссійскому.

— „Молитесь Богу, нѣмцы, о моемъ здоровьѣ,— отвѣчалъ царь,— пока я живъ, вы не будете ни въ чемъ нуждаться!“ и, указавъ на жемчужное ожерелье свое, промолвилъ: „и этимъ подѣлюсь съ вами.“

Затѣмъ царь допустилъ ихъ къ своей рукѣ; цѣловали они руку и царевичу. Царь пригласилъ ихъ къ обѣду. Пожилые и знатнѣйшіе изъ нѣмцевъ заняли мѣста такъ, что царь ихъ всѣхъ могъ хорошо видѣть. Прислуживали всѣмъ бояре. На столѣ, покрытомъ скатертью, находился бѣлый вкусный хлѣбъ и соль въ серебряныхъ солонкахъ. Пиръ начался тѣмъ, что сразу, въ одинъ приносъ, было подано столько блюдъ, что весь обширный столъ былъ заставленъ; носили кушанья до самаго вечера. Много было всякаго рода пива, меду и винъ заморскихъ. Царь, отвѣдавъ съ поданнаго ему блюда, сказалъ:"

— „Приглашаю васъ, любезные нѣмцы, на мою царскую хлѣбъ-соль."

Такъ же привѣтствовалъ царь нѣмцевъ, выпивая вино. Бояре старались напоить гостей допьяна, но тѣ, видимо, воздерживались, зная отъ приставовъ, что царь любитъ трезвость.

Замѣтивъ, что гости стѣсняются, царь засмѣялся и спросилъ, почему они не веселятся и не пьютъ за здоровье другъ друга, какъ это у нихъ водится. Тѣ отвѣтили, что не смѣютъ предаваться шумному веселью предъ лицомъ царя.

— „Я васъ потчую, какъ хозяинъ, сказалъ царь. Веселитесь, какъ хотите, не опасайтесь нареканія, пейте за мое здоровье! Лошади готовы; когда настанетъ время, васъ отвезутъ невредимо."

Сказавъ это, государь всталъ и пошелъ къ царицѣ, а боярамъ поручилъ такъ употчевать гостей, чтобы они забыли всѣ житейскія горести и печали. Царская воля была исполнена, и нѣмцы не помнили даже, какъ и домой добрались. Такъ принималъ и чествлъ иноземцевъ Борисъ, по достовѣрному разсказу одного иностранца (Буссау), который могъ все это слышать отъ очевидцевъ. Осыпанные царскими милостями, щедро надѣленные деньгами, землей и крестьянами, нѣмцы становились самыми преданными слугами царя. Изъ нихъ онъ составилъ довольно сильный отрядъ тѣлохранителей.

Осторожный Борисъ все болѣе и болѣе недовѣрчиво начиналъ смотрѣть на бояръ: до вѣдома его, конечно, стали доходить разные враждебные слухи, и онъ, несмотря на свой большой умъ, не только боялся, чтобы его самого и близкихъ ему лицъ не извели отравой, но сильно опасался и волшебства. Сохранилась любопытная запись, по которой присягавшій долженъ былъ между прочимъ клясться: „мнѣ надъ государемъ своимъ царемъ и надъ царицею и надъ ихъ дѣтьми въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ и ни въ чемъ другомъ лиха никакого не учинить, зелья лихого и коренья не давать и не велѣть никому давать; людей своихъ съ вѣдовствомъ, со всякимъ лихимъ зельемъ и кореньемъ не посылать, вѣдуновъ и вѣдуній не добывать на государское лихо; также государя царя, царицу и дѣтей ихъ на слѣду никакимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортить, вѣдовствомъ по вѣтру лиха не посылать, и слѣду не вынимать".

Не о себѣ только заботился Борисъ, — въ сынѣ своемъ Ѳеодорѣ онъ души не чаялъ, и самой задушевной мечтой его было закрѣпить за своимъ наслѣдникомъ престолъ; присягали всѣ не только царю, но и царевичу. Въ грамотахъ и указахъ говорилось: „Великій государь царь и сынъ его великій государь царевичъ пожаловали и пр.". Ни одинъ государь русскій раньше не заботился такъ о воспитаніи и обученіи дѣтей своихъ, какъ царь Борисъ.

Русскіе нравы и обычаи по разсказамъ иностранцевъ.

Съ конца XVI столѣтія быстро растетъ число иностранцевъ въ Москвѣ. Чаще и чаще наѣзжаютъ западные посольства и купцы, все больше и больше иноземныхъ лѣкарей, разныхъ мастеровъ и особенно военныхъ людей поступаетъ на царскую службу. Необыкновенная щедрость Годунова и его любовь къ иностранцамъ, конечно, должны были ихъ особенно сильно привлекать въ Москву. По просьбѣ нѣмцевъ онъ позволилъ имъ въ подмосковной нѣмецкой слободѣ выстроить лютеранскую церковь, чего прежде не допускалось.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскіе ближе стали сходиться и знакомиться съ иноземцами, прежніе нравы и обычаи, по крайней мѣрѣ при дворѣ и въ боярской средѣ, стали нѣсколько измѣняться; начали нѣкоторые изъ русскихъ по примѣру нѣмцевъ брить себѣ бороды; русская женщина, которую держали взаперти, стала со временъ Бориса дышать нѣсколько свободнѣе. Когда царица прогуливалась, то за ея каретою, не боясь нареканія, слѣдовало нѣсколько придворныхъ женщинъ верхомъ на коняхъ. Чаще, чѣмъ прежде, стали являться хозяйки дома въ средѣ гостей-мужчинъ. Привѣтливость и вѣжливость въ обращеніи стали замѣтнѣе. „Русскіе, говоритъ одинъ иноземный писатель (Маржеретъ), очень просты въ обхожденіи и всякому говорятъ „ты“; а преже были еще проще. Если имъ приходилось слышать что-либо сомнительное или несправедливое, то они говорили, безъ всякихъ учтивыхъ обиняковъ, прямо, наотрѣзъ: „ты лжешь“. Такъ говорилъ даже слуга своему господину. Самъ Іоаннъ Васильевичъ, названный мучителемъ, не гнѣвался за подобныя грубости. Но теперь, познакомившись съ иноземцами, русскіе отвыкаютъ отъ прежней грубости въ разговорѣ“. Страннымъ казалось французу Маржерету, воспитанному на рыцарскихъ понятіяхъ, что русскіе въ случаѣ личныхъ оскорбленій обходились безъ дуэлей (поединковъ). Русскіе, говоритъ онъ, вовсе не терпѣли поединковъ... Оскорбленный словами или другимъ образомъ вѣдается судомъ, который и опредѣляетъ виновному наказаніе. Оно обыкновенно зависитъ отъ воли обиженнаго: иногда виновнаго сѣкутъ батожьемъ (батоги—прутья толщиною въ палецъ); иногда съ обидчика берутъ взысканіе въ пользу оскорбленнаго.

Любопытныя свѣдѣнія о домашней жизни и нѣкоторыхъ обычаяхъ русскихъ находимъ у другого писателя (англичанина Флетчера). „Русскіе по большей части, пишетъ онъ, высокаго росту, полны;—дородство они считаютъ красотою, стараются отпускать окладистыя бороды. Но большей части они вялы и малодѣятельны. Это, надо полагать, зависитъ частію отъ суроваго климата, зимняго холода, порождающаго сонливость, частію же отъ пищи, которая состоитъ преимущественно изъ разныхъ овощей и кореньевъ: луку, чесноку, капусты. Они ѣдятъ ихъ и безъ всего, и съ другими кушаньями“.

„Приступая къ ѣдѣ, русскіе обыкновенно выпиваютъ чарку водки (называемой русскимъ виномъ), затѣмъ до конца обѣда ничего не пьютъ. Если наготовлено много разнаго кушанья, то подаютъ сперва печенья (жаренаго употребляютъ мало), а потомъ похлебки. Послѣ обѣда пьютъ вдоволь; при каждомъ глоткѣ цѣлуются другъ съ другомъ. Замѣмъ всѣ отправляются на скамьи спать.

Главный напитокъ русскихъ—медъ, а люди побѣднѣе довольствуются квасомъ".

„Тяжелая пища могла бы сильно повредить здоровью русскихъ; но они ходятъ два или три раза въ недѣлю въ баню, которая служитъ имъ вмѣсто всякихъ лѣкарствъ. Всю зиму русскіе топятъ печи и такъ нагрѣваютъ дома, что непривычному иностранцу это сначала не понравится. Сильный жаръ внутри домовъ и стужа на дворѣ дѣйствуютъ вредно на кожу: она темнѣетъ и сморщивается; особенно это замѣтно у женщинъ, которыя занимаются топкою бань и печей и часто парятся".

Одежда русскихъ XVI—XVII ст.

Ферязь. Кафтаны.

„Русскій человѣкъ, привыкнувъ къ обѣимъ крайностямъ, и къ жару, и къ стужѣ, можетъ выносить ихъ гораздо легче, чѣмъ иностранцы. Нерѣдко можно видѣть, какъ русскіе зимой выбѣгаютъ изъ бань нагіе въ мылѣ съ разгоряченнымъ тѣломъ, отъ котораго идетъ паръ, и кидаются въ рѣку или окачиваются холодной водою, даже въ сильный морозъ. Дѣлаютъ они это для укрѣпленія тѣла.

Одѣваются русскіе слѣдующимъ образомъ. Бояре на голову надѣваютъ тафью, небольшую шапочку, которая закрываетъ немного поболѣе маковки и большей частью богато вышита шелкомъ и золотомъ и украшена жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Волосы на головѣ стригутъ обыкновенно плотно, за исклю-

ченіемъ тѣхъ случаевъ, когда бываютъ въ опалѣ у царя и выражаютъ печаль: тогда отращиваютъ себѣ длинные волосы до плечъ, закрывая ими лицо, какъ можно уродливѣе. Сверхъ тафьи носятъ большую шапку изъ мѣха черно-бурой лисицы, съ большой тульей, которая возвышается изъ мѣховой опушки.

На голую шею надѣваютъ часто ожерелье изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, шириною въ три-четыре пальца.

Сверхъ рубахи, изукрашенной шитьемъ (потому что лѣтомъ дома поверхъ нея они обыкновенно ничего не носятъ), надѣвается з и п у н ъ, или легкая шелковая одежда, длиною до колѣнъ, которая застегивается с п е р е д и, потомъ—кафтанъ или узкое застегнутое платье съ кушакомъ. Кафтаны шьются обыкновенно изъ золотой парчи и спускаются до колѣнъ или до лодыжекъ. Сверхъ кафтана надѣваютъ распашное платье изъ дорогой шелковой матеріи, подбитое мѣхомъ и обшитое золотымъ галуномъ; оно называется ф е р я з ь ю. Другая верхняя одежда изъ камлота или подобной матеріи—это о х о б е н ь, родъ плаща, весьма длинный съ длинными рукавами и воротникомъ, украшенной каменьями и жемчугомъ. (Подъ рукавами охобней дѣлались прорѣхи для рукъ, а рукава откидывались назадъ). Особый видъ охобня—о д н о р я д к а, отличающаяся отъ перваго тѣмъ, что шьется безъ воротника; она обыкновенно бываетъ изъ тонкаго сукна или камлота. Сапоги дѣлаются изъ сафьяна и вышиваются жемчугомъ. Нижнее

Одежда русскихъ XVI—XVII ст.

Охобни. Однорядка.

платье, вправленное въ высокія голенища сапогъ, шьется часто изъ парчи. Со двора бояре и боярскія дѣти обыкновенно выѣзжаютъ верхомъ.

Боярскія дѣти или дворяне одѣваются точно такъ же, какъ бояре, употребляя лишь иныя, болѣе дешевыя матеріи на одежду, но кафтанъ или нижнее платье и у нихъ бываетъ иногда изъ золотой парчи, а прочее платье суконное или шелковое.

Благородныя женщины (боярскія жены) носятъ на головѣ тафтяную повязку (обыкновенно красную), а сверхъ нея шлыкъ бѣлаго цвѣта. Сверхъ того надѣваютъ шапку (въ видѣ головного убора, изъ золотой парчи), называе-

Одежда русскихъ XVI—XVII ст.
Кафтанъ. Женская зимняя одежда.

мую шапкою земскою, съ богатою мѣховою опушкою, съ жемчугомъ и каменьями, но съ недавняго времени перестали унизывать шапки жемчугомъ, потому что жены дьяковъ и купцовъ стали подражать имъ. Въ ушахъ носятъ большія серьги въ два дюйма и болѣе, золотыя, съ драгоцѣнными камнями. Лѣтомъ часто надѣваютъ покрывало изъ тонкаго бѣлаго полотна или батиста, завязываемое у подбородка. Покрывало унизывалось жемчугомъ. Когда выѣзжаютъ со двора въ дождливую погоду, то надѣваютъ бѣлыя шляпы съ цвѣтными завязками (шляпы земскія). На шеѣ носятъ ожерелье пальца въ четыре шириною, украшенное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Верхняя одежда широкая, называемая о п а ш н е м ъ, обыкновенно красная, съ пышными и пол-

ными рукавами, висящими до земли, застегивается спереди большими золотыми пуговицами величиною съ грецкій орѣхъ. Сверху къ ней пришитъ большой широкій воротникъ изъ дорогого мѣха, висящій почти до половины спины. Подъ о п а ш н е м ъ носятъ другую одежду, называемую л ѣ т н и к о м ъ, шитую спереди безъ разрѣза, съ большими широкими рукавами, подъ нею же—ф е р я з ь з е м с к у ю, которая, подобно мужской, свободна и застегивается спереди до самыхъ ногъ. На рукахъ носятъ запястья шириною пальца въ два изъ жемчуга и дорогихъ каменьевъ. На ноги надѣваютъ сапожки изъ бѣлой, желтой, голубой или другой цвѣтной кожи, вышитые жемчугомъ. Такова нарядная

Торжественныя одежды царя и царицы.

одежда знатныхъ русскихъ женщинъ. Платье простыхъ дворянскихъ женъ отличается только матеріей, но покрой одинъ и тотъ же.

Женщины, по общепринятому обычаю, бѣлятся и румянятся, притомъ такъ много, что каждый можетъ замѣтить. Этимъ онѣ вредятъ своей кожѣ.

Какъ ни богаты были наряды бояръ и знатныхъ людей на Руси, но царская одежда, конечно, была несравненно богаче и пышнѣе; на нее шли самыя дорогія златотканныя матеріи, привозимыя съ Востока и изъ Византіи. Кромѣ того, царскія одежды обильно украшались драгоцѣнными камнями и унизывались жемчугомъ. Особенно при торжественныхъ пріемахъ иноземныхъ пословъ, когда наши цари являлись во всемъ своемъ величіи, въ золотыхъ, свер-

кающихъ драгоцѣнными камнями шапкахъ, въ бармахъ, со скипетромъ и державою въ рукахъ,—великолѣпіе царской одежды поражало иноземцевъ.

Необычайнымъ, чисто восточнымъ великолѣпіемъ отличалось и убранство царскихъ верховыхъ коней: богато убранное сѣдло, бархатный чепракъ, вышитый золотомъ, сбруя, украшенная серебряными бляхами, серебряныя, позолоченныя цѣпи вмѣсто узды, даже на ногахъ серебряные браслеты,—все это невольно поражало и тѣшило глазъ.

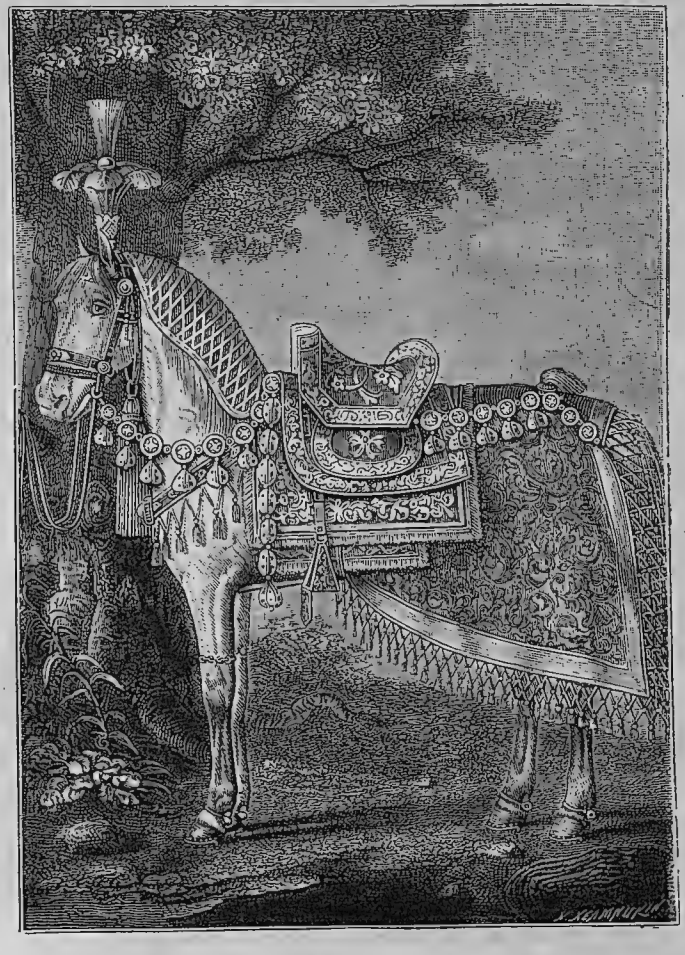
Что касается простолюдиновъ, то они одѣваются очень просто и бѣдно.

Изображеніе царя Ѳеодора на Царь-пушкѣ.

Мужчины ходятъ въ однорядкѣ, широкомъ и длинномъ платьѣ, изъ грубаго бѣлаго или сѣраго сукна; опоясываются кушакомъ. Подъ этой одеждой носятъ шубы (овчинные тулупы); шапки мѣховыя; на ногахъ высокіе сапоги или лапти. Такъ одѣваются зимою. Лѣтомъ обыкновенно ничего не надѣваютъ, кромѣ рубахъ, нижнихъ и сапогъ. Женщины, когда хотятъ принарядиться, надѣваютъ красное или синее платье сверху (опашень) и подъ нимъ шубу, а лѣтомъ только двѣ рубахи,—одну на другую. На головахъ носятъ шапки (кокошники) изъ какой-нибудь цвѣтной матеріи, но большею частію простыя повязки. Безъ серегъ

серебряныхъ или изъ другого металла и безъ креста на шеѣ нельзя встрѣтить ни одной русской женщины и дѣвушки".

Какъ ни враждебно смотрятъ нѣкоторые иноземные писатели (особенно Флетчеръ) на русскій народъ, какъ ни корятъ его за грубость и невѣжество, но все же и они должны были признать, что онъ обладаетъ хорошими умственными способностями, не имѣя, однако, тѣхъ средствъ, какія есть у другихъ народовъ для развитія своихъ дарованій воспитаніемъ и наукою.



Царскій конь въ полномъ уборѣ.

Иностранцевъ удивляютъ безграничная преданность русскаго народа церкви и царю, сильная набожность, терпѣніе и необычайная выносливость. Эти свойства и дали русскому народу силы вынести всѣ невзгоды и погромы внѣшніе и внутренніе, справиться съ врагами, спасти свою церковь и свое государство...

Начало смутъ въ царствованіе Бориса.

Казалось, золотая пора настала для Русской земли съ воцареніемъ Бориса. „Наружностью и умомъ онъ всѣхъ людей превосходилъ, по словамъ современника, много устроилъ въ Русскомъ государствѣ похвальныхъ вещей... Былъ онъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ“. Но скоро все измѣнилось...

Царскій конь въ уборѣ.

Могучъ и уменъ былъ Борисъ, но зналъ онъ, что у него много недоброхотовъ, особенно между боярами; вѣчная боязнь и мелкая подозрительность волновали его душу. Жить и царствовать подольше, видимо, ему очень хотѣлось. Нѣсколько иноземныхъ врачей было постоянно при немъ. Вѣрная нѣмецкая дружина, осыпанная царскими милостями, окружала его. Мы видѣли, какъ присягою старался онъ оградить себя и свою семью отъ всякой опасности; придумалъ онъ даже особую молитву „о своемъ здравіи“ и приказалъ громогласно читать ее

всюду на пирахъ, когда пили за здоровіе его. Ни одинъ пиръ не долженъ былъ проходить безъ заздравной чаши за царя и безъ этой молитвы. Охранить себя отъ всякой опасности, утвердить на престолѣ свой родъ и упрочить за нимъ любовь народа,—вотъ что стало главною цѣлію его жизни...

Въ 1600 году начали носиться темные слухи, будто царевичъ Димитрій не убитъ, а спасенъ близкими людьми; будто вмѣсто него погибъ другой схожій съ нимъ ребенокъ... Дошелъ этотъ слухъ, конечно, и до Бориса и долженъ былъ страшно поразить его: всѣ завѣтныя мечты его разбивались объ ужасное для него имя Димитрія! Что дѣлать, если дѣйствительно царевичъ спасся отъ убійцъ? Борисъ не могъ быть непоколебимо увѣренъ, что этого не могло случиться: вѣдь, самъ онъ своими глазами не видѣлъ тѣла Димитрія. Если сынъ Грознаго живъ, то ему, Борису, придется сойти съ престола, на которомъ, казалось, такъ твердо и прочно усѣлся онъ, придется проститься съ властью, съ которой онъ сжился, которую мечталъ передать сыну своему, безъ которой ему и жизнь не въ жизнь! Если и нѣтъ царевича Димитрія въ живыхъ, а нашелся дерзкій самозванецъ, то и онъ Борису—врагъ очень опасный. Взволновать народъ было тогда нетрудно: недовольныхъ запрещеніемъ Юрьевскаго выхода и кабалою у помѣщиковъ было множество; враговъ у Бориса и сверху, въ средѣ бояръ, и снизу, въ средѣ простого люда, было довольно; молва, что Борисъ подсылалъ убійцъ въ Угличъ, еще не заглохла въ народѣ,—и явись смѣлый и ловкій обманщикъ да назовись царевичемъ Димитріемъ, будто бы счастливо ускользнувшимъ отъ рукъ убійцъ, и въ народѣ могли подняться великія смуты. Понялъ Борисъ, что ему готовится тяжкій ударъ! Надо было спасаться. Но кто врагъ, гдѣ онъ, и существуетъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, или онъ созданъ лишь враждебной молвой,—ничего этого Борисъ не зналъ. Положеніе его было крайне затруднительно: ему надо было искать невѣдомаго врага своего, не обнаруживая, кого именно онъ ищетъ, не показывая и виду, что онъ разыскиваетъ опаснаго для него соперника на верховную власть, настоящаго или мнимаго Димитрія царевича. Покажи онъ явно, что ему страшно это имя, и враги не замедлятъ воспользоваться этимъ и создадутъ самозванца, если его еще нѣтъ. Надо было казаться спокойнымъ и тайно выслѣдить опасность. Борисъ зналъ, что вражда къ нему особенно сильна въ средѣ бояръ. Надъ ними надо было ему усилить тайный надзоръ. Начались подкупы слугъ и доносы...

Первый пострадалъ Богданъ Бѣльскій: его, какъ человѣка близкаго къ царевичу Димитрію, Борисъ всегда опасался. При началѣ своего царствованія онъ удалилъ этого боярина изъ Москвы, послалъ его въ украинскія степи строить городъ Царевъ-Борисовъ. Бѣльскій, устроивъ крѣпкій городъ, зажилъ въ немъ на широкую ногу, на свой счетъ снарядилъ войско, жаловалъ и ублажалъ всячески ратныхъ людей.

— „Царь Борисъ—въ Москвѣ царь, а я—царь въ Царевѣ-Борисовѣ!“ пошутилъ Бѣльскій какъ-то не въ добрый часъ.

Объ этомъ донесено было Борису. Онъ и придрался къ этому случаю, когда стали ходить слухи о спасеніи царевича Димитрія. Бѣльскаго привезли въ Москву. Царь предалъ его поруганію, велѣлъ, говорятъ, своему иноземцу-врачу выщипать у Бѣльскаго его густую и красивую бороду, которою тотъ очень гордился.

Онъ былъ сосланъ и заключенъ въ тюрьму. Посланы были въ ссылку и нѣкоторые друзья и сослуживцы его.

Затѣмъ пострадали бояре Романовы. Эти бояре, племянники царицы Анастасіи, родичи царя Ѳеодора, и притомъ любимцы народа, имѣвшіе во всякомъ случаѣ болѣе правъ на престолъ, чѣмъ Борисъ, всегда казались ему очень опасными. Устранить ихъ съ пути онъ считалъ необходимымъ; но придраться къ нимъ было трудно. Наконецъ нашелся одинъ изъ холопей, готовый за деньги клеветать на своего господина, одного изъ Романовыхъ,—Александра Никитича. Этотъ холопъ донесъ, что его господинъ замышляетъ извести царя зельемъ. Сдѣланъ былъ обыскъ въ домѣ Александра Никитича, и въ кладовой нашли мѣшокъ съ какими-то корешками, подложенный раньше самимъ доносчикомъ. Это сочли вполнѣ достаточной уликой для осужденія Александра Никитича и его родичей. Такъ разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ лѣтописецъ. Такъ ли было дѣло, или иначе, но несомнѣнно то, что Романовыхъ истязали при розыскѣ, осудили какъ измѣнниковъ, и царь приказалъ разослать всѣхъ братьевъ по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ. Старшаго и самаго даровитаго, Ѳедора Никитича, постригли въ монахи подъ именемъ Филарета и сослали въ Антоніевъ Сійскій монастырь; жену его, Ксенію Ивановну, урожденную Шестову, тоже постригли подъ именемъ Марѳы. Только двое изъ Романовыхъ, Филаретъ и Иванъ Никитичъ, пережили свое несчастіе; остальные же трое (Александръ, Михаилъ и Василій) умерли отъ лишеній и жестокости приставовъ, наблюдавшихъ за узниками. Пристава эти должны были зорко слѣдить за ними и доносить, если что узнаютъ отъ нихъ; но ничего важнаго для Бориса пристава дознаться не могли; о Филаретѣ доносили только то, что онъ жаловался на недруговъ своихъ бояръ, погубившихъ его, да сокрушался по своей семьѣ.

— „Милыя мои дѣти! говорилъ онъ, маленькія бѣдныя остаются! Кто ихъ будетъ кормить и поить? А жена моя бѣдная жива ли? Гдѣ она? Чаю, туда ее замчали, что и слухъ не зайдетъ! Мнѣ-то ужъ что надобно... То мнѣ и лихо, что жена и дѣти: какъ вспомнишь ихъ, такъ словно кто рогатиною въ сердце кольнетъ!...“

Нашлись добрые люди, которые тайкомъ приносили вѣсти Филарету о его семьѣ, женѣ и двухъ дѣтяхъ: сынѣ Михаилѣ и дочкѣ, жившихъ въ ссылкѣ съ теткой на Бѣлоозерѣ. Не предчувствовали тогда сердобольные вѣстовщики, какая блестящая участь предстоитъ этой семьѣ, разрозненные члены которой при жизни другъ друга казались уже осиротѣлыми!...

Пострадали въ эту пору и другія боярскія семьи: Пушкины были сосланы въ Сибирь; дьякъ Щелкаловъ, призывавшій народъ по смерти царя Ѳеодора къ присягѣ боярской думѣ, былъ сосланъ. Подозрительность Бориса разыгрывалась все сильнѣе и сильнѣе... Димитрій не находился. Донесли Борису только о слухахъ, что враги его, скрывающіе Димитрія, намѣреваются препроводить его въ Польшу. По западной границѣ была по приказу Бориса немедленно разставлена стража; велѣно было всѣхъ желающихъ переѣхать чрезъ рубежъ задерживать и доносить о нихъ. Всѣ знали, по словамъ одного иноземнаго писателя, что ищутъ какихъ-то важныхъ государственныхъ преступниковъ, но никому не объявляли, кого именно... Много „тѣсноты и обидъ“ тогда

испыталъ народъ, много было захвачено и перемучено людей, ни въ чемъ невиновныхъ, а тотъ, кого искалъ Борисъ, не находился! Доносчиковъ и развѣдчиковъ становилось все больше и больше: за доносы и даже за клеветы щедро награждали, и эта язва росла не по днямъ, а по часамъ. „Настала у Бориса въ царствѣ великая смута,—читаемъ въ лѣтописи,—доносили и попы, и дьяконы, и чернѣцы, и проскурницы, жены—на мужей, дѣти—на отцовъ, отцы—на дѣтей“. За доносами слѣдовали пытки, лишеніе имущества, ссылки.

Въ то время, какъ доносчики кишмя кишѣли въ Москвѣ, новыя тяжкія бѣдствія постигли наше отечество: голодъ и моровое повѣтріе. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1601 года, были неурожаи. Всю весну и лѣто 1601 г. шли проливные дожди, тепла было мало,—хлѣбъ не могъ вызрѣть, а съ 15-го августа ударилъ на него сильный утренній морозъ. Во многихъ мѣстахъ не собрали съ полей ни зерна. Хлѣбъ страшно поднялся въ цѣнѣ (она дошла въ Москвѣ до пяти рублей за четверть). Народъ сталъ голодать. Многіе мелкіе землевладѣльцы, не видя возможности прокармливать многочисленную дворню, прогоняли на всѣ четыре стороны отъ себя своихъ холоповъ, которые увеличивали толпы голодныхъ нищихъ. Въ слѣдующемъ году опять неурожай! Тогда настала такая бѣда, какой не вѣдали по словамъ современника, ни дѣды, ни прадѣды. Черный людъ и бѣдняки стали мереть съ голоду. Царь велѣлъ открыть свои житницы, продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, а бѣднякамъ раздавать деньги. Хлѣбъ и другіе припасы со дня на день дорожали. Милосердію царя, казалось, не было мѣры, а казнѣ его—конца. Ежедневно раздавалась милостыня, по свидѣтельству очевидцевъ-иностранцевъ, десятки тысячъ рублей. На бѣду, между раздающими деньги было много безсовѣстныхъ людей, которые находили возможность утягивать гроши у нищихъ, умирающихъ съ голоду: при раздачѣ милостыни являлись одѣтые въ лохмотья родичи раздающихъ, пріятели ихъ и близкіе люди и получали подаяніе, а настоящіе нищіе, калѣки, немощные и дотолпиться не могли... Несчастные ѣли сѣно, солому, собакъ, кошекъ, мышей, падаль и пр. Цѣлыми сотнями ежедневно умиралъ по улицамъ голодный и безпріютный людъ... Царь учредилъ стражу, которая должна была собирать по улицамъ и хоронить тѣла умершихъ.

Около мѣсяца шла раздача милостыни. Наконецъ, Борисъ увидѣлъ, что цѣль не достигается; что нищихъ скопляется въ столицѣ все больше и больше, усиливается и смертность. Надо было опасаться и заразы, и народнаго мятежа.

Раздача денегъ была прекращена какъ разъ въ ту пору, какъ со всѣхъ сторонъ, по всѣмъ дорогамъ, шли въ Москву толпы голодающихъ. Несчастные тысячами умирали на пути. Всѣ дороги близъ Москвы были усѣяны тѣлами умершихъ. Стали ходить ужасные слухи, будто иные, обезумѣвшіе отъ голода, пожирали человѣческое мясо... Начался страшный моръ (холера). Въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло нѣсколько сотъ тысячъ народа!...

Наконецъ, Борисъ взялся за болѣе разумныя мѣры. Послано было разыскивать по разнымъ областямъ, нѣтъ ли гдѣ хлѣбныхъ запасовъ. Въ нѣкоторыхъ южныхъ областяхъ, не пострадавшихъ отъ неурожаевъ, нашлись склады хлѣба. Его привозили въ Москву и продавали за половинную цѣну; а бѣднымъ, сиротамъ, вдовамъ и нѣмцамъ раздавали даромъ. Отыскивали безсовѣстныхъ

злоумышленниковъ, которые скрывали у себя запасы хлѣба, чтобы продать его, когда цѣна его еще возрастетъ; у такихъ хлѣбъ отбирали и продавали по дешевой цѣнѣ. Наконецъ, чтобы дать бѣдному рабочему люду заработокъ и предупредить, на сколько можно, усиленіе нищенства въ Москвѣ, царь задумалъ соорудить разныя большія постройки. Въ Кремлѣ, гдѣ стояли хоромы Грознаго, построены были новыя большія каменныя палаты. Въ это же время сооружена была высокая колокольня Ивана Великаго.

Колокольня Ивана Великаго.

Всѣ эти мѣры и заботы царя не могли остановить общаго бѣдствія: слишкомъ уже велико было оно!... Всѣхъ голодающихъ не подъ силу было прокормить царю, всѣхъ обиженныхъ не могъ онъ защитить. Во время голода господа выгоняли отъ себя цѣлыми толпами холоповъ, которыхъ не могли содержать. Этотъ безпріютный бродячій людъ вмѣстѣ съ бѣглыми крестьянами уходилъ въ Сѣверскую украину (нынѣшнія Черниговская, Курская и Орловская губерніи). Сюда скоплялось все больше и больше недовольнаго, озло-

бленнаго люда, отбившагося отъ мирнаго труда. Отъ разбойничьихъ шаекъ не было проѣзду не только въ глухихъ мѣстахъ, но и по большимъ дорогамъ, даже и подъ самою Москвою. Атаманъ одной многочисленной разбойничьей шайки Хлопка Косолапъ задумалъ даже сдѣлать дерзкій набѣгъ на столицу. Пришлось выслать противъ разбойниковъ цѣлое войско, и подъ Москвой произошло настоящее сраженіе. Разбойники бились отчаянно; царскій воевода палъ въ сраженіи, но всѣ же воины осилили; полумертвый Хлопка былъ схваченъ; разбойниковъ, думавшихъ бѣжать снова на украину, ловили и вѣшали... Но въ Сѣверской украинѣ ихъ было множество, и любой дерзкій проходимецъ могъ навербовать себѣ здѣсь цѣлыя полчища лихихъ людей, готовыхъ ради корысти на всякое дѣло. Среди этого безшабашнаго, гулящаго люда уже ходила молва о томъ, что въ Польшѣ явился царевичъ Димитрій, который намѣренъ воевать за свое отцовское наслѣдіе съ Борисомъ.

Лжедимитрій I.

Въ то время, когда русскій народъ волновался темными слухами о томъ, что царевичъ Димитрій живъ, а Борисъ учреждалъ по западной границѣ заставы и принималъ всѣ мѣры, чтобы изловить своего страшнаго врага, не выпустивъ его изъ русскихъ предѣловъ, въ Польшѣ вдругъ обнаружился тотъ, кого такъ долго и тщетно искалъ Борисъ.

Около 1601 года въ Кіевѣ явился молодой монахъ-странникъ. Онъ разсказывалъ о себѣ, что онъ вышелъ изъ Московской земли. Изъ Кіева этотъ странникъ пробрался на Волынь; здѣсь въ городѣ Гащѣ нѣсколько времени, говорятъ, онъ учился въ школѣ, набрался кое-какихъ поверхностныхъ знаній, затѣмъ побывалъ въ Запорожьѣ, гдѣ среди казаковъ скоро освоился съ военнымъ искусствомъ, сдѣлался лихимъ наѣзникомъ, такъ что по удали и ловкости не уступалъ истымъ запорожцамъ. Потомъ этотъ удалецъ попалъ на службу къ князю Адаму Вишневецкому, который, подобно всѣмъ знатнымъ магнатамъ литовскимъ и польскимъ, держалъ у себя многочисленный дворъ. Мелкіе литовскіе и польскіе дворяне, или шляхтичи, охотно шли на службу къ богатымъ вельможамъ, составляли при нихъ отряды тѣлохранителей или несли разныя домашнія должности. Широкая разгульная жизнь польской богатой знати и безумная расточительность собирала около нихъ обыкновенно множество люда, охочаго до веселой, беззаботной жизни. А Вишневецкій, владѣлецъ громадныхъ помѣстій на южной Руси, былъ еще молодъ: пиры, разгулъ, удалые потѣхи были по душѣ причудливому пану, а деньгамъ онъ и счету не зналъ; понятно, что около него толпилось множество разгульныхъ и удалыхъ людей. Въ среду ихъ попалъ и нашъ московскій выходецъ: видно, хотѣлось извѣдать и ему всѣ утѣхи богатой жизни... Былъ онъ еще очень молодъ, лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Неказистъ былъ онъ съ виду: худощавый, небольшого роста, со смуглымъ лицомъ, съ приплюснутымъ носомъ и бородавками на лбу и носу, онъ не могъ похвалиться наружностью; но голубые глаза его смотрѣли умно, часто задумчиво; голосъ его былъ пріятенъ; говорилъ онъ складно, по временамъ даже и красно, съ увлеченіемъ; а въ удали и лихомъ наѣздничествѣ не многимъ

уступалъ... Поступивъ на службу къ Вишневецкому, онъ скоро сильно занемогъ, или притворился больнымъ, слегъ въ постель и, готовясь къ смерти, попросилъ къ себѣ священника. Больного исповѣдали.

— „Если я умру,—сказалъ онъ священнику,—похороните меня, какъ хоронятъ царскихъ дѣтей."

Изумленный священникъ сталъ спрашивать, что значатъ эти слова.

— „Теперь я не скажу тебѣ,—отвѣчалъ больной,—а по смерти моей возьми у меня изъ-подъ постели бумагу и узнаешь, кто я таковъ, но и тогда знай только самъ, другимъ не разсказывай."

Священникъ не вытерпѣлъ и разсказалъ о таинственномъ слугѣ Вишневецкому. У того сильно разыгралось любопытство, и онъ самъ сталъ разспрашивать больного, но слуга молчалъ. Тогда достали бумагу изъ-подъ постели, прочли—и были поражены изумленіемъ: изъ бумаги узнали, что предъ ними—сынъ Грознаго, Димитрій, котораго считали всѣ погибшимъ отъ рукъ убійцъ!...

Приложены были всѣ усилія и попеченія, чтобы вылѣчить его, и онъ скоро выздоровѣлъ.

Вишневецкій считалъ своею обязанностью оказать ему всевозможное содѣйствіе: самолюбію тщеславнаго пана очень льстило, что между его слугами былъ русскій царевичъ, и что онъ, Вишневецкій, можетъ ему помочь занять московскій престолъ. Королю дали знать о Димитріи. Этотъ Димитрій разсказывалъ о себѣ, что отъ убійцъ, подосланныхъ Борисомъ, онъ ускользнулъ, благодаря своему пѣстуну, который подмѣнилъ его другимъ мальчикомъ, схожимъ съ нимъ, а его воспитывали въ неизвѣстности и потомъ удалили въ монастырь, чтобы вѣрнѣе сберечь отъ Бориса.

Краснорѣчивый юноша такъ живо, такъ задушевно разсказалъ о своихъ бѣдствіяхъ, о своемъ скитальчествѣ и приключеніяхъ, что возбуждалъ во всѣхъ любопытство и сочувствіе къ своей судьбѣ. Скоро онъ сталъ любопытной новинкой въ Литвѣ. Адамъ Вишневецкій повезъ его сперва къ своему брату, воеводѣ Константину Вишневецкому. Король потребовалъ, чтобы царевича привезли къ нему въ Краковъ. Константинъ Вишневецкій отправился съ нимъ къ королю; на пути заѣхалъ къ тестю своему Юрію Мнишку, Сендомирскому воеводѣ. Это былъ человѣкъ безнравственный, очень ловкій, разжившійся разными нечестными способами и въ то же время крайне тщеславный; онъ былъ въ восторгѣ, узнавши, какого гостя привезъ къ нему зять.

Сомборскій замокъ Юрія Мнишка наполнился гостями; со всѣхъ сторонъ съѣзжались они, званые и незваные, знатные и незнатные: многимъ хотѣлось взглянуть на царевича. Широко раскрывалась для всѣхъ дверь Сомборскаго замка: тщеславному Мнишку лестно было всѣмъ показать, какой гость у него. Поляки умѣли тогда и веселиться, и гостей принимать: пиръ шелъ по нѣскольку дней; изысканныя кушанья услаждали прихотливый панскій вкусъ, старое венгерское лилось рѣкой, туманило головы и развязывало языки. Шумная бесѣда, смѣхъ и веселая болтовня не прерывались. Гремѣла музыка. Послѣ обѣда начинался плясъ. Дамы и дѣвицы, роскошно наряженныя, украшали пиръ; но никто не поражалъ такъ гостей въ Сомборѣ красой и нарядомъ, какъ дочь стараго Мнишка—Марина.

Кромѣ танцевъ, великое удовольствіе гостямъ доставляла охота. Это была любимая потѣха польской знати: тутъ можно было щегольнуть и богатствомъ охотничьихъ нарядовъ, похвастать своими конями, собаками, соколами... тутъ можно было показать и свою силу, и молодечество. Не только мужчины, но и молодыя женщины, и дѣвицы выказывали свою удаль и ловкость на охотахъ. Вихремъ несясь на конѣ, въ роскошномъ полумужскомъ нарядѣ, съ развивающимися кудрями, польскія панны и пани могли на охотѣ не менѣе нравиться, чѣмъ во время танцевъ. И тутъ Марина выдѣлялась своей красотой и ловкостью. Мудрено ли, что юному царевичу сильно полюбилась и Марина, и польскіе шумные пиры, и безграничное веселье?...

Радовался старый Мнишекъ, что царевичу приглянулась его дочь; честолюбивая мечта породниться съ нимъ уже волновала тщеславнаго пана.

Но не одни Мнишки, отецъ и дочь, имѣли виды на царевича; старались его опутать своими сѣтями и іезуиты. Монашескій орденъ (община) іезуитовъ былъ учрежденъ въ 1540 г. съ цѣлью всѣми силами, правдами и неправдами, бороться съ противниками папы, возвращать снова подъ его власть отбившихся отъ него еретиковъ, и обращать въ христіанство язычниковъ и подчинять ихъ папѣ. Всѣхъ, не признававшихъ надъ собою власти его, въ томъ числѣ и православныхъ, католики считали еретиками.

Въ то время, когда явился царевичъ въ Польшѣ, здѣсь въ большой силѣ были іезуиты; самъ король слѣдовалъ во всемъ совѣтамъ ихъ. Теперь представлялся имъ удобный случай утвердиться въ Россіи; стоило только прибрать къ рукамъ русскаго царевича, обратить его въ католичество; а тамъ, когда онъ вступитъ на отцовскій престолъ, думали они, можно будетъ съ его помощью и русскую церковь мало-по-малу подчинить папѣ. Расчеты іезуитовъ были, казалось, совершенно вѣрны. Понималъ вполнѣ и Димитрій, что безъ іезуитовъ ему не удастся ничего достигнуть, и только по ихъ совѣту и по благословенію папы король рѣшился помогать ему,—только сторонникъ ихъ отдастъ свою руку прекрасная Марина, истая католичка. Для Димитрія было даже опасно возбудить неудовольствіе католическаго духовенства: король, бывшій въ рукахъ іезуитовъ, легко могъ не только отказать въ помощи ему, но даже выдать его Борису. Все это заставило Димитрія искать покровительства католическаго духовенства; даже есть извѣстіе, будто онъ тайкомъ принялъ католичество. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ дать обѣщаніе подчинить восточную православную церковь папѣ.

Послѣ этого устроено было свиданіе царевича съ королемъ Сигизмундомъ. Димитрій разсказалъ ему свою исторію, выставилъ на видъ опасность, какая и до сихъ поръ грозитъ ему отъ Бориса, и просилъ помощи. Король, конечно, понялъ, что можно извлечь большія выгоды при этомъ случаѣ: можно будетъ, оказавъ помощь русскому царевичу, въ случаѣ его удачи, уладить разъ навсегда съ нимъ всякіе споры о границахъ и несогласія, а въ случаѣ неудачи, все же внести смуту въ Русскую землю и ослабить ее. Дѣло было выгодно, съ какой стороны ни посмотри на него; но все же король не могъ рѣшиться открыто помогать Димитрію. Вопросъ о войнѣ могъ быть разрѣшенъ лишь на сеймѣ; король оказалъ только негласную помощь: далъ Димитрію порядочное ежегодное содер-

жаніе (40 тысячъ злотыхъ) и позволилъ набирать себѣ воиновъ изъ вольныхъ шляхтичей. Пришлось Димитрію довольствоваться и этимъ.

Мнишекъ привезъ торжественно царевича къ себѣ въ Сомборъ и сталъ для него собирать войско изъ шляхты. Царевичъ предложилъ Маринѣ руку. Предложеніе его было принято, но свадьба была отложена до его воцаренія.

Мнишекъ навербовалъ для Димитрія до 1600 человѣкъ всякаго сброда, падкаго до наживы. Съ этимъ отрядомъ, казалось бы, не стоило и дѣла начинать; но Димитрій и его помощники понимали, что главная сила его въ Россіи. И дѣйствительно, еще до перехода его чрезъ границу, къ нему уже стали являться московскіе бѣглецы, искать службы и милости у „истиннаго царевича"; затѣмъ донскіе казаки откликнулись на призывъ его... Изъ Сомбора онъ писалъ грамоты къ московскому народу: онѣ шли въ Россію въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ. Народъ волновался. Слухи о царевичѣ и призывныхъ грамотахъ быстро разлетались по Русской землѣ.

Когда вѣрные слухи о появленіи въ Польшѣ Димитрія дошли до Бориса, онъ прямо объявилъ въ думѣ, что это — дѣло бояръ, что они выставили самозванца. Противъ него принимались разныя мѣры. Отправлены были грамоты къ королю, вельможамъ и пр. съ заявленіемъ, что называющій себя царевичемъ Димитріемъ — самозванецъ; что, на самомъ дѣлѣ, онъ—бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ. Въ Москвѣ патріархъ и кн. Василій Ивановичъ Шуйскій убѣждали простой народъ не вѣрить розсказнямъ о царевичѣ. Гришку Отрепьева стали проклинать по церквамъ; но это мало дѣйствовало на народъ.

— „Пусть проклинаютъ Гришку,—говорили въ народѣ,—царевичу до Гришки никакого дѣла нѣтъ!"

Кто былъ отважный искатель престола, шедшій во главѣ горсти всякаго сброда отнимать корону у Бориса,—это до сихъ поръ дѣло темное.

Нѣкоторые думаютъ, что явившійся въ Польшѣ царевичъ Димитрій былъ дерзкій самозванецъ и полагаютъ, что на самомъ дѣлѣ это былъ бѣглый инокъ Гришка Отрепьевъ, родомъ изъ мелкихъ дворянъ; скорѣе можно предположить, что бояре, враги Бориса, убѣдили какого-нибудь безроднаго, но честолюбиваго и предпріимчиваго юношу въ томъ, что онъ—царевичъ Димитрій, а тотъ съ полной вѣрой въ правоту своего дѣла шелъ на Бориса. Съ другой стороны, несомнѣнно, что истинный царевичъ Димитрій былъ убитъ въ Угличѣ, и соперникъ Бориса былъ Лжедимитрій, хотя самъ и не сознавалъ этого.

16-го октября 1604 г. Лжедимитрій съ небольшимъ своимъ отрядомъ перешелъ Днѣпръ и вступилъ въ русскіе предѣлы. Борису онъ послалъ письмо, которымъ извѣщалъ его о своемъ спасеніи, требовалъ, чтобы онъ добровольно оставилъ престолъ и удалился въ монастырь и за то обнадеживалъ его своимъ милосердіемъ къ нему и къ семейству его и забвеніемъ его злого умысла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ тайно разосланы были грамоты воеводамъ, дьякамъ, гостямъ и чернымъ людямъ. Въ грамотахъ говорилось о чудесномъ спасеніи царевича при Божіей помощи отъ злодѣйскаго умысла Годунова. Затѣмъ находимъ здѣсь такое призваніе:

„Вспомните наше прирожденіе (происхожденіе), православную христіанскую истинную вѣру и крестное цѣлованіе, на чемъ вы цѣловали крестъ

отцу нашему блаженной памяти государю, и великому царю, и великому князю всея Руси, и намъ, дѣтямъ его,—хотѣть во всемъ добра; отложитесь нынѣ отъ измѣнника Бориса Годунова къ намъ и впредь служите, прямите и добра хотите намъ, государю своему прироженному, какъ отцу нашему, а я стану васъ жаловать по своему царскому милосердному обычаю, и буду васъ въ чести держать, ибо мы хотимъ учинить все православное христіанство въ тишинѣ и покоѣ и благоденственномъ житіи".

Первый городъ въ Московской землѣ, который пришлось взять Лжедимитрію, былъ Моравскъ. Грамоты подняли здѣсь мятежъ: жители и ратные люди кричали, что они не хотятъ знать Бориса, а желаютъ служить законному государю, Димитрію Ивановичу. Воеводы стали было противиться народному желанію; ихъ связали, а Димитрію было послано заявить, что городъ сдается ему по доброй волѣ.

Затѣмъ взятъ былъ Черниговъ послѣ незначительной перестрѣлки съ казаками. Сёла и деревни въ Сѣверскомъ краю съ радостью подчинились Лжедимитрію. Жители не только не разбѣгались, когда приближалось его войско, но выходили навстрѣчу, съ умиленіемъ глядѣли на своего царя, чудесно спасеннаго Богомъ, громко кричали ему „многая лѣта!"

11-го ноября отрядъ Лжедимитрія подошелъ къ Новгородъ-Сѣверску. Здѣсь впервые онъ встрѣтилъ отпоръ. Воеводой въ городѣ былъ умный, храбрый и хорошо знавшій ратное дѣло Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ; онъ сумѣлъ забрать въ свои руки и знатныхъ людей, и простыхъ; напрасно пытались убѣдить его сдаться; напрасны были и всѣ попытки силою взять городъ. Поляки подъѣзжали къ стѣнамъ, убѣждали осажденныхъ сдаться, грозили истребить и старыхъ, и малыхъ, если они будутъ еще противиться.

— „Убирайтесь,—кричалъ имъ со стѣны Басмановъ,—у насъ государь царь и великій князь всея Руси Борисъ Ѳеодоровичъ въ Москвѣ; а вашъ Димитрій—воръ и измѣнникъ!"

Пушки у Басманова были хорошія, пушкари стрѣляли изъ нихъ довольно мѣтко и перебили да перекалѣчили немало народу. Поляки, охочіе болѣе до грабежа и разгула, чѣмъ до упорной войны, утомились долгой осадой и уже начали роптать. Между тѣмъ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ стойко держался, другіе города сами добровольно переходили въ подданство Лжедимитрію, котораго считали своимъ законнымъ государемъ.

19-го ноября пришла къ нему вѣсть, что Путивль слается со всѣмъ своимъ уѣздомъ, и путивляне связали своихъ воеводъ, хотѣвшихъ измѣнить Борису. 24-го ноября— прискакалъ гонецъ изъ Рыльска съ радостною вѣстью, что тамъ признали Димитрія царемъ.

Не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ новая радость: цѣлая Комарницкая волость сдалась съ городомъ Сѣвскомъ, а воеводы схвачены. Черезъ недѣлю Курскъ призналъ Димитрія; на другой день сдались Кромы; затѣмъ Бѣлгородъ. Войско Лжедимитрія росло съ каждымъ днемъ; оно уже доходило до 15 тысячъ: русскіе служилые люди Сѣверской области и казаки охотно шли на службу къ щедрому царевичу... Но Новгородъ-Сѣверскъ упорно держался, благодаря Басманову. На выручку осажденныхъ послана была рать, подъ началь-

ствомъ князя Мстиславскаго, самаго знатнаго изъ бояръ, но плохого вождя. На бѣду для Бориса, уже и среди ратныхъ людей замѣчалась „шатость“, начинали и здѣсь поговаривать о томъ, что Димитрій—настоящій царевичъ.

Несмотря на то, что рать, присланная царемъ, втрое превосходила отрядъ Лжедимитрія, онъ немедля началъ бой и разбилъ Мстиславскаго: у русскихъ, по выраженію современника, „не было рукъ“ для битвы съ тѣмъ, кого они считали своимъ законнымъ государемъ. На помощь раненому Мстиславскому былъ посланъ Василій Ивановичъ Шуйскій, который незадолго передъ тѣмъ, въ угоду Борису, въ Москвѣ предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовалъ о смерти настоящаго царевича Димитрія... Отважный Лжедимитрій напалъ снова на царское войско 21-го января 1605 года при Добрыничахъ, недалеко отъ города Сѣвска, но, несмотря но всю свою храбрость, понесъ полное пораженіе. Его отрядъ сильно пострадалъ отъ пушекъ, которыхъ было много у Шуйскаго. Положеніе Лжедимитрія было очень плохо. Поляки еще подъ Новгородъ-Сѣверскимъ убѣдились, что дѣло не обойдется безъ упорной борьбы, стали роптать и требовать жалованья. Лжедимитрій не могъ удовлетворить ихъ; поднялся мятежъ, и многіе поляки ушли отъ него. Теперь же, послѣ пораженія, казалось, затѣя Лжедимитрія кончится печально для него. Онъ заперся въ Путивлѣ и подумывалъ было бѣжать въ Польшу; но въ это время ему явилась помога: на службу къ нему пришли четыре тысячи донскихъ казаковъ. Царскіе воеводы дѣйствовали вяло—упустили удобный случай окончательно уничтожить противника и дали ему возможность снова окрѣпнуть. Царь былъ недоволенъ своими воеводами, они не могли взять даже небольшой крѣпости Кромы, гдѣ заперлись донскіе казаки со своимъ атаманомъ Корелою: видно было, что бояре ведутъ дѣло нехотя, „норовя окаянному Гришкѣ“, какъ говорили современники. Но все-таки дѣла Лжедимитрія были плохи; въ Польшѣ начинали уже остывать къ его предпріятію; еще одна-двѣ неудачи, и онъ бы погибъ. Но теперь болѣе хлопотали о его дѣлѣ русскіе, враги Бориса, перешедшіе на сторону Лжедимитрія. Да и какъ имъ было не хлопотать?—кончись неудачей его затѣя, и они изъ приближенныхъ слугъ царя обращались въ жалкихъ бѣглецовъ, и вмѣсто богатыхъ и великихъ милостей на долю ихъ выпадало бездомное скитальчество, бѣдность и презрѣніе. Къ счастью Лжедимитрія, въ царскомъ войскѣ было немало тайныхъ доброхотовъ его, а воеводы, видимо, не хотѣли воспользоваться всѣми своими силами, щадили его, а между тѣмъ въ царскомъ войскѣ начались болѣзни, наконецъ, открылась сильная смертность.

Борисъ съ каждымъ днемъ все больше и больше опускался... Ему доносили тайно, что въ войскѣ „шатость“. На вѣрность своихъ воеводъ онъ положиться не могъ... Зловѣщія предчувствія томили его. Онъ даже обращался къ ворожеямъ и гадателямъ. Тѣ дѣлали ему двусмысленныя и мрачныя предсказанія, и душевная тревога его становилась еще сильнѣе... По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ запершись, а сына посылалъ по церквамъ молиться. Говорятъ, что разъ царь призвалъ къ себѣ Басманова, въ порывѣ отчаянія цѣловалъ предъ нимъ крестъ, завѣряя, что называющій себя Димитріемъ не истинный царевичъ, а обманщикъ, умолялъ Басманова добыть злодѣя, обѣщалъ даже, по

словамъ одного современника, выдать свою дочь за Басманова, дать за нею въ приданое Казань, Астрахань, Сибирь, лишь бы только тотъ избавилъ его отъ страшнаго соперника. Басмановъ, конечно, всячески старался увѣрить царя въ своей преданности и готовности ему служить, но въ то же время умнаго и честолюбиваго воеводу брало раздумье: чѣмъ больше Борисъ выказывалъ страха предъ Лжедимитріемъ, тѣмъ въ глазахъ Басманова сильнѣе выигрывалъ послѣдній, съ каждымъ днемъ могущество царя падало. Увѣренность въ своихъ силахъ и способность къ борьбѣ у него съ каждымъ днемъ слабѣли.

Борисъ понялъ, что на воеводъ и на войско плоха надежда, и рѣшился злодѣйствомъ покончить со своимъ соперникомъ,—подослалъ къ нему въ Путивль трехъ монаховъ съ зельемъ, чтобы извести его; но умыселъ былъ открытъ. Это, конечно, должно было въ глазахъ всѣхъ сильно повредить Борису...

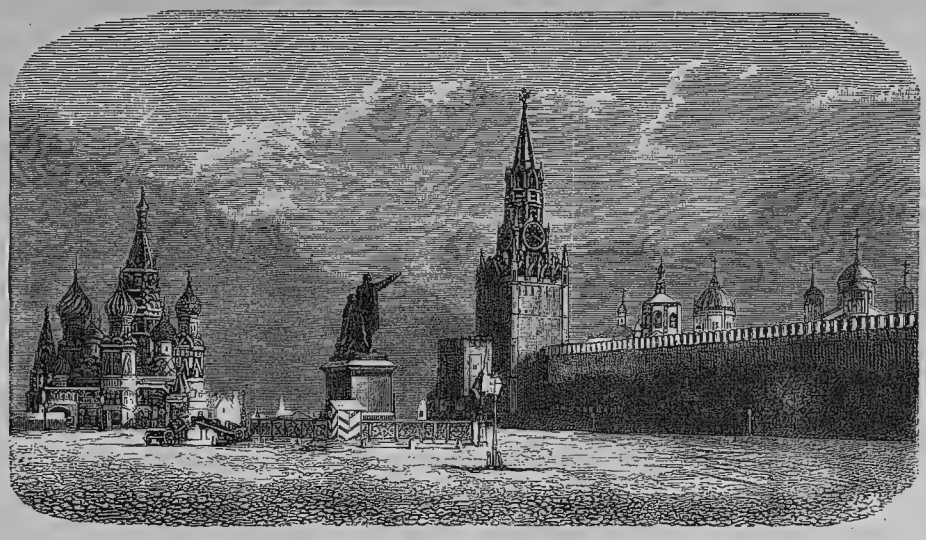
Но 13-го апрѣля не стало его.

Въ этотъ день онъ всталъ здоровымъ, казался бодрымъ и веселымъ, за столомъ ѣлъ охотно и много... Послѣ обѣда онъ взошелъ на вышку, съ которой часто любовался Москвою. Вдругъ онъ спустился оттуда и сказалъ, что ему дурно, и что онъ чувствуетъ сильное колотье... Бросились за врачомъ. До прихода его, царю стало хуже. Приближенные заговорили съ нимъ о томъ, какъ быть царству...

— „Какъ Богу угодно и земству!“ проговорилъ царь.

Тутъ у него вдругъ хлынула кровь изъ носа и изъ ушей, и онъ упалъ безъ чувствъ. Прибѣжали патріархъ и духовенство, едва успѣли пріобщить умирающаго; кое-какъ, наскоро, совершили надъ полумертвымъ обрядъ постриженія и нарекли его Боголѣпомъ. Около трехъ часовъ пополудни царь скончался.

Скоропостижная смерть его поразила всѣхъ. Народу объявили о ней только на слѣдующій день. По Москвѣ стала ходить молва, будто Борисъ самъ отравилъ себя ядомъ въ припадкѣ угрызеній совѣсти и отчаянія. Слухъ объ отравѣ пошелъ отъ врачей-нѣмцевъ, лѣчившихъ царя: лицо мертваго, изуродованное предсмертными судорогами и почернѣлое, казалось, подтверждало этотъ слухъ.



Красная площадь въ Москвѣ.

IV.

Смутное время.

Царь Ѳеодоръ Борисовичъ.

Измѣна Басманова и гибель Годунова.

Въ тяжелую пору пришлось вступить на престолъ юному сыну Бориса. Жители Москвы по призыву патріарха спокойно присягнули Ѳеодору Борисовичу и его матери, при чемъ клялись: „къ вору“, который называется княземъ Димитріемъ Углицкимъ, не приставать, съ нимъ и съ его совѣтниками не ссылаться ни на какое „лихо“ и т. д.

Новому царю было всего шестнадцать лѣтъ. Здоровый, бѣлолицый, румяный, красивый, съ черными глазами, юноша-царь могъ нравиться всѣмъ своей наружностью. Способный отъ природы, умный, начитанный, онъ могъ бы стать замѣчательнымъ государемъ; но былъ онъ сыномъ того, кто, по взгляду народа, пытался сгубить царскую отрасль, кто незаконно захватилъ престолъ, кто еще почти наканунѣ своей смерти подсылалъ снова убійцъ, и кого такъ нежданно поразилъ Божій судъ. А въ то же время въ Путивлѣ находился тотъ, кого считали законнымъ наслѣдникомъ престола, тотъ, кого чудесно хранилъ Божественный Промыслъ отъ злодѣйскихъ покушеній и всѣхъ военныхъ силъ Бориса. Такъ вѣрили очень многіе въ народѣ, и вѣра эта все росла и росла. Въ войскѣ уже зрѣла измѣна... Несчастному Ѳеодору Борисовичу не сдобровать было среди такихъ обстоятельствъ. Новое правительство послало начальствовать надъ войскомъ, вмѣсто прежнихъ вождей,—Басманова; на него, каза-

лось, Годуновы могли вполнѣ положиться: онъ былъ возвышенъ Борисомъ и осыпанъ его милостями, а знаніе ратнаго дѣла, мужество и способности настоящаго вождя онъ выказалъ при оборонѣ Новгородъ-Сѣверска. Басмановъ прибылъ въ станъ. Немного времени нужно было ему, чтобы замѣтить въ войскѣ общую шаткость умовъ и склонность къ Димитрію. Когда стали приводить ратныхъ людей къ присягѣ Ѳеодору, то нашлось много воиновъ, не хотѣвшихъ цѣловать ему крестъ. Не долго думалъ Басмановъ, какъ ему быть. Честолюбіе и личныя выгоды заговорили въ немъ сильнѣе совѣсти; понялъ онъ, что дни Годуновыхъ сочтены, что служить имъ значитъ подвергать себя напрасной опасности, что свои же воины могутъ его связаннаго выдать Лжедимитрію,— сообразилъ все это Басмановъ и рѣшился измѣнить сыну своего благодѣтеля,— отправилъ къ Димитрію письмо съ извиненіемъ, что такъ долго служилъ Борису.

„Я, писалъ Басмановъ, никогда не былъ измѣнникомъ и не хочу разоренія своей землѣ... Теперь всемогущій Промыслъ открылъ многое; притомъ, самъ ближній Бориса, Семенъ Никитичъ Годуновъ, сознался мнѣ, что ты— истинный царевичъ. Теперь вижу я, что Богъ покаралъ насъ и мучительствомъ Борисовымъ, и боярскимъ нестроеніемъ, и бѣдствіями Борисова царствованія за то, что Борисъ не по праву держалъ престолъ, когда былъ истинный наслѣдникъ. Отнынѣ я готовъ служить тебѣ, какъ подобаетъ!“

7-го мая было объявлено всему войску, что Димитрій истинный царь. Полки, уже раньше подготовленные къ переходу на сторону Димитрія, безъ сопротивленія провозгласили его государемъ; не много нашлось такихъ, которые не согласились нарушить крестное цѣлованіе Ѳеодору Борисовичу; они бѣжали въ Москву съ двумя воеводами, кн. Ростовскимъ и кн. Телятевскимъ.

14-го мая явился въ Путивль князь Иванъ Голицынъ съ выборными лицами отъ всѣхъ полковъ молить государя о прощеніи за то, что они „по невѣдѣнію стояли противъ него, своего прироженнаго государя“.

Димитрій принялъ выборныхъ очень привѣтливо, ласково ободрялъ ихъ и вполнѣ прощалъ за ихъ невольную вину, службу Борису по невѣдѣнію. Лаской и привѣтомъ Димитрій обворожилъ своихъ новыхъ слугъ. Особенно радушно отнесся онъ къ Басманову, когда тотъ явился къ нему съ повинной. Басмановъ, увидѣвъ, что Димитрій высоко цѣнитъ его преданность и умъ, всѣмъ сердцемъ привязался къ новому своему государю и сталъ ближайшимъ его совѣтникомъ. Часть войска, перешедшаго на сторону Димитрія, была распущена по домамъ, а другая часть должна была оставаться подъ оружіемъ, пока не покорится Москва. Теперь движеніе Димитрія на Москву походило на торжественный въѣздъ побѣдителя: когда онъ подъѣзжалъ къ городу Орлу, воеводы, духовенство, народъ и часть войска встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, съ образами; со всѣхъ колоколенъ радостно трезвонили.

— „Буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!“ отовсюду слышались неумолкаемые радостные клики.

Изъ Орла Димитрій отправился въ Тулу. На пути всюду въ деревняхъ и селахъ встрѣчали его радостно, съ хлѣбомъ и солью. На Окѣ явились къ нему выборные отъ всей Рязанской земли, били ему челомъ и выражали полную готовность жертвовать ему, своему государю, жизнью и имуществомъ.

Въ Москвѣ между тѣмъ скоро по смерти царя начались въ народѣ волненія,—народъ требовалъ возвращенія сосланныхъ Борисомъ людей, а болѣе всего матери Димитрія. Объяви всенародно инокиня Марѳа (Марія Нагая), что ея сына нѣтъ въ живыхъ,—Годуновы были бы спасены; но они, конечно, были вполнѣ увѣрены, что Марѳа, пострадавъ отъ Бориса, и питая непримиримую вражду ко всѣмъ имъ, не скажетъ этого. Въ угоду москвичамъ воротили изъ ссылки князя Ивана Михайловича Воротынскаго. Василій Ивановичъ Шуйскій снова громогласно увѣрялъ народъ, что Димитрія царевича нѣтъ на свѣтѣ, а называющій себя этимъ именемъ — бѣглый монахъ, разстрига. Слова Шуйскаго, котораго въ Москвѣ уважали, на время, казалось, уняли волненіе народа; но все-таки многіе требовали, чтобы привезли въ Москву мать Димитрія, чтобы она порѣшила это дѣло...

Около половины мая появились въ Москвѣ ратные люди изъ-подъ Кромъ, не пожелавшіе измѣнить Ѳеодору Борисовичу; прибыли, наконецъ, и князья Ростовскій и Телятевскій. Вѣсть о переходѣ всего войска на сторону Димитрія была смертнымъ приговоромъ несчастному Ѳеодору Борисовичу.

Годуновы были ошеломлены этой вѣстью, растерялись, не знали, что и дѣлать; приказывали только ловить, пытать и казнить опасныхъ для себя вѣстовщиковъ и распространителей Димитріевыхъ грамотъ. Народъ, предъ тѣмъ волновавшійся и шумѣвшій, казалось, притихъ; но это было зловѣщее затишье предъ бурей. 31-го мая по распоряженію правительства стали вставскивать на стѣны пушки,—готовились, какъ видно, къ оборонѣ столицы; но ратные люди работали вяло, неохотно, а въ толпѣ, глазѣвшей на нихъ, многіе посмѣивались... Болѣе дальновидные люди чуяли бѣду отъ московской черни и торопились припрятать свои драгоцѣнности и деньги по монастырямъ.

1-го іюня явились подъ Москвою, въ Красномъ селѣ, послы Димитрія—Пушкинъ и Плещеевъ съ грамотой къ москвичамъ. Красносельцы, по большей части богатые купцы и ремесленники, не любили Годуновыхъ и радушно приняли пословъ. Ударили въ колоколъ; сбѣжалась толпа. Прочтена была грамота Димитрія. Толпа громкими криками привѣтствовала посланцевъ.

— „Въ городъ, въ городъ!“ раздавались голоса, и громадная толпа, окруживъ пословъ, двинулась за ними въ Москву, остановилась на Красной площади. Звономъ колоколовъ и тутъ созвали народъ. Онъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ на площадь, и скоро она такъ наполнилась людьми, что протѣсниться сквозь толпу не было никакой возможности.

Вышедшіе изъ Кремля бояре, дьяки и стрѣльцы ничего подѣлать не могли.

— „Что за сборище и мятежъ? громко говорили они народу.—Хватайте воровскихъ посланцевъ и ведите ихъ въ Кремль, пусть тамъ они покажутъ, съ чѣмъ пріѣхали!“

Въ отвѣтъ на это поднялись неистовые крики народа; онъ требовалъ, чтобы посланцы прочли съ Лобнаго мѣста грамоту. Одинъ изъ нихъ сталъ читать ее. На площади водворилась тишина.

Грамота была обращена къ боярамъ, дьякамъ, торговымъ людямъ и ко всему народу.

„Вы думали, говорилось между прочимъ въ ней,—что мы убиты измѣн-

никами, и когда разнесся слухъ по всему государству Русскому, что по милости Бога мы идемъ на православный престолъ родителей нашихъ, вы, бояре, воеводы и всякіе служебные люди, по невѣдѣнію стояли противъ насъ, великаго государя. Я, государь христіанскій, по своему милосердному обычаю гнѣва на васъ за то не держу, ибо вы такъ учинили по невѣдѣнію и отъ страха"...

Далѣе въ грамотѣ говорилось, что Димитрій идетъ съ большимъ войскомъ, что русскіе города бьютъ ему челомъ. Затѣмъ напоминалось о жестокости и несправедливости Бориса и давались обѣщанія всякихъ благъ и льготъ. Въ концѣ грамоты была и угроза: „А недобьете челомъ нашему царскому величеству и не пошлете просить милости, то дадите отвѣтъ въ день праведнаго суда, и не избыть вамъ отъ Божія суда и отъ нашей царской руки".

Когда грамота была прочтена, поднялись въ толпѣ шумный говоръ, крики и споры. Одни кричали: „Будь здравъ, Димитрій Ивановичъ!" другіе стояли за Годуновыхъ, недоумѣвая, настоящій ли царевичъ тотъ, кто прислалъ къ нимъ грамоту, или самозванецъ.

Изъ толпы раздались крики:

— „Шуйскаго, Шуйскаго! Онъ разыскивалъ, когда царевича не стало. Пусть скажетъ теперь по правдѣ, точно ли царевича похоронили въ Угличѣ!..."

Шуйскій взошелъ на Лобное мѣсто. Воцарилась мертвая тишина. Народъ, казалось, замеръ въ ожиданіи, что̀ скажетъ бояринъ. Въ его рукахъ была теперь судьба Годуновыхъ.

— „Борисъ послалъ убить Димитрія царевича, раздался голосъ Шуйскаго,—но царевича спасли, а вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ!"

Понялъ ли лукавый Шуйскій, что спасти Годуновыхъ уже нельзя, думалъ ли, отдавая ихъ въ жертву народной ярости, спасти себя и свои выгоды, услужить Лжедимитрію,—во всякомъ случаѣ слова его были приговоромъ для несчастной семьи Годунова.

— „Долой Годуновыхъ!—заревѣла толпа, всѣхъ ихъ и доброхотовъ ихъ искоренить! Бейте, рубите ихъ!... Здравъ буди, Димитрій Ивановичъ!"

Толпа хлынула въ Кремль, ворвалась во дворецъ. Защищать Годуновыхъ было некому. Стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у дворца, отступились при видѣ громадной бушующей толпы. Ѳеодоръ кинулся въ тронную палату и сѣлъ на престолъ. Понадѣялся, видно, онъ, что народъ не осмѣлится наложить рукъ на своего царя, когда увидитъ его во всемъ величіи на тронѣ. Трепещущая царица и царевна Ксенія стояли съ иконами въ рукахъ, словно со щитами противъ ярости народной.

Но Ѳеодоръ Борисовичъ былъ уже въ глазахъ народа не царь, а „измѣнникъ Ѳедька", не по праву сѣвшій на престолъ. Несчастнаго Годунова стащили съ престола. Царица въ отчаяніи, забывъ о своемъ царскомъ санѣ, рыдала и униженно молила всѣхъ не губить ея дѣтей. Народъ не хотѣлъ ихъ смерти. Годуновыхъ отвезли изъ царскаго дворца въ домъ, гдѣ жилъ Борисъ, когда онъ былъ еще бояриномъ. Къ дому приставили стражу. Расходившаяся чернь уже не знала удержу и предалась грабежу и разгулу. Царскій дворецъ былъ опустошенъ: все въ немъ ломали, портили, грабили, говоря, что Борисъ осквернилъ его. Пострадали въ эту пору и всѣ люди, близкіе къ семьѣ Годуновыхъ:

дома ихъ разбивали, имущество грабили, челядь разгоняли... Бросились толпы черни и на жилища нѣмецкихъ лѣкарей, которыхъ особенно жаловалъ Борисъ Годуновъ. Вмигъ были расхищены пожитки и богатства, которые копили эти иноземцы въ теченіе многихъ лѣтъ, пользуясь щедротами царя. Толпы кидались на дома, выламывали двери, замки, расхищали деньги, утварь, платье, уводили лошадей и скотъ. Особенно радовалась чернь, когда добиралась до погребовъ, гдѣ хранились многолѣтніе меды и заморскія вина. Выбивали въ бочкахъ дно и черпали вино и медъ, кто чѣмъ могъ, горстями, шапками, даже сапогами. До глубокой ночи шелъ страшный грабежъ и неистовый разгулъ. Хотя народъ „душъ не губилъ“, т.-е. не убивалъ никого, но многихъ людей, считавшихся раньше богатыми, пустилъ по міру...

3-го іюня поѣхали въ Тулу къ Димитрію выборные отъ Москвы,— князья Воротынскій и Телятевскій, съ повинной грамотой отъ всей столицы. Москвичи просили прощенія у царя, приглашали его на престолъ, заявляли о своемъ вѣрноподданствѣ и извѣщали, что Годуновыхъ уже нѣтъ на престолѣ.

Въ Москву явились отъ имени царя для предварительныхъ распоряженій князья Голицынъ и Мосальскій. Патріархъ Іовъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ Старицкій монастырь. Родичи царя Бориса и близкіе люди были разосланы по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ въ заточеніе. Затѣмъ, желая угодить новому царю, совершили звѣрскую расправу надъ несчастными Годуновыми. Царицу Марію удавили веревкой. Ѳеодоръ Борисовичъ, обладая большой силой, долго боролся съ убійцами; но и съ нимъ покончили такъ же, какъ съ матерью его. Народу было объявлено, что Годуновы, мать и сынъ, со страху сами отравились. Царевна Ксенія осталась въ живыхъ, чтобы испытать безотрадную участь. Ее потомъ постригли въ монахини. Не оставили въ покоѣ даже и тѣла царя Бориса,—вырыли изъ могилы въ Архангельскомъ соборѣ, положили въ простой гробъ и похоронили вмѣстѣ съ женою и сыномъ въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ.

Царствованіе Лжедимитрія I (1605—1606).

Еще находясь въ Тулѣ, Лжедимитрій началъ управлять государствомъ. Первой его заботой было прекратить смуту и мятежи, которые тогда повсюду кипѣли, особенно въ народѣ, противъ помѣщиковъ и властей. Въ грамотѣ своей, разосланной по всему государству, новый царь строго наказывалъ, „чтобы не было въ людяхъ шатости, убійства и грабежа“, а кто въ чемъ обиженъ, обращались бы къ нему; приказано было также позаботиться о казнѣ, собирать подати безъ всякой отсрочки и поблажки. Новый царь заботился и о томъ, чтобы поддержать торговлю съ англичанами, велѣлъ вернуть англійскаго посла, который въ это время уже уѣхалъ въ Архангельскъ съ грамотою отъ Бориса, и обѣщалъ ему свою дружбу къ Англіи и новыя торговыя выгоды для ея купцовъ въ Россіи.

20-го іюня новый царь торжественно вступилъ въ Москву. Ярко сіяло солнце. Улицы, заборы, крыши, колокольни, башни были полны народомъ.

Разноцвѣтныя, пестрыя, праздничныя одежды и уборы придавали веселый видъ толпѣ.

Прежде всего показались конные польскіе отряды въ блестящихъ латахъ; среди нихъ ѣхали трубачи и барабанщики; затѣмъ выступали рядами стрѣльцы по два въ рядъ; далѣе слѣдовали раззолоченныя царскія кареты; въ каждую было запряжено по шести прекрасныхъ лошадей. За каретами ѣхали верхами бояре и дворяне въ праздничныхъ, богатыхъ кафтанахъ; ихъ воротники, вышитые золотомъ и унизанные жемчугомъ, сверкали на солнцѣ. За ними шла московская военная музыка; накры и бубны оглушительно гремѣли. За служилыми людьми несли церковныя хоругви, а потомъ шло духовенство съ образами, крестами и Евангеліемъ, блистая своими ризами. Наконецъ, за духовенствомъ показался тотъ, кого Москва встрѣчала, какъ своего законнаго и желаннаго царя. Онъ ѣхалъ медленно на превосходномъ бѣломъ конѣ. Царская одежда его поражала своимъ блескомъ; на шеѣ было драгоцѣнное ожерелье. При видѣ царя народъ падалъ ницъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались громкіе крики:

— „Вотъ онъ, нашъ батюшка-кормилецъ!“

— „Здравствуй, отецъ нашъ, государь Всероссійскій! Даруй тебѣ Боже многія лѣта!“

— „Солнышко ты наше! взошло ты надъ землей Русской!“

Такъ кричалъ народъ; а царь, обращаясь то въ ту, то въ другую сторону, говорилъ:

— „Боже, храни мой народъ! Молитесь Богу за меня, мой вѣрный и любезный народъ!“

Когда царь вступилъ на Москворѣцкій мостъ, вдругъ поднялся такой страшный вихрь, что всадники едва усидѣли на коняхъ; пыль взвилась столбомъ и на нѣсколько мгновеній ничего не стало видно. Суевѣрные люди крестились и говорили, что это дурной знакъ...

Медленно подвигалась процессія впередъ. Наконецъ, въѣхали въ Китай-городъ, и передъ глазами всѣхъ открылся Кремль. Царь заплакалъ, снялъ шапку съ головы, перекрестился и громко воскликнулъ:

— „Господи Боже, благодарю Тебя! Ты сохранилъ меня и сподобилъ узрѣть градъ отцовъ моихъ и народъ мой возлюбленный.“

Слезы текли по щекамъ царя отъ умиленія; плакалъ и народъ. Радостно гудѣли колокола кремлевскихъ церквей.

Царь подъѣхалъ къ Лобному мѣсту. Здѣсь духовенство ждало его съ образами. Запѣли пѣвчіе; но въ эту минуту, какъ на грѣхъ, польскіе музыканты заиграли на трубахъ, застучали въ литавры и заглушили церковное пѣніе. Очень это оскорбило народъ. Не понравилось также нѣкоторымъ, что царь прикладывался къ образамъ и крестамъ какъ-то иначе, чѣмъ истые москвичи. Возмущался православный людъ и тѣмъ, что вслѣдъ за царемъ входили въ Успенскій и Архангельскій соборъ „поганые католики и люторы“ и стояли тамъ неблагочинно, не знаменовались крестомъ, не преклонялись предъ иконами. Но всѣ умилились, когда царь припалъ ко гробу Грознаго и проливалъ обильныя слезы; у всѣхъ, видѣвшихъ это, должно было, казалось

бы, исчезнуть всякое сомнѣніе въ томъ, сынъ ли Грознаго новый царь: такъ плакать, какъ онъ, могъ только сынъ у гроба своего отца.

Послѣ посѣщенія церквей Димитрій вступилъ во дворецъ, и здѣсь его поздравляли бояре и сановники съ новосельемъ.

Но, видно, доброхоты его чувствовали, что въ Москвѣ не совсѣмъ-то ладно; видно, понадобилось бороться со слухами, враждебными для царя. Богданъ Бѣльскій, бывшій дядька царевича Димитрія, возвращенный изъ ссылки еще Ѳеодоромъ Борисовичемъ, вышелъ къ народу и съ Лобнаго мѣста произнесъ рѣчь, славилъ Бога за спасеніе государя, убѣждалъ народъ вѣрно служить новому царю, истинному сыну Ивана Васильевича. Въ удостовѣреніе своихъ словъ Бѣльскій снялъ съ груди крестъ и цѣловалъ его передъ всѣмъ народомъ.

— „Берегите и чтите своего государя!“ воскликнулъ Бѣльскій.

— „Богъ да сохранитъ царя-государя и погубитъ всѣхъ враговъ его!“ закричалъ народъ въ отвѣтъ.

Въ Москвѣ тогда, говорятъ, ходилъ слухъ, что Богданъ Бѣльскій, удаленный отъ двора при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, смекнулъ, что царевичу Димитрію грозитъ бѣда отъ Годунова, вошелъ въ тайныя сношенія съ матерью царевича, и маленькаго Димитрія скрыли, а вмѣсто него поставили очень похожаго на него ребенка, сына священника,—такимъ образомъ народная молва объясняла спасеніе Димитрія.

Въ первые же дни послѣ своего воцаренія новый царь сталъ передѣлывать придворные порядки на польскій ладъ: вмѣсто прежнихъ придворныхъ сановниковъ, явились великій дворецкій, оружничій, мечникъ и проч.; боярскую думу царь назвалъ „сенатомъ“. Въ санъ патріарха возведенъ былъ грекъ Игнатій, рязанскій архіепископъ; это былъ человѣкъ угодливый, не привязанный къ русской старинѣ, и потому не противникъ разныхъ перемѣнъ въ церковномъ строѣ. Такой патріархъ былъ по душѣ Димитрію...

Поляки, приближенные царя, совѣтовали ему поспѣшить съ коронаціей; они утверждали, что только послѣ торжественнаго вѣнчанія онъ въ глазахъ народа станетъ настоящимъ государемъ, помазанникомъ Божіимъ; но онъ откладывалъ вѣнчаніе до пріѣзда матери, за которою послалъ бояръ.

Еще до пріѣзда ея обнаружилось, что у царя есть очень сильные враги. Василій Ивановичъ Шуйскій, погубившій Ѳеодора Борисовича, разсчиталъ, что съ гибелью Димитрія откроется ему самому доступъ къ престолу. Зналъ очень хорошо Шуйскій, что настоящій царевичъ Димитрій убитъ, и ясно видѣлъ, что тотъ, кто его именемъ взошелъ на тронъ, безпрестанно оскорбляетъ русское народное чувство своимъ пристрастіемъ ко всему польскому. Лукавый бояринъ и задумалъ прежде всего исподволь раздуть въ народѣ вражду къ Димитрію, а затѣмъ, когда приспѣетъ удобная пора, изобличить его... Люди, преданные Шуйскому, должны были распространять въ народѣ молву, что вступившій на престолъ не сынъ царя Ивана, а Гришка Отрепьевъ; что онъ отступникъ отъ православной церкви, измѣнилъ православію и подосланъ Сигизмундомъ, чтобы вмѣсто православія утвердить на Руси католичество, поработить и церковь, и народъ Польшѣ.

Но заговоръ Шуйскаго открылся. Царь назначилъ судъ для разбора

дѣла. Судъ, въ которомъ самъ царь не принималъ никакого участія, осудилъ Шуйскаго на смертную казнь.

Красная площадь наполнилась народомъ, когда должна была совершиться казнь именитаго боярина. Многіе его жалѣли. Вывели осужденнаго на площадь. Здѣсь была приготовлена плаха, въ которую ваткнутъ былъ топоръ. Подлѣ стоялъ палачъ. Вокругъ плотными рядами стояли стрѣльцы; за ними—сплошная толпа народа. Басмановъ велѣлъ читать приговоръ.

Вѣроломный бояринъ рѣшился по крайней мѣрѣ умереть мужественно, съ достоинствомъ; онъ твердо подошелъ къ плахѣ, перекрестился и сказалъ, обратившись къ народу:—„Умираю за вѣру и за правду!“

Палачъ снялъ съ него кафтанъ и хотѣлъ было снять и рубаху, польстившись на унизанный жемчугомъ воротъ, но Шуйскій не позволилъ снять сорочки,—сказалъ, что въ ней хочетъ Богу душу отдать.

Въ то самое время, какъ палачъ готовился поразить свою жертву, изъ Кремля вдругъ показался вѣстникъ, скакавшій во весь опоръ къ мѣсту казни. Онъ объявилъ, что царь не желаетъ проливать крови даже важныхъ преступниковъ, даруетъ осужденному жизнь, замѣняетъ смертную казнь ссылкою въ Вятку.

— „Вотъ какого милосердаго государя даровалъ намъ Господь Богъ,—воскликнулъ при этомъ Басмановъ, обратившись къ народу,—своего измѣнника, который на жизнь его посягалъ,—и того милуетъ!“

Толпа громкими криками желала здравія и многолѣтія милостивому государю. „Кто же можетъ такъ поступать, говорили въ народѣ, кромѣ истиннаго царевича?“

18-го іюля происходила встрѣча царя съ матерью; онъ выѣхалъ къ ней въ Тайнинское; чуть не вся Москва толпами повалила за царемъ. Царицу везли въ каретѣ. Димитрій подъѣхалъ къ ней верхомъ, и она остановилась. Царь соскочилъ съ коня и кинулся къ каретѣ; сынъ и мать бросились въ объятія другъ другу и зарыдали. Съ четверть часа длилось это трогательное зрѣлище. Многіе въ народѣ плакали отъ умиленія.

Съ трезвономъ во всѣ колокола, съ громкими радостными кликами встрѣтила Москва царицу, мать своего государя. Всякія сомнѣнія теперь должны были разсѣяться: всѣмъ казалось, что такъ встрѣтить могла только истинная мать свое родное дѣтище послѣ долгой разлуки.

30-го іюля было совершено чрезвычайно торжественно царское вѣнчаніе въ Успенскомъ соборѣ. Весь путь отъ дворца къ церкви былъ устланъ красной матеріей; поверхъ нея положенъ былъ богатый персидскій коверъ. Царь въ роскошномъ златотканномъ одѣяніи, унизанномъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, явился въ соборъ въ сопровожденіи множества бояръ, блиставшихъ тоже своими праздничными нарядами. По совершеніи обряда вѣнчанія и по окончаніи обѣдни, царь, предшествуемый рындами и окруженный боярами, ходилъ по устланному пути въ Архангельскій соборъ поклоняться гробамъ отцовъ и праотцовъ своихъ. Окольничьи осыпали царя золотыми монетами, которыя нарочно были начеканены для этого случая.

Общее торжество было ознаменовано царскими милостями. Люди, сосланные при Борисѣ, одинъ за другимъ возвращались изъ ссылки; вернулись въ

Москву Нагіе; возвращены были Романовы, оставшіеся въ живыхъ; даже кости трехъ братьевъ, умершихъ въ заточеніи, по приказу царя были перевезены въ Москву. Филаретъ (Ѳедоръ Никитичъ), вернувшись изъ заточенія въ Сійскомъ монастырѣ, былъ возведенъ въ санъ Ростовскаго архіепископа. Бывшей супругѣ его, инокинѣ Маріѣ, были возвращены вотчины, и она съ сыномъ Михаиломъ поселилась въ Ипатьевскомъ монастырѣ, близъ Костромы. Другому изъ Романовыхъ, Ивану Никитичу, былъ пожалованъ санъ думнаго боярина.

Ревностно принялся царь за свои дѣла. Дня не проходило, чтобы онъ не присутствовалъ въ боярскомъ совѣтѣ, гдѣ бояре, или „сенаторы“, какъ прозвалъ онъ ихъ, докладывали ему государственныя дѣла и подавали свои мнѣнія о нихъ. Случалось, что дѣла, которыя казались боярамъ запатанными и

Торжественное шествіе царя Димитрія послѣ вѣнчанія.

рѣшить которыя они затруднялись, царь тотчасъ же, безъ особаго труда, объяснялъ и рѣшалъ. Сильно дивились бояре смѣтливости и быстротѣ ума своего юнаго царя. Нерѣдко онъ указывалъ сановникамъ на ихъ невѣжество, но дѣлалъ это мягко, ласково, стараясь не обидѣть ихъ; обѣщалъ дозволить имъ посѣщать западныя земли, чтобы они могли познакомиться сколько-нибудь съ западнымъ просвѣщеніемъ. Два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, онъ принималъ на дворцовомъ крыльцѣ просителей: всякій бѣднякъ и простолюдинъ могъ притти къ нему и подать челобитную, жалобу или просьбу. Строго было предписано царемъ по всѣмъ приказамъ рѣшать дѣла скоро и безъ всякихъ посуловъ.

При всякомъ случаѣ старался царь выказать свою доброту; онъ говорилъ:

— „Есть два способа царствовать,— милосердіемъ и щедростью, или

суровостью и казнями. Я избралъ первый способъ; я далъ Богу обѣтъ не проливать крови подданныхъ моихъ и исполню его!"

Всѣмъ служилымъ людямъ было удвоено содержаніе, помѣщикамъ увеличены помѣстья; приказнымъ людямъ тоже удвоено жалованье и строго запрещено брать взятки. Чтобы при сборѣ податей не творилось неправды, было дано право самимъ общинамъ доставлять свои подати въ казну.

Старался царь облегчить и участь крестьянъ. Хотя прикрѣпленія ихъ къ землѣ онъ не рѣшался отмѣнить, но постановилъ, что помѣщики, которые не заботятся о своихъ крестьянахъ, не помогаютъ имъ во время голода, теряютъ свои права надъ ними. Потомственныя кабалы были отмѣнены: холопъ былъ холопомъ только у того помѣщика, къ которому шелъ по своей волѣ въ кабалу, но не переходилъ по наслѣдству къ его потомкамъ и со смертью его становился вольнымъ человѣкомъ. Всѣмъ предоставлено было свободно заниматься промыслами и торговлей.

Царь, казалось, всей душой хотѣлъ блага своей землѣ; но все, что дѣлалось имъ, было такъ ново, неожиданно, все творилось такъ поспѣшно, что многіе бояре и сановники начинали смотрѣть на своего государя недовѣрчиво и самую быстроту его распоряженій приписывать его молодости и легкомыслію.

Но особенно не по душѣ русскимъ сановитымъ людямъ были образъ жизни, нравъ и привычки молодого царя. Русскіе люди послѣ сытнаго обѣда обыкновенно спали, а Димитрій, пообѣдавши, ходилъ пѣшкомъ по городу, заходилъ въ разныя мастерскія; запросто говорилъ со встрѣчными. Да и на конѣ ѣздилъ онъ не такъ, какъ прежніе цари; тѣмъ всегда подводили коней испытанныхъ, смирныхъ, подставляли скамьи подъ ноги, подсаживали подъ руки, а Димитрій любилъ ѣздить на ретивыхъ коняхъ. Подведутъ дикаго скакуна ему, онъ самъ мигомъ вскочитъ на него и несется вихремъ, словно лихой наѣздникъ-казакъ. Любилъ онъ охоту, но и тутъ держалъ себя не по-царски: прежніе цари только смотрѣли на бой со звѣрями, а Димитрій самъ, лично, словно простой охотникъ, выходилъ на медвѣдя и ловко справлялся съ лютымъ звѣремъ.

Простота въ обращеніи и молодечество Димитрія, по взгляду бояръ, унижали царское достоинство; еще больше возмущало ихъ, что онъ не блюдетъ древнихъ обычаевъ и обрядовъ, которые чтились всѣмъ православнымъ людомъ; притомъ иногда царь откровенно высказывалъ не только мірянамъ, но и духовнымъ лицамъ мысли, которыя пугали благочестивыхъ людей.

— „У насъ,—говорилъ онъ,— только одни обряды, а смыслъ ихъ укрытъ. Вы поститесь, поклоняетесь мощамъ, почитаете иконы, но никакого понятія не имѣете о сущности вѣры, считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, а живете совсѣмъ не по-христіански, мало любите другъ друга, мало расположены творить добро. Зачѣмъ вы иновѣрцевъ презираете? Что же такое латинская, лютеранская вѣра?—все такія же христіанскія, какъ и греческая. И они вѣруютъ во Христа."

Эти рѣчи, хоть была въ нихъ и доля правды, были слишкомъ смѣлы въ устахъ юнаго Димитрія, были и слишкомъ легкомысленны: передѣлать понятія своихъ собесѣдниковъ, которые выросли и состарились въ извѣстныхъ убѣжденіяхъ и привычкахъ, онъ не могъ, но огорчалъ ихъ сильно, особенно духов-

ныхъ лицъ. Монаховъ онъ сильно не любилъ и вовсе не скрывалъ этого, даже говорилъ, что думаетъ отъ монастырей отобрать имѣнія на ратное дѣло, на борьбу съ врагами христіанъ—турками.

Мысль о войнѣ съ турками, объ изгнаніи ихъ изъ Византіи, была его завѣтною мечтой. Ратное дѣло очень его занимало; онъ старался улучшить русскія военныя силы, поставить ихъ на европейскую ногу, безпрестанно устраивалъ смотры и ученія, самъ въ нихъ принималъ дѣятельное участіе. Но онъ, конечно, понималъ, что одному ему не подъ силу вытѣснить турокъ и мечталъ совершить это въ союзѣ съ европейскими государями. Папа и іезуиты очень могли помочь ему въ этомъ дѣлѣ,—вотъ почему старался онъ ладить съ ними, хотя вовсе не намѣренъ былъ исполнять тѣхъ щедрыхъ обѣщаній, какія надавалъ іезуитамъ и польскому королю, когда былъ еще далекъ отъ трона. Ласка и пріязнь, какія постоянно царь выказывалъ къ иноземцамъ и иновѣрцамъ, сильно смущали приближенныхъ къ нему русскихъ бояръ и особенно духовенство. Русскіе никогда не тѣснили иновѣрцевъ, и не вѣротерпимость царя раздражала ихъ, а то, что онъ очень ужъ былъ равнодушенъ къ православію и приравнивалъ его къ „латинской и лютерской вѣрѣ“. Невольно у многихъ благочестивыхъ людей закрадывалось въ душу сомнѣніе, ужъ не отрекся ли царь отъ православія, ужъ не еритикъ ли онъ. И раньше ходили слухи, что онъ обратился въ латинство; теперь этимъ слухамъ стали давать больше вѣры.

Домашняя жизнь царя стала подвергаться сильному осужденію. Предъ началомъ обѣда онъ не молился иконамъ; во все время стола гремѣла веселая музыка; ѣлъ онъ кушанье, которое не употреблялось православными—телятину; послѣ обѣда не умывалъ рукъ; не ходилъ въ положенные дни въ баню,—все это въ глазахъ благочестивыхъ бояръ ясно показывало, что царю не дороги русскіе обычаи, что онъ не русскій человѣкъ. Пристрастіе Димитрія къ иноземцамъ и иноземнымъ обычаямъ очень ужъ сильно било въ глаза.

Чинная и однообразная жизнь русскихъ царей была вовсе не по душѣ живому и веселому Димитрію,—охотнику до шумныхъ пировъ на польскій ладъ. Общество веселыхъ собесѣдниковъ, поляковъ и другихъ иноземцевъ ему гораздо больше нравилось, чѣмъ общество неразговорчивыхъ, чинныхъ бояръ...

Недовольство усилилось до крайней степени, когда послѣ долгихъ сборовъ и приготовленій наконецъ прибылъ въ Москву Мнишекъ съ дочерью своей, невѣстой царя. Съ нимъ пріѣхали Вишневецкіе и много другихъ знатныхъ польскихъ пановъ со своими многочисленными дворами, шляхтой и челядью; всѣхъ гостей насчитывали до двухъ тысячъ человѣкъ. Все это былъ народъ разгульный и буйный. Начались роскошные пиры и празднества. 8-го мая Марина была коронована, а потомъ совершено было бракосочетаніе. Пиршествамъ, шумному веселью и разгулу не было конца. Царь, казалось, забылъ все, отдался весь удовольствіямъ, веселью, разнымъ потѣхамъ и затѣямъ; музыка и плясъ почти не прекращались во дворцѣ: самъ царь не уступалъ въ ловкости лучшимъ польскимъ танцорамъ...

Хвастливые и разгульные шляхтичи да буйная челядь польскихъ магнатовъ вели себя крайне нагло, безчинствовали въ пьяномъ видѣ, вламывались въ дома, всячески оскорбляли москвичей, творили всякія насилія.

— „Вся ваша казна перейдетъ къ намъ въ руки!“ хвастались русскимъ нѣкоторые изъ шляхтичей, которыхъ царь приглашалъ къ себѣ на службу.

— „Что вашъ царь,—кричали другіе,—мы дали царя Москвѣ!“

Благочестивыхъ москвичей больше всего возмущало то, что въ Кремлѣ среди соборовъ и святыни, гдѣ обыкновенно раздавались благовѣстъ и церковное пѣніе, шелъ теперь разгулъ, плясъ и гремѣла польская музыка. „Крикъ, вопль, говоръ неподобный, — восклицаетъ лѣтописецъ, — о какъ огнь не сойдетъ съ неба и не попалитъ сихъ окаянныхъ!“

Въ то самое время, какъ царь веселился и пировалъ, противъ него уже зрѣлъ заговоръ.

Смертъ Лжедимитрія I-го.

Никакъ не могъ примириться Василій Ивановичъ Шуйскій, мечтавшій о царской власти, съ мыслью, что власть эта не у него въ рукахъ. Онъ, именитый бояринъ, ведшій свое начало отъ Рюрика, принужденъ былъ склонять свою гордую голову предъ Борисомъ, потомкомъ татарскаго мурзы, а теперь на склонѣ дней,—и того хуже,—пришлось преклоняться предъ невѣдомымъ, безроднымъ пришельцемъ, попавшимъ на престолъ благодаря слѣпому случаю.

Лжедимитрій I.

Въ ночь съ 12-го на 13-е мая Василій Ивановичъ Шуйскій собралъ къ себѣ въ домъ своихъ приверженцевъ, торговыхъ и служилыхъ людей, раздраженныхъ наглостью и насиліями поляковъ. Рѣшено было обозначить дома, гдѣ они проживали, и затѣмъ на слѣдующій день, въ субботу, рано утромъ ударить въ набатъ и крикнуть народу, что ляхи хотятъ погубить царя,—а тѣмъ временемъ, какъ чернь будетъ чинить расправу съ поляками, пользуясь общей суматохой, убить Димитрія и его приближенныхъ. Простой народъ въ Москвѣ любилъ Димитрія, и потому заговорщикамъ надо было отвести глаза народа отъ царя.

15-го мая Басманову было донесено о томъ, что затѣвается какой-то заговоръ. Басмановъ доложилъ царю.

— „Я и слышать не хочу объ этомъ!—сказалъ Димитрій,—я не терплю доносчиковъ и наказывать буду ихъ самихъ.“

На слѣдующій день воины-нѣмцы извѣстили царя, что въ городѣ творится что-то недоброе. Царь снова съ непонятнымъ легкомыслiемъ не придалъ этому большого значенія, не думалъ о предосторожностяхъ и продолжалъ безпечно веселиться.

Раннимъ утромъ 17-го мая, по приказу Шуйскаго, были открыты тюрьмы и розданы преступникамъ топоры и мечи.

Марина.

Въ три часа утра, когда царь и всѣ польскіе гости покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспаться отъ вчерашняго похмелья, вдругъ раздался набатъ во всѣхъ церквахъ. Тысячи людей, схвативъ дубины, ружья, сабли, копья, кто что могъ, устремились ко дворцу.

— „Литва собирается погубить царя! — кричали народу, бейте Литву!“

Народъ кинулся отыскивать поляковъ по разнымъ домамъ и безпощадно бить ихъ.

Тѣмъ временемъ кн. Шуйскій съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой въѣхалъ въ Кремль (ворота кремлевскія не были даже заперты). За Шуйскимъ слѣдовала большая толпа заговорщиковъ, вооруженныхъ топорами, бердышами, рогатинами и ружьями.

Набатъ разбудилъ царя. Онъ послалъ Басманова развѣдать, что это значитъ. Сначала думали, что пожаръ. Но скоро раздались въ Кремлѣ неистовые крики; дворъ наполнился вооруженными людьми.

— „Выдай самозванца!“ раздался грозный крикъ бушующей толпы, когда показался Басмановъ на крыльцѣ.

Сомнѣваться въ мятежѣ нельзя было. Басмановъ бросился назадъ, при-

казалъ копьеносцамъ никого ни подъ какимъ видомъ не впускать во дворецъ, а самъ въ отчаяніи кинулся къ царю, рвалъ на себѣ волосы.

— „Бѣда, государь! закричалъ онъ,—требуютъ головы твоей!“

Димитрій думалъ было обуздать мятежниковъ,—выхватилъ у одного изъ нѣмцевъ, стоявшихъ на стражѣ во дворцѣ, мечъ, вышелъ въ переднюю и, грозя мечомъ бушующей толпѣ, кричалъ:—„Я вамъ не Борисъ!“

Въ отвѣтъ раздались ружейные выстрѣлы, направленные въ него. Онъ поспѣшилъ удалиться. Басмановъ попробовалъ было усовѣстить бояръ, руководившихъ мятежомъ, но одинъ изъ нихъ, Татищевъ, выругалъ его и ударилъ ножомъ. Басмановъ упалъ мертвый.

Димитрій думалъ спастись во внутреннемъ дворѣ, гдѣ стояли стрѣльцы на стражѣ; онъ хотѣлъ спуститься съ высоты въ нѣсколько саженъ изъ окна по стропиламъ, но сорвался, упалъ, сильно расшибся и вывихнулъ себѣ ногу.

Стрѣльцы привели въ чувство царя и окружили его.

Пришедши въ себя, Димитрій умолялъ ихъ отнести его на Красную площадь къ народу; за это онъ сулилъ имъ всѣ имѣнія мятежныхъ бояръ. Стрѣльцы обступили царя и думали было оборонять; его но мятежники пригрозили имъ, что перебьютъ въ Стрѣлецкой слободѣ ихъ женъ и дѣтей, и стрѣльцы послѣ недолгаго сопротивленія уступили. Несчастнаго Димитрія потащили во дворецъ.

— „Латинскихъ поповъ привелъ, нечестивую польку взялъ въ жены, казну московскую полякамъ раздавалъ!“ приговаривали мятежники, тащившіе Димитрія.

Дикая толпа заговорщиковъ забыла всякое человѣческое чувство, издѣвалась и ругалась надъ несчастнымъ. Толкали его, дергали, били... Кафтанъ съ него сорвали, нарядили его въ какое-то рубище...

— „Поглядите-ка на царя! у меня такой царь на конюшнѣ!“ сказалъ со смѣхомъ одинъ.

— „Далъ бы я ему себя знать!“ говорилъ другой.

Третій ударилъ его по лицу и закричалъ:

— „Говори, кто ты, кто твой отецъ, и откуда ты родомъ?“

Измученный Димитрій едва могъ проговорить въ отвѣтъ нѣсколько словъ. Онъ утверждалъ, что онъ—сынъ Іоанна, предлагалъ спросить о томъ его мать и просилъ, чтобы его вынесли къ народу на Лобное мѣсто.

— „Царица Марѳа сейчасъ сказала, что это не сынъ ея! крикнулъ одинъ изъ бояръ.

— „Винится ли злодѣй? кричали въ нетерпѣніи со двора.

— „Винится?“ отвѣчали изъ дворца.

— „Бей, руби его!“ завопила толпа.

— „Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!“ крикнулъ одинъ изъ мятежниковъ и застрѣлилъ Димитрія.

Нашлись и такіе, что рубили и кололи бездушное тѣло мечами.

Толпа заговорщиковъ, убивши Басманова и царя, избила до сотни музыкантовъ и пѣсельниковъ, жившихъ въ Кремлѣ, близъ царскаго дворца. Въ то время толпы разъяреннаго народа свирѣпствовали въ Китай-городѣ и другихъ частяхъ Москвы, истребляя безъ милосердія „ненавистныхъ ляховъ“. Несчаст-

ные поляки вскакивали съ постелей, прятались въ погреба, зарывались въ солому, даже въ мусоръ... Но тщетно искали они спасенія!—москвитяне ихъ находили и убивали кольями, каменьями, рубили саблями... Народная злоба не знала границъ. Съ 3-хъ часовъ утра до 11-ти шла дикая, безчеловѣчная расправа. Ужасъ этого побоища, говоритъ очевидецъ, нельзя изобразить словами. Шесть часовъ сряду гремѣлъ набатъ безъ-умолку, раздавались ружейные выстрѣлы, сабельные удары, топотъ коней, отчаянные вопли избиваемыхъ и крики остервенившейся черни: „Сѣки, руби поляковъ!“ Казалось, ярость и злоба заглушили всякое человѣческое чувство: ни слезы, ни мольбы несчастныхъ не спасли ихъ. Нѣкоторые въ отчаяніи рѣшались защищаться въ домахъ съ оружіемъ въ рукахъ. Народъ притащилъ даже пушки, чтобы разгромить дома, гдѣ заперлись польскіе послы и царицыны родичи съ вооруженными людьми. Не спаслись бы, конечно, и они; но Шуйскій съ товарищами избавилъ ихъ отъ народной ярости, спасли бояре и Марину,—ее отвезли изъ дворца къ отцу.

Изуродованный трупъ Лжедимитрія потащили веревками изъ Кремля. У Вознесенскаго монастыря остановились, вызвали инокиню Марѳу и требовали, чтобы она предъ всѣмъ народомъ объявила, ея ли сынъ убитъ. Та отреклась,—сказала, что истинный сынъ ея, царевичъ Димитрій, убитъ въ Угличѣ; винилась, что она страха ради признала сыномъ самозванца... Тогда тѣло его выволокли на Красную площадь и положили на столъ, а у ногъ его на скамьѣ кинули трупъ Басманова. Одинъ бояринъ бросилъ на тѣло Лжедимитрія маску, волынку, а въ ротъ воткнулъ дудку.

— „Долго мы тѣшили тебя, обманщикъ,—сказалъ онъ,—теперь ты насъ позабавь!“...

Три дня грубая толпа издѣвалась надъ трупомъ Лжедимитрія.

Но на третью ночь суевѣрныхъ людей обуялъ страхъ. Пронесся слухъ, будто около трупа сталъ показываться какой-то таинственный свѣтъ, который исчезалъ, когда подходили часовые... На слѣдующее утро бояре распорядились отвезти трупъ за Серпуховскія ворота, въ Божій домъ (такъ называлось кладбище, гдѣ хоронили умершихъ, подобранныхъ на улицахъ). Но и тутъ разныя видѣнія пугали суевѣрныхъ людей. Стали говорить въ народѣ, что Лжедимитрій былъ необыкновенный человѣкъ; что ему самъ дьяволъ помогалъ морочить людей; что онъ чернокнижникъ и чародѣй и пр. Наконецъ, трупъ его вырыли, сожгли, пепелъ смѣшали съ порохомъ, зарядили этой смѣсью пушку и выстрѣлили въ сторону, откуда въѣхалъ въ Москву Лжедимитрій.

Такъ завершилась необыкновенная судьба этого загадочнаго человѣка!...

Полуцарь.

Москва по смерти Лжедимитрія осталась безъ царя. Законнаго наслѣдника престола опять не было; приходилось выбирать царя изъ бояръ. По знатности рода и по уму виднѣе всѣхъ въ ихъ средѣ были Василій Ивановичъ Шуйскій и Василій Васильевичъ Голицынъ. У обоихъ было много сторонниковъ; но послѣднія событія особенно выдвинули Шуйскаго: онъ первый изъ бояръ изобличилъ Лжедимитрія; онъ стоялъ во главѣ заговора и съ крестомъ и мечомъ

въ рукахъ повелъ народъ противъ „злого еретика“, спасая православіе и народъ отъ ляховъ. Это все вмѣнялось ему въ большую заслугу, по крайней мѣрѣ, его многочисленными сторонниками, смотрѣвшими на дѣло его глазами. Людямъ, совершившимъ послѣдній переворотъ, конечно, болѣе всего хотѣлось, чтобы на престолѣ былъ ихъ вождь.

Бояре хотѣли созвать выборныхъ изъ всѣхъ концовъ Русской земли, чтобы всею землею выбрать государя; но Шуйскій и сторонники его этого вовсе не желали: Шуйскій не могъ разсчитывать, что на земскомъ соборѣ выберутъ царемъ его, а не другого боярина. Возстаніе противъ Лжедимитрія и убіеніе его было дѣломъ только однихъ московскихъ приверженцевъ Шуйскаго. Въ самой Москвѣ далеко не всѣ одобряли послѣднія дѣйствія его, а чернь московская, приставшая къ мятежу, думала, что дѣло идетъ только объ истребленіи ненавистныхъ поляковъ. Шуйскій и его сторонники понимали, что мало вѣроятности, чтобы на земскомъ соборѣ выбрали его, и потому рѣшились дѣйствовать поскорѣе,—ковать желѣзо, пока оно горячо.

19-го мая въ 6 часовъ утра на Красной площади толпились купцы, разносчики, ремесленники,—всѣ были въ ожиданіи... Изъ Кремля вышли бояре, придворные сановники, духовенство и предложили прежде избрать патріарха (вмѣсто свергнутаго Игнатія, сторонника Лжедимитрія), съ тѣмъ, чтобы онъ стоялъ во главѣ временного правленія и созвалъ выборныхъ людей для избранія царя. Сторонники Шуйскаго, въ большомъ числѣ собравшіеся на площади, понимали, что это для ихъ вождя опасно: могли случайно выбрать въ патріархи противника Шуйскаго. Изъ толпы раздались крики, что царь нужнѣе патріарха, а царемъ долженъ быть Василій Ивановичъ Шуйскій. Противорѣчить этому никто не посмѣлъ. Такимъ образомъ, Василій Ивановичъ былъ избранъ не всенароднымъ собраніемъ, даже не всею Москвою, а только своими сторонниками.

Василій Ивановичъ немедленно пошелъ въ Успенскій соборъ и цѣловалъ крестъ на томъ, что ему, „не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими“, никого не казнить смертью, вотчинъ, дворовъ и имѣнія у братьевъ, жены и дѣтей преступника не отбирать, если они ни въ чемъ невиновны, ложныхъ доносовъ не слушать, а разбирать всякое дѣло какъ можно обстоятельнѣе, лживыхъ доносчиковъ казнить, смотря по ихъ клеветѣ. Эта присяга сильно поразила многихъ. По словамъ лѣтописца, нѣкоторые бояре и люди отговаривали Шуйскаго, чтобы на томъ креста не цѣловалъ, потому что „того (чтобы бояре ограничивали царскую власть) въ Московскомъ государствѣ не повелось“, но онъ не послушался.

Немедленно по всѣмъ русскимъ городамъ были разослана грамота, съ оповѣщеніемъ, что „по приговору всѣхъ людей“ Московскаго государства, и духовныхъ и свѣтскихъ, избранъ на престолъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Грамота извѣщала о гибели „Гришки Отрепьева, который назвался Димитріемъ, овладѣлъ царствомъ съ бѣсовской помощью и всѣхъ людей прельстилъ чернокнижіемъ, и замышлялъ съ папой и поляками попрать православную вѣру“. Вмѣстѣ съ этой грамотой разсылалась и грамота отъ имени царицы Маріы. Здѣсь она каялась въ томъ, что признала вора (Гришку Отрепьева) сыномъ страха ради, испугавшись угрозъ.

Съ недоумѣніемъ слушали чтеніе царской грамоты русскіе люди, жители городовъ и областей. Давно ли ихъ оповѣщали, что Годуновъ свергнутъ истиннымъ царемъ Димитріемъ; теперь же увѣряютъ, что этотъ самый Димитрій былъ обманщикъ, злодѣй и еретикъ; объявляютъ что онъ погибъ за свое злодѣйство, но какъ именно погибъ—не объясняютъ. Говорится въ грамотѣ, что новый царь избранъ „по приговору всѣхъ людей Московскаго государства“, а между тѣмъ, въ каждомъ городѣ жители хорошо знали, что отъ нихъ выборныхъ людей для избранія царя въ Москвѣ не было; стало быть, въ грамотѣ есть завѣдомая ложь... Все это приводило къ одному заключенію, что въ Москвѣ творится что-то неладное, порождало полное недовѣріе къ московскому правительству и общую тревогу въ умахъ. Всѣ съ жадностью прислушивались къ разнымъ вѣстямъ и слухамъ, которые волновали народъ, и въ то же время никто не зналъ, чему и кому вѣрить. Наступило настоящее смутное время...

Не только въ областяхъ, но и въ Москвѣ было много недовольныхъ. Народу было совсѣмъ не по душѣ, что власть была больше въ рухахъ бояръ, чѣмъ царя; въ Шуйскомъ видѣли не настоящаго царя, а „полуцаря“ или „боярскаго царя“, который безъ согласія боярской думы ничего не смѣетъ дѣлать. Нѣкоторые изъ бояръ были недовольны, потому что имъ самимъ хотѣлось быть на престолѣ, другіе имѣли старые счеты съ Шуйскимъ. Не въ добрый часъ взялъ царскій скипетръ честолюбивый бояринъ! Его положеніе при началѣ царствованія было, пожалуй, хуже, чѣмъ Бориса Годунова въ концѣ. Борисъ опирался на цѣлое сословіе служилыхъ людей; патріархъ держалъ также всегда его сторону. Василію Ивановичу Шуйскому не было опоры ни въ комъ: ни въ боярахъ, ни въ народѣ, ни въ служилыхъ людяхъ. Невзрачный, малорослый старикъ (ему было за 50 лѣтъ), съ больными, подслѣповатыми глазами, онъ даже и внѣшнимъ видомъ своимъ не напоминалъ прежнихъ царей. Онъ обладалъ хитрымъ и изворотливымъ умомъ, но способностей настоящаго правителя не имѣлъ; не понялъ онъ даже того, что въ пору общей смуты и тревоги нужна сильная власть и дѣйствія быстрыя и рѣшительныя, что „полуцарю“, окруженному недоброжелателями, въ такое время не усидѣть на престолѣ. Въ довершеніе всего онъ былъ разсчетливъ до крайности, до скупости, тогда какъ въ Москвѣ привыкли къ щедрости Годунова и расточительности Лжедимитрія. Мудрено ли послѣ этого, что число сторонниковъ Василія не увеличивалось, и служилые люди не выказывали большой ревности къ царской службѣ?

Еще 17-го мая, въ день гибели Лжедимитрія, одинъ изъ приверженцевъ его, Молчановъ, успѣлъ скрыться изъ дворца и бѣжать изъ Москвы въ Литву, распуская по дорогѣ слухи, что онъ—царь Димитрій, спасающійся отъ убійцъ. Въ областяхъ, отдаленныхъ отъ Москвы, ему могли легко повѣрить; въ самой Москвѣ носились слухи, что погибъ не Димитрій: маска, надѣтая на лицо убитаго, могла подать поводъ къ этимъ толкамъ.

Василій Ивановичъ думалъ, что самымъ лучшимъ средствомъ противъ самозванцевъ, прикрывающихся именемъ Димитрія, будетъ перенесеніе въ Москву мощей царевича. Съ этою цѣлью отправился въ Угличъ митрополитъ Филаретъ съ двумя архимандритами и нѣсколькими именитыми боярами. 1-го іюня Василій Ивановичъ вѣнчался на царство, а 3-го съ большимъ торжествомъ

внесены были въ столицу мощи царевича св. Димитрія. Самъ царь по всей Москвѣ несъ ихъ до Архангельскаго собора, при чемъ прославляли святость невиннаго младенца, погибшаго подъ ножами убійцъ... Но это чествованіе Димитрія напоминало народу и вѣроломство самого Василія Ивановича: въ Москвѣ помнили очень хорошо, какъ онъ свидѣтельствовалъ, что царевичъ самъ умертвилъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни.

Возстанія противъ Василія.

Шуйскому не вѣрили въ Москвѣ; не вѣрили грамотамъ его и въ другихъ городахъ. Успокоить умы было трудно. Смута и тревога чувствовались повсюду. Въ такую пору не трудно было поднять мятежъ. Въ Сѣверской украинѣ ходили уже слухи, что царь Димитрій живъ. Князь Григорій Шаховской, сосланный за преданность Лжедимитрію въ Путивль, собралъ жителей и объявилъ имъ, что царь Димитрій спасся отъ смерти, грозившей ему, и скрывается отъ враговъ; Черниговскій воевода, князь Телятевскій, тоже объявилъ себя на сторонѣ будто бы спасшагося изъ Москвы Димитрія. Въ Москвѣ также начались волненія. Народъ собирался толпами. То разносилась молва, будто царь отдаетъ дома иностранцевъ на разграбленіе народу, то возникалъ слухъ, что царь хочетъ говорить о чемъ-то съ народомъ. Всѣ эти слухи, волновавшіе московскую чернь, распускали бояре, враги Шуйскаго.

Разъ въ воскресенье, когда царь шелъ къ обѣднѣ, онъ увидѣлъ у дворца густую толпу народа, поджидавшую его. Оказалось, что ее собрало сюда извѣстіе, будто бы царь хочетъ говорить съ народомъ. Чуть не плача съ досады, Василій Ивановичъ обратился въ окружающимъ его боярамъ и началъ ихъ корить, что это ихъ козни, что, если онъ имъ не угоденъ,— онъ немедленно оставитъ престолъ. На этотъ разъ всѣ бояре спѣшили увѣрить его въ своей преданности и просили наказать зачинщиковъ. Пятерыхъ человѣкъ схватили, били кнутомъ и сослали.

Возмущеніе въ Сѣверской украинѣ росло. У Шаховского нашелся даровитый помощникъ; то былъ бѣглый холопъ Иванъ Болотниковъ, человѣкъ бывалый, рѣшительный, знавшій ратное дѣло. Онъ сталъ грамотами волновать простой народъ, сулилъ ему волю, богатство и почести подъ знаменами Димитрія. Къ Болотникову стали цѣлыми толпами являться бѣглые холопы, преступники, ушедшіе отъ наказанія, и казаки. Сѣверская украина была полна „гулящаго люда“, который промышлялъ „лихимъ дѣломъ“ и „воровствомъ“, т. е. разбоемъ. Такимъ образомъ, довольно скоро собралось большое полчище всякаго сброду, готоваго воевать за кого угодно, лишь бы можно было грабить... Но къ Болотникову стали являться люди и другого рода: посадскіе, служилые, стрѣльцы изъ разныхъ городовъ,—люди, вѣрные своей присягѣ Димитрію, и думавшіе, что они идутъ биться за правое дѣло... Походъ Болотникова начался, какъ и слѣдовало ожидать, грабежами и убійствами: бѣглые холопы вымещали на бывшихъ своихъ господахъ свои обиды,—мужчинъ убивали, женъ и дочерей принуждали выходить за себя замужъ, имѣнія грабили.

Царская рать, высланная противъ Болотникова, была разбита и раз-

сѣялась; служилые люди, помѣщики, самовольно разъѣзжались по своимъ домамъ; городъ за городомъ приставали къ возстанію. Оно, словно пламя пожара при сильномъ вѣтрѣ, быстро росло и разносилось изъ конца въ конецъ. Боярскій сынъ Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу; воевода Сунбуловъ и дворянинъ Прокопій Ляпуновъ подняли Рязанскую область. На востокѣ, по Волгѣ, въ Перми и Вяткѣ, поднялись крестьяне, холопи, инородцы; возстала за Димитрія и Астрахань.

Болотниковъ переправился чрезъ Оку и шелъ уже на Москву. Въ 70 верстахъ отъ нея онъ разбилъ снова царскую рать; наконецъ, подошелъ къ самой столицѣ и сталъ станомъ въ селѣ Коломенскомъ. Съ нимъ были Ляпуновъ, Сунбуловъ и Пашковъ.

Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ лицъ былъ Прокопій Ляпуновъ. Умный, храбрый, красивый, знающій ратное дѣло, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рьяныхъ, полныхъ жизни и силы людей, которые во всякомъ дѣлѣ, гдѣ нужна рѣшимость, рвутся впередъ съ неудержимой силой, становятся во главѣ предпріятія, увлекаютъ за собой толпы людей, менѣе рѣшительныхъ. Въ смутныя времена, въ пору общаго колебанія, недовѣрія и сомнѣнія, такіе люди становятся особенно замѣтными. Они являются обыкновенно главными зачинщиками дѣла и вожаками; не всегда они бываютъ въ состояніи довершить его, какъ слѣдуетъ; для этого недостаетъ имъ терпѣнія, выдержки, способности выжидать, хитрить, пользоваться обстоятельствами; но ни одно крупное общественное дѣло не обходится безъ нихъ. Таковъ былъ и Прокопій Ляпуновъ.

Когда Болотниковъ сталъ подъ Москвой, дѣло Василія Ивановича казалось вконецъ проиграннымъ. Силъ бороться дольше у него не хватало; въ Москвѣ сталъ чувствоваться уже недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; шайки Болотникова на дорогахъ перехватывали обозы и опустошали окрестности Москвы. Столичная чернь волновалась. Подметныя письма Болотникова возбуждали ее противъ высшихъ сословій.

„Вы всѣ, боярскіе холопи,—говорилось въ нихъ,—побивайте своихъ бояръ, берите себѣ все достояніе ихъ, убивайте гостей и торговыхъ богатыхъ людей, дѣлите межъ собою ихъ имѣнія... Вы были послѣдними,—теперь станете боярами и воеводами. Цѣлуйте всѣ крестъ законному государю Димитрію Ивановичу!“

Этотъ дикій призывъ къ убійству и грабежу могъ быть по душѣ развѣ только самой разнузданной черни и „лихимъ людямъ“. Всѣ лучшіе люди отшатнулись отъ Болотникова. Прокопій Ляпуновъ съ братомъ Захаромъ и Сунбуловымъ, приглядѣвшись къ Болотникову и его полчищу, рѣшились обратиться съ повинной головой къ Шуйскому: быть заодно съ разбойниками, разорявшими родную страну, имъ было противно, а Димитрій, которому они хотѣли послужить вѣрой и правдой, не являлся. Съ Ляпуновымъ и Сунбуловымъ явились въ Москву толпы дворянъ и дѣтей боярскихъ; а за ними стрѣльцы, которые въ Коломнѣ перешли было къ Болотникову. Василій Ивановичъ принялъ ихъ, конечно, съ радостью, простилъ ихъ, даже обласкалъ и наградилъ; переходъ лучшихъ силъ отъ Болотникова спасалъ его. Помогло ему и то, что Тверь, гдѣ архіепископъ воодушевилъ защитниковъ, не под-

далась Болотникову и отбила отъ стѣнъ своихъ отряды его. Примѣръ Твери подѣйствовалъ и на другіе сосѣдніе города. Смоленскъ также держался Василія Ивановича. Многихъ готовыхъ, прежде стоять за Димитрія, начало брать сомнѣніе, существуетъ ли онъ. Въ Москву стали подходить ратныя силы изъ Смоленской и Тверской области. Силъ у царя набралось довольно; можно было уже ударить на скопище мятежниковъ; но царь медлилъ, выказывая человѣколюбіе и жалость къ нимъ: онъ обѣщалъ милость и прощеніе мятежникамъ, если они смирятся, но тѣ упорствовали,—надо было рѣшать дѣло боемъ.

Подъ стѣнами Москвы произошла битва. Царскій племянникъ, молодой воевода, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, разбилъ Болотникова, котораго покинулъ и Пашковъ со своимъ отрядомъ. Болотниковъ не въ силахъ былъ уже удержаться подъ Москвой, бѣжалъ съ остатками своего полчища и засѣлъ въ Калугѣ, въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ, собралъ около десяти тысячъ бѣглецовъ и приготовился къ осадѣ, а между тѣмъ послалъ въ Сѣверскій край къ своимъ сторонникамъ съ извѣстіемъ, что ему нужна скорая помощь, нуженъ и царевичъ Димитрій, потому что, не видя его, люди начинаютъ сомнѣваться въ его существованіи... Но новый Лжедимитрій еще не являлся. Шаховской и другіе мятежные бояре призвали на помощь запорожскихъ казаковъ, ополчили всѣхъ, кого только могли навербовать въ Сѣверской землѣ, и поспѣшно выступили въ походъ на выручку Болотникова. Незадолго предъ тѣмъ, среди терскихъ казаковъ, явился бродяга, назвавшійся Петромъ, небывалымъ сыномъ царя Ѳеодора. Шаховской призвалъ этого Лженетра, съ шайкою терскихъ мятежниковъ, встрѣтилъ его съ большой честью въ Путивлѣ, какъ царскаго племянника и намѣстника.

Между тѣмъ Болотниковъ мужественно защищался въ Калугѣ. Напрасно царская рать пыталась взять городъ. Четыре мѣсяца уже длилась неудачная осада. Наконецъ, Болотниковъ сдѣлалъ вылазку: онъ такъ внезапно и сильно ударилъ на осаждавшихъ, что царское войско обратило тылъ; пушки, обозъ и припасы достались мятежникамъ; вдобавокъ около пятнадцати тысячъ воиновъ и отрядъ наемныхъ нѣмцевъ передались Болотникову.

Эти вѣсти поразили и всю Москву, и царя. Вчера еще ждали вѣсти объ окончательномъ уничтоженіи крамолы, а сегодня съ ужасомъ приходится думать о защитѣ столицы отъ торжествующихъ мятежниковъ!... Всевозможныя мѣры были немедленно приняты. Приказано было, чтобы всѣ, кто только могъ держать оружіе въ рукахъ, вооружились; монастыри должны были доставить въ Москву свои хлѣбные запасы; даже иноки обязаны были, на всякій случай, готовиться къ ратному дѣлу. Святители всенародно по церквамъ предавали анаѳемѣ Болотникова и другихъ злодѣевъ.

Къ счастью, Болотниковъ не рѣшился напасть на Москву съ тѣми силами, какія были у него подъ рукой, а поджидалъ Шаховского. Царь тѣмъ временемъ успѣлъ собрать войска около ста тысячъ. 21-го мая онъ сѣлъ на ратнаго коня и повелъ боевыя силы всего своего царства на скопище злодѣевъ. Болотниковъ оставилъ Калугу и перешелъ въ Тулу, гдѣ соединился съ Шаховскимъ. Неподалеку отъ города Каширы царскіе отряды встрѣтились съ мятежниками. Начался кровавый бой. Царская рать стала уже

подаваться подъ напоромъ враговъ; но воеводы Голицынъ и Лыковъ воодушевили ее. Они кинулись въ самый пылъ битвы съ крикомъ:

— „Нѣтъ для насъ бѣгства!—Смерть или побѣда!“

Сильнымъ ударомъ царскіе ратники смяли мятежниковъ. Тѣ, побросавъ свои пушки и обозъ, поспѣшно отступили и заперлись въ Тулѣ.

Началась осада. Болотниковъ дѣлалъ безпрестанно, даже по нѣскольку разъ въ день, смѣлыя вылазки и наносилъ большой вредъ осаждающимъ. Царь порѣшилъ взять городъ изморомъ,—всѣ пути въ Тулу были прегражены, и гнѣздо мятежниковъ было все охвачено царской ратью. Прошло два мѣсяца. Съ каждымъ днемъ силы осажденныхъ убывали; наконецъ, они стали чувствовать уже недостатокъ въ припасахъ, пришлось ѣсть лошадей. Явились недовольные.

— „Гдѣ же тотъ, говорили они, за кого мы умираемъ? Гдѣ Димитрій?“

Шаховской клялся, что Димитрій въ Литвѣ, Болотниковъ увѣрялъ, что онъ видѣлъ его своими глазами.

И тотъ, и другой писали въ Литву, настоятельно требуя, чтобы ихъ сторонники выставили какого-нибудь Димитрія. Посланные съ письмами очень ловко пробрались сквозь русскій станъ. До конца лѣта мятежники упорно отбивались и выносили твердо недостатокъ въ хлѣбѣ и соли. Желанный Димитрій не являлся и помощи изъ Литвы не было. Но и царская рать уже тяготилась осадой; неоднократно пытались итти на приступъ, но каждый разъ возвращались съ большимъ урономъ. Въ царскомъ войскѣ начиналась уже „шатость“. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта осада, если бы царя Василія не выручилъ одинъ изъ его воиновъ, Кравковъ, который былъ, по словамъ лѣтописи, „большой хитродѣлецъ“. Онъ явился къ царю и сказалъ:

— „Я обѣщаю тебѣ, государь, потопить Тулу водою и заставить мятежниковъ сдаться.“

Царь посулилъ ему большія милости, если это сбудется.

„Хитродѣлецъ“ сработалъ во всю ширину рѣки Упы плотъ, велѣлъ сыпать на него землю. Плотъ съ землею затонулъ и преградилъ теченіе рѣки; она вышла изъ береговъ и затопила Тулу. Людямъ пришлось ѣздить по улицамъ въ лодкахъ. Вода залила погреба и кладовыя съ припасами. Осажденнымъ и раньше уже приходилось жить впроголодь, беречь остатки запасовъ, а теперь начался настоящій голодъ, стали ѣсть кошекъ, мышей, собакъ... Пришлось сдаться. Мятежники послали сказать царю:

— „Мы сдадимъ городъ, если ты насъ помилуешь, не казнишь смертью. Если же не обѣщаешь помиловать насъ, то будемъ держаться, хотя бы пришлось намъ ѣсть другъ друга отъ голода!“

Царь обѣщалъ имъ свое милосердіе. Болотниковъ явился къ нему въ полномъ вооруженіи, снялъ съ себя саблю, „ударилъ челомъ въ землю“ и сказалъ:

— „Царь-государь! я служилъ вѣрно по присягѣ тому, кто въ Польшѣ назывался Димитріемъ. Точно ли онъ Димитрій, или нѣтъ, не знаю: я не видалъ его прежде. Онъ меня покинулъ. Теперь я въ твоей власти. Въ твоей волѣ убить меня,—вотъ моя сабля,—убей. Если же ты помилуешь меня, какъ обѣщалъ, то я буду тебѣ служить такъ же вѣрно, какъ служилъ тому, кто меня оставилъ!“

Съ торжествомъ вернулся Василій Ивановичъ въ Москву. Взятіе Тулы праздновали, какъ нѣкогда взятіе Казани. Лжепетра повѣсили, Болотникова отвезли въ Каргополь и тамъ утопили. Другимъ важнѣйшимъ мятежникамъ была оказана пощада. Шаховского сослали на Кубенское озеро; нѣмцевъ, измѣнившихъ присягѣ, отправили въ Сибирь, а менѣе важныхъ плѣнниковъ оставили на свободѣ безъ наказанія.

Тушинскій воръ.

Давно ожидаемый мятежниками Димитрій, наконецъ, явился. Это было незадолго до взятія Тулы. Кто былъ этотъ второй Лжедимитрій, трудно сказать,—такъ разнорѣчивы извѣстія о немъ. Наиболѣе вѣроятное сказаніе гласитъ, что онъ родомъ былъ изъ Стародуба; отсюда переселился въ Бѣлую Русь, гдѣ промышлялъ учительствомъ, обучалъ дѣтей грамотѣ. Бездомный скиталецъ и бѣднякъ, онъ ходилъ въ изодранномъ тулупѣ, въ бараньей шапкѣ, даже лѣтомъ: по бѣдности не могъ онъ обзавестись лѣтней одеждой. Изъ Могилева онъ перешелъ въ Пропойскъ. Здѣсь его почему-то сочли шпіономъ и засадили въ тюрьму. Чтобы избавиться отъ бѣды, онъ назвался бояриномъ Нагимъ, дядею царя Димитрія. Ему повѣрили, и приказано было его отпустить. Къ нему пристало нѣсколько такихъ же проходимцевъ, какъ и онъ. Мнимый Нагой и приставшіе къ нему явились въ Стародубъ, гдѣ распустили молву, что сюда скоро прибудетъ царь Димитрій. Одинъ изъ товарищей самозванца, подьячій Рукинъ, пріѣхалъ въ Путивль и сталъ разсказывать, что Димитрій въ Стародубѣ. Путивляне его задержали и стали добиваться вѣрныхъ извѣстій.

— „Мы тебя замучимъ, говорили они Рукину, если ты не укажешь намъ царя“.

Подъ стражею нѣсколькихъ путивлянъ Рукинъ былъ отправленъ въ Стародубъ. „Гдѣ царь?“ стали спрашивать у мнимаго царскаго дяди; тотъ отвѣтилъ, что не знаетъ. Тогда стародубцы и путивляне принялись за ложнаго вѣстовщика, стали Рукина бить безпощадно кнутомъ, приговаривая при этомъ: „Скажи, гдѣ Димитрій!“ Рукинъ не стерпѣлъ муки и закричалъ:

— „Смилуйтесь, ради Николы Чудотворца! Я укажу вамъ Димитрія.“

Его отпустили.

— „Вотъ Димитрій Ивановичъ, сказалъ онъ, указывая на мнимаго Нагого. Онъ потому не объявился сразу, что не зналъ, рады ли вы будете ему.“

Указанному Димитрію не трудно было смекнуть, что ему удобнѣе назваться этимъ именемъ и воспользоваться почетомъ и выгодами царскаго званія, чѣмъ упорствовать въ прежнемъ своемъ самозванствѣ,—выставлять себя Нагимъ: отъ него могли потребовать, во что бы то ни стало, указанія, гдѣ царь, а въ случаѣ упорства, пожалуй, подвергнуть и пыткѣ. Сообразивъ все это, онъ принялъ повелительную осанку и грозно прикрикнулъ на стародубцевъ, истязавшихъ Рукина. Тѣ, пораженные рѣшительнымъ видомъ Лжедимитрія, повалились ему въ ноги и закричали:

— „Виноваты, государь, не узнали тебя! Помилуй насъ! Рады тебѣ служить противъ недруговъ твоихъ.“

Съ колокольнымъ звономъ стародубцы повели „царя“ въ городъ (за̀мокъ), гдѣ устроили ему жилище, принесли ему дорогіе подарки и деньги.

Изъ Стародуба разосланы были грамоты по сѣверскимъ городамъ; всѣ русскіе люди призывались на службу своему царю. Отправлены были грамоты и въ Москву.

— „Съ Божіей помощью, говорилось въ нихъ, Димитрій спасся отъ убійцъ, благодаритъ московскихъ людей за то, что они помогли ему добыть престолъ и проситъ ихъ, чтобы въ другой разъ посадили его на царство“.

Въ Сѣверской землѣ, гдѣ давно уже ходили слухи о спасеніи Димитрія и ждали его съ нетерпѣніемъ, скоро набралось нѣсколько тысячъ охотниковъ послужить ему.

Гулящаго люда, какъ сказано, въ Сѣверскомъ краю, а также въ Литвѣ и въ русскихъ украинахъ было вдоволь; эти свободныя силы, не привязанныя ни къ какому дѣлу, искали выхода. Нуженъ былъ только благовидный поводъ для похода, а охотниковъ до разгульной похолной жизни и добычи было много среди вольнолюбивыхъ жителей русской и литовской украины; притомъ же удачный походъ Лжедимитрія I, обогатившій иныхъ сподвижниковъ его, соблазнялъ многихъ. Вотъ почему не трудно было навербовать себѣ сильное полчище и второму Лжедимитрію. Но онъ вовсе не походилъ на перваго: тотъ, конечно, былъ убѣжденъ въ своемъ царственномъ происхожденіи и въ своемъ правѣ на престолъ, хотя убѣжденъ ложно, обманутый другими и названный Димитріемъ, а этотъ былъ сознательный обманщикъ, въ полномъ смыслѣ слова—самозванецъ. Человѣкъ онъ былъ ловкій, смѣтливый, но развращенный, нерѣшительный и подозрительный; онъ постоянно опасался, что его выдадутъ... Случайно назвавшись Димитріемъ, онъ пытался при первыхъ же дѣйствіяхъ своего полчища, когда начались распри и несогласія, бѣжать; но его не пустили: онъ нуженъ былъ тѣмъ, которые думали дѣйствовать его именемъ.

Со всѣхъ сторонъ стекались къ самозванцу военныя силы: изъ Литвы явился знаменитый наѣздникъ Лисовскій, бѣжавшій отъ смертной казни; прибыли со своими отрядами нѣсколько именитыхъ польскихъ пановъ,—охотниковъ до боевой жизни. Цѣлыми сотнями являлись шляхтичи: тутъ были должники, бѣжавшіе отъ заимодавцевъ, были преступники, спасавшіеся отъ наказанія, промотавшіеся и проигравшіеся люди. Весь этотъ сбродъ смотрѣлъ на войну, какъ на ремесло, какъ на средство нажиться.

Явились на службу къ самозванцу и запорожцы. Донскихъ казаковъ привелъ Заруцкій. Такимъ образомъ собрались очень значительныя силы. Это полчище всякихъ проходимцевъ и хищниковъ подъ знаменами самозванца хлынуло на Русскую землю. Гетманство, или главное начальство надъ военными силами, взялъ на себя полякъ князь Рожинскій.

Вѣсть о томъ, что царь Димитрій живъ и идетъ съ большой силой отнимать свое царство у Шуйскаго, быстро разнеслась по Русской землѣ. Самозванцу сдавались городъ за городомъ: сдались Карачевъ, Брянскъ, Орелъ. Отсюда разосланы были грамоты, увѣщавшія народъ отступиться отъ Шуйскаго и не вѣрить другимъ самозванцамъ, которые тогда появлялись одинъ за другимъ въ разныхъ мѣстахъ.

Весною 1608 г. самозванецъ двинулся изъ Орла къ Москвѣ. Подъ Болховымъ царское войско было разбито, и Лжедимитрій быстро двинулся къ столицѣ. Въ это время только что кончились здѣсь переговоры съ польскими послами и заключено было перемиріе на три года: Шуйскій обязывался отпустить въ Польшу Мнишка съ дочерью и всѣхъ поляковъ, задержанныхъ въ Москвѣ послѣ мятежа 17-го мая; а король долженъ былъ отозвать всѣхъ поляковъ, приставшихъ къ самозванцу, и впередъ не вѣрить и не помогать никакимъ самозванцамъ. Королевскіе послы извѣстили Рожинскаго и товарищей его объ этомъ условіи перемирія; но тѣ и вниманія не обратили,—заявили, что ничьихъ приказовъ слушать не намѣрены.

1-го іюня Лжедимитрій подошелъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ. Въ первой битвѣ подъ Москвой, на рѣкѣ Ходынкѣ, самозванецъ потерпѣлъ неудачу; но все-таки положеніе Шуйскаго было неутѣшительно: не только ни одинъ полякъ не покинулъ тушинскаго стана, но чуть ли не каждый день являлись сюда новыя шайки и поляковъ, и русскихъ. Прибылъ въ станъ между прочими и Янъ Сапѣга, знатный польскій панъ, осужденный въ своемъ отечествѣ за буйство. Толпы русскихъ тоже со всѣхъ сторонъ стекались въ Тушино. На службу къ самозванцу явились и знатные русскіе бояре, князья: Трубецкой, Черкасскій, Сицкій, Засѣкины и др.

Узнавши, что Мнишекъ съ дочерью возвращается въ Польшу, самозванецъ послалъ отрядъ перехватить ихъ на дорогѣ. Это ему удалось. Мнишку обѣщано было триста тысячъ рублей и нѣсколько городовъ, и этотъ продажный человѣкъ вмѣстѣ съ другими уговаривалъ дочь свою, чтобы она признала самозванца своимъ мужемъ. Та долго противилась; наконецъ, волей-неволей должна была согласиться. Признаніе Мариною Лжедимитрія II своимъ мужемъ сильно ему помогло; многихъ, колебавшихся еще признать его царемъ Димитріемъ, это убѣдило. Сѣверные города стали одинъ за другимъ сдаваться ему.

Сбродное полчище Лжедимитрія, водворившееся въ Тушинѣ, представляло пеструю смѣсь: тутъ были нарядные польскіе гусары въ шишакахъ и кольчугахъ съ длинными копьями въ рукахъ; были и запорожцы, вооруженные самопалами и копьями, узнаваемые съ перваго взгляда по краснымъ шароварамъ да бараньимъ шапкамъ; донцы и московскіе люди были одѣты очень разнообразно, смотря по состоянію,—отличались они своими колпаками, высокими стоячими воротниками и длинными рукавами, собранными въ складки; многіе изъ нихъ вооружены были луками и колчанами со стрѣлами. Изъ нѣсколькихъ нарѣчій, на которыхъ говорили въ Тушинскомъ станѣ, чаще всего слышалась южно-русская рѣчь: главныя силы самозванца состояли въ запорожскихъ казакахъ; ихъ было тысячъ двадцать и донскихъ казаковъ тысячъ пятнадцать. Затѣмъ было много московскихъ людей. Усчитать ихъ было трудно даже для вождей самозванца, такъ какъ безпрестанно то являлись новыя шайки въ Тушино, то уходили отсюда.

Наступила осень. Надо было подумать о зимовкѣ. Скоро Тушино стало обстраиваться: изъ хвороста дѣлали загоны для лошадей, рыли для простыхъ воиновъ землянки и устраивали въ нихъ печи. Люди познатнѣе и побогаче ставили себѣ избы. Для „царя“ и „царицы“ соорудили просторныя хоромы.

Тушино стало походить на оживленный городъ. Торговцевъ сюда понаѣхало тысячъ до трехъ. Все, что требовалось для разгульной, веселой жизни, продавалось въ изобиліи; пива, меду и водки было разливное море. Пьянство, дикій разгулъ, игра въ карты, ссоры, драки, даже убійства,—вотъ что наполняло жизнь тушинцевъ. Присутствіе „царя“ никого не стѣсняло. Польскіе вожди на него мало обращали вниманія, называли его „царикомъ“. Шайки поляковъ и казаковъ рыскали по окрестностямъ Тушина и Москвы, разбойничали по всѣмъ дорогамъ, грабили жителей, творили всякія безчинства и возвращались въ станъ обремененные добычей. Самозванецъ не сдерживалъ хищниковъ, да если бы и хотѣлъ, то былъ бы не въ силахъ обуздать ихъ своеволіе. Тушино скоро обратилось въ глазахъ народа въ гнѣздо разбойниковъ, и самого Лжедимитрія прозвали „Тушинскимъ воромъ“. Монастыри, гдѣ хищники чуяли богатую добычу, служили сильной приманкой для нихъ. Имъ неразъ уже удавалось грабить монастыри, а надъ несчастными иноками всячески издѣваться. Сапѣга съ Лисовскимъ задумали завладѣть Троице-Сергіевской лаврой, которая славилась своимъ богатствомъ. Василій Ивановичъ, провѣдавъ о томъ, что поляки идутъ къ Троицѣ, выслалъ войско, чтобы помѣшать имъ; но Лисовскій разбилъ эту рать на-голову и забралъ множество плѣнныхъ. Эта неудача сильно повредила злосчастному Шуйскому; бѣды да невзгоды одна за другой обрушивались на него. Служилые люди стали самовольно разъѣзжаться изъ царской рати по своимъ помѣстьямъ, боясь, что тушинцы выместятъ на женахъ и дѣтяхъ ихъ свою злобу за ихъ службу Шуйскому. Многіе задумывались, кому лучше служить: Тушинскому ли „царику“ или московскому „полуцарю“. Шуйскій, по словамъ лѣтописца, самъ видѣлъ, что надъ нимъ гнѣвъ Божій, и обращался то къ молитвѣ, то къ гадальщицамъ, то безпощадно казнилъ измѣнниковъ, то заявлялъ москвичамъ:

—„Кто хочетъ мнѣ служить, пусть служитъ и сидитъ въ осадѣ, а кто не хочетъ,—пусть идетъ себѣ, я никого не неволю!“

Никто еще не посмѣлъ сказать Шуйскому, что не хочетъ служить ему; всѣ клялись ему въ вѣрности; но многіе на другой же день бѣжали въ Тушино. Побывши тамъ, послуживши Димитрію, измѣнники возвращались съ повинной головой къ Шуйскому, получали отъ него жалованье, а чрезъ нѣсколько времени снова ѣхали въ Тушино, чтобы получить награду отъ тушинскаго царя. Случалось, что нѣкоторые разъ пять или шесть перебѣгали туда и сюда, нарушая присягу. Такихъ называли „перелетами“. Бывали и такіе случаи, что иные, оставаясь въ Москвѣ на службѣ у Шуйскаго, отпускали своихъ сыновей или родичей на службу къ самозванцу и разсуждали при этомъ такъ:

— „Если возьмутъ Москву, намъ будетъ легче, когда родня наша служитъ въ Тушинѣ“.

Иногда родные и близкіе люди собирались вмѣстѣ въ одномъ домѣ, обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда одни отправлялись къ царю Василію во дворецъ, а другіе—въ Тушино. Торговцы московскіе, какъ ни въ чемъ не бывало, возили въ изобиліи изъ Москвы въ Тушино всякіе припасы и товары и потомъ возвращались въ столицу, гдѣ все день ото дня дорожало...

Осада Троицкой лавры.

Въ то время, какъ въ Москвѣ обнаруживалась такая „шатость“, иноки Троице-Сергіевской обители показали примѣръ высокой доблести и непоколебимаго мужества.

Троицкій монастырь сильно мѣшалъ тушинцамъ: онъ стоялъ на пути изъ Москвы въ Заволжскій край, а по этой дорогѣ провозились въ столицу припасы. Иноки вмѣстѣ съ воинами часто перехватывали разъѣзды тушинцевъ, а, главное, своею вѣрностью и преданностью царю Василію давали высокій нравственный примѣръ и удерживали многихъ отъ измѣны; стало быть, не одна корысть, но и военные расчеты побуждали тушинцевъ овладѣть богатой лаврой.

—„Доколѣ будутъ,—говорили поляки самозванцу, мѣшать тебѣ вороны эти, возгнѣздившіеся въ каменномъ гробѣ? Доколѣ старцы будутъ вредить намъ повсюду? Не только на путяхъ вѣстниковъ нашихъ хватаютъ, изъ лѣсовъ выходя, какъ звѣри, но и смертямъ лютымъ предаютъ безъ пощады; притомъ и всѣ грады развращаютъ, учатъ служить царю Шуйскому“...

23-го сентября 1608 г. Сапѣга и Лисовскій стали подъ монастыремъ. У нихъ было тысячъ тридцать войска: тутъ были и польскіе отряды, и казаки, и русскіе измѣнники.

Лавра еще при Иванѣ IV была ограждена каменными стѣнами, вышиной въ четыре сажени, толщиной въ три, съ высокими башнями и глубокимъ рвомъ. Предвидя опасность для монастыря, царь заранѣе послалъ туда небольшіе отряды служилыхъ людей и стрѣльцовъ. Всѣхъ способныхъ оборонять Троицкую крѣпость было около трехъ тысячъ, считая и монаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые, конечно, знали военное дѣло, такъ какъ были изъ ратныхъ людей. Воеводами были князь Григорій Долгорукій-Роща и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Они сожгли монастырскія слободы, чтобы ими не воспользовался непріятель. Лавра наполнилась множествомъ народа, лишеннаго крова: больные, калѣки, старцы, женщины, дѣти искали здѣсь убѣжища. Тѣснота и необходимость прокормить множество людей могли сильно мѣшать оборонѣ; но иноки всѣхъ принимали.

— „Святой Сергій,—говорили они,—не отвергаетъ несчастныхъ!“

Обитель поспѣшно готовилась къ защитѣ: разставлялись пушки на стѣнѣ; указывались мѣста и обязанности защитникамъ. Архимандритъ Іоасафъ, человѣкъ кроткій, способный водворять миръ и согласіе между людомъ, наполнившимъ монастырь, привелъ воеводъ и всѣхъ защитниковъ къ присягѣ надъ гробомъ св. Сергія. Всѣ цѣловали крестъ на томъ, что будутъ „сидѣть въ осадѣ безъ измѣны!“ Другъ друга ободряли, клялись умирать, но не сдаваться; дѣло шло не только о томъ, чтобы постоять за отечество, но и о томъ, чтобы не дать святыню. гробъ св. Сергія, на поруганіе „поганымъ ляхамъ“, ненавистнымъ иновѣрцамъ, которые ругались уже неразъ надъ православной святыней.

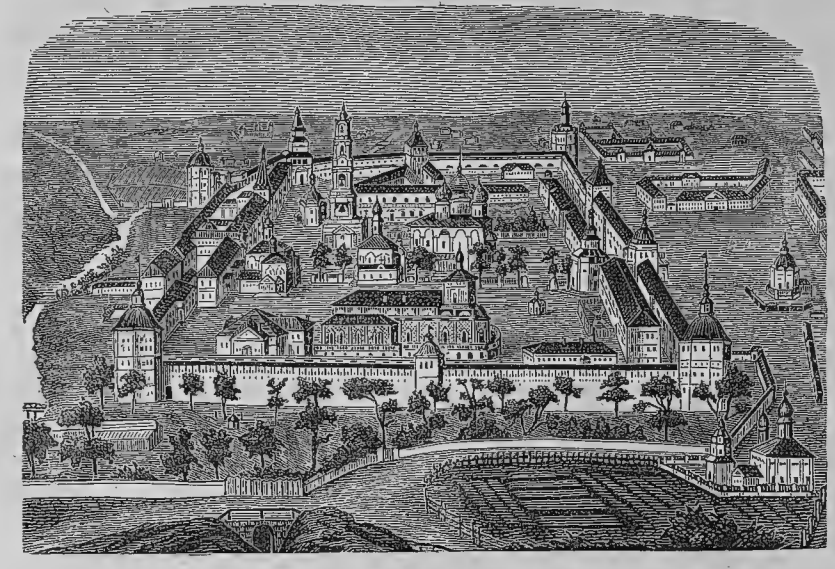
Напрасно пытались враги склонить обитель къ добровольной сдачѣ, обѣщая не только пощаду, но и пожалованіе отъ „царя Димитрія Ивановича“, а въ случаѣ сопротивленія грозили истребленіемъ; они получили изъ лавры отвѣтъ, который оканчивался такими словами:

Оборона обители св. Сергія отъ поляковъ.

— „Оставить повелѣваете христіанскаго царя и хотите насъ прельстить ложною ласкою, тщетною лестью и суетнымъ богатствомъ! Богатства всего міра не возьмемъ за свое крестное цѣлованіе!“

Непріятель расположился вокругъ монастыря, ставилъ туры, копалъ рвы, дѣлалъ насыпи, и открылъ огонь изъ восьмидесяти орудій. Къ счастію для осажденныхъ, непріятельскія пушки были небольшія и значительнаго вреда не причиняли монастырскимъ стѣнамъ.

13-го октября непріятель попытался взять лавру приступомъ. Съ громкими криками поляки бросились къ стѣнамъ обители,—катили предъ собой тарасы на колесахъ, чтобы защищаться отъ выстрѣловъ; несли лѣстницы для приступа. Дѣло было къ вечеру; но всѣ защитники во-время явились на своихъ мѣстахъ и открыли по непріятелю такой огонь изъ пушекъ и пищалей, что у него пропала всякая отвага, и онъ поспѣшно отступилъ, побросавъ даже свои лѣстницы и тарасы. Убитыхъ и раненыхъ было много. Рус-



Троице-Сергіевская лавра.

скіе сдѣлали вылазку и захватили брошенныя лѣстницы и тарасы,—нѣсколько дней не надо было выходить изъ ограды за дровами.

Эта удача придала русскимъ духу, а у врага поубавила спѣси... Осажденные не только храбро отбивались, но сами дѣлали частыя вылазки, нерѣдно приводили плѣнныхъ и отъ нихъ добывали свѣдѣнія о силахъ и намѣреніяхъ враговъ. Разъ отъ одного плѣннаго провѣдали, что враги ведутъ подъ стѣну подкопы, хотятъ взорвать монастырь. Эта вѣсть поразила всѣхъ... Страшная мысль, что вотъ-вотъ грянетъ взрывъ, томила всѣхъ, даже и самыхъ безстрашныхъ. Долго, сколько ни бились, никакъ провѣдать не могли, съ какой стороны ведется подкопъ; рыли въ разныхъ мѣстахъ подъ башнями и стѣнами слуховые колодцы; но не дознались ничего. Страхъ и томительное ожиданіе неминучей гибели все сильнѣе и сильнѣе обуревали осажденныхъ. Нѣсколько разъ дѣла-

лись вылазки, чтобы найти, откуда ведется подкопъ, или чтобы добыть „языка“, т.-е. плѣннаго, который могъ бы сказать это. Наконецъ, удалось на одной изъ вылазокъ поймать раненаго казака, отъ котораго и допытались, что подкопъ ведется подъ Пятницкую башню. Тогда наскоро стали противъ этой башни строить новое укрѣпленіе, чтобы обороняться въ случаѣ, если бы врагамъ и удался взрывъ... Стали очищать и рыть потайные подземные ходы. Нѣсколько разъ дѣлали вылазки, чтобы найти и уничтожить подкопъ, но все напрасно. Наконецъ, двумъ крестьянамъ удалось добраться до устья подкопа, еще не доведеннаго до конца. Они, не долго думая, вскочили туда и зажгли порохъ; раздался взрывъ; погибли и русскіе удальцы; но работа враговъ была уничтожена и монастырь былъ спасенъ отъ этого подкопа.

Осажденные ободрились,—увидѣли въ этомъ Божіе милосердіе и заступничество св. Сергія. Церковная служба и пѣніе не умолкали въ монастырскихъ церквахъ.

Послѣ неудачнаго приступа и попытки взорвать монастырь Сапѣга и Лисовскій порѣшили взять обитель долгой осадой, „изморомъ“, какъ выражались русскіе.

Наступила зима. Непріятель расположился по избамъ, наскоро построеннымъ, да по землянкамъ. Припасы и все нужное для себя поляки добывали грабежомъ по окрестностямъ. Изъ монастыря попрежнему дѣлались вылазки. Многіе изъ защитниковъ прославились и своей удалью, и силой.

Съ наступленіемъ зимы все тяжелѣе становилось „троицкимъ сидѣльцамъ“. Трудно было добывать дрова; приходилось ихъ брать съ бою; иногда шли за ними съ оружіемъ въ рукахъ и не возвращались... Наконецъ отъ тѣсноты въ монастырѣ начались болѣзни. Пока было тепло, толпы народу помѣщались на открытомъ воздухѣ, на дворѣ, а теперь, какъ настали холода и морозы, всѣ сбились въ тѣсныхъ коморкахъ и кельяхъ. Тѣснота была ужасная. Въ хорошей пищѣ чувствовали уже недостатокъ. Воду пили испорченную. Открылась цынга: пухли дёсны, вываливались зубы... У другихъ на тѣлѣ появлялись раны. Отъ тѣсноты сильно распространилась зараза. Присмотру не было. Иные заживо гнили. Смертность день ото дня росла. Сначала ежедневно умирало до 20 человѣкъ, а потомъ стали хоронить по тридцати и болѣе въ сутки. Похоронное пѣніе и плачъ раздавались съ утра до вечера каждый день. Много „троицкихъ сидѣльцевъ“ было побито на вылазкахъ, еще больше погибло отъ болѣзней. Воины гибли болѣе, чѣмъ „ѣдоки“, т.-е. немощные, старцы, женщины, которыхъ надо было кормить. Изъ монастыря удалось переслать въ Москву челобитную. Воеводы умоляли царя прислать имъ свѣжихъ ратныхъ силъ и пороху; Шуйскому трудно было исполнить эту просьбу: онъ самъ былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Въ Москвѣ въ это время жилъ келарь Троицкой лавры Авраамій Палицынъ (описавшій оборону ея со словъ защитниковъ). Это былъ человѣкъ очень дѣятельный и умный. Сильно хлопоталъ онъ, чтобы послана была помощь монастырю. Патріархъ Гермогенъ тоже настаивалъ на этомъ. Царь послалъ отрядъ, но незначительный, человѣкъ въ 60. Имъ удалось пробраться въ лавру и пронести туда двадцать пудовъ пороху.

Горсть этихъ воиновъ не могла, конечно, восполнить убыли въ людяхъ. Болѣзнь попрежнему свирѣпствовала и смертность росла. На бѣду, начались

несогласія и пререканія между монахами и ратными людьми. Стрѣльцы жаловались, что старцы плохо ихъ кормятъ... Но всевозможныя невзгоды и бѣдствія не сломили рѣшимости „троицкихъ сидѣльцевъ“ умереть, но не сдаться...

Прошла зима. Хотя болѣзни продолжались, но все же стало легче, можно было здоровымъ больше быть на воздухѣ и не томиться въ тѣснотѣ и духотѣ... Враги упорно продолжали осаду; но осажденные вовсе не помышляли о сдачѣ, дѣлали даже вылазки, хотя и рѣже, чѣмъ прежде. До обители дошли слухи, что скоро Скопинъ-Шуйскій приведетъ на выручку Москвы и лавры большое войско и шведскую вспомогательную рать.

Долгая и безплодная осада, видимо, начинала уже томить и поляковъ. Сапѣга снова попытался взять монастырь приступомъ; онъ зналъ, что ужъ немного оставалось защитниковъ. 27-го мая непріятельскій станъ пришелъ въ движеніе... Многіе всадники объѣзжали обитель, видимо, высматривая что-то; другіе гарцовали на своихъ коняхъ предъ монастыремъ и грозили своими саблями...

Осажденные поняли, что будетъ приступъ, и стали готовиться къ отпору. Монахи взяли оружіе въ руки; женщины стали на стѣнахъ съ камнями, огнемъ, смолою, сѣрою и известью. Архимандритъ со старѣйшими монахами молился въ церкви. Наконецъ, къ ночи, въ сумеркахъ, начался приступъ.

Поляки, по сказанію Авраамія Палицына, вечеромъ, когда стемнѣло, стали тайкомъ подбираться къ стѣнамъ, нѣкоторые даже ползкомъ „аки зміи“, и везли съ собой лѣстницы, туры и всякія „стѣнобитныя хитрости“ (машины). Нѣсколько времени хранилась полная тишина... Вдругъ грянулъ пушечный выстрѣлъ. Это былъ знакъ къ нападенію. Тогда съ громкимъ крикомъ и трубнымъ звукомъ бросились враги къ монастырскимъ стѣнамъ, думали дружнымъ нападеніемъ завладѣть ими. Но осажденные стали разить нападавшихъ изъ пушекъ и пищалей, не допускали ихъ ставить лѣстницы къ стѣнѣ, метали въ ляховъ камни, обдавали ихъ кипящей смолой, бросали въ нихъ зажженную сѣру и засыпали глаза имъ известью. Съ разсвѣтомъ непріятель отступилъ съ большимъ урономъ, ничего не добившись... Осажденные въ свою очередь выскочили изъ воротъ и ударили на отступавшихъ и захватили нѣсколько десятковъ плѣнныхъ. На слѣдующій день Сапѣга повторилъ приступъ, но опять безуспѣшно.

Этимъ и кончились попытки поляковъ силой овладѣть Троицкой лаврой. Скоро они принуждены были и вовсе снять осаду. Доблестная оборона обители въ теченіе 16 мѣсяцевъ показала блестящій примѣръ того, что можетъ сдѣлать горсть людей, одушевленныхъ высокимъ чувствомъ. Примѣръ этотъ вдохнулъ лучшимъ русскимъ людямъ новыя силы на защиту родной земли.

Разореніе земли тушинцами.

Въ то время, какъ Троицкій монастырь мужественно отбивался отъ враговъ, многіе сѣверные города, захваченные врасплохъ, достались безъ борьбы тушинцамъ. Суздаль, Владимиръ, Переяславль-Залѣсскій сдались безъ сопротивленія. Когда тушинцы подошли къ Ростову, не имѣвшему крѣпкихъ стѣнъ, то ростовцы порѣшили бѣжать въ Ярославль, но Филаретъ, ростовскій митрополитъ, воспротивился этому; онъ говорилъ, что не бѣгствомъ, а кровью должно

спасать отечество, что мученическая смерть лучше позорной жизни. Онъ съ немногими воинами и гражданами, пожелавшими умереть съ нимъ, заперся въ соборной церкви. Всѣ исповѣдывались и причащались, готовились къ смерти. Не ляхи, а измѣнники переяславцы стали ломиться въ церковь, стрѣляли въ нее и дикимъ крикомъ отвѣчали на увѣщанія митрополита опомниться и не быть извергами. Бывшіе съ Филаретомъ люди бились въ храмѣ до изнеможенія, защищая своего пастыря. Церковь наполнилась убитыми. Злодѣи принялись грабить храмъ, схватили митрополита, сорвали съ него богатое облаченіе, одѣли въ рубище и отвезли въ Тушино, какъ плѣнника. Лжедимитрій встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, какъ племянника царицы Анастасіи, назвалъ его даже патріархомъ, но держалъ его подъ строгимъ надзоромъ какъ непреклоннаго сторонника царя Василія... Городъ за городомъ сдавались самозванцу: Угличъ, Кострома, Вологда и др. Нѣкоторые города были взяты силою: Тверь, Шуя (наслѣдственное владѣніе князей Шуйскихъ). Двадцать два города присягнули тушинскому царю. Во Псковѣ чернь волновалась въ пользу его. Самозванецъ всѣмъ добровольно переходящимъ къ нему жителямъ обѣщалъ „тарханныя“ грамоты, по которымъ они освобождались отъ всякихъ податей. Обѣщаніями этихъ льготъ тушинскій царь особенно сманивалъ на свою сторону городскую чернь и крестьянъ.

Но недолго продолжалось торжество самозванца на сѣверѣ; скоро всѣ убѣдились, что обѣщаніямъ этимъ вѣрить нельзя. Тушинцы не только стали производить небывалые поборы съ жителей, но даже попросту грабили ихъ.

Осада Троицкой лавры надолго задержала тушинцевъ,—понадобились имъ денежныя средства и всякіе припасы. А гдѣ ихъ было взять? Приходилось все нужное брать у жителей подчиненныхъ городовъ. Нерѣдко случалось, что тушинскій царь посылалъ своихъ сборщиковъ, а Сапѣга своихъ; и тѣ, и другіе собирали съ жителей всякіе поборы вдвойнѣ. Эти сборщики часто обращались въ настоящихъ разбойниковъ, безпощадно грабившихъ ради своей личной выгоды. „Тушинскіе воры“, какъ сталъ звать народъ этихъ грабителей, не только грабили, но всячески мучили жителей, монаховъ, ругались надъ святынею; хватали по монастырямъ старцевъ-монаховъ, заставляли ихъ плясать и пѣть непристойныя пѣсни, а тѣхъ, кто противился, предавали смерти.

Далеко вокругъ Тушина Русская земля запустѣла. Въ безлюдныхъ деревняхъ и сёлахъ, по словамъ современника (Авраамія Палицына), ютились дикіе звѣри: медвѣди, волки и лисицы, а люди скрывались въ лѣсахъ... Хищные звѣри и птицы терзали трупы погибшихъ людей повсюду, гдѣ проходили тушинцы. Полевыя птицы свивали себѣ гнѣзда въ людскихъ черепахъ... Разграбивши православныя церкви, „нечестивые ляхи“ ругались надъ священными вещами: кололи иконы на дрова, церковные сосуды употребляли на своихъ попойкахъ, церковными пеленами покрывали лошадей, какъ попонами...

Молва объ этихъ звѣрствахъ и кощунствѣ быстро разносилась вдоль и поперекъ по Русской землѣ, заходила и туда, гдѣ еще не видали тушинцевъ... Злоба къ нимъ быстро росла повсюду. Жители далекихъ городовъ, еще не занятыхъ непріятелями, стали пересылаться между собою грамотами, убѣждая другъ друга повременить, поразмыслить, кому служить: московскому ли царю, или тушинскому. Самозванецъ понималъ, что его дѣло губятъ злодѣи, которые, подъ

видомъ сборщиковъ дани, грабятъ народъ, но подѣлать ничего не могъ. Полчище его болѣе всего и состояло изъ воровскихъ казаковъ да ляховъ, приставшихъ къ нему ради наживы.

Грабежи и насилія тушинцевъ вывели, наконецъ, изъ терпѣнія народъ. Въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули крестьянскія возстанія противъ грабителей. Начинаютъ и города одинъ за другимъ подниматься противъ нихъ: Галичъ, Кострома, Вологда, Городецъ, Кашинъ и друг. почти въ одно время отложились отъ тушинскаго царя.

Тяжело было положеніе Василія Ивановича въ Москвѣ. Большинство его не любило. Вражда къ нему уже неразъ явно сказывалась въ столицѣ; но все же лучшіе русскіе люди, которымъ дорого было отечество и православіе, стояли за Василія Ивановича, понимали, что предаться тушинскому царю значитъ погубить родную землю. Вотъ почему попытки свергнуть Шуйскаго не удавались, но все-таки трудно было держаться на престолѣ ему, „полуцарю“, нелюбимому народомъ, нерѣшительному и неудачливому, и притомъ въ смутное время, когда нуженъ былъ вождь смѣлый и рѣшительный. Хоть въ Тушинскомъ станѣ и происходили безпорядки, даже мятежи, но Василій Ивановичъ не въ силахъ былъ воспользоваться ими. Подъ Москвою шли довольно часто битвы, но мелкія. Лѣтомъ 1609 года произошла здѣсь послѣдняя значительная битва; русскіе одержали верхъ и оттѣснили враговъ. Скоро послѣ этого тушинскому полчищу были нанесены болѣе сильные удары.

Скопинъ-Шуйскій.

Василій Ивановичъ убѣдился, что ему не совладать своими силами съ Тушинскимъ воромъ. Король шведскій, врагъ Сигизмунда, польскаго короля, опасался, чтобы онъ не воспользовался смутами въ Московской землѣ, не усилился бы на ея счетъ. Швеція и раньше уже предлагала свою помощь царю, но тотъ гордо отказался отъ нея,—надѣялся, видно, самъ справиться съ врагами, и боялся унизить достоинство Русскаго государства чужою помощью. Теперь онъ самъ искалъ ея. Скопинъ-Шуйскій, царскій племянникъ, былъ посланъ для заключенія условій со шведами въ Новгородъ. Скопинъ, несмотря на свою юность, уже доказавшій свои военныя способности, долженъ былъ собрать новое войско и со шведами итти на выручку Москвы.

Со шведами былъ заключенъ договоръ: они выставляли вспомогательное войско въ пять тысячъ; царь обязывался за это выплатить имъ около сорока тысячъ рублей, затѣмъ, уступить Корелу и помогать Швеціи въ случаѣ надобности войскомъ.

30-го марта вступила шведская рать въ Новгородъ. Торжественно, пушечной и ружейной пальбой встрѣчали русскіе своихъ союзниковъ. Когда шведскій вождь Яковъ Делагарди ѣхалъ рука объ руку съ русскимъ юнымъ полководцемъ, народъ любовался ими. Оба были еще юноши, полные жизни и силы; Делагарди было 27 лѣтъ, а Скопину всего 23 года. Онъ былъ, по свидѣтельству очевидцевъ, красивъ, статенъ, ласковъ и своей свѣтлой душой

привлекалъ къ себѣ всѣхъ, съ кѣмъ ему случалось сходиться. Делагарди скоро къ нему привязался всѣмъ сердцемъ, и они стали друзьями.

Скопинъ думалъ немедленно итти прямо на Москву; онъ разсчитывалъ, что всѣ города покорятся ей, если она освободится отъ Тушинскаго вора.

Первая же побѣда Скопина надъ польскимъ отрядомъ повела къ тому, что городъ за городомъ стали снова переходить въ подданство царю Василію (Торопецъ, Холмъ, Великіе Луки и др.). Торжокъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе сосѣдніе города прислали къ Скопину повинную и выражали покорность Василію. Самозванецъ послалъ противъ Скопина сильное войско. Оно попыталось взять Торжокъ, но не могло, отступило въ Тверь, и здѣсь заперлось. Скопинъ и Делагарди напали на Тверь; но были сначала отбиты; наконецъ, осилили (13-го іюля 1609 г.) и прогнали тушинцевъ изъ города.

Тяжелое дѣло выпало на долю юнаго Скопина: приходилось ему шагъ за шагомъ отнимать у тушинцевъ разоренную и опустѣлую землю, оберегать уцѣлѣвшихъ жителей отъ насилій и поборовъ, а войску его нужны были припасы; шведы волновались,—настоятельно требовали уплаты жалованья, отказывались итти дальше, пока не будутъ вознаграждены, а платить было рѣшительно нечѣмъ... Много нужно было ума, чтобы уладить всѣ дѣла, извернуться изъ бѣды, ублажить всѣхъ; много надо было твердости и терпѣнія, чтобы вывести всѣ невзгоды и непріятности, и не упасть духомъ. Юный вождь оказался достойнымъ того важнаго дѣла, какое было ему поручено: ума и твердости ему было не занимать-стать, а страстное желаніе послужить несчастному отечеству,—послужить всѣми силами, утроивало ихъ. Дѣятельность онъ выказалъ необычайную... Гонцы его безпрестанно скакали въ разныя стороны по городамъ и монастырямъ, умоляя ихъ присылать скорѣе денегъ и ратныхъ людей. Въ Скопина начинали вѣрить, и въ его рукахъ являлись средства: нѣкоторые монастыри присылали ему свою казну; шли пожертвованія изъ городовъ; жертвовали купцы; Строгановы, кромѣ денегъ, снаряжали и отправляли Скопину ратныхъ людей; но новобранцы были непривычны къ военному дѣлу,—ихъ надо было учить... Скопинъ стоялъ подъ Калязинымъ, когда тушинцы двинулись большими силами на него, но онъ предупредилъ ихъ,—встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Жабнѣ, впадающей въ Волгу, разбилъ и обратилъ въ бѣгство. Уплативши шведамъ часть жалованья, Скопинъ съ ихъ помощью занялъ Переяславль, а въ октябрѣ взялъ Александровскую слободу. Положеніе „Тушинскаго вора“ становилось опаснымъ: онъ могъ попасть между двухъ огней. Главный военачальникъ тушинскаго войска, Рожинскій, почти со всѣми силами двинулся на Скопина. Произошла кровопролитная битва. Верхъ одержалъ опять Скопинъ;—тушинцы съ большимъ урономъ воротились въ свой станъ. Дѣла самозванца были совсѣмъ плохи... Скопинъ рвался въ Москву; но Делагарди сдерживалъ его порывы, указывалъ на опасность оставлять врага въ тылу. Оба вождя порѣшили медленно и твердо подвигаться къ столицѣ, устраивая на пути засѣки и переходя изъ одной въ другую; но прежде всего надо было очистить отъ тушинцевъ сосѣднія мѣста. Зимовать пришлось въ Александровской слободѣ.

Слава о побѣдахъ Скопина разносилась повсюду. На него начиналъ уже смотрѣть русскій народъ, какъ на Божьяго избранника для спасенія отечества

отъ вражьей силы, отъ порабощенія и униженія... Великія дѣла можетъ совершить тотъ счастливый вождь, въ силы котораго увѣруетъ народъ, на которомъ сосредоточитъ всѣ свои упованія; на великую высоту можетъ вознести его народная любовь! Такимъ излюбленнымъ народнымъ вождемъ становится теперь Скопинъ. Съ каждымъ шагомъ росло довѣріе народа къ нему, росли и его силы. На русскомъ сѣверѣ уже начиналось народное движеніе противъ „ляховъ", грозившихъ гибелью и Русскому государству, и православной церкви. Уже на пути изъ Новгорода къ войску Скопина присоединялись отдѣльные сѣверо-западные отряды; у Торжка соединились съ нимъ смольняне; у Калязина—главныя силы ополченія; съ востока къ Александровской слободѣ Шереметевъ велъ отряды, собранные по Волгѣ...

Все, что было лучшаго въ русскомъ народѣ, сосредоточивалось мало-помалу около Скопина. Болѣе горячія головы уже подумывали и о томъ, что юный, смѣлый и даровитый вождь былъ бы на царскомъ престолѣ болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ злосчастный Василій Ивановичъ. Прокопій Ляпуновъ, слишкомъ рьяный и нетерпѣливый, прислалъ даже къ Скопину посольство отъ всей Рязанской области извѣстить его, что вся Русская земля хочетъ избрать его на царство, и что нѣтъ болѣе достойнаго, чѣмъ онъ, сидѣть на престолѣ. Скопинъ выказалъ сильное неудовольствіе, разорвалъ грамоту и съ гнѣвомъ отослалъ отъ себя пословъ: не хотѣлъ онъ, конечно, запятнать себя нарушеніемъ присяги,—понималъ, что онъ и безъ царскаго сана, оставаясь вѣрноподданнымъ, можетъ сослужить великую службу родной землѣ.

Въ то время, какъ Скопинъ-Шуйскій готовился разгромить Тушинскій станъ, польскій король Сигизмундъ задумалъ воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ Русской земли. Раньше происходили смуты въ самой Польшѣ,—и королю было не до Москвы; теперь дѣла эти уладились. Союзъ съ Москвой шведскаго короля, врага Польши, подстрекалъ Сигизмунда къ вмѣшательству; притомъ и польскіе послы, вернувшіеся изъ Москвы, соблазняли его, увѣряя, что справиться съ московскимъ царемъ весьма легко. Король далъ обѣщаніе сенату и сейму заботиться болѣе всего о выгодахъ Польши и думалъ прежде всего завладѣть Смоленскомъ, о которомъ давно уже шелъ споръ между Литвой и Москвой.

21-го сентября 1609 года король стоялъ подъ стѣнами Смоленска. Сигизмунда увѣрили, что смольняне и воевода Шеинъ сдадутся ему охотно. Онъ послалъ въ городъ грамоту, въ которой обѣщалъ защиту русскихъ выгодъ и православной вѣры, если смольняне сдадутся ему; но ихъ очень трудно было обмануть: знали они, какъ Сигизмундъ слѣпо преданъ католической вѣрѣ, и какъ тѣснили православіе въ его владѣніяхъ, и потому отвѣчали королю, что они клялись за православную вѣру, за святыя церкви и царя всѣмъ помереть, а литовскому королю и его панамъ отнюдь не предаваться, и сдержатъ свою клятву. Осада Смоленска началась для короля неудачно: приступъ былъ отбитъ, подкопы тоже не удались.

Когда въ Тушинѣ узнали о походѣ Сигизмунда, поднялось сильное волненіе. Поляки кричали, что король хочетъ отнять у нихъ добычу, воспользоваться тѣмъ, что добыли они своимъ потомъ и кровью. Наконецъ, явились въ Тушино послы Сигизмунда звать поляковъ отсюда на службу королю. Снова

начались сильныя волненія, пререканія и сѣтованія... Положеніе самозванца стало крайне опаснымъ... Онъ, переодѣвшись въ крестьянскую одежду, тайкомъ, когда стемнѣло, выбрался изъ Тушина и бѣжалъ въ Калугу.

Страшный переполохъ поднялся въ станѣ тушинцевъ, лишь только разнеслась вѣсть о побѣгѣ „царя“. Его присутствіе было нужно: безъ него все дѣло ихъ лишалось всякаго смысла. Послѣ побѣга „царика“, какъ звали въ насмѣшку самозванца, тушинское гнѣздо разсѣялось. Рожинскому и другимъ панамъ не оставалось тоже ничего больше, какъ отправиться на службу къ королю. Марина въ мужской одеждѣ бѣжала къ мужу въ Калугу.

Теперь Москва освободилась отъ „Тушинскаго вора“. Отовсюду везли припасы въ столицу, гдѣ хлѣбъ поднялся уже до очень высокой цѣны.

12-го марта 1610 года Москва съ небывалой радостью и торжествомъ встрѣчала своего любимца, Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Онъ вступалъ въ столицу. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ Делагарди. Толпы народа привѣтствовали молодого вождя еще за городомъ. Бояре поднесли ему хлѣбъ-соль. Народъ величалъ Скопина „освободителемъ земли“ и „своимъ избавителемъ“, кланялся ему въ землю. Самъ царь Василій со слезами на глазахъ обнималъ и цѣловалъ его предъ всѣмъ народомъ. Начались пиры. Царь угощалъ шведовъ, одѣлялъ ихъ подарками. Хлѣбосольные москвичи нацерехватъ зазывали къ себѣ въ домы иноземныхъ гостей и чествовали ихъ пирами, стараясь всячески выразить имъ свою признательность.

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.

Но недолго продолжалось веселое и праздничное настроеніе Москвы. Скопинъ намѣревался переждать въ Москвѣ весеннюю распутицу, отдохнуть до „просухи“, а затѣмъ итти на выручку Смоленска. Но царь Василій втайнѣ уже опасался Скопина. Знаки народной любви, радостные крики при встрѣчахъ народа съ нимъ пугали подозрительнаго царя. Многіе въ Москвѣ даже громко говорили, что надо низложить Василія, а царемъ избрать князя Скопина. Царь даже объяснялся съ нимъ по этому поводу. Князь увѣрялъ Василія, что вовсе не думаетъ о коронѣ; но увѣрить подозрительнаго старика было, конечно, трудно. На бѣду, какіе-то гадатели, говорятъ, напророчили суевѣр-

ному Василію, что престолъ послѣ него достанется царю Михаилу, какъ разъ—Михаилу Скопину, думалось Василію. Но пуще всѣхъ ненавидѣлъ Скопина Димитрій Ивановичъ Шуйскій, братъ царя. Это былъ человѣкъ бездарный, но очень честолюбивый, мечтавшій занять престолъ по смерти бездѣтнаго брата.

23-го апрѣля князь Воротынскій пригласилъ къ себѣ Скопина крестить ребенка. Во время крестильнаго пира Скопину вдругъ сдѣлалось дурно. Его отвезли домой. Кровь хлынула у него изъ носу. Врачъ ничего сдѣлать не могъ. Чрезъ нѣсколько дней князь скончался на 24-мъ году отъ роду.

Вѣсть объ этомъ поразила народъ какъ громомъ. Пошли ходить слухи, будто бы Скопину на пиру у Воротынскаго поднесла чашу съ отравой его кума, жена Димитрія Ивановича. Негодованіе и волненіе народа дошли до того, что пришлось домъ Димитрія Ивановича охранять военной силой отъ ярости толпы...

Горько оплакивалъ раннюю кончину своего друга Делегарди.

— „Московскіе люди, говорилъ онъ со слезами на глазахъ, глядя на тѣло Скопина,—не только на Руси вашей, но и въ земляхъ моего государя не видать мнѣ такого человѣка!“

Безчисленная толпа народа тѣснилась около гроба князя Скопина, когда его погребали. Мать и жена покойнаго обезпамятѣли отъ горя и отчаянія. Громко рыдалъ и царь Василій Ивановичъ,—хоронилъ онъ своего знаменитаго воеводу, надежду Русской земли, хоронилъ вмѣстѣ съ нимъ и свою послѣднюю опору...

Князя Скопина погребли въ Архангельскомъ соборѣ между гробницами русскихъ царей.

Сведеніе съ престола Василія Ивановича.

Не стало Скопина какъ разъ въ ту пору, когда особенно нуженъ былъ высокодаровитый вождь и притомъ любимый войскомъ. Тушинскій воръ уже былъ не опасенъ Москвѣ; но зато съ запада надвигалась на нее болѣе страшная гроза. Когда побѣды Скопина и его движеніе къ Москвѣ съ одной стороны, а съ другой—вторженіе Сигизмунда въ русскіе предѣлы разсѣяли тушинское скопище, положеніе русскихъ бояръ и служилыхъ людей, перешедшихъ на сторону самозванца, стало очень затруднительнымъ. Что имъ оставалось дѣлать? Бѣжать за самозванцемъ, потерявшимъ всякую надежду на успѣхъ, было бы совсѣмъ неразумно. Итти съ повинной головой къ Шуйскому было уже поздно. Онъ щадилъ и даже жаловалъ своихъ каявшихся измѣнниковъ тогда, когда уходили они отъ сильнаго его врага, а теперь могъ посмотрѣть на нихъ совсѣмъ иначе. Русскіе тушинцы рѣшились искать милости у польскаго короля.

31-го января 1610 г. къ Сигизмунду явилось ихъ посольство. Тутъ были люди разныхъ чиновъ: знатные бояре, дьяки, дворяне... Главными представителями были боярин Михаилъ Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ и дьякъ Грамотинъ, ловкій, смышленый, но безнравственный дѣлецъ.

Большимъ праздникомъ для тщеславнаго Сигизмунда было прибытіе русскаго посольства къ нему въ станъ. Торжественно принималъ онъ посольство въ

своемъ шатрѣ, окруженный сенаторами. Униженно привѣтствовали короля русскіе послы: Михаилъ Салтыковъ поцѣловалъ руку ему и сказалъ привѣтствіе,—поздравилъ его съ прибытіемъ въ Русскую землю,—заявилъ, что московскій народъ расположенъ къ нему и желаетъ отдаться подъ его покровительство и ввѣрить ему свою участь. А Иванъ Салтыковъ выразилъ отъ всего русскаго духовенства благодарность королю за то, что онъ пожаловалъ въ Московскую землю, соболѣзнуя о всеобщей смутѣ и разореніи ея областей, чтобы при Божіей помощи водворить въ опустошенной странѣ миръ и спокойствіе. Затѣмъ дьякъ Иванъ Грамотинъ сказалъ самое главное, что всякаго званія московскіе люди бьютъ челомъ королю и выражаютъ желаніе возвести на московскій престолъ королевича Владислава съ тѣмъ только, чтобы король не нарушалъ святой вѣры греческаго закона, которую столько вѣковъ блюли московскіе люди.

Такимъ образомъ, эти послы, выражавшіе на самомъ дѣлѣ волю только русскихъ измѣнниковъ, говорили съ королемъ отъ имени всей Русской земли,—являлись самозванными представителями ея и предавали ее Сигизмунду, злѣйшему врагу русской народности и православія.

Всѣмъ лживымъ увѣреніямъ этихъ пословъ король вѣрилъ или притворялся, что вѣритъ: это ему было очень выгодно,—являлся удобный поводъ водворить свою власть въ Москвѣ.

4-го февраля заключенъ былъ между королемъ и посольствомъ договоръ. Главныя условія его заключались въ томъ, чтобы Владиславъ вѣнчался на царство въ Москвѣ по старому обычаю, чтобы святая вѣра греческаго закона осталась неприкосновенною и „учители римскіе, лютерскіе и другихъ вѣръ“—раскола церковнаго не чинили; чтобы перемѣна законовъ зависѣла отъ бояръ и всей земли, и царь не казнилъ никого, „не осудя прежде съ боярами и думными людьми“. Стало быть, Владиславу предлагалось не самодержавіе, а ограниченная царская власть, какая была у Василія Ивановича Шуйскаго. Любопытно слѣдующее условіе: „Для науки вольно каждому изъ народа московскаго ѣздить въ другія государства христіанскія, кромѣ бусурманскихъ, поганскихъ, и государь отчинъ, имѣній и дворовъ ни у кого за то отнимать не будетъ“. Видно, что со временъ Бориса и Лжедимитрія I мысль о необходимости сближенія съ западомъ и просвѣщенія уже укоренилась и окрѣпла. Но въ то же время тушинскіе послы требовали, чтобы крестьяне оставались прикрѣпленными къ землѣ, и чтобы холопамъ вольности не было дано.

И вотъ какъ разъ въ то время, когда русскіе измѣнники готовились предать Москву и русскій престолъ въ руки полякамъ, не стало того вождя, въ которомъ лучшіе русскіе люди видѣли надежду на спасеніе отъ внутреннихъ и внѣшнихъ губителей Русской земли.

Василія Ивановича не любили и не уважали...

Нелюбовь къ нему сказывалась уже и раньше, и притомъ очень сильно. Такъ, 17-го февраля 1609 г., когда тушинцы заградили пути въ Москву, и тамъ настала сильная нужда и дороговизна, то поднялся мятежъ, и шумная толпа служилаго и чернаго люда стала дерзко кричать: „Надо перемѣнить царя! Василій сѣлъ самовольствомъ, не всею землею выбранъ!“

Толпа мятежниковъ, по звону набатнаго колокола, наполнила Красную

площадь. Изъ толпы раздались крики:— „Князь Василій Шуйскій нелюбъ намъ на царствѣ! Его одна Москва выбрала!“

Не сдобровать бы тогда Василію Ивановичу: у него было много и явныхъ враговъ, и тайныхъ недоброхотовъ межъ боярами; но на этотъ разъ его выручилъ патріархъ Гермогенъ.

— „До сихъ поръ Москва, сказалъ онъ народу, всѣмъ городамъ указывала, а не другіе города указывали ей... А что кровь льется, то это творится по волѣ Божіей, а не по хотѣнію царя!“

Своими увѣщаніями патріархъ на время образумилъ мятежниковъ. Но скоро открытъ былъ тайный заговоръ погубить Василія. Главнаго виновника казнили. Положеніе Василія Ивановича становилось все хуже и хуже. Общее недовольство, крамолы и неудача за неудачей преслѣдовали его.

Блестящіе успѣхи Скопина, царскаго родича, на время примирили было народъ съ несчастнымъ царствованіемъ Василія; но когда неожиданно скончался Скопинъ, и народная молва, хотя и ложная, обвинила въ его смерти царскаго брата и самого царя, то положеніе его сдѣлалось крайне шаткимъ. Въ Рязанской землѣ Прокопій Ляпуновъ начинаетъ волновать народъ, требуетъ сверженія Василія Ивановича, заводитъ даже сношенія съ самозванцемъ, засѣвшимъ въ Калугѣ. Заговорили громче прежняго недоброхоты Василія и въ Москвѣ... На свою бѣду царь назначилъ главнымъ предводителемъ войска, которое готовился вести на Сигизмунда покойный Скопинъ, своего бездарнаго брата Димитрія, нелюбимаго ни войскомъ, ни народомъ.

Ополченіе это, состоявшее по большей части изъ новобранцевъ, предводимое неискуснымъ и нелюбимымъ вождемъ, двинулось къ Можайску. Сигизмундъ отправилъ навстрѣчу русскимъ отрядъ своего войска подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго. Встрѣча произошла 24-го іюня 1610 г. между Москвой и Можайскомъ, у деревни Клушино. Первымъ же напоромъ поляки обратили въ бѣгство русскую конницу, смяли пѣхоту; наемные иноземцы изъ русскаго войска стали передаваться на сторону поляковъ. Московская рать была разбита на-голову. Димитрій Шуйскій и другіе воеводы позорно бѣжали.

Послѣ этой побѣды Жолкѣвскій двинулся къ Москвѣ, провозглашая повсюду царемъ королевича Владислава. Городъ за городомъ сдавались ему, и онъ уже приближался къ столицѣ. Съ другой стороны, спѣшилъ къ ней самозванецъ изъ Калуги и 1-го іюля сталъ въ Коломенскомъ селѣ; онъ разсчитывалъ, что Москва въ крайности скорѣе признаетъ его власть, чѣмъ Владислава. Москва волновалась. Грамоты Жолкѣвскаго, въ которыхъ онъ сулилъ Русской землѣ миръ, спокойствіе и всякія благодати, если она признаетъ своимъ царемъ Владислава, раскидывались по улицамъ, ходили по рукамъ, читались громогласно на сходкахъ. Люди, преданные самозванцу, съ своей стороны, мутили народъ... Многіе, не желая повиноваться Шуйскому, вовсе не хотѣли попасть и въ руки самозванцу, и тайно согласились съ тушинцами, что тѣ покинутъ его, а москвичи сведутъ Василія съ престола, и выберутъ всей землей новаго царя.

Положеніе Шуйскаго въ Москвѣ становилось со дня на день труднѣе.

17-го іюля Захаръ Ляпуновъ съ толпой соумышленниковъ явился во дворецъ и сталъ дерзко говорить царю:

— „Долго ли за тебя будетъ литься кровь христіанская? Земля запустѣла; ничего добраго въ твое правленіе не дѣлается! Сжалься надъ нашей гибелью, положи царскій посохъ, а мы уже сами о себѣ подумаемъ!“

Дерзость Ляпунова возмутила Шуйскаго; онъ сталъ бранить мятежника, даже схватился за ножъ... Но на эту угрозу дюжій Ляпуновъ отвѣтилъ:

— „Не тронь меня; а не то сомну тебя всего!“

Въ тотъ же день за Москвой-рѣкой, у Серпуховскихъ воротъ, собралась большая сходка. Тутъ были бояре, дворяне, торговые люди и проч. Бояре и всякіе люди приговорили: бить челомъ Василію Ивановичу, чтобы онъ царство оставилъ для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливый, и многіе города украинскіе его не хотятъ. Противъ этого приговора говорили только нѣкоторые бояре да патріархъ, но ихъ не послушали.

Съ тяжелымъ порученіемъ сообщить этотъ приговоръ Василію Ивановичу и предложить ему въ удѣлъ Нижній-Новгородъ отправился во дворецъ царскій своякъ, князь Воротынскій. Шуйскому ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ отказаться отъ власти; онъ изъ дворца переѣхалъ въ свой боярскій домъ.

Послѣ этого главные виновники совершившагося переворота послали сказать тушинцамъ, что Василій сведенъ съ престола и теперь очередь за ними—исполнить свое обѣщаніе отстать отъ самозванца. На это тушинцы насмѣшливо отвѣтили: „Вы не помните своего крестнаго цѣлованія, и потому своего царя съ царства свели, а мы за своего помереть рады“

Нѣкоторые уже стали жалѣть, что поступили такъ сурово съ злосчастнымъ Василіемъ Ивановичемъ; а патріархъ сталъ требовать, чтобы снова признали Шуйскаго царемъ. Многіе соглашались съ нимъ. Тогда Захаръ Ляпуновъ и его сообщники, опасаясь, чтобы этого не случилось, поспѣшили въ домъ къ Шуйскому, взявши съ собою монаховъ изъ Чудова монастыря, и заявили Василію Ивановичу, что для успокоенія народа онъ долженъ постричься въ монахи. Тотъ вовсе этого не желалъ, всячески противился, кричалъ, что онъ рѣшительно не хочетъ постригаться. Все было напрасно! Обрядъ постриженія надъ нимъ совершенъ былъ насильно: Ляпуновъ держалъ его за руки, а князь Тюфякинъ произносилъ за него монашескіе обѣты.

Патріархъ негодовалъ. Онъ заявилъ, что это постриженіе не имѣетъ никакой силы; что монахомъ сталъ не Шуйскій, а тотъ, кто произносилъ обѣты. Но Шуйскаго свезли въ Чудовъ монастырь. Жена его тоже была пострижена, а братья заключены.

Междуцарствіе (1610—1613).

Поляки въ Москвѣ.

Наступило безгосударное время. Во главѣ правленія стояла боярская дума. Ей должны были всѣ присягать. Состояла она изъ семи знатнѣйшихъ бояръ; главнымъ изъ нихъ былъ князь Мстиславскій. По всѣмъ городамъ была разослана грамота, что Василій Ивановичъ Шуйскій, „внявъ челобитью

земли Русской, оставилъ государство и міръ для спасенія отечества". Въ грамотѣ было прибавлено, что Москва цѣловала крестъ не поддаваться ни Сигизмунду, ни Тушинскому вору, что всѣ русскіе должны возстать, уничтожить враговъ и всею землею избрать себѣ властителя.

Но полнаго единодушія не было въ Москвѣ. Среди черни было много доброхотовъ самозванца; между тѣмъ знатные и зажиточные люди, понятно, и слышать не хотѣли о „Тушинскомъ ворѣ", который возбуждалъ противъ нихъ чернь. Между боярами были сторонники королевича Владислава; но всѣ тѣ, кому дорого было православіе и русская народность, вовсе не думали о польскомъ королевичѣ, а хотѣли имѣть своего чисто русскаго и православнаго царя. Болѣе всего ратовалъ за это патріархъ Гермогенъ: онъ предлагалъ избрать или князя Василія Васильевича Голицына, или четырнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына митрополита Филарета.

Но въ это время „Тушинскій воръ" стоялъ уже въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой, а въ Можайскѣ—гетманъ Жолкѣвскій, уже извѣстившій бояръ о томъ, что идетъ защищать ихъ отъ бѣдствій.

Сначала бояре ему отвѣтили: „Не требуемъ твоей защиты, не приближайся, или встрѣтимъ тебя, какъ непріятеля."

Но Жолкѣвскій все-таки шелъ къ столицѣ. Бороться съ двумя врагами Москвѣ тогда было не подъ силу. Земскій соборъ собирать для избранія новаго царя было не время. Приходилось избирать государя изъ двухъ искателей престола: Тушинскаго самозванца или Владислава. Провѣдавши, что доброхоты Лжедимитрія замышляютъ тайкомъ впустить его войско въ Москву, старшій изъ бояръ, князь Мстиславскій, послѣ совѣщанія съ другими сановниками, рѣшился войти въ соглашеніе съ гетманомъ Жолкѣвскимъ. Послано было спросить его, идетъ ли онъ къ Москвѣ, какъ другъ или какъ недругъ.

— „Желаю блага Русской землѣ, отвѣчалъ Жолкѣвскій, предлагаю вамъ Владислава и помощь противъ самозванца."

Назначенъ былъ день для переговоровъ. Противъ Дѣвичьяго монастыря былъ устроенъ шатеръ. Сюда съѣхались въ равномъ числѣ русскіе съ княземъ Мстиславскимъ и поляки съ гетманомъ, помѣнявшись предварительно заложниками. Жолкѣвскій заявилъ, что онъ согласенъ только на тѣ условія, которыя были приняты русскими послами подъ Смоленскомъ; но бояре настоятельно требовали, чтобы королевичъ принялъ православіе еще до пріѣзда своего въ Москву. Рѣшено было это условіе предоставить на усмотрѣніе короля. Самозванецъ въ это время сильно озабочивалъ бояръ, и они спѣшили скрѣпить договоръ съ гетманомъ присягой. 27-го августа съѣхался гетманъ въ полѣ съ тѣми же боярами, съ которыми сносился раньше; на этотъ разъ съ ними было до 10-ти тысячъ служилыхъ людей, и всѣ присягали на подданство королевичу Владиславу. Чрезъ два дня послѣ этого гетманъ получилъ письмо отъ короля, который требовалъ, чтобы въ Московскомъ государствѣ утверждена была власть его самого, а не сына. Гетманъ понималъ, что это—дѣло невозможное и, опасаясь, чтобы москвитяне, которымъ самое имя короля было ненавистно, не возстали и не склонились въ пользу самозванца или кого другого, благоразумно скрылъ отъ московскихъ бояръ королевское требованіе.

Жолкѣвскій хотѣлъ было напасть врасплохъ на самозванца и захватить его, но это не удалось; когда русскіе соединились съ гетманомъ, самозванецъ поспѣшно отступилъ изъ-подъ Москвы и засѣлъ въ Калугѣ.

Жолкѣвскій хлопоталъ, чтобы снаряжено было посольство къ королю для окончательнаго рѣшенія вопроса о Владиславѣ. На самомъ дѣлѣ у хитраго гетмана былъ другой умыселъ: онъ хотѣлъ удалить изъ Москвы лицъ, особенно опасныхъ для короля. Князя Василія Васильевича Голицына онъ убѣдилъ стать во главѣ посольства, выставляя на видъ, что „великія дѣла должны совершаться великими мужами“. Михаила Ѳеодоровича, слишкомъ еще юнаго, никакъ нельзя было включить въ посольство; но Жолкѣвскій постарался удалить изъ Москвы отца его, митрополита Филарета, который долженъ былъ ѣхать съ Голицынымъ, какъ представитель духовенства.

Посольство отправилось къ Сигизмунду. Жолкѣвскій съ небольшимъ своимъ войскомъ остался подъ Москвой. Чернь въ Москвѣ все еще думала о самозванцѣ, и бояре опасались мятежа; ловкій гетманъ еще болѣе убѣдилъ ихъ въ этой опасности, и они сами предложили ему занять своимъ войскомъ столицу. Сначала патріархъ сильно этому противился. Наконецъ, польское войско вошло. Предусмотрительный гетманъ размѣстилъ поляковъ отрядами по близости одинъ отъ другого, такъ что въ случаѣ неожиданной опасности они могли оказывать взаимную помощь. Жолкѣвскій хорошо понималъ, что легко можетъ вспыхнуть народный мятежъ въ Москвѣ, и потому принималъ всевозможныя мѣры, чтобы предупредить бѣду: приказалъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы его воины не заводили никакихъ ссоръ съ жителями, не творили никакихъ насилій; назначилъ судей изъ русскихъ и поляковъ, по равному числу, для рѣшеній всякихъ споровъ и пререканій между москвичами и поляками. И надо отдать справедливость гетману: онъ добился того, что воины его жили въ Москвѣ такъ смирно и благочинно, что москвичи, у которыхъ еще свѣжа была память о насиліяхъ и своевольствѣ поляковъ при Лжедимитріи I, просто диву дались!... Даже патріархъ, суровый старецъ, нетерпѣвшій иновѣрцевъ, и тотъ сталъ дружелюбнѣе и довѣрчивѣе относиться къ Жолкѣвскому, который выказывалъ уваженіе къ православной вѣрѣ и ни въ чемъ не оскорблялъ русскаго чувства. Стрѣльцовъ московскихъ гетманъ привлекъ къ себѣ щедрыми подарками и угощеніемъ. Часть стрѣлецкаго войска была отослана въ Новгородъ, а начальство надъ оставшимися стрѣльцами было дано поляку Гонсѣвскому.

Ловко обдѣлалъ Жолкѣвскій польскія дѣла въ Москвѣ. Казалось, лучшаго полякамъ и желать было трудно: русская столица была въ ихъ власти; князь Голицынъ, котораго нѣкоторые прочили въ цари, и митрополитъ Филаретъ, на юнаго сына котораго начинали смотрѣть съ надеждой лучшіе русскіе люди, были въ королевскомъ станѣ, т.-е. въ рукахъ короля. Въ церквахъ уже молились за Владислава, какъ за русскаго законнаго царя. Всѣ указы писались, всѣ суды производились его именемъ. Ему былъ уже готовъ тронъ,—оставалось только сѣсть на него; но для этого надо было королевичу принять православіе и немедленно ѣхать въ Москву. Къ счастію для Россіи, Сигизмундъ не былъ способенъ воспользоваться дѣломъ своего ловкаго гетмана.

Сдѣлалъ Жолкѣвскій все, что только могъ, въ пользу своего королевича,

но ясно понималъ, что упорное желаніе короля самому властвовать въ Москвѣ погубитъ все дѣло. Отъ русскихъ пословъ, поѣхавшихъ въ королевскій станъ подъ Смоленскъ, утѣшительныхъ извѣстій не было. Неизвѣстность стала уже томить даже и ревностныхъ сторонниковъ Владислава. Наконецъ, Жолкѣвскій, считая свое дѣло покончennымъ, сдалъ начальство надъ поляками Гонсѣвскому, а самъ отправился въ королевскій станъ. Бояре старались удержать гетмана въ Москвѣ, опасаясь, что безъ него начнутся смуты; но онъ увѣрилъ бояръ, что онъ самъ лично хочетъ просить короля ускорить пріѣздъ Владислава въ Москву.

Московскіе послы подъ Смоленскомъ.

Московское посольство прибыло подъ Смоленскъ 27-го сентября. Послы были приняты королемъ и предъ нимъ изложили причину своего прибытія. Рѣчь канцлера Льва Сапѣги, который восхвалялъ короля за то, что онъ хочетъ прекратить кровопролитіе въ Московскомъ государствѣ и успокоить его, не понравилась посламъ,—тѣмъ болѣе, что канцлеръ ни слова не сказалъ о королевичѣ и его избраніи, какъ будто не въ этомъ было главное дѣло.

Затѣмъ начались настоящіе переговоры съ королевскими сановниками. Паны уклончиво отвѣчали на требованія русскихъ пословъ, чтобы Владиславъ скорѣе ѣхалъ въ Москву, и въ свою очередь настаивали, чтобы московскіе послы приказали прежде всего защитникамъ Смоленска сдаться королю.

Русскіе послы основательно замѣчали, что лишь только Владиславъ сядетъ на русскій престолъ, то и Смоленскъ будетъ его. Польскіе сановники настаивали, чтобы городъ былъ сданъ немедленно, что это нужно для чести короля, и что онъ отдастъ потомъ Смоленскую область своему сыну. Русскіе послы сослались тогда на то, что имъ не наказано говорить о Смоленскѣ. Три раза уже съѣзжались для переговоровъ московскіе послы съ польскими панами, и убѣдились, что тѣ только время тянутъ, и отъ рѣшенія главныхъ вопросовъ насчетъ Владислава всячески уклоняются; особенно тревожилъ русскихъ вопросъ о крещеніи Владислава въ православную вѣру. Сильно добивался митрополитъ Филаретъ отвѣта по этому вопросу; но на его требованія отвѣчали уклончиво:

— „Въ этомъ дѣлѣ воленъ Богъ да самъ королевичъ!“

А затѣмъ, когда Филаретъ очень ужъ настойчиво сталъ требовать отвѣта, то Сапѣга всердцахъ сказалъ, что королевичъ и такъ уже крещенъ, и другого крещенія нигдѣ не написано.

Дѣло принимало худой оборотъ. Поняли русскіе послы, что польскіе сановники смотрятъ на дѣло совсѣмъ другими глазами, чѣмъ Жолкѣвскій, и съ большимъ нетерпѣніемъ ждали его пріѣзда.

Наконецъ, Жолкѣвскій пріѣхалъ и привезъ съ собою несчастнаго царя-монаха Василія Ивановича съ братьями. Несмотря на всѣ свои несчастія, Шуйскій не потерялъ твердости духа, и когда стали было его побуждать преклонить колѣна предъ Сигизмундомъ, онъ твердо сказалъ:

— „Не достоитъ московскому царю, какъ рабу, кланяться королю Божьими судьбами такъ совершилось, что я взятъ въ плѣнъ, но не вашими руками; мои рабы-измѣнники отдали меня вамъ!“

Хотя Жолкѣвскаго приняли въ королевскомъ станѣ съ большимъ почетомъ, какъ побѣдителя, но король все-таки высказалъ ему при первомъ же удобномъ случаѣ, что онъ велъ дѣла въ Москвѣ не такъ, какъ ему было предписано. Жолкѣвскій очень убѣдительно доказывалъ, что все сдѣлано, что можно было сдѣлать, и всячески старался убѣдить короля немедленно посадить королевича Владислава на Московское царство; но всѣ доводы и убѣжденія гетмана пропали даромъ. Упрямый король стоялъ на своемъ.

Напрасно русскіе послы надѣялись, что ихъ дѣло пойдетъ лучше съ пріѣздомъ Жолкѣвскаго; онъ, видимо, старался свалить съ себя всякую отвѣтственность, даже лукавилъ, когда русскіе послы въ своихъ требованіяхъ ссылались на него. Время проходило въ безполезныхъ спорахъ. Наконецъ, рѣшено было послать въ Москву за новымъ наказомъ относительно Смоленска

Непоколебимая твердость Филарета и Голицына выводила польскихъ сановниковъ изъ терпѣнія: стали они всячески, лаской, обѣщаніемъ королевской милости, склонять второстепенныхъ посольскихъ людей отступиться отъ главныхъ пословъ и радѣть въ пользу короля. Нашлось нѣсколько человѣкъ, которые соблазнились; но оказались люди и другого рода.

Стали паны убѣждать думнаго дьяка Томилу Луговского, чтобы онъ ѣхалъ уговаривать смольнянъ сдаться.

— „Какъ мнѣ это учинить и вѣчную клятву на себя навести?—твердо отвѣчалъ, между прочимъ, Луговской.—Не только Господь Богъ и люди Московскаго государства мнѣ не простятъ этого, но и земля меня не понесетъ. Присланъ я отъ Московскаго государства въ челобитчикахъ, и мнѣ первому соблазнъ учинить? Лучше, по слову Христову, навязать на себя камень и вринуться въ море!“

Нѣкоторые изъ посольскихъ людей, соблазненныхъ обѣщаніями разныхъ милостей королевскихъ, отстали отъ пословъ и уѣхали въ Москву. Уѣхалъ и Авраамій Палицынъ, келарь Троицкой лавры, бывшій при митрополитѣ; понялъ онъ, что изъ посольскаго дѣла не будетъ никакого проку и, конечно, думалъ, что больше пользы русскому дѣлу принесетъ у себя въ лаврѣ, чѣмъ въ польскомъ станѣ.

Патріархъ Гермогенъ.

Не всѣ такъ честно и твердо служили родной землѣ, какъ митрополитъ Филаретъ, князь Голицынъ и дьякъ Луговской. Нашлось немало людей въ Москвѣ, готовыхъ поступиться пользою отечества ради личныхъ выгодъ. Первый бояринъ, князь Мстиславскій, принялъ отъ короля санъ конюшаго; нѣкоторые изъ бояръ писали униженныя просьбы къ польскому канцлеру, выпрашивая разныхъ королевскихъ милостей... Король не скупился, жаловалъ щедро своимъ русскимъ угодникамъ видныя должности, званія и земли. Боярская дума въ Москвѣ уже не противилась тому, чтобы признать Сигизмунда „правителемъ“ Московскаго государства до пріѣзда Владислава; но болѣе рьяные доброхоты короля—Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ и другіе добивались того, чтобы „царемъ“ провозглашенъ былъ Сигизмундъ, а не юный сынъ его. Горою стоялъ

за короля и другой видный въ то время человѣкъ въ Москвѣ, государственный казначей Ѳедоръ Андроновъ, попавшій на такую высокую должность изъ торговыхъ мужиковъ за свою вѣрность королю. Этотъ Андроновъ исполнялъ всѣ требованія Гонсѣвскаго безпрекословно: драгоцѣнныя и лучшія вещи изъ царской казны были имъ отосланы королю; поживился около казны и Гонсѣвскій. Андроновъ всячески старался провести на видныя мѣста своихъ товарищей,—сторонниковъ короля.

Самолюбіе именитыхъ бояръ сильно оскорблялось тѣмъ, что бывшій торговый мужикъ засѣдаетъ съ ними въ думѣ, орудуетъ дѣлами и пользуется полнымъ довѣріемъ короля. Андронова не выносилъ и Салтыковъ. Эти предатели соперничали между собой, писали доносы одинъ на другого и старались своимъ усердіемъ королю превзойти другъ друга. Салтыковъ даже писалъ Сапѣгѣ:

— „Пусть король не мѣшкая идетъ въ Москву и объявитъ, что идетъ на вора въ Калугѣ. Какъ придетъ король въ Можайскъ, то увѣдомь меня, а я бояръ и прочихъ людей приведу къ тому, что будутъ бить челомъ королю, чтобы онъ пожаловалъ въ Москву и государство сына своего очищалъ“.

Но происки и замыслы измѣнниковъ встрѣчали несокрушимое препятствіе въ патріархѣ Гермогенѣ. Этотъ старецъ, стоявшій „на стражѣ православія“, выказалъ необычайную твердость и мужество.

Въ „безгосударное“ время патріархъ былъ въ государствѣ первымъ лицомъ, и слово его получало огромный вѣсъ въ глазахъ народа.

Когда изъ-подъ Смоленска прибылъ гонецъ съ вопросомъ отъ пословъ, какъ отвѣчать на королевскія требованія насчетъ сдачи города, то Салтыковъ и Андроновъ явились къ Гермогену и стали говорить, что надо послать королю грамоту, просить у него сына и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить, что предаются вполнѣ на волю короля, а также написать и Филарету, чтобы и послы положились во всемъ на королевскую волю.

Гермогенъ понялъ, что дѣло ведется въ угоду Сигизмунду и въ ущербъ отечеству, и сталъ спорить съ Салтыковымъ и Андроновымъ... На другой день (5-го декабря) они явились съ княземъ Мстиславскимъ и съ грамотой, которая была уже подписана боярами. Оставалось подписать ее патріарху.

— „Пусть король дастъ своего сына на Московское государство и выведетъ своихъ людей изъ Москвы, — сказалъ Гермогенъ, — пусть королевичъ приметъ греческую вѣру. Если вы напишите такъ въ грамотѣ, то я приложу къ ней руку и васъ благословлю на то же. А чтобы положиться на королевскую волю,—я самъ такъ не поступлю и другимъ повелѣваю такъ не дѣлать. А если вы меня не послушаете, то наложу на васъ клятву. Ясно, что послѣ такой грамоты намъ придется цѣловать крестъ королю... Если и королевичъ воцарится у насъ, да вѣры единой съ нами не приметъ и людей королевскихъ отъ насъ не выведетъ, то я всѣхъ тѣхъ, которые уже крестъ ему цѣловали, благословлю итти на Москву и страдать до смерти!“

Бояре заспорили съ патріархомъ. Сильнѣе всѣхъ горячился Салтыковъ. Говорятъ, что онъ вышелъ изъ себя, сталъ браниться, даже сгоряча выхватилъ изъ-за пояса ножъ и замахнулся на патріарха.

— „Не боюсь я твоего ножа,—сказалъ патріархъ,—я противъ твоего

Патріархъ Гермогенъ отвергаетъ требованія русскихъ измѣнниковъ.

ножа вооружусь силою святого креста: ты же будь проклятъ отъ нашего смиренія въ семъ вѣкѣ и будущемъ!“

Бояре такъ и ушли съ неподписанной грамотой.

На другой день патріархъ говорилъ въ соборной церкви проповѣдь. Поляки окружили церковь, чтобы не допустить народнаго сборища; однако нѣкоторые успѣли войти. Гермогенъ увѣщавалъ всѣхъ — твердо стоять за православную вѣру, оборонять ее всѣми силами, сноситься съ другими городами, изобличалъ измѣнниковъ и предателей...

Послѣ этого поляки стали сильно опасаться патріарха,—окружили его стражей, затруднили доступъ къ нему. Но дѣло было сдѣлано. Живое слово святителя разносилось слышавшими не только по Москвѣ, но и по другимъ городамъ. Высокій примѣръ его самоотверженія и непоколебимости воодушевлялъ лучшихъ русскихъ людей; а притѣсненія старца-патріарха поляками обращались во вредъ имъ же, возбуждали противъ нихъ негодованіе народа.

Прокопій Ляпуновъ, который уже и раньше волновалъ Рязанскую землю противъ поляковъ, провѣдавъ объ оскорбленіи патріарха, писалъ въ Москву:

„Вы, бояре, прельстились на славу вѣка сего, отступили отъ Бога... Король ни въ чемъ не поступаетъ по крестному цѣлованію и договору съ гетманомъ Жолкѣвскимъ... Знайте же, что я сослался съ калужанами и тулянами и сѣверскими и украинскими городами: цѣлуемъ крестъ на томъ, чтобы намъ всей землей стоять, биться на-смерть съ поляками и литовцами“.

Въ это время совершилось событіе, которое дало новый поворотъ всѣмъ дѣламъ. 11-го декабря Лжедимитрій былъ убитъ однимъ крещенымъ татариномъ, мстившимъ за смерть татарскаго касимовскаго царя, который былъ умерщвленъ по приказу Лжедимитрія. Многіе и въ Москвѣ, и по областямъ только потому и соглашались признать царемъ Владислава, что очень боялись власти самозванца. Теперь съ этой стороны страха не было, и они примкнули къ тѣмъ, которые хотѣли всей землей встать противъ Литвы и ляховъ и выбрать себѣ природнаго русскаго царя.

Гонсѣвскаго пугало, что въ Москву все больше и больше собиралось народу. Это было обычнымъ дѣломъ, что въ столицу сходились люди къ рождественскому и крещенскому праздникамъ: Москва съ ея соборами, чудотворными образами и мощами, съ ея пышнымъ патріаршимъ богослуженіемъ и обрядами всегда привлекала набожныхъ русскихъ людей. Поляковъ сильно безпокоило это многолюдство: они боялись народнаго мятежа. Къ патріарху, котораго поляки, чтобы не возбуждать народной вражды, освободили изъ-подъ стражи, приходили съ разныхъ сторонъ люди. Онъ всѣхъ благословлялъ стоять твердо за Русскую землю, за вѣру и всѣмъ говорилъ:

— „Если королевичъ не крестится и литовскіе люди не выйдутъ изъ нашей земли, то королевичъ не государь намъ!“

То же самое писалъ онъ въ своихъ грамотахъ и разсылалъ ихъ въ разныя стороны. Одна его грамота попала въ руки полякамъ, и они снова стали наблюдать за нимъ и стѣснять его, отняли отъ него бумагу; но все же усмотрѣть не могли. Писать онъ не могъ, но говорить съ приходившими къ нему людьми ему позволялось, а онъ ихъ благословлялъ на подвигъ за родную землю, увѣща-

валъ ихъ другимъ передавать его рѣчи, и слово его разносилось по Русской землѣ.

Тогда какъ въ Москвѣ непоколебимо радѣлъ за православную вѣру патріархъ, несмотря на то, что былъ въ рукахъ у поляковъ, подъ Смоленскомъ такъ же твердо стоялъ за родную землю другой польскій плѣнникъ—митрополитъ Филаретъ. Когда пришла боярская грамота изъ Москвы съ приказомъ поступать во всемъ по волѣ короля, Филаретъ, прочитавши грамоту, сказалъ:

— „Такимъ грамотамъ по совѣсти повиноваться нельзя: писаны онѣ безъ воли патріарха и всего освященнаго собора и всей земли.“

Пытались всячески паны уговорить пословъ; но они стояли на своемъ.

— „Нынѣ по грѣхамъ нашимъ,—сказалъ, между прочимъ, Голицынъ, мы стали безъ государя, а патріархъ у насъ человѣкъ начальный, и безъ патріарха нынѣ о такомъ дѣлѣ совѣтовать непригоже!“

Не удалось полякамъ склонить въ пользу грамоты и другихъ посольскихъ людей. Примѣръ Филарета и Голицына воодушевлялъ ихъ, и они всѣ стояли заодно, что боярская грамота не имѣетъ силы, потому что писана безъ патріарха и безъ „совѣта всей земли“.

Народное движеніе противъ поляковъ.

Въ Москвѣ была получена отъ посольскихъ дворянъ изъ-подъ Смоленска грамота, гдѣ говорилось между прочимъ:

„Не надѣйтесь, чтобы королевичъ воцарился въ Москвѣ. Литовскіе и польскіе люди не допустятъ этого. У нихъ въ Литвѣ на сеймѣ положено, чтобы вывести лучшихъ людей и опустошить всю землю и завладѣть всей землей Московской. Ради Бога положите крѣпкій совѣтъ между собою. Разошлите списки съ нашей грамоты и въ Новгородъ, и въ Вологду, и въ Нижній и свой совѣтъ напишите, чтобы всѣмъ было вѣдомо про то, чтобы всею землею сообща стать за православную вѣру, покамѣстъ мы еще свободны, а не въ рабствѣ и не разведены въ плѣнъ“.

Грамота эта во многихъ спискахъ была разослана изъ Москвы по городамъ. Къ ней была приложена московская грамота, писанная съ благословенія Гермогена: она призывала всѣхъ къ единодушному возстанію на враговъ православія, призывала другіе города выручить Москву изъ бѣды, при чемъ напоминала о святынѣ, хранящейся въ столицѣ.

„Здѣсь (въ Москвѣ), говорится въ грамотѣ, образъ Божіей Матери, Богородицы, заступницы христіанской, которую евангелистъ Лука написалъ. Здѣсь великіе свѣтильники и хранители: Петръ, Алексій и Іона чудотворцы“.

Когда эти грамоты дошли до Рязани, Прокопій Ляпуновъ велѣлъ сдѣлать съ нихъ списки, приложилъ къ нимъ свое воззваніе и разослалъ по сосѣднимъ городамъ, а самъ немедля сталъ собирать ратныя силы.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ уже раньше началось движеніе. Когда здѣсь были получены грамоты смоленская и московская съ воззваніемъ Ляпунова, то и отсюда стали разсылать по окрестнымъ городамъ списки этихъ посланій, приложивши свои. Гонцы за гонцами съ грамотами неслись въ Кострому, въ Яро-

славль, въ Муромъ, во Владиміръ и другіе города, поднимая всюду народъ на борьбу съ „нечестивыми ляхами“, на защиту православной вѣры и родной земли. Изъ городовъ гонцы ѣздили по сёламъ и деревнямъ, сзывали помѣщиковъ и всякихъ ратныхъ людей, звономъ въ колокола собирали сходки; тутъ рѣшались вопросы, какъ казну собрать, какъ снаряжать войско; вооружались кто чѣмъ могъ; всѣ, кто пѣшій, кто конный, спѣшили въ назначенное сборное мѣсто; везли сюда сухари, толокно, порохъ и другіе припасы. Духовенство воодушевляло ратныхъ людей, приводило ихъ къ присягѣ, и русскій людъ торжественно цѣловалъ крестъ „стоять за православную церковь, за Московское государство, не служить польскому королю, и единодушно, безъ всякихъ споровъ и смутъ, очищать Московскую землю отъ польскихъ и литовскихъ людей“.

Сильно ошиблись поляки: они думали, что лишь стоитъ склонить бояръ на свою сторону,—и дѣло будетъ сдѣлано. О народѣ они словно совсѣмъ забыли, и вовсе не ожидали отпора со стороны его: на него смотрѣли они, какъ на стадо, которое можно погнать въ ту или другую сторону... Не подумали поляки и о томъ, что была на Руси могучая сила, способная поднять народъ на смертную борьбу.

Этой силой была православная вѣра. Во имя ея и взывали къ народу призывныя грамоты. На защиту своей вѣры, своей святыни—церквей, иконъ, мощей—поднимался русскій народъ. Поляки становились въ глазахъ всѣхъ православныхъ „погаными нечестивцами и заклятыми врагами“. Очистить родную землю отъ этихъ оскорбителей святыни и найти себѣ настоящаго русскаго царя, надежнаго хранителя ея, стало теперь задачей лучшихъ русскихъ людей.

Въ началѣ 1611 года стала ополчаться вся Русская земля. Прокопій Ляпуновъ изъ Рязанской области уже шелъ къ Москвѣ; на пути къ нему подходили отрядъ за отрядомъ ратныя силы изъ разныхъ городовъ и областей.

Поняли поляки, что на нихъ собирается страшная гроза... Прежде всего принялись они за того, кого считали главнымъ виновникомъ народнаго движенія. Михаилъ Салтыковъ и другіе бояре, доброхоты польскаго короля, по приказу Гонсѣвскаго приступили къ Гермогену.

— „Ты по городамъ посылалъ грамоты, говорилъ ему Салтыковъ, ты приказывалъ имъ собираться да итти подъ Москву; отпиши имъ теперь, чтобъ не ходили!“

— „Если ты и всѣ измѣнники, отвѣчалъ патріархъ, и королевскіе люди выйдете изъ Москвы вонъ,—я отпишу къ своимъ, чтобы вернулись назадъ!“

Бояре настаивали, бранились, но патріархъ стоялъ непоколебимо на своемъ... Тогда его стали держать въ самомъ строгомъ заключеніи. Говорятъ, самъ Гонсѣвскій обращался къ патріарху съ грозной рѣчью:

— „Ты, Гермогенъ, главный заводчикъ всего возмущенія! Тебѣ не пройдетъ это даромъ. Не думай, что тебя охранитъ твой санъ!“

Но что значили всѣ эти угрозы для доблестнаго старца, всегда готоваго пострадать за то великое дѣло, которому онъ служилъ?!

Страстная недѣля въ 1611 г. въ Москвѣ.

Не долго польскіе воины, занявшіе Москву, ладили съ москвичами. Военный людъ въ тѣ времена считалъ все позволительнымъ для себя, особенно въ завоеванной странѣ; а на Москву поляки смотрѣли какъ на покоренный городъ. Сначала при Жолкѣвскомъ они еще кое-какъ ладили съ жителями, по крайней мѣрѣ, было мирно и тихо, хотя и тогда уже не было взаимнаго довѣрія. „Нѣсколько недѣль провели мы, говоритъ полякъ Маскевичъ, очевидецъ событій, съ дружбой на словахъ и съ камнемъ за пазухой“. Поляки соблюдали величайшую осторожность. Стража стояла день и ночь у воротъ и на перекресткахъ. Гетманъ заблаговременно подъ благовиднымъ предлогомъ разослалъ по разнымъ городамъ московскихъ стрѣльцовъ. Москвичи начали на поляковъ поглядывать очень недружелюбно.

Сойтись русскому человѣку съ полякомъ было очень трудно. Этому мѣшало не только различіе религій, но и понятій. „Въ бесѣдахъ съ москвитянами, говоритъ тотъ же очевидецъ, наши, выхваляя свою вольность, совѣтовали имъ соединиться съ польскимъ народомъ и также пріобрѣсть свободу; но русскіе отвѣчали: „Вамъ дорога ваша воля, намъ—неволя. У васъ не воля, а своеволіе: сильный грабитъ слабаго, можетъ отнять у него имѣніе и самую жизнь. Искать же правосудія по вашимъ законамъ долго: дѣло затянется на нѣсколько лѣтъ. А съ иного и ничего не возьмешь. У насъ, напротивъ того, самый знатный бояринъ не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ царь творитъ судъ и расправу. Если же самъ государь поступитъ неправосудно,—его власть: какъ Богъ, онъ караетъ и милуетъ. Намъ легче перенесть обиду отъ царя, чѣмъ отъ своего брата; ибо царь—владыка всего свѣта“.

При такомъ различіи во взглядахъ трудно было московскому человѣку поладить съ поляками. Притомъ польскіе воины нерѣдко на дѣлѣ показывали, что не различаютъ свободы отъ своеволія; а когда ихъ корили за какую-нибудь некрасивую продѣлку и говорили, что такъ поступать грѣшно, то разгульные жолнеры, случалось, развязно отвѣчали:

— „Нагрѣшимъ да исповѣдуемся; а у нашихъ духовныхъ отцовъ есть изъ Рима такое отпущеніе, что хоть чорта съѣшь,—и тотъ грѣхъ простится!“

Скоро своеволіе поляковъ стало уже очень замѣтнымъ. „Наши, говоритъ Маскевичъ, ни въ чемъ не знали мѣры,—что кому нравилось, то и брали“. Всякія насилія и оскорбленія творились польскими отрядами, особенно въ то время, когда ихъ посылали по городамъ и сёламъ собирать продовольствіе.

Стало обнаруживаться и въ самой Москвѣ возмутительное кощунство надъ святыней. Одинъ пьяный полякъ, стоявшій на стражѣ у Никольскихъ воротъ, выстрѣлилъ въ надворотную икону. Возмутителенъ былъ проступокъ, но ужасно было и наказаніе: преступнику, по приказу Гонсѣвскаго, всенародно отрубили обѣ руки, а самого сожгли на кострѣ предъ Никольскими воротами. Гонсѣвскій, очевидно, думалъ жестокой казнію удовлетворить глубоко возмущенное чувство москвичей и дать острастку своимъ. Но скоро самъ поль-

скій вождь проявилъ своеволіе, сталъ судить, рядить, расходовать казну, вовсе не спрашивая совѣта бояръ, даже не обращая на нихъ никакого вниманія... Салтыковъ, Андроновъ и другіе русскіе измѣнники позволяли себѣ творить всякія неправды и насилія. Озлобленіе въ народѣ росло. Призывныя грамоты еще пуще разжигали вражду. Владиславъ не ѣхалъ въ Москву; всѣ уже начинали понимать, что мирнымъ путемъ съ поляками дѣло не кончится. Москвичи стали даже громко говорить полякамъ, чтобы они позаботились о скорѣйшемъ пріѣздѣ Владислава или убрались бы изъ Москвы по добру, по здорову.

— „Для такой невѣсты, какова Русская земля, говорили москвичи, мы скоро найдемъ и другого жениха!“

Гонсѣвскому приносились часто жалобы на насилія поляковъ. Онъ всячески старался казаться справедливымъ. Когда началось народное движеніе и прошли слухи, что Ляпуновъ ведетъ уже ополченіе къ Москвѣ, столичная чернь стала еще смѣлѣе: москвичи сами уже задирали и дразнили поляковъ.

Между жителями и жолнерами случались не только ссоры, но и драки, грозившія перейти въ общую свалку. Торговцы стали брать съ поляковъ за свои товары втридорога. Разъ былъ такой случай. Пришелъ на рынокъ полякъ покупать овесъ, взялъ бочку овса и далъ продавцу плату, какую всѣ платили. Тотъ потребовалъ вдвое больше. Полякъ сталъ горячиться и ругаться.

— „Какъ смѣешь ты грабить насъ, кричалъ онъ, — развѣ мы не одному царю служимъ?“

— „Возьми свои деньги и отдай мнѣ овесъ, отвѣчалъ продавецъ,— полякамъ не покупать его дешевле. Убирайся къ чорту!“

Полякъ въ гнѣвѣ выхватилъ саблю... Но мигомъ набѣжало нѣсколько десятковъ человѣкъ съ дубьемъ въ рукахъ... Польская стража, стоявшая у воротъ, увидѣвъ это, бросилась выручать своихъ. Началась драка. Вооруженные поляки разогнали толпу, при чемъ было убито человѣкъ пятнадцать.

Слухъ объ этомъ быстро разнесся по всему городу и предмѣстьямъ. Со всѣхъ сторонъ набѣжало на рыночную площадь множество москвитянъ. Дѣло принимало очень опасный оборотъ для поляковъ,—легко могъ вспыхнуть мятежъ. Гонсѣвскій на этотъ разъ предупредилъ бѣду. Онъ самъ явился среди народа и держалъ рѣчь. Онъ старался подѣйствовать на религіозное чувство, напоминалъ о присягѣ Владиславу.

— „Не повинуясь царю, вы гнѣвите Бога, —сказалъ онъ въ заключеніе,—не хвалитесь силою и числомъ. Конечно, шести тысячамъ трудно устоять противъ семисотъ тысячъ; но побѣда зависитъ не отъ числа, а отъ Бога: и горстью людей Онъ можетъ истребить несчетныя полчища. Кто побуждаетъ васъ къ бунту? Развѣ мы служимъ не тому же государю, которому и вы присягнули? Если же вы хотите кровопролитія, то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы постоимъ за правое дѣло!“

Плохо вѣрили москвичи въ это „правое дѣло“ поляковъ. Изъ толпы послышались грозные крики:

— „Полно врать! безъ ружей и дубинъ мы васъ шапками побьемъ! Убирайтесь отсюда!...“

На этотъ разъ дѣло кончилось все-таки мирно; озлобленная толпа разо-

шлась, но ясно было, что малѣйшій поводъ, малѣйшая искра—и вспыхнетъ мятежъ, и народная злоба превратится въ арость дикую, безпощадную!...

Мѣры предосторожности, какія должны были принимать поляки, конечно, еще сильнѣе раздражали москвичей. Заключеніе патріарха, молва объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ ему, еще болѣе злобили народъ. Лазутчики Гонсѣвскаго сообщали ему очень неутѣшительныя вѣсти,—доносили, что русскія ополченія уже недалеко отъ столицы. Надо было ждать, что вся Москва поднимется на поляковъ, лишь только подъ стѣнами ея явятся русскія ратныя силы. Взаимное раздраженіе поляковъ и москвичей дошло до крайней степени. Опасаясь большихъ скопищъ народа, Гонсѣвскій запретилъ было торжественно праздновать Вербное воскресенье. На этотъ праздникъ обыкновенно собиралось безчисленное множество народа посмотрѣть на пышныя процессіи. Чернь, узнавъ о запрещеніи, начала волноваться. Гонсѣвскій отмѣнилъ свой приказъ, и празднество совершилось, хотя, конечно, далеко не такъ пышно, какъ это бывало при царяхъ.

Между тѣмъ гетману доносили, что народный мятежъ готовится на Страстной недѣлѣ. Поляки поспѣшно стали укрѣпляться въ Кремлѣ. Во вторникъ, на Страстной недѣлѣ, подозрительность ихъ остановилась особенно на извозчикахъ и саняхъ съ дровами, которыхъ наѣхало на площадь что-то ужъ слишкомъ много. До намѣстника дошли слухи, будто коноводы мятежниковъ намѣрены во время возмущенія этими санями загородить улицы, чтобы помѣшать движеніямъ польскихъ отрядовъ. Поляки стали принуждать извозчиковъ встаскивать на стѣны Кремля и Китай-города пушки, готовясь громить изъ нихъ мятежниковъ. Извозчики, несмотря на то, что поляки предлагали деньги, ни за что не хотѣли помогать имъ. Жолнеры начали бить извозчиковъ, а тѣ стали давать имъ сдачи. Тогда поляки пустили въ дѣло сабли. Въ это время нѣкоторые изъ извозчиковъ, будто согласившіеся помогать полякамъ,—вмѣсто того, чтобы ставить на стѣны пушки, стаскивали ихъ оттуда. Къ Срѣтенскимъ воротамъ тѣмъ временемъ уже подходилъ передовой отрядъ русскаго ополченія подъ начальствомъ князя Димитрія Пожарскаго.

Гонсѣвскій сначала хотѣлъ было разнять драку, но потомъ, подумавъ, что москвичи дѣйствуютъ заодно съ подходившимъ отрядомъ и хотятъ завладѣть Китай-городомъ, самъ велѣлъ оттѣснить ихъ отсюда. Тогда польскіе жолнеры и нѣмцы, служившіе въ польскомъ войскѣ, кинулись на безоружную толпу народа и начали безпощадно рубить, убивать кого попало—и старыхъ, и малыхъ, и женщинъ, и дѣтей. Началась дикая, звѣрская бойня. Болѣе часу раздавались крики и вопли москвитянъ, набатный звонъ безчисленныхъ колоколовъ, залпы мушкетовъ. Толпу вытѣснили изъ Китай-города.

Безъ ужаса, говоритъ очевидецъ, нельзя было взглянуть на жолнеровъ и нѣмцевъ. Они были всѣ въ крови, подобно мясникамъ. Говорятъ, въ короткое время было избито народу болѣе шести тысячъ. Уцѣлѣвшіе пустились бѣжать въ Бѣлый городъ. Здѣсь загораживали улицы извозчичьими санями, заваливали дровами, столами, скамьями, и отбивались отъ поляковъ за этими загородями. Когда поляки отступали, тогда москвичи кидались вслѣдъ за ними, били ихъ бревнами, скамейками, швыряли въ нихъ полѣнья. Въ Москвѣ было множество

переулковъ и закоулковъ; здѣсь-то на перекресткахъ особенно сильно доставалось полякамъ... Ихъ били со всѣхъ сторонъ,—изъ оконъ, со стѣнъ, съ кровель. Куда ни кидались польскіе отряды, на всѣхъ улицахъ они встрѣчали преграды, всюду метали въ нихъ чѣмъ попало. Особенно плохо пришлось полякамъ на Срѣтенкѣ: здѣсь уже укрѣпился Пожарскій и стрѣлялъ по нимъ изъ пушекъ... Увидали поляки, что имъ не справиться. Русское ополченіе уже ворвалось въ Бѣлый городъ. Съ другихъ сторонъ подходили новые отряды. Полякамъ оставалось спасаться въ Кремль и Китай-городъ и за стѣнами отбиваться отъ русскихъ; но оставлять въ цѣлости Бѣлый городъ — это значило дать возможность подходившему ополченію удобно размѣститься и пользоваться всѣми выгодами городской жизни. Кто-то въ толпѣ поляковъ крикнулъ: „Огня, огня!—жечь дома!“ Военачальники ухватились за это предложеніе. Говорятъ, Салтыковъ, усердствуя полякамъ, подалъ имъ эту мысль, и самъ первый поджогъ свой домъ. Жолнеры бѣгали съ лучиной и засмоленной паклей и въ разныхъ мѣстахъ стали поджигать дома. Сначала огонь туго принимался, вѣроятно, отъ сырой погоды (поляки говорили, что дома заколдованы). Наконецъ, вспыхнулъ пожаръ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Къ несчастію, вѣтеръ несъ пламя и дымъ на москвичей: они принуждены были отступить; поляки стрѣляли по нимъ. Скоро пожаръ охватилъ весь городъ; огонь при вѣтрѣ свирѣпствовалъ съ ужасной силой... Наступила ночь, но отъ пожара было такъ свѣтло, какъ днемъ. Москвичи напрягали всѣ свои силы,—старались погасить пожаръ. Поляки со стѣнъ видѣли въ Бѣломъ городѣ страшную суматоху; раздавались тамъ громкіе крики и набатный звонъ.

Поляки рѣшили на своемъ совѣтѣ выжечь весь городъ и Замоскворѣчье. На другой день, до разсвѣта польскіе отряды вышли, чтобы исполнить это рѣшеніе. Русскіе старались всѣми силами помѣшать имъ, но не удалось. Замоскворѣчье запылало съ разныхъ концовъ. Пожарскій мужественно бился съ поляками на улицахъ, стараясь спасти остатки Москвы; но огонь принудилъ русскихъ отступить. Раненый Пожарскій упалъ на землю и, обливаясь кровью, плакалъ.

— „О, хоть бы мнѣ умереть, говорилъ онъ, только бы не видать того, что вижу!“

Въ это время польскому отряду подъ предводительствомъ Струся, пришедшему на помощь своимъ, удалось прорваться въ Кремль.

Русскимъ пришлось оставить горѣвшій городъ. Три дня горѣла Москва. Нестерпимый чадъ душилъ поляковъ въ Китай-городѣ. Огонь пожралъ все, что могъ,—отъ Москвы черезъ три дня остались груды тлѣющаго пепла, почернѣлыя стѣны каменныхъ церквей, да торчали тамъ и сямъ печи, каменныя подклѣти и погреба среди угольевъ и пепла. Множество непогребенныхъ тѣлъ тлѣло подъ нимъ. По ночамъ раздавался вой голодныхъ собакъ, терзавшихъ трупы...

Такова была страстная недѣля въ Москвѣ въ 1611 году!

Русское ополченіе подъ Москвою.

Во вторникъ на Святой недѣлѣ подошелъ къ Москвѣ Ляпуновъ со своимъ ополченіемъ, занялъ Симоновъ монастырь и укрѣпился тутъ. На другой день Заруцкій привелъ своихъ казаковъ. Затѣмъ привелъ калужанъ князь Трубецкой. Съ каждымъ днемъ подходили новые отряды. Русскіе воеводы рѣшили занять пепелище Бѣлаго города, чтобы обложить со всѣхъ сторонъ поляковъ.

Діонисій, архимандритъ Троицкаго монастыря, и келарь Авраамій Палицынъ прислали къ воеводамъ грамоты, убѣждали ихъ именемъ вѣры и состраданія къ несчастной Русской землѣ потрудиться и освободить ее отъ чужеземныхъ враговъ и отъ русскихъ предателей.—Страшное пепелище столицы и груды тлѣющихъ труповъ еще краснорѣчивѣе побуждали къ тому же русскихъ ратниковъ.

Поляки успѣли захватить изъ погребовъ, подклѣтей и церквей погорѣвшей столицы множество добычи: золотыхъ вещей, утвари, богатой одежды. Иные выходили на поиски изъ Кремля въ рваныхъ кунтушахъ (кафтанахъ), а возвращались въ блестящихъ кафтанахъ, вышитыхъ золотомъ и унизанныхъ жемчугомъ. Жемчугу досталось полякамъ столько, что имъ вовсе не дорожили. Случалось даже, что потѣхи ради поляки стрѣляли жемчугомъ изъ ружей по москвичамъ. Вина тоже было въ изобиліи, но хлѣбомъ поляки не догадались запастись. Имъ скоро пришлось каждый день дѣлать вылазки, чтобы раздобыться кормомъ для лошадей и топливомъ; а въ апрѣлѣ уже и сами они стали нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ.

Измѣнники-бояре и Гонсѣвскій принялись снова за Гермогена.

— „Напиши Ляпунову и его товарищамъ, настаивалъ Салтыковъ, чтобы они отошли прочь; иначе самъ умрешь злою смертью!“

— „Вы мнѣ сулите лютую смерть,—отвѣчалъ патріархъ,—а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду!“

Патріарха стали держать въ самомъ строгомъ заключеніи въ Чудовомъ монастырѣ; не позволяли ему переступить чрезъ порогъ своей кельи, обходились съ нимъ грубо, скудно кормили, не стали считать его патріархомъ, а вмѣсто него стали величать архипастыремъ Игнатія, заточеннаго Василіемъ Ивановичемъ въ Чудовомъ монастырѣ.

Со дня на день полякамъ становилось хуже. Къ русскимъ подходили все новые и новые отряды. Осажденнымъ трудно было дѣлать вылазки и добывать себѣ кормъ. Вся стѣна и башни Бѣлаго города были уже въ рукахъ русскихъ. Сапѣга, подошедшій въ это время къ Москвѣ, не въ состояніи былъ помочь осажденнымъ: они были заперты въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Нѣсколькимъ полякамъ впрочемъ удалось пробраться и дать знать королю о положеніи осажденныхъ. Они уже начали опасаться голодной смерти,—запасовъ оставалось мало.

А въ это время призывныя грамоты дѣлали свое дѣло. Ратныя силы подымались и въ самыхъ отдаленныхъ городахъ и двигались къ Москвѣ.

Не слышно стало голоса старца Гермогена, этого страдальца за православ-

ную вѣру, о желѣзный нравъ котораго разбивались всѣ вражьи угрозы,— заговорилъ другой великій подвижникъ—Діонисій, архимандритъ Троицкой лавры. Это былъ человѣкъ высокой и свѣтлой души, способный воодушевлять другихъ, способный словомъ своимъ поднимать народъ, изнемогавшій подъ гнетомъ горя, нищеты и всякихъ бѣдствій...

Раньше при архимандритѣ Іоасафѣ Троицкій монастырь выказалъ замѣчательное мужество и воинскую доблесть. Теперь при Діонисіи обитель показала еще болѣе высокій примѣръ истинно христіанской доблести: человѣколюбія и милосердія. Троицкій монастырь обратился въ больницу и богадѣльню. Воодушевленные горячимъ словомъ и примѣромъ своего настоятеля, троицкіе иноки усердно занялись „великимъ промысломъ“, — ѣздили и ходили по окрестностямъ, отыскивали безпріютныхъ, раненыхъ, больныхъ, умирающихъ съ голоду и привозили ихъ въ монастырь, — подбирали также трупы убитыхъ для христіанскаго погребенія. Нельзя было безъ содроганія смотрѣть на страдальцевъ, наполнившихъ Троицкую обитель: одни были испечены, у другихъ содрана кожа на спинѣ, у третьихъ выжжены глаза... Не только въ самомъ монастырѣ, но и въ слободахъ монастырскихъ монахи и служки день и ночь работали: одни присматривали за больными, другіе шили имъ одежды, третьи готовили ѣсть. Монастырскихъ средствъ не жалѣли. Накопились они изъ благочестивыхъ пожертвованій и вкладовъ и шли на благочестивое же дѣло,—помощь страждущимъ и несчастнымъ. Великую службу Русской землѣ сослужила въ ту ужасную пору Сергіевская обитель: многимъ спасла жизнь, многихъ напутствовала по-христіански въ другой міръ, облегчивъ по мѣрѣ возможности ихъ предсмертныя муки; но, главное, здѣсь ярко свѣтилась и блистала истинно христіанскими дѣлами та православная вѣра, на защиту которой подымалась теперь Русская земля... Духъ

Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіевской лавры.

Св. Сергія, благословлявшаго нѣкогда Димитрія Донского на борьбу съ татарами, сказался и въ Діонисіи: подобно святому основателю обители, и онъ, отказавшись отъ всѣхъ благъ и радостей мірскихъ, страстно любилъ родную землю, страдалъ ея страданіями, радовался ея радостями. Могъ ли онъ молчать въ ту пору, когда рѣшался вопросъ о жизни или смерти русскаго государства? Вмѣстѣ съ келаремъ Авраміемъ Палицынымъ онъ составлялъ призывныя грамоты. Нѣсколько „борзописцевъ“ переписывали ихъ во множествѣ списковъ. Гонцы отъ Св. Троицы повсюду развозили эти грамоты.

— „Православные христіане,—взывалъ Діонисій въ своемъ посланіи въ Казань,—вспомните истинную православную христіанскую вѣру, вспомните, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатью, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ Св. Троицу. Возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобы быть всѣмъ православнымъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ, Михайлы Салтыкова и Ѳедьки Андронова, и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разоренье причинили они въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ св. Божіи церкви и Божіи образа? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе,—иноки, добродѣтелями украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобы не постигла васъ самихъ также лютая смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ; безвременное же начинаніе всякому дѣлу суетно и бездѣльно бываетъ. Хотя бы и были въ нашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, Бога ради, отложите все это на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ не пришла помощь. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здѣсь войско отъ скудости не разошлось“.

Воззванія Діонисія и Авраамія поддерживали и усиливали то народное движеніе, которое началось раньше. Русскія силы со всѣхъ сторонъ стекались къ пепелищу Москвы, собирались „около начальнаго русскаго человѣка“, Прокопія Ляпунова. На бѣду для русскихъ между тремя воеводами не было ладу. Старшимъ считался именитый бояринъ кн. Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой,—это былъ человѣкъ небольшого ума: онъ не особенно мѣшалъ Ляпунову; но Заруцкій, начальникъ казацкихъ полчищъ, часто сталкивался съ нимъ. Не дорого было казакамъ то дѣло, за которое готовъ былъ душу свою положить Ляпуновъ: не столько о спасеніи Русской земли думали они, сколько о наживѣ. Заруцкій нерѣдко самовольно распоряжался земскими деньгами, раздавалъ ихъ своимъ казакамъ, даже землями надѣлялъ ихъ. Случалось, что одни и тѣ же помѣстья Заруцкій давалъ своимъ, а Ляпуновъ своимъ. Понятно, что скоро начались между этими вождями несогласія и раздоры...

Прокопій Ляпуновъ былъ нравомъ крутъ, неуступчивъ; лукавить и лицемѣрить было не въ его природѣ; прямота и суровость мѣшали ему сходиться и

ладить съ людьми; онъ не разбиралъ знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ—со всѣми обходился одинаково властно и рѣшительно. Всѣ, приходившіе къ нему по дѣламъ, должны были ждать своей очереди, при чемъ и для самыхъ знатныхъ людей исключенія не дѣлалось: имъ приходилось подчасъ подолгу стаивать у избы „начальнаго русскаго человѣка". Многимъ было это совсѣмъ не по душѣ, и на него сильно роптали.

— „Не по своей мѣрѣ онъ поднялся и загордился!" говаривали недовольные.

Раздоры главныхъ воеводъ и неправильная раздача помѣстій возбуждали общее недовольство. Тогда дворяне и дѣти боярскія, приведшіе земскія ополченія, сообща написали челобитную къ тремъ предводителямъ, чтобы они собрали думу и установили жить межъ собою въ любви и совѣтѣ, всякое дѣло дѣлать сообща, жаловали бы ратныхъ людей по числу и достоинству, а не такъ, чтобы одни получали чрезъ мѣру, а другимъ не доставалось ничего...

Дума собралась 30-го іюня. Рѣшено было возстановить приказы—большой или разрядный, помѣстный, разбойный и земскій. Первый долженъ былъ вѣдать всѣ ратныя дѣла и смотрѣть за тѣмъ, чтобы не были забыты заслуги убитыхъ и изувѣченныхъ. Помѣстный приказъ долженъ былъ утвердить порядокъ въ раздачѣ помѣстій, „испомѣстить" служилыхъ людей (дворянъ и дѣтей боярскихъ), разоренныхъ и обѣднѣвшихъ. Разбойный и земскій приказы должны были ловить и судить воровъ и разбойниковъ, оберегать земскія выгоды. Это больше всего касалось казаковъ, которые своевольничали и грабили при сборѣ продовольствія по городамъ и волостямъ. Рѣшено было не пускать однихъ казаковъ за кормами, а посылать съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ, т.-е. земскихъ людей. Это, конечно, очень не понравилось казакамъ.

Верховная власть вручалась тремъ воеводамъ: князю Димитрію Тимоѳеевичу Трубецкому, Ивану Мартыновичу Заруцкому и думному дворянину Прокопію Петровичу Ляпунову. Имъ ввѣрялась печать; подпись ихъ трехъ давала грамотамъ силу закона; но править самовольно, безъ земской думы, казнить смертью, ссылать въ ссылку они не могли. Дума оставляла за собой право смѣнить ихъ, если они не будутъ „радѣть о земскихъ дѣлахъ и чинить правды". Этотъ приговоръ былъ подписанъ дворянами и дѣтьми боярскими отъ двадцати пяти городовъ.

Такимъ образомъ установлено было временное правительство. Хотя Ляпуновъ занималъ въ немъ третье мѣсто, но въ дѣйствительности онъ былъ душою всего тѣла: въ немъ Русская земля видѣла своего настоящаго вождя... Но не ему суждено было спасти родную землю отъ вражьей силы.

Приговоръ думы, конечно, не унялъ розни и вражды между Заруцкимъ и Ляпуновымъ: слишкомъ ужъ разные люди были они, чтобы поладить межъ собой. Казаки злобились сильно на суроваго Ляпунова, не дававшаго имъ воли. Были у него и свои московскіе недруги.

Случилось, что одинъ изъ отрядныхъ земскихъ начальниковъ, Плещеевъ, поймалъ 28 своевольныхъ казаковъ, занимавшихся грабежомъ. Онъ велѣлъ потопить ихъ. Самъ ли онъ надумался казнить этихъ „воровскихъ" казаковъ, или сдѣлалъ это по приказу Ляпунову,—неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ

эта казнь безъ приговора думы была незаконна. Станъ Заруцкаго заволновался; казаки зашумѣли; винили во всемъ ненавистнаго имъ Ляпунова. Озлобленіе казаковъ оказалось такъ сильно, что онъ даже думалъ было уѣхать къ себѣ въ Рязань, но былъ удержанъ своими приверженцами... Заруцкій между тѣмъ разжигалъ злобу казаковъ противъ Ляпунова; то же дѣлали и другіе враги его. Ненависть къ нему въ казацкомъ станѣ дошла до крайняго предѣла. Этимъ воспользовался Гонсѣвскій: онъ понималъ, что полякамъ опаснѣе всѣхъ воеводъ Ляпуновъ и своими способностями, и преданностью дѣлу, и довѣріемъ къ нему русскихъ. Гибель его была нужна врагамъ. По приказу Гонсѣвскаго написана была грамота отъ имени Ляпунова, въ которой тотъ приказывалъ будто бы по всѣмъ городамъ, гдѣ поймаютъ казаковъ,—бить ихъ и топить. Подпись подъ грамотой была искусно поддѣлана подъ руку Ляпунова. Грамота была доставлена въ казацкій станъ. Она показалась казакамъ правдоподобной и подписью, и содержаніемъ. 25-го іюля собрался казацкій кругъ и послали звать Ляпунова къ отвѣту. Онъ сначала не пошелъ; но когда пришли казацкіе старшины за нимъ и завѣрили его, что ему не будетъ никакого зла, онъ явился въ казацкій станъ...

— „Ты писалъ?“ спросили Ляпунова, показывая ему грамоту.

— „Нѣтъ, не я, отвѣчалъ онъ, взглянувъ на нее,—рука похожа на мою, но это враги сдѣлали; я не писывалъ.“

Но ярость казаковъ такъ была сильна, что они даже и слушать не хотѣли объясненій Ляпунова, выхватили сабли и кинулись на него... Тутъ дворянинъ Иванъ Ржевскій, врагъ Ляпунова, и тотъ возмутился казацкимъ насиліемъ и сталъ кричать: „Прокопій не виноватъ!“

Казаки изрубили и Ляпунова, и Ржевскаго.

Великимъ горемъ для русскихъ и великой радостью для поляковъ была гибель русскаго начальнаго человѣка!

Взятіе Смоленска поляками.

Двадцать мѣсяцевъ уже длилась доблестная оборона Смоленска. Всѣ усилія поляковъ взять городъ разбивались о твердость и мужество его защитниковъ. Долгая осада томила поляковъ. Самолюбіе короля сильно страдало: для него уйти отъ Смоленска, не взявъ его, значило покрыть позоромъ свою воинскую честь.

Всѣми силами добивался король и его сановники отъ русскихъ пословъ, чтобы тѣ побудили городъ сдаться; но послы, подобно смольнянамъ, твердо и стойко охраняли выгоды Русской земли, не сдавались ни на просьбы, ни на угрозы.

— „Хотя бы мнѣ и смерть принять,—говорилъ твердо митрополитъ Филаретъ,—я безъ патріаршей грамоты о крестномъ цѣлованіи на королевское имя никакими мѣрами ничего не буду дѣлать! Святѣйшій патріархъ—духовному чину отецъ, и мы подъ его благословеніемъ; ему по благодати Св. Духа дано вязать и прощать, и кого онъ свяжетъ словомъ, того не токмо царь, но и Богъ не разрѣшитъ!“

Какъ ни гнѣвались, какъ ни злобились польскіе сановники, но подѣлать ничего не могли: послы упорствовали. А между тѣмъ Русская земля ополчалась. Грозныя вѣсти о народной войнѣ пугали и короля, и сановниковъ его. Наконецъ, пришло извѣстіе о сожженіи Москвы... Польскіе сановники говорили, что въ бѣдѣ этой больше всего виновны сами московскіе люди; а русскіе послы утверждали, что виною всему король, зачѣмъ не утвердилъ договора и не отошелъ отъ Смоленска! Упорныхъ пословъ, какъ плѣнниковъ, подъ стражей, отправили 13-го апрѣля въ Польшу.

Прошелъ апрѣль, Смоленскъ держался; май приближался къ концу, а Смоленскъ все не сдавался... Король приходилъ въ отчаяніе. Въ сентябрѣ назначенъ былъ сеймъ. Какими глазами онъ, король, сулившій большія выгоды Польшѣ отъ войны съ Москвой, долженъ былъ посмотрѣть на представителей своей страны, не взявши Смоленска, уронивши честь польскаго войска? Надо было во что бы то ни стало взять городъ.

Приказано было готовиться къ рѣшительному приступу. Поляки надѣялись на успѣхъ; они примѣтили, что на смоленскихъ стѣнахъ показывалось защитниковъ уже немного; немало уже погибло ихъ въ бою, но еще больше сгубила ихъ болѣзнь, которая свирѣпствовала въ городѣ. На бѣду, одинъ перебѣжчикъ надоумилъ поляковъ взорвать часть городской стѣны, подсыпавъ пороху въ ровъ, служившій для стока нечистотъ изъ города.

Въ ночь со 2-го на 3-е іюня, когда только что занималась заря, поляки кинулись на приступъ. Нападеніе было такъ внезапно и стремительно, что сначала ошеломило осажденныхъ. Поднялись въ городѣ тревога, суматоха, крики, набатный звонъ. На стѣнахъ закипѣлъ рукопашный бой. Русскіе бились отчаянно, ободряя себя крикомъ. Во многихъ мѣстахъ поляки были уже смяты и вынуждены отступить. Приступъ, казалось, былъ уже отбитъ... Вдругъ раздался страшный трескъ и грохотъ,—то была взорвана часть стѣны по указанію измѣнника. Взрывъ этотъ такъ озадачилъ защитниковъ, что они въ ужасѣ заметались во всѣ стороны... Поляки скоро очутились въ городѣ. Вспыхнулъ пожаръ въ разныхъ мѣстахъ города. Загорѣлись городскія башни, запылали и дома. Смольняне сами жгли свои жилища, чтобы ничего не досталось врагамъ. Въ погребѣ при архіерейскихъ палатахъ было полтораста пудовъ пороху. Русскіе, видя, что спасенія уже нѣтъ, кинули туда огонь. Палаты съ оглушительнымъ громомъ взлетѣли на воздухъ. Немало тутъ было перебито и перекалѣчено и поляковъ, и русскихъ. Отъ сотрясенія одна стѣна въ соборной церкви треснула и отвалилась. Жолнеры ворвались въ соборъ... Ихъ поразило зрѣлище, какое они увидѣли. Церковь была полна народу, женщинъ, дѣтей. Всѣ стояли на колѣняхъ, склонившись ницъ. Въ царскихъ вратахъ стоялъ владыка въ полномъ облаченіи. Прекрасный, смиренный и вмѣстѣ съ тѣмъ величественный видъ пастыря и толпы народа, готоваго покорно съ молитвою встрѣтить смерть, умилили даже и разсвирѣпѣвшихъ враговъ; они не стали никого убивать. Но многіе русскіе сами, съ монахами и священниками во главѣ, кидались въ пламя, не желая попасть въ руки враговъ.—Шеинъ съ товарищемъ своимъ, княземъ Горчаковымъ, и нѣсколькими служилыми людьми заперся въ одной башнѣ и рѣшился погибнуть, но не сдаться. Съ нимъ были жена его и

ребенокъ сынъ. Одинъ приступъ къ башнѣ былъ отбитъ. Самъ Потоцкій, главный начальникъ польскаго войска, сталъ уговаривать Шеина, чтобы онъ не губилъ себя напрасно. Русскій воевода самъ не согласился бы сдаться, но другимъ его товарищамъ жизнь была слишкомъ мила, и Шеинъ уступилъ.

На доблестнаго воеводу король посмотрѣлъ, какъ на мятежника, не пожелавшаго покориться законной власти. Его стали допрашивать о соумышленникахъ, но онъ никого не выдалъ. Спросили, между прочимъ, что онъ сталъ бы дѣлать, если бы отсидѣлся въ Смоленскѣ.

— „Я всѣмъ сердцемъ служилъ бы королевичу, отвѣчалъ Шеинъ, а если бы король не далъ своего сына на царство, то я подчинился бы тому, кто сталъ бы царемъ въ Москвѣ, такъ какъ земля безъ государя быть не можетъ!“

Шеина даже подвергли пыткамъ, хотѣли дознаться у него, не скрыты ли гдѣ въ Смоленскѣ сокровища...

Вся Польша ликовала, когда разнеслась вѣсть о паденіи Смоленска. По всѣмъ костеламъ совершались благодарственныя молебствія; повсюду шли празднества и народныя увеселенія. Короля вездѣ встрѣчали съ великимъ торжествомъ, словно знаменитаго побѣдителя. Въ Варшавѣ ему былъ устроенъ 29-го октября торжественный въѣздъ. Въ церемоніи участвовалъ и гетманъ Жолкѣвскій. Онъ ѣхалъ въ богато убранной открытой колясѣ; слѣдомъ за нимъ везли въ королевской каретѣ важнѣйшаго плѣнника—Василія Ивановича Шуйскаго съ двумя братьями. Всѣ были въ своихъ торжественныхъ одеждахъ. За ними везли Шеина съ главными его сподвижниками, наконецъ, митрополита Филарета, князя Голицына и другихъ посольскихъ людей. Плѣнныхъ провезли чрезъ Краковское предмѣстье въ королевскій замокъ. Здѣсь король, сидя на тронѣ съ королевой, принималъ ихъ. Впереди стоялъ Василій Ивановичъ съ братьями. Жолкѣвскій сказалъ высокопарную рѣчь. Распространившись сначала о прежнемъ могуществѣ и величіи Василія Ивановича, о важномъ значеніи его братьевъ, онъ сказалъ въ заключеніе:

— „...Нынѣ стоятъ они здѣсь жалкими плѣнниками, всего лишенные, обнищалые, поверженные къ стопамъ вашего величества, и, падая на землю, молятъ о пощадѣ и милосердіи.“

„При этомъ Василій Ивановичъ низко поклонился передъ королемъ, коснувшись рукою земли, а братья его поклонились до земли.

Всѣ сановники, наполнявшіе палату, глядѣли съ любопытствомъ на тщедушнаго старичка, съ сухощавымъ лицомъ, съ небольшой бородой и больными красноватыми глазами, глядѣвшаго съ равнодушной покорностью своей участи. Какихъ только превратностей судьбы не испыталъ онъ?!... голова его лежала на плахѣ, носила потомъ царскій вѣнецъ, а теперь покорно склонялась передъ злѣйшимъ врагомъ русскаго народа... Взоры всѣхъ, смотрѣвшихъ на Василія, были полны участія и состраданія; только глаза одного лица горѣли непримиримой ненавистью къ нему,—глаза Юрія Мнишка.

На сеймѣ король заявилъ, что Московскую землю онъ присоединяетъ къ Польшѣ. Это очень порадовало всѣхъ поляковъ. О воцареніи Владислава въ Москвѣ уже не было и рѣчи. Войну считали почти покончennой и думали,

что остается только смирить горсть ничтожныхъ мятежниковъ, и вѣковой споръ съ Москвой будетъ покончентъ!...

Лихолѣтье.

До крайности плачевно было состояніе Русской земли по смерти Ляпунова. Не стало опять „начальнаго“ человѣка, около котораго съ довѣріемъ и надеждой на успѣхъ стали было собираться земскія силы. Заруцкій, казацкій воевода, былъ для московскихъ людей чужимъ человѣкомъ: ему, смотрѣвшему на все глазами казацкой вольницы, чужды были порядки и Московскаго государства, и панской Польши. Другой вождь—Трубецкой—вполнѣ подчинялся Заруцкому. Казакамъ теперь, когда не стало суроваго Ляпунова, было раздолье: они хозяйничали на Руси, какъ хотѣли,—грабили, творили всякія насилія. Заруцкій имъ все позволялъ, всему потворствовалъ. Даже въ самомъ воинскомъ станѣ московскимъ служилымъ людямъ и земскимъ ополченіямъ не стало житья. Заруцкій раздавалъ своимъ казакамъ и земскія деньги, и помѣстья. Отъ казацкихъ обидъ и притѣсненій дворяне и боярскія дѣти разбѣгались изъ стана и разносили по землѣ вражду и ненависть къ Заруцкому и казакамъ. Никакого законнаго правительства теперь не было. Хотя осада поляковъ въ Кремлѣ продолжалась, но дѣло велось коекакъ, и Сапѣгѣ, который рыскалъ по Русской землѣ съ конным отрядомъ своимъ, удалось доставить осажденнымъ вдоволь съѣстныхъ припасовъ.

Бѣда за бѣдою обрушивалась на Русскую землю. Шведы въ это время завладѣли Новгородомъ. Делагарди послѣ Клушинской битвы отступилъ на сѣверо-западъ. Когда Москва цѣловала крестъ королевичу Владиславу, шведы начали враждебныя дѣйствія противъ русскихъ, стали забирать русскіе города на сѣверѣ. Но когда началось на Руси народное движеніе противъ поляковъ, то вожди ополченія завели переговоры со шведами, даже стали сулить имъ, что выберутъ одного изъ сыновей шведскаго короля Карла IX въ цари... Переговоры эти надолго затянулись. Шведы настойчиво требовали денегъ и уступки городовъ: Ладоги, Яма, Копорья, Ивань-города, Гдова и Орѣшка. Требованія эти были слишкомъ тяжелы. Между тѣмъ въ Новгородѣ шли смуты: одни стояли за союзъ со шведами, другіе противъ. Делагарди рѣшился силою завладѣть городомъ, чтобы положить конецъ продолжительнымъ и безплоднымъ переговорамъ и колебаніямъ.

8-го іюля онъ повелъ шведовъ на приступъ; но новгородцы отбили нападеніе послѣ жестокаго боя. На бѣду нашелся измѣнникъ; ночью съ 16-го на 17-е іюля онъ провелъ шведовъ въ городъ. Пораженный внезапностью, народъ заметался въ ужасѣ съ плачемъ и крикомъ... Переполохъ былъ такой, что многіе бѣжали, сами не зная куда; иные отъ тѣсноты на мосту падали въ рѣку. Нашлись впрочемъ и такіе, которые не потерялись и рѣшились постоять за себя. Небольшая толпа молодцовъ, во главѣ которыхъ были стрѣлецкій начальникъ Василій Голютинъ, дьякъ Голенищевъ, Василій Орловъ да казачій атаманъ Тимоѳей Шаровъ съ сорока казаками, рѣшились дать отпоръ.

— „Сдавайтесь, кричали имъ шведы, ничего вамъ не будетъ!“

— „Не сдадимся, отвѣчали тѣ,—помремъ за вѣру православную!“

Всѣ они и погибли въ бою.

Софійскій протопопъ Аммосъ заперся въ своемъ дворѣ съ людьми своими и рѣшился тоже лучше умереть, чѣмъ сдаться врагамъ-еретикамъ. Шведы подложили къ оградѣ огонь, и Аммосъ съ людьми своими погибъ въ пламени.

Эти отдѣльныя попытки сопротивляться, конечно, дѣлу помочь не могли. Новгородъ былъ уже въ рукахъ шведовъ; воевода новгородскій Бутурлинъ еще раньше, ограбивъ лавки и богатые дворы, убѣжалъ изъ города. Сдался и новгородскій дѣтинецъ: безъ ратной силы и безъ запасовъ обороняться нельзя было.

Написанъ былъ договоръ, по которому новгородцы отдавались подъ покровительство шведскаго короля Карла IX, обязывались безъ вѣдома его никакихъ союзовъ не заключать и признать царемъ одного изъ сыновей короля, по желанію его,—либо Густава-Адольфа, либо Карла-Филиппа.

Въ то время, какъ Новгородъ отдался въ руки шведскаго короля, въ Псковской области явился новый самозванецъ. (Былъ это, по словамъ лѣтописи, какой-то „воръ Сидорка“, а по другому извѣстію—московскій дьяконъ Матвѣй). Попытался было онъ начать свое „обманное дѣло“ въ Новгородѣ; но здѣсь узнали его; тогда онъ бѣжалъ въ Иванъ-городъ и здѣсь объявилъ, что онъ—спасенный Димитрій, и разсказывалъ вымышленную исторію своего спасенія. Тутъ онъ имѣлъ большой успѣхъ. Три дни звонили въ колокола, палили изъ пушекъ на радостяхъ, что нашелся „настоящій“ царь. Казачество стало собираться около него... Псковъ призналъ его 4-го декабря царемъ.

Болѣе плачевнаго состоянія не бывало въ Русской землѣ! Казалось, ее разорвутъ на части... Шведы—въ Новгородѣ, самозванецъ—во Псковѣ, поляки—въ Смоленскѣ, и въ самомъ сердцѣ Русской земли, въ Москвѣ, за твердыми стѣнами Кремля! Шайки ихъ рыщутъ по городамъ и сёламъ, грабятъ все, чего не дограбили раньше, разоряютъ то, чего прежде не докончили. Казацкія полчища подъ Москвой, подъ видомъ защиты русскаго дѣла, ищутъ только наживы: ватаги ихъ, посылаемыя за кормомъ по волостямъ, обираютъ и тѣснятъ несчастный людъ не меньше поляковъ... Земля опустошена, святыня поругана, правительства никакого нѣтъ, враги-хищники и внутри земли, и по окраинамъ ея. Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій насталъ голодъ... „И было тогда, говоритъ современное сказаніе,—такое лютое время Божія, гнѣва, что люди и не чаяли впереди спасенія себѣ. Чуть не вся земля Русская запустѣла... И прозвали старики наши это лютое время лихолѣтьемъ, потому что тогда была на Русскую землю такая бѣда, какой не бывало съ начала міра: великій гнѣвъ Божій на людяхъ, глады, моры, зябели на всякій плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей и люди людей ѣли. Плѣненіе было великое людямъ! Жигимонтъ, польскій король, все Московское государство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнуть всю красоту благолѣпія земли Русской“...

Мининъ и Пожарскій.

Казалось, конецъ пришелъ Русскому государству. Ни верховной гласти, ни сильной рати, ни общей казны, — ничего не было! правительства въ

настоящемъ его смыслѣ уже не существовало. Но былъ еще народъ. Этотъ народъ, знатные и черные люди, богатые и бѣдные, разумники и простецы,— всѣ понимали, что творится на Руси страшное, лихое дѣло; что вѣра православная и та святыня, которой поклонялись отцы, дѣды и прадѣды, унижена и поругана, и всему тому, что созидалось вѣками и трудомъ многихъ поколѣній,—грозитъ конечная гибель.

Возбужденіе народное было сильное... По всѣмъ важнѣйшимъ городамъ зашумѣли оживленныя сходки, словно воскресли старыя вѣча. Сходились и горожане, и сосѣдніе крестьяне для земскаго совѣта, чтобы всѣмъ міромъ надуматься, какъ бѣдѣ пособить. Сказывалась при этомъ порою и старая областная рознь и непріязнь простого люда къ высшимъ и богатымъ лицамъ, къ московскимъ боярамъ; но все это было мелко и ничтожно сравнительно съ враждой, какую питали всѣ къ ненавистному врагу, и съ желаніемъ очистить отъ него Русскую землю и положить предѣлъ гибельной неурядицѣ. Это общее чувство должно было въ концѣ концовъ взять верхъ надъ всѣми мелкими страстями и желаніями и объединить русскія силы...

Города стали пересылаться между собой грамотами, побуждая другъ друга стать заодно противъ общихъ враговъ.

„Подъ Москвою,—писали казанцы въ Пермь,—промышленника и поборника по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру, за храмъ Пресвятой Богородицы и за Московское государство противъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ, Прокофія Петровича Ляпунова казаки убили, преступая крестное цѣлованіе. Но мы всѣ съ Нижнимъ-Новгородомъ и со всѣми городами поволжскими... согласились быть въ совѣтѣ и соединеніи, дурного другъ надъ другомъ ничего не дѣлать, стоять на томъ крѣпко, пока Богъ дастъ на Московское государство государя; а выбрать бы намъ государя всею землею Россійской державы; если же казаки станутъ выбирать государя по своему изволью одни, не согласившись со всею землею, то такого государя намъ не хотѣть“.

Подобныя же воззванія разсылались съ гонцами и по другимъ городамъ. Во всѣхъ грамотахъ сказывалось сильное общее желаніе „очистить Русскую землю отъ врага, поругателя святыни, и выбрать себѣ всею землею своего царя“.

Разносились по Русской землѣ и тѣ грамоты, что составлялись въ Троицкомъ монастырѣ Діонисіемъ и Авраміемъ и переписывались во множествѣ списковъ „борзыми писцами“.

Воодушевленіе народа росло. Нравственное и религіозное возбужденіе становилось все сильнѣе и сильнѣе... Повсюду стала носиться молва о чудесныхъ видѣніяхъ и знаменіяхъ. Говорили, что въ Нижнемъ-Новгородѣ одинъ благочестивый человѣкъ Григорій сподобился въ полуночи страшнаго видѣнія: видѣлъ онъ, будто крыша съ его дома снялась, великій свѣтъ осіялъ его покой, и явились два мужа съ воззваніемъ о покаяніи и очищеніи всего государства... Во Владимирѣ тоже, говорили, было видѣніе...

Набожный народъ только отъ Божіей помощи ждалъ спасенія, считалъ необходимымъ особеннымъ способомъ очиститься отъ грѣховъ и умилостивить Бога покаяніемъ и постомъ. По всѣмъ городамъ приговорили поститься три дня въ

недѣлю: въ понедѣльникъ, вторникъ и въ среду ничего не ѣсть, не пить, а въ четвергъ и пятницу—сухо ѣсть... Такъ готовился народъ къ великому дѣлу...

Настроеніе народа было таково, что онъ готовъ былъ всѣми силами подняться на борьбу. Нужно было только начало, да нуженъ былъ настоящій русскій вождь.

Въ октябрѣ 1611 года въ Нижнемъ-Новгородѣ получена была грамота изъ Троицкаго монастыря. Ее рѣшено было прочесть въ соборѣ. Зазвонили въ большой соборный колоколъ, а день былъ непраздничный. Народъ понялъ, что не спроста звонятъ большимъ звономъ, и скоро церковь Св. Спаса наполнилась народомъ. Послѣ обѣдни протопопъ Савва обратился къ народу съ рѣчью:

— „Православные христіане, господа братія, горе намъ! Пришли дни конечной гибели нашей. Гибнетъ наше Московское государство; гибнетъ и православная вѣра. Горе намъ, великое горе, лютое обстояніе! Литовскіе и польскіе люди въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ умыслили Московское государство разорить и обратить истинную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь. Кто не восплачется, кто не испуститъ источники слезъ?! Рали грѣховъ нашихъ Господь попустилъ врагамъ нашимъ возноситься. Горе нашимъ женамъ и дѣтямъ! Еретики разорили до основанія богохранимый градъ Москву и предали всеядному мечу дѣтей ея. Что намъ творить? Не утвердиться ли намъ на единеніе и не постоять ли за чистую и непорочную Христову вѣру и за св. соборную церковь Богородицы и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ. А вотъ грамота властей Живоначальныя Троицы монастыря Сергіева“...

Была прочтена грамота, призывающая весь народъ на спасеніе православной вѣры. Народъ умилился. Многіе плакали.

— „Горе намъ, говорили въ толпѣ, гибнетъ Московское государство!“

Когда народъ еще толпился у церкви, къ нему держалъ рѣчь одинъ изъ земскихъ старостъ—Козьма Мининъ Сухорукій. (Раньше ужъ онъ говорилъ, что ему являлся во снѣ св. Сергій и приказалъ „возбудить уснувшихъ“).

— „Православные люди!—заговорилъ онъ теперь къ народу громкимъ голосомъ,—коли хотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ достоянія нашего... дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ и станемъ челомъ бить, искать, кто бы вступился за истинную православную вѣру и сталъ бы у насъ начальникомъ!... Дѣло великое совершимъ, если Богъ поможетъ. Какая будетъ хвала намъ отъ всей земли... Я знаю:—только мы поднимемся на это дѣло, другіе города пристанутъ къ намъ, и мы избавимся отъ враговъ.“

Горячая рѣчь Минина пришлась по сердцу всѣмъ. Сказалось въ ней то, что давно было на душѣ у всѣхъ. У многихъ слезы полились изъ глазъ.

Начались частыя сходки. Козьма Мининъ, котораго въ городѣ всѣ знали и уважали, всѣмъ орудовалъ, убѣждалъ всѣхъ, что надо ополчаться, кличъ кликать по служилымъ людямъ, а въ казну на содержаніе ратныхъ людей собирать со всѣхъ по третьей деньгѣ (т.-е. третью часть имущества). Желаніе послужить великому дѣлу было такъ сильно, что тутъ же многіе стали жертвовать гораздо больше. Сносились со всѣхъ сторонъ и деньги, и драгоцѣнныя вещи. Одна вдова, говорится въ лѣтописи, принесла къ сборщикамъ десять тысячъ и сказала:

— „Я осталась послѣ мужа своего безчадна. Было у меня двѣнадцать тысячъ; отдаю десять, а себѣ оставляю двѣ!“

Но прежде, чѣмъ скликать ратныхъ людей, надо было найти военачальника. Такое „святое дѣло“, какое затѣвалось, надо было отдать въ чистыя руки. Стали думать, кого бы изъ бояръ выбрать вождемъ. Остановились на князѣ Димитріи Михайловичѣ Пожарскомъ. Онъ въ ту пору жилъ въ своемъ имѣніи, въ Суздальскомъ уѣздѣ, гдѣ долѣчивался отъ ранъ, полученныхъ при московскомъ погромѣ. Это былъ человѣкъ чистый, незапятнанный никакимъ дурнымъ дѣломъ: въ смутные годы онъ въ воровскихъ таборахъ не бывалъ и у польскаго короля милостей не прашивалъ. Ратное дѣло онъ хорошо зналъ, большое мужество выказалъ при защитѣ Зарайска отъ самозванца и потомъ въ московскомъ побоищѣ.

Послали бить челомъ Пожарскому. Онъ отвѣчалъ:

— „Радъ я за православную вѣру страдать до смерти, а вы изберите изъ посадскихъ людей такого человѣка, который былъ бы со мною у великаго дѣла, вѣдалъ бы казну на жалованье ратнымъ людямъ.“

Стали было нижегородскіе послы раздумывать, кого бы выбрать; но Пожарскій не далъ имъ долго думать.

— „Есть у васъ въ городѣ, — сказалъ онъ, — Козьма Мининъ. Онъ человѣкъ бывалый: ему такое дѣло за обычай!“

Когда посланцы вернулись въ Нижній и сказали о желаніи Пожарскаго, нижегородцы стали челомъ бить Минину, чтобы онъ потрудился на общее дѣло, стоялъ бы у мірской казны. Мининъ отказывался до тѣхъ поръ, пока нижегородцы не написали приговора, что ничего не пожалѣютъ для великаго дѣла.

Вѣсть о томъ, что нижегородцы поднялись, быстро разносилась, и ратныя силы стали собираться къ нимъ отовсюду. Пожарскій съ нижегородцами разослалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ говорилось между прочимъ слѣдующее:

— „Теперь мы, Нижняго-Новгорода всякіе люди, идемъ на помощь Московскому государству. Къ намъ изъ многихъ городовъ прибыли дворяне, и мы приговорили имѣніе свое и домы съ ними раздѣлить и жалованье имъ дать. И вамъ бы также поскорѣе итти на литовскихъ людей. Казаковъ не бойтесь коли будемъ всѣ въ сборѣ, то всею землею совѣтъ учинимъ и ворамъ не позволимъ ничего дурного дѣлать... Непремѣнно надо быть вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и на поляковъ вмѣстѣ итти, чтобъ попрежнему казаки не разогнали бы нашей рати“.

Грамота эта повсюду читалась на мірскихъ сходкахъ, постановлялись приговоры, собирались деньги. Городъ сносился съ городомъ. Опять, какъ по призыву Ляпунова, поднималась Русская земля; но на этотъ разъ вожди вели дѣло осторожнѣе, — понимали, что не только поляки, но и казаки враги Москвы, что сближаться съ „перелетами“ и „шатунами“ не слѣдуетъ.

Наступилъ 1612 годъ. Вѣсть о новомъ русскомъ ополченіи всполошила не только осажденныхъ поляковъ, но и осаждавшихъ казаковъ. Поляки и русскіе измѣнники потребовали снова отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ написалъ нижегородцамъ увѣщаніе оставаться вѣрными Владиславу.

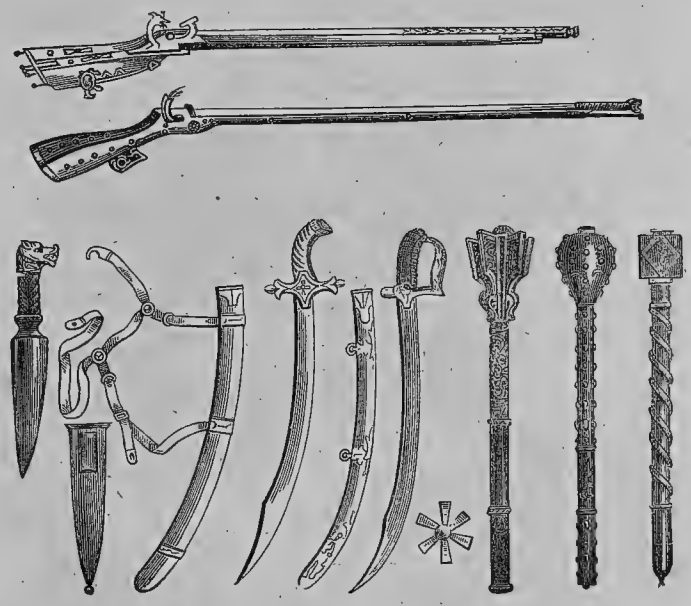
— „Да будетъ надъ ними милость Божія и отъ нашего смиренія благословеніе,—отвѣчалъ съ прежней твердостью старецъ,—а на измѣнниковъ да

изліется отъ Бога гнѣвъ, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!“

Скоро послѣ этого несокрушимый старецъ и „поборатель за вѣру православную“ скончался (17-го февраля); умеръ онъ, говорятъ, голодною смертью. Погребли его въ Чудовомъ монастырѣ.

Заруцкій понялъ, что ему и его своевольному полчищу грозитъ опасность отъ новой земской ратной силы. Подмосковные казаки съ начальникомъ своимъ въ это время признали третьяго (Псковскаго) самозванца. Попытался было Заруцкій захватить Ярославль, чтобы помѣшать движенію сѣвернаго ополченія, но Пожарскій предупредилъ и въ началѣ апрѣля привелъ сюда свою рать.

Не легко было въ ту пору снарядить какъ слѣдуетъ войско. Кромѣ прежняго оружія: копій, сѣкиръ разнаго рода, палицъ (булавъ, шестоперовъ),



Ружья, ножъ, сабли, шестоперъ и булавы.

входили все больше и больше въ употребленіе турецкія сабли и огнестрѣльное оружіе,—ружья и пушки.

При огнестрѣльномъ оружіи значеніе охранительнаго вооруженія должно было падать, но все-таки всякіе шлемы и латы были еще въ ходу,—особенно у конныхъ воиновъ и воеводъ.

Еще на пути изъ Нижняго въ Ярославль къ рати Пожарскаго присоединялись ополченія изъ разныхъ приволжскихъ городовъ. Ярославль былъ главнымъ сборнымъ мѣстомъ. Здѣсь Пожарскій остановился надолго: онъ, видимо, хотѣлъ дѣйствовать осмотрительно, собрать какъ можно больше ратной силы и казны, чтобы рѣшить дѣло навѣрняка. Задача была теперь ясная:—выгнать враговъ изъ Русской земли и выбрать себѣ всею землею настоящаго русскаго царя. Для того, чтобы выполнить эту задачу, было

мало побѣды надъ врагомъ; надо было еще задушить всякую смуту, криводушіе и шатость среди русскаго люда; во всей землѣ необходимо было установить единодушіе. Съ этой цѣлью разсылались грамоты по разнымъ городамъ, созывались выборные на общій совѣтъ.

— „Вамъ бы,—говорилось въ этихъ грамотахъ,—пожаловать, помня Бога и свою православную христіанскую вѣру, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть не безгосударнымъ, чтобы намъ по совѣту всей земли выбрать сообща государя, кого Богъ милосердый дастъ, чтобы Московское государство вконецъ не

Воевода въ полномъ вооруженіи.

разорилось бы. Сами, господа, вѣдаете, какъ намъ стоять безъ государя противъ общихъ враговъ, польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ... Какъ намъ безъ государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государствами ссылаться?!... И по всемірному совѣту пожаловать бы вамъ прислать къ намъ въ Ярославль изъ всякихъ чиновъ людей, челóвѣка по два, и съ ними совѣтъ свой отписать".

Изъ этой грамоты видно, что вожди намѣрены были не только очистить Москву отъ враговъ, но и внести въ нее верховную власть и правительство, основанное на волѣ всей земли.

Въ то время, какъ русская ратная сила съ каждымъ днемъ все росла и

росла въ Ярославлѣ и готовилась положить конецъ смутѣ, народъ уже велъ ожесточенную борьбу съ врагами. Послѣ смерти Ляпунова земскіе ратники, недовольные казацкимъ управленіемъ, толпами уходили отъ Заруцкаго. Они составляли отдѣльныя шайки, скрывались въ лѣсахъ, оврагахъ, нападали на поляковъ, рыскавшихъ по окрестностямъ столицы, искавшихъ припасовъ. Такихъ

Ратникъ въ куякѣ и шапкѣ мѣдяной.

народныхъ борцовъ называли въ насмѣшку—шишами; но прозвище это скоро стало даже почетнымъ въ глазахъ народа, потому что шиши дѣйствовали честно, своихъ не трогали, не грабили, нападали только на поляковъ, при чемъ выказывали много молодецкой удали и ловкости. Въ эти шайки шли люди всѣхъ званій: дворяне, дѣти боярскія, посадскіе и крестьяне. Скоро житья не стало полякамъ отъ шишей; особенно сильно вредили они врагу тѣмъ, что отбивали у него обозы и мѣшали собирать продовольствіе по деревнямъ. „Бумаги не стало бы,—жалуется одинъ полякъ въ своемъ днев-

никѣ,—если бы начать описывать бѣдствія, какія мы тогда претерпѣли. Нельзя было разводить огня, нельзя было ни на минуту остановиться,—тотчасъ, откуда ни возьмутся,—шиши. Какъ только роща, такъ они и осыпятъ насъ... Шиши отнимали запасы наши и быстро исчезали". И выходило, что, награбивши много, поляки привозили въ столицу очень мало!

Ратники въ тегиляхъ.

Освобожденіе Москвы и избраніе царя.

Три съ половиной мѣсяца пробылъ Пожарскій въ Ярославлѣ. Изъ Троице-Сергіевскаго монастыря уже торопили его, даже укоряли за медленность; но Пожарскій выжидалъ, чтобы собралось побольше рати и утихли распри и споры между начальными людьми о старшинствѣ. Для успокоенія ихъ пришлось Пожарскому прибѣгнуть даже къ помощи духовнаго лица, бывшаго ржевскаго митрополита Кирилла.

Съ тяжелымъ, конечно, чувствомъ приближалось къ Москвѣ русское ополченіе: здѣсь приходилось встрѣтиться съ казаками, которые погубили Ляпунова. Было произведено въ Ярославлѣ покушеніе и на жизнь Пожарскаго тоже казакомъ. Къ счастью, число казаковъ подъ Москвой было уже невелико: Заруцкій часть полчища увелъ съ собой; онъ вмѣстѣ съ Мариной и сыномъ ея Иваномъ пошелъ на юго-востокъ, къ степямъ,—думалъ тамъ навербовать себѣ новыя силы и попробовать посадить на царство этого Ивана.

Число поляковъ въ Кремлѣ тоже сильно убавилось. Многіе изъ нихъ уѣхали самовольно. Гонсѣвскій сдалъ начальство полковнику Струсю и тоже уѣхалъ. Въ то самое время, какъ Пожарскій подходилъ къ Москвѣ, туда же спѣшилъ гетманъ Ходкѣвичъ, чтобы подкрѣпить осажденныхъ и доставить имъ припасы. Пожарскій успѣлъ предупредить его и 18-го августа подошелъ къ Москвѣ. Трубецкой и казаки желали, чтобы ополченіе это стало вмѣстѣ съ ними; но русскіе ратные люди, вспоминая участь Ляпунова, заявили:

— „Отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать!“

Къ вечеру 21-го августа явился подъ Москвой и Ходкѣвичъ. Съ нимъ былъ огромный обозъ припасовъ; онъ намѣревался провезти ихъ въ Кремль. Ходкѣвичъ перешелъ Москву-рѣку и двинулся къ Кремлю съ той стороны, гдѣ стояла рать Пожарскаго (у Арбатскихъ воротъ), такъ что ему первому пришлось выдержать напоръ враговъ. Трубецкой со своими полками стоялъ въ сторонѣ; онъ выказывалъ намѣреніе ударить на поляковъ съ боку; для этого послалъ даже просить у Пожарскаго въ помогу себѣ конницы; тотъ отправилъ ему пятьсотъ отборныхъ воиновъ. 22-го августа поляки напали на русское ополченіе. У Ходкѣвича были лихіе наѣздники-венгры и украинскіе казаки. Ихъ натиски трудно было выдерживать русскому ополченію, въ которомъ было много новобранцевъ. Битва началась съ перваго часа и кипѣла до восьмого. „Былъ бой зѣло крѣпокъ“, говоритъ современникъ,—хватались за руки съ врагами и безъ пощады сѣкли мечами другъ друга. Казаки Трубецкого не двигались, словно имъ все равно было, кто одержитъ верхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, даже издѣвались надъ нижегородцами, приговаривая:

— „Богаты пришли изъ Ярославля и одни могутъ отбиться отъ гетмана!“

Казалось, будто бы Трубецкому хотѣлось, чтобы поляки смяли русское ополченіе: онъ даже не пускалъ въ дѣло и тѣхъ конныхъ сотенъ, которыя прислалъ ему Пожарскій; но онѣ рвались въ бой: невтерпежъ имъ было видѣть, какъ поляки тѣснятъ русскихъ, и они безъ приказа Трубецкого кинулись на враговъ и своимъ примѣромъ увлекли и нѣкоторыхъ казаковъ. Гетманъ былъ отбитъ и отступилъ.

Черезъ день, 24-го августа, на разсвѣтѣ, Ходкѣвичъ снова напалъ на русскихъ, теперь уже съ той стороны, гдѣ стоялъ Трубецкой. Польскій вождь рѣшился во что бы то ни стало прорваться и провезти припасы въ Кремль. Нападеніе было такъ стремительно, что казаки Трубецкого были смяты и принуждены отступить. Поляки уже стояли неподалеку отъ Кремля и заняли одинъ острожекъ (небольшое укрѣпленіе).

Нижегородцы пріуныли. Надо было немедленно выбить поляковъ съ занятаго ими мѣста: иначе они легко могли бы прорваться съ помощью осажден-

ныхъ въ Кремль. Воеводы земскаго ополченія послали въ казацкіе таборы къ Трубецкому просить помощи, чтобы общими силами ударить на поляковъ; но казаки не хотѣли помогать. Тогда Пожарскій послалъ Авраамія Палицына въ станъ Трубецкого. Авраамій всячески убѣждалъ казаковъ, умолялъ ихъ, даже посулилъ имъ раздать всю монастырскую казну, если они пособятъ Пожарскому.

Воевода въ панцырѣ.

Наконецъ, ему удалось убѣдить казаковъ,—они помогли нижегородцамъ; тогда русскіе съ двухъ сторонъ ударили на поляковъ, отбили у нихъ острожекъ и оттѣснили ихъ. Пѣшіе воины засѣли по ямамъ, рвамъ; всюду, гдѣ только можно было, попрятались, чтобы не пропустить въ городъ возовъ съ припасами. Бой былъ во всемъ разгарѣ... Мининъ попросилъ у Пожарскаго нѣсколько сотъ ратниковъ, перешелъ рѣку и стремительно ударилъ на стоявшіе за рѣкой отряды поляковъ; тѣ не выдержали, дрогнули и побѣжали. Ратники, засѣвшіе по рвамъ и ямамъ, увидѣвши, что русскіе гонятъ поляковъ, повыскакали изъ

засады и ринулись на враговъ. Загорѣлась лютая сѣча. Ободренные удачей, бросились въ дѣло и другіе русскіе конные полки. Польское войско было вконецъ разбито. Ходкѣвичу оставалось только съ остатками своихъ полковъ спасаться. Нѣсколько сотъ возовъ съ разными запасами достались побѣдителямъ. Казаки первые кинулись на добычу и разграбили все дочиста.

Воины въ юшманахъ и шишакахъ.

Побѣда надъ поляками сблизила Пожарскаго съ Трубецкимъ. Раньше они никакъ не хотѣли соединиться, а теперь сошлись. Установили одно общее управленіе, стали дѣлать все сообща. Пожарскій былъ нравомъ гораздо уступчивѣе и покладистѣе, чѣмъ Ляпуновъ, и потому могъ поладить съ Трубецкимъ. Всѣ радовались сближенію вождей. Оповѣщено было повсюду, что только тѣ грамоты и приказы имѣютъ законную силу, которые писаны отъ имени обоихъ вождей. Но казаки съ земскими людьми все-таки ужиться никакъ не могли.

Положеніе осажденныхъ въ Кремлѣ было ужасно. Во время боя удалось

прорваться туда одному отряду въ триста человѣкъ, но не на радость осажденнымъ: новые люди только увеличили нужду и голодъ...

Пожарскій предлагалъ полякамъ сдаться; но тѣ съ гордостью отказались: они все еще питали надежду, что самъ король явится къ нимъ на выручку, или гетманъ Ходкѣвичъ, набравшись новыхъ силъ, снова придетъ къ Москвѣ и не дастъ имъ погибнуть голодной смертью. Со дня на день ужаснѣе становилось положеніе ихъ; чрезъ недѣлю голодъ достигъ страшныхъ размѣровъ.

Воинъ въ бахтерцѣ и шеломѣ.

„Въ исторіи нѣтъ подобнаго примѣра, говорится въ современномъ дневникѣ,— писать трудно, что дѣлалось: осажденные переѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей, грызли разваренную кожу съ обуви... Наконецъ, и этого не хватило,— тогда ѣли землю, обгрызали въ бѣшенствѣ себѣ руки, выкапывали трупы изъ земли... Смертность отъ такой пищи страшно увеличилась".

Изъ Китай-города поляки были скоро вытѣснены, но въ Кремлѣ держались еще съ мѣсяцъ,—все ждали, не придетъ ли помощь. Наконецъ, держаться долѣе не было уже никакихъ силъ; стали сначала выпускать изъ Кремля

боярынь и бояръ. Казаки хотѣли было грабить ихъ, но Пожарскій не допустилъ: онъ обошелся съ ними человѣчно,—устроилъ ихъ въ безопасныхъ мѣстахъ. Скоро сдались и поляки. Они просили во время переговоровъ только о томъ, чтобъ ихъ не губили и не отдавали въ казацкія руки... Трудно было Пожарскому сдержать казаковъ, которые грабежъ считали своимъ правомъ. Плѣнныхъ поляковъ разослали по разнымъ городамъ: ни одного изъ нихъ не убили и не ограбили.

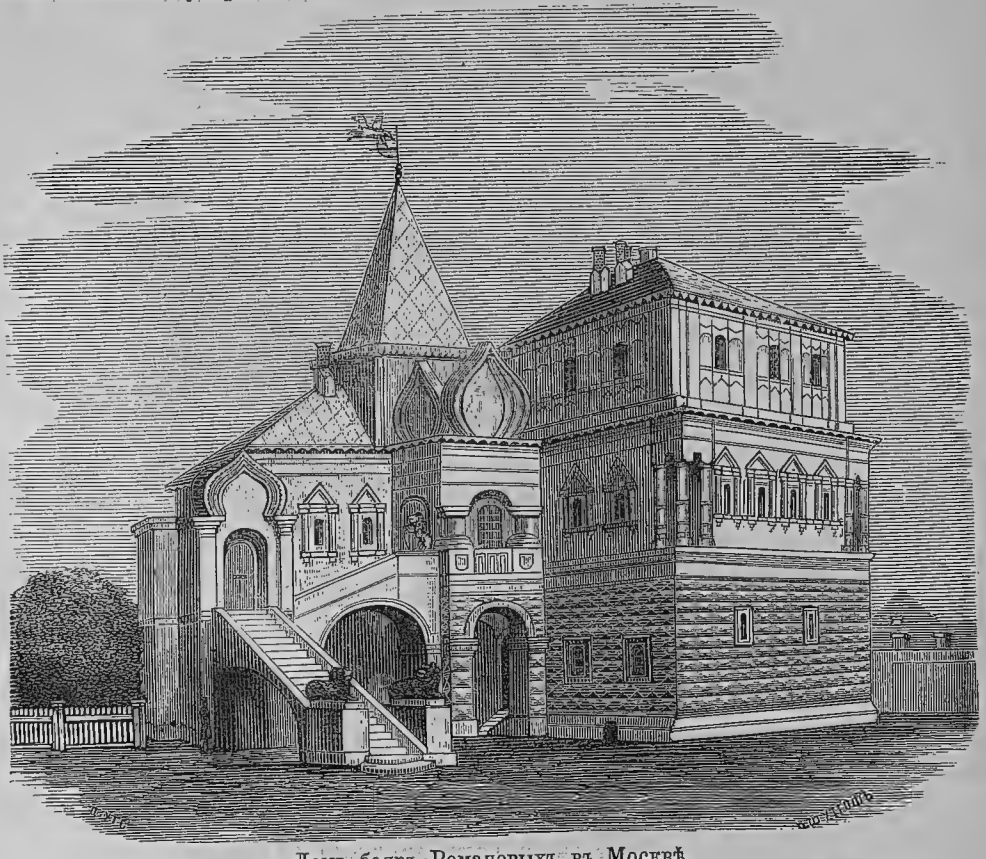
25-го октября отворились всѣ кремлевскія ворота, и русскіе торжественно вступили въ Кремль. Впереди съ крестами и иконами въ рукахъ шло духовенство, во главѣ котораго былъ доблестный Діонисій. Въ Успенскомъ соборѣ отслуженъ былъ торжественно благодарственный молебенъ.

Знамя князя Пожарскаго въ 1612 году.

Въ то время, когда полумертвые отъ голоду кремлевскіе сидѣльцы сдавались, Сигизмундъ, наконецъ, выступилъ въ походъ на Москву съ Владиславомъ... Сначала вѣсть объ этомъ сильно всполошила русскихъ; но тревога оказалась напрасною: король не могъ собрать большого войска, и двинулся съ ничтожными силами, думая, что ему легко будутъ покоряться русскіе города,—и ошибся въ расчетѣ. Послалъ онъ посольство въ Москву—уговаривать московское войско признать Владислава; но это посольство даже и въ Москву не было впущено. На поклонъ къ Сигизмунду или Владиславу никто не являлся. Походъ по безлюдной и разоренной странѣ не представлялъ ничего привлекательнаго: по всѣмъ путямъ бродили ненавистные полякамъ шиши, хватали и убивали польскихъ воиновъ, когда тѣ ходили на поиски за продовольствіемъ. Попытался было король взять Волокъ-Ламскій, да не смогъ... Кончался уже ноябрь и наступала лютая зимняя стужа. Пришлось Сигизмунду вернуться въ Польшу.

Москва была очищена отъ враговъ и стала довольно быстро обстраиваться. Теперь надо было выполнить вторую половину задачи, ради которой поднялась русская сила съ Мининымъ и Пожарскимъ—выбрать своего русскаго царя и положить конецъ всякимъ происканъ поляковъ и шведовъ. Когда Делагарди прислалъ сказать, что королевичъ Филиппъ ѣдетъ уже въ Новгородъ, то въ отвѣтъ на это въ Москвѣ сказали послу:

— „У насъ и на умѣ того нѣтъ, чтобъ намъ взять иноземца на Московское государство!“



Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

По всѣмъ городамъ разосланы были грамоты, чтобы въ Москву немедленно присылали выборныхъ людей, крѣпкихъ и разумныхъ, духовныхъ лицъ, дворянъ, боярскихъ дѣтей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей.

Когда выборные съѣхались, назначенъ былъ трехдневный строжайшій постъ. Служили по церквамъ молебны, чтобы Богъ вразумилъ выборныхъ.

Постановили прежде всего, чтобы отнюдь не выбирать ни иноземца, ни сына Марины. Когда начались выборы, то происходило немало смуты и волненія. Хотя чаще всего слышалось имя юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, но нашлись между боярами честолюбцы, которые сильно домогались получить царскій вѣнецъ, засылали своихъ людей къ выборнымъ, пытались подкупить голоса. Были сторонники у князя Василія Голицына, который въ то время

съ митрополитомъ Филаретомъ былъ въ рукахъ у поляковъ. Нашлись лица, говорившія, что слѣдуетъ возвратить вѣнецъ Василію Ивановичу Шуйскому. Говорили и въ пользу избранія на престолъ старика князя Воротынскаго. Казалось, снова настанутъ неурядицы въ Москвѣ на радость врагамъ; но, къ счастью для Русской земли, пререканія и волненія были только въ средѣ именитыхъ людей, бояръ и сановниковъ; дворяне, служилые люди, народъ и казаки стояли за Михаила Ѳеодоровича. Толпа дворянъ, боярскихъ дѣтей

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

и казацкихъ старшинъ обратилась къ Авраамію Палицыну, который жилъ тогда въ Москвѣ, на Троицкомъ подворьѣ, представили ему челобитную съ множествомъ подписей, и просили его, чтобы онъ предъявилъ ее всему собору, боярамъ и всѣмъ земскимъ людямъ. Въ челобитной говорилось, что всѣ просятъ избрать Михаила Ѳеодоровича. Авраамій передалъ собору эту грамоту. Въ это же время прибылъ посолъ изъ Калуги съ челобитной отъ всѣхъ калужанъ и жителей сѣверскихъ городовъ,—всѣ они желали на царство Михаила.

Романовыхъ особенно любилъ народъ. Анастасія и Никита Романовичъ

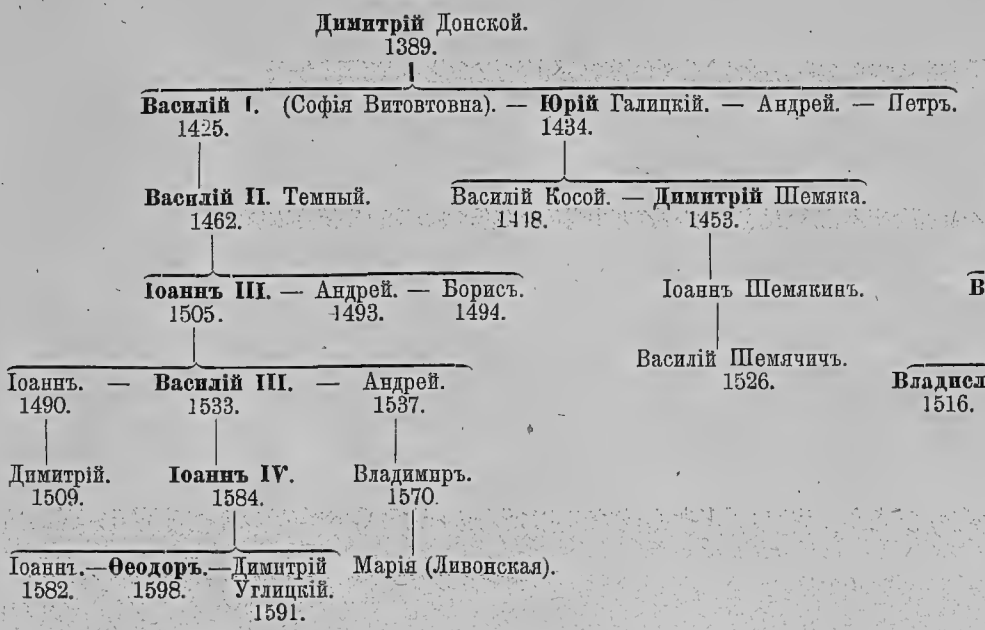
жили въ народной памяти, вошли даже въ пѣсни народныя; притомъ родъ Романовыхъ не былъ запятнанъ въ глазахъ народа никакимъ дурнымъ дѣломъ, вынесъ много горя и напрасныхъ гоненій при Борисѣ Годуновѣ, а главный представитель этого рода въ смутное время, въ пору общей шаткости и малодушія, выказалъ необычайную твердость духа, отстаивалъ непоколебимо выгоды своего отечества, подобно Гермогену. Немудрено, что лишь только рѣчь зашла о выборѣ царя, то большая часть выборныхъ остановилась на юномъ сынѣ Филарета. Не миновать бы, конечно, ему самому престола, если бы онъ не былъ духовнымъ лицомъ.

21-го февраля всѣ выборные собраны были на Красную площадь. Сплошная пестрая толпа наполняла ее. Именитые люди взошли на Лобное мѣсто. Но имъ не довелось и говорить къ народу. Не успѣли они еще произнести и вопроса, какъ раздался громкій крикъ всего собравшагося на площади люда:

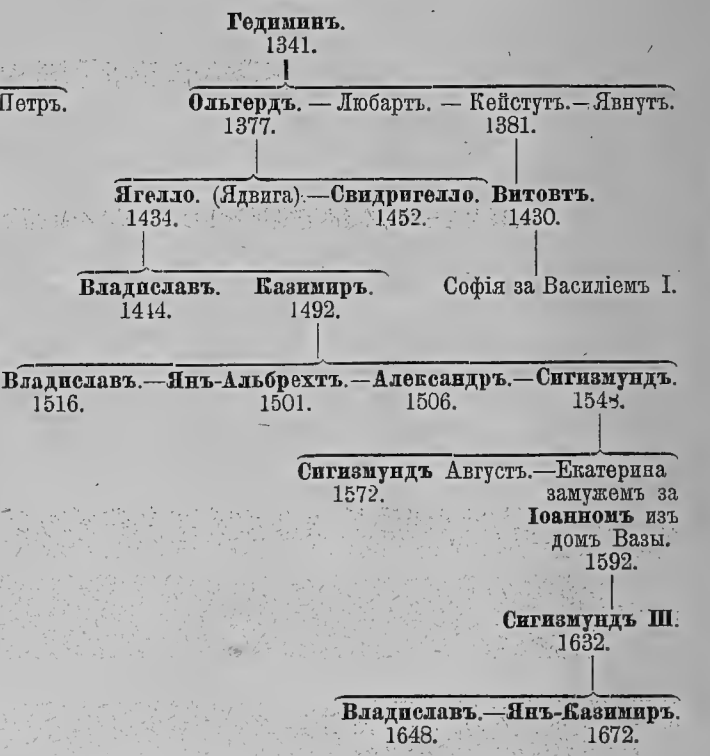
— „Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь-государь Московскому государству и всей Русской державѣ!“

РОДОСЛОВНЫЯ ТАБЛИЦЫ.

ДОМЪ РЮРИКА.



ДОМЪ ГЕДИМИНА.



Примѣчанія къ рисункамъ.

Стр. 7. Видъ Московскаго Кремля (по фотографіи).

Стр. 10. Образъ Владимирской Божіей Матери (съ рисунка въ «Очерк. Русск. исторіи» П. Полевого).

Стр. 45. Видъ Новгородскаго Кремля и Софійскаго собора (по фотографіи).

Стр. 60—62. Соборы въ Московскомъ Кремлѣ (по фотографіи).

Стр. 65. Грановитая палата (по фотографіи).

Стр. 77. Старинная деревянная церковь въ Бородаевѣ, построенная, по преданію, за 500 лѣтъ до нашего времени (изъ книги «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» С. Шевырева).

Стр. 79. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь («Исторія Русск. литер.» П. Полевого).

Стр. 87. Образчикъ изъ Судебника (изъ книги «Законы в. к. Іоанна Васильевича» и пр.).

Стр. 90 и 91. Тронъ велик. кн. Ивана III (изъ слоновой кости), хранится въ Оружейной палатѣ (Древн. Россійск. государства).

Стр. 94. Портретъ в. к. Ивана III (факсимиле старин. гравюры, см. Ровинскаго «Портреты русскихъ государей»).

Стр. 99 - 100. Старинныя церкви во Псковѣ (у Прохорова «Христіанскія древности»).

Стр. 106. Русское посольство и проч., уменьшенное факсимиле съ древней гравюры (см. у Ровинскаго).

Стр. 114. Русскія сани (по Горберштейну) оттуда же.

Стр. 117. Портретъ вел. кн. Василія III, факсимиле старинной гравюры (у Ровинскаго).

Стр. 122. В. к. Василій Ивановичъ (по рисунку Герберштейна).

Стр. 124. Различные образцы наступательнаго оружія (19 изображеній, изъ книги «Историч. опис. одежды и вооруженія россійск. войскъ»).

Стр. 125. Оборонительное оружіе (8 изображеній, оттуда же).

Стр. 126. Воинъ въ тегиляѣ и конскій уборъ (2 рисунка), фиксимиле по рисункамъ Герберштейна.

Стр. 127. Древнее русское оружіе (8 изображеній) по рисунк. Герберштейна.

Стр. 132. Герберштейнъ въ русской шубѣ (по рисунку самого Герберштейна).

Стр. 135. Монеты, 17 изображеній (изъ соч. Шодуара «Обозрѣніе русск. и иностранныхъ въ Россіи денегъ». 1838).

Стр. 163. Стрѣльцы XVI ст. («Истор. од. и вооруж. русск. войскъ»).

Стр. 170. Церковь Покрова (по фотографіи).

Стр. 172. Портретъ царя Ивана IV (факсимиле старинной гравюры) см. у Ровинскаго.

Стр. 174. Печатный дворъ въ Москвѣ («Истор. Русской литерат.» П. Полевого).

Стр. 195. Царь Іоаннъ Грозный (по портрету въ книгѣ Устрялова «Сказаніе кн. Курбскаго»).

Стр. 217—220. Русское посольство къ Германскому императору (4 изображенія), факсимиле, уменьшенное съ древней раскрашенной гравюры (см. у Ровинскаго). Первыя фигуры представляютъ посла и его товарища; далѣе дьякъ несетъ грамоту; потомъ идутъ посольскіе люди и несутъ въ даръ императору соболей. Послѣднее изображеніе представляетъ молитву посольскихъ людей.

Стр. 225. Старинныя хоромы Строгановыхъ (см. книгу «Именитые люди Строгановы»).

Стр. 230. Памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ (въ журн. «Нива») по рисунку съ натуры.

Стр. 235. Грозный царь (по фотографіи со статуи М. Антокольскаго).

Стр. 247. Царь-пушка (по фотографіи).

Стр. 248. Воины-нѣмцы (см. «Ист. опис. одеждъ и вооруж. росс. войскъ»).

Стр. 253. Домъ, гдѣ жилъ царевичъ Димитрій («Картины Россіи» Свиньина).

Стр. 259—260. Русскіе крестьяне и крестьянки (по рисункамъ Олеарія).

Стр. 271. Одежда русскихъ XVI—XVII ст. («Ист. опис. одеждъ и вооруж. русск. войскъ»).

Стр. 272 и 273. Одежда русскихъ XVI—XVII ст. («Опис. стар. царскихъ утварей, одеждъ» и пр. П. Савваитова).

Стр. 274. Торжественная одежда царя и царицы (оттуда же).

Стр. 275. Изображеніе царя Ѳеодора на Царь-пушкѣ («Истор. описан. одеждъ» и пр).

Стр. 276—277. Царскіе кони въ уборахъ (оттуда же).

Стр. 281. Колокольня Ивана Великаго.

Стр. 289. Красная площадь въ Москвѣ.

Стр. 297. Торжественное шествіе царя Димитрія.

Стр. 300—301. Портреты Лжедимитрія и Марины (изъ книги Устрялова «Сказанія иностранныхъ писателей о смутн. вр.»).

Стр. 316. Троице-Сергіевская лавра (по большому литографическ. изображенію).

Стр. 323. Портретъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго (см. «Древности Россійскаго государства»).

Стр. 342. Портретъ архимандрита Діонисія (оттуда же).

Стр. 353. Наступательное оружіе, 11 изображеній («Историч. опис. одеждъ.» и пр.).

Стр. 354. Воевода (оттуда же).

Стр. 355—360. Ратники въ разномъ вооруженіи (оттуда же).

Стр. 361. Знамя кн. Пожарскаго въ 1612 г. (оттуда же).

Стр. 362. Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ (по фотограф.).

Стр. 363. Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ (по фотографіи).

Московская Центральная Публичная Библиотека